

А. Н. НАСОНОВ

ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ
XI—начала XVIII века

Очерки и исследования

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

Книга посвящена истории русского летописания с древнейших времен до первой четверти XVIII в., она подводит итог многолетним изысканиям автора в области летописания. Автор прослеживает возникновение русских летописных сводов, крупных исторических и литературных памятников.

Исследование ведется в органической связи с историей страны и вскрывает реальные основы возникновения новых летописных памятников, сводов, редакций. Новые данные о летописях, содержащиеся в исследовании А. Н. Насонова, заставят во многом по-иному взглянуть на отдельные проблемы истории России в феодальный период.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик Б. А. РЫБАКОВ

От редактора

Арсений Николаевич Насонов принадлежит к числу крупнейших историков России, изучавших феодальный период ее истории. Он очень удачно сочетал скрупулезный источниковедческий анализ с решением больших проблем родной истории.

Арсений Николаевич родился 27 (15 старого стиля) августа 1898 г. Скончался он 23 апреля 1965 г.

В юные годы Арсений Николаевич предполагал посвятить себя архитектуре и учился у Л. В. Руднева (будущего строителя нового здания МГУ), но затем он утвердился в своих исторических интересах и окончил (в 1922 г.) историко-филологический факультет Петроградского университета.

С первых шагов своей научной работы Арсений Николаевич показал себя разносторонним ученым с широким кругом интересов, но главной чертой во всех его исследованиях была глубина самостоятельного источниковедческого анализа. В пору всеобщего увлечения дедуктивными социологическими схемами Арсений Николаевич сохранял верность фактам и строил свои концепции на фундаменте точно выверенных исторических данных. Благодаря этому его работы очень медленно стареют. «Монголы и Русь» (1940 г.), «„Русская земля“ и образование территории Древнерусского государства» (1951 г.) долго еще будут свежи и крайне необходимы специалистам.

Главным трудом жизни Арсения Николаевича было изучение русского летописания. Достаточно сказать, что до А. Н. Насонова науке было известно около 200 рукописей с летописными текстами, а в результате его многолетних изысканий их стало 1000!

Издаваемая сейчас посмертно его работа «История русского летописания XI—начала XVIII в.» является в известной мере итогом работ Арсения Николаевича в этой области и представляет очень большой интерес как серьезное исследование, основанное на многочисленных изданных и неизданных материалах.

Ушедший из жизни в зените своих творческих возможностей, Арсений Николаевич остается в памяти всех, знавших его, образцом неутомимого исследователя, скромность которого соперничала с требовательностью.

Он был настоящим патриотом, умевшим не только с оружием в руках защищать свое отечество (в 1920 г. и в 1942—1945 гг.), но и прививать любовь к родной земле, раскрывая новые страницы ее истории.

Б. А. Рыбаков

Введение

В настоящей книге излагаются результаты труда автора над изучением путей развития русского летописания.

Под изучением развития я понимаю изучение происхождения летописных памятников, т. е. таких вопросов, как: где, когда, в какой среде, для чего памятники составлялись, из каких составных частей они складывались.

Таким образом, изучение путей предполагает не только топографическое определение места возникновения памятника и использованных в нем пособий, но и тех задач, которые представлялись важными непосредственным составителям и тем кругам, организациям и слоям населения, которые влияли в своих интересах на направление летописной работы. Само собою разумеется, что этот сложный процесс не мог не зависеть от общих исторических условий общественного развития.

Исследование я понимаю как устремление к отысканию научной истины, т. е. познание объективного, реального процесса. Обойтись без догадок и предположений нельзя, но всякое исследование будет тем совершеннее, чем меньше в нем догадок и чем больше твердо обоснованных выводов.

Успехи в изучении летописания, в достижении обоснованных выводов в значительной степени определяются качеством метода или, точнее, метода и специально разработанным для изучения, анализа летописей методикой.

В сущности, «летописная методика» была разработана сравнительно недавно и, конечно, должна с развитием советской исторической науки двигаться вперед, совершенствоваться, уточняться.

В 60-х годах прошлого века, когда начался подъем научной жизни в России, появились «Лекции» Н. И. Костомарова¹. С большой проницательностью автор ставил ряд проблем перед историками летописания: о связях русского летописания «с историей русской жизни и русского быта», о практическом значении летописей для официальных органов власти, современных летописцам, о летописях как хранилищах документации, о противоречиях между показаниями летописей и других памятников²; в частности он предполагал, что древнейший летописный свод кончался около 1043 г.

Однако, не владея методикой анализа летописных сводов, Костомаров не мог раскрыть, обосновать эти положения, ограничиваясь частными примерами при обозрении летописного материала, которое занимает большую часть первого выпуска его «Лекций», и, тем более, установить внутреннюю связь между летописями разных периодов.

С весьма несовершенной, описательной по преимуществу методикой, применяя хронологическую группировку материала, подходил к анализу летописей замечательный знаток древнерусской письменности И. И. Срезневский³.

Много сделали для истории летописания М. И. Сухомлинов⁴ и К. Н. Бестужев-Рюмин⁵, главным образом для выяснения источников Повести временных лет. Но и ими не была разработана методика изучения летописей, которая ставила бы изучение многовекового летописания на твердую научную почву.

¹ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, часть первая. Источники русской истории. СПб., 1861.

² Там же, стр. 21, 22, 32.

³ И. И. Срезневский. Статьи о древних русских летописях (1853—1866). СПб., 1903.

⁴ См. М. И. Сухомлинов. О древней русской летописи как памятнике литературном. — «Ученые записки второго отделения имп. Академии наук», кн. III. СПб., 1856; он же. О преданиях в древней русской летописи. — (журн. «Основа», 1861, № 6). Переизданы в Сб. ОРЯС АН, т. 85. СПб., 1908.

⁵ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

Методика изучения русских летописей была впервые разработана великим русским ученым А. А. Шахматовым. Ее применение (совокупность научно-технических средств) позволяло в значительной мере устранять субъективность, произвольность в выводах. Само собою разумеется, что правильность выводов требует и правильного понимания исторического процесса.

Многочисленные капитальные работы А. А. Шахматова охватили основную массу летописных сводов⁶. В этом смысле пути развития русского летописания были в значительной мере им вскрыты или намечены.

Непосредственный ученик Шахматова и последователь, талантливый историк и источниковед проф. М. Д. Приселков составил курс «Истории летописания», основываясь главным образом на трудах Шахматова и частью — на собственных разысканиях. Этот курс был издан под заголовком «История русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940).

В последующее время определеннее обозначилось как бы разделение труда в изучении летописания. Так, литературоведы изучали летописи как жанр, изменяющийся и развивающийся, интересовались (преимущественно, но не исключительно) стилем, сюжетом, отчасти — политическими и историческими идеями; в 1947 г. вышла в свет замечательная книга Д. С. Лихачева «Русские летописи»⁷.

Для изучения и издания летописей много сделано акад. М. Н. Тихомировым, написавшим не только ряд специальных работ, но и общий очерк развития древнерусской исторической мысли — большой раздел в «Очерках истории исторической науки в СССР», в котором дан и общий взгляд на историю летописания в России⁸. Его любовь к летописанию основана на глубоком понимании значения гуманитарных знаний для культурного строительства страны, для культурного роста народа.

⁶ Список трудов А. А. Шахматова (полный, не выборочный) см. ИОРЯС, т. XXV. Пг., 1922, стр. 7—19.

⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.

⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, гл. II.

Древнерусская летопись не только показатель высоты древнерусской культуры, но и важнейший источник для познания прошлого, особенно тех периодов, от которых в силу ряда неблагоприятных условий (татарские нашествия, иностранная интервенция начала XVII в. и т. п.) источников иного рода сохранилось очень мало.

Громадный летописный материал остается еще в значительной мере неизученным. Впереди предстоит большая исследовательская работа.

Настоящая книга содержит очерки и исследования, охватывающие период с XI до начала XVIII в., задача которых лишь в некоторой мере продвинуть вперед науку о русском летописании.

Автор останавливается или на тех вопросах, о которых в научной литературе существуют противоречивые суждения, или которые мало или совсем не разработаны. Он не преследует, таким образом, цель дать общую историю летописания. Но предлагаемые очерки и исследования объединены общей темой, определяемой по предмету изучения, общей методикой, применяемой автором, и общим взглядом его на развитие русского летописания с древнейшей поры.

В книге подведены итоги работ последних 8—10 лет автора по летописанию. Таким образом, работы более ранних лет (о летописании Твери, Пскова) не вошли в монографию. Работы последних лет были частью напечатаны в «Проблемах источниковедения». Этим исследованиям предшествовало систематическое обследование хранилищ Москвы и частично Ленинграда в поисках памятников, содержащих новые летописные тексты. В результате обследования и предварительного определения памятников был получен летописный материал начиная с конца XV и до начала XVIII в., не входивший ранее в научный оборот.

I глава касается начального периода киевского летописания. Сделана попытка внести ясность в некоторые спорные вопросы и рассмотреть ход летописания в связи с окружающими общественными условиями — формированием Древнерусского государства.

Глава II посвящена взаимоотношению летописания Киева, Чернигова и Переяславля-Русского, т. е. летописания трех «областей», выделившихся из состава древней «Русской земли».

В III главе сделана попытка разрешить ряд малоисследованных вопросов летописания Ростово-Суздальской земли XII в., колыбели будущего Московского государства.

Непосредственно связана с ней глава IV, в которой подвергнуто анализу ростовско-vlадимирское летописание XIII в., рассматривается в ней и вопрос о происхождении Лаврентьевской летописи и о нижегородском летописании XIV в.

Глава V содержит наблюдения и замечания автора, относящиеся к Хлебниковскому и Ипатьевскому спискам Ипатьевской летописи, точнее — к галицко-волынскому летописанию XIII в., сохранившемуся в этой летописи.

Глава VI трактует вопрос о московских общерусских сводах 50—70-х годов XV в., причем прослеживается существование двух перекрещивающихся общерусских летописных традиций.

В главе VII дана реконструкция киевского источника общерусских сводов XV в.

В главе VIII рассматриваются, в связи с внутриклассовыми противоречиями, тексты, восходящие к митрополичьему общерусскому своду последней четверти XV в.

В главе IX выясняется происхождение основной части Ермолинской летописи; затрагивается вопрос о «Сокращенном» летописце и об Устюжской летописи.

В главе X анализируется цепь малоизученных (частью недавно открытых) летописных сводов, охватывающих период с конца XV до середины XVI в., связанных между собою, и их отношение к Троице-Сергиеву монастырю и к митрополичьей кафедре.

Глава XI посвящена исследованию так называемой Костромской летописи и тому хронографическо-летописному памятнику, к которому она восходит.

В XII главе рассмотрены летописи XVII и начала XVIII в., которые можно считать летописями официального направления. Данными о летописании такого рода, сохранившимися от времен Петра, глава заканчивается.

Общие итоги подведены в заключительном разделе⁹.

⁹ Этот раздел А. Н. Насонов закончить не успел. — *Прим. ред.*

Глава первая

В этой главе я намерен предложить читателю несколько историографических замечаний. Я имею в виду тем самым отметить некоторые итоги изучения древнейшей поры киевского летописания и некоторые основные проблемы, которые стоят перед историками, изучающими этот период. Вместе с тем задачей главы является стремление показать, что дают для обоснования и понимания начальных этапов киевского летописания новые данные (последних десятилетий) по истории образования и развития, оформления и укрепления Древнерусского государства. Законность такой темы вытекает из характера самого изучаемого предмета. Летописные своды, на мой взгляд, представляют следующее существенное отличие от других видов изображения исторической действительности. И устные, и письменные виды изображения исторической действительности, предшествовавшие летописным сводам, воспроизводили не историю государства или народа, а деятельность отдельных героев, представителей какого-либо знатного рода, или же — отдельные события, жизнь отдельных лиц. Эти виды воспроизведения истории не только предшествовали, но и сопутствовали летописанию.

Появление летописных сводов означало появление таких письменных исторических произведений, которые содержали опыт средневекового построения истории государства, народа или народов, опыт построения и истолко-

вания исторического процесса, как его понимали современники. Ясно, что возникновение и развитие летописания обуславливалось в значительной мере образованием и развитием, оформлением и укреплением Древнерусского государства. Реальный ход развития Древнерусского государства не мог не отразиться на русском летописании.

В основе изучения начальных этапов киевского летописания лежит признание открытого А. А. Шахматовым Начального свода конца XI в., как свода, предшествовавшего Повести временных лет, для восстановления которого исключительное значение имеет текст Новгородской I летописи младшего извода. Это положение, обоснованное А. А. Шахматовым на систематическом изучении громадного материала, прочно вошло в науку. Одно из важнейших наблюдений сводится к следующему: хотя в Начальном своде составитель Новгородской I летописи сократил ряд известий, однако в Повести временных лет есть разнообразные позднейшие вставки, которых не было в Начальном своде и нет в Новгородской I летописи, причем в Повести временных лет эти вставки явно разрывают первоначальный текст. К таким более поздним вставкам принадлежат разбросанные в Повести временных лет и совершенно отсутствующие в Новгородской I летописи тексты, содержащие договоры с греками; равным образом ряд заимствований из Георгия Амартола и его продолжателя, а также вкрапленные в разные места извлечения из так называемого «Сказания о преложении книг на словенский язык»¹. Эти разночтения

¹ А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись. — ИОРЯС, т. XIII, кн. 1. СПб., 1908; он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — ЛЗАК, вып. XX (далее — А. А. Шахматов. Разыскания). СПб. 1908; он же. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. — ЛЗАК, вып. XXIX (далее — А. А. Шахматов. Повесть). Пг., 1916; он же. Киевский начальный свод 1095 года. — Сб. «Академик А. А. Шахматов». М.—Л., 1947; он же. О начальном киевском своде. — ЧОИДР, 1897, кн. 3.

по самому характеру своему невозможно объяснять сокращениями.

Весьма важно также, что текст Новгородской I летописи младшего извода содержит известия (в повествовании и о древнейших событиях), которых нет в Повести временных лет, и имеет ряд явно более древних чтений по сравнению с Повестью временных лет.

Дошло до нас и предисловие к Начальному своду в составе Новгородской I летописи младшего извода (оно имеется также и в Троицком списке этой летописи, и в Новгородской IV летописи, и некоторых других). Содержание предисловия при сравнении его с разновременными слоями Повести временных лет и с памятниками Киево-Печерского монастыря раскрывает общественно-политические воззрения и настроения составителя Начального свода, не совсем соответствовавшие умунастроению составителей Повести временных лет разных редакций. Время составления в Киево-Печерском монастыре Начального свода, согласно конкретно-историческим данным, определяется второй половиной 90-х годов XI столетия.

Сопоставление показаний источников привело А. А. Шахматова к весьма вероятному предположению, что первый этап летописной работы в Печерском монастыре связан с деятельностью игумена Никона в начале 70-х годов XI в. Это мнение обычно не встречает возражений.

Путем тщательного изучения древнерусских литературных памятников XI в. и всех летописных сводов, сохранивших в своем составе в том или ином виде летописные тексты XI в., А. А. Шахматов сделал попытку восстановить Древнейший киевский летописный свод (в редакции 70-х годов), который, согласно его исследованиям, кончался 1039 г. (и имел приписку 1043 г.). Реконструированный текст свода 1039 г. начинается с рассказа о Кие, Щеке и Хориве, построивших «град» Киев, и содержит светскую и церковную историю «Русской земли».

После смерти А. А. Шахматова В. М. Истриным и С. А. Бугославским были предприняты все же попытки искусственно истолковать отсутствие в Новгородской I летописи разнообразных вставок, взятых составителем Повести временных лет из одних и тех же источников,

сокращением при составлении Новгородской I летописи младшего извода².

Однако аргументация главного шахматовского положения осталась непоколебленной. Можно считать убедительными некоторые частные указания критиков: нет необходимости рассматривать как позднейшие вставки в текст Повести временных лет рассказы об отроке и печенегах под 968 г. и о трех первых местах княгини Ольги. Но это как раз те места, которые имеются и в Новгородской I летописи, и главное положение А. А. Шахматова остается в силе. Ссылка В. М. Истрина на Летописец Переяславля-Суздальского, где договоры с греками сокращены, не может служить доводом, так как в Летописце Переяславля-Суздальского упоминания о договорах все же сохранились, а в Новгородской I летописи их нет совсем. А авторитетные разъяснения В. М. Истрина о заимствованиях из Амартола свидетельствуют о том, что составитель летописного текста, вошедшего в начальную часть Новгородской I летописи, и составитель Повести временных лет пользовались в данном случае разными источниками: в Новгородской I летописи нет заимствований непосредственно из Амартола и вместе с тем есть хронографический рассказ о походе Игоря в Царьград в более древней редакции по сравнению с той, которой пользовался составитель Повести временных лет.

С. А. Бугославский предположил, что начальная часть Новгородской I летописи восходит к Повести временных лет, а не наоборот. Но разнообразные аргументы А. А. Шахматова остались им не рассмотренными, а чисто формальное сравнение ряда известий Новгородской I летописи с известиями Повести временных лет, сделанное в табличке, не может дать положительных результатов, так как материал, выбранный им, носит случайный характер, а сравнительного анализа содержания текстов не было произведено. Некоторые наблюдения над списками, сделанные С. А. Бугославским в той же статье, представляют интерес.

² В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. XXVI. Пг., 1923; т. XXVII. Пг., 1924; С. А. Бугославский. Повесть временных лет. (Списки, редакции, первоначальный текст). — «Старинная русская повесть». М.—Л., 1941.

В 1930 г. вышла в свет книга акад. Н. К. Никольского «Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры». Выдающийся знаток древнерусской книжности Н. К. Никольский посвятил свой труд выяснению истоков древнерусской культуры. Работа не может не вызывать и поныне интереса, поскольку автор собрал в ней материал, относящийся к мораво-паннонскому литературному и фольклорному наследию. Он показал, что немало сведений, включенных в летопись, пришло (или, во всяком случае, тем или иным путем могло прийти) на Русь со славянского Запада³, однако эти данные не дают нам основания умалять значение византийско-болгарского влияния на киевскую литературу⁴.

Иной вопрос — когда и как сведения эти проникли в летопись. Решение такого вопроса может быть только результатом текстологического исследования, и правильность этого решения зависит от того, насколько правильна текстологическая методика, которой пользуется автор.

Как ни привлекательны те идеи и то литературное построение, которое Н. К. Никольский приписывает древнейшему русскому летописцу, творцу древнейшего ядра Повести временных лет, научная совесть не позволяет согласиться с тем, что такая «стройная историографическая доктрина» лежала в основе древнейшего ядра русской летописи и что, согласно этой доктрине, некогда поляне (Русь) вместе с мораванами, чехами и ляхами составляли «одну семью или союз», что в основу древнейшего ядра летописи была положена якобы существовавшая Повесть о поляно-Руси.

Мне представляется, что только при сочетании и взаимопроникновении двух сторон анализа памятника — «фор-

³ «Таковы были сведения, — писал Г. А. Ильинский, — о деятельности апостола Павла в Иллирике, о дунайской прародине славян, о том, что «норици суть словѣне», о первенствующей роли мораван, т. е. как раз те сообщения, анализу которых посвящены наиболее блестящие страницы трактата акад. Никольского» — «Byzantinoslavica», гошник II, v Praze, 1930, p. 434—435.

⁴ В докладе на IV Международном съезде славистов на тему «Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы» Н. К. Гудзий очертил видимые пределы западнославянского влияния на древнерусскую литературу.

мальной» и «идеологической» (конечно, когда это позволяет наличный материал) мы пойдем по правильному пути, и «формальная» сторона текстологического исследования перестанет быть формальной, а «идеологический» анализ не будет субъективен, произволен и в сочетании с «формальной» стороной исследования приведет (при правильном применении других методических приемов) к точному, по возможности, выводу, к чему должна всегда стремиться научная мысль.

Между тем Н. К. Никольский, в сущности, ограничивается в основном «идеологическим» анализом. Вот как он сам формулирует свое расхождение с А. А. Шахматовым: «Настоящая монография, не повторяя текстуального анализа летописей, опирается главным образом на наблюдения над литературно-идеологической основой легендарных сказаний, мало освещенных А. А. Шахматовым»⁵.

И действительно, он мало привлекает иной, по сравнению с Лаврентьевской летописью, летописный материал и считает даже возможным не привлекать для своего труда «начальную часть I Новгородской летописи (до 1015 г.), сохранившуюся в младших списках ее»⁶. Он оставляет в стороне показания таких памятников, как «Память и похвала князю Владимиру», «Чтение» Нестора; едва касается таких памятников, как проложные сказания, «Слово о законе и благодати». Сравнительный, текстуальный анализ редакций, действительно, его мало интересует. Его построение покоится главным образом на наблюдениях «литературно-идеологического» характера. Его интересуют течения про-славянские и про-греческие. В основу своей реконструкции он кладет группировку материала по принципу тематическому и идеологическому. Он искал остатки древнейшего ядра Повести временных лет, исходя из текста так называемого «Сказания о преложении книг на словенский язык», но не всегда считался с тем, что текст источника комментировался составителем Повести временных лет: так,

⁵ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. — «Сборник по русскому языку и словесности», т. II, вып. 1. Л., 1930, стр. 3 (далее — Н. К. Никольский. Повесть временных лет).

⁶ Там же, стр. 4.

слова «еже нынѣ зовомая Русь», относящиеся к слову «поляне», текстологи (А. А. Шахматов, Г. А. Ильинский) правильно объясняли как комментарий летописца, принявшего западных «полян» за русских. Примеры противоречий, возникших в результате комментирования древнейшего текста, будут мной указаны ниже. Отметим только, что, вопреки Н. К. Никольскому и в согласии с исторической действительностью, Древнейший свод не считал древних полян христианами.

Исследования последних десятилетий о русском летописании продвинули наши знания, наши представления о древнейшей поре русского летописания.

Разными путями приходили к мысли, что эпоха Ярослава Мудрого составила важнейшую веху в развитии исторической литературы — и, в сущности, это согласовалось с основными текстологическими наблюдениями А. А. Шахматова о древнейшей поре русского летописания, хотя предлагались разные варианты возникновения Древнейшего киевского летописного свода.

Д. С. Лихачев полагал, что подъем национального самосознания времени Ярослава Мудрого имел громадное значение для истории летописания⁷.

Еще И. Н. Жданов⁸ и А. А. Шахматов⁹ указывали на черты сходства между летописью и «Словом о законе и благодати» Илариона. Д. С. Лихачев в книге «Русские летописи» развил мысль об идейной и стилистической близости между летописью и «Словом о законе и благодати». Эту близость он доказал с помощью множества примеров.

Действительно, и в летописи, и в «Слове о законе и благодати» подчеркивается свободное, а не насильственно навязанное принятие христианства Русью. Владимир, по летописи, «сам познал бога»¹⁰. Основы христианского вероучения он узнал от греков; но принял христианство по свободному выбору. По «Слову о законе и благодати»,

⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.—Л., 1947, стр. 58.

⁸ И. Н. Жданов. «Слово о законе и благодати» и почвала кагану Владимиру. — «Сочинения И. Н. Жданова», т. I. СПб., 1904, стр. 46.

⁹ А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 417—418.

¹⁰ «Володимиръ же радъ бысть, яко позна самъ бога и людие его» (Акад. сп. Новг. I лет. под 6496 г.; Лавр. лет.).

хотя «благовѣрная земля Греческая», откуда принял крещение Владимир, служила примером, он делает выбор, познает истинного бога, «от благаго смысла и остроумиа разумѣвъ», и обращается от «идольскаго лъсти» к истинной вере «посѣщениемъ вышняго»: «въсиа разумъ въ сердци его». По летописи, в стране, где не было апостольской проповеди, люди — «невѣгласи» — обратились к христианству, стали «новии». В «Слове о законе и благодати» проводится идея избранного богом и обращенного к вере народа, когда «благодать» «по всей земли распростресея», причем автор выдвигает вселенский, универсальный характер христианства, Нового завета, по сравнению с национальной ограниченностью Ветхого завета, «закона». Стремление к прославлению тех русских, которые достойны канонизации, проходит через всю древнюю русскую летопись, как часть до начала XI в., так и последующую часть до 1037 г. включительно. Мы не будем сейчас останавливаться на том, как представлялся Д. С. Лихачеву процесс сложения древнейшего летописного свода.

С прославлением Владимира и Ярослава в летописи и в «Слове о законе и благодати», где находим мысль о великом назначении русского народа («лъпо бо бѣ благодати и истинѣ на новыя люди въсияти»), нельзя не сопоставить факт поставления в митрополиты не грека, а «русина» (Илариона), что, конечно, не было подсказано политической Царьграда. Новейший исследователь «Слова о законе и благодати» высококвалифицированный филолог Лудолф Мюллер, который потратил немало усилий, чтобы убедить читателя, что на Руси не было стремления к церковной автокефалии, все же должен был признать, что избрание митрополитом «русина», а не грека поднимало престиж и значение Киевского государства и народа, к чему, согласно источникам, стремились тогда на Руси¹¹.

Работая над социально-политическими проблемами, связанными с процессами сложения Древнерусского государства, я был поражен тем, насколько совпадают этапы этого процесса с главнейшими этапами древнерусского летописания, для выяснения которых так много сделал А. А. Шахматов. И с этой точки зрения становится понят-

¹¹ См. L. Müller. Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 8.

ным, почему эпоха Ярослава составляла веку в истории летописания¹².

В последние десятилетия был выдвинут еще один важный, на наш взгляд, вопрос: о роли Десятинной церкви в истории древнейшего русского летописания. Л. В. Черепнин полагал даже, что существовал свод, созданный в связи с выдачей Киевской церкви грамоты о десятине, допуская, что к составлению его мог быть причастен Анастас Корсунянин, и ссылаясь также на данные «Памяти и похвалы мниха Иакова»¹³. О возможной роли Десятинной церкви в летописании писал и акад. Б. А. Рыбаков¹⁴.

Гипотеза о «своде» 996 г. осталась высказанной, но малообоснованной. Но, без сомнения, назревший вопрос о роли Десятинной церкви в истории летописания требует пересмотра.

Наконец, акад. М. Н. Тихомиров поставил вопрос о том, когда были записаны некоторые сказания, вошедшие в начальную часть летописи. М. Н. Тихомиров правильно заметил, что «русскую историографию как начального периода, так и более позднего времени нельзя отождествлять с летописными сводами, которые сами основывались на ряде источников разнообразного характера»¹⁵. Из этого следует, что нельзя полагать, вслед за Н. К. Никольским и другими, что Древнейший киевский летописный свод должен был отличаться цельностью и единством и не состоял из разнородного материала. «Летописные своды, — писал М. Н. Тихомиров, — были не начальной, а заключительной стадией исторических обобщений, которым предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания»¹⁶. М. Н. Тихомирова интересует, когда были записаны два сказания долетописного происхождения (и внецерковного): Сказание о начале Руси, под которым

¹² А. Н. Насонов. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием Древнерусского государства. — «Проблемы источниковедения», вып. VII. М., 1959.

¹³ Л. В. Черепнин. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 332—333.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 173—191.

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии — «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 41.

¹⁶ Там же.

он понимает рассказ о Кие и его братьях, и Сказание о русских князьях X в., начинавшееся, по его мнению, с повествования об убиении Игоря и кончавшееся известием о вокняжении Владимира в Киеве 11 июня 978 г. О первом он полагает, что оно могло быть записано около 1043 г., хотя «нельзя настаивать, что не было более раннего текста первой половины XI в.» О втором сказании он думает, что оно было записано между исходом X в. и 1007 г. Статья М. Н. Тихомирова носит характер предварительного сообщения. «Более подробное изложение своих взглядов, — писал он, — автор этой статьи предполагает сделать в особой монографии»¹⁷. Надо приветствовать монографическое изучение такой темы.

Если со времени И. И. Срезневского текст названных сказаний, их форма не определены и не установлено время, когда они были записаны, то лишь потому, что мы не имеем этих сказаний в отдельном виде, т. е. не имеем их текста, параллельного летописному, который можно было бы возводить к внелетописным предкам. Решение темы, таким образом, затруднено и требует сложной методики. Думается, что и А. А. Шахматов поэтому не решал этой задачи по отношению к «народным преданиям», как он называл подобные сказания¹⁸. В одной из ранних своих статей он пытался привлечь Устюжский свод к восстановлению древнейшего текста летописи (Архангелогородский летописец), полагая, что «летописные статьи Начального свода переданы в Архангелогородском летописце в более древней и полной (оставляя в стороне встречающиеся при этом сокращения) редакции, чем та, которая отразилась в Новгородской I летописи». «Вот почему, — писал он тогда, — Архангелогородский летописец представляется весьма важным источником при исследовании нашего летописания»¹⁹. Однако в ходе дальнейших разысканий он, по-видимому, пришел к мысли, что источник этот (Устюжский свод) слишком поздний, чтобы можно было использовать его для решения поставленной задачи, и в последующих трудах он к нему почти не прибегал.

¹⁷ Там же, стр. 49—56.

¹⁸ А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 477.

¹⁹ А. А. Шахматов. О Начальном киевском летописном своде. — ЧОИДР, 1897, кн. 3, стр. 52—57.

Поскольку в новейшей литературе выдвинут вопрос о роли Десятинной церкви в древнерусской «историографии», нам следует обратиться к указаниям на древнейшие истоки русской «историографии». Я говорю не об источниках Древнейшего киевского свода вообще, а об истоках древнерусского летописания. Я разумею истоки древнерусской исторической письменности, предшествующие составлению Древнейшего киевского свода, причем те истоки, установить которые в моих силах, в пределах моей компетенции. Говоря конкретнее, я ограничусь показаниями, которые дают древнейшие исторические памятники письменности, сохранившиеся не только в летописях, но и помимо летописи, и которые содержат признаки, показывающие, что они восходят к архетипам, предшествовавшим составлению Древнейшего киевского свода, но вошедшим в состав этого свода.

А. А. Шахматов с удивительным искусством выделил из состава летописи народный источник, народное предание об Ольге, с помощью которого в дошедших до нас летописях обработан древний письменный памятник об Ольге с иными оценками, церковного происхождения, явно выдвигавший «просветительную», руководящую роль греков, Царьграда. Этот вывод получил полную убедительность потому, что сохранились два других памятника об Ольге. А. А. Шахматов считал, что к долетописной житийной повести об Ольге восходит русское проложное житие (в Типогр. прологе XIV в., № 368). Н. И. Серебрянский указывал на юго-славянскую проложную редакцию (Румянц. музея № 319, XIII — начало XIV в.), содержащую следы долетописного жития Ольги²⁰.

Согласно русскому прологу, прах Ольги был перенесен в Десятинную церковь по распоряжению Владимира; как видно из летописного известия под 1007 г., туда были перенесены останки не только Ольги. По летописи, в части, почерпнутой из народных преданий, первоначально ее похоронили «на мѣстѣ». Термин «мѣсто» встречаем в летописном народном предании о Кие («живяху кождо съ ро-

²⁰ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. — ЧОИДР, кн. 3. М., 1915, стр. 4—5 и 105.

домъ своимъ на своихъ мѣстехъ и странахъ...» и т. д.) и в летописном предании об Олеге Святославиче («и погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего») под 977 г.²¹

Естественно допустить, что первоначально житие Ольги писалось после перенесения ее тела в Десятинную церковь, а в дальнейшем могло редактироваться при церкви св. Софии, заложенной при Ярославе²².

Сами по себе приведенные данные недостаточны для утверждения древнейшей исторической письменности при Десятинной церкви.

Значительно более интересен и со стороны текстологической, и со стороны практической, источниковедческой другой памятник, изучение которого тоже приводит к истокам летописания. Сравнительное изучение летописного сказания об убитых варягах-христианах под 983 г. и проложного сказания о них приводит к выводу о существовании долетописного сказания. Шахматов показал, что проложное сказание не восходит к летописному потому, что в летописи нет даты (12 июля), которая имеется в прологах, и нет имени варяга-сына, помянутого в прологах²³.

Наблюдения Шахматова можно было бы продолжить.

В проложном сказании из харатейного точно датированного сборника (сборник закончен 24 сентября 6914 года мартовского, т. е. 1406 г.) бывшей библиотеки московского Успенского собора (№ 3) читаем: «Володимеръ великий и еще поганъ сы победи ятвягы и приде Киевоу и творяше жертвы коумиромъ с бояры о побѣдѣ. И реша старьци...» и т. д. Мы видим, что в прологе указано то, чего нет в летописях: по какому случаю приносились тогда жертвы «коумиромъ». В прологе ясно сказано «о побѣдѣ», т. е. по случаю удачного похода²⁴. В летописи связь

²¹ Ср. под 1037 г.: «...ставляше по градомъ и по мѣстомъ» (Лавр. лет.).

²² На основании сообщений Дитмара и русских летописей А. Поппэ заключает, что до постройки заложенного после 1036 г. Ярославом Мудрым каменного митрополичьего собора Софии существовал деревянный собор Софии, сожженный в 1017 г. и восстановленный до августа 1018 г. (см. А. Poppe. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi. — «Przegląd historyczny», t. LV, s. 3, 1964). Указаний о постройке Софии при Владимире источники не дают.

²³ А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 145—146.

²⁴ ГИМ, Усп. № 3, л. 185. В списке СПб. Дух. Акад. А-1/264, т. 2, хранящемся в ГПБ: «по побѣдѣ», т. е. тоже жертвоприношение связано с победой.

между победоносным походом и жертвоприношениями только подразумевается, она неясна, и Шахматов в реконструкции отрывал сказание о варягах от известия о походе, в чем, конечно, нужды нет.

Далее в прологе (в сказании) нет литературной вставки-рассуждения, которое есть в летописи — плод обработки материала составителем Древнейшего киевского свода. На вставку указывают и некоторые формальные признаки, и содержание рассуждения, т. е. идейный анализ, почему мы считаем, что в данном случае правильное полагать, что здесь не в прологе сокращено, а в летописном своде добавлено, хотя вообще в прологе возможны сокращения: возможно, выпущено, что толпа обошла двор «около его, онъ же стояше на сѣнхъ съ сыномъ своимъ» (Акад. сп. Новг. I летописи; ниже «сѣни» упоминаются и в прологе). Дело в том, что в летописи единственное значительное отступление от довольно фактологического рассказа находим в конце: это богословско-философское рассуждение от слов «И бяху бо тогда челоувѣци невѣгласи...» до слов «...якоже попраста и». Это рассуждение начинается после слов «и тако побиха я»; после этих последних слов мы бы ожидали фразу, которой кончается сказание, о том, что оба они приняли «вѣнецъ небесный съ святыми мученикы и с праведникы» (Новг. I летопись). В прологе так примерно и читаем: после слов «И тоу оусѣчена быста» следует: «исповѣдающися христиана и приеста вѣчноую жизнь за святоую вѣроу моучена» (л. 185 об.). А философско-богословского рассуждения в прологах нет.

По содержанию своему это рассуждение принадлежит к цепи высказываний, характерных и для других мест летописи (отчасти и для «Слова о законе и благодати»): идея о том, что в стране, где не было апостольской проповеди, «невѣгласи» обратились к истинному богу. Оно, как видно, привнесено в данном случае летописцем и относится к идейным течениям времени Ярослава Мудрого.

Проложный рассказ сказания или, точнее, протограф проложного сказания и летописного весьма архаичен. Наряду с князем и его «людьми» выступают «бояре» и «старци» — как пережиток тех далеких времен, когда «живяху кождо с родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ». Эти «старци» еще пользуются значительным влиянием среди «народа», или «киян» — местного общинного (?)

населения. Судя по сказанию, «старцы» имели отношение к делам (возглавляли?) языческого культа, жертвоприношений.

Так как под 6495 г. наряду с термином «старцы» в летописи употребляется термин «старцы градския» (см. Новг. I лет.), а под 6505 г. — «стареишины градъския» (см. Лавр. лет.), было высказано предположение, приведенное В. Строевым, что «старцы градские» — это «*πρεσβύτεροι τῆς πόλεως*», с которыми совещался Соломон; выше в тексте Владимир сравнивается с Соломоном²⁵. Быть может, прибавление «градские» навеяно литературными воспоминаниями. Но без сомнения «старцы» киевских городов — вполне реальный и характерный институт общественного быта, вскоре исчезнувший в Поднепровье как пережиток древности: знать и старцы («*primates natuque maiores*») выступают в качестве руководящей силы в городах Поморья, наряду с князем, в первой половине XII в. (балтийские славяне отставали в своем развитии от славян Среднего Поднепровья); о них не раз читаем в довольно подробных описаниях путешествий Оттона Бамбергского²⁶.

Сказание о варягах — это предание, связанное с Десятинной церковью: ее построили, согласно легенде, на крови мучеников; об этом передавали в XI в. И в Новгородской I летописи, и в Повести временных лет читаем: «И бѣяшесть Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, иде же есть церкви святы Богородица, юже созда Володимиръ» (Акад. сп. Новг. I лет.). Так как сказание явно церковного происхождения, то правильно заключали, что легенда «имела хождение среди клирошан этой церкви»²⁷. Таким образом, вероятно, что первая запись была сделана при этой церкви. Руководящую роль среди ее клирошан играли греки («епископы корсуньския пристави служити в ней»); строилась она мастерами «из Грекъ» и снабжена корсунской утварью, и организация ее быта была построена, по-видимому, по греческому образцу,

²⁵ В. Н. Строев. По вопросу о «старцах градских» русской летописи — ИОРЯС, т. XXIII, кн. 1. Пг., 1919, стр. 64.

²⁶ См. тексты в «Сочинениях А. А. Котляревского», т. III. СПб., 1891, стр. 391, 400 и др. Ср. А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян. М., 1855, стр. 118—119. Н. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 307.

²⁷ «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953, стр. 174.

если имевшему к ней ближайшее отношение Анастасу Корсунянину была, как полагают Л. Мюллер и А. Поппэ, поручена должность «эконома»²⁸. Напомним, что в Прологе подчеркнуто, что варяг приехал «изъ Царяграда» (по летописи — «из Грекъ»). Свою веру варяг определяет, ссылаясь на греков («емоу же греци слоужахоу» — л. 185)²⁹.

Нельзя предполагать, вместе с тем, что запись о варягах была сделана по случаю перенесения их останков в Десятинную церковь и что сказание составлялось одновременно с житием Ольги около 1007 г. Если бы останки убитых были перенесены в Десятинную церковь, то об этом бы знали, конечно, составители киевских сводов, а в них мы читаем: «...и не свѣсть никто же, гдѣ положиша я» (Лавр. лет.).

Повторяем, что мы совсем не считаем, что Десятинная церковь была единственным местом, где до составления летописных сводов велись исторического характера записи. Однако, когда мы ищем устойчивых указаний на источник таких записей в сохранившемся материале, то поиски приводят все же к Десятинной церкви. Так, бесспорные указания на запись, вышедшую из недр Десятинной церкви, дает текст под 6504 г., содержащий молитву Владимира в Десятинной церкви, извлечение из грамоты, данной Десятинной церкви, его клятву и сообщение, что он дал десятину Анастасу Корсунянину, и об установлении праздника. Этот текст сохранился и в Новгородской I летописи, и в Повести временных лет, и в Устюжском летописце (в последнем в искаженном и сокращенном виде), и в очень древних литературных памятниках, и в отдельном виде в проложных чтениях под 12 маем в пергаменных списках (кстати сказать, праздник 12 мая «самый древний по времени праздник, внесенный в России в Прологи»³⁰). Мне кажется, что в этом тексте первоначально не упоминалось об Анастасе Корсунянине. По крайней мере,

²⁸ А. Рорре. Указ. соч., стр. 389. Назначение Владимиром Анастаса на эту должность Л. Мюллер объясняет идентичной привилегией византийских императоров назначать «экономов» при Софии Царьградской.

²⁹ Напомним, что фраза, в которой варяг определяет суть греческой веры, походит на ту, которую ниже произносят «нѣмци из Рима», посланные от «папежа».

³⁰ *Сергий*. Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова пресвятой Богородицы. СПб., 1898, стр. 67.

в проложных текстах под 12 мая, а также в «Слове о том, како крестися Володимеръ возмя Корсунъ», и в так называемой «древней редакции» жития Владимира, и в распространенной редакции его жития не упоминалось об Анастасе, хотя упоминалось о даровании десятины и об установлении праздника (см. пролог Типогр. собр. в ЦГАДА, № 171, л. 36). Об Анастасе Корсуняnine добавил, очевидно, составитель летописного свода, что подтверждается повторением в летописном тексте того, что была дарована десятина. Не берусь судить, когда записи об Анастасе попали в летопись, но думается, что, если они или часть их были уже в Древнейшем своде, то такие записи едва ли могли быть сделаны после 1018 г., когда он стал перебежчиком и ушел с Болеславом.

Напомним также о следах древней (долетописной) статьи о Владимире, из слов которой заключают, что она составлялась еще во времена Владимира («им же привѣдѣние обрѣтохомъ вѣроу князя нашего Володимера въ благодѣи сию, им же восхвалимся и стоимъ») ³¹.

Наконец, с этими данными следует сопоставить указания на существование летописных записей или заметок, отличающихся по содержанию от известий Новгородской I летописи и Повести временных лет, хотя и перекликающихся с ними, но не искаженных как будто летописной переработкой сводчика, с признаками архаичности. Они дошли до нас в составе «Памяти и похвалы» Владимиру. Перед нами — краткие летописные записи о событиях, совершавшихся начиная от смерти Святослава, связанных преимущественно с деятельностью Владимира, исключительно южнорусские, без примеси новгородских, в которых светские, гражданские события переплетаются с церковными. Наиболее поздняя запись (до известия о смерти Владимира) говорит, что Владимир дал десятину церкви св. Богородицы: по крещении «на четвертое лѣто церковь камену святѣа Богородица заложи, а ... в девятое лѣто десятину блаженныи христолюбивыи князь Володимер вда церкви святѣи Богородицѣ и от имѣния своего». В сложной по составу «Памяти и похвале Владимиру» еще дважды говорится о Десятинной церкви — в рассказе о крещении: «... и десятиноу еи вда, тѣмъ попы набѣти

³¹ См. Ипат. лет. под 6496 г.; А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 473.

и сироты и вдовича и нищая», и в похвале Ольге, в рассказе, вероятно, более позднего происхождения, о гробе, в котором «лежить» тело Ольги: «...гробъ камень малъ въ църкви святыя Богородица, тоу църковъ създа блаженны князь Володимер каменую въ честь святѣи Богородици, и есть гробъ блаженна Ольгы и на верху гроба оконце сътворено и тоу да видѣти тѣло блаженна Ольгы лежащи цѣло...»³² и т. д.

Обратимся к самим летописным заметкам. Для меня нет никакого сомнения, что летописные заметки представляли собой первоначально отдельные заметки, что в какой-то момент образования «Памяти и похвалы» или одной из частей ее они были приписаны или вставлены в текст. Третья часть «Памяти и похвалы» существует, как известно, отдельно и получила название с легкой руки А. И. Соболевского «Древнего жития Владимира». Сравнивая третью часть «Памяти и похвалы» (см. от слов «Блаженны же князь Володимеръ, вноукъ Олжинъ...») с ее текстом в отдельном виде, с «Древним житием» (см. рукопись ГБЛ, Румянц. собр., № 434, л. 487—487 об.), нетрудно убедиться, что в «Древнем житии» встречаем только сокращения по сравнению с «Памятью и похвалой», из которых часть объясняется гаплографией. Летописные заметки здесь переданы без каких-либо смысловых различий (только вместо «оудавиша Олга въ гребли» в «Древнем житии» читаем «оугнѣтоша Олга въ гребли»). Как бы мы ни толковали происхождение третьей части «Памяти и похвалы»: было ли оно, как думали А. И. Соболевский и Н. К. Никольский, первоначально отдельным памятником или оно было, как предлагал А. А. Шахматов, продолжением первой части «Памяти и похвалы», отделенной впоследствии вставкой похвалы Ольге, мы должны признать, что летописные заметки являются приписком, приписками, внесенными или в «Память и похвалу», или в «Древнее житие Владимира».

Изучать эти летописные заметки нужно в том виде, как они сохранились, не переставляя эти заметки или записи

³² «Память и похвала князю Владимиру и его житие по сп. 1494 г.». Издал В. И. Срезневский (далее — «Память и похвала...»). — Записки имп. Академии наук, сер. VIII, т. I, № 6. СПб., 1897; ср. текст, изд. С. А. Бугославским («К литературной истории „Памяти и похвалы“ князю Владимиру»). — ИОРЯС, т. XXIX. Л., 1925.

в хронологическом порядке, так как тем самым мы затемним их понимание. Я говорю не о понимании содержания, а о понимании происхождения заметок.

Всякую гипотезу следует проверять. В подавляющем большинстве своем гипотезы А. А. Шахматова оказываются необычайно сильными — в полном смысле «научными гипотезами». Но предположение о происхождении заметок в пределах «Памяти и похвалы» было высказано им мимоходом, и, как он сам говорил, этому высказыванию «в виде предположения» он «не придавал особенного значения»³³. Предположил же он, что заметки первоначально были расположены в хронологическом порядке и находились не в конце произведения, а значительно выше, после описания добродетелей Владимира (описание см. от слов «боле же всего бяше милостыню творя князь Володимерь...» до слов «...вся милу[я] и одѣваа и накормя и напоя»). После этого будто бы шли заметки, начинавшиеся, по его мнению, словами «И сѣде Киевѣ на мѣстѣ отьца своего Святослава». И впоследствии эти заметки будто бы были заменены тем текстом, который читаем теперь в дошедшей до нас «Памяти и похвале»; а летописные заметки перенесены в конец произведения, причем сбитыми, расставленными иначе, т. е. так, как мы их читаем теперь. Это довольно сложное предположение мне представляется искусственным. Если выбросить, согласно предположению А. А. Шахматова, рассказ о победах Владимира над радимичами, ятвягами, серебряными болгарами и хазарами и сравнительно подробный рассказ о взятии Корсуня и вместо него вставить летописные заметки в том виде, как их восстанавливает А. А. Шахматов, то мы получим текст не более убедительный и оправданный, чем тот, который имеем теперь в дошедшей до нас «Памяти и похвале». В самом деле, до операции, предположенной А. А. Шахматовым, первоначально был будто бы следующий весьма мало оправданный в смысловом отношении текст с такой «последовательностью» повествования: сначала рассказ о добродетелях Владимира, обнаружившихся после крещения, о том, как он творил милостыню, потом о том, что он сел в Киеве, т. е. о событии периода его язычества, затем о событиях в период

³³ А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 19—20.

предшественников Владимира, затем опять о том, что он сел в Киеве, потом о крещении его и т. д. Между тем в данном месте в сохранившемся тексте, мне кажется, проглядывает определенная мысль составителя: Владимир совершал «милостыню», творил волю Божию, пребывал в добрых делах, «благодать Божия просвѣщаша сердце его и рука Господня помогаше ему», и он побеждал врагов своих и все его боялись и «идѣже идяше одолѣваша» и т. д.

Правда, перечисляются походы, которые (во всяком случае — часть которых), судя по летописи, он совершил еще до крещения³⁴.

Если рассматривать летописные заметки в том виде, как они сохранились, то можно заметить две группы их, связанные фразой «И богъ поможе ему и съде в Кыевъ, на мѣстѣ отца своего Святослава и дѣда своего Игоря»; несколькими строками ниже сказано опять, что Владимир сел в Киеве, причем с точной датой, а перед связующей фразой («И богъ поможе ему...») говорится о событии, которое имело место значительно позже того, как Владимир сел в Киеве. Если эта фраза («И богъ поможе ему...») принадлежит составителю «Памяти и похвалы», а не автору заметок, то здесь опять повторяется мысль, что бог помогал Владимиру еще до крещения.

Первая группа заметок объединена хронологической сетью, исходным моментом которой служит крещение. Кроме того, вся группа объединена одной темой: деятельностью Владимира. Нет сомнения, что заметки эти писались при Десятинной церкви. Они завершаются известием о построении церкви св. Богородицы, которому сопутствует соответствующее рассуждение. Счет от крещения, по-видимому, церковная традиция. Указание на то, что Владимир жил 28 лет «по крещении», встречаем в проложных житиях Владимира (Румянц, собр., № 434), в «Слове о том, како крестися Владимир, возмзя Корсунь» (Погод., № 1559), в «Торжественнике» (Румянц. собр. № 435)³⁵.

³⁴ Подобный же взгляд на Владимира до крещения находим в «Слове о законе и благодати».

³⁵ Ср. «Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности», ч. II. СПб., 1908, стр. 1071—1072.

Происхождение второй группы заметок менее ясно. Она начинается от слов «А Святослава князя печенѣзи оубиша...».

Необходимо считать, что летописные заметки и первой и второй группы не восходят к Древнейшему своду. Еще А. А. Шахматов, тщательно сличив летописные заметки с летописями, установил, что заметки содержат сведения, которых нет в летописях. В сущности, их сходство с летописями обнаруживается лишь постольку, поскольку они частью сообщают об одних и тех же событиях. Но сообщения эти не извлечены из летописных сводов. В летописных сводах нет ничего о походе Владимира на другое лето по крещении к порогам; о том, что Владимир взял Корсунь на третье лето по крещении, что у Вручего под Олегом обломился мост; что церковь св. Богородицы была «каменной»; там нет точной даты вступления Владимира на стол и т. п. Надо быть последовательным и, применяя тот же правильный методический вывод, который применял исследователь по отношению к Сказанию об убитых варягах, заключить, что летописные заметки не восходят к киевским летописным сводам, что перед нами редчайший образец древнейших летописных записей.

Изучение последующей истории летописания — летописания эпохи феодальной раздробленности — показывает, что исторического характера записи начинаются с записей при местных соборных храмах (так было в Переяславле-Русском, в Новгороде, в Пскове, в Твери, во Владимире). Нет ничего удивительного, что в Киеве при Десятинной церкви возникла историческая письменность. В данном случае первое побуждение могло быть проявлено со стороны греческого клира, но в попытках в этом направлении клир не мог не считаться и с интересами того, кто был виновником «крещения» и построения самого храма. Во всяком случае, на первых порах историческая письменность в той мере, в какой она возникала при Десятинной церкви, не могла не носить отпечаток церковности и греческой культурной традиции.

Было бы, однако, актом большого насилия над летописными источниками, если бы мы стали утверждать, что Древнейший киевский летописный свод носил по преимуществу церковный характер, сохраняя в этом отношении черты единства и цельности. Среди древних летописных сказаний значительное место занимают сказания свет-

ского, «народного» содержания. Рассмотренные летописные заметки, видимо из Десятинной церкви, едва ли были нужны составителю Древнейшего киевского свода, поскольку в его распоряжении были уже довольно подробные записи светских сказаний. Да и вообще трудно сказать, были ли ему известны летописные заметки, сохранившиеся в конце «Памяти и похвалы».

Появление при Ярославе такого замечательного и глубокого по содержанию литературного памятника, как «Слово о законе и благодати», сохранившегося до наших дней, свидетельствует, что к 40-м годам XI в. среди русских уже были не только мастера «прекладати отъ грекъ на словѣньское писмо».

Оглядываясь на материал, на те записи или «сказания», вышедшие, по ряду признаков, из Десятинной церкви, и использованные составителем Киевского свода, мы вместе с тем не находим данных для предположения, что на исходе X в. при Десятинной церкви был составлен летописный «свод». Допустив такого рода предположение, мы сейчас же встретимся с противоположениями, т. е. с фактами, которые противоречат ему или совершенно не согласуются с ним.

Если бы действительно при Десятинной церкви на исходе X в. принялись составлять летописный свод, то такой свод напоминал бы греческие хроники, был бы построен по их образцу. Если говорить о греческих хрониках и хронографах (а не об описании событий определенной эпохи или деятельности отдельных лиц), то необходимо иметь в виду, что они начинались от сотворения мира. «Греческие историки и компиляторы средневековья, претендовавшие на мировое значение второго Рима, рассматривали историю Византии как непосредственное продолжение божественного домостроительства на земле, обнаружившегося в библейских заветах — Ветхом и Новом, и потому включали в свои компиляции изложение событий начиная со времени сотворения мира. Византийская литература средних веков не имела таких опытов хронографии, в которых превратная судьба восточной империи излагалась бы обособленно от библейской и церковной истории... По примеру Библии в большинстве хроник не наблюдается даже попыток к точной хронологизации событий в виде подсобных записей; они ведут счет по индиктам или же историческими вехами для них служат цар-

ствования, с указанием продолжительности каждого из них»³⁶.

Из всего сказанного следует, что Древнейший киевский свод, судя по сохранившимся древним русским летописным сводам, не был построен по образцу византийских хроник или хронографов (о русских хронографах речь будет в особой главе). Повторяем, что мы говорим сейчас не об отдельных сказаниях (как, например, о предполагаемом сказании о русских князьях от 945 до 978 г.), а о первом «своде» как о средневековом построении истории государства или народа, как опыте истолкования широкого исторического процесса. Конечно, быть может, со временем в результате большой текстологической работы высказанные мной недоумения рассеются. Но о результатах будущей работы я, конечно, судить не могу.

Существует предположение, что в основе Древнейшего летописного свода лежала повесть о полянах — Руси, как она была скомбинирована Н. К. Никольским. По его выражению, повесть эта была проявлением «славянофильских» течений. Мне кажется, что, предлагая такое предположение, надо оспорить результаты предыдущей текстологической работы, а также объяснить, как подобная повесть могла быть положена в основу летописного свода при Десятиной церкви, где руководящую роль играл греческий клир со своими византийскими традициями.

И можно ли игнорировать такие датирующие текст признаки, как стилистические параллели между древней частью летописи и «Словом о законе и благодати», о которых писал А. А. Шахматов, и идейные параллели, о которых писали И. Н. Жданов и Д. С. Лихачев?

Наконец, освящение Десятиной церкви могло послужить поводом такого крупного события, как составление первого русского летописного свода, но, по всей вероятности, в том случае, если к тому имелись благоприятные исторические условия, порождавшие соответствующие потребности. Мы ясно видим, что такие условия сложились к 40—50-м годам XI в. (см. ниже). В частности, тот исключительный интерес составителя Киевского свода к присоединению древлянской земли к Киеву мало понятен для конца X в. и понятен для эпохи Ярослава, накануне

³⁶ Н. К. Никольский. Повесть временных лет, стр. 46.

выделения особой Киевской области, значительную часть территории которой составляла земля древлян.

С первого взгляда может показаться убедительным следующий довод в пользу существования свода конца X в.: в летописи нет сведений о деятельности Владимира за 6506—6521 гг. Но более чем вероятно, что освящение Десятинной церкви побудило тогда же клир к ряду записей, может быть, главным образом связанных с деятельностью Владимира, строителя церкви. Но откуда следует, что тогда же, в том же году или в следующем, был составлен летописный «свод»? Надо сказать, что в летописных сводах позднейшего времени (например, XVI—XVII вв.) подобные лакуны, особенно в конце рукописи, указывают иногда на окончание оригинала летописного свода. Едва ли, однако, это показательно для времени конца X—начала XI в., от которого материал дошел до нас, пройдя большое число переделок и редакций. Так, например, имеется лакуна в Новгородской I летописи между 6530—6544 гг.; однако никто не ставит наличие ее в зависимость от существования надуманного свода 6530 г. Имеется лакуна в Повести временных лет от 6464 до 6471 г. С другой стороны, подобной лакуны может не быть там, где кончается документально засвидетельствованная редакция свода (см. Лаврентьевскую и Ипатьевскую после окончания второй редакции Повести временных лет).

Причины, вызвавшие просветы или лакуны в дошедших до нас древнейших летописных сводах, могут быть различные. Одной из причин может быть намеренное умолчание (сокращение?) по соображениям династическим, политическим или каким-либо иным. В псковских летописях, например, видим отсутствие годов с материалом между 6755 и 6792 гг., причем исследование показало, что перед нами тенденциозные пропуски, сделанные сводчиками более позднего времени³⁷.

Теперь посмотрим, были ли уже при Ярославе связаны, сплетены материалы церковно-агиографические и материалы светской гражданской истории или соединение их

³⁷ А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. — «Исторические записки», т. 5, 1946, стр. 288—292.

произошло при Никоне Печерском, и как отражались социально-политические условия, развитие древнерусского государства на содержании и конструкции летописного текста?

Прежде всего мы видим последовательное стремление оправдать разные стороны деятельности киевского князя Ярослава.

В области распространения «просвещения» (в том смысле, как понимали эту сторону деятельности в те времена) Ярослав, согласно летописному тексту, был продолжателем дела Владимира и Ольги. Внимание читателей обращено почти исключительно на заслуги (в сфере христианизации) киевских князей, и до нас не дошло от тех времен жизнеописаний первых «просветителей» Руси из духовенства.

В исследованиях о летописном тексте под 1037 г. смешивают иногда вопрос о том, когда был написан текст в том виде, как он дошел до нас, и вопрос о том, когда он был написан в первоначальном виде. Кажется, по мнению всех исследователей (не исключая и А. А. Шахматова), летописный текст под 1037 г. в том виде, как он дошел до нас, составлялся уже после смерти Ярослава. Восстановление первоначального текста под 1037 г. затруднено отсутствием параллельного текста в Новгородской I летописи. Могли быть вставки печерского редактора (одну вставку на основании не только внутреннего анализа, но и литературного сопоставления указал Шахматов), была, вероятно, и редакционная переработка³⁸. О существовании первоначального текста (дошедшего до нас в измененном виде под 1037 г.), времен Ярослава и Илариона, заставляет думать сходство между восхвалениями Ярослава в «Слове» и в летописи под 1037 г., а также то, что последняя фраза текста 1037 г. явно принадлежит руке того же составителя Древнейшего свода, которая видна под 983, 988, 1015 гг.; наконец, то, что в составе Древнейшего свода, написанного в интересах Ярослава, естественно было подчеркивать, что после

³⁸ Ср. В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. XXVI. Пр., 1923, стр. 100—101. Что Иларион, когда писал или произносил «Слово», использовал или знал первоначальную редакцию или прототип (Vorform) «хроники», допускает и Л. Мюллер («Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039», Köln—Brannsbeld, 1959, S. 72).

1036 г., когда закончились длительные междоусобия и войны, развернулась культурная, «просветительная» и строительная деятельность Ярослава.

Мы знаем, что Ярослав стремился прославить своего предшественника и даже канонизировать его, в чем, однако, встретил препятствие. Он пытался подражать Владимиру и в выполнении такой бытовой традиции, как устройство «народных» пиров; о них узнаем из летописи (при Владимире) и из вышегородских записей, и из «Чтений... о Борисе и Глебе» (при Ярославе)³⁹.

Ту же задачу — оправдания и восхваления деятельности Ярослава — преследует и цикл рассказов о Борисе и Глебе и борьбе Ярослава со Святополком.

Дело в том, что Ярослав дважды согнал с киевского стола своего старшего брата (Святополка). Захват стола «старейшего» брата рассматривался в то время как узурпация, как незаконный захват власти и нарушение нравственных норм. Понятно, какое значение имело для Ярослава прославление убитых Святополком младших братьев и истолкование своей борьбы со Святополком, как «мести» за братьев-мучеников. Впоследствии прославление убитых братьев получило более широкое общественное значение.

Дошедшие до нас в двух редакциях вышегородские записи показывают, какое большое значение придавал Ярослав прославлению убитых братьев после их умерщвления Святополком.

Когда прошел слух о чуде на могиле убитых и узнали, что сгорела церковь, стоявшая там, сообщили об этом Ярославу. Ярослав позвал митрополита, и после их разговора устроили крестный ход в Вышгород. После другого чуда у гроба братьев Ярослав одобрил мысль соорудить церковь во имя братьев. По сведениям «Чтений», Ярослав велел тогда же написать икону Бориса и Глеба. После освящения церкви всех бывших тут позвали на обед⁴⁰.

³⁹ Лавр. лет под 6504 г.; «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им». Приготовил к печати Д. И. Абрамович (далее — Д. И. Абрамович. Жития.) — «Памятники древнерусской литературы», вып. 2. Пг., 1916, стр. 19, 55—56; ср. «Память и похвала...», стр. 5—6. Ср. С. А. Бугославский. Пам'ятки XI—XVIII в. про князів Бориса та Гліба (далее — С. А. Бугославский. Пам'ятки...), у Києві, 1928.

⁴⁰ Д. И. Абрамович. Жития, стр. 17—19, 53—55. Ср. С. А. Бугославский. Пам'ятки.

После следующего чуда Ярослав созвал опять всех на обед, причем, по «Сказанию», Ярослав раздавал «от имѣнія» (т. е. имущества) нищим, «сырым и вдовицам», а по тексту «Чтений» устроил пир, праздник в память братьев — «не токмо боляромъ, нъ и всѣмъ людемъ, паче же нищимъ», и приказал «от имѣнія своего даяти имъ»⁴¹. Наконец, узнав от «судьи» одного города об освобождении из темницы («чудом» — молитвой Бориса и Глеба) осужденных «старейшиной града того», Ярослав приказал построить церковь на том месте во имя Бориса и Глеба, «иже и донинѣ есть»⁴². Об этом могли рассказывать впоследствии автору «Чтений» клирики этой церкви, что подтверждается припиской: «другая самъ свѣды»⁴³.

Все эти сведения не оставляют сомнения, что Ярослав придавал важное значение всенародному прославлению убитых Святополком братьев.

Летописный рассказ о борьбе Ярослава со Святополком стоит в теснейшей связи с рассказом о Борисе и Глебе и служит той же цели — оправданию Ярослава, выставляя его как мстителя за убитых братьев. По тексту летописи, Святополк, расправившись с Борисом и Глебом, убивает Святослава и помышляет «избить всю братью свою» и «помыслив высокоумьемъ своимъ, не вѣдый, яко богъ даетъ власть, ему же хощетъ, поставляеть бо цесаря и князя»⁴⁴. Узнав о злодеяниях Святополка, Ярослав, по летописи, пошел на него, «нарекъ бога, рекъ: не я почохъ избивати братью, но онъ; да будетъ отмститьникъ богъ крове братья моя, зане без вины проляя кровь Борисову и Глѣбову праведную: еда и мнѣ сице же створить?..» и т. д. Летописец оценивает изгнание Святополка Ярославом скорее как подвиг: «Ярослав же съде Киевѣ, утер пота с дружиною своею, показав побѣду и труд великъ»⁴⁵.

В междукняжеских отношениях той поры большую роль играло стремление сохранить единство «Русской земли» (в узком смысле слова), т. е. южнорусской. Это стремление объясняется не просто властолюбием отдельных лиц, а желанием укрепить господство «Русской земли», господство

⁴¹ Д. И. Абрамович. Жития, стр. 19, 55.

⁴² Там же, стр. 20.

⁴³ Там же, стр. 26.

⁴⁴ Лавр. лет. под 6523 г.

⁴⁵ Лавр. лет. под 6523, 6527 гг.

южнорусской знати, преимущественно киевской, над территориями и центрами, разбросанными в разных концах Восточно-Европейской равнины. Надо сказать, что Ярослав был особенно деятелен в этом отношении. На юго-западе он пытался распространить господство «Руси» на Белз и Червенские города. В Новгородском крае укреплял северо-западные рубежи (постройка Юрьева) и северные (поход на Емь); появлялся и на северо-востоке, в Суздальской земле, не упуская из виду и Муром. Он организовывал, видимо, местную знать, извлекая выгоды и для правящей среды Киевщины, и, как можно полагать на основании отдельных известий о Новгороде и Суздальской земле, переносил в отдаленные земли южнорусский финансово-административный и законодательный опыт⁴⁶.

Обстоятельства вынудили Ярослава временно поделить территорию «Русской земли» (южнорусской), отделив сильному Мстиславу левобережную часть: летописец подчеркивает, что со смертью Мстислава он стал «самовластцем» или «единовластцем Русской земли». Вопрос об единовласти в «Русской земле» вообще занимал древнекиевского летописца, и с этой точки зрения он прослеживает в прошлом поведение и судьбу Ярополка и Владимира.

Нельзя не отметить, что одна и та же рука видна и в рассказе о Борисе и Глебе, и в рассказе о Блуде под 980 г.: «...тѣ мыслятъ о главѣ князя своего на погубление, горьши суть бѣсовѣ таковыи», — читаем о Блуде и подобных ему под этим годом; а под 1015 г.: «...золь же челоувѣкъ, тѣшася на злое, не хуже есть бѣса; бѣси бо бога боятся, а золь челоувѣкъ ни бога боятся, ни челоувѣкъ ся стыдит» и т. д.⁴⁷

Материалы церковно-агиографические и светские, политические подчинены общей задаче — задаче летописного труда, вышедшего из киевской правящей среды времени Ярослава Мудрого, в котором видна попытка согласовать

⁴⁶ Общий тезис, что «Русская земля» (южнорусская) — рано сложившееся государственное образование — сохраняла впоследствии, в XI в., с расширением пределов Древнерусского государства значение господствующего политического и территориального ядра на Восточно-Европейской равнине, — не предположение, а вывод, прочно обоснованный на разнообразном материале (А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951).

⁴⁷ Новг. I лет. под 6523 г.

интересы христианского «просвещения» и политики киевского стола. В этом смысле мы понимаем и мотив взаимоотношений между Ольгой и Святославом, который проходит и через светский, и через церковный материал, заимствованный из разных источников. Князья-язычники — Игорь и Святослав — каждый по-своему страдает недостатком «мудрости» и политического «смысла». Для того чтобы показать неумеренную жадность в поборах Игоря, летописец обратился к материалу, явно почерпнутому не из дружинно-родового источника. Игорь и его дружина — насильники: «Насиляше имъ и мужи его»; князь сравнивается с волком-грабителем: «аки волкъ восхищя и грабя», причем в тексте имеются следы разговорной, устной речи: «...бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску». Той более демократической средой, где передавались в Киеве в XI в. сказки и рассказы, всякие занимательные истории, могла быть преимущественно среда трудового населения, соприкасавшегося с жизнью города: перевозчиков через реку (ср. летописную версию, что Кий был «перевозником» на Днепре), гонщиков плотов и однодеревок (ср. рассказ Константина Порфирородного), плотников, например судостроителей (ср. сведения «Чтений» Нестора о «древодолах», о плотниках Константина Порфирородного), рыболовов и т. п. В этой среде создавалась благоприятная почва, преимущественно в силу особых условий их труда, для появления сказочников, рассказчиков всяких историй и т. п., как наблюдали собиратели и исследователи фольклора по отношению к новому времени⁴⁸. В основе рассказа о смерти Игоря, судя по Льву Дьякону, писавшему в конце X в., лежало, как известно, историческое событие.

И в церковных записях, и в народных преданиях, использованных киевским летописцем, Ольга в равной мере изображена как «смысленая в премудрости». Она с помощью «кормильца-воеводы» Асмуда руководит своим «дѣтском» Святославом. Похоронив Игоря, она возвращается в Киев и «бѣше в Киевѣ съ сыномъ своимъ дѣтскомъ Святославомъ» (6453 г.). Под 946 (6454) г. опять

⁴⁸ См., например, Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. XX—XXX и др.; Н. Е. Онучков. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губ.). СПб., 1908 и др.

читаем, что Ольга собирает «вои многи и храбры» и идет на Деревскую землю «съ сыномъ своимъ Святославомъ». Победив древлян, она приходит в Киев «съ сыномъ своимъ Святославомъ». Под 955 (6463) г. опять: «... живущи же Олга с сыномъ своимъ Святославомъ и учаше его мати креститися». Рассказ об этом перекликается, с одной стороны, с рассказом о крещении Руси при Владимире. Ольга говорит: «... и аз, сыну мой, бога познахъ и радуюся, аще ты познаеши и радоватися начнеши». Святослав ссылается на дружину. Но Ольга возражает: «Сыну, аще крестишися, вси имут то же творити». А под 988 г.: «Се слышавше людие, с радостью идяху, радующесе и глаголюще: аще се бы было не добро, не бы сего князь и бояре прияли». С другой стороны, рассказ в представлении летописца предполагал, по-видимому, дальнейшую историю жизни Святослава — «беду», в которую впадает Святослав, его насильственную смерть: «Онъ же не послушаше матери, творяше нравы поганьскыя; не вѣдый бо, аще кто матери не послушаетъ, и пакы в бѣду впадаетъ, якоже рече: аще кто отца не слушаетъ или матери, смерть приметь. Сеи же к тому гнѣвашеся на матеръ»⁴⁹.

Не надо забывать, что песни и рассказы о героических походах Святослава в XI в. пользовались еще, видимо, значительным авторитетом и любовью среди знатной части населения. Даже во второй половине XII в. помнили о Баяне, воспевавшем времена Ярослава Мудрого и Мстислава, победившего Редедю, их подвиги, знали о «песнотворцах», которых нам не следует смешивать с балагурами-скоморохами того времени, выступавшими с репертуаром, иногда двусмысленным. В XI в. героические темы обладали большой притягательной силой. Даже митрополит Иларион в произведении церковного склада, как «Слово о законе и благодати», считал возможным отозваться с похвалой о «старом» Игоре и «славном» Святославе, «иже въ своа лѣта владычествующе мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многихъ и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть»⁵⁰. Такое отступление было, очевидно, естественным, хотя нам похвала князей-язычников со ссылкой на летописи или на героический

⁴⁹ Новг. I лет. под 6453, 6463, 6496 гг.

⁵⁰ ГИМ, Синод. собр., № 591, лл. 184 об.—185.

эпос («поминаются нынѣ и словуть») могла бы показаться неуместной в церковном «Слове». И о Владимире автор «Слова» говорит, как он вырос, «мужствомъ же и смысломъ предъспѣа, единопѣрѣжець бывъ земли своеи, покоривъ подъ ся округныя страны, овы миромъ, а непокоривыя мечемъ...» Тем более естественным было соединять сведения о политических событиях со сведениями о событиях церковной жизни в историческом труде, принятом в Киеве в интересах Ярослава.

В «Памяти и похвале Владимиру», по тематике церковном памятнике (о крещении Руси), использована кусками, как мы говорили, краткая летопись о разного рода событиях, а в начале сочинения Владимир назван с прибавлением «сын Святославль» и «внук Игорев». Иларион в своем «Слове», упоминая об отце и деде Владимира, хотел высказать не без гордости свои патриотические чувства: «Не в худѣ бо и не в невѣдомѣ земли владычествоваша, но в Руской, яже вѣдома и слышима есть въсѣми концѣ земля». Эти князья прославляли своими подвигами «Русскую землю».

Ясно, что в киевском летописном труде, вышедшем из среды, близкой к Ярославу, составитель не случайно подчеркивал, что Ярослав сел в Киеве «на столѣ отъни и дѣдни» и что отец его жил «по устроению отню и дѣдню». По мысли составителя древнего киевского летописного текста, Ярослав — преемник не только отца (очевидно, главным образом в деле христианизации и в «устроении» и «установлении» своей земли), но и деда, не мудрого в вопросах религии, но храброго, доблестного князя. Святослав даже во время борьбы с греками на Балканском полуострове выступает, по летописи, как защитник чести «Русской земли», с речью, вероятно придуманной, но о содержании которой в X—XI вв. знали даже за рубежом (Лев Дьякон, Скилица). Летописец заимствует свой материал из героических песен или рассказов, быть может, обработанных еще ранее рукой «писца».

Однако (в отличие от произведений «песнотворцев»?) летописцы не только «славят» подвиги Святослава, но и осуждают его за поступки, которые не согласуются с представлениями, сложившимися в Киеве XI в. об основной обязанности киевского князя, — блюсти «свое», свою «землю», свою «отчину». Здесь обнаруживается критическое отношение, которое установилось в Киеве (прежде

всего в кругах правящего класса) к пережиткам старого в поведении Святослава, к пережиткам предыдущей эпохи, для которой характерны далекие походы в погоне за обогащением в ущерб «устроению» своей «земли». Киевляне, по летописи, говорят Святославу: «... ты, княже, чю же и земли ищещи блюсти, своя ся охабивъ»⁵¹.

Наконец, чтобы понять подбор материала в изложении событий X в., всю структуру летописного текста, нам необходимо остановиться на том переломе, на том кризисе, который переживало Древнерусское государство в XI в.

Процесс образования «земель»-«областей», «земель»-княжений означал в сущности переход к новым формам государственной жизни, с более развитым административным и финансовым аппаратом, с новой системой организации дани и суда, в известном смысле — более оседлым. Образование «земель»-«областей» протекало на широком пространстве Восточно-Европейской равнины, но ранее всего оно началось на юге, где складывалась территория Киевской земли и Черниговской. Начальной вехой длительного процесса образования Киевской «земли»-«области» была та финансово-административная реформа, которую киевский летописец относил к княжению княгини Ольги, к 40-м годам X в.: установление «становищ» в земле древлян (в «Деревской земле»), определение «уставов и уроков». Постепенное присоединение к киево-полянской территории земли древлян было в сущности основным фактом образования «областной» киевской территории. Процесс территориального сложения завершился при Ярославе с присоединением к Киеву Берестя на западной окраине. Политическое выделение «земель»-«областей» на Юге совершилось со смертью Ярослава, с выделением трех княжеств — Киевского, Черниговского и Переяславского.

Таким образом, территориальное образование, завершившееся политическим выделением в виде княжества Киевской «земли»-«области», происходило постепенно. Это была территория, в планомерной и систематической эксплуатации которой с помощью формировавшегося государственного аппарата была заинтересована не черниговская и не переяславская, а именно киевская знать. В период образования «земель»-«областей» киевская правящая

⁵¹ Акад. сп. Новг. I лет. под 6476 г. Охабитися — покинуть, оставить, уклоняться, удаляться.

среда не могла не оказывать воздействия на подбор материала в летописных сводах, составлявшихся в Киеве, не могла не оставить печати известной ограниченности интересов и кругозора на киевских летописных сводах XI в.

И, действительно, если признать, что Новгородская I летопись младшего извода в своей начальной части отражает летописание XI в., предшествовавшее Повести временных лет, что договоры с греками были включены в летопись впервые в начале XII в., то следует обратить внимание, во-первых, на отсутствие в летописном тексте (предшествующем Повести временных лет) известий о древнейших судьбах Чернигова и Переяславля-Русского, хотя города эти были уже в первой половине X в. важнейшими городами «Русской земли», и, во-вторых, на исключительный интерес составителя летописного текста к судьбам Древлянской земли в X в., вернее, к истории освоения Древлянской земли киевским столом, т. е. к тому, что должно было преимущественно интересовать именно киевскую знать.

Возможно, одностороннюю «областную» киевскую окраску дошедший до нас древний летописный текст приобрел в результате всей работы над ним на протяжении XI в. Но приписывать всецело руке Никона отмеченные особенности летописного текста едва ли возможно. Никон не был чужд интересов Черниговской «области»-княжения. С помощью Святослава Черниговского в Чернигов бежал, спасаясь от гнева киевского князя Изяслава (в конце 60-х годов) Антоний Печерский (разрыв между Печерским монастырем и Святославом произошел позднее, когда Святослав стал киевским князем, изгнав старшего брата из Киева). Под Чернигом на Болдиных горах Антоний основал монастырь, а потом вернулся в Печеры. Никон взял сторону Антония, как видно из летописного текста под 1068 г. Сам Никон еще ранее удалился в Тмуторокани; тогда Изяслав грозил послать его «на заточение», а пещеру их «раскопать». По просьбе населения Тмуторокани он ездил оттуда после смерти Ростислава в Чернигов и посадил в Тмуторокани Глеба Святославича⁵². Мог ли Никон в Печерском монастыре оказаться

⁵² См. текст жития Феодосия в сборнике XII в. московского Успенского собора, л. 41 и др. Текст опубликован: «Сборник XII века московского Успенского собора», вып. I. Издан под наблю-

автором истории «Русской земли», в которой Чернигов до 1024 г. даже не упоминался; мог ли он быть составителем летописного текста, из которого нельзя было ничего узнать о судьбе Переяславля-Русского до кончины Ярослава Мудрого, или в котором сообщалось только, что этот древний город был построен на исходе X в.? Ведь при Никоне в 70-х годах существовала переяславская епископия, а в 1072 г. на перенесение «мощей» Бориса и Глеба в Киев приезжали епископ Петр Переяславский и игумен Николай «Переяславский» (игумен одного из переяславских монастырей), который, судя по данным Киево-Печерского патерика, был из киево-печерских монахов⁵³. И мог ли этот же Никон одновременно проявить такой исключительный интерес к Древлянской земле, где не только не было епископии, но где, насколько нам известно, не было (в XI в.) ни одного монастыря?

Рассказы о Древлянской земле X в. почерпнуты не из героических песен, не из родовых преданий и, следовательно, едва ли они были сообщены летописцу Яном Вышатичем. В эти рассказы сделаны вставки, прославляющие Свенельда, предка Яна Вышатича. К числу вставок относится прибавление под 6453 г. к словам «и кормилец его Асмуд», который и был «воеводой», слов «воевода бѣ Свѣнелдъ, то же отецъ Мистишинъ»; а под 6454 г. — прибавление имени Свенельда, что изобличает форма единственного числа «рече» («и рече Свѣнелд и Асмуд») ⁵⁴.

дением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. — ЧОИДР, 1899, кн. 2; «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911; М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

⁵³ См. житие Феодосия в «Сборнике XII века московского Успенского собора», л. 35; Лавр. лет. под 6580 г.; «Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 76.

⁵⁴ Вставки были замечены А. А. Шахматовым. Повторения под 6430, 6448 и 6450 гг. в Новгородской I летописи невозможно объяснить наслоением редакции XII в.: составителю Новгородского свода XII в. не представляло никакого интереса обогащать текст подробностями древнекиевских событий. Одна редакция известий могла отражать один текст XI в., а другая — другой (Печерского монастыря), где была тенденция прославлять предков Яна Вышатича. Поэтому, восстанавливая древнейший текст, следует исключить пространное изложение тех же событий под 6430 г., а под 6453 г. — вставку, афиширующую богатство дружинников Свенельда, и ниже вставку о «воеводе» Свенельда, под 6454 г. — имя Свенелд. Таким образом, возможно первоначальный текст восстановить несколько

Когда была произведена эта обработка текста в Печерском монастыре, мы точно не знаем. По прямому свидетельству составителя Повести временных лет, им было много вписано со слов Яна Вышатича в летопись. Обработка летописного текста с целью прославления Свенельда была сделана ранее. Вставки эти имеются в Новгородской I летописи и были, видимо, в Начальном своде, как правильно заключал А. А. Шахматов. Ян Вышатич в конце 60-х или в начале 70-х годов служил Святославу Черниговскому, к которому, как полагают, мог попасть из Тмутарокани, где был его отец. Неизвестно, когда он оказался в Киеве, но известно, что еще при Феодосии (ум. в 1074 г.) Ян и его жена были близки к Печерскому монастырю. Допустив, что вставки о Свенельде сделаны при Никоне под влиянием Яна (в чем нельзя быть уверенным), мы должны принять, что тексты о древлянах были включены в летопись до Никона.

Итак, мы привели ряд данных и соображений, возбуждающих сомнение в правильности мысли, что с именем и временем Ярослава можно связывать только труд «о распространении христианства на Руси». И церковно-агиографический материал, и светский, политический, относящийся к событиям X в. и первых десятилетий XI в., принадлежащий к древнейшим слоям летописного текста в составе Новгородской I летописи и Повести временных лет, подчинен общей задаче оправдания и прославления киевского князя Ярослава и согласования интересов христианского «просвещения» и политики киевского стола.

Трудно с уверенностью сказать, когда именно был составлен этот летописный свод времени Ярослава и насколько полно дошел он до нас в обработке позднейших редакторов. Но те фрагменты, которыми мы располагаем, заставляют думать, что его составление было связано с потребностью осмыслить образование и историю «Русской земли» в период нараставших противоречий в развитии

иначе, чем восстанавливал Шахматов, а именно: «Игорь же сѣдѣше в Киевѣ княжа, и воюя на Древляны и на Уличѣ. [И] яшася У[г]личи по дань Игорю, и Пересѣченъ взятъ бысть; [и] дасть дань на них Свѣнделду. Въдасть дань деревьскую Свѣнделду тому же» (Новг. I лет., стр. 109—110). И затем: «И приспѣ осень и нача мыслити на Древляни, хотя примыслити большую дань, [и] иде в Древа в дань и примышляше къ первой дани...» и т. д. (Лавр. лет. под 6453 г.).

Древнерусского государства. С одной стороны, действовали центристские силы, и Ярослав, возглавлявший южнорусскую знать, был выразителем этих сил, оказавшись «единовластцем» в «Русской земле» и проводником «русского» (южнорусского) влияния и интересов в различных краях Восточно-Европейской равнины. С другой стороны, тот же Ярослав принужден был идти на уступки местным новгородским интересам, интересам местной новгородской знати и считаться с нараставшим процессом зарождения и формирования «областей»-«земель». Задачу составления труда по истории «Русской земли» взяли на себя лица (или лицо), преданные Ярославу. Дошедшие до нас фрагменты носят печать ограниченности, характер местной, киевской «областной» истории.

Выше мы упоминали о летописных записях в Вышгороде. Вышгород был политическим придатком Киева; уже в X в. его называет Константин Багрянородный наряду с наиболее значительными центрами Руси. В другой книге мы подробно останавливались на данных о социально-экономическом значении и о внутреннем устройстве города, «града Ольги», а также об общих интересах, связывавших Киев, киевскую знать и знать вышегородскую⁵⁵ (возможно, что именно в Вышгороде были записаны древнейшие «народные» сказания об Ольге и древлянах). Поскольку мы говорили об истоках древнейшего южнорусского летописания, необходимо сказать несколько слов о том, что вышегородские записи послужили как бы дополнительным истоком, не давшим значительного эффекта (вышегородских летописных сводов мы не знаем), но все же в небольшой мере оказавшим влияние на последующее летописание; причем велись они, по-видимому, не при одной только церкви в Вышгороде. Дошедшие до нас вышегородские церковные записи содержат интересный материал по социально-экономическому быту того времени. Вышегородскими записями летописного характера пользовался и автор «Чтений», и автор «Сказания»; местами

⁵⁵ А. Н. Насонов. «Русская земля», стр. 53—55.

рассказ о чудесах в «Чтениях» и в «Сказании» почти дословно совпадает. Некоторые выражения носят летописное обличие (см. в Чтениях: «бѣ бо уже время зимно»; «и наставшую лѣто»). Когда и кто начал вести вышегородские записи? Мы видели, что одним из заинтересованных лиц был Ярослав; в организации почитания братьев принимал участие Иоанн, которого Нестор называет то «архиепископом», то «митрополитом». Непосредственно вел записи, вероятно, клирик вновь построенной церкви Бориса и Глеба. Но есть основания полагать, что руководство делом было поручено «старѣйшине», или «властелину града», или «градънику» Миронегу. Он сообщает Ярославу о первых чудесах. Первое чудо, записанное после того как тела братьев были внесены в сделанную часовню или сруб, относилось к сыну Миронегу, не владевшего ногой. После того как Миронег сообщил об этом Ярославу, и, согласно с советом архиепископа, была построена церковь в честь Бориса и Глеба, Ярослав приказал «властелину града того» Миронегу давать «от дани» церкви десятую часть. Тогда же был установлен «праздъникъ» в память братьев; «якоже, — пишет Нестор, — и нынѣ свершается» (24 июля). Надо полагать, что с этого времени и начались записи при вышегородской церкви имени братьев, убитых Святополком.

Вышегородских сводов, сколько нам известно, повторяем, не существовало. Но первая запись о самом убийении Бориса и Глеба была сделана, вероятно, в Вышгороде. Вышгородский составитель Паримийных чтений включил в свой труд философское рассуждение, которое находим и в прибавлении к летописному сказанию о Борисе и Глебе, затем во владимирских летописных текстах XII в., где оно было сокращено (и приняло несколько иную социально-политическую окраску), и в «Мериле праведном».

После смерти Ярослава киевский стол занимал сначала Изяслав, потом Святослав, затем Всеволод. Монастырем Изяслава был основанный им Дмитровский монастырь, куда был «выведен» из Печерского монастыря в игумены Варлаам. Монастырем князя Всеволода был Михайлов-

ский Выдубицкий монастырь, а монастырем Святослава в Киеве был монастырь Симеона в Копыреве конце. Следов летописной работы в Дмитровском монастыре и в монастыре Симеона в дошедших до нас летописных текстах не сохранилось. Вообще, нет следов киевского летописания, которое велось бы в среде, преданной Изяславу. Завещание Ярослава, как правильно определил А. А. Шахматов, было написано не в 1054 г., а позднее, при Никоне Печерском. Завещание вполне отвечало взглядам печерских монахов Антония и Феодосия на междукняжеские отношения. Вместе с тем следует обратить внимание, что в том же летописном рассказе 1054 г. Всеволод выдвинут как князь, любимый отцом «паче вся братьи». А вслед за этим рассказом (в конце которого опять назван Всеволод) и после упоминания о том, что братья сели по своим столам, мы читаем не о деятельности Изяслава, как следовало бы ожидать в киевском «летописце» (ибо в Киеве сел Изяслав), а о деятельности Всеволода, который сидел в Переяславле-Русском: о походе Всеволода на торков и о заключении Всеволодом мира с половцами. Наконец, первое известие с точной датой разбираемого нами материала падает на 1061 г. и относится к деятельности не Изяслава, а Всеволода: «Приидоша половци пръвое на Рускую зсмлю воевать; Всеволод же изиде противу имъ мѣсяца февраля вторымъ день; и бившись имъ, побѣдиша Всеволода, воеваше и отъидоша. Се бысть пръвое зло от поганых, безбожныхъ врагъ. Бысть же Сокаль князь ихъ»⁵⁶. Впервые отмечается деятельность Изяслава в летописном изложении под 1058 г. в очень кратком известии: «Побѣди Изяславъ Голядь». Далее о деятельности специально Изяслава нет почти ничего. Обычно последующие летописные редакции не стирали материала предыдущих, хотя иногда и сокращали его. Первая пространная запись о событиях в Киеве (под 1068 г.) явно не принадлежит источнику, близкому к Изяславу, так как об Изяславе говорится с укоризной («Изяславъ же сего не послуша...») и ниже: «Се же богъ яви силу христьянскую: понеже Изяславъ цѣловать крестъ и я и; тѣмъ

⁵⁶ Новг. I лет.; ср. Повесть временных лет. Слова «се бысть... безбожныхъ врагъ» вставлены, кажется, в первоначальный текст, так как, во-первых, они повторяют сказанное («приидоша... пръвое») и, во-вторых, прерывают изложение событий нашествия.

же наведе богъ поганья» и т. д.⁵⁷; не из среды, преданной Изяславу, вышла и запись 1069 г.: «Изяславъ . . . посла же пред собою сына своего Мьстислава Киеву. И пришед Мьстиславъ иссѣче, иже бѣша выскли Всеслава, числомъ 70 чади; а другыя слѣпиша, иныя же безъ вины погуби, не изъпытавъ»⁵⁸.

Но имеется ряд известий, в которых подчеркивается единение трех братьев — Изяслава, Святослава и Всеволода. Это — известия под 1059, 1060, 1067, 1068 и 1072 гг. Совместная деятельность трех князей Среднего Поднепровья, попытка составить своего рода триумvirат объяснены нами со стороны социальной, со стороны классовых интересов в книге «„Русская земля“ и образование территории Древнерусского государства». Совместная, согласованная деятельность южнорусских князей-братьев отвечала и идеалу междукняжеских отношений, сложившемуся в Печерском монастыре. Печерской записью представляется также запись 1067 г., где князьям, захватившим Всеслава, брошен упрек в нарушении крестоцелования. Ряд известий о совместных действиях по защите и устроению «Русской земли» завершается рассказом (под 1073 г.) об изгнании Изяслава Святославом и Всеволодом, в котором ясно видна рука печерского автора; здесь читаем, что виновником изгнания был Святослав, преступивший «заповѣдь отню, паче же божию» (ср. обличение Святослава Феодосием).

Итак, нет следов киевского летописания, которое велось бы в среде, преданной Изяславу. В Дмитровском монастыре Изяслава был похоронен Ярополк Изяславович, но его некролог, помещенный вслед за сообщением о смерти, хранит следы записей не Дмитровского монастыря, а как будто Десятинной церкви; так, здесь сказано, что умерший князь был «кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину да я святѣи Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта и моляше бога всегда, глаголя: господи боже мои! Приими молитву мою и дажь ми смерть, якоже двѣма братама моима, Борису и Глѣбу. . .»⁵⁹. Нестор при составлении жития Бориса и Глеба («Чтения») пользовался, по-видимому, редакцией

⁵⁷ Акад. список Новг. I лет.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Лавр. лст. под 6594 г.

жития братьев, составленной в Десятинной церкви, но до нас не дошедшей⁶⁰.

Вместе с тем можем сказать, что следы летописания во «Всеволожем» Михайловском Выдубицком монастыре имеются. Так, под 6578 (1070) г. сообщается: «Родися у Всеволода сынъ, и нарекоша именем Ростиславъ. В се же лѣто заложена бысть церкви святаго Михаила в монастырѣ Всеволожи»; под 6596 (1088) г.: «Священа бысть церкви святаго Михаила манастиря Всеволожа митрополитомъ Иваномъ (вариант: «...и епископы Лукою, Исаиемъ, Иоаномъ»), а игуменьство тогда держащу того манастиря Лаз[ареви]». Из того же источника, возможно, взято известие, помещенное под 6561 (1053) г.: «у [РА] Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимерь, от цесарицѣ Гръкынѣ»⁶¹. Неизвестно, какого происхождения упоминания о Всеволоде в статье 1054 г., посвященной смерти Ярослава и цитированной выше. Они явились как будто результатом редакционной обработки, так как слова «плакася по нем Всеволод и людье вси» повторяют уже сказанное: «плакашася по нем людье». Во всяком случае упоминания о Всеволоде под 1054 г. как о любимом сыне Ярослава («паче всея братьи») — одного происхождения со словами некролога под 1093 г.: «...любимъ бѣ отцемъ своимъ ... паче братьи твоее». Затрудняемся определить, какого происхождения записи о деятельности Всеволода за годы, когда он занимал киевский стол. Но записи более ранние — 50—60-х годов, относящиеся к деятельности Всеволода, когда он был князем Переяславля-Русского (они приведены нами выше), могли быть сделаны в Выдубицком Михайловском монастыре, но могли (и это представляется мне вполне вероятным) и в Переяславле-Русском.

⁶⁰ Нестор использовал редакцию жития Бориса и Глеба, в которой особая роль отводится Десятинной церкви (см., например, о посещении Глебом церкви и т. п.); она названа в тексте «владычица наша Богородица в Киевѣ». Кроме того, в тексте встречаем греческие выражения и слова «кафоликани иклисиа» (о Десятинной церкви), «еписистолия» и другие, что побудило Д. В. Айналова предположить, что составление оригинала этой редакции было связано с подготовкой канонизации (Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. — ИОРЯС, т. XV, кн. 3. СПб., 1910).

⁶¹ Лавр. лет. под 6561, 6578, 6596 гг.

Нельзя быть уверенным, что записи, сделанные в Выдубицком Михайловском монастыре, были включены в летописный свод при составлении Начального свода. Они могли быть введены в текст позже, в самом Выдубицком Михайловском монастыре при Сильвестре, монахе этого монастыря, когда он обрабатывал или переписывал, редактируя Повесть временных лет в 1116 г. при киевском князе Владимире Мономахе. Тогда же мог быть введен ряд известий о Всеволоде, как были введены известия о нем позднее, при составлении редакции, более полно отразившейся в Ипатьевской летописи. Но следует иметь в виду, что интерес к Переяславлю-Русскому поддерживался в Печерском монастыре в конце XI в., что Ефрем Переяславский, названный митрополитом, был из монахов Печерского монастыря и что под 1089 г. говорится об освящении церкви св. Михаила в Переяславле Ефремом («бѣ бо прежде в Переяславли митрополья») и о строительной деятельности Ефрема в Переяславле-Русском.

Имеются также следы летописной работы в Чернигове, вероятно при церкви св. Спаса, основанной Мстиславом еще до того, как была заложена София в Киеве. Под 1076 г. читаем: «Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27, от рѣзанья желве, и положень Черниговъ у святаго Спаса...»; под 1077 г. — «Сѣде Борисъ Черниговъ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 днии, и бѣжа Тмутороканю к Романови» и ниже: «Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговъ»; под 1078 г. — о смерти Глеба Святославича в Заволочье: «...его же тѣло положено бысть Черниговъ за Спасомъ, мѣсяца иуля 23 день»⁶². Последнее известие считаем или черниговским, или соединением новгородского известия с черниговской записью. О связях Киево-Печерского монастыря с Черниговом мы уже говорили ранее.

А. А. Куник и А. А. Шахматов полагали, что составитель летописного свода в Печерском монастыре использовал княжеский Синодик, составленный с помощью надписей на надгробных плитах. Возможно, что существовал такой Синодик, написанный при Десятинной церкви, и был в руках у составителя Начального свода (см. 1000, 1001, 1003, 1007, 1011, 1044, 1054, 1057, 1078, 1093 гг.). Но

⁶² Лавр. и Ипат. летописи под 6584—6586 гг.

допускаем также, что известия эти восходят частью к летописи Десятинной церкви, где могли быть также записи о смерти князей, похороненных не только в Десятинной церкви (см. цитированную нами летописную запись о смерти Ярополка).

Никто не сомневается, что в Киево-Печерском монастыре велись летописные записи при Никоне, а при составлении Начального свода они были положены в основание дополнительной части этого свода.

Но едва ли следует полагать, что печерские записи представляли собой систематическую регистрацию событий монастырской жизни, дневник, полно отражавший внутреннюю жизнь монастыря. Если не считать более или менее цельных произведений печерской литературы, полностью или после переработки включенных в летописный текст, таких, как статья «Чего ради прозвася Печерский монастырь» или статья об «успении» Феодосия, или о перенесении его мощей (см. 1051, 1074, 1091 гг.), то, собственно, записей о монастырских событиях (до 1093 г.) в Повести временных лет сохранилось очень мало: под 1073 г. — об основании церкви Печерской, без точной даты; под 1075 г. — об окончании постройки церкви, с точной датой; под 1088 г. — краткая запись о смерти игумена Никона и под 1089 г. — об освящении печерской церкви св. Богородицы. Вместе с тем имеется ряд печерских записей о политических и иных событиях в стране, которыми по тем или иным причинам интересовались в монастыре. К ним принадлежит ряд записей о тмутороканских событиях, особенно интересовавших, как убедительно показал Шахматов, Никона, занимавшегося писанием «книг» еще при Феодосии⁶³. К ним же есть основания относить записи о совместных выступлениях трех братьев-князей, о восстании 1068 г. и об изгнании Изяслава, о волхвах под 1071 г., о знамениях и море под 1092 г., о походе на половцев в 1093 г. Там же могли быть

⁶³ О том, что Никон при жизни Феодосия занимался писанием «книг», рассказывает житие Феодосия, сохранившееся в сборнике XII в. московского Успенского собора: «...многоашьды же паки великоуоумоу Никоноу сѣдѣюще и дѣлающе книги и блаженоуоумоу (т. е. Феодосию. — А. Н.) въскраи того сѣдѣюще и прядоуще нити, еже на потребоу таковоуоумоу дѣлоу» (л. 42). Известен был также «чернец» Иларион, который был «книгамъ хытръ псати»; он днем и ночью писал «книгы» в келии Феодосия (л. 44).

записаны и некоторые другие события⁶⁴. Понять, что же представляли собой печерские записи, помогают дошедшие до нас рукописи с монастырскими записями XVI—XVII вв., троицкие, отчасти — кирилло-белозерские. Они обычно делались в рукописной «книге» вслед за каким-нибудь переписанным памятником или статьей или в промежутке между текстами, на чистых листах, причем нередко записи местные, монастырские, шли вперемежку с записями о событиях общерусских (см., например, рукопись Троицкого собр., № 201; ср. Погод. собр., № 1566 и др.). Предполагаем, что и печерские записи делались на чистых листах какой-нибудь печерской рукописной книги, быть может житийного содержания, или, возможно, вслед за текстом переписанного Древнейшего киевского свода. Вписывалось также и то из внемонастырской жизни, что в глазах русского средневекового монаха представлялось интересным или важным или в чем он видел оправдание своего мировоззрения, своего понимания исторических событий, причем при составлении свода такая запись могла подвергнуться обработке. В подробном рассказе печерского монаха показано, например, как Всеслав был освобожден из темницы и сел в Киеве, а Изяславу пришлось бежать. Это было, согласно летописному рассказу, проявление «силы крестной», кара, свершившаяся над Изяславом, преступившим крестное целование Все-славу. Летописец следит, как разворачиваются события, вынудившие Изяслава к бегству: нахлынули половцы, Изяслав не внял просьбе дать киевлянам «оружие» и «кони», а затем не решился принять меры по отношению к заключенному Всеславу.

Записи эти могли делаться и не одним лицом; напомним также о противоречиях в показаниях жития Феодосия Нестора и Повести временных лет.

Составляя Начальный свод, неизвестный нам автор «черноризец» Печерского монастыря, кроме Древнейшего киевского свода, печерских записей, новгородского материала и хронографического, а также Паримийника (что было установлено А. А. Шахматовым) и др., мог привлечь и записи Десятинной церкви, а также сделанные в «Рус-

⁶⁴ См. А. А. Шахматов, Киевско-Печерский патерик и печерская летопись. — ИОРЯС, т. II, кн. 3. СПб., 1897; он же. Житие Антония и печерская летопись — ЖМНП, 1898, март.

ской земле» (южнорусской), но за пределами Киева. Как показывает сравнение летописи с житием Феодосия и Киево-Печерским патериком, Начальный летописный свод отразил настроения и оценку политических событий печерских руководителей — Антония, Феодосия и игумена Иоанна. И позже, в XVI в., например, игумен мог дать общую политическую окраску летописному своду, составлявшемуся в монастыре. В известной работе «Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись» А. А. Шахматов неопровержимо доказал, что Начальный свод обличал Святополка и его дружину.

В Печерском монастыре, как прямо свидетельствует летописный текст, написанный в этом монастыре, не смотрели на составление летописного свода как на работу, которая велась бы по заказу того или иного князя, и на свой «летописец» как на труд, который при всех обстоятельствах должен быть орудием княжеской политики, послушным княжескому двору. В Печерах подчеркивали, что много монастырей поставлено царями, боярами и богатством, а основатель Печерского монастыря не имел ни «злата, ни сребра». Печерские руководители не раз оказывались в резкой оппозиции к киевским князьям (при Изяславе, Святославе, Святополке). Причиной разногласий были междукняжеские отношения и злоупотребления властью княжеских слуг и самих князей.

В Печерском монастыре сложился определенный идеал князя, и представители династии Рюриковичей, признававшейся в Печерском монастыре единственной законной династией, должны были и в отношении друг с другом и в отношениях с населением не нарушать, во всяком случае явно и резко, требований этого идеала. Осуществление требований этого идеала предполагалось в рамках современных ему социальных отношений и политического строя. Но резкие обличения не могли быть приятны киевским князьям, и те отвечали иногда угрозами или репрессиями. Игумен Иоанн, например, был заточен Святополком в Туров, откуда был вызволен Владимиром Мономахом. Однако те же князья старались жить в мире с монастырем и использовать его в своих интересах, в интересах своей княжеской политики.

Начальный свод был составлен, видимо, в момент разногласий со Святополком. Это были годы, когда внимание князей было отвлечено от вопросов летописания. Мы знаем,

например, что ведение летописных записей при вышгородской церкви, где лежали Борис и Глеб, временно прекратилось после смерти Всеволода: «Въ та же времена, — читаем в «Сказании о Борисе и Глебе», — поганымъ укрѣпивъшемъся паче на насъ и много насильствующемъ намъ за нашѣ грѣхы. Бысть забъвение о църкви сеи святою мученику, и ни единъ же можаше что съдѣяти и о зѣдании и о вѣсемъ и о сѣ ка з а н и и ч ю д е с ѣ а и м н о г о м ѣ б ы в а ю щ е м ѣ»⁶⁵. В эти годы Начальный свод и выдвинул задачу борьбы со злоупотреблениями княжеской властью и с теми сторонами в поведении князя и его слуг, которые вызывали недовольство и которые явно не отвечали монастырскому идеалу правителя.

Предисловие к Начальному своду говорит, что и в древности брали «виры», но «виры правые» (т. е. правильные, истинные, настоящие), а не «творимые» (т. е. ненастоящие). В этом, по мнению составителя Начального свода, — преимущество старины перед современностью. Не одобряет он и распространение «продаж», которых в старину не накладывали совсем. Новые, отрицательные явления, по мнению того же автора, были результатом «несытства» и «насилий», чинимых князем и его дружиной.

С осуждением говорит он также и о невнимании князей к голосу «смысленых» (к их числу он относит и Яна Вышатича), к голосу старшей дружины, и о чрезмерном внимании к совету «юных», т. е. младшей дружины князя.

Здесь дело шло не только о возрастном уровне советников. В число старших входила местная знать, те «мужи», среди которых князь издавна был как бы первым среди равных. «Юные» же входили в состав его окружения, где он главенствовал, или, иными словами, в состав подчиненной ему родо-феодальной организации, образуя ее верхний слой и являясь принадлежностью его двора: огнищане, мечники, «детские», «отроки», частью полузависимые, «гридины», между которыми было немало наемных варягов, и т. п. Родо-феодальные организации составляли окружение не только князей, но и других сильных «мужей» — феодалов того времени.

Речь шла, таким образом, о попытках киевского князя поставить себя как-то более самостоятельно по отношению

⁶⁵ Д. И. Абрамович. Жития, стр. 60; С. А. Бугославский. Пам'ятки, стр. 165.

к местной знати, опираясь на своих слуг. Не случайно в эти годы усилились и злоупотребления княжеских слуг своей властью. Позднее аналогичные явления наблюдались при Андрее Боголюбском на Северо-Востоке. Он оказывал особое предпочтение своим слугам и вызывал раздражение местного боярства. Его слуги также злоупотребляли своей властью: «идеже закон, ту и обид много», — поясняет княжеский летописец; и когда Андрей Боголюбский умер, население начало грабить «по волости» дома его посадников и тиунов (судей), избивать «детских» и «мечников».

Распространение вир и продаж сопровождало общий процесс формирования Древнерусского государства: распространению органов княжеской власти, формированию государственного аппарата принуждения. В договоре Игоря с греками нет упоминания о вирах. Убийцу выдавали «ближним», они его «держали» и затем убивали, а если же его не удавалось поймать, но оставалось имущество, то «ближние» получали имущество.

По древнейшей Русской Правде, наряду с выдачей убийцы родственникам для мести допускался уже и выкуп мести; родственники убийцы (?) платили за убийство. Со временем те убийцы, которые были «разбойниками» (под «разбоем» могли разуместь в древности как случаи профессионального разбоя, так и случаи классовой борьбы), выдавались не родственникам убитого, а князю для «казни» (наказания). Князь мог за «разбой» брать виру или с убийцы, или с его родственников, или с той общины, на территории которой был найден убитый. Трудно сказать, когда началось поступление вир в пользу князя; если верить летописному известию под 996 г., уже в конце X в. князь брал виры за «разбой». Во всяком случае, в первой половине XI в., при Ярославе, взимание вир получило, по-видимому, значительное распространение, на что указывает институт «вирников», или княжеских слуг, в обязанность которых входило взимание вир, а также установленная норма сборов в их пользу за пребывание определенный срок в данной местности. О продаже встречаем впервые упоминание в Правде Ярославичей. Со временем практиковалось брать уголовный штраф за разные преступления в пользу князя в размере побора в пользу потерпевшего. Но, вероятно, уголовные штрафы в пользу князя вошли в практику не сразу.

Взимание вир и продаж распространялось по мере рас-

ширения функций княжеской власти. Участвовавшие случаи «неправедного» суда, о котором упоминает печерский летописец под 1068 г. и автор «Слова о ведре и казнях божиих», были, по-видимому, одной из причин восстания 1068 г., и на съезде 1072 г. князя Ярославичи были принуждены увеличить штраф за убийство княжих людей, и, может быть, принять меры против злоупотреблений властью (к сожалению, неясна статья Русской Правды об убийстве огнищанина «оу клѣти»; со временем запрещалось «умучить смерда без княжа слова»)⁶⁶. В конце XI в. новым явлениям в политической жизни, о которых мы выше говорили, сопутствовала волна злоупотреблений князьями и княжескими слугами своею властью; они позволяли себе брать «творимые» виры, допускали, по-видимому, произвол в назначении продаж. В предисловии к Начальному своду Святополк прямо не был назван, но «нашему несытоству» противопоставлялось поведение князей древности и их дружин.

На последующем этапе истории киевского летописания видим попытку использовать печерское летописание в интересах киевского стола.

После 1111 г. в Киеве появился новый летописный труд. Хотя он был составлен в том же Киево-Печерском монастыре и всего примерно через 15 лет после Начального летописного свода, он служил новой и исключительно важной вехой в истории русского летописания. Этот памятник, содержащий, можно сказать, откровение о русском народе, новое понимание народа — Руси, появился в условиях государственной и народной жизни, способствовавших утверждению представления о широкой восточноевропейской общности, политической и этнической.

Памятник этот — я говорю о Повести временных лет — был сразу же понят как памятник чрезвычайного значения и оценен крупнейшим представителем государственной власти — Владимиром Мономахом. Благодаря этому Повесть временных лет дошла до наших дней, так как была

⁶⁶ «Русская Правда», т. I. М.—Л., 1940; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 66.

в дальнейшем положена в основу официального летописания в Киеве и в других крупных центрах Руси. Но вместе с тем вследствие этого же она дошла до нас, к великому сожалению для науки, не в том первоначальном виде, как была составлена в Печерском монастыре, а подвергнутая некоторой редакционной обработке.

Одна обработка могла быть произведена в 1116 г. в семейном монастыре отца Мономаха (Михайловском Выдубицком) при киевском князе Владимире Мономахе, когда Повесть временных лет переписывалась, как свидетельствует сохранившаяся запись игумена Сильвестра, а другая, как доказано А. А. Шахматовым, была предпринята в 1118 г. явно в интересах Владимира Мономаха и, по-видимому, при участии сына его Мстислава⁶⁷.

Повесть временных лет построена была прежде всего на материале Начального свода. Особенности Повести временных лет как нового летописного свода должны лучше всего обнаружиться, во-первых, при изучении части до 1016 г., особенно вводных статей, где Повесть временных лет значительно отступает от текста Начального свода (ср. Повесть временных лет и Новг. I летопись); во-вторых, при рассмотрении конечной части Повести временных лет, т. е. текста, который служит продолжением Начального свода.

В составе Повести временных лет Начальный свод кончался 1093 г., и, следовательно, нас в первую очередь должен интересовать текст Повести временных лет с 1094 г. до конца ее, до известий 1110 г., предшествующих записи Сильвестра.

В дошедшем до нас виде этот текст представляет, в сущности, описание южнорусских событий на общерусском фоне; стержнем летописного текста служит киево-печерская летопись.

Записей, которые специально посвящены и непосредственно касаются жизни монастыря, — семь; пять из них — с точной датой; одна — без даты потому, что касается монастыря в Клове, хотя действующим лицом является бывший печерский игумен; одна по содержанию не требует как будто указаний на день; впрочем, последняя могла быть составлена по припоминанию при написа-

⁶⁷ А. А. Шахматов. Повесть, стр. III—X, XXXVII—XLI.

нии летописного свода и не быть записью местной летописи (о том, что по просьбам игумена Феоктиста Святополк велел митрополиту вписать в синодик Феодосия для поминаний по всем епископиям). Сочетанием записи с добавлением самого составителя свода служит статья под 1106 г. о смерти Яна Вышатича, погребенного в Печерах. «От него же, — читаем здесь, — и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах»⁶⁸. В двух больших статьях о военно-политических событиях явно обнаруживается рука печерского монаха; они могли быть написанными частью на основании местных записей, частью же на основании расспросов участников событий (в их числе Яна). Это рассказ (под 1096 г.) о совместной борьбе князей с половцами и о нашествии половцев на Киев («...и придоша в монастырь Печерьский, намъ сущим по кѣльямъ...») и под 1107 г., где также речь идет о борьбе с половцами и специально, в виде отступления, говорится об отношении Святополка к Печерскому монастырю.

В ряде статей обнаруживается общая идейная линия: подчеркивается совместный характер княжеских мероприятий. Совместные, согласованные мероприятия «русских» князей отвечали, как мы уже говорили, представлениям Киево-Печерского монастыря об обязанностях русского князя. Так, в тексте 90-х годов проводится тема совместных мероприятий Святополка и Владимира начиная с 1095 г., когда обнаружилось, что Олег Черниговский нарушает традиционное единение трех «русских» (южно-русских) князей (или князей трех княжеств), необходимость которого в эти годы подчеркивается при выяснении обстоятельств защиты «Русской земли» от половцев. Совместные действия «братья» против половцев прослеживаются и под 1101, 1103, 1107, 1110 гг. Описания всех этих событий составлялись, вероятно, на таком же материале (монастырские записи и устные показания) автором Повести временных лет, хотя, возможно, что некоторые из них могли подвергнуться впоследствии редакционной обработке в интересах Владимира Мономаха.

Общая идея — принцип «отчинности», провозглашенный в 1097 г., — проводится в тексте начиная с 1094 г. (1094, 1096, 1097 гг.).

⁶⁸ Лавр. лет. под 6614 г.

Менее ясно, какого происхождения записи, касающиеся специально киевского князя Святополка и его семейных дел; известия такие идут почти непрерывно, особенно с 1099 г. (см. под 1094, 1095, 1099, 1101, 1102, 1103, 1104, 1106, 1107, 1108 гг.). Но где они могли быть записаны? Дмитровский монастырь Изяслава, отца Святополка, в изучаемом тексте ни разу не упоминается, а Михайловская «златоверхая» церковь, в которой Святополк был погребен, заложена была Святополком только в 1108 г., причем похоже, что о закладке церкви записано было в Киево-Печерском монастыре⁶⁹. Полное примирение Святополка с Печерским монастырем произошло между 1096/97 г., когда писался Начальный свод, и 1107 г., под которым читаем характеристику близких отношений между Святополком и Печерским монастырем. Первое известие с точной датой в ряду известий о нем и делах его семьи в нашем тексте падает на 1099 г. и может считаться записью того времени. Предыдущие два известия (1094 и 1095 гг.) лишены точных дат и могли быть записаны по припоминанию, причем известие 1095 г. о г. Святополче и г. Гюргеве связано с записью 1103 г., где имеется ссылка на событие 1095 г. Таким образом, сообщение 1095 г. могло быть внесено впоследствии по связи с записью 1103 г.; сведения могли быть частью получены от епископа Марина, вышедшего из монахов Киево-Печерского монастыря, упомянутого в известии 1095 г., который, как свидетельствует Киево-Печерский патерик, посещал Печерский монастырь⁷⁰. История с Ярославом Ярополковичем, захваченным Святополком и освобожденным по ходатайству митрополита и игуменов, а затем бежавшим из Киева и вновь захваченным сыном Святополка и заключенным в оковы, кончилась тем, что Ярослав Ярополкович вскоре умер. Обо всем этом внесено в летопись и, конечно, не по желанию Святополка. Печерский монастырь не сочувствовал в этом Святополку, как можно заключить и из записей о перипетиях этого дела (под 1101 и 1102 гг.), хотя записано сухо и очень сдержанно. Далее точные даты в ряду

⁶⁹ «Заложена бысть церкы святого Михаила Золотоверхая Святополком князем въ 11 июля мѣсяца; и кончаша тряпезницу Печерскаго монастыря при Феоклиствѣ игуменѣ, иже ю и заложи повелѣньемъ Глѣбовымъ, иже ю и стяжа» (Лавр. лет.).

⁷⁰ Лавр. лет. под 6603 г.; «Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 60, 76.

известий специально о Святополке и делах его семьи имеются под 1103, 1107 и 1108 гг. Под 1107 г. запись о вдове Изяслава, матери Святополка («преставися княгини, Святополча мати»), непосредственно следует после печерской записи. О том, что запись 1108 г. походит на печерскую запись, мы уже говорили выше.

Все эти данные и соображения склоняют нас к выводу, что записи о Святополке и делах его семьи, попавшие в изучаемый текст Повести временных лет, были сделаны в Киево-Печерском монастыре.

Но дальнейшие шаги историка, интересующегося первоначальным текстом Повести временных лет (в том виде, как она первоначально вышла из Киево-Печерского монастыря), становятся очень трудными, особенно когда он переходит к известиям новгородским, связанным с Мстиславом, сыном Мономаха, переяславль-руским, связанным с деятельностью Мономаха, и к известиям о семейных делах последнего, а также к ростово-суздальским, описывающим события, в которых значительную роль играет тот же Мстислав.

Что из этого материала привнесено в текст при работе Сильвестра в монастыре отца Мономаха или при редакционной обработке 1118 г.? Пользуясь результатом замечательных работ Шахматова, мы можем с уверенностью сказать, что тех прибавлений к тексту, которые имеются в Ипатьевской летописи и которых нет в Лаврентьевской, сделанных явно в интересах Мономаха, не было в первоначальном тексте Повести временных лет. Можно с большей долей вероятности предполагать, что вставкой в первоначальный текст Повести временных лет является пространный рассказ о событиях, последовавших за Любечским съездом, хотя рассказ этот имеется и в Лаврентьевской летописи, и в Ипатьевской. Вставка обнаруживается и повторением в кратких известиях некоторых событий в дальнейшем, и указанием рассказчика на себя, и в похвале Мономаху, принадлежащей, по-видимому, тому, кто вставлял весь кусок. Можно также, вслед за А. А. Шахматовым, полагать, основываясь на сопоставлении известий 1096 и 1114 гг., что рассказ Гюрыты Роговича вставлен под 1096 г. при редактировании в 1118 г.⁷¹

⁷¹ А. А. Шахматов. Повесть, стр. V—VI.

Но могли быть, судя по содержанию известий, и другие вставки, которые по данным текста обнаружить не представляется возможности. Укажем на ряд известий, которые по содержанию могли быть вставлены при редактировании, но которые из-за отсутствия текстологических показаний приходится только условно относить к первоначальному тексту Повести временных лет. Это сообщение под 1095 г. о движении Изяслава, сына Мономаха, из Курска к Мурому; под 1096 г. — о Кури и половцах под Переяславлем-Русским; под 1107 г. — о том, что Владимир Мономах женил своего сына на дочери Аепы. Равным образом принадлежащим к первоначальному тексту условно приходится считать и два новгородских известия о Мстиславе: под 1095 г. — о том, что новгородцы предпочли взять Мстислава, сына Мономаха, из Ростова и отказаться от Давыда Смоленского, и под 1102 г. — о приезде новгородцев с Мстиславом в Киев и их отказе взять сына Святополка, хотя такая договоренность была между Владимиром и Святополком. Приезд новгородцев определен точной датой, и известие составлено, вероятно, на основании записи того времени.

Больше уверенности у нас в принадлежности к первоначальному тексту подробного описания борьбы Олега Святославича с Изяславом и Мстиславом в 1096 г., хотя именно это описание Шахматов (не без колебаний) отнес к числу вставок редакции 1118 г. Наше мнение покоится на следующих основаниях.

Во-первых, трудно себе представить, что спустя около 20 лет после событий их записал кто-нибудь по припоминанию так подробно, с такими деталями, с точными хронологическими указаниями вплоть до дней недели. Мы говорим «по припоминанию», потому что на Северо-Востоке в 90-х годах XI в. летописания не велось. В Суздале не было летописания и позднее, в XII в. В Ростове и во Владимире оно началось только с середины XII в. В новгородских летописях рассказа, подобного помещенному под 1096 г. в Лаврентьевской и Ипатьевской, мы не находим. В Новгородской IV летописи и в Софийской I имеется только очень краткое упоминание о событиях.

Во-вторых, рассказ о борьбе Олега с Изяславом под 1096 г. служит прямым продолжением рассказа об осаде Стародуба Владимиром и Святополком, помещенного ранее под тем же годом. Этот последний кончается тем, что

Олег вышел из Стародуба, ему дали мир и сказали, чтобы он шел к брату Давыду (в Смоленск) и чтобы оба они пришли в Киев и там «поряд положили»: «Олег же обща- ся се створити и на семь цѣловаша крестъ»⁷². А рассказ о борьбе Олега с Изяславом начинается так: «Но мы на предняя взвратимся, якоже бяхом прежде глаголали. Ол- гови общавшюся ити к брату своему Давыдови Смолин- ску и прити з братом своим Киеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску и поим вои, поиде к Мурому...»⁷³. Вместе с тем обращаем внимание на то, что об уходе Олега к Смоленску и затем о движении его на северо-восток говорится под 1096 г. дважды, причем первый раз ранее — после известий о на- падении Боняка на Киев и нашествии половцев под Пере- яславлем, а второй раз в иной, приведенной выше, ре- дакции. В первом случае известие не является продолже- нием рассказа об осаде Стародуба, так как здесь снова сообщается (как и в рассказе об осаде Стародуба), что Олег вышел («выиде») из Стародуба; затем говорится, что он пришел к Смоленску, что смоляне его не при- няли, и он пошел «к Рязаню», а Святополк и Владимир ушли «всвоися», и ничего не говорится о нарушении кре- стоцелования⁷⁴. Таким образом, эту статью нужно счи- тать попавшей в летописный свод из другого (перемыслав- ского?) источника.

В-третьих, в Печерском монастыре не могли не интере- соваться ходом событий в 1096 г., связанных с делами рус- ского Юга, но развернувшихся на Северо-Востоке. У Пе- черского монастыря со временем установились прочные связи с Ростово-Суздальским краем. Ростовскую епи- скопскую кафедру занимал печерский монах Исаия, наве- щавший еще в 1089 г. Печерский монастырь. Потом Ро- стовская земля была в ведении печерского монаха Ефрема, соединявшего, по-видимому, под своим наблюдением пере- яславскую и ростовскую епархии. И хотя после Исаии (вплоть до середины XII в.) в Ростовской земле не было своего епископа, там в г. Суздале был учрежден двор Пе- черского монастыря. В интересующем нас рассказе 1096 г. как раз упомянут этот двор Печерского монастыря и отме-

⁷² Лавр. и Ипат. летописи под 6604 г.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

чено, что после пожара, учиненного Олегом в Суздале, только «остаяся дворъ монастырьскыи Печерьскаго монастыря и церкви, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ даль Ефрѣмъ и с селы»⁷⁵. То, что происходило в г. Суздале и под Суздалем, описано особенно детально, с точными датами, и занимает значительную часть всего рассказа. Возможно поэтому, что запись была сделана вскоре после событий со слов очевидцев из монастырского суздальского двора. О том, что происходило под Муромом, могли сообщить «суздальцы», вызванные Изяславом в Муром. Всего вероятнее, в Печерский монастырь сведения поступали от печерского монаха Никиты, сидевшего в то время епископом в Новгороде: «Мстиславъ же, — читаем в конце рассказа, — възвративъся вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свои град молитвами преподобнаго епископа Никиты»⁷⁶. Епископы были, конечно, в курсе политических дел своего княжества, а из Печерского монастыря в конце XI и в самом начале XII в. поставляли епископов в разные «земли» страны. В Полоцке, например, сидел (до 1108 г.) епископом печерский монах Мина, от которого в монастырь могли приходить сведения о событиях в Полоцке (см. полоцкие известия, попавшие в изучаемый текст Повести временных лет под 1101, 1106 гг.; ср. 1105 г.).

Все эти данные и соображения хотя и не позволяют сделать окончательного заключения, однако склоняют к мысли, что рассказ о борьбе Олега с Изяславом и Мстиславом под 1096 г. находился в первоначальном тексте Повести временных лет.

Сближение киевского стола с Печерским монастырем в начале XII в., засвидетельствованное источниками, отчасти объясняется, видимо, желанием Святополка использовать печерское летописание в интересах киевского стола. Для составления Повести временных лет стали доступны княжеские архивы, откуда составитель свода извлек тексты договоров с греками в русском переводе и со своими комментариями включил в летописный текст, что побудило его, как заметил А. А. Шахматов, пересмотреть и вопрос об Олеге Киевском. Добрые отношения, установившиеся

⁷⁵ Лавр. лет. под 6604 г.; ср. Ипат. лет.

⁷⁶ Там же, ср. Ипат. лет.

между Мономахом и Киево-Печерским монастырем, допускают предположение, что в числе других лиц, с которыми находился в общении печерский создатель Повести временных лет, был и этот князь, хотя возможность непосредственно воздействовать на обработку Повести временных лет Мономах получил позднее, когда стал киевским князем. Так как Повесть временных лет не дошла до нас в первоначальном виде, то в дошедшем до нас тексте приведенный в процессе редакционной обработки материал как раз в этой (заключительной) части Повести временных лет не всегда можно выделить, как полагал и А. А. Шахматов. Редакторы, естественно, интересовались более всего событиями, касавшимися современных им людей.

На более твердой почве стоит историк, когда приступает к изучению вводных статей Повести временных лет, имея перед собой задачу понять особенности Повести временных лет как летописного свода в связи с развитием Древнерусского государства.

Вводные статьи, по всем признакам, хотя и мало, но все же редактировались. Прежде всего есть основания предполагать, что в связи с редакцией, проведенной в интересах семьи Мономаха, вставлено легендарно-апокрифическое путешествие апостола Андрея, которое выделяется в контексте. Это предположение основано не только на данных исследований В. Г. Васильевского о двух письмах Михаила VII Дуки⁷⁷, но и на признаках особого почитания апостола Андрея в семье Владимира Мономаха (единственным монастырем в Киеве, посвященным апостолу Андрею, зарегистрированным в источниках, был монастырь, основанный Всеволодом, отцом Мономаха, а единственной церковью, посвященной апостолу Андрею, насколько нам известно, была церковь, построенная в Переяславле-Русском, вотчине Всеволода и Мономаха).

Гораздо важнее для нас другая вставка или, вернее, группа вставок. В начале Повести временных лет помещен

⁷⁷ В. Г. Васильевский. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу; он же. Хождение ап. Андрея в стране мармидонян. — «Труды В. Г. Васильевского», т. II, вып. 1. СПб., 1909; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 39—40. При редактировании Повести окончательный вид мог получить и расчет лет под 852 г., доведенный до смерти Святополка Изяславича.

рассказ о том, что в Афетовой части «сѣдять Русь, Чюдь и вси языци», что «Ляхове же и Пруси, Чюдь пресѣдять к морю Варяжьскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по т[о]му же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски». Вслед за этим мы читаем: «Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свен, Урмане, [Готе], Русь, Агняне, Галичане, Волѣхва, Римляне, Нѣмци Корлязи, Вендици, Фрягове и прочии, (ти же — Т) присѣдять от запада къ (полу-деню — РА) и сѣсѣдятся съ племянемъ Хамовым»⁷⁸. Вставка слов «Афетово бо и то колѣно... Хамовым» обнаруживает себя, во-первых, повторением того, где сидит Русь (немного выше уже говорилось, где сидит Русь), а также повторным упоминанием о варягах. Во-вторых, она обнаруживает себя содержанием: в предшествующем тексте понятие «Русь» охватывает восточнославянские племена (подробнее на этом мы остановимся ниже), а во вставочном — племя или этническое объединение, близкое к «Свеям», «Урманам», «Готам» и «Агнянам». Так как текст, предшествующий фразе «Афетово бо и то колѣно... Хамовым», и последующий, повествующий о Симе, Хаме и Афете, не принадлежит к Начальному своду (это видно из сравнения Повести временных лет и Новгородской I летописи и других показаний), то, следовательно, вся эта фраза вставлена не при переработке Начального свода составителем Повести временных лет, а при последующем редактировании текста Повести временных лет. Такой вывод приходится считать наиболее вероятным из всех возможных.

Нетрудно убедиться, что рука того же редактора коснулась текста ниже. Мы разумеем очень грубо и небрежно сделанную вставку, отмеченную еще А. А. Потебней в работе «Этимологические заметки»⁷⁹; здесь Русь также толкуется как разновидность варяжского народа, и наряду

⁷⁸ Лавр. лет.; Ипат. лет.

⁷⁹ А. А. Потебня. Этимологические заметки. Начальные сочетания лы-, ры-, лу-, ру- = основным + ал, + ар». — «Русский филологический вестник», Варшава, 1879, № 1, стр. 90. А. А. Потебня называет фразу глоссой. Возможно, что фраза («сице бо ся зваху...» и т. д.) была первоначально заметкой, комментарием, сделанным на полях Повести временных лет, а затем, при переписке текста, в редакции Мономаха (или Мономаха и Мстислава) была, как нередко делалось, включена в текст.

с ней также упоминаются Свей, Урмане, Англяне, Готы (слова «к Руси, сице бо ся зваху тѣи Варязи (Русь — РА), яко се дружини зъвутся Свое, дружини же Урмане, Анѣглыне, дружини Гѣте, тако и си»). Следовательно, надо предположить, что и эта известная вставка была сделана не составителем Повести временных лет, как принято думать, а позднее, при редакционной обработке⁸⁰. Шахматов полагал, что та же рука переделала слова «и пояша с собою дружину многу» на слова «и пояша по себѣ всю Русь». Это весьма правдоподобно, так как в Новгородской I летописи читаем: «И пояша с собою дружину многу и предивну», а слова Повести временных лет в предыдущем тексте — «... к Руси, сице бо ся зваху» и т. д., вставлены, как мы видели выше.

Кроме того, Шахматов полагал, что тому же автору принадлежит чтение: «...и от тѣхъ Варягъ, находъникъ тѣхъ, прозвася Руская земля». Такое предположение, нам кажется, принимать не столь обязательно. Здесь в тексте могла быть высказана иная мысль; фраза имеется в Новгородской I летописи, и фраза эта могла быть написана ранее, другим лицом; нет оснований решительно утверждать, что в первоначальном тексте Повести временных лет ее не было.

Приведенная выше первая вставка, судя по ее смыслу, была вызвана прежде всего желанием включить в число потомков Афета варяжские народы. Из других аналогич-

⁸⁰ Вставку слов «к Руси; сице бо ся зваху тѣи Варязи Русь» и т. д. А. А. Шахматов считал сделанной составителем Повести временных лет (А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 339—340; ср. он же. Повесть, стр. 19). Ранее, в 1904 г., когда Шахматов приписывал составление Повести временных лет (первую редакцию) Сильвестру, он полагал, что вставка сделана Сильвестром. — (А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов. — ИОРЯС, т. IX, кн. 4. СПб., 1904, стр. 308, 314, 326). А. А. Шахматов предполагал тогда, что и Начальный свод составлялся в Выдубицком монастыре (там же). М. Д. Приселков, придерживаясь мнения А. А. Шахматова, вполне последовательно сделал вывод, что составителя Повести временных лет (Нестора) следует считать «первым нашим» норманистом «самого крайнего направления» (М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 39). В действительности составитель Повести временных лет не был «крайним норманистом». То, что Приселков называет «крайним норманизмом», было результатом, как мы видели, последующей обработки текста. А. А. Шахматов полагал, что составитель Повести временных лет вставил имя «Русь» в перечень племен (А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 339).

ных вставок видно, что считали важным происхождение Руси связать с призыванием варягов и показать, что «вся Русь» пришла с князьями-варягами. Мы знаем, что первая редакционная обработка происходила в княжеском Выдубицком монастыре, а вторая — делалась явно в интересах князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Рассмотренные вставки, судя по их смыслу, отражали княжеские интересы, интересы варяжского княжеского Рюрикова рода и делались, очевидно, при редакционной обработке 1116 или 1118 г. Они делались в среде, преданной Мономаху и Мстиславу, и желание упомянуть в числе потомков Афета Свею, Урманов, Агнян, а также Римлян, Немцев-Корлязей, Венъдицев, Фрягов могло быть обусловлено к тому же интересами, вызванными семейными западными связями Мономаха и Мстислава.

Что же особенного и нового содержала Повесть временных лет в том первоначальном виде, как она была написана в Киево-Печерском монастыре, по сравнению с предшествующей летописной традицией? В каком смысле можно сказать, что она несла с собой откровение о русском народе?

Повесть временных лет — первый летописный памятник (начала XII в.), в котором с полной ясностью утверждалось и осмысливалось понятие Руси в широком значении, как совокупности разных (не только южнорусских) восточнославянских этнических групп, или «племен»⁸¹.

Это исходное представление, современное составителю Повести временных лет, определяло в первую очередь направление исторических интересов и задач предпринятого труда: автора прежде всего интересовало происхождение и история этих этнических групп, втянутых в состав Древнерусского государства, называвшихся в его время Русью и живших «в Руси» (в новом, широком значении этого слова).

Одним из необходимых и существенных признаков, объединяющих эти этнические группы, или «племена»,

⁸¹ А. Н. Насонов. «Русская земля», стр. 34—35.

была, в его представлении, принадлежность к славянскому народу: «Се бо токмо Словѣнскъ языкъ в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Вельняне»⁸². Их следует, по его словам, отличать от иных народов, которые дань дают «Руси»: «А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Вель, Муромъ, Черемись, Морѣдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, [Нерома — РА], Либь, си суть свои языкъ имуще, от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ»⁸³. Эти народы, по его мнению, не входят в состав Руси, как видно и из другого места Повести: «В Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Муромъ, Вель, Морѣдва, Заволочская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтьгола, Любь»⁸⁴.

Таким образом, согласно представлению составителя Повести временных лет, «иные языци» отличаются от «Руси», во-первых, языком («си суть свои языкъ имуще»), во-вторых, иным происхождением (Русь принадлежала к славянскому народу) и, в-третьих, до известной степени зависимым положением (они «дань даютъ Руси»).

Развитие социально-экономических, политических и культурных отношений приводило постепенно к сближению восточнославянских этнических групп, которые мало-помалу втягивались в пределы Древнерусского государства. Но в начале XII в. был момент, особенно благоприятствовавший такому сближению. К этому времени в результате длительного процесса распространения суда и дани по населенной территории Восточной Европы (суд и дань распространялись не только с Юга, но и из местных центров, в пределах формировавшихся «земель») образовалась как бы сплошная территория, охваченная государственным аппаратом принуждения, и таким образом наметились более или менее сплошные границы феодальных «земель» — «областей», хотя некоторые восточнославянские группы еще не были полностью освоены, подчинены государственному аппарату. Именно эти условия окружающей действительности должны были способствовать в то время разви-

⁸² Лавр. лет.; Ипат. лет.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

тию представления о Руси в широком смысле этого слова, как о стране, так и о народе. Осмыслить это важнейшее представление помогал составителю Повести временных лет славянский литературный памятник, использованный в Киеве.

Подтверждением высказанного мнения служит, во-первых, то, что в перечне восточнославянских племен, живущих «в Руси», и в предшествующем ему тексте о племенных княжениях, а равно и в известном сообщении о расселении восточнославянских племен, помещенном после рассказа о Кие, Щеке и Хориве и взятом из особого источника, нет упоминаний о вятичах и радимичах. Как раз вятичи (и, возможно, радимичи) были полностью подчинены государственному аппарату позднее⁸⁵.

Во-вторых, наше мнение подтверждается и тем, что, отделяя славянские этнические группы, живущие «в Руси», от иных, составитель Повести временных лет не забывает о таком признаке, как данничество, причем в его рассуждении отражается точка зрения правящего класса, так как тот же термин («Русь») употребляется, как бы незаметно для автора, в двух смыслах и во втором случае означает, в сущности, не народ, а правящий класс, в пользу которого шла дань.

Осмыслить единство Руси (в широком значении слова) должен был помочь автору хорошо известный ему памятник древнеславянской литературы, условно в наше время названный «Сказанием о преложении книг на словенский язык», созданный, как полагают, на древней мораво-паннонской литературной основе. Насколько можно судить по сохранившимся в Повести временных лет фрагментам этого памятника, составитель Повести имел в руках «Сказание», в котором упоминалось ляхское племя полян. В «Сказании» утверждалось единство дунайских славян, моравы, чехов, ляхов, полян, причем составитель Повести временных лет истолковывал этих полян как полян русских («яже нынѣ зовомая Русь»).

Уже из приведенных выше цитат из Повести временных лет можно заключить, что осмыслить этническую общность восточнославянских племен, входивших в состав Древнерусского государства, помогла автору идея единства славянских народов.

⁸⁵ А. Н. Насонов. «Русская земля», стр. 65.

Посмотрим, действительно ли в основу построения нового летописного свода (Повести временных лет) была положена не общеславянская, а русская идея и общеславянский материал служил ему лишь средством уразумения истории Руси, а также фоном, если к общеславянской идее он относился сочувственно.

Как же составитель Повести временных лет строил русскую историю? Предшествующий летописный свод — Начальный свод, который был в руках у составителя Повести временных лет, начинался с Кия, Щека и Хорива (см. Новгородскую I летопись), т. е. с истории полян, причем история полян открывалась основанием Киева. Такое традиционное летописное начало не могло теперь не казаться устаревшим.

Начинать с этого русскую историю составитель Повести временных лет не мог, во-первых, потому, что история полян, согласно тем данным, которыми он располагал, начиналась гораздо ранее, и, во-вторых, потому, что ему важно было выяснить происхождение не только полян, но и всех тех восточноевропейских племен, которые входили в его время в состав Руси. Поэтому в противоположность автору Начального свода, писавшему, что от тех трех братьев (Кия, Щека и Хорива) «суть поляне в Киевѣ и до сего дни», составитель Повести временных лет прямо утверждал: «... и до сее братьѣ бяху поляне», т. е. что история полян восходит к более глубокой древности; это и было им показано в дополнительно составленной вводной части. Интересно, что ссылку на этих братьев («и до сее братьѣ») он делает еще до того, как они были им упомянуты, тем самым изобличая несовершенство своей редакционной работы над материалом предшествующего летописного свода.

Начало, вводную часть, составитель Повести временных лет строит, пользуясь хроникой Георгия Амартола, хронографом, «Сказанием о преложении книг на словенский язык» и другими письменными и устными источниками, имевшимися у него.

С помощью этих пособий и собранных сведений он, в сущности, задается целью проследить происхождение восточных славян, которые вошли в его время в состав Древнерусского государства и назывались Русью: эта Русь была ответвлением славянского народа, который выделился после разделения «языков» из потомков Афета.

Именно потому, что перед ним стояла такая задача, он не следовал примеру византийских хронистов и не начинал «истории» с сотворения мира. Подчиняя своей цели выдержки из хроники Амартола и хронографа, он показал, какие страны были заняты после всемирного потопа потомками Сима, Хама и Афета. Но трудность заключалась в том, что ни у Амартола, ни в хронографе он не находил, конечно, названий славянских стран, расположенных на Восточно-Европейской равнине. В современной ему действительности таких наименований также не было. Как же он вышел из положения? Во-первых, он перечислил восточноевропейские реки, по которым поселились потомки Афета. Перечисление их (Днепр, Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга) было сделано по аналогии с упоминанием Дуная и другой реки $\Delta i/\alpha$ в хронографе⁸⁶ и, может быть, по примеру «Сказания о преложении книг на словенский язык», где назывались реки в качестве географического ориентира (Дунай, Морава). Во-вторых, названия стран он заменил здесь перечислением народов: «В Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдъ и вси языци: Меря, Мурома...» Тем самым он несколько сбил свой общий план рассказа, забежал вперед, так как об образовании отдельных народов среди потомков Сима, Хама и Афета он впервые упоминает ниже.

Далее мы и читаем о том, что образовалось 72 народа среди потомков Сима, Хама и Афета, и в числе народов, образовавшихся среди потомков Афета, — славянский народ («... от племени Афетова Нарци, еже суть Словѣне»). Руководясь данными «Сказания о преложении книг на словенский язык», автор показывает читателю, как расселялись этнические славянские группы, начиная с моравы и кончая полянами и поморянами; следуя же сведениям другого своего источника, он описывает расселение восточноевропейских «племен» по Восточно-Европейской равнине: рисует ту картину расселения этих племен, которая в новое время подтвердилась показаниями археологии.

Но отчего автор говорит здесь о полочанах и не говорит о смоленских кривичах? Он рассказывает о древней-

⁸⁶ Составитель Повести временных лет рядом с Дунаем поместил Днестр; ср. текст хроники Иоанна Малалы (А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. IV. М.—Л., 1940, стр. 73).

шем расселении, а смоленские кривичи, по сведениям автора, произошли от полочан («отъ нихъ же кривичи...»), о чем он сообщает ниже, в рассказе о племенных княжениях. Свою задачу он решает, комбинируя мозаичные извлечения из своих источников и перерабатывая их; этим надо объяснять отсутствие бужан в данном тексте о расселении восточных славян, хотя ниже они названы в перечислении русских этнических групп, или «племен» («в Руси»).

Так составитель Повести временных лет выясняет происхождение восточных славян и их место среди других народов. Но об их отношении в географическом плане к другим народам мира было внесено, возможно, позднее, одновременно с легендой об Андрее: обрисован, с одной стороны, водный путь из Варяг в Греки, из Балтийского моря до Рима и от Рима до Царьграда, а с другой стороны, по Волге к Каспийскому морю, мимо Булгар, в Хвалисы⁸⁷.

Направляясь к Риму, можно дойти и до «племени Хамова», а двигаясь на Хвалисы и далее на восток, попасть в «жребий Симов». Согласно представлению автора, географическим центром Руси был Оковский лес, откуда вытекают три важнейшие реки: Днепр, Западная Двина и Волга; этими путями можно, таким образом, «из Руси» попасть и в «жребий Симов», и к потомкам Хама.

Итак, отправным моментом общей концепции Повести временных лет служила мысль автора первой редакции, что восточные славяне, входившие в пределы Древнерусского государства, составляли одно этническое целое и назывались Русью.

Эта мысль руководила им и в дальнейшем, заставляя включать в сферу своих наблюдений не только историю киевских полян и новгородских словен, но и историю других славянских этнических групп.

Добросовестно изложив историю Кия, Щека и Хорива и дополнив ее соображениями о происхождении Кия, автор Повести временных лет затем не ограничивается указанием, что поляне имели «свое княжение», а добавляет: «... в Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое

⁸⁷ О путях и связях Поволжья с Хорезмом в XII—XIII вв. см. А. Карыев, В. Мошкова, А. Насонов и А. Якубовский, Очерки из истории Туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 159—160.

в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, [и]же сѣдять на верхѣ Волги, а на верхѣ Двины и на верхѣ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи. Таже Сѣверѣ отъ нихъ. На Бѣлѣ-озерѣ сѣдять Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клешинѣ озерѣ Меря же. По Оцѣ рѣцѣ, где потече в Волгу же, Мурома языкъ свои, и Черемиси свои языкъ, Морѣдва свои языкъ»⁸⁸. И затем он дает важнейшие пояснения, какие «племена» принадлежат к славянскому народу «в Руси», а какие — к «иным языцам», дающим дань Руси (выше мы их цитировали). Заканчивает он свое суждение упоминанием, что эти последние («иные») народы также происходят от Афета, связав тем самым текст с вводной частью своего труда.

Во времена составления Повести временных лет началось образование новых княжеств по «землям»-«областям», новых епископий, что не могло не возбуждать интереса к этим «землям» и их прошлому. «Земли» в начале XII в. были по этническому происхождению своего населения разноплеменными. Но летописцу — автору Повести временных лет — были известны предания, согласно которым некоторые города, служившие в его время политическими центрами «земель», в далеком прошлом были центрами «племен», или этнических групп. Отсюда — добавления о племенных княжениях.

Он останавливается здесь же и на судьбах Северо-Восточного края, но почему-то не называет г. Ростова, а говорит только о Белоозере и упоминает вслед за кривичами Весь и Мерю и не упоминает о славянском населении берегов Ростовского озера и Клещина, не говорит о каком-либо славянском «княжении».

Понятно, что он называет Белоозеро, Весь и Мерю. Это было согласовано с летописным рассказом о призвании князей. Но почему, упомянув о Смоленске, он не говорит о Ростове?

Верный своей основной мысли об этническом единстве восточных славян (Руси) в составе Древнерусского государства, он считал Ростов «русским» городом и подчеркивал древность Ростова и его политическую роль в древности. Это явствует прежде всего из его комментариев к договору Руси с греками под 907 г.; тексты договоров

⁸⁸ Лавр. лет.; Ипат. лет.

с греками называли только Киев, Чернигов и Переяславль. Ростов, по его мнению, должен был играть видную политическую роль не только при Олеге, но и при Рюрике, и он называет Ростов в числе городов, куда Рюрик послал своих «мужей». Но в существовании Ростова в более далекие времена, он, очевидно, сомневался, как сомневался и в существовании там славянского населения в далекую эпоху «племенных» княжений. Первыми «насельници» Ростова, согласно сведениям составителя Повести временных лет, были меряне. Поэтому он и не говорил о каком-либо славянском «княжении» на Северо-Востоке в ту отдаленную эпоху. И трудности христианизации Северо-Восточного края в XI и начале XII в. печерские монахи относили, вероятно, за счет влияния религиозных вождей неславянского местного населения, как можно заключить из сопоставления показаний Печерского патерика с летописными известиями⁸⁹.

Так как выше во вводных статьях автор Повести временных лет написал, что славяне «по мнозѣхъ же временехъ» сели по Дунаю, где во времена летописца («гдѣ есть ныне») лежала Угорская земля и Болгарская, то теперь, после рассуждений по поводу племенных княжений, он считал уместным остановиться на движении к Дунаю болгар и белых угров с востока. Потом он сообщил об обрах, которые «примучивали» дулебов, и упомянул о движении печенегов и черных угров.

Учение о единстве западных и восточных славян требовало, чтобы автор Повести отметил особо также славянское происхождение и географическое распространение тех восточнославянских групп, которые не были причислены к Руси. Это — вятичи и радимичи (о них мы уже говорили выше), а также тиверцы, уличи и хорваты. Пояснил он и где жили дулебы, о несчастной судьбе которых он сообщил ранее.

Когда работал составитель Повести временных лет, только часть потомков уличей и тиверцев могла входить в состав Древнерусского государства; часть же, которая примыкала к Нижнему Дунаю, была отрезана кочевниками. К тому же во времена летописца население Приднепровья, входившее в состав Древнерусского государ-

⁸⁹ Ср. о Леонтии в «Патерике Киевского Печерского монастыря», стр. 76; Лавр. лет. под 6579 г.

ства, по-видимому, не считало себя потомками уличей и тиверцев; после Игоря в летописи об уличах и тиверцах более упоминаний нет.

По мере того как назревал процесс феодального дробления в результате внутреннего социально-экономического роста страны, с формированием новых «областей» расширялся политический и географический горизонт киевского «историка», с одной стороны, и обострялись местные интересы, местный патриотизм — с другой. И эта последняя тенденция отразилась на настроении автора Повести временных лет, на характере и окраске отобранных им киевских источников. Мы разумеем здесь прежде всего пространное повествование о нравах восточных славян, включенное в Повесть. Источник этот явно носит печать киево-полянского патриотизма.

Главная мысль летописного рассказа о нравах восточных славян сводится к тому, что поляне были издревле нрава тихого и кроткого в противоположность «поганым», «не ведущим закона божия» древлянам, радимичам, вятичам, северянам и кривичам. В этом отношении данный рассказ стоит в некотором противоречии с содержанием древнейшего летописного текста о Кие, Щеке и Хориве, который был в распоряжении автора Повести временных лет. В тексте, сохранившемся в Новгородской I летописи под 6362 г., поляне, обитавшие на киевских «горах», называются «погаными», которые поклонялись «озером и кладязем и рождениемъ». Такой же взгляд на обитателей киевских «гор», которые «жряху бѣсомъ на горахъ», обнаруживает и составитель предисловия к Начальному своду, пользовавшийся Древнейшим киевским сводом⁹⁰.

Киевский автор, пользовавшийся «Сказанием о преложении книг на словенский язык», не изображает полян звероловами, подобно тому как изображено в рассказе о Кие, Щеке и Хориве, где (ср. Новгородскую I летопись) мы читаем: «[и] бяше около града лѣсь (ТРА) и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, [и] нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне». Он говорит, что поляне прозвались полянами, потому что сидели «в по ли»⁹¹.

⁹⁰ Новг. I лет.

⁹¹ Лавр. лет.

В тексте Повести, где использовано «Сказание», проводится мысль, что апостол Павел был учителем славян, а так как «мы Русь» также принадлежим к славянам, то и «намъ Руси учитель есть Павелъ»: хотя звались полянами, но «рѣчь» была славянская. Между тем в летописном сказании о варягах-мучениках, которое все исследователи (в том числе и Н. К. Никольский)⁹² относят к составу Древнейшего летописного свода, подчеркивается: «... здѣ бо не суть учили апостоли, ни пророци прорицали»⁹³. Мысль, что христианство было принято киевлянами помимо апостольской проповеди, проводится и в другом месте древнего летописного текста (см. 988 г.) и составляет необходимую часть общей его концепции.

Таким образом, переход к более сложным формам государственной жизни порождал в историографии того времени сложный комплекс интересов: местный патриотизм сочетался с пониманием широких задач, стоявших перед «историком» Руси.

Еще не утрачена была на рубеже XI—XII вв. руководящая роль южнорусских князей (перешедшая со временем к князьям Северо-Востока), а уже определилось образование новых «земель»-княжений, завершившееся к середине XII в. Этот процесс связывают вполне справедливо с распространением феодального способа производства, с экономическим и политическим усилением класса феодалов по «землям». Естественно думать, что переход к политической раздробленности в какой-то мере означал переход к ослаблению, к распылению государственной власти. Мысль эта обычно легко воспринималась, легко укладывалась в сознании читателя, который знакомился с историей средних веков. И здесь-то легко возникало представление, не совсем правильное, что общая линия развития

⁹² Н. К. Никольский. Повесть временных лет, стр. 98. Как следует из сделанных нами сопоставлений, текст, где использовано «Сказание о предложении книг на словенский язык», и статью о нравах славян никак нельзя относить к составу Древнейшего свода, к одному слою с рассказом о Кие, Щеке и Хориве и т. п. В статье о нравах славян имеются к тому же ссылки на Амартола и на обычаи половцев. Попытка реконструировать «Сказание о предложении книг на словенский язык» была сделана А. А. Шахматовым. Сомнительно только, чтобы в составе «Сказания» была та третья часть, о которой писал А. А. Шахматов (ср. соображения Н. К. Никольского — указ. соч., стр. 34—36).

⁹³ См. Новг. I лет. и Лавр. лет под 6491 г.

шла в направлении к ослаблению значения государства, государственного аппарата в жизни общества.

Дело не только в том, что Древнерусское государство времен Игоря или Владимира по совершенному недоразумению иногда представляли себе наподобие государства централизованного или монолитного, распавшегося со временем на части. И не только в том, что забывали, что процессу распространения феодального производства сопутствовало развитие, хотя и медленное, торгово-ремесленной жизни и культурных связей. Дело главным образом в том, что упускали из виду другие, весьма существенные, стороны развития государственной жизни или оставались в неведении относительно них. И в X, и в XI, и в XII вв. шел процесс распространения государственного аппарата по населенной территории⁹⁴. Это — во-первых. Во-вторых, в исторической литературе в данном случае упускали и упускают из виду, что степень вмешательства государственного аппарата в жизнь классового общества, удельный вес государственного аппарата в общественной жизни не оставались неизменными в X—XII вв. Государство постепенно внедрялось в общественную жизнь, и этот процесс представлял собой одну из важнейших сторон в общем процессе формирования Древнерусского государства⁹⁵.

Если мы закроем глаза на все это, то не поймем, что такое Повесть временных лет, почему она появилась на свет в условиях того времени.

Вместе с тем современному читателю и исследователю летописей необходимо помнить, что нетрудно впасть и в другую ошибку, модернизируя объем внутренней деятельности государственной власти, особенно потому, что летопись отражает преимущественно события, связанные с деятельностью правительства, главным образом полити-

⁹⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля».

⁹⁵ Вопрос этот (в такой общей постановке), кажется, мало исследован. Мне представляется, что государство первоначально поддерживало выработанные жизнью нормы. Обеспечивая санкции, выработанные жизнью, государство тем самым устраняло опасность расправы, внутренних междоусобиц, сопровождавшихся захватом имущества, когда наносился ущерб общим интересам правящего класса («и бысть меж ими рать велика и усобица... и не бяше в них правды»). Со временем вырабатывались новые санкции за уголовные преступления, причем вмешательство государственной власти постепенно росло. О распространении вир и продаж смотрите выше.

ческие отношения. Пропаганда идеи единства Руси как восточного славянства, входившего в состав Древнерусского государства, идеи единения русских князей для защиты общих интересов имела значение, оказывала длительное воздействие в условиях феодальной раздробленности последующего времени. Но уделяя внимание преимущественно деятельности правительства, летописец сравнительно мало интересуется другими вопросами внутренней жизни общества. Именно поэтому при поверхностном знакомстве с летописным материалом можно составить себе преувеличенное представление о степени вмешательства правительства в жизнь общества того времени. Мы здесь говорим не о качественной стороне дела, не о назначении государственного аппарата в классовом обществе; эта сторона достаточно ясна. Но легко упустить из виду, что жизнь хозяйственная и правовая сосредоточивалась в значительной мере в пределах таких более или менее самодовлеющих объединений или союзов, как родо-феодальные гнезда, церковные организации, сельские и городские общины, а также в торговых объединениях. Рододружинные гнезда, средоточием которых в городе в изучаемое время служили боярские и княжеские «дворы», генетически частью могли восходить к древним объединениям «родового» или, вернее, патриархально-феодального типа. За пределами всех этих социальных организаций человек оказывался как бы вне жизни, без куска хлеба и защиты. Таких людей, оказавшихся за пределами социальной организации, где они жили, называли «изгоями» (гоить — жить)⁹⁶. Автор Повести временных лет о многом, что составляло содержание повседневной жизни и было хорошо известно его современникам, не писал, и о чем писать, с его точки зрения, не было нужды при решении стоявшей перед ним литературной задачи.

Наряду с летописанием в Киеве, на Юге, после выделения из состава древней «Русской земли» грех областей возникает со временем летописание в Переяславле-Русском и в Чернигове.

⁹⁶ Это название сохранялось за ними иногда и после того, как они поступали под патронат нового хозяина или общины.

Глава вторая

Анализируя состав Лаврентьевской летописи, А. А. Шахматов высказал мнение, что в распоряжении владимирского летописца был летописный свод Переяславля-Русского, и подтвердил это мнение рядом ссылок на текст Лаврентьевской летописи¹.

«Влияние переяславского летописания на суздальское, — писал Шахматов, — вполне естественно ввиду той связи, которая установилась между Переяславлем и Суздальской областью благодаря Юрию Владимировичу и его детям»².

В главе о Лаврентьевской летописи своего труда, посвященного обозрению летописных сводов, А. А. Шахматов писал, что Повесть временных лет в этой летописи передана полно, а текст с 6620 (или 6619) г. представляет собой сокращение «другой подробной летописи, более полно отразившейся в Ипатьевской»; что сокращение было произведено «суздальским летописцем», использовавшим «южнорусский свод»; происхождение этого свода он не определял. По мнению А. А. Шахматова, текст сокращенного источника дополнен в Лаврентьевской летописи из свода Переяславля-Русского; в этом последнем текст был «полный», несокращенный. Как видно из приложенной в «Обозрении» схемы, А. А. Шахматов предполагал, что

¹ См. А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. (далее — А. А. Шахматов. Обозрение). М.—Л., 1938, стр. 18.

² Там же.

перяславский свод был использован в Лаврентьевской дважды³.

В статье, помещенной в т. XXV Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, А. А. Шахматов заметил, что Ипатьевская летопись и суздальские (т. е. Лаврентьевская и близкие к ней) «дают указания на летопись, ведущуюся в XII в. в Переяславле-Русском», которая была доведена по крайней мере до 1186 г.

Наконец, в первом томе «Повести временных лет» Шахматов развил мысль о двух переяславских летописях. «В ближайший к Киеву южнорусский центр — Переяславль, — писал он, — летописание перешло из Киева. Имеются указания на то, что в XII в. оно велось здесь систематически. Весьма вероятно, что в основание переяславской летописи была положена сивьстровская редакция Повести временных лет; игумен Сивьстр в 1119 г. перешел, как мы видели, на епископскую кафедру южного Переяславля. Но, как будет указано ниже, имеются основания думать, что в Переяславль перешла и киево-печерская редакция. О двух переяславских летописях свидетельствуют суздальские своды. Возможно, что одна из них (основанная на сивьстровской редакции) была летописью епископскою, а другая княжескою».

В южном Переяславле к Повести временных лет «была присоединена местная (согласно предыдущему, епископская) летопись». Во Владимире-Суздальском эту летопись дополнили (начиная приблизительно с 40-х годов XII в.) «своими местными записями, имевшими ближайшее отношение к деятельности Юрия Владимировича и его сыновей»⁴. О сокращении текста Шахматов в этой работе не упоминает.

В каком же отношении стояло переяславское летописание к киевскому? Вопрос этот не получил в трудах А. А. Шахматова достаточного разъяснения⁵.

³ Там же, стр. 16—18, 21.

⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. — ЛЗАК, вып. XXIX, (далее — А. А. Шахматов, Повесть). Пг., 1916, стр. V—XIII.

⁵ Заметим, что в «Обозрении...» А. А. Шахматов в подтверждение мнения о существовании наряду с сокращенным полного источника владимирского свода ссылается на дублированные известия. Но эти известия, отмеченные им, не показывают, что существовало два таких источника, из которых один содержал полный текст, а дру-

По мнению М. Д. Приселкова, летописание Переяславля-Русского «особенно поры епископского летописца, в своем историческом охвате вовсе не было замкнутым летописанием своей волости, а по ходу дел и событий — летописанием киево-переяславским, т. е. излагавшим сверх своих переяславских дел также и главные факты истории „Русской земли“». Но «если мы начнем сравнивать, — писал М. Д. Приселков, — изложение киевских событий Ипатьевской летописи, где в основе, как уже было сказано, лежит последовательно ведшийся киевский княжеский летописец, с изложением тех же событий в Лаврентьевской летописи, где в основе ... лежит епископский летописец Переяславля-Русского, то по целому ряду эпизодов и характеристик оба эти памятника весьма решительно разойдутся между собою»⁶.

М. Д. Приселков оставляет открытым вопрос, был ли общий киевский летописный источник у «переяславских сводов» и у киевского свода конца XII в.

Д. С. Лихачев правильно заметил, что в Лаврентьевской летописи есть ряд неприязненных высказываний об Ольговичах, которых нет в Ипатьевской (под 1136, 1138, 1141, 1142, 1148 гг.). Это наблюдение привело Д. С. Лихачева к предположению, что переяславский текст, прежде чем попасть в состав киевского свода, прошел «редакторскую обработку» черниговского летописца⁷. Но автор не указал на другую возможность: в Ипатьевской летописи могло не быть ряда высказываний об Ольговичах, имею-

гой — сокращенный. Так, о походе на половцев и под 6619, и под 6618 гг. в Лаврентьевской летописи сообщается одинаково кратко. О смерти Олега Святославича читаем под 6623 и 6624 гг. (во втором случае без точной даты). Под 6646 г. дважды сообщается о заключении мира, причем как о двух разных событиях — «паки» (в обоих случаях довольно кратко). Под 6660 г. сообщается дважды о бегстве Владимирка в Перемышль, и в обоих случаях в сокращенных, хотя и разных редакциях. Под 6676 и 6677 гг. в Лаврентьевской летописи дважды читаем о том, что Мстислав Андреевич посадил в Киеве дядю своего Глеба, но в обоих случаях одинаково кратко, и в обоих случаях отсутствует точная дата, которая имеется в Ипатьевской. Южнорусский свод привлекался на Северо-Востоке по крайней мере дважды в разновременных редакциях.

⁶ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. (далее — М. Д. Приселков. История). Л., 1940, стр. 70.

⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 186—187.

щихся в Лаврентьевской, потому что они появились в Лаврентьевской в результате обработки киевского источника в переяславском своде, когда одни выражения или фразы заменялись другими и т. п. Кроме того, далеко не все переяславские записи могли быть включены в киевский свод.

Наконец, в киевском своде редакции конца XII в. в некоторых случаях первоначальный киевский текст (которым могли пользоваться составители переяславских сводов) мог быть заменен вставками из других источников (черниговского, смоленского).

Так или иначе, в итоге нашего краткого обзора литературы по истории переяславского летописания приходим к выводу, что остается неясным отношение переяславского летописания к киевскому.

Обратимся в первую очередь к записям, сделанным в Переяславле-Русском, которые дошли до нас в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей.

Лаврентьевская летопись дает нить явно местных переяславских записей, часть которых совершенно отсутствует в Ипатьевской летописи. Так, под 6628 г. — о походе Ярополка на половцев, Ярополк был тогда переяславским князем; в Ипатьевской летописи статьи этой нет совсем. Под 6631 г. — о смерти Сильвестра, епископа переяславского, с точной датой; точной даты смерти в Ипатьевской летописи нет. Под тем же годом — о падении церкви св. Михаила в Переяславле с точной датой; в Ипатьевской летописи точная дата не обозначена⁸.

К известию о вокняжении Мстислава Лаврентьевская под 6633 г. прибавляет: «а Ярополкъ брат его иде Переяславлю», что отсутствует в Ипатьевской. Вслед за тем в Лаврентьевской читаем рассказ о нападении половцев, в котором восхваляется переяславский князь Ярополк, подчеркивается, что он победил, не ожидая «иное помощи», но «токмо с переяславци своими», и ему присваивается пышный эпитет «благовѣрнаго князя корень благовѣрная отрасль». Запись — явно переяславская. В Ипатьевской летописи хотя она имеется тоже, но опущены некоторые топографические данные («...ко Бронь князю...») и ниже: «...испостиже я у Полкъстѣня...»).

⁸ Ипат. лет. под 6631, 6632 гг.

Далее под 6634 г. читаем в Лаврентьевской, что Ярополк и митрополит поставили епископом в Переяславль игумена Марка (с точной датой). Вся статья в Ипатьевской отсутствует. Запись — явно переяславская⁹.

Под 6640 г. в Лаврентьевской читаем объяснение, почему Ярополк, заняв Киев, дал Переяславль Всеволоду Мстиславичу: это было сделано в согласии с завещанием Владимира Мономаха, по которому Переяславль отходил обоим братьям вместе — Ярополку и Мстиславу, и по распоряжению покойного Мстислава. Объяснение это могло быть вписано в Переяславле при одном из Мстиславичей. В Ипатьевской этого объяснения нет.

Далее, под тем же годом в Лаврентьевской читаем о том, как в Переяславль приехал Изяслав Мстиславич, как был изгнан и как Переяславль был передан Вячеславу. В Ипатьевской этих сведений нет. Показательно, что в Ипатьевской хотя нет о том, что Вячеславу был дан Переяславль, но есть о том, что Вячеслав Переяславля лишился (под 6642 г.); очевидно, что переяславский источник в киевском своде был использован не полностью и не совсем удачно.

Под 6641 г. в Лаврентьевской — о том, что Вячеслав в первый раз покинул Переяславль. В Ипатьевской известия нет. Под 6642 г. — о смерти переяславского епископа Маркела. В Ипатьевской оно имеется не полностью: без точной даты. Под 6646 г. — об Андрее переяславском и об Ольговичах, начавших воевать по Суле; о том, что «посульцем» была «пагуба» как от половцев, так и «от своих посадник», о том, что Андрею не было помощи «от братьи» (упоминание об этом звучало укором тем князьям, которые не оказали помощи Андрею). В Ипатьевской всего этого нет. Под 6649 г. — подробная запись о кончине и похоронах в церкви св. Михаила в Переяславле князя Андрея Владимировича. В Ипатьевской эта статья целиком повторена. Под 6650 г. — о том, что «дьяволъ ражже сердце» Игорю Ольговичу, который захотел «ити в Пере-

⁹ Кроме того, под 6628 г. в Лаврентьевской есть известие, которое представляет собой или переяславскую запись, или сильную переработку киевской: о том, что бежали торки и берендеи из «Рускыѣ земли» и «так о мятушеся сѣ [и] ондѣ, и тако погыбоша»; последней фразы нет в Ипатьевской, где говорится, что берендеев прогнал Владимир Мономах (Киевский), а торки и печенег сами бежали.

яславль», остановился у Стреквы, где стоял два месяца и сделал «много пакости». Ипатьевская этих сведений не сообщает.

Под 6654 г. в Лаврентьевской читаем, что Изяслав, позванный киевлянами, идет с дружиною своею и с переяславцами в Киев, побывав («взем молитву») «въ святѣмь Михаилѣ у епископа Еуфимья»; и далее — о столкновении его с Игорем и о въезде в Киев. Упомянуто о «заступлении святого Михаила». Эти детали указывают, что запись была сделана в Переяславле. Хотя в Ипатьевской летописи иная редакция, однако есть основания полагать, что в руках у составителя киевского свода был и в данном случае переяславский местный материал. Так, в Ипатьевской находим слова, соответствующие тем, которые имеются в Лаврентьевской: «вземъ молитву у святомъ Михаилѣ, у епископа у Ефимья». Весь текст Ипатьевской летописи от слов «и не угоденъ бысть кияномъ Игорь...» до слов «...у епископа у Ефимья, и переиде Днѣпръ» довольно точно совпадает с Лаврентьевской. Кроме того, как видно из контекста, это место перебивает летописный рассказ, и о прибытии послов, которые звали Изяслава в Киев, сообщается в Ипатьевской летописи ниже вторично, чего нет в Лаврентьевской.

В местной переяславской записи с конкретными характерными деталями передан рассказ в Лаврентьевской летописи под 6656 г. о приходе Глеба под Переяславль и о преследовании его Мстиславом (так, например, читаем: «...свитающю дни, Мстиславу же лежащю еще и дружинѣ его, пригнавше сторожеве...» и т. д.). В Ипатьевской рассказ этот тоже имеется, но с небольшими сокращениями (опущены слова «и переяславыѣ, и обѣдавъ») ¹⁰.

С 6665 (1157) г. в Лаврентьевской летописи начинается непрерывная цепь северо-восточных известий, которые составляют основное содержание свода. Текстуальных совпадений с Ипатьевской в рассказе о южнорусских событиях становится мало. С 6668 до 6677 г., до взятия Киева войсками Андрея Боголюбского, их нет совсем. Большой фрагмент переяславского свода, включенный в текст киевского,

¹⁰ Отметим еще, что записью о смерти Ростислава Юрьевича Переяславского, похороненного в церкви св. Михаила, начинается 6659 г. в Лаврентьевской и кончается 6658 г. в Ипатьевской летописи.

имеется под 6680 г. в Ипатьевской летописи (ср. 6677 г. в Лаврентьевской). Фрагмент начинается от слов «В тоє же лѣто чюдо створи богъ и святая богородица церковь Десятинная в Києвъ...» и кончается словами «...скорую помощьницю роду крестьяньскому» (Ипат. лет.). На переяславское происхождение фрагмента указывают слова, сохранившиеся в Ипатьевской: «по оной сторонѣ Днѣпра Києву», ниже: «на ону сторону Днѣпра къ Корсуню», и ниже слова о переяславцах: «противу нашимъ и наши противу им».

Рассказ в Лаврентьевской летописи под 6694 г., сообщающий о знаменитом неудачном походе Игоря Святославича, взят из переяславского летописца, как показал М. Д. Приселков, посвятивший древним описаниям этого похода специальную статью¹¹.

В Ипатьевской летописи переяславский источник отразился лишь в небольшой мере и на рассказе киевского свода о походе на половцев русских князей под 6691 (6693) г., и на рассказе о сепаратном походе Игоря Святославича под 6693 (6694) г. В первом рассказе, если не считать совпадающих слов «5 дни искаша их» и «берендѣвъ с нимъ было 2100», совпадение в Ипатьевской и Лаврентьевской имеется от слов «Половци же, узрѣвше Володимеръ полкъ...» до слов «...святѣи богородицѣ»¹². В Лаврентьевской этому общему в обеих летописях месту предшествует рассказ о Владимире Переяславском, отсутствующий в Ипатьевской. В рассказе же о походе под 6693 (6694) г. совпадение наблюдаем (не вполне точное) от слов «выеха из города...» до слов «...треми копѣи»¹³ в тексте, где опять-таки говорится о Владимире Переяславском.

Переяславской нужно считать и пространную запись о смерти Владимира Глебовича, похороненного в церкви св. Михаила, сохранившуюся в Ипатьевской летописи под 6695 г.: «...разболѣся Володимеръ Глѣбовичъ болѣстью тяжкою, ею же скончася, и принесоша и во свои градъ Переяславль на носилицахъ, и ту преставися мѣсяца априля во 18 день, и положенъ бысть во церкви святого

¹¹ М. Д. Приселков. «Слово о полку Игореве» как исторический источник. — «Историк-марксист», 1938, кн. VI.

¹² Ипат. лет. под 6691 г.; ср. Лавр. лет. под 6693 г.

¹³ Лавр. лет. под 6694 г.; ср. Ипат. лет. под 6693 г.

Михаила. И плакашася по немъ вси переяславци: бѣ бо любя дружину и злата не сбирашеть, имѣнія не щадяшеть, но даяшеть дружинѣ; бѣ бо князь добръ и крѣпокъ на рати и мужьствомъ крѣпкомъ показаяся, и всякими добродѣтелями наполненъ, о нем же Украина много постана».

Итак, сравнение Лаврентьевской летописи с Ипатьевской показывает, что переяславский летописный материал был использован в киевском своде (в Ипатьевской летописи) далеко не полно, в качестве подсобного источника и подвергался, как правило, сокращениям (исключение составляют известия о смерти переяславских князей и запись о победе над половцами 6680 г.). После 1157 г. можно найти в Лаврентьевской летописи только отдельные фрагменты переяславского текста, которые частью были использованы и в киевском своде конца XII в. (в Ипатьевской летописи).

Из какого же источника составители «переяславских сводов» брали непереяславский материал?

Сравнением Лаврентьевской летописи с Ипатьевской устанавливается, что в Лаврентьевской в сильной степени отразился текст киевского летописного свода. Так, под 6627 г. все известия Лаврентьевской летописи повторяют, местами дословно, известия Ипатьевской (имеется в Лаврентьевской и сообщение о византийских делах: о цесаре Алексее и Иоанне Порфирогените). Эти известия принадлежат к кругу известий, касающихся политики киевского стола или киевских событий, и переданы в Лаврентьевской, по сравнению с Ипатьевской, частью сокращенно: в Лаврентьевской нет слов «и бояре его, и отступиша от него», не указана точная дата и место кончины Глеба (Киев), совсем отсутствует сообщение о том, что Владимир Мономах взял у Глеба Минск, а самого привел в Киев (см. 6626—6627 гг. в Ипатьевской). Под 6628 г. запись о походе Юрия Владимировича на болгар явно взята из общего источника с Ипатьевской: совпадение почти полное от слов «ходи на Болгары...» до слова «... побѣди»; опущена фраза о возвращении Юрия. Общий источник виден и в известиях Лаврентьевской летописи под 6630 г.: например, рассказ о захвате «ляхами» Володаря имеется в обеих летописях, только в Лаврентьевской он немного сокращен. Из трех статей Ипатьевской летописи о семейных делах Мстислава одна имеется в Лаврентьевской. Пространное повествование Ипатьевской летописи о

борьбе Андрея, сына Мономаха, с Ярославом Святополковичем под Владимиром-Волынским, написанное в духе киевской летописи, восхваляющей Мономаха, почти не отразилось в Лаврентьевской, где лишь в одной короткой фразе сообщается, что Ярослав был убит «у Володимеря города» (6631 г.). Нет и ряда известий киевской летописи под предыдущими годами.

Под 6632 г. в Лаврентьевской снова замечен общий киевский источник; так, например, известие о смерти вдовы Святополка (погребенного в киевской Михайловской церкви) в обеих летописях совпадает. Под 6635 г. в Лаврентьевской помещены два пространных рассказа, текст которых почти дословно совпадает с текстом Ипатьевской летописи под 6636 г. В первом из них выступают и Мстислав Киевский и Ярополк Переяславский, и трудно с уверенностью утверждать, что он киевского происхождения. Второй рассказ, бесспорно, не переяславский, а киевский. Речь идет о событиях похода, организованного Мстиславом Киевским на Полоцк. Среди участников похода не отмечены ни Ярополк, ни переяславцы. Подчеркнуты роль Мстислава Киевского и, в конце, имущественные интересы его дочери.

Общий источник Лаврентьевской и Ипатьевской летописей обнаруживается также в кратких статьях Лаврентьевской под 6637, 6638 и 6639 гг., причем в Ипатьевской летописи известия переданы, частью, более полно. Почти дословно совпадают известия о том, что Мстислав Киевский посылал сыновей на Чудь; о том, что он заложил церковь св. богородицы «Пирогошнюю». Статья 6639 г. о походе Мстислава на Литву имеется и в Лаврентьевской, но с некоторыми сокращениями.

Под 6644 г. в обеих летописях сообщается о борьбе Ярополка с братьями против Ольговичей и половцев на верхнем Супое. Можно показать, что обе летописи имели общий источник и, без сомнения, киевского происхождения. Рассказ почти точно совпадает от слов «и бывшую сступленью...» до слов «... дружина лучшая» и от слов «и воротишася опять...» до слов «...убьень бысть ту». Но в Лаврентьевской летописи общий источник сокращен, причем сокращено то, что написано было киевлянином в интересах киевского князя; опущены слова «и почютиша Ярополка идуча», имеющиеся в Ипатьевской; опущена запись о том, как киевский князь (Ярополк) проявил не-

терпение и храбрость; о том, что убит был царевич Василько Леонович и что Ярополк с братьями, увидев полки свои «взъмятены», отъехали восвояси. Наконец, события, последовавшие после поражения 8 августа, переданы в Лаврентьевской летописи короче, чем в Ипатьевской, где отказ Ярополка от мести Ольговичам, за что он «хулу и укоръ прия на ся от братьѣ своея», оправдывается как акт миролюбия со стороны «благоумного» князя Ярополка. На киевское происхождение общего источника указывают и имена киевских бояр в общем тексте.

Обращаясь к статьям Лаврентьевской летописи под 6646 г., видим опять признаки общего с Ипатьевской летописью киевского источника. Он обнаруживается не только в общем плане изложения и в отдельных общих выражениях (см., например, «...приде к стрывеи своему Ярополку Киеву и да ему Вышегородъ...»), но и в совпадении целого фрагмента (см. от слов «и людье черниговци възпиша...» до слов «Всеволод же то слышавъ...»). Киевское, официальное, происхождение общего обеим летописям текста свидетельствуется обращением к Всеволоду Ольговичу, вложенным в уста черниговцев: они говорят о «высокоумии» Всеволода и ссылаются на «милосердие» Ярополка Киевского, который «не радуется кровопролитью» и «сблюдаетъ землю Русскую»¹⁴. Статьи 6646 г. изложены местами менее полно, чем в Ипатьевской. К числу мест, опущенных в Лаврентьевской, принадлежит также восхваление Ярополка Киевского (см. в Ипатьевской летописи от слов «но Ярополкъ же благъ сыи, милостивъ нравом...»). Можно найти и некоторые детали в статьях Лаврентьевской, не попавшие в Ипатьевскую летопись (о них ниже).

Сравнивая Лаврентьевскую под 6647 г., когда в Киеве сидел Всеволод Ольгович, с Ипатьевской, также видим значительный кусок текста, почти дословно совпадающий в обеих летописях, но причину совпадения в данном случае определить трудно. Здесь высказывается критическое отношение к Всеволоду Киевскому: «...надѣя бо ся силѣ свои, сам хотяше землю всю держати, искаше под Ростиславом Смоленска, а под Изяславомъ Володимира...»¹⁵. Этот текст мог быть составлен при Изяславе

¹⁴ Лавр. лет. под 6646 г.; ср. Ипат. лет. под 6646 г.

¹⁵ Ипат. лет. под 6648 г.; ср. Лавр. лет. под 6647 г.

Киевском и, возможно, не без помощи переяславских материалов. Рассуждений Ипатьевской летописи о миролюбивых шагах Всеволода и ниже о его миролюбии (от слов «Всеволодъ же исполнивъся страха божия...») нет в Лаврентьевской.

Под 6648 г. Лаврентьевская совпадает с Ипатьевской от слов «И бывшу ему Черниговъ...» до слов «...зиму и лѣто, и съ епископомъ». Это место представляет собой продолжение рассказа, подробно изложенного в Ипатьевской и очень кратко — в Лаврентьевской¹⁶.

Следы заимствования в Лаврентьевскую летопись из киевского свода можно обнаружить под 6650—6652 гг. Так, под 6650 г. в Лаврентьевской имеется абзац, посвященный походу в Польшу, когда Всеволод посылал сына своего Святослава с Изяславом Давыдовичем и Владимиром Галицким в помощь Владиславу. Этот рассказ почти слово в слово совпадает с Ипатьевской и явно заимствован из киевского свода. Из киевского свода заимствована (с небольшим сокращением) и статья Лаврентьевской летописи о Каневской церкви, почти дословно совпадающая с Ипатьевской.

Есть основания полагать, что и рассказ Лаврентьевской летописи под 6652 г. также взят из киевского свода. Начиная от слов «и ста (Всеволод. — А. Н.) по сеи сторонѣ города...» имеем большой текст, почти тождественный с Ипатьевской. В этом рассказе о походе против Володимирка Галицкого Изяслав Мстиславич Переяславский, принимавший участие в походе, ни разу не упоминается, а главным действующим лицом является Всеволод Киевский.

Под 6653 г. в Лаврентьевской летописи почти дословное повторение киевского известия Ипатьевской летописи о перенесении тела Ярополка княгиней Еленой; выпущено только слово «яска» (т. е. осетинка).

Значительно бóльший интерес представляют следы заимствования Лаврентьевской летописи из киевского

¹⁶ Об отношениях Всеволода Ольговича Киевского с новгородцами в Ипатьевской рассказано под 6648 и 6649 гг. В Лаврентьевской сказано кратко, но ясно виден общий источник с Ипатьевской. В Лаврентьевской имеется лишняя против Ипатьевской фраза о неприязненных отношениях новгородцев к Ольговичам (в переговорах с Юрием).

летописного источника за годы княжения в Киеве Изяслава. Дело в том, что при сравнении с Ипатьевской летописью выясняется, что в Лаврентьевской использована та киевская летописная редакция, которая еще не имела обильных и частью обширных вставок из особого черниговского источника. С этой точки зрения сравнение с Лаврентьевской летописью приобретает выдающийся интерес не только для изучающих переяславский свод, но и для тех, кто будет работать по восстановлению первоначальной редакции киевского летописного текста и для изучения черниговского летописания, как ниже будет показано.

В Лаврентьевской летописи под 6654—6656 и другими годами видим следы заимствований из киевского источника, сочувственно относящегося к Изяславу Киевскому. Так, под 6654 г. от слов «Вячеслав же се слышавъ...» читаем совпадающий в обеих летописях текст, в котором повествуется о нарушении интересов Изяслава и о том, что последний распространяет свою власть на юго-западные городки и на Туров.

Киевский источник Лаврентьевской летописи обнаруживается под 6654 г. в фразе «прогна (Святослав Ольгович. — А. Н.) нашѣ опять» — против Святослава послали киевлян с воеводой Шварном, следовательно, писано это киевлянином. Но в Ипатьевской нет этого киевского текста, так как он заменен в данном случае черниговским (см. об этом ниже). Механическое сокращение киевского источника в Лаврентьевской обнаруживается пропуском фразы киевского текста, в которой говорится, что Изяслав дал Святославу Всеволодовичу пять городов. В Лаврентьевской читаем, что города были отняты «опять», но от кого отняты — не сказано. Под 6655 г. рассказывается об отношениях между Изяславом Мстиславичем Киевским и черниговскими Давыдовичами, о переговорах Изяслава с киевлянами и о трагических событиях, разыгравшихся в Киеве в отсутствие Изяслава — убийстве Игоря. Текст обеих летописей совпадает от слов «присла Володимеръ [и] Изяслава Давидовича...» до слов «...с ним бьемся»; от слов «Святославъ Чернигову, и згадавше князи...» до слов «...ты не хочеш поити». Далее от слов «Улѣбъ же внида [въ] Черниговъ...» до слов «...цѣловали на нѣ крестъ». Ниже близкий текст от слов «посла к брату Киеву к Володимеру...» до слов «...лестъ черниговскихъ

князии». Почти точное совпадение от слов «И рече имъ Володимеръ...» до слов «...кыяне передъ Володимеромъ»; далее от слов «и емше и поведоша [и] из манастиря...» до слов «...в гривну золота»; от слов «и повѣдаша Володимеру...» до слов «...в церковь святаго Михаила»; и близкий текст от слов «Суботѣ же святаюши...» до слов «...тамо и положиша».

Совпадающий общий текст дает вместе с тем в Лаврентьевской некоторые детали рассказа о киевских событиях, отсутствующие в Ипатьевской (см. ниже). В Лаврентьевской под 6654—6655 гг. в общих обих летописях местах встречаются незначительные сокращения. Под 6654 г. опущены упоминания о Святославе Всеволодовиче и о Жирославе Яванковиче; под 6655 г. нет упоминания, что Изяслав оставил Владимира в Киеве, и др. Освещение событий в тех текстах, которые совпадают в обоих летописях, и обилие конкретных подробностей при описании киевских событий не оставляют сомнения, что общий источник был киевского происхождения.

Перейдя к 6657—6658 гг., т. е. к тем годам, когда Юрий Долгорукий захватил, хотя и ненадолго, Киев¹⁷, а в Переяславле посадил старшего сына Ростислава, мы обнаруживаем, что текст Лаврентьевской летописи (т. е. предположительно текст свода Переяславля-Русского) как бы теряет свое лицо, превращаясь, в сущности, в сокращенную редакцию киевского свода, причем сокращенную с помощью текстуальных извлечений. Это относится главным образом к обширному тексту, помещенному в Лаврентьевской под 6658 г., и только отчасти к 6657 и 6659 гг. той же летописи.

Под 6657 г. характерны текстуальные совпадения в рассказе о южнорусских событиях: например, от слов «Гюргевича два, Ростиславъ и Андрѣи...» до слов «... и Угри»; далее фраза «примѣ свѣтника Гюргя Ярославича» и ниже пространный текст от слов «выжену Изяслава и переиму волость...» до слов «...с людьми своими в городѣ», и от слов «Изяслав же посла к Володимерку...» до слов «... не губи отчины своея»¹⁸.

Сравнивая текст Лаврентьевской летописи под 6658—6659 гг. с Ипатьевской, убеждаемся, что значительная часть текста Лаврентьевской представляет собой как бы

¹⁷ Вторично — в 1155—1157 гг.

¹⁸ Лавр. лет. под 6657 г.; Ипат. лет под 6657 г.

мозаику из кусков, взятых из разных мест Ипатьевской. Текст содержит рассказ о событиях, связанных с судьбой киевского стола и всего Киевского княжества. Текстуальное совпадение начинается с самого начала года: от слов «Гюрги князь поваби Вячеслава...» до слов «... и да и (в Ипатьевской — «Вышгородъ») Вячеславу»; от слов «посла сына своего Мстислава в Каневъ...» до слов «... и приведе Переяславлю»¹⁹; от слов «В то же время поиде Володимерко...» до слов «... поима Берендичъ»²⁰; от слов «Изяслав же поѣха...» до слов «... Мстислава сына своего»²¹ (далее в Лаврентьевской выпущена фраза). И далее от слов «Стрѣльцем стрѣляющимся...» до слов «... чересь рѣку»; ниже в Лаврентьевской от слов «Изяслав[у] же молвящу им: лучше, братья...» до слов «... тогда и самъ поѣха прочь»²²; от слов «повелѣ дружинѣ своей сбиратися у Дорогожича...» до слов «... до Чертова лѣса, и не постигыше его воротитися опять»; и вслед за тем обширный текст от слов «Изяславъ же тогда ида, зая Погорину...» до слов «... проси ми у отца Погорины» (в Ипатьевской: «проси ми у отца волости Погорину»²³). И далее в Лаврентьевской летописи под тем же годом на небольшом протяжении находим ряд фраз, почти полностью совпадающих с Ипатьевской летописью, где изложение значительно пространнее²⁴.

Таков общий характер южнорусского текста Лаврентьевской летописи за 6658 г. Даже те места летописи, которые совпадают с Ипатьевской и восходят к общему источнику, приведены с пропуском отдельных фраз. Так, в тексте, который начинается словами «В то же время поиде Володимерко...», в Лаврентьевской нет фразы «и приде Изяславу вѣсть, оже Володимеръ перешелъ Болохово, идеть мимо Мунаревъ к Володареву». Далее фраза «Изяславъ же поѣха противу Володимерку, река» сокращена по сравне-

¹⁹ Ср. Ипат. лет. под 6658 г.

²⁰ Ср. там же.

²¹ Ср. там же.

²² Ср. там же.

²³ Ипат. лет. под 6657 г.

²⁴ См. от слов «повабившимъ его мужемъ...» до слов «... и кыяном» (ср. Ипат. лет. под 6658 г.); от слов «присла Володимерко къ Андрѣви...» до слов «... и поидоша по нихъ» (ср. Ипат. лет. под 6658 г.); от слов «Володимерку же того не вѣдущю...» до слов «... а Изяславъ в Киевѣ» и др.

нию с Ипатьевской, где читаем: «Изяславъ же приѣха в Киевъ и тако ударя и у трубы, съзва кияны и поиде ис Киева полкы своими противу Володимеру, тако река...». Ряд больших мест текста, сохранившихся в Ипатьевской и отсутствующих в Лаврентьевской, касается событий, главным образом связанных с деятельностью Изяслава. Но и текст 6658 г. Лаврентьевской летописи содержит описание событий не переяславских, а преимущественно киевских, связанных с борьбой за киевский стол. Таким образом, в Лаврентьевской летописи под 6658 г. имеем сокращение киевского источника, полнее представленного в Ипатьевской летописи, или, точнее, выдержки из него.

Если мы сравним с Ипатьевской летописью текст Лаврентьевской под 6659 г. и проанализируем его, то заметим следы переяславской руки (см. ниже); вместе с тем весьма обширный текст Лаврентьевской летописи этого года позволяет сказать следующее: это сокращение, сделанное главным образом с помощью мозаичных извлечений киевского летописного текста, более полно представленного Ипатьевской летописью²⁵.

В описании событий автор проявляет хорошее знакомство с топографией Киева, знает, как готовились военные действия и велись дипломатические отношения, он дает подробный рассказ о борьбе Изяслава Мстиславича и Вячеслава с Юрием Долгоруким. В Ипатьевской

²⁵ См. совпадающий с Ипатьевской текст в Лаврентьевской: фразу «Изяславу же блюдоущю и не дадоущю вбresti въ Днѣпръ» и далее от слов «бѣ бо изѣхити Изяславъ лодѣ...» до слов «...не обращающа лодьями». Далее от слов «хотящю поступити внизъ к Витичевскому броду...» до слов «...идяхуть по лугу» (по сравнению с Ипатьевской в Лаврентьевской выпущена фраза). Ниже фраза «покрыша Днѣпръ отъ множества вои» и от слов «бѣ бо в то время послашъ...» до слов «...и перебродоша чересь Днѣпръ». Далее от слов «и велику пакость створиша...» до слов «...всѣ присекоша»; от слов «Гюргевичъ Аньдрѣи с Володимеромъ с Андрѣвичемъ...» до слов «...стрѣлявшим же ся им до вечера»; от слов «бѣ бо ему вѣсть...» до слов «...противу ему»; от слов «Изяславъ же слышавъ то...» до слов «...с Володимеркомъ». Далее слова «постиже и у Перепетовыхъ, хотя битися с нимъ» и от слов «шлющимъ слы межи собою...» до слов «...Изяславу же наче приступающю»; от слов «и идущимъ им битися...» до слов «...укрѣпивъ и дружину свою»; от слов «возма и копыя, ѣха напередъ...» до слов «...бысть съча крѣпка»; от слов «и ту убиша...» до слов «...краткаго кѣнязя черниговскаго» и т. д.

летописи о тех же событиях изложено значительно страннее, причем видна рука автора-киевлянина: «по сеи странѣ Днѣпру», «на сеи сторонѣ», тогда как в Лаврентьевской следы переяславской редакции: «на онои», «по онои».

При анализе текста под 6659 г. следует иметь в виду, что в самом тексте Ипатьевской видны как будто следы разных наслоений. Так, в описании действий речного флота, снаряженного Изяславом, видим фразу, которая отсутствует в Лаврентьевской: «... и тако начаша ся бити по Днѣпру у насадехъ... а они ис товаръ». В дальнейшем суда речной флотилии Изяслава в общем тексте Ипатьевской и Лаврентьевской названы «лодьями», и может возникнуть вопрос: не была ли приведенная нами фраза вставлена в киевский текст Ипатьевской летописи позднее? Ниже под тем же (6659) г. в описании сражения за р. Рутом о событиях, происходивших в пятницу утром, рассказано дважды: так приходится думать, если не предположить, что второй раз «в пятницу» написано по ошибке вместо «в субботу».

Наличие общего киевского источника Лаврентьевской и Ипатьевской летописей можно проследить и на тексте последующих годов.

В Лаврентьевской летописи события в Юго-Западном крае, с описания которых начинается 6660 г., изложены дважды (что отмечалось А. А. Шахматовым) и по двум разным источникам; первый раз изложение передает источник, общий с Ипатьевской, но в сильно сокращенном виде, причем из этой записи читатель может сделать неправильное заключение, что Владимир Галицкий был разбит до прихода Изяслава. Во второй раз изложено также сравнительно сжато, но есть детали, отсутствующие в Ипатьевской летописи, о чем речь будет ниже²⁶.

Под 6661 г. летописный текст и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской содержит статьи, относящиеся к Изяславу Мстиславичу Киевскому, и носит явный отпечаток киевского происхождения. В Лаврентьевской летописи первые две статьи переданы весьма близко к Ипатьевской, а рас-

²⁶ В дальнейшем значительная часть текста Лаврентьевской под тем же годом совпадает с Ипатьевской, но какого происхождения этот текст, сказать трудно (см. начиная от слов «На ту же ношь Изяславъ и Ростиславъ и Всеволодичь...»).

сказ о походе на Галич сокращен, но местами текстуально совпадает с Ипатьевской (см. от слов «и рѣша князю своему...» до слов «... в городѣ с тобою»; от слов «бысть съча зла...» до слов «женяшеть галичаны...» и от слов «Изяславъ изъима...» до слов «... на нас из города»). Об участии Мстислава Изяславича Переяславского, поведение которого в походе не отличалось доблестью, в Лаврентьевской летописи ничего не говорится.

Под 6662—6664 гг. Лаврентьевская летопись содержит текст, который в общем представляет собой сокращение текста Ипатьевской летописи (за вычетом материала, попавшего в Ипатьевскую летопись из черниговского источника); частью он совпадает с Ипатьевской почти дословно, частью представляет собой краткое изложение рассказа, имеющегося в Ипатьевской. Но не всегда возможно определить происхождение общего источника.

Начиная с 1157 (6665) г., когда состав Лаврентьевской летописи меняется, южнорусские известия только вкраплены в северо-восточный материал. На значительном протяжении, до 6676 г., в Лаврентьевской летописи не находим мест, совпадающих с Ипатьевской в рассказе об южнорусских событиях. Исключение составляет только текст под 6667 г. от слов «помощи прося у него еще...», происхождение которого неясно. С 6677 г. встречаем места, совпадающие с Ипатьевской летописью. Совпадение под 6677 г. объясняется, как мы видели, заимствованием из переяславского свода в киевский, а не наоборот.

Рассказ о том же событии повторен в Лаврентьевской летописи кратко под 6679 г. М. Д. Приселков объяснял повторение тем, что во втором случае под 6679 г. в Лаврентьевской имеем «оригинальное изложение» тоже переяславского летописца, но другого, княжеского²⁷. Однако дело осложняется тем, что и первая, и вторая статьи почти дословно имеются в составе Ипатьевской летописи, и, естественно, возникает вопрос: не попала ли вторая статья из киевского свода? Такое предположение подтверждается сравнительным анализом обеих статей. Во второй статье читаем не «оная сторона», а «Киевская сторона». О движении половцев к Переяславлю, о переяславском князе и о том, что Глеб поехал к Переяславлю,

²⁷ М. Д. Приселков. История, стр. 68.

и вообще о Переяславле во второй статье ничего не говорится. Глеб Киевский пошел на половцев не сам, а послал Михалку. Из рассказа первой статьи явствует, что он сделал это по совету берендеев, приводивших и довод в пользу такого решения. Вторая же статья объясняет поступок Глеба Киевского его болезнью для того, вероятно, чтобы не дать повода усомниться в храбрости киевского князя. Все эти данные побуждают нас считать, что вторая статья заимствована из киевского источника.

Наконец, под 6683 (1174) г., начиная от слов «Яро-славъ же слышавъ, яко стоитъ Кыевъ безо князя...», находим в Лаврентьевской летописи рассказ о южнорусских событиях, почти полностью повторяющих рассказ Ипатьевской, который мог быть записан в Киеве.

Итак, можем сказать с уверенностью, что киевский свод отразился в тексте Лаврентьевской летописи в сильной степени. Но в то время как переяславские записи в Ипатьевской, как правило, отражены с сокращениями по сравнению с Лаврентьевской, киевские записи отразились в Ипатьевской значительно более полно, чем в Лаврентьевской. Уже это склоняет к мысли, что киевский источник попал в Лаврентьевскую летопись в составе свода Переяславля-Русского. Ряд других показаний укрепляет нас в таком мнении.

На протяжении изучаемого текста встречаем показания, что киевский материал попал в Лаврентьевскую летопись из рук переяславского автора. Это обнаруживается, коль скоро мы замечаем использование киевского источника летописцем, составлявшим собственный текст, и следы небольших доработок киевского источника, и тенденцию, которую преследовал составитель свода, делая извлечения из киевского источника.

Составляя собственный текст некролога Мономаха с переяславской окраской, автор имел в руках киевский текст некролога (см. в Лаврентьевской: «по всѣмъ землямъ изиде слухъ его...»; ср. в Ипатьевской: «его же слухъ произиде по всимъ странамъ»; в Лаврентьевской: «и положенъ бысть в святѣи Софѣи у отца своего»; в Ипатьевской:

«положиша у святѣи Софѣѣ, въ [о]тъца Всеволода»). Но он в соответствии со своими переяславскими интересами составил другой некролог, в котором находим конкретные сведения, отсутствующие в некрологе Ипатьевской летописи: о том, что Мономах создал на р. Альте церковь Бориса и Глеба, почитал убитых братьев и сам умер у любимой им церкви («у милое церкви») на Альте. Река Альта — в Переяславской земле. Под тем же годом к словам о том, что по смерти Мономаха в Киеве сел Мстислав, «сын его старѣишии» (см. Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи), в Лаврентьевской прибавлено: «а Ярополк братъ его иде Переяславлю». Под 6635 г. в тексте, который совпадает в обеих летописях, в Лаврентьевской, видимо, рукою переяславца вписано, что Ярополк Переяславский посадил посадников по Семи, а в Курске — Изяслава Мстиславича. Под 6644 г., сокращая свой киевский источник, составитель свода включил вместе с тем некоторые сведения о переяславской территории: «...и начаша воевати селы и городы по Сулѣ» и пришли к Переяславлю и «многы пакости створиша» и «Устье пожгоша». Под 6655 г. в Лаврентьевской летописи в тексте киевского источника (совпадающем с Ипатьевской) имеется топографическое уточнение — «на Супой», касающееся территории Переяславского княжества.

Весьма характерна передача киевского текста в Лаврентьевской летописи под 6657 г.: выпущено место, где говорится о «лести» переяславцев, изменивших Изяславу (ср. в Ипатьевской от слов «И бысть лесь в переяславцехъ...»). Из рассказа киевского источника о занятии Киева Юрием и распределении им столов в Лаврентьевскую попало только то, что Юрий вошел в Киев и сел на столе своего отца «хваля и славя бога», а Ростислава посадил в Переяславле. Извлекая фрагменты из пространного рассказа под 6657 г. киевского источника, составитель свода берет преимущественно то, что связано с деятельностью Ростислава и Андрея (Боголюбского). Под 6658 г. составитель летописного текста, помещенного в Лаврентьевской летописи, извлекает из киевского свода сведения о судьбе киевского стола, занятого Изяславом, причем выбрасывает сведения, которые были более интересны киевлянам, чем переяславцам (например, переговоры Изяслава с Вячеславом под 6658 г. в Ипатьевской летописи), и перемежает общие сведения с известиями о пере-

яславских событиях, а затем уделяет внимание Андрею и выпускает местами подробности, касающиеся Изяслава (например, в Ипатьевской под 6659 г. — о том, как после боя был опознан раненый Изяслав). Под 6659 г. есть в Ипатьевской одна запись, сделанная киевлянином: «Гюрги же перебѣже Днѣпръ у Треполя и с дѣтми и ѣха по оной сторонѣ в Переяславль; половци же бѣжаша в Половци». Как видно из сравнения с Лаврентьевской летописью, составитель южнорусского текста этой последней летописи пользовался киевским источником, но данная фраза киевского оригинала переделана, и слова «и с дѣтми, и ѣха по оной сторонѣ» опущены; «оная сторона» была «оной» для киевлянина, но не для переяславца. Несмотря на сокращения в Лаврентьевской общего с Ипатьевской источника, в Лаврентьевской имеются лишние топографические данные, которые могли быть известны переяславцу (Мажево селѣцо на переяславской стороне, к востоку от Днепра)²⁸. Под 6663 г. в Лаврентьевской летописи к киевскому рассказу о Юрии и половцах у Канева (Юрий был тогда киевским князем), совпадающему с Ипатьевской, прибавлено о половцах: «и много пакости створиша около Переяславля».

Итак, если вообще позволительно говорить о переяславских сводах, надо считать, что они строились в значительной мере на киевском летописном материале, который подвергался в Переяславле обработке, что зависимость переяславского летописания от киевского усиливалась, когда политическая ситуация теснее связывала Переяславль-Русский с Киевом (1149 г.).

*

Остановимся еще на составе киевских источников Лаврентьевской летописи. Выше мы убедились в близости их к Ипатьевской летописи. Однако редакция, использованная переяславским составителем, несколько отличалась от той, которую мы имеем в Ипатьевской, т. е. в своде 1198/99 г. Укажем на ряд расхождений. Под 6627 г. в Лаврентьевской сообщается, что Ярослав Святополкович бежал «в Ляхы», а в Ипатьевской сказано — «в Угры».

²⁸ См. также выше в Лаврентьевской летописи, где упомянуто, что Юрий был на Альте; в Ипатьевской об этом не упоминается.

В рассказе под 6635 г. о походе князей на полоцких кривичей в Ипатьевской находим в двух местах пропуск фразы, причем оба раза он объясняется тем, что в оригинале повторялись одни и те же слова, вследствие чего переписчик перескакивал через фразу²⁹. В общем киевском источнике обе фразы были на своем месте, как показывает Лаврентьевская летопись. Под 6652 г. в Лаврентьевской летописи поход против Владимира Галицкого изложен явно по киевскому источнику³⁰. Часть текста, как мы уже говорили, почти слово в слово совпадает с Ипатьевской. Но хотя в Лаврентьевской кое-что опущено, вместе с тем часть текста отсутствует в Ипатьевской; в этой части говорится, что Всеволод Киевский встретился с Владимиром и королевичем Баном у Теребовля и т. д. (от слов «иде к Теребовлю...» до слов «...стоя на Голых горах»). Под 6654 г. первоначальный киевский текст, как видно из сравнения Ипатьевской летописи с Лаврентьевской, вытеснен в Ипатьевской вставками из черниговского источника (см. выше). Под 6655 г. в тех местах обеих летописей, которые отражают общий киевский источник, Лаврентьевская дает смысловые варианты; так, она сообщает имена послов, отправленных Изяславом в Киев; влагает в уста киевлян слова о том, что они хотят убить Игоря, несмотря на запрещение Изяслава; рассказывает о том, как толпа застала Игоря в сених и разнесла сени. Церковь, в которой было положено тело Игоря, Лаврентьевская называет «новгородской божницей». Всего этого в Ипатьевской летописи нет. Эти сведения в общем протографе обеих летописей, очевидно, имелись; но в редакции конца XII в. (имеющейся в Ипатьевской) они были выпущены — возможно, при включении в текст материала из черниговского источника в конце столетия, о чем речь будет ниже. Под 6657 г. в Ипатьевской летописи пропу-

²⁹ В первом случае повторяются слова «сына своего» (ср. в Лаврентьевской: «...и сына своего Изяслава ис Курьска с своим полком посла и на Логожеск», а другого сына своего...). Во втором случае повторяется слово «своему» (ср. в Лаврентьевской «...своима», в Ипатьевской «своему»: «водя с собой и Брячислава, зятя своего, иже быше пошел к отцу своему...»).

³⁰ Всеволод Киевский является организатором похода и, по рассказу, стоит в центре событий. Принимавший участие в походе Изяслав Мстиславич Переяславский в Лаврентьевской даже не упомянут.

щена фраза, причем в Ипатьевском списке 4^{1/2} строки оставлены чистыми. В Лаврентьевской пропущенная фраза имеется (см. от слов «не вѣдущим мысли брата своего Андрѣа...» до слов «...не възволочень»). Вероятно, она была и в общем протографе обеих летописей.

Итак, та редакция киевского текста, которой пользовались составители переяславских сводов, отразившихся в Лаврентьевской летописи, несколько отличалась от редакции, вошедшей в состав Ипатьевской летописи. Расхождения, очевидно, надо объяснять тем, что переяславские составители использовали более раннюю редакцию киевского текста по сравнению с той, которая сохранилась в Ипатьевской. В числе источников Ипатьевской летописи была, как известно, черниговская летопись. По М. Д. Приселкову, киевский сводчик конца XII в. делал извлечения из черниговской летописи Игоря Святославича. Переяславский сводчик мог использовать черниговскую летопись Святослава Ольговича. Но в переяславском тексте (в Лаврентьевской летописи) соответствующих черниговских вставок нет, и приходится думать, что киевские источники, которые переяславские летописцы имели в руках, не содержали таких вставок.

Чтобы не утверждать этого голословно, обратимся к материалу. В статьях 20-х годов XII в. находим в Ипатьевской летописи три черниговских известия, которых нет в Лаврентьевской³¹. Но это отсутствие может быть объяснено общим сокращением киевского источника при составлении переяславского свода. Далее, в Ипатьевской читаем: под 6649 г. — о том, что Игорь, впоследствии убитый в Киеве, ходил к Чернигову на Давыдовича и заключил мир; под 6650 г. — о смерти черниговского епископа Пантелеймона; под 6651 г. — о поставлении в Чернигов епископа Онуфрия; под 6653 г. — о смерти Святослава Ярославича зимою в Муроме и о том, что брат его Ростислав сел на стол, а в Рязань послали Глеба Ростиславича. В Лаврентьевской приведенных известий

³¹ Под 6628 г. отмечена смерть Ростислава, сына княжившего тогда в Чернигове Давыда Святославича; под 6632 г. — записи о том, что выдали «ляховицю» в Муром за Всеволода Давыдовича, а также о смерти жены Ярослава Святославича Черниговского.

нет. Но и этих данных недостаточно для заключения по интересующему нас вопросу.

Только когда мы переходим к сравнительному анализу текста, начиная с 6654 г., убеждаемся, что киевский источник или источники, использованные составителями переяславских сводов, не имели вставок из черниговского летописца, подобных тем, которые нитью проходят через киевский текст Ипатьевской летописи.

Ипатьевская летопись под 6654 г. начинается обычным текстом киевского свода, но когда рассказ переходит к событиям, развернувшимся после болезни Всеволода, исследователь приходит в недоумение. Как могло быть, что в Киеве при Изяславе (а он сел на киевский стол через 13 дней после смерти Всеволода) заполнили летопись рассказом о том, что согласно завещанию Всеволода киевский стол должен был занять не Изяслав, а Игорь, что Всеволод призывал киевлян целовать крест Игорю, что киевляне целовали крест, обманывая: «...и яшася по нь лестью»? Автор этого рассказа явно не на стороне Изяслава, а на стороне Игоря и Святослава Ольговичей и обличает поведение «киян». Он напоминает, что Всеволод еще при жизни посылал зятя своего к Изяславу Мстиславичу и к Давыдовичам, чтобы получить от них заверение о том, что они будут стоять за Игоря. Он рассказывает, как «кияне» (по смерти Всеволода) целовали крест Игорю на Ярославском дворе, а потом у Туровой божницы; как Святослав пошел навстречу просьбе о суде, высказанной киевлянами, недовольными тиунами Всеволода (раскрывается картина социально-политических отношений и классовой борьбы, характерная для этого времени). Он подчеркивает, что киевляне обещались «подъ Игоремъ не льстити, подъ Святославомъ», а со стороны последних, по его уверениям, было сделано все для умиротворения и в отношении «лутших людей», и в отношении тех, кто пошел грабить дворы тиуна и «мечников». Автор далее отмечает, что Игорь послал и к Изяславу, но тот от ответа уклонился.

А затем мы видим опять, что рассказ ведется уже в ином тоне, благожелательном Изяславу, от слов «И не угодень бысть кияномъ Игорь и послашася къ Переяславлю къ Изяславу...». В таком духе ведется изложение далее и прямо говорится, что Ольговичей никто не хотел: ни белгородцы, ни василевцы, ни киевляне; они говорили:

«ты нашъ князь, поѣди, Ольговичъ не хотимъ быти акы в задничи; кде узримъ стягъ твой, ту и мы с тобою готови есмь». Изяслав собирает «христьян» и «поганных» и про-износит им речь. Уже из сказанного следует сделать предположительный вывод, что рассказ до слов «И не угоденъ бысть...» вставлен в текст киевского свода из летописного источника, близкого к Игорю и Святославу, т. е. из источника не киевского, а черниговского. Всего этого фрагмента (до слов «И не угоденъ бысть...») в Лаврентьевской летописи нет.

Аналогичные наблюдения можно сделать и над последующим текстом.

От слов «Игорь же посла къ братама своима...» в Ипатьевской снова начинается текст черниговского происхождения: в центре стоит Игорь, на его стороне черниговский епископ, грозящий проклятием князьям-клятвопреступникам, а правящая группа киевлян изображается как поступающая по внушению дьявола и «злым советом» с «киянами» посылающая к Изяславу. Автор отличает эту правящую группу киевлян, за которыми идут «кияны». Ее составляли «началничи... свѣту злому тому», это — Улеб тысяцкий, Иван Войтишич, Лазорь Соковский. На их стороне Василь Полочанин, Мирослав Хилич внук. Они собрали около себя киевлян и совещались, как предать, обмануть («перельстити») князя «своего», посылая одновременно и к Изяславу, и «лестью» побуждая Святослава выступить против Изяслава. Ясно, что это не киевская летопись, писанная при Изяславе, а враждебная Изяславу, враждебная правящей группе киевлян и сочувственно относящаяся к Игорю и Святославу: «Игорь же съ братомъ Святославомъ, — читаем далее, — възрѣста на небо и рекоста: Изяславъ чѣловалъ крестъ к нама, яко не подърѣти Киева...» и т. д.

Этого рассказа в Лаврентьевской летописи тоже нет.

В дальнейшем тексте Ипатьевской летописи под тем же годом явственно обнаруживается новая вставка в киевский текст из того же черниговского источника, отсутствующая в Лаврентьевской летописи. Киевский текст сообщает, как Изяслав «възрѣвъ на небо» с «великою славою и честью» въехал в Киев и «выидоша противу ему множество народа...» и т. д., о чем читаем и в Лаврентьевской, и упоминает (как и Лаврентьевская) о «заступлении» св. Михаила, а далее о том, что через четыре дня

Игоря нашли в болоте, отослали в Выдубицкий монастырь, а оттуда в Переяславль. Вслед за тем от слов «И розъграбиша кияне съ Изяславомъ (домы) дружины...» видим явно вставку не из киевского источника, которой нет в Лаврентьевской, кончающуюся словами «...Новугороду приде». Далее же читаем фразу: «И слышавше половецъ-стии князи...» и т. д., которая имеется в обеих летописях. Текст Ипатьевской летописи, названный нами вставкой, не мог быть писан в Киеве, так как он, как и черниговский текст, о котором мы говорили выше, обличает киевлян и Изяслава: они вместе грабили дома дружины Игоря и Всеволода и «села и скоты, взяша имѣнья много в домехъ и в монастырехъ»; так пишут только о неприятелях. И автор далее рассказывает, как Святослав поехал в Чернигов, как вел переговоры с Владимиром и Изяславом Давыдовичами, запрашивая их, верны ли они крестоцелованию, а затем, оставив Костяжку «мужа своего», отъехал в Курск «устанавливать» людей и в Новгород-Северский.

Трудно сомневаться, что и этот фрагмент, не получивший никакого отражения в Лаврентьевской летописи, не принадлежит к числу заимствований из черниговского источника. Продолжение этого черниговского рассказа читаем только в Ипатьевской от слов «И почаства Давыдовича думати...»³². Здесь раскрывается истинный замысел Давыдовичей и роль Костяжки (или Коснятки, Константина), получившего сведения о заговоре Давыдовичей против Святослава. Автор рассказа на стороне последнего и не жалеет красноречия, чтобы очернить Давыдовичей за то, что они перешли на сторону Изяслава Мстиславича Киевского. Он сообщает затем о последующих мероприятиях Святослава, его переговорах с Юрием Долгоруким, сидевшим в Ростово-Суздальской земле, и т. д. Всего этого в Лаврентьевской летописи также нет совсем.

Затем в Ипатьевской снова идет киевская летопись об Изяславе и Вячеславе (в сокращенном виде ее находим и в Лаврентьевской летописи); а затем в духе черниговского предыдущего рассказа вставлен текст, в котором автор влагает в уста Давыдовичей слова о необходимости совершить «до конца братоубиство»³³; в Лаврентьевской его

³² До слов «и прииде ихъ к нему в борзѣ 300».

³³ До слов «ити на Святослава Новугороду».

пет. Тот же источник обнаруживается ниже, начиная или с рассказа о разграблении Игорева и Святослава стада, или от слов: «В то же веремя послася Святославъ къ Гюргеви, и чѣлова к нему крестъ Гюрди, яко искати ему Игоря...». Местами ясно, что запись делалась в лагере Святослава. Подробно рассказано о сношениях Юрия Долгорукого (он был в Ростово-Суздальской земле) со Святославом; об Иванке Юрьевиче, получившем от Святослава Курск с Посемьем, и т. п. Черниговский источник проглядывает на протяжении ряда листов рукописи. Извлечения из этого источника местами заменили собой тот прежний киевский текст, который был известен составителям переяславских сводов. Это ясно видно, например, в рассказе о том, как Святослав Ольгович нанес поражение Изяславу Давыдовичу. В Ипатьевской летописи автор не скрывает своего сочувствия Святославу и радуется его победе: «Святославу же бы из головы любо въ иже дати жену и дѣти и дружину на полонъ, любо голову свою сложити. Святослав же, сгадавъ с братьею и с половици, с мужи своими, възря на бога [и] на святую богородицю изииде въ срѣтение ему въ день четвертокъ, мѣсяца генваря въ 16 день... и тако богъ и сила животворящаго креста погна я»; при этом записано, видимо, тогда же: очень точно датировано. Перед нами, таким образом, извлечение из черниговского источника. Об этом же поражении киевлян в Лаврентьевской, т. е. тексте свода Переяславля-Русского, сделано извлечение из киевской летописи, что обнаруживается словами «прогна нашѣ опять» (Изяславу Давыдовичу были даны киевские войска).

Местами в Ипатьевской летописи составитель пользуется киевским текстом: рассказ переносится в лагерь Изяслава Мстиславича Киевского (см., например: «Пришедшимъ же имъ лѣсъ Болдыжъ и ту бяхуть стали обѣду, и прибѣже мужъ къ Изяславу Мъстислаличю, и рече ему: «брата ти Изяслава побѣди Святославъ и дружину вашу». Изяславъ же то слышавъ Мъстиславич, ражеже сердце болма на Святослава, бѣ бо храбор, крѣпокъ на рать...» и т. д.).

Черниговскому источнику следует Ипатьевская летопись, например, когда повествует о движении сыновей Юрия Долгорукого, о Святославе, отпустившем половцев со многими дарами, о смерти Иванка Юрьевича с точными

и конкретными указаниями на время и обстоятельства его кончины (тело его отвезли к отцу в Ростово-Суздальскую землю) и о том, куда прошел Святослав, где остановился и какие дары получил от Юрия.

Все те места, которые мы имеем основания относить к черниговскому источнику, в Лаврентьевской летописи отсутствуют совсем.

Ту же картину дает и сравнительный анализ летописных статей последующих лет. Под 6655 г. читаем продолжение рассказа о Святославе и Юрии, извлеченного из того же черниговского источника, описание известной встречи Святослава с Юрием на Москве (первое упоминание о Москве в письменных источниках), где был дан «объдъ силенъ», и о дальнейшем пути Святослава и смерти старого «мужа» Петра Ильича. И ниже видим черниговский материал, тоже отсутствующий в Лаврентьевской летописи, до слов «... и цѣловаша крестъ и не управиша».

Если бы киевские источники, которыми пользовались переяславские сводчики, заключали в своем составе рассмотренный нами черниговский материал, он так или иначе отразился бы в тех извлечениях из киевского источника, которые имеются в Лаврентьевской летописи.

Рассказ об убиении Игоря Ольговича передан по киевскому источнику и в Ипатьевской, и, по более ранней редакции и в извлечениях, в Лаврентьевской летописях. Черниговские вставки в Ипатьевской летописи обнаруживают себя не только содержанием, но и тем, что их не знает Лаврентьевская летопись. К вставкам относится текст от слов «Игорь же, услышавъ, поиде въ церковь...» до слов «... И то ему глаголющу, и емше поведоша из манастиря»; от слов «Игорь же побиваемъ рече: Владыко!...» до слов «...и покрывахуть наготу телесе его своими одежами»; от слов «На ту ночь богъ прояви над ним знамение...» до слов «... богу явleshю над нимъ».

Весьма интересен для нашей темы текст Ипатьевской летописи под 6657 г. в рассказе о переговорах Изяслава Мстиславича Киевского со Святославом Ольговичем перед приходом из Ростова суздальской рати Юрия Долгорукого. События эти завершились победой Юрия, после чего он занял киевский стол.

Святослав Ольгович, согласно этому рассказу, задерживает послов Изяслава, а тем временем посылает к Юрию с вопросом: «въ правду ли» идет он? А далее читаем: «Святославъ же слыша Гюргеви отвѣтъ», но о самом ответе в тексте перед тем нет ни слова. Только ниже ответ приводится, но уже в передаче князя Владимира Давыдовича. Надо думать, что у составителя было в руках два источника, из которых один, черниговский, сообщал о переговорах Святослава с Юрием полностью и на своем месте. Немногим ниже мы уже явственно видим следы этого второго источника, начиная от слов «Гюрги же пришедъ ста у Ярышева; и ту к нему приѣха Святославъ Олговичъ, на Спасъ день, и ту Святославъ позва и к собѣ на обѣдъ, и ту обѣдавшие разѣхашася. Въ утрии же день в недѣлю (т. е. в воскресенье. — А. Н.) рано, въсходящю солнцю, родися у Святослава Олговича дчи, нарекоша въ крещение имя еи Марья. Рече же Олговичъ Святославъ къ Гюргеви: «брате! то нам ворогъ всимъ Изяславъ, брата нашего убилъ...». Эти записи носят характер записей, которые велись кем-то при Святославе Ольговиче; далее отмечены события «поне-дѣльника» и т. д.

Эта летопись Святослава Ольговича могла бы быть включена в киевский свод при Юрии Долгоруком, занявшем в том же году киевский стол; однако текст переяславского свода, построенный, как мы видели, в значительной мере на киевском летописном материале, никаких следов летописи Святослава Ольговича не содержит, как показывает состав Лаврентьевской летописи.

Нет в Лаврентьевской летописи и известия Ипатьевской летописи под 6658 г. о перенесении тела Игоря Святославом Ольговичем в Чернигов; нет также тех отступлений в рассказе Ипатьевской летописи под 6659, 6660, 6661, 6662 (?) и 6663 гг., которые касаются Святослава Ольговича или Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого. Отдельные записи о событиях в Черниговской земле (в Чернигове, в Новгород-Северском) вкраплены в текст Ипатьевской летописи до 90-х годов XII в. Но с 1157 г. в Лаврентьевской летописи преобладает суздальский материал, и по данному вопросу дальнейшее сравнение не может дать интересующих нас показаний.

Отметим теперь одну особенность южнорусского текста Лаврентьевской летописи. Составитель (до 40-х годов XII в.) обнаруживает повышенный интерес к церковным делам и осведомленность, что заметно при сравнении Лаврентьевской летописи с Ипатьевской. Под 6630 г., сообщая о церковных делах и знамениях, Лаврентьевская летопись приводит конкретные данные, отсутствующие в Ипатьевской: о смерти юрьевского епископа Данилы (точная дата), о солнечном и лунном «знамениях» (точные даты); о прибытии митрополита уточняет: «въ святую Софью». Под следующим годом в известиях о смерти епископов переяславского и черниговского имеются точные даты, которых нет в Ипатьевской. Под 6632 г. в Лаврентьевской читаем о погоревших церквях, и хотя говорится о пожаре в Киеве, в Ипатьевской этих сведений нет; в известии о знамении есть указание на время дня, чего нет в Ипатьевской. Пространный некролог Мономаха в Лаврентьевской летописи носит церковную окраску. Точная дата смерти митрополита имеется не в Ипатьевской, а в Лаврентьевской под 6634 г. Здесь же под 6655 г. есть более полные сведения по сравнению с Ипатьевской о поставлении митрополита Клима; так, к имени «Клима» прибавлено «калугера, русина» и приведена точная дата.

Таким образом, мы имеем ряд записей о церковных событиях, происходивших за пределами Переяславской земли, о которых с большей точностью передано в Лаврентьевской, чем в Ипатьевской, хотя киевские известия Лаврентьевская летопись дает, как правило, в сокращении. Все это подтверждает, что в первые десятилетия XII в. к летописной работе в Переяславле-Русском имел какое-то отношение епископ, как полагал Шахматов. Но не вижу оснований называть «епископским» летописный текст 50—60-х годов XII в.³⁴ К тому же и переяславская епископская кафедра к этому времени теряет свое значение. Еще в конце XI в. переяславскому епископу были подведомственны одновременно и Ростово-Суздальская и Смоленская земли. Так сложилось, во-первых, потому, что Владимир Мономах был князем не только пере-

³⁴ Ср. М. Д. Приселков. История, стр. 68.

яславским, но также ростово-суздальским и смоленским; и, во-вторых, потому, что в какой-то мере действовали порядки или, вернее, пережитки той эпохи, когда южнорусская, или «Русская земля», господствовала и над Смоленском, и над Ростовом. В начале третьего десятилетия XII в. ни Смоленск, ни Ростов не выделились еще в церковном отношении, а зависимость Ростово-Суздальской земли от южнорусских сюзеренов выражалась в уплате «Суждали залесской дани», прекратившейся лишь в 40-х годах XII в. Только в середине столетия была вновь создана и особая ростовская епископия. В «Русскую землю» даже во второй четверти XII в. из Смоленска еще платили и «пагородие» и «дары», а особую епископию в Смоленске образовали не ранее 1137 г. Тенденция Смоленска к обособлению давала себя знать еще на рубеже XI—XII вв., и Мономах, судя по летописи, делал шаги в этом направлении или давал какие-то обещания. Но ни ему, ни его сыну Мстиславу учредить смоленскую епископию не пришлось.

Такое положение переяславской кафедры объясняет интерес составителя изучаемого свода к судьбам Ростово-Суздальской земли в 30-х годах, объясняет, почему в Лаврентьевской летописи имеются две статьи за эти годы, отсутствующие в Ипатьевской, из которых одна сообщает о делах в Новгороде и Смоленске, а другая — в Новгороде и Ростово-Суздальской земле.

О делах Ростово-Суздальской земли читаем под 6643 г. о том, что Юрий в обмен на Переяславль дал Ярополку Ростов и Суздаль и «прочую волость свою, но не всю»; то же читаем и в Ипатьевской летописи; далее — довольно объемистая статья о безрезультатном походе Изяслава со Всеволодом и новгородцами на Ростов, когда с Волги войско вернулось. Всей этой статьи в Ипатьевской нет. Нельзя ее считать и позднейшей вставкой владимирского сводчика: судя по содержанию, статья внесена по южной записи, в Новгородской I летописи совсем иной рассказ о тех же событиях, в Ростове в 30-х годах летописание не велось. Ниже под тем же годом в Лаврентьевской имеется краткое известие о битве новгородцев с ростовцами на Ждане горе; по сравнению с Ипатьевской здесь имеется лишняя фраза об успехах ростовцев, которая, впрочем, могла принадлежать и владимирскому сводчику. Наконец, под 6641 г. в Лаврентьевской читаем: «Яро-

полкъ посла Мстиславича Изяслава къ братъи Новугороду, и даша дани печерскыѣ и отъ Смолинъска дар, и тако хрестъ цѣловаша; и поча лишатися Вячеславъ Переяславля, и дошедъ Городца воротися опять». Из всего этого в Ипатьевской находим только о том, что Вячеслав лишился Переяславля. Откуда бы ни заимствовал сведения о дани и «дарах» составитель переяславского текста, он взял их, очевидно, потому, что те лица, которые руководили составлением свода, ими интересовались. Шла ли какая-нибудь доля «даров» и дани в Переяславль — мы не знаем; но, повторяем, Смоленск в церковном отношении подчинялся переяславской кафедре.

Где же велись летописные записи в XII в. в Переяславле-Русском? Таким местом служил, по-видимому, епископский собор св. Михаила в Переяславле. Летописный текст нередко упоминает о церкви св. Михаила³⁵. Мы знаем, что в ряде городов раннефеодальной Руси летописные записи начинались при местной соборной церкви. При этом местный летописный свод с самого начала мог носить характер княжеского свода, а не епископского, как было во Владимире-Залесском, где в XII в. не было своей епископской кафедры. Но церковь св. Михаила была построена в 80-х годах XI в. как церковь епископская, вернее митрополичья, так как Ефрем Переяславский, создавший церковь св. Михаила, назывался митрополитом, о чем свидетельствуют два таких авторитетных источника, как Повесть временных лет и житие Феодосия Печерского в сборнике XII в.³⁶; по сведениям Лаврентьевской летописи, в Переяславле ранее («преже») была «митрополия». Вся запись под 6597/98 г. о строительной деятельности Ефрема в г. Переяславле походит на местную запись в церкви св. Михаила; о Ефреме говорится как о строителе не только церквей, но и каменных укреплений и других зданий в Переяславле-Русском.

³⁵ Лавр. лет. под 6631, 6649, 6654, 6657, 6658, 6659 гг.

³⁶ Ипат. и Лавр. лет. под 6597—6598 гг., «Сборник XII века московского Успенского собора», вып. 1, издан под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. — ЧОИДР, 1899, кн. 2, отд. II, стр. 54.

Итак, сравнительный анализ Лаврентьевской и Ипатьевской летописей с полной точностью устанавливает, что южнорусский текст XII в., попавший в Лаврентьевскую летопись (разумею преимущественно текст до 1157 г.), составлялся с помощью киевского летописного источника, который уже в Переяславле-Русском был подвергнут обработке и сокращению. Несомненно также, что этот киевский летописный источник, хотя был очень близок к Ипатьевской летописи, однако несколько отличался от текста последней, представляя более раннюю редакцию, и не имел вставок из черниговского источника. Нельзя быть уверенным, что составители владимирских сводов (Лаврентьевская летопись) не сокращали совсем южнорусского материала и не вносили вообще никаких изменений в южнорусский текст. Однако в результате сравнения Лаврентьевской и Ипатьевской летописей получаем ряд показаний, свидетельствующих, что киевский летописный источник (в тексте Лаврентьевской летописи) обрабатывался предварительно в Переяславле-Русском, что там извлекали материал из киевского «летописца» или сокращали его. Таким образом, если позволительно говорить о переяславских летописных сводах, то надо считать, что своды эти строились в значительной мере на киевском летописном материале, причем зависимость переяславского материала от киевского должна была усиливаться, когда политическая ситуация теснее связывала Переяславль с Киевом.

Местные летописные записи в Переяславле-Русском велись при епископской церкви св. Михаила. Причастность переяславских епископов в первые десятилетия XII в. к работе по летописанию в Переяславле-Русском отразилась на содержании южнорусского (переяславского) летописного материала, использованного при составлении владимирских сводов и дошедшего до нас в составе Лаврентьевской и близких к ней летописей.

Глава третья

С середины XII в. среди других древнерусских «областей» выделяется Ростово-Суздальская земля, колыбель будущего Московского государства.

К числу малоисследованных вопросов ростово-суздальского летописания XII в. относим следующие: 1) о происхождении записей, упоминающих о Ростово-Суздальской земле первой половины XII в. и о том, где велись летописные записи в Ростове в XII в.; 2) о записях с подвигами Андрея Юрьевича на Юге и об истоках владимирского летописания; 3) о происхождении летописных редакций Сказания об убиении Андрея Боголюбского и о северо-восточном источнике Ипатьевской летописи; 4) о социально-политической направленности летописных записей и текстов, вышедших из среды местного клира.

Не претендуя на полное и окончательное выяснение всех этих вопросов, мы будем считать, что наша задача выполнена, если нам удастся внести некоторую ясность в их понимание и в иных случаях только указать на шаткость установившихся мнений.

Социально-экономическое развитие русского Северо-Востока несколько запаздывало по сравнению с другими областями Восточно-Европейской равнины, особенно южными. И только, кажется, в XII—XIII вв., насколько можно судить по всей совокупности данных, Ростово-Суз-

дальская земля приблизилась к среднему уровню развития других «земель». Дольше других «земель» она оставалась еще в положении известного подчинения русскому Югу, представленному к XII в. тремя княжествами: Киевским, Черниговским, Переяславль-Русским. Это подчинение выражалось в уплате «Суждали залесской дани». Владимир Мономах еще в бытность свою князем Переяславля-Русского не раз ездил в Ростовскую землю, озабоченный не только поступлением дани, но и вопросами обороны. Как в Смоленске, так и в Ростове его интересовало и состояние местной церковной жизни. В Смоленске он построил церковь св. Богородицы; определил ей десятину с «Суждали залесской дани» и предполагал даже учредить здесь свою епископию. В Ростове, по некоторым данным, им была еще ранее, при епископе ростовском Леонтии, сооружена Успенская церковь. Известно, что христианизация края встречала сопротивление, и после епископа Исаи ростовскую кафедру закрыли.

До середины XII в., по-видимому, еще не было условий, благоприятных для развития местного летописания: Ростово-Суздальская земля не приобрела еще своей княжеской династии; уплата «Суждали залесской дани» прекратилась лишь при Юрии Долгоруком, причем окончательно едва ли ранее конца 40—50-х годов; к этому времени только восстановили и особую ростовскую епископскую кафедру.

Что же известно о начале летописания в старом Ростове?

В Лаврентьевской и близких к ней летописях в известиях первой половины XII в., в тексте, заполненном рассказами о событиях в Южной Руси, встречаются иногда упоминания о Ростово-Суздальской земле или о близких к ней областях и странах. Упоминания эти дали повод к предположению, что местные ростовские летописные записи начались с 20 или 30-х годов XII в. Так, М. Д. Приселков писал, что в составе владимирских сводов «северо-восточные известия начинаются с 1120 г. (поход Юрия Долгорукого на болгар) и первоначально весьма немногочисленны (1135, 1138 гг. и нек. другие)»¹. Он полагал, что при составлении первого владимирского свода в руках у составителя были «летописные записи

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. (далее — М. Д. Приселков. История). Л., 1940, стр. 64.

по истории Ростово-Суздальского края времени Юрия Долгорукого», что это был «местный летописец», который велся «в Ростове при князе Юрии», но что из этого источника владимирский составитель привлек только «незначительное число известий, под 1120, 1135, может быть, 1138 и другими годами»².

Такое предположение как будто допустимо. Правда, встает вопрос: чем же объяснить, что те же известия читаем и в киевском своде, в Ипатьевской летописи? Но и на это можно дать ответ, так как в состав Ипатьевской летописи вошли извлечения из северо-восточного источника, которые явственно прослеживаются начиная с конца 50-х годов XII в.

Как ни соблазнительны изложенные выше мнения, нельзя обойти те серьезные затруднения, которые они встречают. Если действительно перечисленные немногие известия Лаврентьевской и Ипатьевской летописей восходят к владимирскому источнику, отражая интересы его составителя, то непонятно, почему же последний не взял из «ростовского летописца времен Юрия» известия о построении им во Владимире церкви св. Георгия³. Если он вообще пополнял текст южнорусского свода событиями, относящимися к Ростово-Суздальской земле, то почему он не отметил построение «града» Владимира Владимиром Мономахом⁴? Ведь нам известно, что во Владимире в 70-х годах XII в. помнили об этом событии (см. под 1176 г.: «постави бо прежде градо-сь великии Володимеръ, и по том князь Андрѣи»; ср. с Ипатьевской летописью под 6648 г.). Владимира Мономаха высоко чтили: Михалко (под 1177 г.) определен как «сынъ Гюргевъ, внукъ Мономаха Володимера», а владимирский свод сохранил нам тексты завещания Мономаха детям и фрагмент его письма к Олегу. Если действительно владимирский летописец 70-х годов XII в. пополнял в годы, когда «владимирици» действовали совместно с «перяяславцами», южнорусский материал сообщениями о событиях в Ростово-Суздальской земле, то непонятно, почему он не отметил построение Переяславля-Залесского, построение «великого

² М. Д. Приселков. История, стр. 73—74.

³ Об этой записи ростовской летописи см. ниже.

⁴ Об этом сообщает Львовская летопись под 6616 г. — ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 103.

града» Юрием и церкви св. Спаса⁵. Кстати сказать, и Михалко, и Всеволод стали ростово-суздальскими князьями в согласии с завещанием Юрия.

Непонятно, зачем в то же время он включил в южнорусский свод сведения о том, что Ростов, Суздаль с «властью» (хотя и «не всей») уходили из рук Юрия, переданные им в обмен на Переяславль-Русский.

Нам кажется поэтому более вероятным, что все перечисленные выше известия (начиная с 1120 г.) восходят не к северо-восточным записям, а к записям, сделанным на юге, что они взяты из южнорусского свода (см. Ипатьевскую летопись), обрабатывались в Переяславле-Русском и в таком виде попали в Лаврентьевскую летопись.

Судя по замечанию, сделанному в главе о Лаврентьевской летописи в «Обзрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.», А. А. Шахматов не считал известие под 1120 г. о походе Юрия на болгар «суздальским известием»⁶. Из самого известия неясно, откуда ходил Юрий на болгар: из Поднепровья или из Ростово-Суздальской земли.

В Ипатьевской же летописи известие о походе Юрия стоит в ряду известий о деятельности киевского князя Владимира Мономаха и его сыновей, о их военных заслугах⁷; думается также, что если бы оно было северо-восточным и было вставлено в Ипатьевскую летопись позднее, на исходе XII или в XIII в., когда был привлечен северо-восточный источник, то тогда не могло быть в Лаврентьевской летописи следов обработки этого известия рукою летописца Переяславля-Русского; а там на первое место поставлен Ярополк Переяславский, а затем читаем: «а Георги брат его (т. е. Ярополка. — А. Н.) ходи на болгары. . .» и т. д.

⁵ Об этих ростовских записях см. ниже.

⁶ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. (далее — А. А. Шахматов. Обзорение). М.—Л., 1938, стр. 17, прим. 1.

⁷ Под предыдущим годом читаем, что Владимир взял Минск и привел Глеба в Киев, где тот и умер. А под 1120 (6628) г. записано о том, что Владимир послал Андрея (своего младшего сына) «на ляхы» и «повоеваша ѣ»; под следующим годом — о том, что прогнал Владимир берендеев «из Руси» и т. д. Юрий назван по имени и отчеству («Георгий Володимеричъ») так же, как выше другой сын Мономаха — Роман («Романъ Володимеричъ»).

О другом известии под 6643 г. — о том, что Юрий «испросил» у «брата своего» Ярополка Переяславль-Русский в обмен на Ростов, Суздаль и «прочую волость свою, но не всю», — мы говорили.

Эта запись становится понятной также в ряду других записей киевской летописи. Дело в том, что Ярополк Переяславский в это время занимал киевский стол. Киевская летопись — летопись киевского князя Ярополка — в эти годы следит за судьбой Переяславля: под 6641 г. отмечено, что Ярополк «дает» Переяславль Всеволоду Мстиславичу (переяславский свод к этому киевскому известию сохранил некоторые пояснения), но сразу же Юрий отнимает у него Переяславль. Тогда Юрия из Переяславля «выводит», как мы читаем в киевском своде, «братъ его» Ярополк, и далее: «и посла Ярополкъ по другаго Мьстислалича в Полтескъ по Изяслава...» (Ипат. и Лавр. летописи). Летописец далее следит за судьбой Переяславля. Под 6642 г. в Ипатьевской (и Лаврентьевской) отмечено, что Вячеслав «лишився Переяславля», пошел к Турову, «не послушавъ брата своего Ярополка» (как одинаково написано и в Ипатьевской, и в Лаврентьевской). Из этих слов можно заключить, что в киевском своде читалось о том, что Вячеслав получил Переяславль, сменив на переяславском столе Изяслава. Думаем поэтому, что к киевскому своду восходят слова, сохранившиеся в Лаврентьевской: «...Ярополкъ уладися с братьею и да Переяславль Вячеславу, а Изяслава выведе с нужею...». Наконец, под 6643 г. в Ипатьевской читаем интересующее нас известие: «Юрьи испроси у брата своего Ярополка Переяславль...» и т. д.

Ярополков летописец иначе и не мог записать, как «испроси у брата своего Ярополка Переяславль». Из приведенных известий видно, что летописца этого интересовала судьба Переяславля-Русского, которым распоряжался Ярополк. Известие об обмене не выделяется ни по содержанию, ни по форме из ряда аналогичных по характеру киевских записей.

Остановимся на последующем рассказе Лаврентьевской летописи под тем же годом, так как год этот отмечен в литературе как год, содержащий записи, сделанные в Ростове. В рассказе этом сообщается, что Всеволод Мстиславич с новгородцами и Изяслав Мстиславич ходили на Ростово-Суздальскую землю, причем «на рать» поднялись

Ольговичи и Давыдовичи. Поход был неудачным. Новгородская версия не расходится в этом отношении с Лаврентьевской летописью (ср. Новгородскую I летопись старшего извода), но она прибавляет, что Всеволод хотел посадить Изяслава «в Суждали», а затем отмечает, что в «Русской земле» начались неурядицы.

Рассказ Лаврентьевской летописи явно написан с позиций южного автора, а не северо-восточного: начинается он с того, что «ис Турова иде Изяславъ в Мѣнескъ» (т. е. в Минск). Выше в той же летописи говорится, что Изяслав получил Туров, а потом был выгнан оттуда Вячеславом. Таким образом, разбираемый рассказ является продолжением повествования о событиях в Южной Руси. Из Турова, как сообщается далее, он пошел к Новгороду, «к брати», и «сложишася Олговичи (вариант: «со Олговичи») и с Давыдовичи, и всташа вси на рать». Далее сказано, что Изяслав и Всеволод пошли «на Ростовъ», но «на Волзѣ воротишася новгородѣци, и иде Всеволодъ опять Новугороду». Затем рассказано, где был и куда пошел Изяслав. Как видим, запись явно не северо-восточная.

Ростово-Суздальская земля принадлежала в это время киевскому князю Ярополку, и поход на нее с участием Ольговичей мог вызвать раздоры на Юге: «про то, — читаем далее в Лаврентьевской, — заратишася Олговичи с Володимеричи, и идоша Ярополкъ, Гюрги, Андрѣи к Чернигову на Олговичѣ»⁸.

Одна запись — она находится в конце того же года в Лаврентьевской и близких к ней летописях — походит на запись ростовского происхождения. Это запись о победе «ростовцев» над новгородцами «на Ждьни горѣ». Событие более или менее подробно описано в новгородском источнике: в Новгородской I летописи дана точная дата выступления (31 декабря), приводится характеристика погоды, названы имена убитых, знатных мужей, дана точная дата самой битвы (26 января); битва была, таким образом, в начале 1135 (6642) г. В Лаврентьевской (и Ипать-

⁸ На такую же последовательность событий указывает, как мы видели, и Новгородская I летопись. В Ипатьевской летописи почему-то не отмечен (опущено?) поход в Ростово-Суздальскую землю, но аналогичные слова имеются: «про то заратишася Олговичи. . .»

евской) запись настолько краткая, что приходится думать одно из двух: или эта запись сделана в Ростове позднее, по припоминанию, или она сделана в Переяславле-Русском по дошедшим слухам. В пользу последней возможности указывает как будто то, что в Лаврентьевской она помещена под 6643 г., т. е. дана в ультрамартовском стиле, который применяли в Переяславле-Русском. Едва ли эта запись киевская: в Ипатьевскую летопись она попала под 6645 г., и в ней отсутствует последняя фраза («и побиша множество ихъ, и воротишася ростовци с побѣдою великою»). Вместо «ростовци» здесь читаем «суждальци», но в остальном она совпадает слово в слово с записью Лаврентьевской и взята из одного источника (переяславль-русского или ростовского?)

Вслед за ней в Ипатьевской следует: «Въ то же время иде Юрьи Ростову, и Всеволодь Мьстислаличъ отда дчѣрь свою в Ляхы Верхуславу». Эта запись в целом, по-видимому, южная, в Лаврентьевской ее нет. Сам факт переезда Юрия на Северо-Восток подтверждается, так как Синодальный список Новгородской I летописи сообщает под 6647 г., что Юрий («Гюрги князь») пришел «и-Суждаля» в Смоленск и звал оттуда новгородцев против «Всеволодка» (т. е. Всеволода Ольговича Киевского) на стольный Киев.

Таким образом, мы убедились, что нет достаточных оснований возводить рассмотренный летописный материал о событиях первой половины XII в. в Лаврентьевской летописи и Ипатьевской к записям ростовским. Известие же о битве на Ждане горе если и было ростовской записью, то сделанной позднее, по припоминанию.

Не содержат ли противопоказаний такому выводу те летописные своды, которые сохранили фрагменты владычного ростовского летописания? Не имеется ли там в сообщениях о тех же событиях дополнительного материала? Ведь составители владычных ростовских сводов могли пользоваться местными ростовскими «летописцами», до нас не дошедшими. Без сомнения даже, пользовались, так как они содержат уникальный ростовский материал. Однако рассмотренные нами известия или не оказываются там совсем, или приведены в той же редакции, что в Ипатьевской или в Лаврентьевской, или же в сокращенном виде.

Так, известие о походе Юрия на болгар в кратком летописном своде XV в., опубликованном в 1955 г. по двум

спискам, отсутствует⁹, нет его также в Софийской I и Новгородской IV летописях. В Московском своде 1479 г. известие это находится в редакции, заимствованной из киевской летописи (ср. Ипатьевскую), но с сокращением (нет слов «и взя полонъ многъ и полкы ихъ побѣди»). В Ермолинской — совсем кратко. Наконец, в Типографской летописи известие имеется в редакции Лаврентьевской; из Лаврентьевской же взято и предыдущее известие, причем перенесена и описка.

Известия об обмене Переяславля-Русского на Ростов и Суздаль в сводах, содержащих фрагменты владычного ростовского летописания, также не имеют каких-либо локальных уточнений или дополнений.

То же можно сказать и об известии о битве на Ждане горе: его находим или в той же редакции, что в Лаврентьевской или в Ипатьевской, или же в новгородской редакции.

Сообщения о переезде Юрия в Ростов (см. Ипатьевскую под 6645 г.) в этих сводах нет совсем.

Какие же местные записи о событиях в Ростово-Суздальской земле первой половины XII в. дошли до нас?

Имеем две записи, которые стоят особняком, о событиях начала XII в. в Ростово-Суздальской земле. Записи эти сделаны, по-видимому, не в княжеской среде и, как ни странно, совсем не попали ни во владимирские великокняжеские своды второй половины XII—XIII вв., ни в московские великокняжеские своды XV в., а дошли до нас в письменных памятниках церковного происхождения. Одна из них — в Типографской летописи, в составе владычного ростовского свода второй половины XV в. и в своде 1539 г., тоже церковного происхождения; а другая — в Львовской летописи, сохранившей нам текст митрополичьего свода, а также в кратких летописного характера записях первой половины XV в. оригинального состава, церковной окраски, в статье «А се князи русьстии», предшествующей Комиссионному списку Новгородской I летописи.

Первая запись рассказывает об осаде в 1107 г. Суздаля волжскими булгарами, которые «воевали села и погосты»

⁹ «Летописный свод XV века (по двум спискам)». Подготовка текста и вводная статья А. Н. Насонова. — «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955.

и убивали «многихъ отъ крестьянъ»; о «людяхъ» говорится, что не «соущю князю оу нихъ». Избавление от болгар толкуется как «чудо», которое «сътвори богъ и святаа богородица в Суждалстѣи землѣ». Вторая запись регистрирует события следующего года; она включала два события: построение «града» Владимира Владимиром Мономахом и построение в этом городе церкви св. Спаса. И в Львовской летописи, и в особой летописной статье оба события объединены в одном известии.

Ближайшую аналогию названным сообщениям находим в той же Типографской летописи под 1152 г. Я разумею записи об осаде булгарами г. Ярославля на Волге и о строительной деятельности Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле.

Первая запись под 1152 г. по своему содержанию явно ростовского происхождения и явно не княжеского. Второе известие под 1152 г. говорит о деятельности князя, но оно, по-видимому, церковного происхождения и имеет сходные черты с записью под 1107 г: оба известия начинаются с приступа религиозного характера и в обоих известиях «земля» или «страна» названа «Суздальской». При этом нельзя быть уверенным, что перечисленные мероприятия Юрия по строительству в стране относятся к одному (1152) году, хотя и начинается рассказ со слов «Тогда же...». Среди них указано построение церкви св. Георгия. В помянутой статье «А се князи русьстий» время построения церкви св. Георгия во Владимире определено так: «за 30 лѣт до Богородичина ставления», т. е. отнесено к 20-м годам XII в. Известия под 1152 и 1107 гг. сохранились в ростовском владычном летописании (а известие под 1108 г. — в митрополичьем), но мы не знаем, все ли они сделаны в Ростове. Где именно и когда все они были записаны, сказать трудно.

Группа известий под 1152 г. могла быть записана в том же году или в ближайшее к этому году время, так как известия дают конкретные подробности; точных дат они не имеют. К ним бесспорно примыкает и известие 1154 г. Типографской летописи о том, что у Юрия, когда он был в «полюдьи» на Яхrome, родился сын, и на этом месте («тоу») он поставил «градъ» Дмитров. Место, где во время «полюдья» остановился князь, могло быть селением, местным административно-финансовым центром («становищем»). Известие это также не попало ни в юж-

ные своды, ни во владимирские, а дошло до нас в составе ростовского владычного летописания в Типографской летописи. Ростовское происхождение этого известия подтверждается, во-первых, тем, что при разложении свода 1479 г. на источники оно оказывается среди материала известий ростовского источника, и, во-вторых, оно находится в летописном своде XV в. — владычным ростовским своде сокращенной редакции, опубликованном в 1955 г.

Группа ростовских записей о событиях в Ростово-Суздальской земле под 1152—1154 гг. в своде, сохранившем текст владычного летописания XV в., стоит не одиноко. Можно указать на цепь записей ростовского происхождения о событиях последующих годов.

Бесспорно ростовской является запись под 6665 (1157/58) г., сохранившаяся во владимирских летописных текстах. Она рассказывает, как «ростовци и суждалци» избрали Андрея, посадили его «в Ростовъ на отни столъ и Суждали» за «премную его добродѣтель, юже имяше прежде к богу и ко всѣм сущимъ под нимъ», и что он «по смерти отца своего велику память створи»: украшал церкви, ставил монастыри и закончил ту церковь, которую заложил «преже» его отец, а именно «святаго Спаса камену [в Переяславли новѣм]»¹⁰. Попытка связать его деятельность с деятельностью отца весьма показательна, автор записи делает ссылку на событие, о котором, однако, ранее в той же Лаврентьевской и близких к ней летописях ничего не говорится. Между тем из этого же текста можно заключить, что такая запись была, и ее мы действительно имеем в Типографской под 1152 г. и некоторых других летописях. Очевидно, приведенная выше статья извлечена из источника, где имелась и запись о закладке св. Спаса Юрием. Сказанное подтверждается словами «в Переяславли новѣм». Слово «новѣм» предполагает известие о перенесении «града» «от Клещина» и закладке нового, «великого града» (вал этой стены существует поныне и тянется на протяжении около двух километров). И эта запись действительно существовала и дошла до нас, но, как мы говорили, опять-таки не в Лаврентьевской

¹⁰ Лавр. лет. под 6665 г.; в квадратных скобках — из Радзивилловской и Московско-Академической летописей, изданных в качестве вариантов к Лаврентьевской.

летописи, а под тем же 1152 г. в той же Типографской и некоторых других летописях.

Нетрудно убедиться, что записи в Ростове продолжались, и запись под 6665 г. не была последней. Так, в Лаврентьевской летописи под 6668 г. читаем о пожаре в Ростове, когда сгорела Успенская соборная «дивная и великая» церковь, «якоже не было, ни будеть». Почему мы уверены, что это местная ростовская запись, а не владимирская? Рядом перед этим известием в Лаврентьевской занесено о построении Успенской церкви во Владимире и говорится, что Андрей украсил ее «паче инѣхъ церквий». Эти два стоящих рядом противоречивых показания можно объяснить только тем, что взяты известия из разных источников: одно — из владимирского, из записей, сделанных при Успенском владимирском соборе, а другое — из ростовского, из записей ростовского соборного клира.

В Лаврентьевской на данном отрезке текста ростовские записи редки, случайны; знаем, что их было больше. Так, под 1187 г. в Лаврентьевской и близких к ней летописях читаем, что была «исписана» церковь св. Богородицы в Ростове епископом Лукою. Как выше было сказано, она ранее сгорела. Следовательно, до 1187 г. ее восстановили. Однако во владимирских летописных текстах об этом ничего не говорится. Нет в них ничего также и об «обретении» мощей ростовского епископа Леонтия. Между тем, о том и о другом в Ростове были записи, судя по тому, что в Львовской летописи под 6669 г. читаем: «Того же лѣта заложена бысть церкви камена в Ростове княземъ Андрѣемъ; ту же обретоша святого Леонтия в теле»; и судя по тому, что в пергаментном списке жития Леонтия говорится и о пожаре в Ростове, когда сгорела Успенская церковь, и о построении церкви «каменной» на «мѣстѣ погорѣвшиа», и о том, как был найден гроб с телом Леонтия. Одна из редакций жития, использовавшая обильный ростовский материал, датирует пожар 6668 г., а построение новой, каменной церкви и «обретение» мощей — 6669 г. Кроме того, в Львовской же летописи под 6670 г. записано об освящении той же каменной церкви в Ростове, чего нет и в текстах жития.

Летописная работа при ростовском Успенском соборе продолжалась и в XIII в. Известия такого происхождения находим в летописных сводах, сохранивших тексты ростов-

ского владычного летописания. Так, в Типографской летописи под 6713 (1205) г. отмечено: «падеся церкви съборна в Ростовѣ Успения святыя Богородица». Это известие имеется также во Львовской летописи и в Московском своде 1479 г. под 6712 г., в Ермолинской летописи под 6711 г. и в Рогожском летописце под 6713 г., где церковь ошибочно названа Рождества богородицы. В Лаврентьевской и близких к ней летописях известие отсутствует. Нет там и другого известия — о закладке в Ростове Успенской церкви на месте рухнувшей, что отмечено в Рогожском летописце под 6714 г., а также о перенесении мощей Леонтия из церкви св. Иоанна в новое здание Успенского собора в Ростове, о чем сообщает Московский свод 1479 г.

Уже из этих показаний можно заключить, что во второй половине XII и в начале XIII в. при ростовском соборе записывались события, связанные с самим собором. Там же могли писать литературные произведения, посвященные деятельности ростовских епископов. В Лаврентьевскую летопись под 1231 г. попал уникальный текст, посвященный деятельности епископа Кирилла. Он начинается примерно от слов «Выведоша же священаго епископа Кирила...», затем прерывается на словах «...но и дѣлом кажа» (от слов «Того же лѣта родися Василку сынъ...» до слов «...имя ему Борисъ» вписано известие о том, что у Василька родился сын, которого называли Борисом) и продолжается от слов «И вся приходящая удивлеса...». Я полагаю, что это продолжение написано тем же лицом, которое писало первый фрагмент. Так думаю не только потому, что опять говорится о Кирилле, но и потому, что Кирилл в обоих случаях изображен достойным преемником первого «просветителя» Ростова Леонтия. В первом отрывке Кирилл выставлен преемником «святых» Леонтия и Исаи, а также епископа Нестора: он следовал «нравом ихъ и ученью», не только поучая «словом», но и «дѣломъ кажа». Во втором отрывке автор пишет, что если Леонтий (здесь он его опять называет «святым») крестил Ростов, то главная заслуга Кирилла заключается в его заботе об Успенском соборе. Об этом он распространяется как лицо заинтересованное¹¹. Далее автор говорит о себе самом: «Лю-

¹¹ «Се же священный епископъ Кирилъ украси святуу церковь святыя Богородица иконами многоцѣнными, их же нѣсть мощи и

бовному ученью же и тшанью дивлься сего честнаго святителя Кирила...», и мы читаем пространное рассуждение в духе литературных послесловий или предисловий раннего средневековья; и ниже: «да и азъ аерьским духомъ нахоженья избѣгну, направляя корабль словеси ти в тихо пристанище введу, начиная бесѣду сдѣ, яко истиньна есть повѣству. Кирилъ священни епископъ въ 1-е лѣто...» и т. д. Далее следует опять о добродетелях Кирилла, причем опять подчеркнуто, что он «много бо попеченье створи о церкви святыя Богородица, еже преже сказахом»; этими последними словами автор указывает, что его же перу принадлежит и текст, на котором мы выше остановились. Фраза о «попечении» Кирилла об Успенском соборе заканчивается словами: «еже есть и до сего дне, день от дне начиная и преходя от дѣла в дѣло», что, по мнению И. И. Срезневского, служит свидетельством того, что автор был современником Кирилла. Кирилл был духовником ростовского князя Василька. Ему приписывают ряд слов и поучение. Литературная работа при епископском соборе могла вестись под его покровительством и его преемника Игнатия.

Текст под 1231 г., который начинается словами: «Любовному ученью же и тшанью дивлься сего честнаго святителя Кирила...», для изучающего Лаврентьевскую летопись с текстологической стороны представляет значительный интерес и до последнего времени оставался в известном смысле загадкой.

Неясность конструкции первых фраз побудила издателя А. Ф. Бычкова, а вслед за ним и Е. Ф. Карского предложить поправку к слову «дѣтели» и читать «дѣтеля», с оговоркой, что будто это слово относится к Кириллу¹². А. А. Шахматов думал, что здесь слова затемнены местами позднейшими переписчиками¹³. М. Д. Приселков,

сказать, и с предполы, рекше пелены; причины же и кивота 2 многоцѣнна, и индитю многоцѣнну доспѣ на святѣи трыпезѣ, ссуди ж и рипидѣи, ино много множество всяких узороchen; причины же двери церковныя прекрасны, яже наричются Златыя, сущая на полуденьной странѣ; паче же наипаче внесе в святую церковь кресты честныя, многы мощи святыхъ в раках прекрасных в заступленье и покровъ и утверженье граду Ростову...».

¹² «Летопись по Лаврентьевскому списку», изд. 3. СПб., 1897, стр. 436; ПСРЛ, т. I, изд. 2. Л., 1926, стл. 458, прим. л.

¹³ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». — Отчет о со-

останавливаясь на этом тексте, писал: «К сожалению, текст Лаврентьевской летописи под этим годом спутан и сбит, и у нас нет материала и критерия, чтобы разъяснить себе получившуюся сбитость текста. Объяснение этому пороку текста Лаврентьевской летописи под 1231 г. я вижу в пороке каких-то внешних данных одной из ранних стадий жизни этого текста в XIII в.»¹⁴

Между тем это место летописи вызывало к себе интерес, во-первых, потому, что здесь летописец говорит сам о себе, и во-вторых, потому, что оно по содержанию носило характер вступления к литературному произведению и заставляло думать, что «статьею о Кирилле начиналась или летопись, посвященная деятельности Кирилла», или же «особое сочинение о нем». А. А. Шахматов полагал, что «автор ее был составителем особой ростовской летописи, а не составителем жития Кирилла епископа»; что составитель Лаврентьевского свода или его протографа встретился начиная с 1231 г. с новым источником (епископской летописью)¹⁵.

Происхождение и первоначальный смысл текста обнаруживаются при сравнении его с текстом предисловия к посланиям Павла в Апостоле (с толкованием) 1220 г., написанным на пергаменте и хранящемся в Синодальном собрании под № 95¹⁶. Это та самая рукопись, которую А. И. Соболевский относил к числу ростовских, что требует разностороннего изучения¹⁷. Приводим оба текста —

роковым присуждением наград графа Уварова. — «Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению», т. IV, № 2. СПб., 1899, стр. 112. (далее — А. А. Шахматов. Разбор).

¹⁴ М. Д. Приселков. История, стр. 98.

¹⁵ А. А. Шахматов. Разбор, стр. 112—113.

¹⁶ Ранее XIII в. не имеем ни одного списка Апостола с ясным обозначением года написания — Г. Воскресенский. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. М., 1879, стр. 51. Апостол 1220 г. относится к первой редакции — Г. Воскресенский. Послания ап. Павла. Сергиев Посад, 1892. Предисловие к посланиям ап. Павла Г. Воскресенским в этом труде не опубликовано (см. стр. 54 и сл.). В аналогичном тексте предисловия на л. 873 Библии 1499 г. (ГИМ, Синод., № 1) автором предисловия назван «Иффаля диакон». Ср. Апостолы из ГБЛ, ф. 304, № 71 и ГИМ, Синод., № 810 («Ефаля»).

¹⁷ К такому утверждению привело А. И. Соболевского сравнение (формат и записи) рукописи 1220 г. с ростовским житием Нифонта (ГБЛ, ф. 304, № 35) — А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии — СОРЯС, т. XXXIV. СПб., 1910, стр. 205—207.

Апостола 1220 г. (слева) и Лаврентьевской летописи (справа); сравнение ясно показывает, откуда заимствован летописный текст.

Любѣвньому оученію и
тщанию дивлься твоеи лю-
бѣви, отче честныи, съ
страхѣмъ и покорениемъ по-
слушая въ оузѣмъ мѣстѣ
нѣкоемъ и въ вѣходнѣ¹⁸ на-
писания себе вѣдахъ сего
перваго словесе Павля дѣ-
тели напсати. Зѣло бо велие
дѣло паче насъ въсприяхъ
боязнию ослушания, разоу-
мѣхъ бо въ притѣчахъ гла-
големое, яко сынъ ослоушѣ-
ливый в погыбѣль боу-
дет[ь], послоушѣливый же
кромѣ ея боудеть; нѣ паче
молитвы своя подажъ ми и
въ крилоу мѣсто раскрыли
сюдоу и оноудоу простѣри
къ богу, яко же нѣкогда
Моиси великый онъ свои
роуцѣ простѣре, помагая
Израилю въ пѣлцѣ, да и
азъ аерьскимъ духомъ нахо-
жения избѣгну и направ-
ля корабль словеси ти въ
тихо пристанище введеу,
начиная оубо бесѣдоу съде,
яко же истинна ѣсть повѣ-
стествоу.

Любовному оученью же и
тщанью дивлься сего чест-
наго святителя Кирила,
с страхомъ и покореньемъ по-
слушая въ оузѣмъ мѣстѣ
нѣкоемъ и во вѣходнѣ написа-
нья собѣ вдахъ сего перваго
словесе дѣтели написати.
Зѣло бо велие дѣло паче насъ
всприяхъ боязнию ослушанья,
разумѣхъ в притчахъ глаголе-
мое, яко сынъ ослушливый
в погѣбель будетъ, послуш-
ливый же кромѣ ея будетъ;
но паче молитвы своя по-
дажъ ми и въ крилу мѣсто
раскрыли сюду и онуду про-
стри к богу, яко же нѣкогда
Моиси великый онъ свои
руцѣ простре, помагая Из-
раилю в полцѣ, да и азъ
аерьскимъ духомъ нахоженья
избѣгну, направляя корабль
словеси ти в тихо прѣста-
нище введу, начиная бесѣду
сдѣ, яко истинна естъ
повѣстеству.

Интересующий нас текст Апостола 1220 г. есть, в общем, перевод с греческого (или, точнее, восходит к общему архетипу) и представляет собою начало предисловия к посланиям Павла. Греческий текст имеется в рукописи

¹⁸ В Синод. № 1 и № 810 читаем: «неудобъ входнѣ».

Апостола, писанной не позднее XIII в. и сохранившейся в том же собрании под № 346¹⁹.

Летописный текст очень близок, как нетрудно убедиться, к тексту Апостола 1220 г.; оба одинаково отступают от греческого оригинала в деталях. Но, используя текст древнерусского Апостола, автор летописного текста внес нужные ему изменения и искажил первоначальный смысл. В тексте Апостолов древнерусского и греческого автор обращается от своего лица к какому-то «честному отцу», удивляясь его любви к знаниям и рвению, говорит, что, исполняя послушание, он (автор) в некоем суровом и труднодоступном (?) месте занялся написанием предисловия к сочинениям Павла. В летописном тексте вставлено вначале имя Кирилл, а ниже удалено упоминание об апостоле Павле.

Летописный текст под 1231 г. (в Лаврентьевской летописи) находится в окружении записей, сделанных, по ряду признаков, при ростовском епископском соборе.

Текст предисловия из Апостола был приспособлен применительно к рассказу о Кирилле или составителем одного из летописных сводов, или, вернее, составителем какого-то литературного памятника, посвященного Кириллу и затем использованного составителем свода. Таким памятником могли быть просто записи о деятельности Кирилла или собрание «слов» или поучений Кирилла, которым (по аналогии с Апостолом) полагалось предисловие.

И позднее, в XIV—XV вв., как явствует из содержания приписок к житию Леонтия поздних редакций, при Успенском соборе в Ростове велись записи летописного характера.

Не случайно из ростовских епископов XII—XIII вв., предшественников Кирилла, в Лаврентьевской летописи под 1231 г. назван именно Нестор. С назначением в Ростов Нестора, первое упоминание о котором в источниках

¹⁹ По описанию Владимира — в XIII в., по Амфилохию — в XI—XII вв. Греческий текст предисловия из Апостола был напечатан Амфилохием параллельно с текстом Апостола его собрания: см. «Древнеславянский Карпинский Апостол XIII в. . .», т. II. М., 1885, стр. 3—20. При сравнении с греческой рукописью в опубликованном тексте обнаруживаются опечатки, затемняющие смысл. Так, вместо «εκαφῆ» следует читать «επαφῆ»; вместо «εἰ εὐδίων» следует читать «εἰς εὐδίων» (см. греческую рукопись № 346/24 на л. 93 об.).

относится к 1149 г.²⁰, возобновлялась, как мы говорили, ростовская кафедра. Андрей Боголюбский не хотел этим удовлетвориться и добивался учреждения во Владимире митрополии, имея своего ставленника Федора²¹. На следующий год после переезда Андрея из Вышгорода во Владимир Нестор лишился «епископии». Но права Нестора на кафедру признавали в Ростове. В ростовской записи, попавшей во владимирский свод, не Федор, а именно Нестор противопоставляется Леону: «Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю. Нестору пископу суждальскому живу [су]щю, перехвативъ Несторовъ столъ»²². По некоторым данным, Нестор был возвращен²³. Даже владимирский летописец торжествовал по поводу падения Федора, который затеял острую борьбу с владимирским клиром, закрыв Успенский собор и другие церкви во Владимире²⁴.

Деятельность Нестора, начавшаяся в Ростове примерно к середине XII в., должна была дать толчок к развитию местного летописания в Ростове. Местом или одним из мест, где велись в Ростове во второй половине XII в. летописные записи, был ростовский Успенский собор.

Летописные записи под 1107 и 1108 гг. не дают еще оснований утверждать, что в первой половине XII в. в Ростове летописание уже велось сколько-нибудь систематически. Они могли быть сделаны позднее, по припоминанию, они могли быть также записаны на чистых листах какой-нибудь рукописи церковно-религиозного содержания и позднее внесены в летопись.

Отсутствие ясных следов письменности в Ростове XI — первой половины XII в. обращает на себя внимание особенно при сравнении ростовского наследия с новгородским. Правда, Новгород был в более выгодном положении, поскольку Батыево нашествие и ряд других «нахождений» его не захватили. Но есть и другие показания. Когда в 70-х годах XII в. надо было составить жизнеописание Леонтия, не нашлось, видимо, письменных источников,

²⁰ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, стр. 59 (надпись на антиминсе).

²¹ «Памятники древнерусского канонического права», ч. I. — РИБ, т. VI. СПб., 1880, стр. 63—76.

²² Лавр. лет. под 6672 г.

²³ ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 383 об.

²⁴ Лавр. лет. под 6677 г.

отражавших деятельность первого ростовского епископа. Редакции жития Леонтия, восходящие к оригиналу, составленному при Андрее Боголюбском, не дают ни одной конкретной черты деятельности этого первого епископа. Ходило предание, которое, впрочем, составитель жития не счел нужным использовать, что Леонтий был «много мучим и убит». Так писал в 1225—1226 гг. епископ владимирский и суздальский Симон к печерскому монаху Поликарпу²⁵. Отсутствие письменных сведений позволило при Андрее Боголюбском сочинить официальную версию, согласно которой у Леонтия были предшественники; эту версию не принимали на веру даже в первой половине XIII в., как видно из Лаврентьевской летописи под 1231 г. Передавали также, что Леонтий знал «мерянский язык», о чем сообщают некоторые древние прологи²⁶. Но о деятельности Леонтия едва ли что-либо помнили, кроме того, что ему приходилось преодолевать сопротивление местного населения в стране, заселенной частью «мерей».

На какой-то «старый летописец ростовский» ссылается Симон в письме к Поликарпу, когда говорит, что из Киево-Печерского монастыря вышло много епископов. Симон пишет, что всего их «до насъ грѣшныхъ» (т. е. до 1225—1226 гг.) едва ли не более 50, а в «старом летописце ростовском» указано «болии 30». Из этих данных можно вывести, что летописец составлялся в XII в. Если же имена тех 13 епископов из печерских монахов, которых он называет, взяты им из одного источника, из этого летописца, то последний составлялся в таком случае не ранее третьей четверти XII в., так как среди них отмечен Лаврентий туровский, упомянутый в Ипатьевской летописи под 1182 г.

Симон, который игуменствовал в Рождественском монастыре во Владимире и затем занимал кафедру епископа «владимирского и суздальского», вышел из монахов Киево-Печерского монастыря и восхвалял этот монастырь в своем послании к Поликарпу; понятен поэтому его интерес к «старому летописцу ростовскому» (1226 г.), основанному, видимо (см. выше), на летописном материале Киево-Печерского монастыря. Но содержал ли этот «старый летописец

²⁵ «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 76.

²⁶ ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 361.

ростовский» ростовское летописание первой половины XII в., об этом мы не знаем.

Согласно приведенным нами выше данным, известия 1107 и 1108 гг., как можно предполагать, находились в одном летописном памятнике с ростовскими известиями 50-х годов XII в.

Под 1107 и 1152 гг. описывается оборона страны от волжских булгар, когда князя в «волости» не было. Поэтому логически оправданным является ростовское же известие под 1157/58 г., в котором сообщается, что «ростовци» и «суждалци» избрали Андрея Юрьевича своим князем и посадили «в Ростове на отни столъ и Суждали». Стремление правящих кругов разных «земель» получить свою особую епископию и свое особое «княжение» было связано с социально-экономическим ростом «областей» в стране, вызывалось новыми военно-политическими и финансовыми нуждами и отвечало интересам прежде всего правящих слоев населения. Это стремление к образованию особых княжений в разных «землях» было, в сущности, общим явлением тогдашней Руси (собственно, в этом и выражалось с внешней стороны установление феодальной раздробленности). Ростово-Суздальская земля даже запаздывала в деле политического обособления по сравнению с другими «землями».

Кроме интереса к церковным делам, древние ростовские известия обнаруживают интерес к обороне страны от внешних врагов и к сбору дани. Вопросы эти касались, так или иначе, всего населения. Но непосредственно оборона страны лежала на «ростовской тысяче», которой руководило местное боярство. В сборе дани местная знать (полагая это, имея в виду аналогичные явления в Новгороде) была материально заинтересована.

Сохранившиеся ростовские летописные известия последующего времени (второй половины XII в.) скудны и однообразны по содержанию. Андрей не вполне оправдал ожидания «ростовцев» и «суздальцев», точнее, руководящих местных верхов, и отношение их к деятельности первых владимирских князей должно было быть по меньшей мере сдержанным, сложным, а частью и враждебным, о чем можем только догадываться, зная о трагической судьбе Андрея и борьбе младших городов со «старейшими».

Мы не знаем ростовских летописных текстов, освещающих деятельность Андрея и борьбу Михалки и Всеволода

со «старейшими» городами и боярством. Нам известны источники только одной стороны.

Ростовский материал XIII в. богаче и обнаруживает особенность, которую нельзя не отметить. В нем проглядывают черты, противоположные тем, в известном смысле, демократическим чертам, которые присущи литературе, вышедшей из среды владимирского клира. В знакомом нам ростовском тексте Лаврентьевской летописи под 1231 г. из числа ростовских мирян («простыця»), приходивших в ростовский Успенский собор, отмечены только «князя» и «велможѣ», а в описании добродетелей Кирилла подчеркнуто, что епископ этот «князем бо и бояром и всѣм велможам бысть на успѣхъ и все дивно, обидимым помагая, печальныя утѣшая, нищяя милуя...». В некрологе ростовского князя Василька ему вменяется в заслугу, что он был «сердцемъ легок, до бояръ ласковъ; никто же бо от бояръ, кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ, и чашю пилъ, и дары ималъ, тотъ никакоже у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слугы свои любляше»²⁷. Интересно сравнить этот некролог с некрологом владимирского князя Всеволода во владимирском своде 1212 г. Здесь, наоборот, подчеркнуто, что владимирский князь будто бы судил «суд истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильных своихъ бояръ, обидящихъ меньших и роботящихъ (т. е. порабащающих) сироты и насилье творящимъ». Но о владимирском летописании речь будет впереди.

Социально-политические условия, в которых формировались вкусы и настроения владимирских летописцев, несколько отличались от тех, которые сложились в Ростове. Ростов был старым центром волости, где рано образовалась местная феодализирующаяся знать, претендовавшая на руководство политической жизнью Ростово-Суздальской земли. Заодно с ростовским боярством выступало боярство Суздаля. Именно Суздаль, а не Ростов был преимущественно резиденцией южных князей. Андрей Юрье-

²⁷ Лавр. лет. под 6746 г.

вич, избранный «ростовцами» и «суздальцами», не вполне оправдал их ожидания и вызвал своим поведением недовольство в боярской среде. Поведение его нельзя объяснить только капризом, личной прихотью. Когда-то, в X в., князь со своим окружением был первым среди равных в родо-дружинной феодализирующейся среде. Но с ростом торгово-ремесленной жизни и с усложнением социального состава городского населения князь со своим окружением стал обособляться, пытаясь опереться частью на своих слуг, частью на более широкие слои городского населения. Посаженный «в Ростовъ на отни столъ и Суждали», Андрей сделал, однако, своей резиденцией не Суздаль, а г. Владимир. Во Владимире помимо боярства сложилась социальная среда, на поддержку которой он мог рассчитывать; свое личное окружение он ограничивал узким кругом лиц, среди которых видим людей пришлых.

Прежде чем говорить о начальном этапе владимирского летописания, необходимо установить, являются ли владимирскими те записи о подвигах Андрея Юрьевича на Юге, которые читаются в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях под 1149—1152 гг.?

А. А. Шахматов высказал мнение, что описание подвигов Андрея под 6659 г. в Ипатьевской летописи заимствовано из северо-восточного источника, который явственнее выступает в этой летописи позднее, начиная с конца 50-х годов XII в.²⁸ М. Д. Приселков полагал, что рассказы о подвигах Андрея на Юге под 1149—1152 гг. в Лаврентьевской летописи написаны во Владимире рукою того владимирского летописца, которому принадлежит текст под 1175—1177 гг.²⁹ Е. Ю. Перфецкий думал, что эти записи о подвигах Андрея «суздальские», что они «начали складываться в 40-х годах XII в., а в 50-х, с перенесением стола из Суздаля во Владимир, прекратились»³⁰. Д. С. Лихачев заметил, что летописные записи

²⁸ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 74.

²⁹ М. Д. Приселков. История, стр. 71.

³⁰ Е. Ю. Перфецкий. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922, стр. 41—47.

о подвигах Андрея на Юге «заставляют предполагать какое-то летописное произведение, составленное в манере, ...напоминающей жизнеописания князей галицкого типа. Здесь те же рассказы о ратных подвигах князя, те же речи перед битвами, полные сознания воинской чести, наконец, то же внимание к боевому коню князя»; и отметил контраст между манерой этих записей (которые он, следуя общепринятому мнению, называет «владимирскими») и владимирских записей, которые начинаются с конца 50-х годов и имеют характерную церковную окраску³¹.

Описания военных подвигов Андрея на Юге действительно написаны в иной манере, чем владимирские записи, т. е. те записи, относительно которых мы знаем наверное, что они сделаны во Владимире. Но дело не только в манере.

Летописец, писавший владимирскую летопись под 1175—1177 гг., был захвачен общим социально-политическим движением, увлечен настроениями «владимирцев» определенного социального слоя. Для него, писавшего с таким подъемом и силой, вся военная борьба этих лет была борьбой «владимирцев», «перемыслицев», «ростовцев», «бояр» и т. п.; и весь смысл военных действий, как он описывает их в своей летописи, заключался в движении вооруженного населения разных городов и разных социальных категорий. Князья в этих текстах под 1175—1177 гг. играют более пассивную роль.

Противоположного характера настроения и интересы отражают описания личных военных доблестей Андрея Юрьевича на Юге. В этих описаниях со знанием дела и со знанием важности предмета разбираются детали личных подвигов князя: как Андрей «изломилъ копье» о своего врага, как, в то время когда «пѣшци» бежали к городу «по гребли», он «улучи самъ по нихъ, дружинѣ не вѣдущимъ его», только два «от меншихъ дѣтскихъ его» видели «князя своего у велику бѣду впадша», так как его обступили «ратные» и гнались за ним, поразили двумя копьями под ним коня, а третьим — «въ передний лукъ сѣделныи...», и какой-то «нѣмчичъ» хотел «просунути» рогатиною. Один из «детских» (телохранителей) князя

³¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение (далее — Д. С. Лихачев. Русские летописи). М.—Л., 1947, стр. 276—277.

был убит. Израненный конь все же унес «господина своего» и умер, и князь, «жалуя комоньства его», велел его похоронить над Стырем. Это — под 6657 г. Под 6659 г. опять рассказано, что под Киевом Андрей, «не вѣдущимъ дружинѣ его», бросился с одними половцами. Он гнался за неприятелем — «ратными» — почти до их «полков», пока один половчанин не остановил его, взяв за узду коня и возвратился с ним, выбрав свою «дружину» за то, что они оставили князя. А ниже опять о том, как Андрей, взяв «копье», поехал «напередъ» и «переже всихъ» съехался с неприятелем, изломал копье свое, как под ним ранили коня в ноздри, как конь начал под ним «соватися», как с Андрея слетел шлем и т. д. А под 6660 г. приведены слова Андрея перед боем («такое створим, ать яз почну день свои»), рассказано, как он взял дружину, поехал «подъ городъ», бросился на вышедших из города «пѣшьцевъ», одних избил, других вогнал «в городъ» и «тогда же поревновавъше ему инии князи», они также ездили потом «под город», но уже враги не смели выйти из города, так как были «перестрашени».

Совершенно невероятно, чтобы тот самый клирик-горожанин, который писал летописный текст под 1175—1177 гг., мог быть автором приведенных выше описаний личных доблестей князя на Юге или лицом, через 20 с лишним лет после этих событий с такой тщательностью и любовью вставлявшим эти описания персональных подвигов в южно-русский свод.

Может быть, следует допустить, что в силу каких-то причин еще позднее были вставлены во владимирский свод описания подвигов Андрея, написанные ранее. Но почему же тогда составители некрологов Андрея (а в нашем распоряжении имеются две разновременные редакции их) ни единым словом не обмолвились о военных заслугах Андрея Боголюбского; даже в некрологе Всеволода мы читаем: «много мужествовавъ и дерзость имѣвъ, на бранех показавъ», хотя о личных военных подвигах Всеволода нам не известно ничего³²?

³² Известен даже скорее обратный случай, когда Всеволод не хотел брать Торжка, а дружина его заявила ему: «мы не цѣловать ихъ приѣхали», бросилась и захватила город. — Лавр. лет. под 6686 г. Лично у Всеволода воспоминания, связанные с Андреем, были нерадостные. Еще в детстве по вине Андрея он должен был

Все сказанное заставляет сомневаться в том, что описания военных подвигов Андрея на Юге принадлежали руке владимирского летописца 70-х годов XII в., а в Ипатьевскую летопись попали на исходе XII или XIII в. из северо-восточного источника. Не правильнее ли думать, что они составлялись при жизни Юрия Долгорукого и по его желанию были включены в официальную киевскую летопись, отразившуюся в Ипатьевской летописи, и в сокращенном виде — в Лаврентьевской?

В 6657 г. Юрий занял киевский стол. Из двух старших сыновей Юрия — Ростислава и Андрея — первый, Ростислав, не был так храбр, как Андрей, и едва ли мог пользоваться симпатией отца и его «мужей»: годом ранее он уходил от отца из Ростово-Суздальской земли к Изяславу и жаловался на отца, что тот его обидел, а потом, в отсутствие Изяслава, начал против него интригу и был выслан обратно к отцу. Киевская официальная летопись придерживалась, в общем, ориентации на того князя, который в данный момент занимал киевский стол. Так, под 6657 г. читаем: «Гюрги же поѣха у Киевѣ, и множество народа выде противу ему с радостью великою; и съде на столѣ отца своего, хваля и слава бога...» и т. д. Нет ничего удивительного, что ниже под тем же годом рассказывается о военных действиях Юрия и подвигах его сына Андрея. «Отецъ же его Дюрги (т. е. Юрий Долгорукий. — А. Н.), — читаем здесь, — стрый Вячесловъ и братья его вся радовахуся, видивше (Андрея. — А. Н.) жива, и мужи отъни похвалу ему даша велику: зане мужьскы створи, паче бывшихъ всих ту»³³. Один из «бывшихъ ту» мужей отца, т. е. Юрия, и передал, надо думать, устно или в виде черновой записи всю картину сражения составителю официального киевского свода, которому принадлежало литературное оформление. Это делалось, несомненно, лицом «духовным» (напомним, что отец Юрия Владимир Мономах выдвинул в качестве нового центра летописания свой семейный монастырь — Выдубицкий Михайловский). На это указывают следующие выражения, применяемые к Андрею: «въложи на-

эмигрировать вместе с матерью и братьями Васильком и Мстиславом, изгнанными из Ростово-Суздальской земли. По возвращении он жил на Юге, подчиняясь Андрею.

³³ Ипат. лет. под 6657 г.

дежую на богъ, пережда до свѣта...», «не величаву бо ему сущю на ратьныи чинъ, но похвалы ищючи от единого бога. Тѣм же пособиемъ б[о]ж[и]емъ и силою хрестною и молитвою дѣда своего, вѣха переже всихъ...» и т. д.³⁴ Подобные выражения киевский летописец употребляет в применении к другому Андрею, сыну Владимира Мономаха (см. там же, под 6631 г.): «имяше надежу велику на бога съ всеми людми своими» и «на отца своего молитву»; а отец его «приодолѣ гордость», проявил «смирение» и т. п.

В 6658 г. Юрий вынужден был из Киева уйти; в том же году он занял Киев снова, но в 6659 г. снова принужден был уступить Киев Изяславу. В 6663 г. Юрий опять сел в Киеве и занимал уже золотой стол до своей смерти в 6666 г.

В официальной киевской летописи под 6663 г. мы опять читаем: «И тако Дюрги, благодаря бога, вниде въ Киевъ, выиде противу ему множество народа, и сѣде на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ, и прия (его. — А. Н.) с радостью вся земля Руская...» и т. д.³⁵

Подобно тому как Мономах вызвал из Новгорода своего старшего сына Мстислава и до своей смерти держал его на Юге в качестве помощника и будущего преемника на киевском столе, так и Юрий выдвигал Андрея в первую очередь как своего помощника в военном деле, а также (со смертью Ростислава) как своего преемника на киевском столе и посадил его в Вышгороде под Киевом. В этом именно смысле надо понимать слова летописи об уходе Андрея из Вышгорода на Северо-Восток «без отнѣ волѣ», т. е. вопреки желанию, без согласия отца (вероятно, поэтому Андрей не посвящал отца в свои планы остаться на Северо-Востоке, если такие планы у него тогда уже были).

Естественно думать, что Юрий, заняв снова киевский стол, захотел проредактировать или дополнить промежуточный текст официальной киевской летописи, за годы княжения в Киеве Изяслава, в интересах своей семьи. Описания подвигов Андрея под 6659 г. носят характер вставки, сделанной в киевскую летопись времени Изяслава. Текст начинается от слов «Андрѣи же Гюргевичъ и Воло-

³⁴ Ипат. лет. под 6657 г.

³⁵ Ипат. лет. под 6659 г.

димерь Андрѣвичь...» и т. д. и кончается словами «...родитель своихъ». Перед ним читаем: «И начаша битися о Лыбедь», а после него как будто продолжение этой фразы: «И стрѣляющимъ же ся имъ до вечера о Лыбѣдь...»³⁶. На вставку походит и текст с описанием подвигов Андрея, который читаем под тем же годом ниже; относительно текста под 6660 г. аналогичных текстологических показаний не имеем. Оба текста под 6659 г. кончаются упоминанием о молитве «родителей» Андрея.

Таким образом, описания подвигов Андрея под 6659—6660 гг. могли быть вписаны в официальную киевскую летопись по желанию Юрия. Напомним также, что согласно исследованию, приведенному нами выше, текст самой киевской летописи под 6660 г. содержит следы двух слоев. Дополнения с военными эпизодами могли быть сделаны и по устному рассказу участника сражений, и по черновой записи. Не исключена возможность, что такие записи делались одним из «мужей» Юрия в годы, когда он был временно вытеснен из Киева. Такого происхождения могла быть запись под 6662 г. о смерти жены Глеба Юрьевича «в Суздали». Эти записи, если они были сделаны на Северо-Востоке, а не в Киеве, нет основания связывать с какой-либо местной летописной традицией на Северо-Востоке, с Суздалем, где и позднее не видно явных признаков местной летописной работы, или с Владимиром.

Сравнивая описания подвигов Андрея в Ипатьевской летописи с аналогичным текстом в Лаврентьевской, мы не находим никаких указаний на то, что в Ипатьевской имеется другая редакция. Весь большой текст под 6657 г. совпадает с Лаврентьевской довольно точно. Под 6659 г. в Лаврентьевской находим только два незначительных пропуска: в первом тексте опущено, что переехали «кдѣ же есть Сухая Лыбедь»; а во втором слова «о тѣ чинѣ». Под 6660 г. опять видим полное совпадение. Напомним, что тот северо-восточный летописный памятник, который использован в Ипатьевской летописи, давал иную редакцию по сравнению с текстом Лаврентьевской летописи, хотя местами совпадал довольно точно. В этом отношении сравнительное изучение описаний не дает каких-либо

³⁶ Там же.

показаний в пользу мнения, что описания подвигов Андрея вставлены в Ипатьевскую летопись значительно позднее. Вместе с тем представляется естественным, что когда в Переяславле-Русском составлялся при Владимире Глебовиче летописный свод, положенный в основу Лаврентьевской летописи, и делались извлечения из киевской летописи, то должны были с полным вниманием отнестись к сообщениям о подвигах Андрея Боголюбского, руку которого держал и Владимир, и его отец Глеб.

Так как с конца 50-х годов XII в. ряд владимирских летописных записей хранит сообщения о делах, связанных с судьбою Успенского собора, то отсюда заключают, что при Успенском соборе велись записи начиная «с 1158 г.»³⁷. А так как владимирские записи неоднократно делают ссылки на чудеса Владимирской иконы богородицы, хранившейся в Успенском соборе, то заключают, что летописные записи «строились как цепь чудес богородицы» и что это «восхваление богородицы начинается в летописи приблизительно с 1160 г. — года построения во Владимире собора Успения богородицы»³⁸. При этом было замечено, что «летописатель, церковник главной церкви города Владимира, очевидно, далек от княжеского двора и явно избегает вдаваться в описания деятельности и личной жизни своего князя», что «через записи этого владимирского летописца мы совершенно не знаем: когда и как была перенесена столица княжества во Владимир, где проживал сам князь, что делал сам, посылая в ответственные походы на Киев, Новгород и болгар своих сыновей и др.», что «при Андрее Боголюбском не было летописания в смысле княжеской заботы о нем, а тем более руководства по его составлению»³⁹.

Думаю, что не всегда возможно определить, что следует относить за счет отсутствия княжеской заботы о летописании при Андрее, а что за счет установок составителей свода при его преемнике. Но в общем все приведенные

³⁷ М. Д. Приселков. История, стр. 65, 75.

³⁸ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 278.

³⁹ М. Д. Приселков. История, стр. 76.

наблюдения исследователей нельзя не признать правильными.

Однако было бы неправильно думать, что летописные записи этой «цепи» были новым предприятием, начатым с 1158 или с 1160 г. Есть основания предполагать, что корни литературной традиции, культивировавшиеся при владимирском Успенском соборе, ведут в один из городков Поднепровья, где традиция записи чудес существовала давно; что во Владимире стала расширяться тематика записей, а после смерти Андрея обнаружилась живая заинтересованность летописца-клирика в общественно-политических судьбах своего города.

В рукописных книгах сохранился до наших дней памятник письменности того времени — «Сказание о чудесах пресвятыя богородица Володимерьской иконы». Памятник этот был найден и опубликован В. О. Ключевским⁴⁰.

Составлено сказание было в 1164 г. или между 1164 и 1185 гг. на основе записей клира, до нас не дошедших. С этой точки зрения сказание нельзя обойти как источник для нашей темы. Само оно составлялось едва ли не по указанию Андрея Боголюбского, так как из 10 «чудес» 4 так или иначе касались самого Андрея. Кроме того, в преамбуле, с которой начинается сказание, вложена идея, близкая политическому сознанию Андрея; в ней сообщено, что значение иконы распространяется далеко за пределы Ростово-Суздальской земли: как солнце освещает всю вселенную, так и владимирская икона «не на едином мѣстѣ чюдеса и дары исцеления источаетъ, но объходящи вся страны мира просвѣщаетъ и от недуговъ различныхъ избавляет...»⁴¹

Проверка материала, извлеченного из записей, была уже в значительной мере произведена В. О. Ключевским и И. Е. Забелиным⁴². Как можно думать, автор сказания извлекал материал из подлинных записей того времени.

К сожалению, может быть, потому, что памятник этот был найден и опубликован в списке довольно позднем —

⁴⁰ В. О. Ключевский. Сказание о чудесах Владимирской иконы божией матери. СПб., 1878.

⁴¹ ГБА, ф. 98, № 637, л. 386.

⁴² В. О. Ключевский. Указ. соч.; И. Е. Забелин. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. — «Археологические известия и заметки», 1895, № 2—3.

XVII в., он не вызвал к себе того интереса среди исследователей летописания, которого он заслуживает. В настоящее время можно указать на сборник XV в., где имеется это произведение⁴³.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях сообщается под 6663 г. о том, как Андрей привез в Ростово-Суздальскую землю ту самую икону, которая была вывезена из Царьграда «въ единомъ корабли» с иконой Пирогошею, и поставил ее «в церкви своей» во Владимире. Достоверность сведений не вызывает сомнений, хотя запись носит признаки записи, сделанной не в 6663 г., а несколькими годами позднее, так как под «своей церковью» могла разумеаться только Успенская, построенная пять лет спустя. Текстом сказания подтверждается, что речь идет об Успенском соборе. Сведения же о греческом происхождении иконы подтверждаются работами по ее реставрации и изучением специалистов в советскую эпоху.

Записи о чудесах иконы, которые использованы в сказании, велись частью в пути или вскоре по прибытии во Владимир. В них указан путь, которым следовал Андрей с сопровождавшими его людьми: пролегал он через Смоленский край к реке Вазузе и через Рогожские поля. События, имевшие место в пути, отмечены рядом подробностей: ехавших сопровождал «проводник», река Вазуза в то время разливалась, искали брода. Подробно описан несчастный случай с попадьей, которая занимала место «на колѣхъ съ снохою своею» и была беременная («нетуня»). Попадья,

⁴³ ГБЛ, ф. 98, № 637, лл. 385 об.—386 и сл. Рукопись эта — сборник-«пролог», содержащий 563 листа в 4°, писанных разными почерками. Статья «О чудесехъ пресвятыя богородица Володимерьской» (л. 385 об. и сл.) писана на бумаге с водяным знаком — агнец («angeau pascal»), тип — с поджатой передней ногой, переkreшивающейся с другою. Очень близок к указанному у Briquet под № 44 (1466—1475 гг.). Из других знаков в сборнике: 1) голова быка (л. 427), как у Briquet под № 14464 (1471 г.) и на л. 431, как под № 14975 (1460—1478 гг.); 2) перстень (л. 450), как у Briquet под № 686 (1457—1477 гг.). Две статьи связаны с именем Леонтия Ростовского, одна — Игнатия Ростовского; кроме того, имеются «Память и похвала» князю Владимиру, «Похвала» княгине Ольге и др. Статьи «О чудесехъ... богородица Володимерьской» предшествуют статьи: 1) «Мѣсяца августа въ 1 день празднуемъ...» (об установлении праздника Покрова) на л. 383 об. и сл. и 2) «Се съдѣя в лѣто 6672. Андрѣи съ сыномъ своимъ Изяславомъ...» и т. д. (л. 385). Текст статьи «О чудесехъ» близок к напечатанному В. О. Ключевским.

избитая конем, потом жалела «увисла же отлогъ»⁴⁴, еже изъѣде конь»; упоминается «кортель» (женская одежда, подобная летнику, но на меху), который был на попадьѣ. Некоторых лиц, названных по имени в памятнике, встречаем потом в летописи.

И Ипатьевская, и Лаврентьевская летописи сообщают, что Андрей с иконою приехал с Юга, а Ипатьевская уточняет: из Вышгорода. Сказание подтверждает это, отмечая место, где находилась икона (в вышгородском женском монастыре св. Богородицы). Вышгород, откуда приехал Андрей и откуда привез икону византийского письма, был одним из старейших и культурнейших центров Киевской Руси. Там еще в первой половине XI в., при вышгородской церкви, где находились гробницы Бориса и Глеба, велись летописные записи, в которых отмечались события, связанные с культом Бориса и Глеба, описывались «чудеса»; эти древние вышгородские записи дошли до нас в качестве добавлений к тексту житий Бориса и Глеба.

Вместе с иконою должен был прибыть из Вышгорода во Владимир и клир для нужд проектируемого владимирского собора и, вероятно, рукописные «книги». Знаем, что при Успенском соборе действительно образовалась рукописная библиотека. После смерти Андрея эти «книги» вместе с иконою были увезены Глебом Рязанским, которому вскоре, однако, пришлось все вернуть: «И святую Богородицу взявъ бяше у Володимерьское церкви, что и до книгъ, и то все вороти»⁴⁵. Но для нашей темы еще важнее прямое указание и притом внелетописное, что вместе с иконою Андрей привез из Вышгорода с собою и клир. В «Сказании о чудесах» прямо говорится: «И тогда вземъ икону, поѣха на Ростовскую землю, поймъ и крилось со собою» (л. 386 об.). Это свидетельство приобретает для нашей темы существенное значение, так как тем самым мы находим нить для решения вопроса, откуда была принесена традиция летописных записей во Владимир.

Записи, регистрировавшие события 50-х и начала 60-х годов, использованные в сказании, касались только частной жизни, за исключением последней («чюдо 10-е»), относя-

⁴⁴ По объяснению А. П. Анисимова и М. Н. Сперанского — цветная повязка; по И. И. Срезневскому «увѣсло» — головная повязка, а одно из значений слова «отлогъ» — цветок.

⁴⁵ Лавр. лет. под 6684 г.

щейся к событию 1164 г. Некоторые из них носили весьма интимный характер. Так, например, четвертая описывает, как Андрей был в церкви, а «сердцем боляше, бѣ бо княгини его болящи дѣтиною болѣзнию»; девятая рассказывает, что «нѣкаа жена» болела «дѣтятем три дни...».

Поэтому понятно, что для летописного свода эти записи не послужили материалом. Что же касается последней из них, то она сообщала о событии общественно-политического значения: об открытии Золотых ворот во Владимире, сделанных подобно киевским и царьградским, что имело, конечно, в глазах Андрея символическое значение. Видимо, открытие ворот он хотел обставить торжественно, и, обращаясь к боярам, говорил: пусть соберутся «люде» на праздник и «врата узрят». Но когда «народ» собрался, случилось несчастье. Вследствие того, что «извить въ вратѣх» не была еще достаточно «суха», ворота, отделившись от стен, упали, накрыв 12 «мужей». Эта катастрофа, вероятно, послужила причиной, почему составитель владимирского летописного свода не воспользовался и этой записью⁴⁶.

Описания общественных событий, действительно, следуют в дальнейшем в составе владимирского свода как чудеса владимирской иконы. В сказание они не попали, возможно, потому, что оригинал сказания составлялся ранее этих событий. Но нет сомнений, что составитель владимирского свода заимствовал их из тех записей о чудесах иконы, которые велись при Успенском соборе. К ним относятся: описание похода на болгар под 6672 г., описание изгнания Феодорца, затеявшего борьбу с клиром Успенского собора, под 6677 г.; наконец, описание борьбы городов, завершившейся победой «владимирцев», под 6683—6685 гг.

При восстановлении записи, послужившей составителю источником известия под 6672 г. во владимирском своде, следует иметь в виду еще статью, помещенную в том же сборнике XV в. Егоровского собрания перед сказанием.

⁴⁶ Аналогичный случай имел место в московское время. В рукописи ГИМ, Увар., № 188, в тексте, возможно монастырского происхождения, сохранилась под 6984 г. запись о том, как обрушилась лестница на набережной в Москве «от множества людей» («и много людей побгло, а не умре ни единъ»). В обширный официальный Московский свод 1479 г. эта запись включена не была.

Начинается она словами: «Се ся съдѣя в лѣто 6672. Андрѣи съ сыномъ своимъ Изяславомъ...» и т. д. К сожалению, мы не знаем, является ли она переделкой того же известия владимирского свода или восходит непосредственно к записям Успенского собора. Текст очень близок к летописному, в значительной мере совпадает с ним. Но имеются и отличия. В летописи говорится, что болгары были разбиты и остатки их бежали в «Великий город» (около нынешнего Билярска), что войско затем вернулось к «пѣшчам» на «полчище» (т. е. в стан), где оставалась и владимирская икона, а затем описываются те почести, которые войска воздавали иконе, кончая словами «хвалы и пѣсни въздавающи ей»; а далее без перерыва после слов «въздавающи ей» читаем: «и шедше взяша градъ ихъ славни Бряхимовъ...» и т. д. Таким образом, согласно летописи, вернувшись, пошли сразу же в поход вторично; а после слов «городы их пожгоша» в летописи читаем: «Се же бысть чудо новое святое Богородици Володимерское» и т. д. В отдельной же статье слова «Се же бысть чудо новое...» и т. д. читаем сразу после слов «въздающе ей», и о взятии Бряхимова ничего не говорится⁴⁷. Оба текста одинаково кончаются словами о том, что икона была принесена во Владимир и поставлена в Успенской церкви «Златоверси», где «стоять и до сего дне».

Кроме записи о чудесах, клир Успенского собора оставил и другие, использованные составителем владимирского свода, как, например, о пожалованиях собору, о захоронениях в соборе членов княжеской семьи и, может быть, некоторые другие.

В нашу задачу не входит пересматривать вопрос об источниках владимирского свода. Он строился как продолжение свода Переяславля-Русского. Но в основе оригинальной его части лежали записи, свидетельствовавшие о литературной традиции, принесенной из Вышгорода.

⁴⁷ ГБЛ, ф. 98, № 637, лл. 385—386. В предшествующей статье («Мѣсяца августа в 1 день...») читаем: «...и шедше взяша 4 города болгарьскыи, пятыи Бряхимовъ на Камѣ» (л. 384).

Изучение социально-политической направленности владимирского летописания и литературной преемственности между владимирским летописанием и южнорусской литературной традицией, вывезенной из Вышгорода, облегчит сравнительный анализ двух редакций сказания об «убиении» Андрея Боголюбского: краткой редакции, помещенной в Лаврентьевской и близких к ней летописях в составе владимирского свода, и пространной, сохранившейся в Ипатьевской летописи.

В книге о древнерусских повестях и сказаниях И. П. Хрущев рассматривал краткую редакцию как «вторую» после пространной; в пространной же, как он отмечал, древний сводчик сшил противоречивые источники⁴⁸.

Н. И. Серебрянский также, полагая, что первоначально была составлена редакция пространная, дошедшая до нас в южнорусской Ипатьевской летописи, утверждал, что она составлялась на Юге, что редакция Лаврентьевской летописи представляет собою «опыт ее сокращения». По замечанию Н. И. Серебрянского, «Лаврентьевская редакция — это политический трактат в защиту нового порядка жизни, к установлению которого стремились и Андрей, и один из ближайших его преемников — Всеволод»⁴⁹.

Из замечания, сделанного М. Д. Приселковым в «Истории русского летописания XI—XV вв.», явствует, что, согласно его предположению, рассказ об убийстве Андрея попал в Ипатьевскую летопись не из ее северо-восточного источника, а через черниговскую летопись, но пополнялся сведениями, взятыми из северо-восточного источника. Обо-

⁴⁸ И. П. Хрущев. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI—XII ст. Киев, 1878, стр. 141—142.

⁴⁹ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. — ЧОИДР, 1915, кн. 3, стр. 145. Н. И. Серебрянский писал, что «кончину Андрея биограф сопоставляет с мученической кончиной Бориса и Глеба», и указывал на заимствования из житийного сказания о Борисе и Глебе (стр. 143—144). См. также С. А. Бугославский. Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии. — «Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского». Л., 1928. Об «анонимном» сказании о Борисе и Глебе — Н. Н. Воронин. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор — ТОДРА, т. XIII. М., 1957, стр. 11—56.

снования этому мнению автор не дал. Краткая редакция рассказа об убийстве, по его мнению, уже была во владимирском своде 1177 г.⁵⁰

Д. С. Лихачев считал, что первоначальную редакцию рассказа об убийстве сохранила не Ипатьевская, а Лаврентьевская летопись: в Ипатьевской текст неровен, тогда как Лаврентьевская содержит «довольно цельное, хотя и краткое, изложение событий». Он противопоставляет редакции Лаврентьевской летописи, написанной, по его мнению, «в житийной манере», отрывки, которыми дополнена редакция Ипатьевской летописи, написанные «в документальной манере». Среди них, однако, как он указывает, «встречаются отрывки житийного, церковно-книжного характера», но они «оказываются подражаниями черниговскому житию Игоря Ольговича» (в ссылке указаны речи и слова Андрея Боголюбского перед смертью).

Д. С. Лихачев полагал, что дополнения, читающиеся в Ипатьевской летописи, сделаны на основании рассказа Кузмищи Киянина, представляющего собою «ближайшую аналогию к повестям о княжеских преступлениях». «Неясно, — пишет Д. С. Лихачев, — было ли это повествование только записано с его слов, или он сам писал свой рассказ». Но Лихачев допускает, что Кузмище Киянин сам писал, а «вернувшись в Киев, перенес туда и свое произведение, включенное в состав киевской летописи»⁵¹.

Так как пространная редакция сказания была включена в киевский свод, то не исключена возможность, что составитель киевского свода оставил на ней след своей руки. Не он ли заменил в молитвенном обращении упоминание о Всеволоде, его княгине и «благородных дѣтях» словами «о братьи», и в аналогичном месте сделал вставку о «племени» (Андрея), «сродницѣх» и о «землѣ Русской»? Далее возникает вопрос: почему в распространенной редакции сказания оказались следы влияния черниговского жития? М. Д. Приселков, как мы говорили, вообще думал, что распространенная редакция попала в Ипатьевскую летопись не из ее северо-восточного источника, а через черниговскую летопись. Здесь-то обнаруживается весьма важное обстоятельство, которое делает такую дилемму ненужной.

⁵⁰ М. Д. Приселков. История, стр. 71, 95.

⁵¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 241—246.

Дело в том, что рассматривая северо-восточные известия Ипатьевской летописи второй половины XII в., обнаруживаем, во-первых, что в Ипатьевской летописи есть записи о Северо-Востоке, связанные с Черниговом, которые не имеют параллелей в северо-восточных памятниках. И, во-вторых, имеются рассказы о Северо-Востоке, взятые из северо-восточного источника, что твердо устанавливается текстуальным сравнением, которые вместе с тем сплетены с черниговским рассказом, вмонтированы в черниговский текст. Это последнее наблюдение помогает понять следы черниговского влияния в пространной редакции сказания и служит одним из указаний на связь пространной редакции с северо-восточным источником Ипатьевской летописи.

Наблюдение первого рода относится к рассказу Ипатьевской летописи под 6670 г. о деятельности и изгнании епископа Леона из Ростово-Суздальской земли. В Лаврентьевской летописи текст рассказа о Леоне совершенно иной. Судя по тому, что рассказ Ипатьевской летописи кончается приходом Леона в Чернигов к Святославу Ольговичу, который, «утѣшивъ добръ», пустил его в Киев, и, принимая во внимание, что черниговский источник проходит через текст Ипатьевской летописи XII в., можно думать, что рассказ этот взят из черниговского источника, куда был записан со слов Леона в Чернигове (если не был записан в самом Киеве). Весь рассказ дается в доброжелательном духе к Леону и резко недоброжелательном к Андрею Боголюбскому. Андрей обвиняется в изгнании братьев, Мстислава и Василька, и племянников, хотя, как мы видели, владимирский летописец сообщает, что младшие братья были изгнаны ростовцами. Андрею приписывается желание «самовластець быти всѣи Суждальской земли». Обвинение это в известной мере имело под собой основание. Но осуждался Андрей за эту черту в официальных памятниках именно на Юге.

Большее значение для нашей темы имеет второе наблюдение. Оно относится к ряду мест, которые читаются в Ипатьевской летописи после сказания об «убиении». Сразу после сказания в Ипатьевской следует пространный рассказ о событиях в Ростово-Суздальской земле, довольно точно совпадающий с Лаврентьевской и близкими к ней летописями и явно заимствованный из северо-восточного

источника. В одном месте владимирский текст сохранился здесь даже исправнее, чем в Лаврентьевской⁵². Затем под 6684 г. в Ипатьевской пропущено о том, что владимирцы посылали в Чернигов за Михалкой; а о приезде Михалки и Всеволода из Чернигова дано в несколько ином, чем в Лаврентьевской, тексте. С одной стороны, в нем можно выделить ряд фраз, которые почти точно совпадают с текстом Лаврентьевской: от слов «Михальку же dospb-вающую...» до слова «...пойдоша», от слов «и пойдоша Мьстиславици кличюче...» до слов «...межи полкома»; от слов «Мьстиславици же не доѣхавше...» до слов «...всеми челоуѣкы». Отмеченные фразы в Лаврентьевской идут не подряд, часть текста Лаврентьевской в Ипатьевской опущена. Совпадает также текст от слов: «ведущю пред нимъ колодъники...» до слов «...выидоша со кресты» (но нет слов «тогда же володимѣрци узрѣвше князя своего») и фраза «бысть радость велика въ градѣ Володимѣрѣ».

С другой стороны, в остальном тексте Ипатьевской летописи, в том же рассказе, даже там, где дело идет о событиях в Ростово-Суздальской земле, видим следы черниговского происхождения. В отличие от Лаврентьевской летописи дана точная дата отбытия князей из Чернигова. Затем упоминается р. Свинь и остановка в Кучкове («до Кучкова, рекше до Москвы»), о чем в Лаврентьевской нет. Названы р. Кулакша и Белехово поле, которых также в данном описании в Лаврентьевской нет. Ниже, после текста, совпадающего с Лаврентьевской, читаем: «онѣхъ бо бяшетъ сила множьства, а правда бяшетъ и святыи Спасъ с Михалкомъ». Эти слова, которые тоже отсутствуют в Лаврентьевской, указывают на руку черниговского автора («святыи Спасъ»). И ниже, после слов «радость велика въ градѣ Володимѣрѣ», следует продолжение рассказа, отсутствующее в Лаврентьевской: «И потомъ посла Святославъ жены ихъ Михалкову и Всеволожую, приставя к нимъ сына своего Олга проводити ѣ до Москвѣ» и т. д. И это продолжение, как видно из содержания, писано черниговским автором.

⁵² Так, в Ипатьевской летописи под 6683 г. имеются слова, отсутствующие в тексте Лаврентьевской; после слов «ѣхаша к Володимѣрю» в Ипатьевской читаем: «и затворися в городѣ», и далее о «дружинѣ»: «не сущи въ градѣ, ѣхали бо бяхуть противу Ярополку».

Таким образом, состав описанного текста Ипатьевской летописи под 6684 г. можно определить так: это рассказ черниговского автора, в который вмонтированы, вплетены тексты северо-восточной летописи. Подобную же картину в Ипатьевской летописи наблюдаем и под 6690 г. Я разумею рассказ о походе на волжских булгар. В нем можно отметить ряд фраз, почти дословно совпадающих в обеих редакциях. Так, в обеих редакциях: «и принесоша ле жива в товары»; далее от слов «божиею помощью укрѣпляеми...» до слов «...боле тысячѣ ихъ» (за исключением слов «и сняшася с ними») и ниже: «и вложиша в лодью» и «положиша Володимерѣ у святой Богородицѣ». Из сказанного видно, что под 6690 г. в Ипатьевской и в Лаврентьевской прослеживается общий летописный северо-восточный источник. Не все, что имеется в Лаврентьевской, попало в Ипатьевскую (нет о Черемисане и Тухчине городке, о встрече с половецким «полком» и о том, что Всеволод 10 дней стоял под Великим городом), но в Ипатьевской летописи рассказ под 6690 г. начинается с явно черниговского текста: Всеволод просит помощи у Святослава Черниговского (Киевского), чего нет в Лаврентьевской; Всеволод назван «князем Суждальским». Святослав отправляет сына своего Владимира Черниговского с соответствующим напутствием (нет в Лаврентьевской). И под 6684 г., и под 6690 г. Святослав отправляет на Северо-Восток сына Владимира. И под 6684, и под 6690 г. видим соединение северо-восточного летописного источника с черниговским текстом. Детали описания похода в Ипатьевской, отсутствующие в Лаврентьевской (упоминание ряда топографических наименований, сведения о судьбе белозерского «полка»), могли принадлежать как черниговскому автору, так и восходить к иной (по сравнению с Лаврентьевской летописью) редакции северо-восточного свода.

Соединение, самый монтаж черниговского текста с северо-восточным источником, заметный в составе Ипатьевской летописи, мог быть произведен в Киеве; но возможно, что имело место другое: что северо-восточный летописный источник Ипатьевской летописи попал в нее через черниговский летописный свод.

Так или иначе, но следы черниговского влияния в странной редакции сказания находят свое объяснение и служат одним из указаний на то, что это сказание попало

в Ипатьевскую летопись вместе с ее северо-восточным источником.

Сравнивая другие отрывки северо-восточного источника Ипатьевской летописи с ее редакцией сказания об «убиении» Андрея, можно обнаружить детали, свидетельствующие в пользу их общего происхождения. В данной связи они представляют интерес; сами по себе они не имеют достаточной доказательной силы. Напомню прежде всего о пяти «верхах» Успенского владимирского собора. Вначале собор имел только один купол («верх»). Позднее были пристроены еще четыре⁵³. В более поздней редакции северо-восточного свода, послужившей источником для Ипатьевской летописи, говорится о построении собора с пятью верхами⁵⁴. В более ранней редакции, отразившейся в Лаврентьевской летописи, говорилось об одном «верхе». В распространенной редакции сказания автор, следуя более поздним данным, пишет о построении Андреем собора с пятью «верхами».

Составитель той редакции летописного источника, которая была использована в Ипатьевской, любил определение «златоверхая» по отношению к Успенской владимирской церкви; по сравнению с Лаврентьевской это слово дважды прибавлено в Ипатьевской: под 6689 и под 6690 гг. Кроме того, в той же редакции под 6666 г. подчеркнуто, что Андрей «все верхы золотомъ украси», а под 6691 г. «верхи» названы «златыми». Всего этого нет в Лаврентьевской. Составитель пространной редакции обнаруживает явное пристрастие к золотым куполам, причем в первом случае, в согласии с летописным известием, пишет: «и 5 вѣрховъ ея позолоти», а немного ниже повторяет опять то же, пользуясь другими литературными источниками (о них см. ниже): «и въ Боголюбомъ и въ Володимѣрѣ городѣ вѣрхъ (sic!) бо златомъ устрои...» и т. д.

Отметим еще одну черту, сближающую пространную редакцию сказания об «убиении» с известиями северо-восточного источника Ипатьевской летописи. В этих последних под 6672 г. дважды, по сравнению с Лаврентьевской, добавлено о плаче («и плакася по немъ князь

⁵³ Московский свод 1479 г. под 6720 г. — ГПБ, Эрмитаж, № 4166 и ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949.

⁵⁴ Ипат. лет. под 6666, 6691 гг.; А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 75.

Андрѣи отецъ и братъ его Мѣстиславъ», и ниже, в рассказе о похоронах, прибавлено: «съ плачемъ великомъ»); под 6674 г. по сравнению с Лаврентьевской опять добавлено: «и плакася по немъ братъ Андрѣи». В пространной редакции сказания видим ту же черту литературной манеры; так, в рассказе Кузмищи: «и тѣ болма плачють по тобѣ». Сам рассказ Кузмищи, на котором мы остановимся в своем месте, облечен в форму плача. Всего этого в Лаврентьевской нет. Равным образом в конце рассказа об «убиении» в Ипатьевской летописи, где вторично сообщается о том, что тело Андрея повезли из Боголюбова, читаем о «вопле» и затем: «И поча весь народъ плача молвити: „уже ли Киеву поѣха, господине, в ту церковь...“» и т. д., и ниже: «и тако плакася по нѣмъ весь градъ». В Лаврентьевской этого повторного рассказа также нет⁵⁵. Северо-восточный источник Ипатьевской летописи, как установлено на основании ряда наблюдений, носит следы более поздней обработки по сравнению с текстом Лаврентьевской⁵⁶.

Близость обеих редакций сказания об «убиении» — Ипатьевской и Лаврентьевской — очевидна. Почти все, что имеется в Лаврентьевской, находим и в Ипатьевской.

Составитель северо-восточного летописного источника Ипатьевской летописи использовал редакцию рассказа об «убиении» Андрея, весьма близкую к той, которой пользовался составитель Лаврентьевской редакции.

Но Ипатьевская летопись содержит, как известно, большой материал, отсутствующий в Лаврентьевской. Несомненно, что составитель Лаврентьевской редакции сокращал

⁵⁵ О северо-восточном источнике Ипатьевской летописи известно, что он частично «не совпадал ни с Радзивилловской, ни с Лаврентьевской летописями» — *А. А. Шахматов*. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской летописи (далее — *А. А. Шахматов*. Исследование). СПб., 1902, стр. 45—46 и др.

Интересно отметить, что Ипатьевская летопись под 6695 г. дважды сообщает о браке дочери Всеволода Верхуслavy, сосватанной (8 лет) за сына Рюрика Ростислава: первый раз подробно — по «летописцу» Рюрика, а второй — по северо-восточному источнику («И створи бракъ великъ Всеволодъ»; ввиду повторения здесь явно сокращено).

⁵⁶ *А. А. Шахматов*. Обзорение, стр. 75—76; Он же. Исследование, стр. 39—45. Но предположение *А. А. Шахматова* о Полихроне начала XIV в. как источнике Ипатьевской летописи в настоящее время в науке оставлено.

их общий протограф. Сокращение заметно, например, при сравнении начала некролога Андрея в Ипатьевской и Лаврентьевской (см. от слов «яко полату красну...» до слов «всякими узорочьями удиви»).

Похоже также, что в Лаврентьевской — пропуск после слов «...на память 12 апостолу» (далее в ней: «налѣзоша и подѣ сѣньми...» и т. д.). После слов «12 апостолу» Ипатьевская сообщала сведения, которые, как увидим ниже, были намеренно опущены или обойдены составителем Лаврентьевской редакции.

Некоторые конкретные детали, имеющиеся в Лаврентьевской, которых нет в Ипатьевской, могут быть объяснены тем, что составитель Лаврентьевской сокращал именно общий протограф, несколько отличавшийся от Ипатьевской редакции. Так, после слов «брашно свое и медь» в Лаврентьевской читаем слова «по улицам», которых нет в Ипатьевской, а после слова «болнымъ» читаем «и по затворомъ», которые также отсутствуют в Ипатьевской. А ниже, в рассказе о прибытии в Боголюбов владимирцев, в Лаврентьевской после слов «с клирошаны» написано: «с Луциною чадью»; этих слов в Ипатьевской нет, хотя выше упомянут Лука, как демественник «святѣ Богородицѣ». Кроме того, в конце рассказа имеется обращение к Андрею с просьбой о молитве за «князя нашего господина Всеволода», тогда как в Ипатьевской говорится только о «братѣ своем»⁵⁷.

Встает вопрос: насколько общий протограф Ипатьевской и Лаврентьевской редакций рассказа (или сказания, как мы называем его) был близок к Ипатьевской?

Приведу ряд оснований, заставляющих предполагать, что общий протограф сказания (Лаврентьевской и Ипатьевской редакций) подвергся некоторому распространению или дополнению при составлении северо-восточной летописи, отразившейся в южном, Ипатьевском своде.

Во-первых, в Ипатьевской летописи, во второй половине некролога, рассуждение о милости и о том, как милостив был князь, разорвано. От слов «и всякъ обычаи добронравенъ имѣашеть...» идет описание (его нет в Лаврентьев-

⁵⁷ В соответствии с этим в Ипатьевской редакции в начальной части сказания в просьбе, обращенной к Андрею, о молитве «дати мирови миръ» прибавлено «о племени своемъ и о сродницѣхъ и о землѣ Руськой» (об этом см. выше).

ской), как вел себя князь в церкви, а затем от слов «веляшеть по вся дни возити по городу брашно...» следует продолжение рассказа о милостыни. Имеем и другие показания, что во второй половине некролога производились дополнения: далее в Ипатьевской, в тексте, который отсутствует в Лаврентьевской, читаем: «аще симъ меньшимъ створисте брати мои, то мнѣ створисте». Это — повторение. Выше, в тексте, который имеется не только в Ипатьевской, но и в Лаврентьевской, приведены те же слова: «аще створите брати меньшии мои, то мнѣ створисте»⁵⁸.

Во-вторых, составитель редакции Ипатьевской летописи пользовался не только редакцией рассказа об «убиении», общей с Лаврентьевской (т. е. их общим протографом), но, кроме того, и другой редакцией рассказа, близкой, по-видимому, к первой, но более подробно и драматично излагавшей события. Так, сначала он говорит о заговоре и приходе убийц во дворец по второму источнику, рассказывает о совещании: «свѣтъ лукавыи и пагубоубиистьвеннии». Называет Якима. Говорит об их приходе так: «устрѣмивъшеся поймавъше оружья, поидоша на нь, яко звѣрь е свѣрьпий, и идущимъ имъ к ложницѣ его». Потом переходит к другому источнику, аналогичному Лаврентьевской летописи (от слов «Начальникъ же убицамъ бысть...»), опять рассказывает о совещании: «...иже ся бяху сняли на оканьнии свѣтъ...». В тех же выражениях повторяет о приходе убийц: «въземъше оружье, яко звѣрь е дивий и пришедшимъ имъ к ложницѣ, идеже блаженнии князь Андрѣи лежить...».

Имена заговорщиков полнее даны по первому источнику (общему с Лаврентьевской). Но второй сообщает ряд конкретных подробностей (они хорошо известны из Ипатьевской летописи, мы не будем их излагать), которых нет в первом источнике. Заметим, что рассказ по второму источнику, несмотря на ряд конкретных деталей, носит

⁵⁸ Отметим также, что ниже, в некрологе, в Ипатьевской летописи текст, который также носит признаки распространения (от слов «глаголя: господа бога моего»), содержит ссылку на «самого творца», как и в упомянутом у нас выше вставочном месте некролога (см. «взирая яко на самого творца»): «за самого творца», «творца своего».

Показания о распространении некролога в Ипатьевской подтверждаются словами: «мы же на преднее възвратимся».

определенную окраску: повторяется, что убийцы действовали по внушению сатаны, Яким сравнивается с Иудой.

В-третьих, плач Кузмищи Киянина, диалог и причитания, помещенные в Ипатьевской летописи, выделяются из контекста рассказа об «убиении» и отсутствуют в Лаврентьевской. Они перекликаются (я имею в виду форму изложения), как мы видели, с другими известиями северо-восточного источника Ипатьевской летописи.

В плаче Кузмищи Киянина читаем: «И нача плакати над нимъ Кузмище: „Господине мой, како еси не очютиль сквѣрныхъ и нечестивыхъ пагубооубииственныхъ ворожьбить своихъ, идущихъ к тобѣ, или како ся еси не домыслиль поѣдити ихъ ...“». Едва ли эти слова могли быть написаны в одно время и тем же автором, который писал в некрологе совершенно противоположное: «вражное убиство слышавъ напередѣ до себе, духомъ разгореся божественнымъ и ни во что же вмѣни». Последнюю фразу находим и в Ипатьевской, и в Лаврентьевской редакциях сказания.

В-четвертых, в конце Ипатьевской редакции сказания в отличие от Лаврентьевской дважды рассказано, как тело князя повезли из Боголюбова, что также свидетельствует о распространении; второй рассказ, которого нет в Лаврентьевской, перекликается, как мы показали выше, с некоторыми известиями северо-восточного источника Ипатьевской летописи.

Итак, есть основания думать, что составитель Лаврентьевской редакции сокращал не тот текст, который сохранился в Ипатьевской, а более ранний, который впоследствии был дополнен при составлении северо-восточной летописи, отразившейся в Ипатьевском своде.

Как же следует представлять себе литературную историю рассказа об «убиении» Андрея?

Обратимся к первоначальной редакции сказания, послужившей общим протографом Лаврентьевской и Ипатьевской редакций. Она состояла из пяти частей: первая — запись о смерти Андрея; вторая часть — его характеристика, или некролог; третья — рассказ о самом убийении; четвертая — события, последовавшие после смерти Андрея; пятая — славословие Андрею как христианину и мученику.

Рассматривая этот первоначальный текст, прежде всего замечаем следы руки местного клирика, писавшего влади-

мирскую летопись, сохранившуюся в Лаврентьевской летописи.

Так, первой заслугой Андрея и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской редакциях сказания выставлено, что он «от млады версты Христа возлюби и всепречистую его мать». И в Лаврентьевской, и в Ипатьевской читаем, что владимирцы с «клирошанами» привезли тело во Владимир и положили «у чудное и хвалы достойное у святыя Богородици Златоверхое, юже бѣ самъ создалъ. Не вда бо в животъ своемъ тѣлу своему покоя и очима своима дрѣманья, дондеже обрѣте домъ истины, прибѣжище всѣм хрестьяном, цесарици небесныхъ чиновъ и госпожи всея вселенныя, всякого челоуѣка многими путыи к спасенью приводящи». Слова эти могли быть написаны клириком Успенского владимирского собора; в тексте, написанном владимирским успенским клириком, который имеется в Лаврентьевской летописи под 6685 г., мы находим аналогичное выражение о Михалке: «и положиша и у святое Богородици Золотоверхое в Володимери, юже бѣ создалъ брат его Андрѣи». Сообщение о смерти Михалки, написанное владимирским клириком, и в другом отношении походит на текст сказания обеих редакций (Ипатьевской и Лаврентьевской): в нем Андрей назван сыном Юрия, внуком Владимира Мономаха, как и Михалка в Лаврентьевской под 6685 г.

Можно с полной уверенностью сказать, что уже в этом первоначальном тексте сказания на составителя оказало сильное влияние житие Бориса и Глеба. Уже в начале, в некрологе, и в Ипатьевской и в Лаврентьевской читаем: «братома бо богоумныма вслѣдовалъ еси, кровью омывъся страданья ти ...», т. е. здесь проводится аналогия между судьбой Андрея и судьбой Бориса и Глеба. Выше написано и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской: «брашно свое и медъ [или: «и питие»] [по улицамъ] на возѣхъ слаше, болнымъ [и по затворомъ]»⁵⁹. Здесь Андрею приписываются те качества князя-христианина, о которых Повесть временных лет говорит применительно к Владимиру Святому; в вышегородских записях, которыми продолжено житие Бориса и Глеба в двух редакциях, это качество приписывается Ярославу, который, подражая Владимиру, звал на пиры нищих и убогих.

⁵⁹ В квадратных скобках — из Лаврентьевской летописи.

Ниже, в рассказе об убийстве, и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской говорится, что меч, похищенный у Андрея, был мечом «святого Бориса». А в конце рассказа и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской опять читаем об Андрее: «кровью мученичьскою омывшеся прегрѣшени своих, с братома с Романомъ и с Давыдомъ (т. е. с Борисом и Глебом. — А. Н.) единодушно къ Христу богу притече...».

Итак, первоначальная летописная редакция сказания была написана владимирским летописцем-клириком, причем составитель испытывал влияние южнорусских литературных памятников — жития Бориса и Глеба и, судя по рассказу о подражании Владимиру, вышегородских записей, которыми, как известно, тексты жития были продолжены.

Хотя записи об «убиении» могли существовать отдельно от летописи, но в том виде, в каком сказание восстанавливается в первоначальной редакции, оно сложилось на основе летописного труда, составлялось при работе над владимирским летописанием в среде местного соборного клира.

Сам первоначальный летописный текст сказания имел уже свою литературную историю.

Прежде всего заметим, что вначале, возможно, была только запись с датой о насильственной смерти Андрея и некролог («Се благовѣрнии и христолюбивии князь Аньдрѣи...» и т. д.), а потом уже включен рассказ об «убиении»; в Лаврентьевской в начале сказания после записи о смерти читаем: «убьенье же его послѣди скажемъ».

Гораздо важнее для нас довольно ясные признаки того, что уже первоначальный текст — общий протограф Ипатьевской и Лаврентьевской летописей — прошел официальную редакцию великокняжеского сводчика. Так, после слов «князь бо не туне мечъ носить, божии бо слуга есть» мы читаем и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской слова «Но мы на предняя возвратимся». Эти слова вызваны тем, что при составлении летописного княжеского свода, согласно интересам княжеской власти, в тексте было сделано отступление на тему о высоком значении княжеской власти с цитатой из ап. Павла и Златоуста от слов «И пакы Павелъ апостолъ глаголетъ ...» до слов «... слуга есть». Это отступление не вытекает из предыдущей фразы: «идѣже законъ, ту и обидѣ много». После же слов «Но мы на предняя возвратимся» следует продолжение пре-

рванного выше рассказа: «Феодуль же игумень святое Богородици Володимерьское...» и т. д.

Из сказанного явствует, что текст, написанный местным клириком, подвергся просмотру, испытал вмешательство редакторской руки, поскольку вошел в состав официального княжеского свода.

Следующий этап литературной истории сказания запечатлен в Лаврентьевской летописи. Здесь перед нами текст, подвергшийся еще более значительной обработке, выразившейся главным образом в сокращении в интересах владимирских руководящих властей, в интересах руководящих слоев владимирского населения, в интересах местного владимирского «патриотизма».

Подробный рассказ о поведении убийц после убийства, отсутствующий в Лаврентьевской, читаем в пространной редакции ниже от слов: «Оканьнии же оттуда шедше убиша Прокопья...». Трудно определить, в какой мере он восходит (весь или частью) к общему протографу Ипатьевской или Лаврентьевской редакций. Здесь говорится о расхищении убийцами княжеского имущества, о том, что они вооружались, опасаясь прихода владимирской «дружины», о переговорах с «владимирцами» и о начавшихся грабежах: «разиидошася и вьлегоша грабитъ, страшно зрѣти» (записано очевидцем или со слов очевидца).

Из описания этих переговоров явствует, что и среди обитателей Владимира были сочувствующие убийцам («не [о] насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же в тои же думѣ»). Конечно, это были люди, близкие или принадлежавшие к местной боярской среде, что видно из сопоставления этого рассказа с одним указанием рассказа о событиях борьбы городов, разыгравшихся после смерти Андрея, когда часть владимирских бояр перешла на сторону врагов г. Владимира. А из дальнейшего текста пространной редакции следует, что, с другой стороны, и низы населения г. Владимира и окрugi были озлоблены против княжеской администрации, судя по тому, что и там начались грабежи. Все это в совокупности объясняет, почему владимирцы-горожане не решились идти против клики вооруженных убийц.

И интересно, что во владимирской краткой (Лаврентьевской) редакции сказания нет ничего ни о переговорах с «владимирцами», ни о том, что грабившие приходили «и ис сель», что грабежи перекинулись во Владимир, где

грабили до тех пор, пока не начал «ходить Микулиця со святою Богородицею в ризахъ по городу». Кто такой был Микулица, мы знаем из текста другого сказания («Сказания о чудесах . . .»), где говорится о нем как о «попе», приехавшем из Вышгорода вместе с Андреем Боголюбским с иконою богоматери. В дальнейшем тексте пространной редакции, отсутствующем в Лаврентьевской летописи, опять говорится о Микуле. «Въ 6 день, въ пятницу», читаем здесь, «владимирцы» обратились к Феодулу и Луке «демествьянику святоѣ Богородицѣ» с просьбой или, вернее, требованием привезти тело Андрея, а Микулице сказали, чтобы он, собрав «попы» и облекшись в ризы, вышел бы перед Серебряными воротами встречать тело.

Рассказ этот основывался на записях того времени, сделанных, судя по содержанию, владимирским клириком Успенского собора. Мы допускаем, что текст этот находился уже в первоначальной редакции сказания (в общем протографе). Но если даже считать, что он был привнесен потом, то все же записи эти не могли быть неизвестны составителям первоначальной и Лаврентьевской редакций, которые сами принадлежали к клиру Успенского собора или близко стояли к нему. Почему же в таком случае материал этот был сокращен или обойден в Лаврентьевской летописи? Мы думаем потому, что эти сведения, по всем признакам, довольно точно передававшие о событиях, набрасывали тень (как могло представляться позднее в официальных кругах г. Владимира) на стольный город Владимир, так как оповещали, что среди владимирцев были сторонники убийц, что в самом Владимире были волнения и грабежи, что только на шестой день клир понудили ехать за телом.

Как известно, имеются неоспоримые показания, что текст владимирской летописи (до 1185 г.) в Лаврентьевской летописи более ранний, чем соответствующий текст в Радзивилловской и Ипатьевской летописях (точнее в северо-восточном летописном источнике Ипатьевской летописи), хотя Ипатьевская местами сообщает подробности, которые не знают эти две летописи⁶⁰. Неизвестно точно, где составлялась северо-восточная летопись, послужившая источником для Ипатьевского свода. Но так или иначе, составитель этой летописи использовал подробную

⁶⁰ А. А. Шахматов. Исследование, стр. 44—46 и др.

редакцию сказания, дополнив ее новым материалом (в рассказе об «убиении» Андрея, в рассказе о событиях, следовавших после смерти его и др.). Затрудняемся сказать, было ли в первоначальной редакции сказания упоминание о том, что Андрей создал «городъ камень именемъ Боголюбый», и сравнение его с Вышгородом. Автор следовал здесь или воспоминаниям о своем родном городе, или местным записям или преданиям: «толь далече яко же Вышегородъ от Кыева, тако же и Богълюбый от Володимѣря»⁶¹.

Есть ли необходимость отождествлять составителя пространной (Ипатьевской) редакции с Кузмищем Кияниным? Думаю, что необходимости нет. Составитель мог воспользоваться рассказом Кузмищи: записать с его слов, как тот отыскивал тело князя, что отвечали ему на его расспросы, как он переговаривался с Анбалом, и о том, как он убрал тело. Этому рассказу составитель пространной редакции мог придать литературную форму плача над телом, подчеркнув здесь красоты церкви, открытые для всех иноверных («видивше славу божию и украшение церковное и тѣ болма плачють по тобѣ»).

Последующий летописный рассказ в Лаврентьевской летописи (1175—1177 гг.) показывает, что владимирский летописец-клирик был близок по своим настроениям к тем слоям местного общества, которые не относились неприязненно к Андрею Боголюбскому и не раз поминали его, называя то «блаженным», то «добрым».

Текст Лаврентьевской и близких к ней летописных сводов, который следует непосредственно за сказанием об «убиении» и охватывает 6683—6685 гг., носит яркую социально-политическую окраску.

Рассказ о событиях, довольно пространный, написанный после смерти Андрея и, по-видимому, до окончательного

⁶¹ Обращают на себя внимание слова в некрологе «и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея...» Выражение это напоминает нам слова рассмотренного нами выше фрагмента соборного ростовского летописца: «И вся приходящая удивлеса, князи же и велможѣ...», где речь идет о поучениях и об «украшениях» ростовского собора, описанных далее тоже очень подробно.

утверждения власти Всеволода во Владимире, падает на время, когда местные волнения (во Владимире, в Боголюбове и в «волости») сменились борьбой городов, борьбой, имевшей определенное социальное содержание, — то был кризис, вызванный политикой Андрея Боголюбского, о чем речь будет впереди. Написан рассказ под свежим впечатлением от событий и, возможно, в два приема. Первый раз — по возвращении Михалки во Владимир (в Лаврентьевской летописи, в отличие от Радзивилловской и Московско-Академической, нет еще прибавлений к слову «Михалка» — «и Всеволод» или «с братом Всеволодом»), когда Михалка был уже признан на всей территории Ростово-Суздальской земли («се бо володимерци прославлени богомъ по всей земли за ихъ правду») ⁶². Продолжение, от смерти Михалки, написано, по-видимому, после самосуда над пленниками ⁶³. Весь рассказ производит впечатление записи, сохранившейся, в общем, в первоначальном виде. В одном случае мы усматриваем следы редакционного вмешательства официального представителя княжеской власти или самого князя. Имею в виду текст от слов «А хрестънаго цѣлованья забывше ...» до слов «... рязаньскою послу». Следующие основания позволяют сделать такое предположение.

Этот текст не согласуется как с предыдущим изложением, так и с последующим. В нем довольно неожиданно сообщается о решающей роли рязанских послов, «слушая» которых (Дедилца и Бориса) избрали Ростиславичей ⁶⁴. Между тем в предыдущем рассказе ни о каких рязанских послых не говорится, и решение призвать Ростиславичей описывается как решение, принимая которое, собравшиеся на съезд представители городов учитывали опасность нападения со стороны Рязани. В этом же тексте довольно неожиданно упоминается о том, что Андрей был посажен

⁶² Лавр. лет. под 6684 г. Михалко поехал в Суздаль, оттуда в Ростов «и створи людем весь нарядъ, утвердивъся крестнымъ цѣлованьемъ с ними» и «посади» брата Всеволода в Переяславле. Под 6683 г. рассказ (на словах «...на столъ дѣдни и отни с радостью великою») прерывается известиями о женитьбе Ярополка Ростиславича и об изгнании смольнянами Ярополка Романовича. Под 6684 г. от слов «Сѣдящема Ростиславичема...» читаем продолжение прерванного рассказа.

⁶³ Ср. А. А. Шахматов. Обозрение, стр. 11, 15—16.

⁶⁴ «Но слушаху Дѣдилца и Бориса, рязаньскою послу».

вопреки крестному целованию Юрию Долгорукому «на меньших дѣтех, на Михалѣ и на братѣ его», что тогда же крестоцелование было нарушено: посажен Андрей, а «меньших» братьев выгнали («выгнаша»). Этот косвенный упрек в сторону Андрея не согласуется с последующим рассказом владимирского летописца, который обнаруживает сочувственное отношение к покойному князю, называя его то «добрым», то «блаженным». Резкое осуждение решения избрать Ростиславичей не вполне согласуется со словами владимирского летописца в том же рассказе: «не противу же Ростиславичема бяхутся володимерци, но не хотяше покоритися ростовцем».

Все сказанное позволяет думать, что отмеченный текст представляет собою вставку в рассказ о призвании Ростиславичей, сделанную рукой или самого Всеволода, или представителя его власти, так же как в последующей редакции владимирского свода, что достоверно известно, вставлялись слова о «брате Всеволоде» там, где упоминался первоначально один Михалка.

Интересно, что ранее, в рассказе о посольстве к Ростиславичам, послы хвалят отца Ростиславичей: «отець ваю добръ былъ, коли княжилъ у насъ». Но в летописи упоминаний о том, что Ростислав княжил в Ростово-Суздальской земле, не сохранилось⁶⁵.

Владимирский летописец рассказывает обо всем этом спокойно, в обычной летописной манере, так же как и о том, что в Ростово-Суздальскую землю приехало не двое князей (Ростиславичей), а четверо (двое Ростиславичей и двое Юрьевичей: Михалко и Всеволод) и о том, как повели себя «ростовци», узнав о приезде Юрьевичей. Заметим, что в изучаемом рассказе, когда владимирский летописец говорит о «ростовцах» и «суздальцах», он понимает именно ростовцев и суздальцев (а не вообще население Ростово-Суздальской земли). Но социальное содержание в эти термины он мог вкладывать различное. Ясно свидетельствует об этом следующее: под 6684 г. не раз говорится о «суздальцах» как врагах г. Владимира; но немного ниже читаем, что к Михалке, владимирскому князю, приехали «суздальцы» и обращаются к нему так: «мы, княже,

⁶⁵ Он мог получить Ростово-Суздальскую землю вместе с Переяславом Южным, о чем упоминает Ипатьевская летопись под 6657 г. В таком случае его княжение было кратковременным.

на полку томъ со Мстиславом не были, но были с ним бояре». Следовательно, под «суздальцами» ранее разумелся преимущественно руководящий, боярский слой населения Суздаля.

Узнав о приезде Юрьевичей, согласно рассказу владимирского летописца, «ростовци» вознегодовали («негодоваша»). Изложение событий дает представление о быстроте действий «ростовцев», принявших меры против вокняжения Юрьевичей и смело распоряжавшихся в пределах «земли»; князья прибыли в Москву, а «ростовци» успели уже из Владимира вызвать войско в количестве полутора тысяч человек («по повелѣнью ростовець»), отправили Ярополка в Переяславль-Залесский, где ему присягнули переяславцы; затем собрали «всю силу Ростовской земли», привели даже («приведоша») муромцев и рязанцев. Вся эта «сила» обрушилась на Владимира, куда приехал Михалка, и осаждала город в течение семи недель.

Здесь-то владимирский летописец обнаруживает впервые свое личное отношение к событиям. Он всецело на стороне «владимирцев» («святѣи богородицѣ помогающи [и]м ...»). Он объясняет читателю, что владимирцы воевали не против Ростиславичей, а против тех, кто стоял за их спиной: «но не хотяше покоритися ростовцем», которые на их «град» смотрели как на «пригород», где должен сидеть их «посадник», как ранее когда-то было («паки»). Вынужденные принять Ярополка Ростиславича, владимирцы заключили с ним «поряд» и положили грамоту в Успенский собор, где, по обычаю того времени, хранился государственный архив.

Дальнейший рассказ владимирского летописца хотя с внешней стороны представляет собой записи летописца-клирика, который описывает чудесные явления, связанные с владимирской иконой, по сути дела является политической апологией «владимирцев», вызвавших вскоре князя Михалку, который приехал вторично.

Летописец описывает борьбу под 6684 г. не в качестве стороннего наблюдателя, а в качестве заинтересованной стороны, одного из «владимирцев». «Не хотящих намъ добра, завистью граду сему и живущимъ в немъ», — пишет он о врагах.

Апология владимирцев (можно догадываться, что «ростовцы» обвиняли их в своеволии и в нарушении

договора с Ростиславичами) дана в плане и историческом, и юридическом, и моральном.

Оправдание «владимирцев» идет в тексте параллельно с обвинениями, направленными против их врагов — «злых людей», — это «ростовци» или «ростовци» и «суждалци» (под которыми, как мы видим, разумелась боярская часть населения) и «вси боляре». Уже в этой части рассказа проступает явственно социальное содержание борьбы. Враги не только в Ростове и в Суздале: «а боляре князю тою держахутся крѣпко», — пишет он о Ростиславичах; и далее: «а здѣ городъ старыи Ростовъ, и Суждаль и вси боляре хотяще свою правду поставити». Иными словами, летописец не скрывает, что в Ростово-Суздальской земле боярство обнаруживает известную солидарность, что «ростовци» — руководящие слои населения города — находили поддержку среди боярства в пределах «земли», и, как выясняется из событий, следовавших за смертью Михалки, даже часть владимирского боярства держала сторону «злых людей». «Злые люди», как можно понять из рассуждений летописца, — это не те или иные князья, не в них дело, хотя здесь летописец вступает в противоречие с самим собой, так как в мрачном виде описывает деятельность Ростиславичей. Противоречие он пытается устранить утверждением, что юные Ростиславичи были как бы игрушкой в руках бояр, которые учили их грабить население, учили не почитать старейших между ними, не желая тем самым «добра» и самим князьям.

В плане историческом апология «владимирцев» проведена в рассуждении на тему о том, что «обычай», который хотят навязать владимирцам «ростовци», ныне потерял свой смысл, устарел. Древний обычай, по его словам, заключался в том, что «пригороды» в своих решениях следовали решениям главного, старейшего города, так было в Киеве, в Новгороде, в Смоленске. Но теперь положение изменилось. «Град» Владимир возвышен Владимиром Мономахом и Андреем Боголюбским. И когда Ростов, Суздаль и «вси боляре» хотят навязать владимирцам «свою правду», они тем самым идут против «правды божией».

Со стороны юридической «владимирцы», как он хочет показать, правы потому, что Михалка — «старейший» среди князей; он имеет правовые основания княжить в Ростово-Суздальской земле: «Ты еси старѣе в братъи своеи, поиди Володимерю». И ниже: «Креста честнаго не престу-

пати, и старѣшаго брата чтити ...». О «старейшинстве» Михалки среди всех четырех князей упомянуто и в начале рассказа («утвердившися межи собою, давшие старѣшинство Михалку»).

Владимирцы согласились принять Ростиславичей, согласно толкованию летописца, добровольно: «Мы есмы волная князя прияли к собѣ и крестъ цѣловали на всемъ».

Поведение Ростиславичей, подучаемых боярами, дает моральное основание «владимирцам», как можно понять из его объяснений, не держать долее этих князей: они сами нарушили крестное целование. Оказывается, что слуги Ростиславичей «многу тяготу людем симъ створиша продажами и вирами». Да и сами князья наживались чужим добром («многое имание»).

Обвинения в лихоимстве, в незаконных поборах мы не раз встречаем в древней письменности, и исходили эти обличения из церковной среды. Напомним о тиунах и «мечниках» Андрея Боголюбского. В первой части «Мерила праведного» по Троицкому списку читалось о князьях: «в собе мѣсто поставляете властели и тивуны, мужи не богобоины ... суда не разумѣюще, правды не смотряще»; «грабители и мздоймци» превозносятся; «кто правъ осуженъ от нихъ въ вину, припадаетъ къ князю, и князь не слушаетъ...». В другой статье был передан разговор, будто бы бывший между епископом и Константином Полоцким о тиунах. Епископ дает понять, что тиуны неправедными доходами делились с князем: «толико того дѣля, абы князю товара добывалъ»⁶⁶.

Обвинение против посадников, тиунов, «дѣтских» и «мечников» Андрея владимирский летописец делал, как мы знаем, в очень осторожной форме: «идѣже законъ, ту и обидѣ много».

Теперь же дело усугублялось тем, что «дѣтские» Ростиславичей, обиравшие население, были южнорусскими, что подчеркнуто: «русьскым дѣдѣцкимъ»⁶⁷; и самих князей

⁶⁶ «Мерило праведное по рукописи XIV века». М., 1961, стр. 127—129; Г. А. Розенкампф. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829, стр. 217—218; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М., 1941 (о происхождении «Мерила праведного»).

⁶⁷ Само собой разумеется, что это обстоятельство не дает оснований утверждать, что в событиях борьбы городов, последовавших после смерти Андрея Боголюбского, речь шла о господстве «Рус-

летописец приравнивает к завоевателям, которые, ограбив волость, уходят. Ростиславичи расхищали ценности Успенского собора. Все это давало «владимирцам» моральное право в глазах автора потребовать ухода Ростиславичей.

Наконец, автор — опять-таки в оправдание «владимирцев» — сообщает, что они сначала обратились за поддержкой к той власти, которая была в то время над ними: они послали к «ростовцам» и «суздальцам». Но поддержки от них не получили: те только на словах были на их стороне, а на деле — «далече суще». Лишь после этого «владимирцы» послали в Чернигов за Михалкой.

В заключительной части рассказа (от смерти Михалки до самосуда над пленными рязанскими князьями), помеченной 6685 г., автор также главными виновниками в борьбе выставляет не князей, а местные руководящие силы «земли». Так, Мстислава для борьбы со Всеволодом, владимирцами и переяславцами, призывают «ростовци и бояре». «Ростовцев и бояр» он определяет вместе термином «старейшая дружина». Они властно заявляют Мстиславу: «аще ты миръ даси ему (т. е. Всеволоду. — А. Н.), но мы ему не дамы». Среди собранного войска отмечены также «гридьба», среди которых могли быть наемные варяги, и «пасынки».

«Величавые» бояре и ростовцы, которых слушается Мстислав, хотят выгнать Всеволода, не ведая, что «богъ даетъ власть ему же хощеть». Бог ставит «праведного» князя в ту землю, которая «управится пред богомъ». Автор, приводя эти изречения, воздаст, тем самым, хвалу одновременно и владимирцам, и Всеволоду. Интересно, что цитата эта восходит к древнему вышегородскому Паримийнику; возможно, что из Вышгорода с литературой о Борисе и Глебе она и пришла. Но любопытно, что там в первоначальном своем виде, а также и в летописи под 1015 г., куда она пришла из Паримийника, и в «Мериле праведном», куда она пришла из летописи, цитата эта носит другой оттенок. Там осуждаются юные князья, любящие веселье, и «младые совѣтники». В XII в. такое осуждение могло напомнить осуждение князей, склонных к совету с «юными», т. е. с младшей дружиной, а не со «старейшей» (см. Лаврентьевскую летопись под 1093 г.),

ской земли» над Северо-Востоком. Последнего мнения или, точнее, толкования событий я никогда не придерживался.

осуждение, характерное для Начального свода. Может быть, поэтому владимирский летописец под 1177 г. выпустил этот комментарий⁶⁸.

⁶⁸ Приводим текст.

Из Паримийника по рукописи ГПБ, Qп. I, № 13, лл. 258 об.—259.

И помысли высокъумиємъ, а не вѣдыи, яко богъ даетъ власть, ему же хошѣтъ; поставляетъ бо царя и князя вышнии, ему же хошѣтъ, дасть. Аще убо кая земля оправдится предъ богомъ, поставляетъ царя или князя еи, любящи судъ и правду, и властеля устрояетъ. Еще бо князи правдиви бывають в земли, то многа отдаются согрѣшения; аще ли лукави бывають, тѣ больше зло навѣдитъ богъ на землю ту, понеже глава то есть земли; тако бо Исая рече: «согрѣшиша отъ главы и до ногу», еже от цесаря до простыхъ людии. Лютѣ и граду тому, в немъ же князь унѣ, любяи вино пити с гусльми и съ младыми свѣтныки. Сяковыя бо богъ даетъ за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь: отъять бо отъ насъ богъ Володимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, яко же дрѣвле наведе на Иерусалима Антиоха. Исая бо глаголетъ: «отъиметь господь от Иерусалима крѣпость и крѣпка исполнена, и человекъ храбра и судию, и пророка, и смѣрена старца и дивна свѣтныка и мудра хитреца, и разумна послушника; и поставлю уношю князя имъ и ругатели обладають ими».

Из Лаврентьевской летописи под 1015 (6523) г.

Помысливъ высокоумьемъ своимъ, не вѣдыи, яко богъ даетъ власть, ему же хошѣтъ; поставляетъ бо цесаря и князя вышнии, ему же хошѣтъ, дасть. Аще бо кая земля управится предъ богомъ, поставляетъ еи цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устрояетъ и судью правящаго судъ». Аще бо князи правдиви бывають в земли, то многа отдаются согрѣшенья [земли]; аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводитъ богъ на землю. понеже то глава есть земли; тако бо Исая рече: «согрѣшиша отъ главы и до ногу», еже есть от цесаря и до простыхъ людии. Лютѣ бо граду тому, в немъ же князь унѣ, любяи вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтныки. Сяковыя бо богъ даетъ за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь, яко же Исая глаголетъ: «отъиметь господь от Иерусалима крѣпкаго исполина, и человекъ храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца [и дивна свѣтныка и мудра хитреца и] разумна, послушлива; поставлю уношю князя имъ, и ругателя обладающа ими».

Из Лаврентьевской летописи под 1177 (6685) г.

Помыслившѣ высокоумьемъ своимъ, не вѣдуще, яко богъ даетъ власть, ему же хошѣтъ; поставляетъ бо цесаря и князя вышнии. Аще кая земля управится предъ богомъ, поставляетъ еи князя праведна, любяща суд и правду; аще бо князи правдиви бывають, то много отдается согрѣшенья земли той, да поне то есть глава земли.

Из «Мерила праведного» по рукописи Троицкого собр., № 15, лл. 16 об.—17.

От лѣтописця. Яко богъ даетъ власть, ему же хошѣтъ, поставляетъ бо цесаря и князя вышнии, ему же хошѣтъ, и даетъ. Аще оубо кая любо земля оуправляется предъ богомъ, поставляетъ цесаря и князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля оустраиваетъ и

После разгрома на Юрьевом поле Мстислава, ростовцев и «всех бояр» были захвачены «села боярские, кони и скот». Вместе со «скотом» вели и «колодников». Эти «села боярские» лежали, очевидно, где-то в районе Юрьево поля, в полоске черноземной степи, раскинувшейся между Юрьевом, Владимиром и Суздалем.

Думаю, что неправильно понимать владимирского летописца как противника боярского землевладения вообще, а захват сел истолковывать как попытку ликвидировать боярское землевладение. Когда спустя некоторое время союзник Мстислава Глеб Рязанский напал на Боголюбово и разорил его, он пожег «села боярская», а «жены и дѣти и товаръ» дал половцам «на щить». То были, очевидно, села бояр, живших во Владимире. Владимирский летописец с сочувствием описывает судьбу пострадавших: «ови ведутся полонени, друзии посѣкаемы и до молодыхъ дѣтии, инии на месть даемы поганым, друзии трепетаху, зряще убиваемыхъ». Эта расправа объясняет то ожесточение, с которым не только «купци» и «все людье», но и владимирские «бояре», оставшиеся в городе, учиняли самосуд над пленными и заключенными в «поруб» союзниками Мстислава — рязанскими князьями.

Смысл всего хода борьбы городов нельзя понять, не зная предшествующей истории края и общего направления политики Андрея Боголюбского, который пытался поставить себя в какой-то мере независимо от местного сильного боярства, «старейшей дружины», опираясь на своих слуг и более широкие круги городского населения, но игнорируя интересы низов.

Попытку также искать опору в сравнительно более широких слоях населения, преимущественно городского, я усматриваю и в поведении Всеволода, когда он созывал

судью правяща судѣ. Аще бо князи правдиви бывають на земли, то многа отдаються съгрѣшенья. Аще ли зли бывають и лукави, то болми богъ зло наводитъ на землю, понеже то глава есть. Тако бо Исаия рече: «съгрѣшиша от главы и до ногу», еже от цесаря и до простыхъ людей. Люте же граду тому, в немъ же начнетъ князь оунъ жити, любяи вино пити съ гуслями и с младыми свѣтъники. Сяковыя богъ даетъ за грѣхи, а старыя, мудрыя отъиметь, яко же Исаия глаголетъ: «отъиметь господь от Иерусалима крѣпкаго крѣпка исполни и челоуѣка храбра, судью, пророка и смѣрена старьця, дивна свѣтника и мудра художника и разумна послушника; и поставлю оуношу князя имъ и ругателя обладающа ими».

в 6719 г. «всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцѣ, и дворяны, и вси люди»⁶⁹. В летописном некрологе Всеволода, как мы имели случай уже убедиться, ставится Всеволоду в заслугу стремление ограничить самоуправство «сильныхъ своихъ бояръ», обижавшихъ «меньшихъ» и порабошавшихъ «сироты» и творившихъ «насилие»⁷⁰. Подобного рода «насилиями», вероятно, сопровождалось распространение феодальной зависимости и рост феодального землевладения. Напомним, что ненасытность «неправедно» обогащающихся обличал позднее Серапион.

Вспомним неприязненное отношение к сильному боярству автора послания Даниила Заточника. «Лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоємъ, — обращается автор к князю Ярославу Всеволодовичу, — нежели в черленѣ сапозѣ в боярстемъ дворѣ; лучше бы ми в дерюзе служити тебѣ, нежели в багряннице в боярстемъ дворѣ»⁷¹.

Общая социально-политическая направленность владимирскихъ летописныхъ записей и текстов, вышедшихъ из среды местного клира, в какой-то степени роднит их с владимирско-переяславской литературой последующего времени.

⁶⁹ Московский свод 1479 г. под 6719 г. — ГПБ, Эрмитаж., № 4166 и ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 108. На съезде был утвержден Юрий преемником Всеволода на владимирском столе. Тем самым устранялась кандидатура на владимирский стол старшего сына Константина, связанного с Ростовом (Константин хотел «взяти Володимерь к Ростову»).

⁷⁰ Лавр. лет. под 6720 г.

⁷¹ «„Слово Даниила Заточника“ по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам». Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. — «Памятники древнерусской литературы», вып. 3. Л., 1932, стр. 60.

Глава четвертая

Владимирское великокняжеское летописание первых десятилетий XIII в. отразилось в двух дошедших до нашего времени летописных сводах.

Первый из них — свод 1305 г., сохранившийся в единственном списке второй половины XIV в., известен под именем Лаврентьевской летописи. В нем, однако, владимирское летописание первых десятилетий XIII в. с 1206 г. погребено в значительной мере под пластом более позднего слоя — ростовского: ростовская летописная работа бросает как бы исполинскую тень на летописание предыдущих десятилетий. Восстановление владимирского текста хотя бы частично в первоначальном, «чистом» виде, выделение его из материала известий Лаврентьевской летописи первой половины XIII в. с требуемой точностью и достоверностью едва ли выполнимо без привлечения параллельных текстов; только при этом условии исследователь может получить более или менее надежный критерий при работе. Параллельные тексты к Лаврентьевской дают Радзивилловская и Московско-Академическая летописи, но при исследовании нашей темы они мало полезны, так как обе кончаются известием 1205 г. (точнее — оригинал Радзивилловской), а до 1206 г. мы и так в Лаврентьевской имеем сравнительно «чистый» владимирский текст. Владимирским летописанием в какой-то мере пользовался составитель так называемого летописца Переяславля-Суздальского, но он кончается 1213 г.

Второй летописный свод, который включает в себе тексты владимирского летописания за первые десятилетия XIII в., это — Московский свод 1479 г. В нем отражен владимирский летописный текст в первоначальном («чистом») виде, т. е. таком, каким он был до того, как подвергся ростовской обработке. Но сохранился он в сложном по составу Московском своде 1479 г. только отдельными фрагментами наряду с извлечениями из других источников. Иными словами, чтобы судить об этих фрагментах, надо их сначала добыть из текста Московского свода, что возможно сделать, зная, какие другие источники вошли в Московский свод. А получив эти фрагменты, мы получим необходимые для нашего исследования параллельные тексты к Лаврентьевской летописи.

Сначала остановимся на своде 1305 г., потом перейдем к ростово-суздальскому источнику Московского свода.

Лаврентьевская летопись, содержащая свод 1305 г., дошла до нас в оригинале, что придает ей исключительный интерес, и с припиской того самого монаха, который писал ее (вместе с помощниками), — монаха Лаврентия.

При каких обстоятельствах появилась на свет пергаментная рукопись, известная под именем Лаврентьевской летописи? В приписке прямо говорится, что рукописные книги, «глаголемыи Лѣтописецъ», писаны «князю великому Дмитрию Костянтиновичю» (Нижегородско-Суздальскому), а «по благословенью священнаго епископа Дионисья», и ниже: «при благовѣрном и христолюбивом князи великомъ Дмитрии Костянтиновичи и при епископѣ нашем¹ христолюбивѣм священномъ Дио[ни]сѣ Суждальском и Новгородьском и Городьском» (т. е. Городецком). Эпитет «священный» оттенял положение лица, принадлежащего к высшей церковной иерархии. Эпитеты при имени нижегородско-суздальского князя напоминают нам эпитеты, прилагавшиеся авторами тверских и московских литературных памятников к именам своих князей.

Нижегородско-Суздальское княжество образовалось в 1341 г. После Московского и Тверского это было едва ли не самое значительное княжество на Северо-Востоке.

¹ Разрядка здесь и далее моя. — А. Н.

И Тверское, и Нижегородско-Суздальское назывались «великими».

Возвышение Нижнего Новгорода связано с развитием торговли по водным путям, с процессом заселения края и т. п. О торговом значении Нижнего Новгорода имеется, как известно, ряд показаний; в частности, находка летописного свода в рукописи первой половины XVI в. в библиотеке им. Ленина с известием о Тарасе Петрове позволяет теперь с полным доверием относиться к сведениям об этом землевладельце и «большом госте» среди гостей Нижнего Новгорода времени Андрея Константиновича и Дмитрия Константиновича².

С начала 50-х годов XIV в. Нижний Новгород стал центром всего княжества. В 1352 г. вновь отстраивается Спасо-Преображенский собор³, при котором, как далее увидим, началось в Нижнем Новгороде местное летописание, местные летописные записи.

Сведения о Нижнем Новгороде первой половины XIII в. можно найти в тексте владимирского великокняжеского свода XIII в.⁴ Несколько разновременных известий о Нижнем Новгороде можно встретить в тексте Владимирского полихрона и Троицкой летописи⁵. Но цепь местных нижегородских записей началась не ранее 1341 г. и не позднее 50-х годов XIV в. Запись о смерти Александра Васильевича под 6840 (1332) г. — не местная, как видно из сравнения ее с рядом записей о кончинах нижегородско-суздальских князей последующего времени. Запись под 6849 (1341) г., сохранившаяся в Рогожском летописце, о Константине Васильевиче, по всем признакам, местного нижегородского происхождения, но она лишена точной даты и могла быть сделана позднее. В так называемом Нижегородском летописце цепь местных нижегородских известий

² А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 246—247.

³ Московско-Академическая летопись под 6860 г. (Издана вместе с Лаврентьевской).

⁴ Лавр. лет. и Московский свод 1479 г. (ГПБ, Эрмитаж., № 4166 и ПСРЛ, т. XXV) под 6729, 6733, 6736, 6737 гг.

⁵ Новгородская IV и Софийская I летописи под 6813 г., а также Львовская (о восстании «черни» в Нижнем Новгороде против бояр), Симеоновская летопись и Софийская I под 6819 г.

также падает на вторую половину XIV в.; ей предпослано только два года значительно более раннего времени.

Теперь остановимся на вопросе, где же началось ведение летописных записей в Нижнем Новгороде? Дошедшие до нас летописные своды заставляют полагать, что велись они при древнейшем соборе в Нижнем Новгороде — соборе Спаса Преображения, который получил для Нижнего Новгорода значение, аналогичное тому, какое имели соборы: Троицы — для Пскова, Софии — для Новгорода, Успения богородицы — для Владимира, Успения богородицы — для Ростова и т. д. Приведем ряд записей, которые указывают на собор Спаса Преображения как на место, где они делались. Под 6855 г. читаем о том, что Константин Васильевич «слилъ колоколъ болши святому Спасу» (Рогожский летописец); под 6858 г. — о том, что Константин Васильевич «порущалъ церковь камену старую и ветшаную святаго Спаса, а новую заложилъ» (там же); под 6860 г. — о том, что князю Борису привели из Литвы дочь Ольгерда «Огрофъну» и он венчался «въ Новѣгородѣ у святаго Спаса мѣсяца ок[тября]» (там же); под 6863 г. — о смерти Константина Васильевича: «Того же лѣта в Филипово говѣние преставися князь Костянтинъ Васильевич[ъ] Суждальскый мѣсяца нояб[ря] 21, на Ведение святыя Богородици, въ черньцѣхъ и в скимѣ, и положенъ бысть въ церкви святаго Спаса въ Новѣгородѣ въ Нижнем[ъ]; а княжилъ лѣтъ 15...» и т. д. (там же, а также в выписках из Троицкой летописи Н. М. Карамзина); под 6873 г. читаем такую же подробную запись о том, что 2 июня «въ недѣлю пянтикостную» умер «благовѣрный, христоробивый, смиренный» князь Андрей Константинович и «положенъ бысть въ церкви святаго Спаса въ Новѣгородѣ въ Нижѣм[ъ], иде же бѣ и отецъ его князь Костянтинъ Васильевич[ъ]» (там же; см. также в Троицкой по выпискам Н. М. Карамзина); под 6880 г. — о том, что «у святаго Спаса колоколъ болшей прозвонилъ самъ о себѣ трижды» (см. Симеоновскую летопись и др.); под 6885 (1377) г. — о погребении князя Ивана Дмитриевича «въ церкви каменной святаго Спаса въ притворѣ на правой сторонѣ, за недѣлю по Оспожинѣ дни [въ той же день, мѣсяца] августа въ 23» (см. Троицкую по выпискам Н. М. Карамзина и Симеоновскую); под 6886 г. — о том, что (в день Бориса) татары «у святаго Спаса иконы пожгоша и двери

выжгоша, иже чюдно бѣша устроены дивно мѣдью золоченою» (из Троицкой по выпискам Н. М. Карамзина); под 6889 г. — о том, что Дионисий прислал из Царьграда две иконы, из которых одна была поставлена «въ святомъ Спасѣ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ», а другая — в Суздале; под 6891 г. — о смерти Дмитрия Константиновича 5 июля, в воскресенье, «въ 6 часѣ дни», названного в монашестве Федором (а «в крещении» — Фомой), и «положенъ [бысть въ своей отчинѣ] въ Новѣгородѣ [въ] Нижнемъ въ церкви каменной въ святомъ Спасѣ, на правой сторонѣ подлѣ отца своего [князя Костянтина Васильевича и] подлѣ брата [своего] князя Андрѣя [бывъ на великомъ княжении два лѣта, а въ своей отчинѣ такоже на великомъ княжении 19 лѣтъ], а живъ отъ рождества своего всѣхъ лѣтъ 61» (см. Троицкую по выпискам Н. М. Карамзина, Симеоновскую и Рогожский летописец).

Таким образом, в самом материале обнаруживается место, где делались записи.

Но может быть, и в других местах в Нижнем Новгороде, кроме собора св. Спаса, были центры письменности и велись летописные записи? Ниже мы увидим, что есть данные для предположения, что таким другим центром был Печерский Нижегородский монастырь. Менее всего есть оснований думать, что средоточием суздальско-нижегородского областного летописания к тому времени, когда совершал свой труд «списатель» Лаврентий, был Благовещенский монастырь. Нитей известий этого времени со следами записи в Благовещенском монастыре мы не находим в дошедших до нас летописных сводах XV—XVI вв., отразивших местное областное летописание. О самом монастыре в известиях изучаемой эпохи встречаем только одно упоминание — он упомянут в качестве топографического ориентира: «оуползе многъ снѣгъ и оупаде з горы высокы и великы, еже надъ Волгою за святымъ Благовѣщеніемъ, и засыпа и покры дворы и съ людьми» (Рогожский летописец под 6878 г.). Сведения о том, что митрополит Алексей построил в Нижнем церковь Благовещения, установил общее «житие», даровал монастырю «села», «воды» и «мѣста», находим не в отдельном известии, а в «Повести о митрополите Алексее», помещенной в Никоновской летописи, где сообщается также, что Алексей крестил сына

у Бориса Константиновича в «Нижнемъ Новѣгородѣ»⁶. Если сравним это место повести в Никоновской летописи с текстом жития Алексея (написанного Пахомием) в синодальных рукописях (ГИМ, Синод., № 556, л. 148 и ГИМ, Синод., № 948, лл. 124 об.—125), то убедимся, что сведения повести были почерпнуты из жития редакции Пахомия, который допустил большую неточность, как заметил еще В. О. Ключевский, так как Благовещенский монастырь существовал задолго до Алексея, и последний мог только восстановить или поддержать его⁷. Оба сообщения Никоновской летописи перешли и в Нижегородский летописец, составитель которого пользовался Никоновской летописью или источником, близким к ней, причем составитель Нижегородского летописца поместил эти данные под 6878 г.⁸ Чем он руководствовался, делая так? Думаю, тем, что под 6878 г. в летописных сводах XV—XVI вв. отмечалось, что митрополит Алексей был тогда в Нижнем Новгороде, но о Благовещенском монастыре в них не сообщалось ничего. Сам факт построения митрополитом церкви в Благовещенском монастыре вполне вероятен, но показаний в пользу мнения, что там после этого «завелось летописание», нам найти не удалось.

Длительное подчинение страны татарам, проводившим определенную политику в завоеванной стране, и разорение целых областей не прошли даром. Само образование Нижегородско-Суздальского княжества совершилось не без участия Орды. События середины XIV в. обнаружили слабость и чрезвычайную неустойчивость политических и национальных связей в Северо-Восточной Руси, но показали вместе с тем и жизнеспособность народа. Пользуясь обстоятельствами, на русские земли наступала Литва. Начиная с 50-х годов XIV в. Литва захватила Брянск, Черниговщину, заняла Ржеву на верхней Волге, Торопец, наконец, подчинила себе Смоленское княжество. Одновременно она распространила свое влияние на Тверь и начала втягивать в сферу своей власти Нижний Новгород.

⁶ Никоновская лет. под 6886 г.

⁷ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 139, прим. 1.

⁸ БАН, Строган. собр., № 38 ; «Нижегородский летописец», изд. А. С. Гациского, Нижний Новгород, 1886, стр. 13.

Нижегородский князь Борис Константинович, зять Ольгерда, находился под его покровительством. В одной из грамот, сохранившихся в греческом подлиннике, Ольгерд жалуется патриарху Филофею на митрополита Алексея и просит дать им «другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород»⁹. Он жалуется, что москвичи «шурина его» Михаила Тверского «клятвенно зазвали к себе... схватили» и «зятя» его «нижегородского князя Бориса схватили и княжество у него отняли».

События, о которых он пишет и достоверность которых подтверждается русскими источниками, как раз сопутствовали повороту в Северо-Восточной Руси к политическому и национальному объединению.

Москва набирала силы и начала приводить «в свою волю» князей. Примерно с середины 60-х годов XIV в. началось движение в сторону консолидации политических и национальных сил.

Первой мерой московского правительства, направленной против Бориса Константиновича Нижегородского, было изъятие территории Нижнего Новгорода и Городца из пределов суздальской епархии (и подчинение непосредственно митрополиту). А затем Дмитрий Константинович Суздальский, отказавшись от претензий на великокняжеский владимирский стол, получил поддержку Москвы против Бориса Константиновича, и этот последний принужден был удалиться в Городец, предоставив нижегородский стол Дмитрию Константиновичу. Это означало, что Нижний Новгород отказывался от литовской ориентации и во внешней политике следовал Москве. Во второй половине 70-х годов (1375—1377 гг.) Нижний Новгород, что весьма важно, включился в общую с Москвой борьбу с Мамаем, о чем нам приходилось писать в своем месте¹⁰. Известно и о подготовительных мероприятиях. Так, в 1372 г. Дмитрий Константинович обносил город каменными укреплениями, следуя примеру Москвы. А в 1374 г. была восстановлена нижегородско-городецко-суздальская епископия.

⁹ «Памятники древнерусского канонического права», ч. I (далее — «Памятники канонического права»). — РИБ, т. VI. СПб., 1880, прилож., табл. 140.

¹⁰ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 125—126.

Новая волна смут в Орде (в 1373—1375 гг.) благоприятствовала первым шагам сопротивления татарам.

То были первые шаги открытой национально-освободительной борьбы, открытого сопротивления Мамаю, когда Нижний Новгород выступал совместно с Москвой. Оживилась надежда на освобождение и усилился интерес к прошлому. В руководящей среде Нижегородско-Суздальского княжества в этих условиях легко могло возникнуть желание иметь не только местные записи о событиях, но и великокняжеский нижегородско-суздальский летописный свод или местную летопись с общерусской летописной традицией в основе.

На восстановленную нижегородско-городецко-суздальскую кафедру поставили Дионисия, архимандрита нижегородского Печерского монастыря; монастырь этот был его детищем. Дионисий сразу же стал предметом внимания летописных записей. Запись о поставлении «архимандрита Печерскаго манастиря именемъ Дионисья» местного происхождения. Помещенная в Троицкой летописи перед записью о том, что нижегородцы побили мамаевых послов, она содержала пространное перечисление добродетелей Дионисия, которое начиналось так: «мужа [тиха], кротка, смѣрена, хитра, [премудра] и разумна, промышлена же и разсудна, изящена въ [божественныхъ] писанияхъ и учительна [и книгамъ сказателя, монастыремъ състроителя и мнишьскому житию наставника]...» и т. д.¹¹ Запись эта была сделана или в соборе Спаса, или, вернее, в Печерском монастыре. В ней Дионисий выставлен как ученый — толкователь («сказатель») рукописных «книг», и подчеркнута его роль как руководителя монастырской жизни; в этой сфере, судя по сохранившейся грамоте его Снеготорскому монастырю, он отстаивал принцип, согласно которому «мнихомъ ничто же подобаетъ своего имѣти, но все свое предати монастырю въ власть»¹².

А под 6883 г. отмечено, что «на владычном дворе» в Нижнем Новгороде в Дионисия была пущена татаринцом Сарайком стрела, но она «коснуся перьемъ епископа токмо вскраи подола криль манатьи его». Дионисий упомянут и под 6886 г., где перед известием о приходе на Нижний

¹¹ Симеоновская летопись и реконструкция Троицкой летописи под 6882 г.

¹² «Памятники канонического права», стлб. 206—207.

татар вставлено в той же Троицкой летописи целое литературное произведение, посвященное памяти умершей вдовы князя Андрея Константиновича — Василисе, которое начинается так: «Не зазрите же ми грубости, еже мало нѣчто изорку, въспоминая сию княгиню Василису...» и т. д. Приводится ее биография, говорится, что она была «отъ града Тѣфѣри», что родилась в 6839 г., что еще «отроковицей» «изучена бысть грамоте» и т. д. Через 4 года после смерти мужа она «пострижена бысть отъ Дионисья, архимандрита печерскаго...» Жизнеописание свидетельствует, что в Нижнем Новгороде были люди, обладавшие известным литературным навыком. Наконец, под 6890 г., перед известием о приезде из Царьграда Дионисия (6 января 1383 г.), который «исправиль себѣ архиепископью» (т. е. повышение в ранге нижегородско-городецко-суздальской кафедры), мы читаем следующую запись, по происхождению своему явно печерскую: «Тое же зимы мѣсяца генваря въ 1 день, на память святого отца нашего Василиа, представися рабъ божии Павелъ Высокий, чернецъ печерскыи, книжныи, грамотныи и чудныи старецъ, поживъ добрымъ житиемъ чистымъ, святымъ, и положенъ бысть въ Печерскомъ монастыри честно, и вся братиа о немъ плакашася, яко и самому Дионисию прослезити по немъ»¹³.

Как правильно полагают, труд Лаврентия был вызван желанием местного правительства получить материал для составления большого летописного свода¹⁴. Надо было получить тот великокняжеский летописный материал, который, положенный в основание нового свода, позволил бы продолжить в Нижнем Новгороде великокняжескую летописную традицию. Иными словами, надо было «для великого князя Дмитрия Константиновича» снять копию с хранившегося во Владимире древнего великокняжеского свода. Для этого Дионисий должен был кого-то из монахов «благословить» на это дело.

Естественно думать, что выбор Дионисия остановился на одном из монахов своего монастыря — нижегородского

¹³ Симеоновская летопись и реконструкция Троицкой летописи под 6890 г.

¹⁴ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий (далее — М. Д. Приселков. История рукописи). — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. Герцена», т. XIX. Л., 1939.

Печерского — и что «книжный списатель» Лаврентий «мнихъ», начавший «по благословению» епископа Дионисия «писати» свою рукопись, был из монахов монастыря Дионисия. Его учителем мог быть тот Павел Высокий, «чюдный старецъ», о «книжности» которого говорит печерская запись.

Если полагать, что Лаврентий в своей записи придерживался не сентябрьского, а мартовского стиля, что более чем вероятно, то тогда его труд был окончен 20 марта 1377 г.

Вскоре произошли непредвиденные события: 2 августа того же года соединенная московская и суздальско-нижегородская рать за р. Пьяной подверглась позорному разгрому от мамаявых татар. Татары затем ринулись к Нижнему Новгороду. Часть нижегородцев-«горожан» бросилась искать спасения в «судах», чтобы уплыть вверх по Волге. Нижний Новгород подвергся страшному разорению. Оставшееся население города было перебито. Весь город был сожжен; сожжены были также и церкви (всего «изгорѣло» 32 церкви «въ градѣ») и монастыри. Уходя, татары опустошили и нижегородские «волости», сжигая «села», убивая людей и захватывая «полон».

Само собой разумеется, что все это могло приостановить начатую работу по составлению нижегородского или нижегородско-суздальского летописного свода.

К тому же со смертью митрополита Алексея (12 февраля 1378 г.) началась борьба за митрополичью кафедру — то «мятежное время», о котором впоследствии вспоминал Киприан. Обстановка осложнилась с 1376 г., когда Киприан еще при жизни Алексея был поставлен в Царьграде «митрополитом». Уже в 1377 г. или в начале 1378 г. московский князь Дмитрий Иванович стал выдвигать кандидатуру Митяя в качестве преемника Алексея. Алексей же хотел, чтобы после него поставили Сергия Радонежского, но последний не соглашался. Дионисий выступил как решительный противник Митяя и был единственным из епископов, который не побоялся не подчиниться Митяю. Он пытался воздействовать на московского князя, но был арестован; затем, освободившись из-под ареста, уехал в Нижний Новгород, а оттуда на Сарай — в Царьград. Это было в 1379 г. Есть сведения, что он писал в Царьград и был туда вызван патриархом. Только в на-

чале 1383 г. он вернулся¹⁵, но вскоре опять уехал в Царьград и более не возвращался. Все эти события должны были отвлекать Дионисия от начатого дела по составлению летописного свода, если, действительно, такая задача стояла. Так или иначе, но копия, снятая Лаврентием, оставалась во Владимире.

На лицевой стороне первого листа этой рукописи, «покрытой какою-то черной массой с зеленоватыми пятнами», сохранилась следующая надпись XVI или начала XVII в.: «Книга Рождественсково монастыря Володимерьскаго». Когда А. Ф. Бычков, определявший время «надписи», описывал рукопись в 40-х годах прошлого века, «надпись» должна была быть несколько лучше видна, чем теперь¹⁶. Показание о принадлежности рукописи владимирскому Рождественскому монастырю и само содержание летописного свода склоняют к мнению, что Лаврентий писал во Владимире; с этим согласуются сведения о Рождественском монастыре XIII—XIV вв., о чем будем говорить ниже.

Основная часть рукописи была написана самим Лаврентием: она писана полууставом той же рукою, как и его запись в конце рукописи; его почерк начинается на обороте 40-го листа¹⁷. Значительные пропуски текста в трех местах (после лл. 9, 169 и 170) объясняются утерей листов из рукописи Лаврентия. Существует мнение, что последний пропуск был уже в «ветшаном» оригинале Лаврентия¹⁸. Однако с таким мнением не согласуются как будто следующие показания. Во-первых, на л. 171 текст после пропуска начинается, как и в двух других аналогичных случаях, с начала страницы и даже с полуслова. Во-вторых, — и это

¹⁵ К этому времени относится его грамота псковскому Снетогорскому монастырю о правилах общежития — «Памятники канонического права», № 24.

¹⁶ Рукописный «Каталог церковно-славянских и русских рукописей», отд. IV, в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; ср. рукопись и «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку» (фототипич. издание 1872 г.).

¹⁷ Начало же рукописи написано другими чернилами и другим, более крупным, уставным почерком и, по-видимому, другою рукою, но, возможно, писцом той же школы. Кроме того, небольшую помощь оказал Лаврентию второй помощник, писавший тоже уставом на лл. 157, 161 об. и 167, с пробелами в конце страниц.

¹⁸ М. Д. Приселков. История рукописи, стр. 194.

главное — лл. 170 и 171 нарушают закономерное чередование вдавленных и выпуклых линий разлиновки¹⁹.

Какова же была роль самого Лаврентия и его помощников при работе над дошедшей до нас рукописью со сводом 1305 г.? Были ли они только копиистами, бережно относившимся к тексту своего оригинала, или же взяли на себя роль редакторов? А. А. Шахматов оставлял вопрос нерешенным. «Эта летопись, — писал он о Лаврентьевской летописи, — составлена или только переписана с готового оригинала»²⁰. «Лаврентьевская летопись, составленная в 1377 г., — читаем в статье «Летописи» Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, — ... положила в свое основание ростовскую княжескую летопись XIII в. ... в части же от 1240 г. до конца (до 1305 г.) она представляет извлечение из общерусского свода». Наконец, в одном из своих последних больших трудов по летописанию — «Повести временных лет» — он опять пишет, что летопись «названа так по имени монаха Лаврентия, переписавшего или составившего ее»²¹. Значительный шаг вперед в разъяснении вопроса сделал М. Д. Приселков. Он показал, что общерусского не княжеского свода начала XIV в. не существовало, объяснил состав заключительной части Лаврентьевской летописи как великокняжеского владимирского свода и полагал, что Лаврентий снимал только копию со своего оригинала²². Свое мнение М. Д. Приселков подтвердил рядом показаний, в частности многочисленными недописками, т. е. оставленными в рукописном тексте пустыми местами там, где в оригинале нельзя было

¹⁹ Начиная с л. 41—41 об., где писано в два столбца и видна разлиновка, наблюдаем определенное чередование вдавленных и выпуклых линий разлиновки в следующем порядке: — — + + — — + + и т. д. Этот порядок показывает, что Лаврентий после разлиновки разрезывал лист пополам, складывал обе половины и вкладывал одну в другую. Листы 171 и 170, следующие за пропусками текста, нарушают это чередование. Чередование нарушается также на лл. 158 и 162, где вторгается другой почерк (А. Ф. Бычков предполагал, что эти листы вклеены). Кроме этого чередование нарушается только на лл. 61—62; причина последнего мне неясна.

²⁰ А. А. Шахматов. Обзор русских летописных сводов XIV—XVI вв. (далее — А. А. Шахматов. Обзор). М.—Л., 1938, стр. 9.

²¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания — ЛЗАК, Вып. XXIX. Пг., 1916, стр. LI.

²² М. Д. Приселков. «Летописец» 1305 г. — «Века». Исторический сборник, вып. 1. Пг., 1924.

прочесть из-за его ветхости: «занеже книги ветшаны», как свидетельствовал сам Лаврентий²³.

В настоящее время благодаря научно-популярным изданиям получило широкое распространение мнение В. Л. Комаровича о том, как работал Лаврентий. В. Л. Комарович полагал, что Лаврентий писал рукопись для обоснования претензий учредить вместо епископии архиепископию, как документ, необходимый Дионисию для переговоров с патриархом в Царьграде. Лаврентий, по мнению В. Л. Комаровича, отнюдь не был только копиистом. «Авторский вклад» Лаврентия, по выражению В. Л. Комаровича, заключался, во-первых, в том, что Лаврентий будто бы изменил текст рассказа о Батыевом нашествии: выбросил подробный рассказ о рязанских событиях, а также эпизод с Дорожем и внес некоторые более мелкие изменения; в его оригинале эти подробности и эпизоды были. Этот последний вывод В. Л. Комаровича основывается на том, что будто бы в Троицкой летописи они имелись и из дошедших до нас летописей имеются в Воскресенской летописи. Во-вторых, Лаврентий сам написал некролог с характеристикой Юрия Всеволодовича, убитого при р. Сити, поместив его под 1239 г. «Похвалы» Юрию в оригинале, согласно утверждению В. Л. Комаровича, не было, не было ее, как он думает, и в Троицкой летописи, которая передавала оригинал Лаврентия, т. е. текст в том виде, как он читался до Лаврентия. Кроме того, В. Л. Комарович подтверждает свое мнение соображениями, основанными на убеждении, что Лаврентий происходил из монахов Благовещенского монастыря²⁴.

В. Л. Комарович был прав только в том смысле, что Троицкая летопись действительно отражала в значительной мере оригинал Лаврентия, т. е. свод 1305 г.; ее текст помог бы судить о том, что читалось в оригинале Лаврентия, и следует ли считать сокращения и добавления, которые находим в Лаврентьевской по сравнению с Воскресенской летописью, авторским вкладом самого Лаврентия. Но рассказ 1237—1239 гг. в Троицкой совпадал не с Воскресенской, а с Лаврентьевской. Доказано, что текст

²³ М. Д. Приселков. История рукописи, стр. 186—187.

²⁴ «История русской литературы», т. II, ч. I. М.—Л., 1946, стр. 88—96.

Троицкой в общем близок к Симеоновской в данной части до 1390 г., за исключением мест (в Симеоновской), взятых из Московского свода 1479 г. Если извлечь из Симеоновской добавления, взятые из Московского свода 1479 г., то получим текст, совпадающий с Троицкой и с Лаврентьевской. Подтверждается это и выписками Н. М. Карамзина. Читалась в Троицкой и похвала Юрию под 1239 г. Совпадение Троицкой с Лаврентьевской видно из реконструкции М. Д. Приселкова. Тем самым решается вопрос и о мнимом «авторском вкладе» Лаврентия, во всяком случае, в смысле авторских добавлений под 1239 г.

Однако на нас ложится обязанность объяснить, откуда же попали в Воскресенскую летопись те конкретные данные о событиях 1237—1238 гг., которых нет в Лаврентьевской и, по-видимому, не было в своде 1305 г. — оригинале Лаврентия?

Текст рассказа о Батыевом нашествии, дошедший до нас в Воскресенской летописи, с начала (т. е. от слов «Тоя же зимы приидоша отъ восточныя страны на Рязаньскую землю лѣсом безбожнии Татарове со царем [ихъ] Батыем...») до конца (т. е. до слов «Батыи же взем Козелескъ и поиде в землю Половецкую») почти слово в слово совпадает с соответствующим текстом Эрмитажного списка № 416 б и Уваровской летописи № 1366, иными словами — Московского свода 1479 г. При этом обнаруживается особенная близость рассказа Воскресенской летописи именно к Эрмитажному списку: ряд мест, отсутствующих в Уваровской и сохранившихся в Эрмитажном списке, находим также в Воскресенской летописи. Так, в Эрмитажном и в Воскресенской читаем: «А Жирославу Михайловичу приказа» (Эрм., стр. 374); а в Уваровской нет «Михайловичу». В Эрмитажном и Воскресенской: «...Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотых (Златых) воротех» (Эрм., стр. 375); а в Уваровской нет слов «на Златых». В Эрмитажном и Воскресенской: «к[о] Ориным воротам и к Медянымъ, а отсюда от Клязмы к[о] Во[л]жским воротам» (Эрм., стр. 376); фраза от слов «а отсюда» в Уваровской отсутствует. В Эрмитажном и Воскресенской: «и княгини Юрья (Юрьева. — А. Н.) с[о] дщерью и со снохами и с внучаты, прочи[и] княгини и множ[е]ство бояръ и людей» (Эрм., стр. 376); фразы начиная от слов «с внучаты» в Уваровской нет. Ниже

в Эрмитажном и Воскресенской: «с Васильком и [со] Всеволодом и с Володимером и с мужи своими» (Эрм., стр. 378); в Уваровской этой фразы нет. Далее, при перечислении убитых в Торжке в Уваровской опущены слова «Глѣбъ Борисовичъ», упомянутые в Воскресенской и в Эрмитажном (Эрм., стр. 381).

Итак, текст Воскресенской летописи восходит в данном случае к Московскому своду 1479 г.

Откуда же заимствован рассказ Московского свода 1479 г. о нашествии Батыя? Нетрудно убедиться, что он взят из Софийской I летописи, извлечения из которой в значительном количестве заполняют текст Московского свода.

Весь сложный составной текст Московского свода, содержащий рассказ о Батыевом нашествии, восходит целиком к Софийской I летописи. При сравнении с Софийской I Московского свода находим в последнем только ряд пропусков, сокращений. Так, опущены слова «отъ Нухлѣ»; ниже опущено от слов «яко же речено бысть...» до слов «...на ня прежде васъ». Далее от слов «И хто, братие, о семъ не плачется...» до слов «о ненависти братии». Ниже — от слов «Се створися зло...» до слов «...на преднее възвратимся»; затем слова «не жали себя и жены и дѣтей»; от слов «Сего бо блаженаго Василька...» до слов «...совокупилъ богъ телеса ихъ», затем слова «на ловѣхъ вазнивъ». Далее опущено от слов «Бе бо всему хитръ...» до слов «...и дѣднѣ» и от слов «но не предаи...» до слов «...от насъ»; и ниже от слов «И святѣи Софея...» до слов «...и не плачется»; от слов «Увѣдавши же оканнии...» до слов «приятѣ града» и слова «И нападеши на полки ихъ».

Подобного рода сокращения использованных источников, как мы покажем ниже, можно наблюдать в тексте Московского свода 1479 г. на значительном протяжении.

Перейдем к еще более раннему этапу литературной истории рассказа о Батыевом нашествии. Оказывается, что в Софийской I летописи текст составлен из трех источников: первого, близкого к Лаврентьевской летописи; второго, близкого к Новгородской I, причем есть признаки, сближающие его с Комиссионным списком этой летописи; и третьего — южнорусского.

Первая фраза, от слов «Того же лѣта...» до слов «...безбожнии Татарове», — из источника, аналогичного

Лаврентьевской; далее составитель рассказа прибавил от себя слова «со царемъ Батыевымъ» — прибавление явно сравнительно позднее, так как Батый на Руси «царемъ» не именовался, и Лаврентьевская летопись его нигде так не называет²⁵. Затем, от слов «И пришедше, сташа первое станомъ...» до слов «...къ Юрию в Володимерь» заимствовано из Новгородской I летописи. Фразы от слов «десятое в бѣлыхъ...» до слов «...въ пѣгыхъ» нет полностью в Синодальном списке, но она имеется в Комиссионном списке Новгородской I летописи. Далее, от слов «И начаша...» до слов «...до Проньска» взято из источника, близкого к Лаврентьевской. Оттуда же взято от слов «Много же святыхъ церквей...» до слов «...на Коломну».

Таким образом, комбинируя оба источника, составитель пытался дать наиболее полный, связный и исчерпывающий рассказ, что явствует и из анализа дальнейшего изложения.

От слов «И хто, братие, о семь не плачется...» до слов «...о ненависти братии» почерпнуто из Новгородской I; далее, от слов «Тое же зимы поиде...» до слов «...противу татаромъ» взято из источника, близкого к Лаврентьевской. Затем, от слов «Князь же Юрьи...» до слова «Еремѣя» — из Новгородской I; а от слов «А Всеволодъ въ малѣ дружинѣ...» до слов «...Жирославу Михайловичю» — из Лаврентьевской. Затем фраза «тогда приидоша множество кровопроливцевъ христьянскихъ» — из Новгородской I, а начиная от слов «къ Володимерю, мѣсяца февраля...» составитель следует Лаврентьевской летописи. Фраза от слов «И бысть на утрия...» до слов «...владыки Митрофана» — опять из Новгородской I, а от слов «в недѣлю мясопустную...» до конца года (до слов «азъ единъ») — из Лаврентьевской. Однако в текст вкраплены слова и фразы, почерпнутые из Новгородской летописи, а именно: слова «и наволочивше лѣса»; «и изѣтхошася» и фраза от слов «Юрьевъ, Дмитровъ...» до слов «...убиша».

Под 6746 г. с начала, от слов «князь же Юрьи посла Дорожа» и кончая словами «...на всей Руской земли, и не плачется», текст Софийской I летописи представляет собой также комбинацию извлечений из Новгородской I

²⁵ Подробнее об этом — А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 30.

и Лаврентьевской. Мы не будем утомлять читателя указаниями на происхождение отдельных составных частей этого текста под 6746 г., отметим только, что из Новгородской I летописи заимствован рассказ о взятии Торжка, и остановимся на вставках, которые сделаны самим составителем комбинированного текста. Эти вставки не несут на себе никаких следов конкретного материала и свидетельствуют о сделанных дополнениях в интересах риторики или с целью поучения. Таковы места от слов «И весь разливашеся слезами...» до слов «...твоему милосердию»; ниже — от слов «и видяще се, възлюбленнии, суету жития чловѣча...» до слов «...грѣху и покаемся»; и, наконец, от слов «И тако скончашася судомъ божиимъ...» до слов «...ради языка».

Рассказ о Батыевом нашествии под 6746 г. в Софийской I летописи завершается эпизодом взятия Козельска. Эта часть взята целиком из южнорусской летописи. От слов «И прииде къ городу Козельску...» до слов «...пойде в землю Половецьску» текст Софийской I совпадает с соответствующим текстом Ипатьевской летописи.

Итак, летописная традиция о Батыевом нашествии в сводах XV в. и в Воскресенской летописи восходит к трем первоначальным источникам: 1) владимирско-ростовскому, сохранившемуся в Лаврентьевской летописи, 2) новгородскому, сохранившемуся в Новгородской I летописи младшего и (не полностью) старшего изводов, и 3) южнорусскому, сохранившемуся в Ипатьевской летописи. Таковы три первоначальные летописные традиции в изображении этих событий: северо-восточная, южная и северная.

Теперь уместно поставить вопрос, насколько самостоятельны традиции северо-восточная и северная, содержащие интересующий нас материал, отсутствующий в Лаврентьевской летописи, как-то: подробности рязанские, сведения о Дороже и т. п. Что дает внутренний сравнительный анализ этих двух традиций?

Начальная часть рассказа Новгородской I летописи, касающаяся событий в Рязани и взятия Коломны, носит следы рязанского происхождения. То, что изложение начинается с этих событий, конечно, не является указанием на рязанский источник. Путь Батыя по Руси начинался с Рязанской земли; и рассказ, например, Рашид-ад-дина о походе Батыя на русский Северо-Восток тоже начинается со взятия Рязани и Коломны. Но в Новгородской I ле-

тописи имеем ряд указаний на рязанский источник: таковы географические данные («сташа о Нузлѣ и взяша ю и сташа станомъ ту»; «пустиша о Нухлѣ татары въ Воронажи»), подробности о татарском посольстве в Рязань («жену чародѣицу и два мужа с нею, къ княземъ рязанскимъ»), сведения о требовании десятины («... просяче у нихъ десятины во всемъ: и в людехъ, и въ князехъ...» и т. д.), перечисление рязанских князей, сообщение об участии рязанского князя Романа в битве под Коломной. Всего этого в Лаврентьевской летописи нет. О составителе рассказа Новгородской I летописи допустимо предполагать, что он пользовался письменным рязанским источником. В. А. Комарович, предполагая рязанский летописный источник, обратил внимание на определение Георгия по Ингвару: «Ингворовъ братъ» и сопоставил эти слова с фразой под 6726 г.: «Ингворъ же не приспѣ приехати к нимъ: не бе бо приспело врѣмя его». Оговоримся, что все приведенные В. А. Комаровичем данные позволяют предполагать только существование местных рязанских летописных записей и повестей, но еще не доказывают существования рязанских летописных сводов, т. е. больших, сложных летописных памятников, соединявших известия разного происхождения²⁶.

Исследуемая часть Новгородской I летописи не могла быть в составе ростово-суздальского (точнее — владимирско-ростовского) летописного памятника: в ней не найдем ничего о взятии Москвы при изложении завоевательного продвижения татар (только значительно ниже Москва упомянута лишь при перечислении захваченных городов), но зато с насмешкой сказано о позорном поведении москвичей: «москвичи же [побѣгоша] ничего же не видѣвше»²⁷, а в поведении Юрия подчеркнута отрицательная черта: «ни послуша князии рязаньскихъ молбы, но самъ хотѣ особъ брань створити».

Вместе с тем соответствующая часть рассказа Лаврентьевской летописи не содержит никаких следов, которые бы говорили, что текст этот явился в результате сокращения рассказа Новгородской I летописи. Те сравнительно немногие конкретные черты, которые содержит эта

²⁶ Вопрос о существовании рязанских сводов остается открытым; возможно, они и были.

²⁷ Новг. I лет. под 6746 г.

часть рассказа Лаврентьевской летописи, отсутствуют в Новгородской I летописи: о том, что татары шли «лѣсом», о том, что была взята территория «до Проньска»; о том, что пленных «овы растинахуть, другыя же стрѣлами растрѣяху в ня, а ини опаки руцѣ связывахуть»²⁸; об участии Всеволода в битве под Коломной. А в Лаврентьевской нет о том, что отступали «к надолобомъ», точных дат и т. п. Не встречаем и бесспорно общих обоим летописям мест.

Далее, в Новгородской I летописи после слов «Но на подлежащая вѣзвратимся» уже не видно следов источников рязанского происхождения. Об осаде Владимира здесь рассказано коротко, причем сообщено о фактах, которые известны и из Лаврентьевской, но рассказ иной, с другими деталями²⁹.

А в Лаврентьевской читаем подробнейший рассказ, составленный владимирским патриотом, об осаде и взятии г. Владимира и о последующих событиях, где владимирский материал сочетается с ростовским. Составитель рассказа Новгородской I летописи пользовался в сообщениях о последующих событиях, происходивших в северной части Ростово-Суздальской земли, тоже каким-то своим источником, может быть устным (что устными источниками он пользовался, явствует из его же слов, относящихся к обстоятельствам смерти Юрия: «богъ же вѣсть како скончася: много бо глаголють о немъ инии»). Так, еще в предыдущей части рассказа, по Лаврентьевской, Юрий (до осады Владимира) из Владимира «ѣха на Волгу... и ста на Сити станом», а по Новгородской I летописи, до осады Владимира он «бѣжа на Ярославль». По Новгородской I летописи «инии же» татары (по смыслу рассказа во время осады) погнались за Юрием «на Ярославль». В Лаврентьевской этого нет, но среди городов, по направлению к которым рассыпались татары, упоминается и Ярославль. По Новгородской I Юрий послал Дорожа на разведку с 3000 воинов (по смыслу рассказа, из Ярославля или из тех мест), и Дорож прибежал и до-

²⁸ Эта фраза могла быть литературного происхождения (ср. Лавр. лет. под 6449 г.).

²⁹ Так, в Лаврентьевской нет о том, что постригались в Успенском соборе «добрии мужи и жены»; о том, что прятались «в полатѣ», т. е. церковной ризнице, или на хорах, что татары поджигали «наволочивше лѣса»; заметно расхождение в датировке.

ложил князю, что татары уже «обошли» их. Юрий стал «полкъ ставити около себе», но внезапно подошли татары, и князь, «не успѣвъ ничто же, побѣже»; погиб он на р. Сити, где его настигли татары. По Лаврентьевской летописи, татары, взяв Владимир, пошли «на великого князя Георгия» (по смыслу изложения — к р. Сити). Ниже сообщается, что Юрий узнает о катастрофе, происшедшей во Владимире, и приведены его слова и молитвы, и затем опять читаем: «И поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю». Таким образом, о пребывании его в Ярославле и о Дороже ничего не говорится. Но зато Лаврентьевская сообщает немало сведений, которых нет в Новгородской I.

Подробная характеристика-некролог Юрия, помещенная в Лаврентьевской под 1239 г., в Новгородской I, конечно, отсутствует. Она составлена в духе владимирской летописной традиции, если правильны наблюдения, что она перекликается с летописными статьями о Борисе и Глебе, о Владимире Мономахе и Андрее Боголюбском. Она могла быть написана в одном из владимирских монастырей, где имели основание особенно чтить память Юрия Всеволодовича, о чем будем говорить ниже. Во всяком случае, как показывает Симеоновская летопись, этот некролог был в Троицкой летописи и, следовательно, в оригинале Лаврентия — своде 1305 г.³⁰

Как мы показали выше, имеет под собою основание предположение, что работа Лаврентия имела в виду составление в дальнейшем местного нижегородско-суздальского свода или, может быть, даже местной летописи, но с общерусской летописной традицией в основе. Такое предположение подтверждается общими условиями, сложившимися к началу 1377 г. в Нижнем Новгороде, и тем, что к тому же источнику (к своду 1305 г.) обратились и в Твери, и в Москве. Менее вероятно, что труд Лаврентия преследовал только узкоцерковные интересы. Для доказательств прав на архиепископию потребовалась бы, вероятно, летопись, переходившая за 1305 г., так как в начале XIV в. еще не существовало ни Нижегородско-Суздальского княжества, ни нижегородско-суздальской епископии. К тому же не следует забывать, что в записи Лав-

³⁰ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV века. — ИОРЯС, т. V, кн. 2, СПб., 1900.

рения прямо сказано, что начал писать он рукописную книгу «князю великому Дмитрию Костянтиновичю».

Был ли составлен нижегородский или нижегородско-суздальский летописный свод, в основании которого лежал великокняжеский владимирский свод 1305 г.? Вопрос этот приходится оставить открытым, и нет уверенности в том, что замысел великого князя Дмитрия Константиновича и Дионисия получил осуществление. Без сомнения, местным нижегородским летописным материалом пользовались, привлекали его в других крупных центрах страны. Так, доказано, что нижегородские или нижегородско-суздальские записи (от 6849 или от 6851 г. до 6883 г.) использовал составитель тверского летописного свода около середины XV в.³¹ Еще ранее нижегородские записи были в распоряжении составителя Владимирского полихрона³². Еще ранее, в 1408—1409 гг., нижегородский или нижегородско-суздальский материал второй половины XIV в. получил в свое распоряжение составитель первого митрополичьего свода³³. Но, к сожалению, пока нет возможности выяснить, был ли в обороте какой-либо нижегородский летописный свод (подобный тверскому или митрополичьему), или же во Владимир или в Москву и в Тверь присылали только материал церковных и монастырских записей. Напомним к тому же, что уже в 1392 г. пришел конец нижегородской самостоятельности, и Нижний Новгород вошел в состав московского домена.

Не даст ли ответ на наш вопрос так называемый Нижегородский летописец?

Последнее издание его принадлежит А. С. Гацискому³⁴; ряд списков остался ему неизвестным. Сравнение печатного издания с неопубликованными списками показывает, что существовал общий протограф XVII в., в котором были соединены два комплекса известий (из двух источ-

³¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия АН СССР, отделение гуманитарных наук», 1930, № 9, стр. 734—735 и др.

³² Ср. Софийскую I и Новгородскую IV летописи. А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 11.

³³ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950; он же. История рукописи, стр. 191.

³⁴ «Нижегородский летописец», изд. А. С. Гациского. Нижний Новгород, 1886.

ников?): один — кончая 6930 г. с припиской о том, что оползла гора и засыпала в слободе 150 дворов, и о «старом городке», а другой — начиная с 7017 г., с известия о присылке Петра Фрязина. Не знаем, имеется ли в виду в приписке оползень 1369/70 г. или новый. Во всяком случае, гибель 150 дворов была памятна в Нижнем-Новгороде, судя по записи, сохранившейся в рукописи ГБЛ, ф. 98, № 1289, л. 129 об.

Для нашей темы необходимо остановиться на первом комплексе известий и выяснить, не заключает ли он признаки пользования нижегородским или нижегородско-суздальским летописным сводом XIV в.? На наш взгляд, есть основание думать, что вся компиляция или, вернее, первый комплекс был составлен не без участия клириков соборной церкви арх. Михаила. В первом же известии о построении города Нижнего Юрием Всеволодовичем в Нижегородском летописце, где вместо 6729 г. указан 6720 г., прибавлено, что Юрий поставил церковь «соборную архистратига Михаила деревянную» и с припиской, что владели «тою землею погании мордва». А под следующим, 6735 г., — Юрий будто бы заложил церковь «каменную» архистратига Михаила, а «поганскую мордву отгнал от града». Ниже даются сведения о Константине Васильевиче, который назван Константином Юрьевичем. О построении Юрием церкви Спаса не говорится ничего. А постройка (вернее — перестройка) этой церкви Константином Васильевичем в 6858 г. приписана Константину Юрьевичу и отнесена к 6760 г. с прибавлением, вероятно, местного предания, что в ту церковь был им из Суздаля перенесен «образ Спаса нерукотворенного».

Церковь арх. Михаила была построена, согласно данным Никоновской летописи, в 6867 (1359) г.; в XVII в., в 1630—1631 (или 1620) гг., собор перестраивался. Думаем, что начальная часть Нижегородского летописца представляет собою малоискусную позднейшую компиляцию, содержание которой подсказано отчасти желанием возвеличить собор Михаила и, вопреки сведениям существовавших летописей, приписать ему наибольшую по сравнению с другими нижегородскими церквями древность³⁵.

³⁵ В самом соборе видны были подписи близ входной двери, по содержанию близкие к приведенным известиям Нижегородского летописца, о построении собора Юрием и с аналогичными приписками о «поганой мордве». — «Нижегородский летописец», стр. 131, прим.

Ниже, под 6867 г., в том же Нижегородском летописце имеется известие о построении Андреем Константиновичем церкви каменной арх. Михаила, взятое из источника, близкого к Никоновской летописи, но с прибавлением слов «близ двора своего». А под 6918 г. от слов «В Нижнем Новѣградѣ в соборной церкви [архи]страти́га Михаила положены...» до слов «...великая княгиня Ирина» читаем список похороненных в соборе арх. Михаила князей.

После 6760 г. в Нижегородском летописце идет 6811 г. и следует ряд нижегородских известий до 6930 г., как мы говорили. Нетрудно заметить, что основным источником служила какая-то летопись, близкая к Никоновской. Так, текст под 6811 г. близок к Никоновской под 6886 г.; обширный текст под 6825 г. близок к Никоновской под 6885 г. (с прибавлением о Семене Дмитриевиче, тело которого положено «у полуденных дверей на правой странѣ»); известию 6862 г. соответствует известие 6863 г. Никоновской; известию 6867 г. — известие 6867 г.; известию 6876 г. — известие 6873 г. Но сообщение, что князь Борис Константинович велел ров копать, где «быть каменной городской стѣнѣ и башням», находим в Рогожском летописце — «заложи городъ сыпати» — среди группы нижегородских известий. А в рассказе об Арапше и князе Борисе Константиновиче, по-видимому, излагается событие 6875 г., но вместо Булат-Темиря назван Арапша. Далее, известие 6875 г. Нижегородского летописца находим в Никоновской летописи и других под 6895 г. А в рассказе под 6878 г. соединены сообщения Никоновской под 6886 г. (из «Повести о митрополите Алексее») с известиями 6878 г., имеющимися частью в Рогожском летописце, а частью в Софийской I летописи. Под 6879 г. текст близок к тексту Никоновской под 6873 г.; а рассказ о госте Тарасе Петрове, как я упоминал, обнаружен мной в библиотеке им. Ленина, в рукописном своде первой половины XVI в. Далее, известия под 6880 г. соответствуют Никоновской под 6880 г.; под 6882 г. — известию под 6880 г.³⁶ и 6882 г.; а текст 6883 г. — тексту Никоновской под 6886 г., хотя там говорится, что Василиса была положена не в соборе Спаса, а в монастыре Зачатия. В Никоновской же летописи находим и пространный не-

³⁶ За исключением слов «и зачаты делать Дмитровские ворота».

кролог княгини Василисы (Феодоры). Рассказ Нижегородского летописца под 6904 г. о буре в Нижнем Новгороде находим в Никоновской летописи и в неопубликованном Забелинском списке Тверского сборника под 6914 г. Под 6907 г. рассказ ближе к Троицкой летописи и Воскресенской под тем же годом, чем к Никоновской (под 6904 г.), а рассказ Нижегородского летописца под 6918 г. более подробно изложен в Никоновской и Симоновской под 6919 и 6918 гг., но он содержит еще список князей и княгинь, похороненных в соборах Спаса и арх. Михаила, как упомянуто выше. Наконец, под 6930 г. читаем описание голода в городах, и в том числе в Нижнем Новгороде, которое в несколько более подробной редакции находится в Симоновской и Никоновской летописях под тем же годом.

Из сказанного можно заключить, что рассмотренная компиляция содержит, начиная с 6811 г., выборки о нижегородских событиях из разных летописей, преимущественно из летописи, близкой к Никоновской, или из общего их протографа. Так или иначе, но данных для утверждения существования нижегородского летописного свода XIV в. в Нижегородском летописце мы не находим.

Рассмотрение неопубликованных списков Нижегородского летописца не меняет вывода. Некоторые из них передают текст местами с сокращениями, а некоторые дают кое-какой лишний материал. Так, список БАН № 16. 17. 23 и Строгановский список № 38 XVII в. той же библиотеки сообщают под 6880 г. о том, что «[великий] князь Борис Константинович» поставил «себѣ город» на р. Суре и назвал его Курмыш. В Строгановском списке под 6907 г. к словам «Володимер Даниловичъ» прибавлено «Ушаков», а под 6918 г. — что татары были «касимовские»³⁷.

Вопрос о том, что представлял собой оригинал Лаврентия, или свод 1305 г., правильно, в общем виде, разрешен М. Д. Приселковым. Путем тщательного анализа послед-

³⁷ В списке БАН № 16.14.24, XVII в. под 7192 г. сообщается: «межь Самары и Саратова поставленъ нов город Сызраньть на реке Сызранте и на реке на Крынзе».

ней части Лаврентьевской летописи и сопоставления этих данных с данными по истории великого княжества Владимирского Приселков, как мы говорили, убедительно показал, что свод 1305 г. представлял собою великокняжеский владимирский свод, составленный, когда великим князем владимирским был тверской князь Михаил Ярославич, чем и объясняется наличие тверских известий в последней части летописи. Михаил Ярославич продолжал великокняжескую летописную традицию своих предшественников.

Основной нашей задачей в предлагаемой главе является восстановление владимирского летописания первых десятилетий XIII в., погребенного в значительной мере под пластом более позднего слоя ростовского. Нам, таким образом, надлежит прежде всего выяснить: когда, где и почему владимирское летописание было соединено с ростовским?

Приселков полагал, что это соединение произошло в 1239 г. Когда великому князю владимирскому Ярославу Всеволодовичу потребовался «летописный рассказ, доводящий изложение до вступления Ярослава на владимирский стол», то Ярослав обратился в Ростов, где могли выполнить его поручение. «К сожалению, — пишет М. Д. Приселков, — уяснить себе причину, побудившую Ярослава предпринять составление свода, излагавшего на ростовском и владимирском материале историю всего Ростово-Суздальского края, мы не имеем данных»³⁸.

Неверно считать, что в основу «великокняжеского свода Ярослава» в 1239 г., как думал М. Д. Приселков, «положенным оказался ростовский летописец Константина и его сыновей». Ярослав был яростным врагом Константина. Длительная борьба Ярослава и Юрия против Константина завершилась разгромом братьев и победой Константина и новгородцев в 1216 г. По владимирскому источнику, Юрий винил во всем брата Ярослава как инициатора вражды: «суди богъ брату моему Ярославу, о же м я с е г о д о в е л». Уже после того как Юрий присягнул Константину, Ярослав «еще пребывая въ злобѣ и дыша гнѣвом не покоряшеся, затворися в Переяславли...»³⁹. Зачем же Ярослав стал бы обелять Константина? Не в пользу 1239 г. как рубежа и года, когда произошло соединение,

³⁸ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 94.

³⁹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 114.

говорят и формальные признаки: и до 1239 г., и после видим в Лаврентьевской летописи сильную ростовскую окраску; и до 1239 г., и после прослеживается рука почитателя епископа Кирилла; и до 1239 г., и после видим нить известий, связанных с великокняжеской деятельностью Ярослава. Есть еще одно соображение, которое препятствует отнесению переработки владимирского великокняжеского текста первых десятилетий XIII в. на ростовском материале к 1239 г. В результате переработки крупные события 1212—1216 гг. изображены в Лаврентьевской летописи не такими, какими они были на самом деле. Вражда князей под рукой летописца в значительной мере преобразована в миролюбие и согласие, а это едва ли мог бы сделать летописец в 1239 г., когда память о событиях была еще свежа.

Когда была произведена переработка на ростовском материале? Тверская нить известий начинается в Лаврентьевской с 1282 или с 1285 г. Пространный рассказ о баскаке Ахмате в Курском княжении, помещенный под 6792 г. и под предыдущим (где не сохранилось начало за утратой листов), т. е. под 1283—1284 гг., повествует о событиях 1287/88—1293 гг., как можно установить на основании персидских и арабских источников; таким образом, он был вставлен при составлении свода 1305 г. Судя по Симеоновской летописи, статья 6790 г. и начало статьи 6791 г. (1282—1283 гг.) не содержали ростовского материала. Таким образом, ростовский материал, который идет сплошной нитью за ряд десятилетий, кончается на 1281 г., и встает вопрос: не был ли присоединен ростовский материал к владимирскому (в тексте великокняжеского свода первых десятилетий XIII в.) именно в это время? Рассказ об Ахмате показывает, что вставки задним числом нового материала в текст великокняжеских сводов бывали, и интересующая нас переработка могла быть сделана около 1281 г. К тому же год этот считается вехой в истории летописания.

Переработка делалась с целью показать читателю братское единение князей, дать образцы княжеского согласия и взаимной любви. В редакции Лаврентьевской летописи вражда, длившаяся с 1211 по 1216 г., почти полностью замалчивалась. Военные действия 6724—6725 гг. отразились в одной фразе, составленной явно представителем церкви, которая заканчивалась картиной единения и «вели-

кой любви». Та же идея проводится и в рассказе под 1218 г. о том, как Константин сажал сыновей своих по городам, говоря им: «возлюбленѣи мои чадѣ! Будита межи собою в любви», после чего следовал ряд наставлений церковного характера и заявление о том, что он ввиду приближения смерти поручает их «брату и господину Гюргю, да то вы будете в мене мѣсто». Та же тенденция обнаруживается и ниже, где Юрий и Ярослав, приехав во Владимир, будто бы плакали по Константине «плачем вельим, акы по отци и по братѣ любимѣм, понеже вси имѣяхуть и въ отца мѣсто».

Та же тенденция просвечивает и в тексте Лаврентьевской летописи, относящемся к 50-м годам XIII в. Подчеркивается единение великого князя Александра Невского с ростовскими князьями; особенно заметно это под 6767 и 6769 гг. Так, под 6767 г. Александр Невский приезжает из Новгорода в Ростов, «к святѣи Богородицѣ», кланяется собору и епископу, обращается к нему со словами благодарности, и тогда «блаженни же епископъ Кирилъ, Борисъ и Глѣбъ и мать их Марья княгини чтиша Олександра с великою любовью, и поѣха в Володимерь». Под 6769 г.: «благовѣрнии же князь Олександръ, сынъ Ярославъ, Борисъ и Глѣбъ Василковича волею божьею и поспѣшеньемъ святыя Богородица, благословеньемъ митрополита Кирила и епископа Кирила, изведоша архимандрита святого Богоявленья Игнатья, и бысть причетникъ церкви святыя Богородица в Ростовѣ»⁴⁰.

Надо сказать, что конец 70-х—начало 80-х годов XIII в. было временем, когда, несмотря на условия татарского ига, в Ростове развивалась письменность. Это объясняется и тем, что в Ростове высоко стояли литература и просвещение еще с домонгольской поры⁴¹; и тем, что Ростов не был разорен, как Владимир; по новгородскому первоисточнику, Ростов и Суздаль не сопротивлялись: «Ростовъ же и Суждаль разидеся розно»⁴²; и тем, что после нашествия

⁴⁰ Лавр. лет. под 6769 г.

⁴¹ К вопросу о распространении знания греческого языка и письменности в Ростове см. рукопись ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 361, а также «Повесть об ордынском царевиче Петре». — «Краткий отчет о деятельности общества древней письменности за 1917—1923 гг.». Л., 1925, стр. 33, и предыдущую главу.

⁴² Новг. I лет. под 6746 г.

Батия Ростов был единственным епископским центром во всей Ростово-Суздальской земле; и тем, что к 70—80-м годам, судя по некоторым признакам, возобновились в какой-то мере культурные связи Северо-Востока с Киевщиной⁴³. Особенно бросается в глаза обличительная сторона в литературе того времени, резкая критика некоторых сторон общественной жизни⁴⁴.

Как раз около 1281 г. был составлен дошедший до нас Летописец патриарха Никифора со вставками ростовского материала, ростовскими известиями, которые кончаются сообщением о смерти Глеба Васильковича (в 1278 г.)⁴⁵.

К этому же времени, к 1281 г., относится «Послание Иакова черноризца к ростовскому князю Дмитрию Борисовичу». Духовник Иаков уговаривает ростовского князя проявить любовь к ближнему, причем указывает на «год ратен», на угрозу вооруженного столкновения, до которого едва не дошло дело в то время у Дмитрия Борисовича с братом Константином⁴⁶.

В Ростове почти непрерывно велись летописные записи (указания имеются с 1253 г.), в то время как во Владимире после нашествия Батия летописные записи прекратились, судя по тому, что за длительный период после Батыева нашествия в Лаврентьевской летописи нет владимирских записей с точной датой⁴⁷.

Великокняжеский владимирский свод приходилось составлять, таким образом, на ростовском летописном материале и на записях, которые можно было сделать по припоминанию, задним числом. К числу последних относятся

⁴³ О приездах митрополита Кирилла из Киева на Северо-Восток в эти годы сообщает Лаврентьевская летопись; см. также «Памятники канонического права», стр. 83—102.

⁴⁴ К концу XIII в., к 70—80-м годам, относится та редакция «Мерила праведного», которая сохранилась в воспроизведенном недавно фототипически Троицком списке — «Мерило Праведное по рукописи XIV века». М., 1961. Ср. проповеди Серапиона Владимирского — Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. — «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», ч. XVII. СПб., 1888, приложение.

⁴⁵ См. ПСРЛ, т. I, изд. 1. СПб., 1846, стр. 248—252.

⁴⁶ См. С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки). — ЧОИДР, 1912, кн. 3, отд. II, стр. 431—446; он же. Древнерусский духовник. — ЧОИДР, 1914, кн. 2, стр. 147.

⁴⁷ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 38.

записи о приездах во Владимир и о деятельности на Северо-Востоке митрополита Кирилла.

Те годы, когда составлялся великокняжеский летописный труд, были чрезвычайно тревожными. В 1281 г., как мы говорили, открылась «крамола» между ростовскими князьями, в которую чуть было не был вовлечен великий князь Дмитрий Александрович. А вслед за тем началось большое междоусобие среди северо-восточных князей, толчком к чему послужили события в Орде, где со смертью Менгу-Тимура, т. е. с 1280—1282 гг., воцарилось фактически двоевластие, причем нетрудно было предвидеть длительную и бедственную смуту. В Северо-Восточной Руси обозначились две различные политические ориентации. Прочные связи по родству и «службе», которые установились у ростовских князей, во всяком случае, части их, с Волжской Ордой, сделали их верными вассалами ханов Поволжья. Эти князья — Константин Ростовский, Федор Ярославский и князь Андрей Городецкий — выступают в 80—90-х годах XIII в. в качестве ставленников и вассалов волжских ханов; с другой стороны, князь Дмитрий Александрович Переяславский и, можно думать, князь Михаил Тверской оказываются вассалами «царя» Ногай и ищут поддержки у последнего.

Сразу же, в 1281 г., начинается вражда. Великокняжеская летопись с осуждением повествует, как князь Андрей пошел «ратью» на Дмитрия, «испросивъ собѣ» в Орде «княжение великое подъ братомъ своимъ, имѣя споспѣшника себѣ и пособника» какого-то Семена Тониливича, и «съ нимъ и ныа коромолники». Когда нагрянула татарская рать, к ней присоединились и Константин Ростовский, и другие князья. Летопись дает понять, какое страшное опустошение и на какой большой территории произвело это «нахождение», когда разорялись «города и волости, и села и погосты, и монастыри и церкви». От Муромы до Торжка «множество безчислено христианъ полониша, по селомъ скотъ и кони и жита пограбиша, высѣкающе двери у хоромовъ; и бяше великъ страх и трепеть на христианскомъ родѣ...»⁴⁸.

В интересах великого князя Дмитрия Александровича было противодействовать надвигавшейся угрозе посягательств на великокняжеский стол, угрозе «нахождений»,

⁴⁸ Симеоновская летопись под 6789 г.

распада и продолжительного разорения страны. Противодействие должно было быть и со стороны владимирской епископской кафедры, восстановленной в 1274 г., на которую тогда был поставлен известный проповедник Серапион, вышедший из архимандритов Киево-Печерского монастыря и привезенный во Владимир митрополитом Кириллом. В 1281 г. кафедру занимал Федор. Напомним, что самый принцип княжеского единения традиционно пропагандировался в Киево-Печерском монастыре. Нет сомнения, что и ростовский епископ Игнатий не мог не бояться надвигавшейся угрозы длительных смут. В 1281 г., когда началась «крамола» между ростовскими князьями, один из них ездил с жалобой к великому князю Дмитрию Александровичу. Дмитрий Борисович стал в Ростове «наряжать полкы» и «городъ весь замыте». По приезде в Ростов великого князя состоялось примирение «пред» епископом Игнатием: «в в е д о ш а ихъ въ любовь, и взяша миръ»⁴⁹.

Именно в это время, после опустошительного «нахождения», о котором выше шла речь, перед угрозой длительного междоусобия, могла возникнуть мысль показать в великокняжеском своде, что во времена дедов князья-«братья» действовали в согласии между собой, и если начинался конфликт, он кончался миролюбивым соглашением, «великой любовью»; именно в это время и могла быть произведена та переработка владимирского текста первых десятилетий XIII в. на ростовском материале, о котором мы говорили выше.

Нельзя не обратить внимания на то, что в том же великокняжеском тексте, как он восстанавливается с помощью выписок из Троицкой летописи Н. М. Карамзина, читалось (под 1270 г.) по поводу «убиения» татарами Романа Ольговича Рязанского обращение к князьям с призывом не враждовать: «О взлюблении князи русьскыи, не прелщайтесь пустошною славою свѣта сего, еже хуже паучины и яко стѣнь мимо идеть ... не обидите меньшихъ сродникъ своихъ ...»⁵⁰. Аналогичное выражение читаем в Лаврентьевской под 1216 г. по поводу смерти ростовского епископа Пахомия: «... не хваляся ни о чем же суетствомъ пустошнаго свѣта сего, еже скоро мимо иде и хуже

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского, изд. И. Эйнерлинга, кн. 1, т. IV. СПб., 1842, прим. 136.

паоучины...». Нельзя не отметить также, что под 1216 и 1227 гг. читаем в Лаврентьевской летописи обличения в «мздоимании», «граблении», «насилиях», которые перекликаются с обличениями Серапиона и с рассказом в «Мериле праведном» о беседе князя с Симеоном Тверским.

Средоточием летописного дела в Ростове еще с XII в. был ростовский Успенский собор. В распоряжении руководителей могли быть и записи ростовских князей. Известно о близости Кирилла к Васильку, Пахомия — к Константину⁵¹. Преемником Кирилла был Игнатий, о котором упоминается в великокняжеском тексте летописи почти под каждым годом (Симеоновская летопись под 6773, 6777, 6779, 6781, 6784—6786, 6788, 6789 гг.). Мы видели, что новый великокняжеский владимирский свод приходилось составлять на ростовском материале. Игнатий мог наблюдать за составлением нового великокняжеского свода в Ростове. Однако окончательная обработка делалась уже во Владимире. Под 6788 г. рассказывается, как тот же епископ Игнатий, согласно решению приехавшего митрополита, сотворил «неправо», осудив покойного князя Глеба и «изринув» тело его из соборной церкви, и приводятся слова укора, сказанные митрополитом епископу.

Несмотря на разорение 1238 г., город Владимир-на-Клязьме оставался официальным центром «великого княжения Владимирского», и изучаемый нами текст, сохранившийся в Лаврентьевской и Симеоновской летописях, редактировался, хотя и с помощью ростовского материала, как летописный свод великого княжения Владимирского. Под 6746 г. читаем, что Ярослав, «сынъ Всеволода великаго» сел «на столъ в Володимери», что в следующем году он привез во Владимир останки брата Юрия и «весь град Володимеръ» оплакивал покойного; что он похоронил его во владимирском Успенском соборе, где покоем и «Всеволодъ, отецъ его». И далее помещена та «похвала» Юрию, в которой составитель оправдывал его поведение при переговорах с татарами, которые «велику пакость з е м л я м творять, еже и здѣ многа зла ство-

⁵¹ Пахомий был «духовником» Константина (Лавр. лет. под 6722 г.), а Кирилл — Василька. О значении «духовенства» в Древней Руси см. С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины; он же. Древнерусский духовник.

риша»⁵². Составитель подчеркивал, что Юрий сидел во Владимире «на отни столѣ» 24 года и на 25-м погиб, и при подсчете лет игнорировал годы княжения Константина. Под 1241—1246 гг. рассказ идет о деятельности Ярослава как великого князя владимирского, а с 1247 г. — о деятельности Александра (Невского), хотя он еще не был тогда великим князем владимирским; под 1252 г. обстоятельно рассказывается, как Александра сажали во Владимире «на столѣ отца его», и затем также прослеживается его деятельность как великого князя владимирского и т. д.

Как летописный свод великих князей владимирский великокняжеский летописный свод должен был храниться во Владимире или в Успенском епископском соборе, или в Рождественском монастыре, находившемся в юго-восточной части владимирского кремля, где в новое время стоял архиерейский дом.

О Рождественском монастыре я упоминаю ввиду следующих данных. Во-первых, еще до нашествия монголов, как давно было замечено, исчезают признаки ведения летописания во владимирском Успенском соборе. То, что Успенский собор был епископским, не имело прежнего значения после 1238 г. для летописного дела, так как со смертью владимирского епископа Митрофана, погибшего в Успенском соборе при взятии Владимира, в г. Владимир епископа не ставили.

Во-вторых, Рождественский монастырь занял в XIII в. первостепенное значение в стране (только много позже он перешел на второе место по значению, после Троице-Сергиева⁵³). Весьма показательно, что епископов в XIII в. стали ставить из игуменов Рождественского монастыря и

⁵² Если автор напоминает о постройке Юрием Нижнего Новгорода, то потому, что это был единственный «город», о постройке которого Юрием рассказывала летопись, а об основании Благовещенского монастыря — потому, что о каких-либо других монастырях, построенных Юрием, летопись вообще не говорила.

⁵³ В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. II. СПб., 1892, стр. 293. В описи «книг» 30-х годов XVII в., взятых для патриарха Никона из владимирского Рождественского монастыря, числилось всего 93 рукописи, из них «5 книг лѣтописцев», «письменных», из которых один был «в полдествъ». Не знаем точно, что это за «лѣтописецъ», но как известно, Лаврентьевская летопись именно «в полдествъ», т. е. большую четверку. — ГИМ, Синод., № 205; ЧОИДР, 1848, кн. 6, отд. IV, стр. 1—44.

во Владимир, и в Ростов. Так, в 1214 г. поставили Симона Владимирского; после его смерти — из игуменов того же монастыря Митрофана Владимирского. И из игуменов же Рождественского монастыря был Кирилл, о котором так много говорится в Лаврентьевской летописи и у которого должны были быть связи с братией Рождественского монастыря.

В-третьих, есть основания полагать, что в Рождественском монастыре должны были особенно чтить Юрия Всеволодовича, что необходимо иметь в виду при решении вопроса, где был завершен свод Юрия и где писалась «похвала» ему. Рождественский монастырь основал Всеволод в 1192 г.: «и монастырь созда, в нем церковь камену Рождество святыя Богородица» — Лаврентьевская летопись под 6720 г., в некрологе Всеволоду. Но исключительно важное положение монастырь занял при Юрии Всеволодовиче, когда при жизни владыки Иоанна на его место епископом поставили игумена Рождественского монастыря Симона. Дело в том, что Иоанн не удовлетворял требованиям Юрия (недаром при составлении летописного свода некоторые известия, связанные с Иоанном, из текста выбросили). Симон был первым епископом выделившейся (отдельной от ростовской) владимирской епископии. Уже самое деление северо-восточной епископии на две соответствовало желанию Юрия, а не Константина, сидевшего в Ростове и домогавшегося «Владимира к Ростову». Близость Симона именно к Юрию в период его борьбы с Константином не подлежит сомнению. После поражения Юрия на Липице Константин сел во Владимире, а Юрию было предложено ехать в Радилов-Городец; вместе с ним поехал и епископ владимирский Симон. Согласно «ряду», Юрий отправился в Суздаль, и опять вместе с Симоном: «и вниде во нь (т. е. в Суздаль. — А. Н.) сентября 11, а епископ Симон с нимъ вниде в свою епископию»⁵⁴. После смерти Константина Юрий садится во Владимире, и Симон «епископъ его (sic!) вниде тогда опять в свою епископию»⁵⁵, т. е. возвращается во Владимир с Юрием.

Это был тот самый Симон, от которого сохранилось послание к киево-печерскому монаху Поликарпу. В бытность

⁵⁴ Московский свод 1479 г. под 6725 г. — ГПБ, Эрмитаж., № 4166 и ПСРА, т. XXV.

⁵⁵ Там же под 6726 г.

епископом ему были известны не дошедшие до нас памятники письменности: летописец старый ростовский и житие Антония Печерского; сам он был в какой-то мере историком Киево-Печерского монастыря. Как игумен, он должен был прививать в Рождественском монастыре вкус к исторической письменности.

В-четвертых, Александр Невский, великий князь владимирский, сведения о деятельности которого запечатлены в тексте Лаврентьевской летописи, был похоронен (согласно его завещанию?) в Рождественском владимирском монастыре: «Изволи его богъ привести къ собѣ отъ славы въ славу, мѣсяца ноября въ 14 день, на память святого апостола Филиппа, и пѣвше надъ нимъ обычныя пѣсни, и положиша тѣло его въ манастири Рождества святыа Богородица, и плакашася надъ нимъ много»⁵⁶.

В-пятых, копия, сделанная Лаврентием с великокняжеского свода 1305 г., которую мы условно называем Лаврентьевской летописью, принадлежала, как указывает запись, Рождественскому монастырю. Полагаем, что там Лаврентий вел работу по переписке, а остался его труд в Рождественском монастыре потому, что работу по подготовке нижегородско-суздальского свода приостановили по обстоятельствам, указанным нами выше.

Еще А. А. Шахматов обратил внимание на то, что в Московском своде 1479 г. в части с 1207 по 1234 г. проглядывает «особый суздальский источник». «Не может подлежать сомнению, — писал он, — что все эти статьи и известия восходят к древней владимирской летописи».

Московский свод 1479 г. не был опубликован (Эрмитажный список не опубликован и поныне), и нет ничего удивительного в том, что М. Д. Приселков не привлек московский материал в своей «Истории русского летописания XI—XV вв.» для освещения интересующего нас вопроса. Отмечая, что в Лаврентьевской летописи мы имеем ростовское изложение «могущих нас интересов фактов», М. Д. Приселков пишет: «мы ничего не имеем для суждения о том, как эти факты были изложены в великокняже-

⁵⁶ Симеоновская летопись под 6771 г.

ском летописном своде Юрия». Однако он признавал, что восстановление владимирского летописца Юрия с помощью «последующего летописания XV в.» «представляет собой задачу исполнимую и важную»⁵⁷.

Итак, перейдем к основной нашей задаче: к восстановлению частей владимирского великокняжеского свода первых десятилетий XIII в. Нам надлежит добыть параллельные к Лаврентьевской летописи тексты из состава Московского свода 1479 г., где отразился текст из владимирского великокняжеского свода за этот период в первоначальном состоянии, т. е. летописи Юрия Всеволодовича в «подлинном» виде.

Предварительно установим самый текст Московского свода 1479 г. В статье, опубликованной в сборнике в честь проф. А. А. Новосельского⁵⁸, мной отмечены места, опущенные в Уваровском списке № 1366 и сохранившиеся в Эрмитажном, с 6715 по 6746 г. Приводим необходимый нам для дальнейшего исследования неопубликованный текст Эрмитажного списка под 6715 г., опущенный в Уваровском списке⁵⁹.

«[Всеволод же] Чермныи пришед седѣ в Киевѣ, много зла сотвори земли Руской. Слышавше великий князь Всеволод Юрьевичъ, внук Володимеръ Манамаха, яко Ольговици с погаными воуюють землю Рускою, и сжалиси о том, рече: «Еда единомъ тѣмъ отчина Руская земля, и нам не отчина ли?» И рече: «Хощу поити к Чернигову да како ми с ними богъ ни расправить»; и посла к Новугороду по сына своего по Костянтина. Костянтинъ то слышавъ, нача совокупляти вои многи: новгородци и посковичи, ладожаны и новоторжци, и поиде скоро со всеми силами, и дожда отца на Москвѣ. Посла жъ Всеволод в Рязань по Романа⁶⁰ и по братью его, и в Муром по Давыда; онем же вскорѣ пришедшим и поидоша по Отцѣ⁶¹ вверхъ. А Всеволод со-

⁵⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 88 и 94.

⁵⁸ А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961.

⁵⁹ ГПБ, Эрмитаж., № 4166, стр. 323—325 (ср. ГИМ, Увар., № 1366, л. 130, слова «цѣлова к нему крестъ на его воли. Всеволодъ же...» и т. д. — ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 106).

⁶⁰ В рукописи «Ромона».

⁶¹ Так в рукописи.

вокупився идѣ к Москвѣ, и сrete его сынъ Костянтин со всеми новгородци, и целоваша и с честию с великою, и бысть ту на Москвѣ неделю и поиде ко Отцѣ⁶¹ к рецѣ, совокупився съ сынами своими с Костянтином, Юрьемъ, Ярославом и Володимером, и пришед ко Отцѣ⁶¹, сташа шатры возлѣ реку по берегу. И того жѣ дни приидоша к нему рязанстии князя Романъ Глѣбовичъ и брат его Святославъ со двема сынома, Ингоревича⁶² два, Глѣбъ и Олегъ⁶², а Святославичи Мстиславъ (со двема сынома Игоревича два⁶¹) и Ростислав; а Всеволод Глебовичъ уже преставись въ Пронскѣ. Бысть же вѣсть великому князю Всеволоду от⁶³ Глеба и Ольга от Володимеричу⁶³, яко сложилися стрьевѣ их с Ольговичи и пришли к нему на лѣсть; онем пришедшимъ всем ко Всеволоду и целовав их и повеле им сести в шатрѣ, а сам иде в други[и] шатеръ постельны. И нача к ним слати князя Давыда Муромскаго и боярина своего Михаила Борисовича на обличение их. Онем же кленущимся и ротящимся, яко несть тако, приидоша же Володимеричи Глебъ и Олегъ братеничи их и обличиста их. Князь же великий повелѣ изнимати их и бояр их и вести в Володимеръ, а оттолѣ посла и в Петровъ. Во утрии же сам перебродися Оку и поиде к Пронску съ [сы]нами своими и Володимери[чи] Глебъ и Олегъ с ним и Дав[ы]дъ Муромски, а лодии свои отпусти на островъ к Ольгову с товаром со всем. Слышавше же то киръ Михаило Всеволодичъ, и беже въ Киевъ ко тѣстю своему Всеволоду Чермному, а проняне пояша к себѣ Изяслава Володимерича, затворишася с ним во граде. Князь же великий пришел к Пронску и отпусти⁶⁴ город вси полки своими и стоя около его двѣ недели. Слышавше жѣ рязанци, яко людие суздальсти || и новгородци стоятъ с товаром на островѣ у города у Ольгова, и нарядиша на них людии⁶⁵ с людьми с многими и сами...» (см. Эрм., стр. 342; ср. Увар., лл. 138 об.—139); а под 6727—6728 гг. в Эрмитажном пропущен текст от слов «Того же лѣта иде Мѣстиславъ Мѣстиславич...» до слов «Бѣ же острог утвержденъ...» (см. Эрм., стр. 350—351; Ср. Увар., лл. 143—144). Пропуск (вместе с годом)

⁶²⁻⁶² В ПСРЛ, т. VII, «Игоревича два Ингваръ и Юрь, и Володимерича два: Глѣбъ, Олег».

⁶³⁻⁶³ В ПСРЛ, т. VII, «от Глѣба от Володимерича».

⁶⁴ В ПСРЛ, т. VII, «отступи».

⁶⁵ В ПСРЛ, т. VII, «лодии».

был замечен переписчиком Эрмитажного списка, судя по тому, что против слов «Бѣ же острог» он тем же почерком написал на полях: «в лѣто 6728»; следовательно, этот изъян был уже в оригинале Эрмитажного списка. Кроме того, можно отметить несколько мелких пропусков. Так, под 6728 г. в Эрмитажном списке ниже пропущено «Мѣстиславъ Романовичъ» (см. Эрм., стр. 354; Увар., л. 145 об.). Под 6731 г. в Эрмитажном списке пропущены слова «ни городовъ ваших, ни сел, ни на вас приидомъ» (Эрм, стр. 358; Увар., л. 147 об.); и ниже слова «противу им, и не дошедше Ошеля, стаща» (Эрм., стр. 359; Увар., л. 147 об.). Все отмеченные нами опущенные чтения имеются в Воскресенской летописи. В своде 1479 г. они, очевидно, были.

Теперь извлечем из текста Московского свода 1479 г. в пределах интересующего нас отрезка все, что восходит к Софийской I летописи (и частью к Новгородской IV). Так, под 6715 г. извлекаем текст от слов «и дасть имъ уставъ старыхъ князей...» до слов «... а лихихъ казните»; далее от слов «А новгородци пришедше к себѣ...» до слов «... сына своего Святослава»; и от слов «Прииде же Святославъ...» до слов «...серебро поима» (ср. Софийскую I под 6717 г). Под 6720 г. — от слов «Исперва не хотяи добра злодѣи...» до слов «...и богатство взяша», т. е. до конца года. Под 6722 г. — от слов «Иде князь Мѣстиславъ с новгородци...» до слов «...и приидоша здрави вси».

Под 6723 г. происхождение трех мест допускает двоякое толкование. Эти фразы совпадают с Новгородской IV летописью. Они могут восходить к источнику, близкому к ней. Но эти фразы вкраплены в текст, повествующий о событиях в Новгородской земле и не совпадающий с Новгородской IV летописью. Следовательно, они могут восходить к общему источнику с Новгородской IV летописью. Из осторожности мы примем условно первое толкование и извлечем их: от слов «Ярославу же Всеволодовичю сѣдѣшу...» до слов «...поточи их на Тферь»; от слов «посла в Новѣгород Ивора...» до слов «...и его друговъ, изнима» и от слов «...изнима намѣстника Ярослава» до слов «...и в малѣ богъ и правда».

Под 6724 г. извлекаем почти весь текст, с начала года до слов «... а Володимер къ Пскову» (в конце года) и последнюю фразу под этим годом, от слов «Осени тои

ходи...». В Софийской I летописи пространный текст, содержащий рассказ о событиях, связанных с Липицкой битвой, местами, во всяком случае, ближе к оригиналу, что видно из слов «наши князья», адресованных Мстиславу и его союзникам и свидетельствующих о новгородском происхождении текста, что явствует и из содержания рассказа, в котором автор с осуждением говорит об Ярославе и Юрии. Как исторический источник и памятник языка весь этот текст представляет выдающийся интерес.

Под 6726 г. извлекаем от слов «Мѣстиславъ Мѣстиславич...» до слов «...по Святослава»; под 6727 г. — от слов «посла князь велики...» до слов «...а сам съде в Галичи»; под 6728 г. в конце года — от слов «Архиепископъ Новгородскыи...» до слов «...в Перемышлѣ»; под 6729 г. — от слов «Выгнаша новгородци...» до слов «...сына своего Всеволода»; под 6730 г. — от слов «Тос же зими князь Всеволод...» до конца года; под 6731 г. — с начала года до слов «...и печаль по всѣмъ градом и по волостем» и ниже фраза от слов «Сихъ же злых...» до слов «...ся дѣли опять»; под 6733 г. — от слов «Князь Михайло Всеволодич...» до слов «...проводиша его с честью» (причем, слова «бѣ бо Михайло шуринъ Юрью» могли принадлежать составителю Московского свода); далее — слова «7 их тысящъ и гости побиша»; от слов «придоша же...» до слова «мало»; слова «изнима 2000» и от слов «Убиша же ту Литва...» до слов «...иде в Новъгород».

Под 6736 г. извлекаем от слов «Князь Ярославъ...» до слов «...и Якима тиуна»; под 6737 г. — с начала года до слов «А послы держа все лѣто»; под 6738 г. — от слов «Того же лѣта бысть моръ силенъ въ Смоленсѣ...» до конца года; под 6739 г. — с начала года до слов «...при кончинѣ град сеи»; под 6741 г. — от слов «...преставися князь Феодоръ» до конца года; под 6742 г. — от слов «Князь Ярославъ Всеволодич иде...» до конца года; под 6743 г. — весь текст; под 6744 г. — с начала года до слов «...в полон взяша»; под 6745 г. — от слов «Том же лѣтѣ прииде в Киевъ...» до слов «...такое исполнися опять». На этом мы кончаем, так как происхождение рассказа в Московском своде 1479 г. о Батыевом нашествии, во время которого был убит Юрий, мы выяснили выше.

Теперь извлечем из того же текста Московского свода 1479 г. источник, близкий к Троицкой летописи, а так как

Троицкая была весьма близка к Лаврентьевской, то, следовательно, — близкий и к Лаврентьевской. Мы, конечно, могли бы идти и иным путем. А именно: имея в виду, что в Лаврентьевской, хотя и в переработанном виде, отразился искомый нами владимирский текст, не все извлекать из текста Московского свода 1479 г., что совпадает с Лаврентьевской и Троицкой, а оставлять то, что, по нашим соображениям, должно было быть во владимирском летописце Юрия Всеволодовича. Но избрав такой путь, легко допустить произвольные, субъективные решения. Поэтому осторожнее действовать планомерно и сомнительными фрагментами не пользоваться. Но, конечно, те места, где будем наблюдать в изложении конкретных сведений отступления от Троицкой и Лаврентьевской в Московском своде 1479 г., мы будем вправе относить к искомому источнику.

Итак, извлекаем из Московского свода 1479 г. под 6715 г. с начала года до слов «...сташа шатры възлѣ реку по берегу» (см. Эрм., стр. 323)⁶⁶⁻⁶⁷; от слов «и бывшу ему у Доброга...» до слов «...послуша моления их и поиде от них»; ниже фразу «а Константина остави у собе и да ему Ростовъ» и от слов «А рязанци тогда здумавше...» до слов «...ничто же, възратишися». Слова «а епископа Арсенья поя съ собою» оставляем в тексте только условно: дело в том, что в Лаврентьевской упомянуто об этом, но под следующим годом.

Под 6716 г. извлекаем с начала года до слов «...пришед ста у Рязаня»⁶⁸; под 6717 г. — последнее известие, т. е. от слов «Мѣсяца декабря...» до конца года; под 6718 г. — от слов «Сѣде в Киевѣ Всеволод...» до конца года; под 6719 г. — от слов «Того же лѣта загорѣся город Ростовъ...» до конца года; под 6721 г. — последнее известие («Заложил князь Константинъ...» и т. д.); под 6722 г. — от слов «Родися князю Костянтину...» до слов «...своего духовнаго»; под 6723 г. — от слов «Того же лѣта преставися князь Рюрик...» до слов «...въ вежи

⁶⁶⁻⁶⁷ Заметим, что изображение в тексте отношения Константина к Всеволоду подтверждает, что мы имеем дело здесь с переработкой, характерной для Лаврентьевской летописи.

⁶⁸ Далее текст в Московском своде 1479 г. иной, чем в Лаврентьевской, несмотря на совпадение отдельных слов, фраз и выражений.

свои»; под 6724 г., в конце года, — от слов «Того же лѣта великий князь Костянтинь...» до слов «изъ Суздаля»; под 6725 г. — с начала года до слов «...мѣсяца июля 20» и последнее известие от слов «Тое же зимы...» до конца года; под 6726 г. — с начала года до слов «...а Всеволода на Ярославль»; под 6728 г. — от слов «Того же году преставися княгини Костянтинова...» до слов «...генваря 24» и последнее известие от слов «Томъ же лѣтъ преставися...»; под 6729 г. — от слов «Тогда же князь...» до слов «Новъгород Нижний»; под 6730 г. — с начала года до слов «...и епископомъ Ефрѣмомъ»; под 6731 г. — от слов «Глаголаху же сице: яко...» до слов «...и святую богородицю» и от слов «Того же лѣта ведро...» до слов «...и невидима бысть»; под 6732 г. — весь текст; под 6733 г. — с начала года до слов «...септевриа въ 8»; от слов «Тое же зимы Литва...» до слов «...ратъ их велика», от слов «слышав же то...» до слов «...ис Переяславля»; от слов «и постигоша...» до слов «...а самих изби»; от слов «и князя ихъ ят...» до слов «...от поганных»; слова «сѣде на столѣ» и от слов «Побѣди же Литву...» до слова «сыропустную». Слова «бѣху бо прежде того приходили по него новгородци, зовуще его къ собѣ княжити» могли быть приписаны составителем Московского свода.

Под 6734 г. извлекаем текст с начала года до слов «съ побѣдою великою». Остальной текст до конца года исключаем условно: по реконструкции М. Д. Приселкова он не вошел в Троицкую летопись, хотя имеется в Лаврентьевской. Напомним, что, согласно реконструкции Приселкова, в Троицкой, по сравнению с Лаврентьевской, было немало сокращений.

Под 6736 г. извлекаем текст от слов «Тоя же зимы генваря 14...» до конца года; но фраза от слов «въбѣгоша в лѣсы...» до слов «тѣх избиша» есть в Лаврентьевской, но не вошла в реконструкцию Троицкой. Условно извлекаем и не вошедшую в реконструкцию Троицкой фразу (выше) от слов «князь Святославъ...» до слов «...к Мурому».

Начиная с 6737 г. и до рассказа о нашествии Батыя весь текст Московского свода, оставшийся за вычетом источника, близкого к Софийской I летописи, находим в Лаврентьевской летописи, причем значительные части его не вошли в реконструкцию Троицкой летописи. Но,

согласно принятому правилу, мы и этот текст устраним, так как в принадлежности его к искомому владимирскому источнику можно сомневаться⁶⁹.

Так как составитель сложного текста, сохранившегося в первой части Московского свода 1479 г., подвергал однотипной редакционной обработке свои источники, т. е. источник, близкий к Софийской I, и источник, близкий к Троицкой и Лаврентьевской, то надо иметь в виду, что аналогичной редакции подвергся, по всей вероятности, и владимирский источник (как мы будем условно называть искомый владимирский источник). Редакционная обработка выразилась в некоторых сокращениях в определенном направлении, о чем приходилось писать применительно к другим частям Московского свода.

В источнике, близком к Софийской I летописи, опущено: под 6719 г. — «яко Иоаннъ Златоустыи и Григорие Акраганьскыи»; под 6727 г. — слова «пособи богъ»; под 6732 г. — «в десятое лѣто княжения его в Киевѣ» и от слов «богъ же единъ вѣсть ихъ...» до слов «...бысть имъ» и от слов «кровь христьянскую...» до слова «...безбожными». Опущены места (в рассказе о битве при Калке), которые могли быть поняты, как укор северо-восточным князьям: слова «Князя же великаго Юрья Суздальскаго нѣту в томъ съвѣтѣ» и «Василка же не бѣ в Володимерѣ, младъ»; ниже слова «а из Галича — князь Мстиславъ съ всею силою» и т. п.⁷⁰

⁶⁹ Следует отметить только, что под 6742 г. к известию о том, что Святослав Всеволодович украсил построенную им церковь в Юрьеве, прибавлено: «паче инѣхъ церкви, бѣ бо извѣну около всеа церкви по каменею рѣзаны святыѣ чудно велми, и же естъ и до сего дне». Это прибавление, как видно, сделано значительно позже записи: или при составлении сложного источника Московского свода, с церковной окраской, или при составлении того владычного ростовского источника, в основании которого лежала владимирская летопись и о котором мы будем говорить ниже.

⁷⁰ Характерны для той же руки пропуски образных выражений и поговорок в рассказе о Липицкой битве под 6724 г. Так, опущено: «но ни сту васъ (вар.: насъ) достанется одинъ васъ. И ркоша промежи себе князи: „Ты, Ярославе, с плотью, а мы съ крестомъ честнымъ“»; или «А далече есте шли и вышли есте, акы рыба на сухо»; или «Вамъ животь дати и хлѣба накормити»; или «А самъ, брате, накорми мя хлѣбомъ». Опущены также те места, где резко подчеркнута хвастливость Юрия и Ярослава, их самонадеянность и доблесть Мстислава Мстиславича, и где прославляется «племя» Ростислава. См. например, от слов «Ци зримъ! Оже при нашихъ полцѣхъ...» до

Аналогичные пропуски заметны в Московском своде в текстах, восходящих к источнику, близкому к Лаврентьевской летописи и Троицкой. Так, под 6716 г. опущено от слов «яко же рече приточник...» до слов «...праведнаго снѣсть»; точная дата — 19 августа «в недѣлю»; от слов «яко же рече приточник...» до слов «...чреса своя»; от слов «О сицех бо рече Давыдъ...» до слов «...право с нимъ»; от слов «великий князь рече...» до слова «...господи». Под 6718 г. опущена точная дата (18 июня); под 6719 г. — слова «и много зла створися, богу попушышу за умножение грѣхъ нашихъ и неправды»; под 6723 г. — фраза «и мнози [от обоих] падаху божиимъ попущениемъ, за умножение грѣхъ нашихъ». Под 6725 г. опущено место, где рязанские князья Глеб и Константин сравниваются со Святополком Окаянным (от слов «а не вѣси ли, о окаanye...» до слов «...вѣчную муку») и т. д.

В результате произведенного анатомирования текста Московского свода 1479 г. мы получаем остаток в виде ряда фрагментов. Теперь перед нами стоит задача, во-первых, проверить, действительно ли это фрагменты владимирской летописи, иными словами, составляют ли основное содержание их владимирские известия; во-вторых, выяснить, что представляют собою невладимирские иноземные известия этих фрагментов; в-третьих, и это главное, нам предстоит выяснить взаимоотношения этих фрагментов с параллельным текстом Лаврентьевской летописи и установить, содержат ли наши фрагменты известия, которых нет совсем в Лаврентьевской (т. е. там целиком опущены). Затем, имеются ли сокращенные передачи в Лаврентьевской летописи (по сравнению с фрагментами Московского свода), как результат известной обработки первоначального владимирского текста (без прибавлений конкретного материала). Далее, находим ли в Лаврентьевской летописи замену первоначальных владимирских известий рассказом очевидца (ростовца?) или ростовскими записями. Само собой разумеется, поскольку в полученных из состава Московского свода фрагментах мы имеем только извлечения, фрагменты летописного источника, необходимо ожидать, что в Лаврентьевской летописи немало

слов «...Юрьи и Ярославѣ». Опущены слова «милостиви племя княже Ростиславле и до християнъ добры» и т. п. — ПСРА, т. V, вып. 1, изд. 2-е. Л., 1925.

отдельных записей и более обширных текстов, взятых из того же владимирского летописного памятника, но не попавших в текст Московского свода 1479 г.

В результате всестороннего выяснения взаимоотношения фрагментов Московского свода 1479 г. и Лаврентьевской летописи мы должны получить проверенные, точные показания об общей политической направленности как владимирского летописного памятника в его первоначальном, «чистом» виде, так и той ростовской обработки, которая сохранилась в Лаврентьевской летописи, и должны получить вывод, основанный на документальных данных: действительно ли владимирский великокняжеский свод первых десятилетий XIII в. был летописным памятником Юрия Всеволодовича, т. е. был составлен в его интересах или в его память?

Переходим к рассмотрению полученных фрагментов.

Весьма обширный фрагмент или фрагменты под 6715 г. посвящены действиям великого князя владимирского Всеволода в Рязанской земле. Начинаются они с описания прихода рязанских князей к Всеволоду на Оке (см. Эрмитажный список) и кончаются рассказом о возвращении Всеволода во Владимир: «... и прииде въ град на введение святыя богородица». Подавляющая часть фрагмента под 6716 г. также содержит сведения о деятельности Всеволода Владимирского в Рязанской земле и о взаимоотношениях Всеволода и его сыновей с Новгородской землей. Под 6717 г. фрагмент подробно повествует о вторжении рязанских князей в Ростово-Суздальскую землю, причем сообщает точные топографические данные; этот рассказ завершается возвращением владимирского князя-победителя во Владимир. Кончается фрагмент известием о женитьбе, вторичной, Всеволода, взявшего за себя дочь витебского князя. Таким образом, все содержание фрагмента под 6717 г. заполнено записями владимирского происхождения. Большая часть фрагмента под 6718 г. заполнена рассказом о приезде во Владимир митрополита и о его пребывании во Владимире. Почти весь фрагмент под 6719 г. занимают сведения о владимирских делах: о приезде невесты Юрия и о венчании во Владимире и о завещании Всеволода относительно распределения сто-

лов; о неповиновении Константина и о съезде представителей городов и волостей, созванном Всеволодом. Значительная часть большого фрагмента под 6720 г. посвящена владимирским известиям, повествующим о событиях в Ростово-Суздальской земле, но в середине читаем ряд разнообразных известий южнорусского содержания. Фрагмент под 6721 г. начинается с известия о «знаменнии», а затем он содержит до конца владимирские известия с описанием ростово-суздальских событий. Под 6722 г. два небольших фрагмента заключают в себе галицкие и новгородские известия. Фрагменты под 6723 г. рассказывают о событиях в Новгородской земле и о взаимоотношениях новгородцев с Мстиславом Мстиславичем, но в аспекте владимирских интересов. В Новгороде тогда сидел Ярослав Всеволодович и был вытеснен оттуда Мстиславом. Под 6725 г. фрагмент сообщает о делах в Ростово-Суздальской земле в связи с судьбою Юрия. Под 6726 г. два коротких фрагмента — два известия, из которых одно южнорусское, но из владимирского источника, так как Ростислав Рюрикович определен как «зять Всеволожь великого князя», и одно — владимирское. Под 6727 г. в двух фрагментах имеются довольно разнообразные известия, но происхождение их вполне ясно (за исключением, может быть, последнего). В них читаем об Устюге и Унже, о нападении Глеба на Ингвара Рязанского; как выясняется из второго фрагмента, Ингвар просил помощи у «великого князя» Юрия и Ярослава; о рождении у последнего сына и о том, что Угры выгнали Мстислава Мстиславича из Галича. Под 6728 г. фрагмент заключает в себе подробнейшее и интереснейшее (не только для историков Руси, но и для ориенталистов) описание похода из Ростово-Суздальской земли в землю волжских булгар и осаду Ошела, а также рассказ о вторичном движении против булгар, как дела, организованного великим князем владимирским Юрием. Фрагмент завершается несколькими короткими южнорусскими известиями: о приходе Литвы на Черниговщину и о походе из Киевщины на Галич.

Итак, уже беглое рассмотрение содержания фрагментов не оставляет сомнения, что перед нами владимирский летописный текст.

Что же представляли собой невладимирские, иноземельные известия этих фрагментов? Их сравнительно немного. Остановимся сначала на новгородских. Под 6716 г. сведе-

ния о том, что новгородцы привели к себе Мстислава Торопецкого, а Святослава Всеволодовича «прияша», и о дальнейших отношениях между Всеволодом и новгородцами могут восходить как к владимирской записи, так и к новгородской, но обработанной во Владимире (см. например, «новгородци же у боявшеся пустиша Святослава...» и т. д.). Под 6722 г. читаем новгородское сообщение о том, что Мстислав Мстиславич вышел из Новгорода, оставив там жену и сына, а сам пошел в Галич просить у короля «собѣ Галича». А новгородцы, увидев, что князя у них нет, послали за Ярославом Всеволодовичем. Под 6723 г. читаем о том, что Мстислав Мстиславич пошел на Ярослава, «зятя своего», к Новгороду и к нему в помощь пошли другие князья и собрались они в Смоленске. Новгородцы, узнав об этом, начали «вѣча дѣяти». Ярослав, увидев, что положение его «нетвердо», ушел в Торжок. Сообщается также, что Юрий Всеволодович прислал в помощь Ярославу брата Святослава, а Константин — сына Всеволода, что Мстислав много раз посылал к Ярославу в Торжок, но тот отвечал: «яко же тебѣ се отчина, тако же и мнѣ». Не исключена возможность, что этот новгородский материал был в составе владимирского летописного источника. Во всяком случае, описываемые новгородские события связаны с историей владимирского стола.

Теперь о киевских и галицких известиях полученных фрагментов. Довольно обстоятельный рассказ о южных событиях находится, как мы упоминали, под 6720 г. между владимирскими известиями. Кроме того, сообщение о смерти двух южных князей имеется под 6726 г. и о делах в Черниговщине и в Галиче — под 6728 г. Кроме того, очень краткие галицкие известия находим под 6716—6719 и 6727 гг.

Можно делать два предположения о происхождении этого материала: или, что он попал из южнорусского источника, который точно обнаруживается в тексте XII в. в Московском своде 1479 г.; или же, что он попал из владимирского летописного источника. Есть показания, которые делают более вероятной вторую возможность. Так, во-первых, из текста видно, что южные известия под 6726 г. попали через владимирский свод («Ростиславъ Рюрикович, зять Всеволожъ великого князя»). Во-вторых, пользуясь киевским источником, составитель

текста XII в. в Московском своде 1479 г. вставлял обширные выписки; между тем галицкие известия наших фрагментов (XIII в.) очень кратки (и все без точных дат). А. А. Шахматов также отмечал, что «эти галицкие известия могли читаться в древней Владимирской летописи»⁷¹.

При сопоставлении полученных фрагментов владимирского великокняжеского летописания с Лаврентьевской летописью прежде всего следует иметь в виду, что нельзя строить выводов на отсутствии (по сравнению с Лаврентьевской) того или иного материала в этих фрагментах, а если и делать вывод, то с большой осторожностью. Этот отсутствующий материал мог быть частично во владимирском источнике, которому принадлежали фрагменты, т. е. отдельные куски, хотя и значительные, не дошедшего до нас текста. К тому же и в состав Московского свода 1479 г. они вошли с сокращениями. Тем более важны для нас те чтения этих фрагментов, которые содержат новый фактический, конкретный материал, новый по сравнению с Лаврентьевской летописью. Такие чтения, бесспорно, указывают на самостоятельный характер владимирского великокняжеского источника, отразившегося в Московском своде.

Здесь-то и обнаруживается работа составителя той ростовской редакции, которая была положена в основу Лаврентьевской летописи. Заполняя текст своего свода, он имел в своем распоряжении не только записи, сделанные при Успенском ростовском соборе, но и иной материал. Одновременно он сокращал тот владимирский великокняжеский источник, который в «чистом» виде отразился в добытых нами фрагментах; причем замысел его в некоторых случаях понятен, а в некоторых случаях, когда он заменяет сокращенный им текст владимирского свода кратким истолкованием событий, его замысел очевиден. Иногда он заменяет текст владимирского свода своим источником; иногда дает редакцию с несколько иными фактическими данными о событиях.

Под 6715 (1207) г. ростовский составитель, редактируя и сокращая свой владимирский великокняжеский источник, выпустил известие о том, что в числе рязанских князей, прибывших к Всеволоду на Оку, были Мстислав и Ростислав Святославичи, и о том, что схваченные рязанские

⁷¹ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 275.

князья были отправлены в Петров (ср. фрагменты). Он выпустил указание о том, что «весть» об измене, которая готовилась со стороны рязанских князей, была получена от Глеба и Олега Владимировичей, причем, согласно ходу его рассказа, эта «весть» была получена на Москве, тогда как во фрагменте читаем, что Всеволод получил ее на Оке, на пути в Москву. Он выпустил текст о том, что Всеволод пошел к Пронску с сыновьями и с Глебом и Олегом Владимировичами и Давыдом Муромским, а «лодии свои отпусти на островъ к Ольгову с товаром со всем», хотя ниже оказывается, по его рассказу, что Всеволод послал «полкъ свои к лодьямъ по кормъ на Оку».

Из сказанного явствует, что ростовский составитель пытался затушевать близость великого князя владимирского к Глебу, который впоследствии оказался злодеем-братоубийцей (см. Лаврентьевскую и др. под 6725 г.). В согласии с таким намерением он и ниже, под 6716 г., выпускает сведения о переговорах рязанцев с Глебом и Изяславом о выдаче им Ярослава, сына Всеволода, посаженного отцом в Рязани.

Он заменяет далее, под тем же 6715 г., рассказ владимирского великокняжеского свода о посылке «полка» к Ужеску и поражении Романа рассказом о тех же событиях, взятым, по-видимому, из другого источника. И при сравнении обоих текстов вырисовывается характер того владимирского летописного источника, к которому восходит полученный нами фрагмент.

Приведем оба текста.

Лаврентьевская летопись

«Тогда же посла великыи князь полкъ свои к лодьямъ, по кормъ, на Оку и постави к нимъ Олга Володимерича; и бывшимъ у⁷² Ужеска, бысть имъ вѣсть, оже вышелъ из Рязаня Ро-

Московский свод 1479 г.

по Эрмитажному и Уваровскому спискам

«[Слышавше жъ рязанци, яко людие суздальсти и новгородци стоять с товаром на островъ у города у Ольгова и нарядиша на них люди⁷³ и с людьми

⁷² В Лаврентьевской летописи «въ».

⁷³ В Воскресенской летописи «лодии».

манъ Игоревичъ с полком и бѣтѣся с лодейники у Ольгова. Они же гнаша наскорѣ к лодьямъ, си же видѣвше полкъ нашъ, отступиша от лодьи и поставиша полкъ, наши же поставиша противу имъ, а по единой странѣ лодейники; и побѣди Олегъ Романа, и възвратишася наши опять к Пропьску с побѣдою ко князю великому».

земь Романом Игоревичемъ. с многими и сами] идоша Слышевъ же то князь на коних брегом со кня велики Всеволод и посла Олга Володи-мерича к лодьямъ с полкомъ своим, и снисяся у города Ольгова, и побѣди Олег Романа, и бѣжа Романъ къ Рязаню, лодейники же ихъ видѣша своихъ бѣжащих, пометавше лодьи, бѣжаша в лѣсы. Романъ же прибѣгъ затворися в Рязани, а Олег взратися к великому князю Всеволоду съ честию великою».

Как видим, перед нами две разные редакции. Единственная общая фраза «... и побѣди Олегъ Романа». Отличительная особенность рассказа во владимирском фрагменте — его построение как «истории», изложение поступков и мотивов обеих сторон, а не запись односторонних впечатлений. Рассказ и начинается с действий и мотивов противной стороны: рязанцы, узнав, что новгородцы и суздальцы стоят «с товары» на острове у Ольгова, наряжают лодьи с людьми, а сами идут берегом на конях. Об этом узнает великий князь Всеволод и в результате посылает «полк». Подчеркнуто позорное поведение Романа Рязанского: он бежал к Рязани; увидев это, рязанские лодейники бросают свои «лодьи» и бегут в леса. Перед нами текст великокняжеской владимирской «истории», владимирского свода.

В Лаврентьевской летописи этот текст заменен записью, по-видимому, участника событий (может быть, ростовца?). Насколько ему было известно, полк был послан к Ольгову «по кормъ» (т. е. за продовольствием). О том, что из Рязани вышел Роман и бьется у Ольгова с суздальскими лодейниками, узнали в пути (он и, очевидно, воины его). Воинов, т. е. свой полк, он называет «наши» («наши»

построились, «наши» возвратились). Как запись участника, она дает одностороннее описание событий. Составитель ростовской редакции использовал, таким образом, материал записей.

Подобные же показания дает сравнение рассказа в текстах Лаврентьевской летописи и владимирского фрагмента из Московского свода о капитуляции Пронска.

Приводим оба текста.

Лаврентьевская летопись *Московский свод 1479 г.*

«И стояша около города 3 недѣли, и передашася людѣ в четвергъ 3-иѣ недѣли, мѣсяца октября въ 18 день, на память святаго апостола Луки еуангелиста; князь же великий омиривъ их, и посади у них Ольга Володимерича, а сам поиде к Рязаню, посадники посажавъ своѣ по всѣм городом ихъ».

«Слышевъ же то Изяславъ съ проняны, яко полкъ рязаньскыи побѣжденъ (т. е. поражение Романа. — *А. Н.*), а сами уже безводиемъ умирающе бяху, и скоти ихъ, и выидоша из града вси со княземъ Изяславомъ октября 18, и поклонишся великому князю Всеволоду. Онъ же водивъ ихъ къ кресту и посади тиунъ свои въ Пропьсьцѣ, а Изяславу съ братома своимъ раздѣли имъ отчину ихъ, а княгиню кюръ Михайлову веде съ собою».

И здесь также во владимирском фрагменте из Московского свода рассказ носит характер летописной «истории»; изложены прежде всего мотивы и соображения противной стороны (Изяслава и пронян), побудившие их пойти на сдачу города: известие о поражении Романа, безводие, падеж скота. Подчеркивается торжество великого князя Всеволода: вышедшие из города с Изяславом «поклонишся» великому князю Всеволоду, а он водил их ко кресту и распоряжался, как хозяин: посадил тиуна в Пронске, разделил «отчину» между Изяславом и двумя братьями, а княгиню Михайлову увел с собой.

В Лаврентьевской же летописи сравнительно короткая

запись, которая носит односторонний характер, причем отмечено, что великий князь посадил в Пронске Олега Владимировича, а сам пошел к Рязани, посажав по городам посадников.

Ростовский составитель под тем же годом ограничился кратким сообщением об обратном движении Всеволода во Владимир, на Коломну и Усть Мерьски, где его настиг рязанский епископ. Между тем во владимирском фрагменте с записи или со слов лица, сопровождавшего великого князя Всеволода, описывается, как Всеволод стоял у Оки, так как река не стала и по ней еще шел лед («кры»); стояли два дня, на третий перешли и остановились у Коломны; как на утро были сильный дождь и буря, и реку взломало, и рязанский епископ, который подошел к Оке утром, должен был переезжать «в лодьях»: он пришел «съ молбою от людей и от княинь к великому князю». Только эта последняя фраза совпадает, в общем, с известием Лаврентьевской летописи, где читаем: «с молбою и с поклоном от всѣх людий».

Под 6716 г. ростовский составитель не включил в свой свод (как и известия о Глебе и Изяславе, о чем выше мы упоминали) сведения о том, что Всеволод после усмирения Рязани захватил рязанцев «с женами их и с дѣтми» и «разсла по градом своим жити». Эту любопытную подробность мы находим во владимирском фрагменте Московского свода⁷⁴.

В рассказе об отношениях с Новгородом и Мстиславом Мстиславичем Торопецким ростовский составитель (под 6717 г.) назвал дважды из сыновей Всеволода, посланных отцом на Мстислава Мстиславича, только Константина Ростовского, что вполне согласуется с общей окраской его работы⁷⁵, тогда как во владимирском фрагменте названы (наряду с Константином) Юрий и Ярослав, и весь рассказ дан в несколько иной редакции (под 6716 г.).

Ростовский составитель весьма кратко передает свой владимирский источник в описании нашествия рязанских князей на московскую территорию, в котором роль героя-победителя осталась за Юрием. Зато владимирский фрагмент обо всем этом говорит много и охотно (под 6717 г.).

⁷⁴ В Лаврентьевской летописи только читаем: «поймъ по собѣ всѣ рязанци».

⁷⁵ В Лаврентьевской летописи «Константина с братею его».

Присматриваясь к этому фрагменту, мы прежде всего замечаем черту, которую наблюдали и в предыдущих фрагментах: рассказ дан как «история», в которой характеризуются также мотивы и соображения противной враждебной стороны; рязанские князья⁷⁶, согласно тексту фрагмента, нашли, что момент для нападения удобен, поскольку сыновья Всеволода ушли к Твери против новгородцев, о чем им — рязанским князьям — стало известно («слышаша бо»). Однако расчет оказался ошибочным, так как ростово-суздальские князья заключили соглашение с новгородцами и вернулись с Твери во Владимир «къ отцю своему» (а они, рязанские князья, «сего не вѣдяху»). Равным образом ниже объясняется, почему бежал Михаил: он был извещен о поражении Изяслава.

Характерно для этого рассказа фрагмента то, что в нем подробно изложен успех Юрия Всеволодовича. Он является центральным действующим лицом. Его («Георгия») посылает Всеволод. Он приходит («пришедшу же ему») на Голубино; он посылает «сторожи»; к нему приходит «вѣсть» об Изяславе. Он («Георгии же») отправляется против Изяслава. Он же потом посылает «сторожевыи полкъ», а «самъ» идет за ними. «Юрьевы» «сторожи» гонят «Изяславлих». Он идет за ними «вборзѣ», наносит удар («ударил») Изяславу и одерживает победу. Наконец, он возвращается «с побѣдою къ отцю своему въ Володимиръ с великою честию».

Материалом для этого текста послужили записи, сделанные тогда же, или устные сообщения. Помимо топографических данных, весьма точно сообщается о временах дня: на Голубино пришли «вечер». Юрий выступил «черес ночь»; встреча сторожевых отрядов произошла «в раннюю зорю»; когда Михаил узнал о поражении Изяслава, был «тогда великыи четвертокъ и соборъ архаггела Гавриила».

Итак, во владимирском фрагменте под 6717 г. имеем также текст великокняжеского летописного памятника, сочувственно относящегося к Юрию Всеволодовичу. Подтверждается это и известием фрагмента, которое непосредственно следует за приведенным рассказом: это великокняжеское известие о вторичной женитьбе великого

⁷⁶ Изяслав Рязанский и бывший князь пронский Кир-Михаил Всеволодович.

князя Всеволода на дочери витебского князя Василька, о чем нет в ростовском тексте, положенном в основу Лаврентьевской летописи. Составитель этого текста под 6718 г. сохранил только первую половину владимирской записи о приезде митрополита Матфея во Владимир; вторую же половину он передал короткой фразой: «а митрополита учредивъ отпусти и с честью»⁷⁷. Опущено о том, что митрополит служил в Успенском соборе, что были «въ веселии у великого князя Всеволода», что отпустили рязанских княгинь, что митрополит пробыл еще несколько дней «въ чести и славѣ от великого князя и от дѣтей его...» и т. д. Таким образом, во фрагменте Московского свода 1479 г. здесь видим признаки владимирского великокняжеского памятника.

Ростовский составитель текста, сохранившегося в Лаврентьевской летописи, тоже имел в руках владимирский великокняжеский летописный памятник великого князя Юрия Всеволодовича, что с полной ясностью обнаруживается при анализе рассказа о Батыевом нашествии; там владимирский текст перебивается вставками из ростовского, что было вполне основательно показано М. Д. Приселковым. Нет ничего удивительного поэтому, что некоторые владимирские известия сохранились только в Лаврентьевской летописи, а некоторые частично полнее в Лаврентьевской, чем в Московском своде. Показательно соотношение известия Лаврентьевской летописи и владимирского фрагмента Московского свода 1479 г. о женитьбе Юрия Всеволодовича под 6719 г. Во фрагменте дана дата венчания (10 апреля), опущенная в Лаврентьевской, а в Лаврентьевской упомянут епископ Иоанн и дан конец известия, опущенный в Московском своде: «и ту сущю великому князю Всеволоду и всѣм благородным дѣтемъ и всѣм велможам, и бысть радость велика в Володимери градѣ». Показательно также, что некролог Всеволода в Лаврентьевской и во владимирском фрагменте восходит к одному источнику, что видно из общего плана некролога и отдельных фраз⁷⁸. Однако в Лаврентьевской

⁷⁷ Лавр. лет. под 6718 г.

⁷⁸ Отметим также, что Всеволод в обоих текстах назван сыном Юрия и внуком Мономаха. В обоих говорится, что он был похоронен в Успенском соборе, «юже созда... братъ его Андрѣи». В обоих упоминается, что он создал Дмитриевский собор, что принес доску

кое-что выпущено и, по-видимому, не случайно. Так, нет перечисления присутствовавших на похоронах сыновей Всеволода: Юрия, Владимира, Святослава (Константина на похоронах не было). Кроме того, выпущены подробности о строительстве глав владимирского Успенского собора⁷⁹. Вместе с тем в Московском своде 1479 г. нет значительной части некролога Всеволода, что можно объяснить тем, что в этом своде некролог сокращен, вероятно, при составлении Московского свода или его источника XV в.⁸⁰; в частности, опущено упоминание (сделанное в связи с построением владимирского Рождественского монастыря) о том, что Всеволод судил суд, «не обвиняя лица сильных своих боярь, обидящих менших...» и т. д. Во второй половине XV в. подобная реплика в официальном великокняжеском своде едва ли была допустима.

Владимирский летописный памятник великого князя Юрия сохранял сведения о конфликте между Всеволодом, а затем Юрием, с одной стороны, и старшим сыном Всеволода Константином — с другой. Во владимирском фрагменте читаем важное для историка сообщение о конфликте между Всеволодом и старшим сыном Константином и тех мерах политического характера, которые принял Всеволод.

Всеволод хотел, чтобы старший сын по смерти его сел во Владимире, а Юрий в Ростове. Но Константин, получив извещение, не поехал к отцу. Он хотел «Володимиря к Ростову». Зная ход борьбы городов во второй половине XII в. в Ростово-Суздальской земле, нетрудно догадаться, что в Ростове смотрели на завещание Всеволода как на раздел земли — волости (что и было, действительно, закреплено разделением ростово-суздальской епархии в 6721 г.

с гроба св. Дмитрия, мироточащую, из Селуня, и что построил церковь и создал монастырь «Рождество святыя богородица». Наконец, в обоих текстах вслед за некрологом следует сообщение о том, что рязанские князья были отпущены в Рязань.

⁷⁹ В Лаврентьевской летописи выпущена фраза, написанная летописцем в первом лице: «и ина многа памяти достойна створи, и х же прежде писахом».

⁸⁰ В Московском своде 1479 г. нет славословия начиная от слов «много мужествовавъ...» до слов «...вся врагы его» и ниже от слов «имѣя присно страх божи...» до слов «...и до мужества». В славословии проглядывает влияние некролога Владимира Мономаха (см. слова «его имене трепетаху вся страны» и место, почти дословно повторенное в некрологе Всеволода, от слов «не взношашеся...» до слов «...под нозѣ его вся врагы»).

на две: ростовскую и владимирскую) и опасались, что за Ростовом утвердится положение второго по значению княжества. Причины конфликта коренились, по-видимому, в тех социально-политических противоречиях, которые обнаружились в стране еще после смерти Андрея Боголюбского (в 1174—1177 гг.). За спиной Константина стояла сильная ростовская боярская среда, и Всеволод счел необходимым закрепить свое завещание другими мерами. После того как Константин вторично не поехал на вызов, Всеволод созвал тот съезд «с городовъ и съ волостенъ» бояр, духовенства, купцов, дворян и «вси люди», о социально-политическом смысле которого нам приходилось говорить выше. Призванные присягнули Юрию, попечению которого была поручена и его «братия». Практика таких съездов с представителями разных сословий на Руси не получила дальнейшего развития отчасти, может быть, из-за условий татарского ига. Константин, узнав о происшедшем, «вздвиге брѣви собѣ съ гнѣвомъ на братию свою, паче же на Георгия», как читается во владимирском фрагменте, сочувствующем Всеволоду и Юрию.

Ростовский же составитель счел нужным полностью опустить сведения о конфликте, явно не желая развертывать перед читателем картину междукняжеской розни, и, наоборот, подчеркнул единение Константина с отцом, сообщив, что во время пожара в Ростове в мае того же года «христолюбивый благовѣрный князь» Константин будто бы был тогда во Владимире «у отца» и, узнав о беде, выехал в Ростов, где утешал «ростовских мужей», говоря «богъ да, богъ взя...» и т. д.

Владимирские фрагменты и под следующим годом рассказывают об отношениях, резко враждебных, между Юрием и Константином. При этом в характере изложения, как можно заметить, проглядывает черта, которую мы наблюдали выше: освещаются намерения не только владимирской, но и враждебной стороны. Под 6720 г. говорится, что Святослав ушел к брату Константину Ростовскому, а Константин, как поясняется, начал рать «замышляти» против Юрия, желая «под ним взяти Володимерь». Юрий не хотел его пустить и пошел на него с Ярославом, Владимиром и Иваном; под Ростовом они примирились. Из последующего рассказа обнаруживается, что положение оставалось неопределившимся и напряженным: теперь Владимир бежит к Константину. Тогда Юрий

с Ярославом и Иваном выходят к нему на «снем», и у Юрьева князя «смиришяся». Но затем Владимир идет на Волок, откуда Константин посылает его к Москве, где он затворяется. Между тем Святослав возвращается от Константина к Юрию, и тот дает ему Юрьев-Польский.

Если составитель ростовской (Лаврентьевской) редакции преследовал цель показывать в прошлом сцены согласия и по мере возможности не показывать распрей, то понятно, что он обо всем этом умолчал, а сказал только, что Юрий с Ярославом приходили к Ростову, «умиришася» с Константином и разошлись.

Тенденция ростовского составителя (Лаврентьевской редакции) ясно видна при сравнении Лаврентьевской летописи с владимирским фрагментом под 6721 г. Ростовский составитель не обнаруживает намерения выставить Юрия виновником разногласия с Константином; он хочет только говорить не о разногласии, а о согласии между князьями.

Во владимирском фрагменте читаем, что Константин начал «опять рать замышляти на братию», а Юрий вместе со Святославом, Ярославом, Иоанном и Давыдом Муромским двинулись к Ростову. Услышав об этом, Константин посылает «полкъ свои» на Кострому, сжигает ее, а «люди» захватывает. Юрий с «братьею» приходят к Ростову и дают сражение («и бишяся о рѣку Идшю»). Войско Юрия стоит здесь несколько дней, причем сжигает много сел около Ростова. После «докончания» с Константином рать Юрия идет к Москве, где он договаривается с Владимиром, которому дают Переяславль-Русский. В Лаврентьевской же летописи ничего не говорится ни о военных действиях, ни об опустошениях, а отмечено только, что Юрий с Ярославом вторично приходили к Ростову, «створили поряд» с Константином и пошли затем к Москве и т. д.

К сожалению, не сохранилось владимирского описания событий, связанных с Липицкой битвой в 6724 (1216) г. Дело в том, что подробный рассказ о них в Московском своде 1479 г. восходит к новгородскому источнику и близок к Софийской I летописи. А в Лаврентьевской летописи (под 6725 г.) не приведено почти никакого конкретного материала. Составитель, конечно, намеренно почти ничего не сообщает об этой междоусобной войне. В изложении событий он ограничивается несколькими словами: Юрий

и Ярослав бились с Константином у Юрьева и одолев Константин; столкновение завершилось «великой любовью» («введе я в великую любовь»). И здесь же составитель поясняет, что воздвигнуть междоусобную рознь стремится дьявол, который хочет, чтобы в вечной муке пребывал не он один, но и люди.

Наконец, в Лаврентьевской летописи совсем выпали сведения о пребывании Юрия в Городце: о том, что Константин Всеволодович (в 6725 г.) вызывал из Городца брата Юрия, который приехал к нему с «епископом своим» Симоном и боярами и был направлен Константином в Суздаль, куда и поехал, сопровождаемый своим епископом, урядившись предварительно с Константином, что после смерти последнего перейдет во Владимир. Зато в Лаврентьевской летописи, как мы видели выше, вложено в уста Константина поучение на тему о любви между князьями, адресованное ростовским князьям Васильку и Всеволоду (под 6726 г.).

Попутно отметим небольшое фактическое расхождение между показаниями владимирских фрагментов и Лаврентьевской летописью под 6721—6722 гг. Во фрагментах говорится, что епископ Иоанн по оставлении кафедры пошел в Суздаль, в Козмодемьянский монастырь, где «бысть черноризецъ»; а в Лаврентьевской летописи — что он постригся «в черньцѣ в монастыри в Боголюбомъ».

Составитель Лаврентьевской редакции совсем опустил рассказ о взятии булгарами Устюга и о нападении их на Унжу в 6727 г. Опущено было составителем ростовской (Лаврентьевской) редакции и известие, взятое, как видно, из великокняжеского владимирского памятника, о том, что рязанский князь Ингвар прислал к «великому князю» Юрию и брату его Ярославу, прося помощи против половцев; что эта помощь была оказана и половцы разбиты (см. владимирские фрагменты).

Наконец, во владимирских фрагментах значительно подробнее изложен поход на болгар 6728 г.

В основу этого рассказа владимирских фрагментов положены записи, которые велись в походе (см. «...и страшно бысть видѣти» или «бывшу же ему у лодей и въста буря с дождемъ, яко же и лодиямъ възмястися...», «Ту же и на ночь облеже. И на утрѣ ту обѣдаше поидоша...» и т. д.).

Судя по тому, что на протяжении всего рассказа в центре описываемого стоит Святослав, которого Юрий послал в поход, возможно, что записывавший был при Святославе. Он внимательно следил за ходом военных действий: за движением войска, за расстановкой «полков», за состоянием вражеских укреплений и т. д. Местами рассказ принимает художественный оттенок⁸¹ и даже с лирической окраской⁸².

И здесь материал обработан и объясняются (хотя в меньшей степени, чем в описаниях более ранних событий) намерения и поступки не только русской, но и противной стороны (например: «Слышавше же болгари въ Великомѣ градѣ и въ иных градѣхъ, яко город их Ошель взят, и печальни быша повелику зѣло, и собрашася вси...» и т. д.; или «А болгарьстии послаи пришедше сказаша своим, яко князь Юрьи стоять на Городци, ожидая братьи своей, а мира не дать, но хоцеть пакы ити на ны. Они же убоаяся зѣло...» и т. д.).

Данный фрагмент также подтверждает, что изучаемые владимирские фрагменты восходят к летописному памятнику, составленному для прославления или в память великого князя владимирского Юрия. Рассказ начинается с того, что «князь великий» Юрий послал своего брата Святослава на булгар, с ним отправил свои «полки», а «воеводство» поручил Еремею Глебовичу. А ниже в соответствии с этим рассказано, как, возвращаясь, Святослав послал вѣсть Юрию, как Юрий вышел навстречу войску, какая была «радость велика» во Владимире: «и створи князь Юрьи учреждение великое брату своему и воемъ всем по три дни...» и т. д. А потом — как сам Юрий возглавил второй поход и в результате переговоров заключил мирный договор: «яко же было при отци его Всеволодѣ и при дѣдѣ его Георгии Володимеричи...».

В Лаврентьевской редакции по сравнению с рассказом владимирского фрагмента — лишь краткая заметка. Это

⁸¹ Например, «...повелѣ же всѣм воемъ своимъ оболочитися въ бранѣ и стягы наволочити, и наряди полкы в насадѣхъ и в лодиахъ и поиде полкъ по полднѣ, бьюще въ бубны и въ трубы и в сопѣлн...» и т. д.

⁸² «Болгари же идуще по брѣгу, видяще своих ведомых, овому отци, иному сыны и дщери, другому же братья и сестры и съплеменици, и стаху покаяюще главами своими, и стонюще сердци ихъ и смѣжающе очи свои».

сильно сокращенная переработка, возможно, общего источника, хотя в распоряжении составителя могли быть и другие записи. Заметим, что он дважды употребляет местоимение «наши», аналогичное наблюдение отмечено нами выше.

Итак, мы убедились при сравнении с владимирскими фрагментами, извлеченными из Московского свода 1479 г., как неполно отражала Лаврентьевская летопись владимирский великокняжеский свод первой половины XIII в. То был памятник, составленный для прославления или в память великого князя Юрия Всеволодовича, причем составитель в ряде случаев использовал записи, которые велись во время военных действий. Но материал был обработан в нем в виде «истории», в том отношении, что освещались намерения и поступки не только своей стороны, но и враждебной.

В первой части настоящей главы мы говорили об общей тенденции, которая проглядывает в тексте XIII в. Лаврентьевской летописи, и объясняли ее условиями и обстановкой, в которой составлялся великокняжеский владимирский свод 1281 г. Параллельный анализ владимирских фрагментов и Лаврентьевской летописи в полной мере подтверждает наш вывод о задачах составителя великокняжеского свода, перерабатывавшего владимирский текст на ростовском материале.

В Лаврентьевскую летопись, точнее, в свод 1305 г., обильный ростовский материал попал вместе с великокняжеским владимирским сводом 1281 г.

Новый великокняжеский владимирский свод 1281 г хранился во Владимире, в великокняжеском центре, где он и дополнялся в 1305 г. А позднее, в 1377 г., над ним работал, как мы говорили, Лаврентий, труд которого остался во владении владимирского Рождественского монастыря.

Глава пятая

В то время как на северо-востоке страны росла территория великого княжения Владимирского, на юго-западе Восточно-Европейской равнины формировалась территория Галицко-Волынского княжества.

Будущая «областная» территория здесь начала складываться еще в X в. — «червенские города» с наиболее значительными центрами: Червеном и Перемышлем, со своей местной знатью.

В X—XI вв. появляется, судя по письменным источникам, ряд новых городов (Владимир-Волынский, Белз и др.). А к первой половине XII в. относится возвышение Галича.

Отношение князей древней «Русской земли», князей Среднего Поднепровья к юго-западным областям в XI и в первой половине XII в., по сути дела, напоминало их отношение к Новгороду, Смоленску, Ростову и другим центрам, на которые распространялись известные формы вассальной зависимости от Юга. Только о юго-западных областях второй половины XII в. можно говорить с уверенностью, как об областях самостоятельных.

Летописные сведения по истории Галицкой и Владимиро-Волынской земель второй половины XII в. очень скудны, и только о событиях XIII в. мы располагаем значительным материалом в составе Ипатьевской летописи.

В предлагаемом небольшом разделе мы отнюдь не задаемся целью дать развернутое исследование об Ипатьев-

ской летописи или о галицко-волынском летописании, а ограничимся только некоторыми наблюдениями и замечаниями о происхождении Ипатьевской летописи — киевского свода, продолженного галицко-волынским историческим повествованием.

Ипатьевский список, согласно показанию водяных знаков (определение А. А. Шахматова), составлялся около 1425 г.¹, а по другому его определению — в середине XV в.² Другой — Хлебниковский список XVI в., как явствует из записи на нем, принадлежал некогда «логофету земли Молдавской» и еще в XVII в. находился в Юго-Западной России.

Детальное сравнение текста обоих списков на всем протяжении должно стать предметом особой монографии. А. А. Шахматов дал сравнительный анализ обоих списков в пределах Повести временных лет. К сожалению, в своих выводах в данном случае он руководился гипотезой (ныне отвергнутой) о существовании Владимирского полихрона начала XIV в.³, поэтому эти выводы нуждаются в пересмотре или уточнении. Не распространяя свое заключение на другие части Хлебниковского списка (которые лежат за пределами Повести временных лет), А. А. Шахматов полагал, что составитель Хлебниковского исправлял в Повести временных лет свой оригинал по другому памятнику или другим источникам⁴. В предисловии же ко второму изданию второго тома ПСРЛ (1908 г.) Шахматов писал, что Ипатьевский список исправлялся по общерусскому летописному своду, чем объясняются места, сближающие этот список с Новгородской IV и Софийской I летописями (стр. VIII).

Следует отметить, что Ипатьевский список, хотя он и более ранний, имеет и свои недостатки по сравнению с Хлебниковским. Так, во-первых, в галицко-волынский текст Ипатьевского списка грубо вставлена со многими ошиб-

¹ ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, предисловие.

² А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. — ЛЗАК, вып. XXIX, Пг., 1916, стр. LIII: «писана в середине XV в., по всей видимости, в Пскове с южнорусского оригинала».

³ ПСРЛ, т. II, изд. 2, предисловие; А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. (далее — А. А. Шахматов. Обзорение). М.—Л., 1938, главы IV и V.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 104.

ками хронологическая сетка, как предполагал Н. М. Карамзин и доказал М. С. Грушевский⁵.

Эта сетка была вставлена уже после того, как киевский свод 1198/1199 г. был соединен с текстом галицко-волинского свода конца XIII в., так как последняя статья киевского свода — под 6706 (1198/1199) г. — была также в Ипатьевском списке неправильно разбита на годы (6707, 6708), которых нет в Хлебниковском списке. Признаком весьма поздней разбивки на годы галицко-волинской части служит и то, что этот хронологизатор, как считал весьма вероятным Н. Г. Бережков, придерживался сентябрьского стиля летосчисления⁶.

Кроме того, в Ипатьевском списке вставлены некоторые заголовки (см., например, под 6745, 6795, 6797 гг.), которых нет в Хлебниковском.

Во-вторых, в Ипатьевском списке в конце свода отсутствует ряд значительных кусков текста, сохранившихся в Хлебниковском списке. Так, под 6799 г. в рассказе об осаде Львом Кракова после слов «наоутрѣя же воставъ» в Ипатьевском списке отсутствует обширный текст, имеющийся в Хлебниковском, от слов «сладкаго лице его насыщаася...» до слов «... съ всѣми праведными. Аминь» и далее от слов «семоу же благовѣрному князю Володимерю» до слов «в среду страстное недѣли». В Хлебниковском тексте, отсутствующие в Ипатьевском, попали явно не на место. Издатель второго издания второго тома ПСРЛ А. А. Шахматов перенес эти куски (хотя не все куски разместил правильно) в текст предыдущего года, где излагается похвала Владимиру Васильковичу. Заметим, что среди частей текста, попавших не на место, оказалась в Хлебниковском списке и статья о турово-пинских князьях (последний — Владимир Иванович), которая читается в Ипатьевском списке в конце свода, а в Хлебниковском списке оказалась среди известий, относящихся к другому Владимиру — Владимиру Васильковичу. В Хлебниковском списке, и тоже не на месте, оказался большой

⁵ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, кн. I, т. III, изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, прим. 113. Н. М. Карамзин пользовался как Ипатьевским, так и Хлебниковским списками; М. Грушевский. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. XLI, Львів, 1901.

⁶ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 210—211.

текст, содержащий обширный некролог Владимира Васильковича, от слов «Князь же Володимеръ въ княжении своем многы города зроуби» до слов «тоуто же положим конецъ Вьлодимеровоу княжению». В Ипатьевском списке этого текста нет совсем.

Не на месте оказалась в Хлебниковском списке и грамота Мстислава, которая, судя по ходу изложения, правильно помещена в Ипатьевском списке. Грамота Мстислава оказалась в Хлебниковском списке не на месте вместе с большим массивом текста. Так, после слов «отца и сына и святого духа» (стлб. 925) в Хлебниковском читаем: «Се азъ князь Мьстиславъ, сынъ королевъ...» (см. текст в печатном издании, стлб. 932 до слов «а вписал есмь в лѣтописецъ коромолоу их»). Вслед за тем в Хлебниковском читаем: «И оутвердив же засадоу в Берестии и поеха до Володимеря. Приехавшю же емоу оу Володимеръ и съехашася к нему бояре его старии и молодии бесчисленное множество. Тогда же приехалъ бяше Кондрать князь Съмовитовичъ». И далее, как в издании: от слов «Князь же Мьстиславъ сѣде на столѣ брата своего...» (стлб. 932) до слов «...город свои Волковыескъ, абы с ними миръ держалъ» (стлб. 933). О том, что Мстислав утвердил засаду в Берестье и поехал во Владимир, здесь не повторяется. Думаю, что в оригинале так же, как в Хлебниковском, об этом сообщалось после текста грамоты, и в Ипатьевском списке это сообщение (стлб. 933) передвинуто. О «коромоле» берестыян сообщалось в оригинале выше, как явствует из сравнения обоих списков. Затем в Хлебниковском после слов «миръ дрѣжалъ» читаем, как в издании, от слов «Тогда же приехалъ бяше Кондрать...» (стлб. 933) до слов «...наутриа же въставъ...» (стлб. 935). После этого в Хлебниковском фрагмент от слов «И зрення сладкаго...», о котором мы говорили.

Попытаемся определить формат общего юго-западного оригинала Ипатьевского и Хлебниковского списков или их протографов. Путаница в тексте в конце Хлебниковского и отсутствие нескольких значительных фрагментов в Ипатьевском могли произойти, прежде всего, или при переплетении, или по ветхости оригинала. Последнее подтверждается тем, что в некоторых местах свода переписчики обоих списков не могли разобрать текста с описанием событий XII в., о чем будем говорить ниже, в главе VII.

Если так, то те куски текста, которые отсутствуют в Ипатьевском и попали не на свое место в Хлебниковском, должны быть размером не менее одного листа.

Кусок от слов «и зрениа сладкаго лице...» до слов «...праведными. Аминь» занимает в столбце печатного текста (второе издание) 14 строк. Следующий кусок от слов «Князь же Володимерь...» до слов «...конецъ Вьлодимеровоу княжению» занимает 84 строки. Кусок от слов «Семоу же благовѣрномуу» до слов «страстное недѣли» занимает 13 строк. Если в листе общего протографа Ипатьевского и Хлебниковского было около 14 строк, то второй кусок текста (84 строки) занимал ровно 6 листов. Если наш расчет правилен, то оригинал Ипатьевского и Хлебниковского был малого размера, в восьмую долю листа.

Тот кусок текста о пинских князьях, который в Хлебниковском списке тоже попал не на место, был на последнем листе свода, чем и объясняется, что он занимает только 9 строк: конец страницы был, как обычно делали, оставлен чистым.

При определении времени, когда «составлялась» владими́ро-волы́нская «летопись», приводили тексты, указывающие, что рассказ был составлен «позже»: «тогда же бяхоу вси князи в неволѣ татарьской»⁷. Следует сделать следующую оговорку. Здесь дело идет не о татарском иге вообще, а о принуждении, с одной стороны, и о необходимости повиноваться — с другой, когда татары заставляли русских князей воевать с собою. Принудительность участия в таких походах оговаривается, чтобы оправдать участие в них русских князей: татары в походе Телебуги «учиниша пусту землю Володимерскую», а князь Лев, после ухода Телебуги и Ногая «сочте колко погибловоѣ его землѣ людии: што поимано, избито, и што ихъ божию волею изъмерло — полѣтрѣтьинадесять тысячѣ» (Ипат. лет. под 6791 г.). Слова «тогда», «тогда же» могли быть написаны, когда обрабатывался владими́ро-волы́нский свод: например, в конце 80-х или в начале 90-х годов XIII в.

Где же был написан общий оригинал Ипатьевского и Хлебниковского списков? Он писался, по-видимому, в Турово-Пинском княжестве: последние, заключительные

⁷ Ипат, лет. по обоим спискам (в Ипатьевском списке под 6791 г.).

статьи Ипатьевской летописи относятся не к галицко-во-лынским князьям, а к пинско-туровским, к пинскому князю Юрию, брату его Демиду и к степанским князьям Ивану Глебовичу и Владимиру Ивановичу (г. Степань лежал на р. Горыне, тоже в Турово-Пинском районе). Ипатьевский список заканчивается этими известиями.

Сын Юрия Пинского князь Димитрий был родоначальником князей Острожских. Это мнение основывается на генеалогических записях старых помянников киевских церквей, куда был внесен «род князя Константина Ивановича Острожского» вскоре после его погребения в Печерской церкви в 30-х годах XVI в. и помянника Дубенской церкви⁸.

В роду Острожских и мог сохраниться общий протограф списков Ипатьевской летописи.

Когда писался в Пинске владими́ро-во-лынскій свод, то были ли только сделаны приписки к нему в конце свода или «списатель» в какой-то мере редактировал свод?

В текст владими́ро-во-лынско́го свода пинский переписчик мог делать вставки. К сожалению, не сохранилось других, более ранних или более поздних редакций владими́ро-во-лынско́го свода или близких к нему летописных компиляций. Поэтому мы не будем по этому вопросу делать определенные выводы. Сведения о пинских князьях мог сообщать и во-лынскій летописец. Но все же некоторые указания самого текста, позволяющие предполагать пинскую вставку в первоначальный текст, мы имеем. Так, под 6756 г. в Ипатьевском, а также в Хлебниковском рядом дважды сообщается о том, что Скомонд был убит. Вторично сообщается в небольшом отступлении с упоминанием о «Пинской земле»: «Скомондъ бо бѣ во-лъхвъ и кобникъ нарочитъ, борзъ же бѣ яко и звѣрь, пѣшь бо ходя повоева землю Пинскую, иныи страны; и убьенъ бысть нечестивый, и глава его взотъчена бысть на колъ». Но следующая фраза продолжает мысль текста, предшествующего цитированному отступлению с характеристикой Скомонда.

Под предыдущим годом в Ипатьевском списке, а также в Хлебниковском обращает на себя внимание, что хотя Михаил из Пинска (князь или боярин?) сносился с Литвою, в тексте написано, что после поражения Литвы «бысть

⁸ М. А. Максимович. Письма о князьях Острожских. — Собрание сочинений, т. I. Киев, 1876, стр. 165—167.

радость велика во Пиньскѣ градѣ». Заметим, что ниже в обоих списках (в Ипатьевском — под 6761 г.) читаем: «князи же пиньсци имѣяху лествъ»; дело шло о войне с Литвою.

Ниже, в обоих списках (в Ипатьевском — под 6770 г.) после рассказа о поражении Литвы у Небля и перед заключительной фразой «А Василко поѣха к Володимѣрю с побѣдою и честию великою...» написано следующее отступление о пинских князьях, в войне не участвовавших: «Се же услышавъше князи пиньсци и, Федоръ и Демидъ и Юрьи, и приѣхаша к Василкови с питъемъ и начаша веселитися, видяше бо ворогы своя избиты, а своя дружина вся чѣла, токмо одинъ убить от полка Василкова, Прѣборъ сынъ Степановъ Родивича. По семъ же князи пиньсци поѣхаша во свояси».

Когда киевский свод Рюрика Ростиславича, кончавшийся на событиях 1198/99 г., был соединен с юго-западной летописью? Анализ киевского источника Московского свода 1479 г. подтверждает, что свод Рюрика Киевского 1198/99 г. действительно существовал, т. е. свод, составленный при его жизни и восхвалявший его при жизни (см. гл. VI и VII). Не исключена возможность, что соединение киевского свода с галицко-волынским было сделано в Пинске: известно, что пинско-туровские князья имели в лице Рюрика Ростиславича Киевского искреннего союзника⁹, и, следовательно, копия с его свода могла сохраняться в Пинске. Однако утверждать это за недостатком данных нельзя. Более оснований предполагать, что соединение с киевским сводом имело место во Владимире-Волинском. В пользу такой возможности говорят следующие наблюдения и соображения. Во-первых, в волинском своде, в тексте, написанном после смерти Владимира Васильковича, имеются значительные куски, почти дословно совпадающие с киевским сводом, как было показано И. П. Ереминым¹⁰, т. е. заимствованные из киевского свода XII в. Во-вторых, построение галицко-волинского свода как про-

⁹ М. Грушевський. Історія України — Руси, т. II, изд. 2. у Львові, 1905, стр. 310.

¹⁰ И. П. Еремин. Волинская летопись 1289—1290 гг. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 113—114.

должения киевского, как отмечал М. Д. Приселков, могло иметь значение для Галицко-Волынского края как раз в конце XIII в., когда на Руси назревал вопрос о переезде митрополита из Киева на Северо-Восток и вопрос об особой галицкой митрополии, которая и была учреждена в 1303 (1302/3) г.¹¹

Отсутствие параллельных галицко-волынской части Ипатьевской летописи текстов — других редакций или близких летописных памятников — не дает возможности сколько-нибудь прочно решить, какие существовали памятники владими́ро-волынского летописания во второй половине XIII в. Несомненно только, что существовал летописный памятник Мстислава Даниловича, дошедший до нас с пинскими приписками (или в пинской редакции?). Довольно ясно в тексте видна граница между галицким летописанием и владими́ро-волынским, что отмечалось в научной литературе¹². Оба текста соединены словами «По сем же минувшима двѣма лѣтома бысть тишина во всей землѣ»¹³. В Ипатьевском списке еще в середине этой фразы вставлены слова «Въ лѣто 6769». Предшествующий соединительным словам текст обрывается в обоих списках на середине фразы, на словах «еже (в Хлеб. «аще») ли азъ буду. . .»

Без сомнения и до вокняжения Мстислава Даниловича во Владимире летописание там велось. Так, в Хлебниковском и Ипатьевском (под 6785 г.) читаем подробное описание того, как Мстислав и Юрий, «утаившеся» Владимира, послали отдельно от общей рати «лучших» своих бояр и слуг под Городен (ныне — Гродно); там почти весь отряд был уничтожен, частью пленен, а Ростислав Мстиславич прибежал «наг и бос». Этот поступок Мстислава и Юрия летописец называет «безумием» и говорит об отрицательном отношении к нему Владимира (в Хлеб. «а Во-

¹¹ М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 67, серия исторических наук, вып. 7. Л., 1941; А. С. Павлов. О начале галицкой и литовской митрополии и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV века. — «Русское обозрение», 1894, № 5.

¹² Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. — «Исторические записки», т. 12, 1941, стр. 228—229; И. П. Еремин. Указ. соч., стр. 109—110.

¹³ В Ипатьевском списке слова «минувшима двѣма лѣтома» переделаны на «минувшему лѣтоу».

лодимерови не любо»; в Ипат. «бысть на нею» и приписано: «нелубо»). Как видно, этот рассказ писался до вокняжения Мстислава во Владимире-Волынском, при Владимире Васильковиче.

Приведем другое место¹⁴. В Хлебниковском и Ипатьевском списках под 6795 г. рассказано рядом в двух вариантах о том, что ответил Мстислав Владимиру через епископа на предложение «ряд» учинить «о землю и о городаы и о княгинѣ своеи», на желание Владимира «грамоты писати» (ниже вставлен текст грамоты). Первый вариант от слов «Мѣстиславъ же рече епископоу брата своего: господине, рци, брат мой...» и до слов «...по своемъ животѣ». Непосредственно вслед за этим другой вариант: от слов «Мѣстиславъ же рече епископоу брата своего: господине, рци братоу...» и т. д. до слов «...како божья воля и твоя». Во втором варианте ответ является, в сущности, прямым ответом на слова Владимира и представляется первоначальным, написанным при Владимире. Первый же — скорее попыткой оправдать себя со стороны Мстислава от обвинений, подобных тем, о которых летопись рассказывает выше (о том, что Мстислав при жизни Владимира уже начал распоряжаться селами и городом Всеволожем). Видимо, что один вариант — второй — написан при Владимире, другой — при обработке материала при Мстиславе.

Во всяком случае, бесспорно, что при Владимире собирался, подготавливался материал для летописного памятника.

Велись также записи о военных событиях; были ли это военные отчеты или записи, целью которых была подготовка материала для летописного памятника, сказать трудно, но они носят следы записей, современных описываемым событиям. См., например, в Ипатьевской под 6789 г. и в Хлебниковском подробности переговоров с Кондратом, точные сведения о движении отдельных групп войска с упоминанием имен военачальников, подробности осады города; подробности геройской смерти Раха и прусина с указанием количества воинов, топографической обстановки и т. п. Основная запись составлялась

¹⁴ Место это было отмечено А. И. Генсюрским в работе «Редакції Галицько-Волинського літопису». — «Наукові Записки Інституту суспільних наук АН УРСР», т. IV, вып. 2, Київ, 1957. Но существование ряда сводов — редакций, предположенных автором, обосновано недостаточно.

военным, о Рахе и прусине в заключение: «Сии же умроста мужественемъ сердцемъ, оставлеша по собѣ славу последнему вѣку». См. также о победе берестян и о воеводе Тите: «вездѣ словни мужьствомъ на ратѣхъ и на ловѣхъ...» См. также подробности о переходе через Вислу и через Сан под 6791 г. в Ипатьевском, а также в Хлебниковском, и т. п. И при этом (под 6789 г.) о Владимире, который в походе не участвовал: «помочью брата своего Володимера»; «и посла предѣ собою вѣсть к осподину своему князю Володимирови»; «Володимѣрь же радѣ бысть повелику»; о наставлениях Владимира и т. п.

Но дошедший до нас текст Ипатьевского летописного свода носит уже следы летописного текста, составленного в княжение Мстислава, о чем мы говорили выше, и с признаками, хотя и немногими, работы при владимиро-волинском епископском соборе св. Богородицы. Немногие точные даты сделаны несомненно во владимиро-волинской «епископии», т. е. во владимиро-волинском соборе. Так, указав на год, место и день смерти Владимира Васильковича, летопись в обоих списках рассказывает, что тело его было убрано, как достойно «царемъ», привезено во Владимир в «епископю ко святоѣ Богородици» и там поставлено «на санѣх во церкви, з а н е б ы с т ь п о з д н о»; как на следующее утро уже узнал о случившемся весь город, кто пришел в собор, какая была служба, как и когда тело его положили в гроб. Другая точная дата, в Хлебниковском списке, показывает, сколько времени, до которого месяца и дня тело лежало в гробу в соборе «не замазано», как тело осматривал епископ Евстигней со всем «клиром» и т. п. Весь обширнейший некролог Владимира Васильковича написан в церковном духе, приводится «плач» княгини, «плач» «лѣпших мужей володимерских», перечисляются христианские добродетели покойного и заслуги перед церквями и монастырями и т. д. Но для нас самое важное — это та идея, которая проводится в некрологе: Мстислав — преемник и продолжатель дела Владимира; воздавая хвалу Владимиру, автор как бы прославляет Мстислава. Эта идея вложена в построение знаменитого киевского памятника — «Слова о законе и благодати». И из этого памятника автор некролога берет большие куски, относя только то, что в них говорится, не ко Владимиру Киевскому и Ярославу Мудрому, а к Владимиру Васильковичу и Мстиславу Даниловичу.

При изучении Ипатьевской летописи не уделяют обычно должного внимания «Слову о законе и благодати» как источнику последней ее части. В специальной статье, посвященной отражениям «Слова» в позднейшей литературной традиции, А. В. Никольская приводит только часть текста Ипатьевской летописи (без указания списка), заимствованного из «Слова», и без параллельного текста из последнего¹⁵. Поэтому прежде всего нам следует дать полный параллельный текст обоих памятников: в левой колонке — из первой, древнейшей редакции (по единственному Синодальному списку), а в правой — по Хлебниковскому списку Ипатьевской летописи, который сохранил большую часть интересующего нас текста.

«Слово о Законе
и благодати»¹⁶

Хлебниковский список
Ипатьевской летописи¹⁷

л. 189 К сему же кто исповѣсть
многыя твоя ношныя милос-
тыня и дневныя щедроты,
яже къ оубогымъ тво-
ряше, къ сирымъ, къ бо-
лящимъ, къ || дѣлжны-
мъ, къ вдовамъ и къ
всѣмъ требующимъ ми-
лости? Слышалъ бо бѣ гла-
голъ глаголаный¹⁸ Дании-
ломъ къ Наоуходоносороу:
свѣтъ мой да боудеть ти
годѣ, царю Наоуходононо-
соре¹⁹, грѣхы твоя милости-
нями оуѣсти, и неправды
твоя щедротами нищихъ.
Еже слышавъ ты, о чести-
ниче¹⁹, не до слышания
стави глаголаное, нѣ дѣломъ
сѣконча, просящимъ пода-

Къ сему же кто испо-
вѣсть многыя твои ношныя
милостыня и дивныя ще-
дроты, яже къ оубогымъ тво-
ряше и къ || сиротам и къ
болящим, къ вдовам и къ
жаднымъ всѣмъ творяше ми-
лость, требующимъ мило-
сти? Слышалъ бо бѣ глаголъ
господень къ Навходоносо-
роу царю: свѣтъ мой да бу-
детъ(ъ) ти вгоден, и неправды
твоя щедротами нищих. Еже
слыша ты, о честниче, дѣломъ
сконча слышаное, просящимъ
подаа, нагыя одѣваа, жа-
дныя и алычныя насыщаа, бо-
лящимъ всяко оутѣшение по-
сылаа, дѣлжныя искупаа,
работныя свобождаа. Твоя

стр.
766

стр.
761

¹⁵ А. В. Никольская. «Слово» митрополита киевского Илариона в позднейшей литературной традиции. — «Slavia», г. VII, sv. 4, v Prazе, 1929, str. 862.

¹⁶ По списку ГИМ, Синод. № 591.

¹⁷ По Хлебниковскому списку — ГПБ, F. IV, № 230.

¹⁸ После «глаголаный» в рукописи слегка смытые буквы «къ».

¹⁹ Так в рукописи.

ваа, нагѣа одѣвая, жадныа
и алычны насыщая, боля-
щиимъ всяко оутѣшение по-
сылаа, должныа искупая,
работнымъ свободу дая.
Твоя бо щедроты и мило-
стыня и нынѣ въ чловѣ-
цѣхъ поминаемы суть, паче
же предъ богомъ и аггеломъ
а. 190 его. Ея же ради || добро-
прилюбныа богомъ мило-
стыня, много дръзновение
имѣши къ нему, яко при-
сныи христовъ рабѣ. Пома-
гаетъ ми словеси рекыи: ми-
лость хвалится на судѣ; и
милостыни мужу, акы пе-
чатъ съ нимъ. Вѣрнѣ же
самого господа глаголь: бла-
жени милостивии, яко тѣ
помиловани боудуть. Ино
же яснѣ и вѣрнѣ посло-
ушество приведемъ о тебѣ
отъ святыихъ писании, рече-
ное отъ Иакова апостола, яко
обративый грѣшника отъ за-
блуждения пути его, спасетъ
душу отъ смерти и покрѣтъ
множество грѣховъ
а. 190 об. . . . и церкви христови
поставль и слоужителя ему
а. 191 въведъ, подобниче || вели-
кааго Коньстантина, равно-
оумне, равнохристолоубче,
равночестителю слоужите-
лемъ его; нѣ съ святыми
отци Никеискааго събора

бо щедроты и милостыни и
нынѣ в чловѣцѣхъ поми-
наемы суть(ь), паче же предъ
богомъ и аггелы его. Ея же
ради добропрелюбныа бо-
гомъ милостыня, много дръ-
зновение имѣши къ нему,
яко присныи рабѣ христовѣ.
Помагаетъ(ь) ми словеси ре-
кыи: милость хвалится на
суду²⁰, милостыни мужоу,
яко печат(и)²¹ с нимъ. Вѣр-
нѣ же самого господа гла-
голь: блажени милостивии,
яко тии помиловани будо-
ут(ь). Иное же яснѣ и
вѣрнѣ послушество приве-
дем(ь) о²² тебе отъ святыхъ
писании, реченное Иаковомъ
апостоломъ, яко обративый
грѣшника отъ заблуждения
пути его, спасетъ(ь) душу и
покрѣтъ(ь) множество грѣ-
ховъ. Тѣ же и церкви многы
христовы поставль и слоу-
жителя его въведъ, подобниче
великаго Костянтина, равно-
оумне, равнохристосолюбче,
расночтителю слоужителемъ
его. Онъ съ святыми отци
Никеискааго събора законъ чело-
вѣкомъ полагаше, ты же
съ епископы и игумены
снимаася чысто съ многымъ
смирениемъ много бесѣдоваше
отъ книгъ о житии свѣта сего
тлѣннаго²³. . . ||

²⁰ Буква «у» приписана над строкой к надстрочной букве «д».

²¹ В рукописи «печа» в строке, а буква «т» и знак " над строкой.

²² В рукописи «w».

²³ Далее в Хлебниковском «но мы на подлежащее возвра-
тимся. . .»

л. 191
об.

законъ челоуѣкомъ полагаше, ты же съ новыми нашими отци епископы сънимаяся чясто, съ многымъ съмѣрениемъ съвѣщаваашеся, како въ челоуѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ господа законъ оуставити...
... чести обещаника сътворишь ты господь на небесѣхъ, благовѣриа твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ. Добрь пастухъ²⁴ благовѣрию твоему, о блаженче, святаа церкви святяа богородица Мариа, яже създа на правовѣрнѣи основѣ, иде же и моужьственное твое тѣло нынѣ лежитъ, (о)жидатrouбы архаггельскы.

л. 192

Добрь же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твои Георгии, его же сътвори господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ оуставъ, нѣ оутвержающа, ни оумаляюща твоему благовѣрию положения, но паче прилагающа, не казѣяща²⁵, || нѣ учиняюща, иже недокончаная твоя доконча²⁶, акы Соломонъ Давыдова²⁷, иже домъ божии великыи святыи его прѣмуд-

и чести ты²⁸ обѣщника господь на небесѣхъ сподоби благовѣриа твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ. Добрь послоухъ благовѣрию твоему обилниче святаа церкви святаа Богородица Мариа, юже създа прадѣд твои на правовѣрнои основѣ, иде же и мужественное твое тѣло лежитъ(ь), ждатrouбы архангеловы. Добрь зѣло послоухъ братъ твои Мѣстиславъ, его же сътвори господь намѣстникъ(а) по тебѣ твоемъ(у) владычествоу, нероушаща твоихъ оуставъ, но оутвержающа, ни оумаляюща твоему благовѣрию положения, но паче(е) прилагающа, не казѣя, но вчиняюща и иже нескончаннаа твоя оучиняюща, яко Соломонъ Давыда, иже домъ божии великыи святыи его мудрости създа на святость и на очищение граду твоему, юже всякою красотою оукраси: златомъ и серебромъ и каменiemъ драгимъ, и съсуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ окроужнымъ сторонамъ, яка же ина не обрящется въ всемъ полоунощи земля отъ

²⁴ Так в рукописи. В Чудовском списке «послоух» — ГИМ, Чуд., № 262, л. 416.

²⁵ В рукописи «сказаша». Исправлено по ГИМ, Чуд., № 262, л. 416 об.

²⁶ В рукописи «наконча». ГИМ, Чуд., № 262, л. 416 об. — «накончаяя».

²⁷ В рукописи «да давыдова».

рости създа на святость и
освящение граду твоему,
юже съ всякою красотою
оукраси, златомъ и среб-
ромъ и камениемъ драгимъ,
и съсуды честными, яже
церкви дивна и славна
всѣмъ округниимъ стра-
намъ, яко же ина не обря-
щется въ всемъ полунощи
земнѣмъ, ото вѣстока до
запада, и славныи градъ
твой Кыевъ величствомъ,
яко вѣнцемъ, обложилъ,
прѣдалъ люди твоа и градъ
святѣи всеславнии, скорѣи
на помощь христианомъ,
святѣи Богородици, ей же
и церковь на великихъ
вратѣхъ създа въ имя пер-
вааго || господьскааго празд-
ника святааго Благовѣще-
ния, да еже цѣлование ар-
хаггелъ дасть Дѣвици,
будеть и граду семоу. Къ
онои бо: радуися, обрадо-
ванаа, господь с тобою!
Къ граду же: радуися, бла-
говѣрныи граде, господь
с тобою! Въстани, о чест-
наа главо, от гроба твоего,
въстани, оттряси сонъ; нѣси
бо оумерлъ, нѣ спиши до
объшааго всѣмъ вѣстания.
Въстани, нѣси оумерлъ,
нѣстъ бо ти лѣпо оумрѣти,
вѣровавшу въ Христа, жи-
вота всемоу мироу. Оттряси
сонъ, възведи очи, да ви-
диши какая тя чѣсти гос-
подь тамо съподобивъ, и на

востока и до запада, и слав-
ныи город твой Вълодимеръ
величествомъ, яко венецъ, об-
ложен, преда люди твоа и
город святѣи и славнѣи и
скорѣи на помощь хри-
стианомъ святѣи Богородици
да еже целование арханге-
лово дасть Богородици, бу-
детъ(ь) и городуу семоу || ко
онои бо: радуися, обра-
дованнаа, господь с то-
бою! Къ городуу же: ра-
дуися, благовѣрныи городе,
господь с тобою! Въстани
от гроба твоего, о честнаа
главо, въстани, отряси сонъ;
нѣси бо оумрѣлъ, но спи-
ш(и) до общааго вѣстания.
Въстани, нѣси бо оумрѣлъ,
нѣс(тъ) бо ти оумрети лѣпо
вѣровавшу въ Христа, все-
моу мироу живодавца. От-
ряси²⁸ сонъ, възведи очи,
да видиши какою ти чѣти
господь тамо сподобивъ, и
на земли не безпамятно
оставил братомъ твоимъ
Мѣстиславомъ. Въстани до
брата своего, красящааго столъ
земли твоя; к немуу же
виж(ь) и благовѣрноую
свою княгиню, како благо-
вѣрие дръжит по приданию
твоемоу, како поклонятся
имени твоемоу. Видѣ же
яко аще не тѣломъ, но ду-
хомъ. Показаетъ(ь) ти господь
вся си", яко твое вѣрное
въсѣяние не исушено бысть
зномъ невѣриа, но дѣжчемъ

²⁸ В рукописи «ѡ трыси».

земли не беспамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Вѣстани, виждь чадѣ свое Георгия, виждь оутробу свою, виждь || милааго
л. 193 своего, виждь, его же господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящааго столъ земли твоеи, и възрадуися и възвеселися. Къ сему же виждь и благовѣрную сноху твою Ерину, виждь вѣноуки твоя и правноуки, како живутъ, како храними соуть господемъ, како благовѣрие держать по прѣдаванию твоему, како въ святыхъ церкви чыстятъ, како славятъ Христа, како покланяются имени его. Виждь же и градъ величствомъ сияющъ, виждь церкви цветущи, виждь христианство растуще, виждь градъ иконами святыхъ освѣщаемъ и блистающеся, и тимьяномъ обухаемъ, и хвалами и божественными пѣньми святыми оглашаемъ. || И си вся видѣвъ, възрадуися и възвеселися и похвали благааго бога всѣмъ симъ строителя. Видѣ же, аще и не тѣломъ, нѣ духомъ. Покажетъ ти господь вся си, о нихъ же радуися и веселися, яко твое вѣрное вѣсианіе не исушено бысть зноемъ невѣрія, нѣ дождемъ божіа поспѣшанія распложено бысть многоплоднѣ.

божіа поспѣшанія распложено бысть(тъ) многоплоднѣ. Радуися, учителю нашъ и наставниче благовѣрія; ты правдою бѣ оболочен, крѣпостию же препоясанъ и милостиною, яко гривною, оутварю златоу, оукрасоуся, истинною обвит, смысломъ вѣнчанъ. Ты бѣ, о честная глава, нагымъ одѣяніе, ты бѣ алчущимъ крѣмителъ(ь) и жажущимъ въ оутробѣ оглаженіе, вдовицамъ помощникъ, страннымъ покойщикъ, беспокровнымъ покровъ, обидимымъ заступникъ, обогащеніе оубоимъ, странноприемникъ. Имъ же благымъ дѣломъ и нынѣ възмездіе приемля на небесѣхъ, благаа же оуготова богъ любящимъ отца и сына и свят(а)го духа, || и зренія
стр. 776
сладкаго лица его насыщаася, моли о земли брата своего преданія ему тобою и о людехъ, въ нихъ же благовѣрно владычествова, да съхраниши я въ мирѣ и въ благовѣрії, и да славится въ немъ правовѣрію, и да блюдетъ(ь) господь богъ отъ всякаго рати и преданія, и отъ голода, нашествія иноплеменикъ и отъ оусобныхъ рати. Паче же помолися о братѣ своемъ Мъстиславѣ добрыми дѣлы, безъ соблазна богомъ даннааго оуди оуправившю, стати с тобою непостыдно предъ

Радуйся въ владыкахъ апостоле, не мертвыя тѣлеса въскрѣшав, нѣ душою ны мертвы, оумеръшаа недугомъ идолослужения, въскрѣсивъ, тобою бо обожихомъ и живота Христа познахомъ; съкорчени бѣхомъ от бѣсовьскыя лсти, и тобою прострохомся и на путь животныи наступихомъ; слѣпи
л. 194 бѣхомъ || от бѣсовьскыя
льсти²⁹ сердечными очима, ослѣплени невидѣниемъ, и тобою прозрѣхомъ на свѣтъ трисолнечнаго божьства; нѣми бѣхомъ, и тобою проглаголахомъ, и нынѣ оуже мали и велицѣи славимъ единосущную троицу. Радуйся, оучителю нашъ и наставниче благовѣрию! Ты правдою бѣ облѣченъ, крѣпостию прѣпоясанъ, истинною обоутъ, съмысломъ вѣнчанъ и милостынею, яко гривною и оутварю златою, красуюся.

Ты бѣ, о честнаа главо, нагымъ одѣние, ты бѣ алчѣнымъ кѣрмитель, ты бѣ жаждующимъ утробѣ оухлаждение, ты бѣ въдовницамъ³⁰ помощникъ, || ты бѣ страннымъ покойще, ты бѣ бескровнымъ покровъ, ты бѣ обидимымъ заступникъ, оубогымъ обогащение. Им же благымъ дѣломъ и инѣмъ възмездие

л. 194
об.

престоломъ вседръжителя бога и за труд паствы людии его приати от него вѣнецъ славы нетления съ всѣми праведными. Аминъ(ъ).

²⁹ В рукописи «льсти и тобою прострахомся».

³⁰ В рукописи «въдовицамъ вдовицамъ».

приемля на небесѣхъ, благо-
гая же оуготова богъ вамъ,
любящимъ его, и зрѣнія
сладкааго лица его насы-
щааяся, помолися о земли
своеи и о людехъ, въ нихъ же
благовѣрно владычествова,
да съхранить а въ мирѣ и
благовѣрии, преданѣмъ то-
бою, и да славится въ нем
правовѣрие, и да кленется
всяко еретичьство, и да
съблюдетъ а господь богъ
от всякоа рати и плѣнения,
от глада и всякоа скорби и
сѣтуждения. Паче же помо-
л. 195 лися о сынѣ || твоємъ, бла-
говѣрнѣмъ каганѣ нашемъ
Георгии, въ мирѣ и въ
сѣдравии поучину житиа
прѣплути и въ пристанищи
небеснааго завѣтриа при-
стати неврѣдно корабль ду-
шевные и вѣру съхранѣшу и
съ богатествомъ добрыми
дѣлы; безъ блазна же бо-
гомъ данна ему люди оупра-
вивѣшу, стати с тобою не-
постыдно прѣд прѣстоломъ
вседръжителя бога и за
трудъ паствы людии его
приати от него вѣнецъ сла-
вы нетлѣнныа съ всѣми пра-
ведными, трудившимися
его ради³¹.

Тот список «Слова о законе и благодати», который
имел в своих руках составитель владими́ро-волы́нского
свода конца XIII в., содержал, как видим, заключение,
в котором после слов «юже всякою красотою украси» сле-
довали слова «златомъ и сребромъ и каменѣмъ драгимъ

³¹ Далее в рукописи киноварью написано «Молитва».

и сосуды честными...» и в котором автор обращался к Владимиру Киевскому (к его гробнице?) и просил его посмотреть на украшающего престол земли «твоеи» сына Георгия, т. е. Ярослава³². Это был список, содержащий, таким образом, редакцию, называемую полной и представленную ныне единственным списком — ГИМ, Синод., № 591, XV в. Но в отличие от списка Синодального собрания к тексту «Слова» этого списка не была присоединена «Молитва» в качестве составной его части, поскольку, судя по Хлебниковскому списку, после слов «и за трудъ паствы людий его приати от него вѣнецъ славы нетления, съ всѣми праведными» следовало слово «аминь».

Такое показание Ипатьевской летописи согласуется с выводом, сделанным Н. Н. Розовым на основании палеографических наблюдений над синодальной рукописью, что «молитва» не была первоначально составной и заключительной частью «Слова о законе и благодати», а самостоятельным произведением³³.

Писался ли текст некролога Владимира Васильковича в 1288/89 г., вскоре после его смерти, или на исходе 80-х — начале 90-х годов, когда был составлен владимирово-волинский свод Мстислава, дошедший до нас в Пинском списке или редакции, — мы сказать затрудняемся, так как и после заголовка о начале княжения Мстислава (в г. Владимире) замечаем в тексте показания, аналогичные показаниям предыдущего текста. Первое же известие после заголовка рассказывает о приезде Мстислава «в епископию ко святой Богородици», где было положено тело Владимира Васильковича. И единственная точная дата — о вокняжении Мстислава 10 апреля 6797 г. «на самыи Великъ день» — относится к записи, сделанной той же рукой (и, по-видимому, рукой клирика), которая выше писала или обрабатывала известие о вокняжении Владимира Васильковича. И там, и здесь говорится: «правдолюбьемъ свѣтятся ко всеи

³² Тексты Ипатьевской летописи должны быть использованы при реконструкции первоначального текста «Слова». Вопрос об отношении фрагментов из Ипатьевской летописи к архетипу «Слова» был поставлен Л. Мюллером — *L. Müller. Des metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Gleubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 144.*

³³ Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — «*Slavia*», т. XXXII, sv. 2. Praha, 1963, стр. 144—145.

братьи свои и къ бояромъ» и «к простымъ людямъ»; только о Мстиславе прибавлено: «и бысть радость велика тогда людямъ: се воскресение господне, а се княже сѣдѣние». Там составитель присовокупил: «а Левъ нача княжити в Галичѣ и в Холмѣ, по братѣ по своему по Шварнѣ». А здесь, в дальнейшем рассказе с сочувствием составитель отзывается о брате Мстислава Льве, который, несмотря на неуспех под Краковом, возвращается «восвояси с честию великою».

Летописание во Владимире-Волынском велось, как мы убедились, и до вокняжения Мстислава, и нет ничего удивительного в том, что значительно выше (в Ипатьевском списке под 6776 г.) описано подробно, как преступление, подсказанное дьяволом, убийство Войшелга, совершенное Львом, заманившим литовского князя. Это было время, когда открывались широкие перспективы для распространения русского культурного влияния в Литве. Дело в том, что Войшелг передал «Литовскую землю» зятю своему русскому князю Шварну. Сам он был очень близок к семье Василька и, очевидно, к Владимиру Васильковичу и считал Василька своим «отцом». Будучи ранее язычником и (как описывает летописец) неукротимой жестокости, он обратился затем в православие и ушел в монастырь. Со смертью Шварна в «Литвѣ» начал княжить Тройден, в адрес которого летописец посылает самые не лестные эпитеты. Со Львом Тройден был «во велицѣ любви», а с Владимиром Васильковичем — в отношениях неприязненных.

Во Владимире, в кафедральном епископском соборе высоко оценивали миссионерскую деятельность Владимира Васильковича. Подробно перечисляются построенные им в разных городах церкви. Сам он любил рукописную книжность, сохранились даже названия «книг», которые он «сам списа»; автор некролога свидетельствует, что он был не только «книжник велик», но и вообще образованный человек («философ велик»). Если для характеристики Владимира Васильковича при кафедральном соборе было использовано «Слово о законе и благодати», то не только потому, что оно являлось хорошим образцом для похвальных слов, но и потому, что одна из основных идей Слова — распространение христианства среди «новых» народов. Не случайно, что «Слово о законе и благодати» было использовано также в начальный период «освоения»,

христианизации Ростово-Суздальского края³⁴. Думается, что имелся в виду не только процесс христианизации в пределах окраинной Владимиро-Волынской области, но и среди соседней «непросвещенной» Литвы. В волынском своде Владимир с помощью цитат из «Слова» сравнивается с Константином Великим. Для Мстислава же использование «Слова» было лестно, поскольку с помощью «Слова» Мстислав изображен как достойный преемник Владимира.

³⁴ ГБЛ, ф. 98, № 637. Сборник северо-восточного происхождения, содержащий «Слово», а также две статьи, связанные с именем Леонтия Ростовского. О влиянии «Слова» на житие и похвальное слово Леонтию, еп. Ростовскому. — И. Н. Жданов. Слово о законе и благодати и Похвала кагану Владимиру. — «Сочинения И. Н. Жданова», т. I. СПб., 1904, стр. 18.

Глава шестая

Основные условия, в которых развивалось русское летописание в XIV в., определялись, во-первых, дальнейшим процессом феодального дробления страны и, во-вторых, обстановкой, сложившейся в результате татарского ига и усиления Литвы.

Громадная русская территория ушла под власть возрастающего Литовского государства. Галицко-Волынская земля сделалась жертвой литовской и польской агрессии. В течение XIV в. под Литвой оказались Смоленщина, Подолье и Черниговщина. В XIV в., по-видимому, в 60-х годах, был захвачен Ольгердом и Киев.

На северо-востоке в XIII в. начинаются летописные записи в Твери, а на севере — во Пскове. В первой половине XIV в. стали вестись летописные записи в Москве, а с середины XIV в., как мы видели, — в Нижнем Новгороде. Продолжались летописные записи в Ростове и, конечно, в Новгороде Великом, не испытавшем татарского погрома.

Татарские «нахождения» и татарское иго сильнейшим образом затормозили ход развития Русского государства, уничтожая его производительные силы, ослабляя его политическую мощь. Опустошению и разорению страна подвергалась не только в нашествие Батые, но и в течение многочисленных последующих «нахождений», вызывая значительные передвижения населения¹. Признаки ослабления

¹ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940; он же. Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского. — «Против анти-марксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II. М.—Л., 1940.

ига наблюдаются только с середины XIV в.: началось хозяйственное оживление, а с последней четверти XIV в. стало развиваться на Руси денежное обращение².

Открытые в новейшее время произведения искусства конца XIV—начала XV в., получившие ныне всемирную известность, свидетельствуют о замечательном подъеме духовных сил народа. В первой четверти XV в. оживает летописная работа.

Внутренние социально-экономические процессы создавали предпосылки для образования централизованного государства, особенно с середины XV в.

Но в первые десятилетия XV в. политические отношения в Северо-Восточной Руси не позволяли московскому князю играть ведущей роли в организации такой летописной работы, которая объединяла бы летописание феодальных земель и княжеств. Длительная смута в московской княжеской среде, продолжавшаяся около четверти века, завершилась только в начале 50-х годов, с насильственной смертью Шемяки. В 20-х годах великий князь московский фактически не распоряжался Новгородом Великим, который балансировал между Литвой и Москвой. Московский князь не мог противодействовать установлению в известной мере вассальных отношений Тверского и Рязанского княжеств с Литвою³. В древнем Ростове ему принадлежала только половина города⁴, он не владел Ярославлем и т. п. Подобную же картину можно было наблюдать и в 40-х годах XV в.

Иное дело — митрополит. Он имел возможность беспрепятственно получать летописный материал из местных епархий. Феодальные земли и княжества в церковно-адми-

² «Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV—начало XVII в.», М., 1955, стр. 62—80.

³ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. — ЛЗАК, вып. XXX. Пг., 1920, стр. 220, 252—253; К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 37—46; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 749—750.

⁴ В летописи ГИМ, Забелин., № 262 находим указание, что Срегенская половина Ростова была присоединена к Москве еще при Иване Калите. — А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 259. Ср. данные родословного предания — А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 148.

нистративном отношении объединялись под его властью. Нет ничего удивительного поэтому, что первые общерусские своды были сводами митрополичьего происхождения.

Первый митрополичий общерусский свод — Троицкая летопись — кончался описанием Едигеева нашествия. Пергаментный экземпляр этого свода существовал еще в начале прошлого века: он сгорел в Москве во время пожара 1812 г. С выходом в свет в 1900 г. знаменитой статьи А. А. Шахматова «Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV века» открылись возможности восстановления текста Троицкой летописи⁵. Эту трудную, кропотливую и требующую больших знаний работу по реконструкции Троицкой летописи выполнил последователь и непосредственный ученик А. А. Шахматова — проф. М. Д. Приселков⁶.

Следующий общерусский митрополичий свод был в еще большей мере сводом общерусским по составу своему и общему направлению. Он дошел до нас значительными фрагментами в составе Новгородской IV и Софийской I летописей — это так называемый «Владимирский Полихрон 1423 г.».

Существует также предположение, основанное на изучении хронографа, что в хронограф, составленный Пахомием Сербом, был включен материал, извлеченный из общерусской митрополичьей летописи редакции 1441 г.⁷

Чрезвычайно любопытно, что общее направление социально-экономического развития страны вызывало потребность в составлении в XV в. в разных центрах страны летописных сводов с общерусским направлением. Так, в Новгороде Великом, предположительно в 30-х годах XV в., появился общерусский свод, соединявший текст «Владимирского полихрона» с новгородской владычной летописью. Это соединение хорошо видно при сравнении Новгородской IV и Софийской I летописей с Новгородской I летописью. В Смоленске в XV в. был составлен, предположительно, свод, который носил общерусский ха-

⁵ ИОРЯС, т. V, кн. 2, СПб., 1900.

⁶ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

⁷ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. (далее — А. А. Шахматов. Обзорение). М.—Л., 1938, стр. 145.

ракти; его известия с 1419 по 1427 г. сходились с Никоновской летописью⁸. В начале XVI в., судя по Супрасльскому списку (ЦГАДА, ф. 181, № 21), летописным делом в Смоленске занимался Иосиф, епископ смоленский; на исходе XV в. он был поставлен на киевскую митрополию, оставаясь в Смоленске⁹.

Около середины XV в. появился летописный свод в Твери, далеко не узкоместный по составу и отражавший политическую проблему общерусского значения. Аналогичные в некоторой степени устремления, но только устремления, мы наблюдаем в псковском летописании XV в.

В положении московского князя некоторый перелом наступил только с середины XV в. Рязань сама отдалась под власть московского князя. В середине 50-х годов Москве удалось порвать связь между Литвою и феодальными землями и княжествами Северной и Северо-Восточной Руси. Договоры с тверским князем и с Новгородом обязывали их действовать заодно с великим князем московским. Но прочной зависимости еще не было. События начала 70-х годов и связанный с ними поход на Новгород 1471 г. показали, что в Новгороде руководящая боярская партия хотела сближения с Литвою.

В 50—70-х годах появляется ряд общерусских московских сводов, причем параллельно существуют две традиции: одна — митрополичья, а другая — великокняжеская, которые частью перекрещиваются. И великий князь, и митрополит равно были заинтересованы в том, чтобы Новгород Великий не ушел под власть Литвы. Отсюда понятно, что время составления сводов совпадает с крупнейшими событиями в истории отношений Москвы с Новгородом Великим.

Первая вежа (1456 г.) восстанавливается предположительно — по данным редакций Софийской I летописи младшего извода. Статья 1456 г. — последняя статья, общая Бальзеровскому списку и списку Царского; далее в Бальзеровском нарушен хронологический порядок статей;

⁸ Там же, стр. 369.

⁹ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, столб. 590.

в перечне князей во второй редакции Софийской I летописи не упоминается Иван Иванович. Все это заставило А. А. Шахматова предположить, что известиями 1456 г. кончался один из московских сводов¹⁰.

Известия последних десятилетий изложены в нем сравнительно кратко. Последнее известие под 1456 г. — это известие о походе на Новгород и о переговорах, или о так называемом Яжелобичском «докончании», оформленном в двух грамотах различного содержания¹¹. Чувство неприязни к поведению «новгородцев» со стороны москвича-составителя, ярко сказалось в следующем его добавлении к тексту Софийской I младшего извода: под 6678 г. после слов «того же лѣта выгнаша новгородци князя Романа» прибавлено: «таковъ бо бѣ обычаи блядинымъ дѣтемъ!»¹².

С двумя событиями, составлявшими важнейшие вехи в московско-новгородских отношениях, — походом 1471 г. и походом 1477 г. — связано составление двух больших сводов московской великокняжеской традиции: свода 1471 (1472) г. и свода 1479 г. Первый из них сохранился в составе Никаноровской летописи (ныне опубликованной в т. XXVII ПСРЛ) в части с 1420 г. до конца летописи; и в составе Московского свода 1479 г. в части с 1425 до 1471 г., до известия о том, что митрополит Филипп повелел готовить «камение» для построения Успенского собора.

Нет ясных свидетельств о происхождении предполагаемого свода 1456 г. М. Д. Приселков думал, что свод 1456 г. представлял собою редакцию митрополичьего летописания. Это весьма возможно, хотя текст не дает на этот счет вполне определенных указаний. Во всяком случае, использован митрополичий или церковный материал (см., например, под 6958, 6960, 6962, 6963 гг.).

Позволю себе отметить среди статей этого текста записи с точными датами, которые нельзя не считать записями, сделанными в московском Архангельском соборе, где хоронили великих князей и потом царей. Так, под 6958 г. читаем: «Того же лѣта бысть чудо страшно во градѣ Москвѣ: мѣсяца августа 5 день, канунъ дни Спасова,

¹⁰ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 216—219.

¹¹ О тексте договоров — Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 356—363.

¹² ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 164 и прим. Б.

предъ вечернею за единъ часъ, внезапно прииде туча со вѣстока на градъ» и далее описывается событие, которое совершилось «у церкви у каменныя святаго Михаила Архангела на площади». А непосредственно вслед за этим идет запись: «Того же мѣсяца августа 13 день прииде туча от западныя страны на градъ Москву и вѣтръ великъ зѣло, и сломило крестъ у церкви святаго Архангела Михаила на площади». Подобной же местной церковной записью представляются сведения, сообщаемые в связи со смертью и похоронами великого князя Василия Васильевича под 6970 г.: о «плаче», о том, какая теснота была от «множество народа», о колокольных звонах; перечисление тех, кто был на погребении, и замечание о том, что в церкви «великого архистратига Михаила», где тело было положено, лежат «сродници его, великий князь Иванъ, сынъ Даниловъ, внукъ божественаго Александра, и дѣдъ его и отецъ и иныхъ князей много»¹³.

В научной литературе существовало убеждение, что в первой половине XV в. прекращается общерусское митрополичье летописание. А. А. Шахматов, отмечая явные следы митрополичьего общерусского свода в составе западнорусских летописей, полагал не случайным, что нить общерусских известий доведена до 1446 г. «В 1446 г., — писал он, — ослепление в. кн. Василья Васильевича, последовавшее затем сначала замещение митрополичьего стола Ионою, епископом рязанским (с 1446 г.), а затем возведение его на митрополичий стол (с 1449 г.) в значительной степени изменили прежние отношения митрополичьего двора к подведомственным митрополиту епархиям. В связи с этим ставлю прекращение в 1446 г. общерусской и вместе митрополичьей летописи. Митрополит все более утрачивает свое политическое значение. Общерусскою летописью становится все более летопись великокняжеская»¹⁴.

М. Д. Приселков утверждал, что митрополичье летописание прекратилось в 50-х годах XV в. Он исходил из общих соображений. «Два события, — писал он, — самым решительным образом изменили позицию митрополии всея Руси, что с неизбежностью должно было отразиться на истории летописания. В 1453 г. пал Константинополь,

¹³ Там же, стр. 270, 273, 274.

¹⁴ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 343.

а с ним вместе и многостолетний призрак греческой «игемонии» над Русскою землею. Московские великие князья очень рано чувствуют эту перемену и у себя дома охотно выступают в своих новгородских распрях охранителями и защитниками веры против католических планов, т. е. присваивают себе роль павшего под турецкою рукою бывшего распорядительного центра «Второго Рима». В этой новой своей роли московские государи не допускают и мысли о каком-то беспристрастном отношении митрополии к политической жизни Москвы и скоро и легко добиваются совершенного омосковления митрополии, по старому только величавшейся митрополиею «всая Руси». Второе событие было для митрополии не менее чувствительно: литовская половина кафедры ушла из рук московского митрополита и надежду на ее воссоединение оставалось только строить на политической поддержке московских князей перед литовскими великими князьями. Именно такую помощь великий князь Иван Васильевич оказал митрополии в подведении Великого Новгорода под свою руку, чем охранил для митрополичьей кафедры эту, весьма не малую, часть ее обладания. В таких новых условиях жизни, лишенная внешне-московской опоры императорской власти, утратив литовскую свою половину, митрополичья кафедра, титулуясь по-старому, фактически становится кафедрою Московского великого княжения, в успехах политического роста которого только и мог крыться успех ее расширения»¹⁵.

Таково было заключение М. Д. Приселкова «о прекращении митрополичьего летописания». Все эти общие соображения, отнюдь не лишённые основания, свидетельствуют только, что митрополичья кафедра со временем становилась в большей мере в зависимости от великокняжеской (а впоследствии — царской) власти; но не свидетельствуют, что митрополичье летописание прекратилось в 40-х или в 50-х годах XV в. В настоящее время благодаря новым исследованиям и открытию новых летописных памятников накопился большой материал, заставляющий полагать, что традиция митрополичьего летописания продолжалась и позднее. Другой вопрос — где над составлением таких текстов работали: в пределах ли монастыря или в стенах митрополичьей канцелярии. Что же касается уси-

¹⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV веков. Л., 1940, стр. 162—163 (далее — М. Д. Приселков. История).

ления зависимости церковной иерархии от гражданской власти, то процесс этот был весьма длительным, протекал неравномерно, обнаруживаясь и в XVIII, и в XIX, и в начале XX в.

Предполагаемый свод 1456 г. был продолжен рядом приписок, сделанных не в хронологическом порядке, и оканчивался большим произведением, озаглавленным «Словеса избрана отъ святыхъ писанин...», посвященным отношению Москвы с Новгородом, походу 1471 г. на Новгород и сопутствующим событиям и кончавшимся словами «...въ семъ вѣцѣ и въ будищемъ, аминь». Дальнейший текст во вшитой тетради никакого отношения к Бальзеровскому списку конца XV в., т. е. своду 1471 г., не имеет. Как было определено в исследовании о псковских летописях, тетрадь эта содержит отрывок псковско-новгородского свода первой половины XVII в.¹⁶

Дополнения, или приписки, сделанные в Бальзеровском списке после 1456 г., носят еще более церковную окраску, чем предыдущий текст. Особенно примечателен с этой точки зрения пространный рассказ о московско-новгородском конфликте и походе 1471 г. «Словес избранных».

Едва ли требует особых объяснений и доказательств цель, назначение «Словес избранных». В этом произведении с начала и до конца автор обличает «новгородцев», точнее — правящую партию во главе с «окаянной» Марфой Борецкой, представительницей богатейшего новгородского рода, которая, как утверждает автор, хотела с «королевым паном» править «всею Новгородскою землею» от литовского «короля», а весь «народ» к «латынству... приложити»; памятник оправдывает действия великого князя московского и выставляет его в образе смиренного «божественному закону хранителя» и «крѣпка поборника по православию».

Этот памятник — «Словеса избранныя» — отнюдь не следует смешивать с пространным рассказом о московско-новгородских отношениях и о походе 1471 г., помещенным в московском своде 1471 (1472) г., отразившемся

¹⁶ «Псковские летописи», вып. 1. М.—Л., 1941, стр. XXVI.

в Никаноровской летописи и Московском своде 1479 г.; там имеем, по сути дела, памятник, вышедший в составе великокняжеской летописной традиции из великокняжеской летописной лаборатории.

Для нашей темы весьма важно выяснить, какого происхождения «Словеса избранныя», откуда вышло это летописное произведение?

Прежде всего отмечаем, что «Словеса избранныя» были включены (несколько позднее) в список Царского; в этом списке текст Софийской I летописи был дополнен, между прочим, значительным митрополичьим по содержанию материалом (см. ниже). «Словеса избранныя» находим и в списке Дубровского Новгородской IV летописи, иными словами, в одной из редакций свода 1539 г., который был составлен архиепископом новгородским, а затем митрополитом Макарием и содержал, кроме основных источников (Новгородской IV и владычной новгородской летописи XVI в.), еще извлечения из «общерусского митрополичьего свода», как полагал А. А. Шахматов, о чем подробнее будем говорить ниже. Как увидим, составитель свода 1539 г. пытался сочетать защиту интересов церковных с защитой интересов великокняжеских.

Памятник этот — «Словеса избранныя» — отвечал требованиям церковного литературного стиля. В нем фактический материал в значительной мере тонет в выдержках из «Писания». Подобный характер носит и приступ. Философское рассуждение о взаимоотношении в поведении «земли» и князя, которое находим в памятниках XI—XIII вв., приводится здесь только в своей начальной части, кончая словами «любяща суд и правду».

Текст содержит прямое указание на письменный источник составителя. Это — грамота (или грамоты) митрополита Филиппа к новгородцам, который «не единою посылалъ къ нимъ въ Великий Новгородъ свои грамоты». При этом указывается, что составление «грамоты» соответствовало желанию великого князя: он велел «отцю своему пресвященному Филипу митрополиту всея Руси... посылати къ нимъ своего писания грамоты съ своимъ святительскимъ поучениемъ и наказаниемъ отъ божественныхъ писаний». Приводится в «Словесах избранных» и текст такой грамоты, вернее — выдержки из нее. Этот текст несколько отступает от дошедших до нас в собрании И. Н. Царского текстов грамот Филиппа, но местами совпадает почти до-

словно (от слов «И вы божия гнѣва убоитесь...» до слов «...на тѣхъ прелестныхъ богоотступницѣхъ»). Но самое важное, что заимствования из грамоты (или грамот) Филиппа обнаруживаются в ряде других мест текста «Словес избранных», где составитель рассказывает от себя (например, выше слова «и яко забывше своя великия старины»; о новгородцах: «никогда же не отступны были отъ нихъ отъ своихъ господъ»; слова «а имя ихъ великихъ государей князей держали на собѣ честно и грозно, а въ земли и въ воды не вступалися»; от слов «а которыхъ земель и водъ...» до слов «...присылали многихъ людей»; от слов «посломъ Василен ихъ Ананьинъ...» до слов «...то ми не наказано») ¹⁷. И далее текст «Словес избранных» обнаруживает местами близость к сохранившемуся в собрании И. Н. Царского тексту грамоты Филиппа.

Все сказанное заставляет думать, что «Словеса избранныя» вышли из среды, близкой к митрополиту Филиппу. Неоднократные ссылки текста на помощь «архангела Михаила» допускают предположение (как одно из возможных), что писавший имел какое-то отношение к Архангельскому собору. Следующий этап в истории общерусского церковного летописания раскрывается при изучении состава Московского великокняжеского свода 1479 г.

Если происхождение московского свода 1471 (1472) г. остается еще не вполне выясненным, то обширнейший, бесспорно великокняжеский, общерусский по составу Московский свод 1479 г. благодаря исследованию последних лет становится понятным во всем многообразии.

Свод 1479 г. открыт А. А. Шахматовым. Сначала А. А. Шахматов определил его на основании состава летописного сборника бывшего Архива Министерства иностранных дел № 20/25, где свод 1479 г. соединен с новгородским сводом 1539 г. А затем им был открыт и список свода в Эрмитажном собрании ¹⁸.

¹⁷ «Памятники древнерусского канонического права», ч. 1. — РИБ, т. VI. СПб., 1880, стлб. 724—727; АИ, т. I. СПб., 1841, стр. 512 и сл.

¹⁸ Редакция конца XV в. Московского свода 1479 г. была обнаружена М. Н. Тихомировым в Уваровском собрании Государственного исторического музея и опубликована в 1949 г. в т. XXV

Основываясь на литературных данных, можно различать в Московском своде 1479 г., после Повести временных лет, три части: 1) до 1425 г., 2) с 1425 до 1471 г. и 3) с 1472 г. до конца. В первой части использованы материалы особого южнорусского свода, летописи, близкой к Троицкой, северо-восточного свода и новгородско-софийского свода (и, может быть, отдельно — Софийской I и Новгородской IV летописей). Во второй части составитель следовал московскому своду 1471 (1472) г., как показывает сравнение с Никаноровской летописью. В третьей части использованы московские летописные записи и документальные материалы¹⁹.

До последнего времени оставался малоисследованным Эрмитажный список. Между тем, хотя он поздний (XVIII в.), это, в сущности, единственный сохранившийся список Московского свода 1479 г., и правильное представление о тексте этого свода нельзя составить без Эрмитажного списка, тем более, что он, как известно, восполняет утраченные листы Уваровского.

Загадкой оставалась первая часть свода, хотя и было указано наличие в ней ряда источников.

Сличение Эрмитажного списка с Уваровским показало, что ряд фраз и целых фрагментов сохранились в Эрмитажном и опущены в Уваровском как вследствие утраты

ПСРЛ. В Уваровском списке текст исправнее Эрмитажного и восполняет его пропуски. Об Эрмитажном списке см. ниже.

¹⁹ А. А. Шахматов полагал, что московский свод возник предположительно около 1456 г. и, кроме Софийской I, использовал еще общерусский свод 1423 г., московскую Троицкую летопись, доведенную до 1409 г., и другие. Перерабатываясь последовательно, свод этот выделил из себя редакцию 1472 г., затем редакцию 1479 г. — статья «Летописи» в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Ранее А. А. Шахматовым было показано, что свод 1479 г. в части от 1425 до 1471 г. передает предыдущий московский свод, восстанавливаемый при помощи Никаноровской и близких к ней летописей. — А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды. — ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 154—157. Он же обратил внимание на материал ростовского владычного и южнорусского сводов в составе свода 1479 г. — А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 273—275, 279, 280. М. Д. Приселков считал, что составитель свода 1479 г., кроме предыдущих московских сводов, использовал ростовский владычный, киевский и Новгородскую IV летопись. — М. Д. Приселков. История, стр. 177—182. Д. С. Лихачев дал характеристику заключительной части свода 1479 г. — Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 355—362.

листов в Уваровском, так и в результате работы писца или редактора конца XV в.

Эрмитажный список XVIII в. обрывается на описании события 5 декабря 1477 г. словами «... у себя велель быти имѣ» (стр. 799, л. 397). Далее $\frac{3}{4}$ листа оставлены чистыми. Таким образом, в оригинале Эрмитажного списка последних листов не доставало, и по ряду признаков он был дефектным, быть может, по ветхости. Начала летописного текста в списке тоже нет, он начинается со слов: «сармати, таврияни, сифиа²⁰, фрази...» и т. д., причем некоторые места переписчиком прочитаны не были и оставлены чистые строки, а на стр. 754—762 в Эрмитажном списке текст списан с перепутанных листов оригинала. При восстановлении первоначального порядка листов оригинала нам представилась возможность определить размер оригинала: страница в этой части рукописи содержала текст, соответствующий 9—9 $\frac{1}{2}$ строкам т. XXV ПСРЛ. В рассказе о событиях 70-х годов XV в. (ноябрь 1475 г.) Эрмитажный список сохранил значительный фрагмент, отсутствующий в Уваровской рукописи, по-видимому, из-за потери листов²¹.

Летописный свод 1479 г., как отмечал А. А. Шахматов, кончался на известии о пожаре 9 сентября 1479 г. (6988 г.), на что указывает содержание Архивского списка (№ 20/25), где текст свода 1479 г. соединен с новгородским сводом 1539 г.²², а также Уваровский список, где вслед за известием о пожаре начинается новый почерк и иные приемы расстановки киноварных букв. Мы думаем, что рассказом о пожаре летописный свод заканчивался потому, что это было одно из последних событий, достойных описания с точки зрения составителя. В тушении пожара принимал участие «сам князь велики да сынъ его со многими людьми» и «богъ же свою милость показа к ним за их потружение и отврати ярость свою...»²³. На наш взгляд, есть основание полагать, что свод 1479 г. был написан в промежутке между 5 марта 1478 г., когда великий князь Иван Васильевич возвратился в Москву из новгородского по-

²⁰ Другими чернилами исправлено на «Еисифиа».

²¹ А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961, стр. 383—385.

²² А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 256.

²³ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 326.

хода, и осенью 1479 г., так как описанием события 9 сентября свод кончался.

Нет сомнения, что в задачу составителя входило достаточно полно отразить новгородский поход, показать его значение. Впрочем, задача заключалась не только в воспроизведении событий последних лет. Новгород был лишен всякой самостоятельности, и надо было оправдать этот совершенно новый факт в истории Русской земли. Измена Москве и двуличное поведение новгородских бояр вынудили, согласно своду 1479 г., великого князя к необычным мерам. То, что произошло в 1476—1478 гг., расценивалось в Москве как нечто совсем новое в судьбе Новгорода Великого. Описывая, как вечевого колокол перевозили из Новгорода в Москву, составитель свода 1479 г. присовокупляет: «А как и стал Новгород, Русская земля, таково изволение на них не бывало ни от которого великого князя, да ни от иного ни от кого»²⁴.

Бесспорно, что большое значение составитель свода 1479 г. придавал описанию строительства Успенского собора. Предполагали, что составителя свода вдохновляла и идея Москвы — третьего Рима. В своде подчеркивается, что Успенский собор воздвигается по образцу владимирского Успенского собора, построенного Андреем Боголюбским, внуком Мономаха, и отмечается историческая преемственность традиций между домонгольской Русью и государством Ивана III. Аналогичная мысль проводится в рассуждениях на предшествующих листах свода по поводу событий начала 70-х годов²⁵. М. Д. Приселков писал, что «описанием торжественного открытия этого нового центра вселенского христианства и заканчивался летописный свод 1479 г.»²⁶.

Для осуществления первой задачи требовалось привлечение официального документального материала (например, дорожных дневников, или «итинерариев»), а для второй — подробных записей о ходе строительства Успенского собора. Поражает, насколько подробно фиксировали записи ход работы: церемонию перенесения мощей митрополита Петра; отмечали, как постройка рухнула уже

²⁴ ПСРЛ, т. XXV, стр. 323.

²⁵ Там же, стр. 287.

²⁶ М. Д. Приселков. История, стр. 184. Выше мы видели, что это не вполне точно.

после смерти Филиппа при Геронтии; о том, как снова была возведена, и подробно — об освящении собора. Но всего интереснее следующее наблюдение: хотя в записях обо всем этом в своде 1479 г. изложено подробнее, чем в Софийской II и Львовской летописях, однако в последних видим не только иной текст, но и ряд фактических деталей о тех же событиях, которых нет совсем в своде 1479 г.: в Москве продолжала существовать другая летописная традиция наряду с великокняжеской. В последней, например, нет о мастерах Ивашке Кривцове и Мышкине; нет о том, что митрополит «сотвори же... тягиню велику, со всѣхъ поповъ и монастырей сбирати сребро на церковное создание силно; яко же собра много сребра, тогда бояре и гости своею волею части своя имѣния даша митрополиту на церковное создание». Нет технического комментария: «известъ жидко растворяху съ пескомъ, ино не клевито, а внутрь того же малого камня собираху да внутрь стѣны сыпюще да известию поливаху, якоже растворомъ тѣстенымъ, потому же некрѣпко дѣло: якоже тягиня того камня погнететь вмѣсто, и правило стѣны извихляется»²⁷. В своде 1479 г. упомянуто об участии мастеров из Новгорода Великого в постройке (Увар., л. 456 об.), чего нет в Софийской II и Львовской, но там читаем ряд деталей, отсутствующих в своде 1479 г.: о работе Аристора «около шеи болшие казну сътвори; полати же подлѣ олтарь отъ стороннихъ дверей учини, и на верхъ церкви въсходити лѣствицу учини; своды же въ одинъ кирпичъ сътвори и сведе того ради, егда дождь идетъ, ино каплетъ. На пятое лѣто сверши ея. Помость же мѣлкимъ каменемъ измости...». И далее читаем подробности, характеризующие происхождение этой традиции: «...въ олтарь же, надъ митрополичимъ мѣстомъ крыжъ лятски и истеса на камени за престоломъ, его же митрополитъ послѣди стесати повелѣ; передъ предними дверми помость накры каменемъ, и въ одинъ кирпичъ сведе, и середку на гирѣ повѣси на желѣзной»²⁸.

Мы указали пока на следы иной летописной традиции наряду с великокняжеской второй половины XV в. после 1456 г. (Бальзеровский список, кончающийся на 1471 г.; записи о построении Успенского собора в Софийской II и

²⁷ Софийская II и Львовская летописи под 6980 г.

²⁸ Софийская II и Львовская летописи под 6986 г.

Львовской). Эти следы сами по себе еще недостаточно убедительны. Бальзеровский список мог представлять собою случайное, единичное явление. А материал Софийской II и Львовской требует объяснения в связи с изучением состава общего источника Софийской II и Львовской летописей. Новые перспективы открывает сравнительное изучение Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи.

А. А. Шахматов колебался в решении вопроса о происхождении первой части Московского свода 1479 г. Это видно из сравнения текста его главы о Московском своде 1479 г. в «Обозрении» с генеалогической таблицей, им составленной, и из карандашных пометок на полях рукописи его «Обозрения». Из таблицы можно заключить, что, по его мнению, Троицкая летопись, ростовская летопись, московская княжеская летопись и Полихрон (общерусский свод) 1423 г. вошли как самостоятельные источники уже в московский свод 1456 г. В таком же смысле можно понять и его слова в статье «Летописи», помещенной в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Но в тексте «Обозрения» он в числе источников Московского свода 1479 г. предполагал еще наряду с Полихроном 1423 г. Полихрон начала XIV в. О нем же он пишет и в заметке на полях своей рукописи. В настоящее время, как мы говорили, предположение о существовании Полихрона начала XIV в. в науке отвергнуто.

М. Д. Приселков полагал, что обширная часть Московского свода 1479 г. является литературной мозаикой, принадлежащей руке самого составителя свода 1479 г.²⁹: он привлек разнообразные источники, и в их числе — ростовский владычный свод и Ипатьевскую летопись.

На первый взгляд мнение М. Д. Приселкова представляется вероятным. Однако такое решение вопроса встречает препятствия. Обнаруживается, что то же сочетание первоисточников, тот же сложный летописный текст, который имеем в Московском своде 1479 г. (в последнем в части до 1425 г.), существовал независимо от Московского свода 1479 г.

Сравнивая Московский свод 1479 г. с Ермолинской летописью, приходится убедиться, что текст Ермолинской летописи представлял собою сокращение сложного летописного источника свода 1479 г. (в последнем в части до

²⁹ М. Д. Приселков. История, стр. 182—185.

20-х годов XV в.). Составитель Ермолинской летописи иногда пропускает то или другое известие, местами сокращает или кратко его излагает, но в общем перед нами аналогичная редакция летописного свода. Те же первоисточники и в том же сочетании, как они прослеживаются в Московском своде 1479 г., видим и здесь — Троицкую летопись или близкую к ней, Софийскую I летопись или общий источник Софийской I и Новгородской IV, южно-русский (киевский) источник, подробно излагающий южнорусские события, особый текст владимирский (ростово-суздальский) с событиями XIII в., записи ростовского владычного свода. Перед нами тот же общерусский летописный материал, только с сокращениями, в целом отличный и от Софийской I, и от Новгородской IV, и от Никаноровской, которая частично отражает предшествующий своду 1479 г. московский летописный свод.

Сличение и анализ материала показали также, что не совсем верно определять состав Ермолинской летописи в части до 1425 г. как выборки из Владимирского Полихрона 1423 г.³⁰, поскольку в Ермолинской летописи мы имеем сокращение того сложного летописного текста, для которого Владимирский Полихрон мог служить только одним из источников. Этот сложный летописный текст в более полном виде имеем в Московском своде 1479 г. в части до 1425 г. Под Владимирским Полихроном я разумею, согласно определению А. А. Шахматова, тот общерусский свод, который в соединении с новгородской летописью был общим источником Софийской I и Новгородской IV летописей. А. А. Шахматов произвел систематическое сличение Ермолинской летописи с Львовской, установив их родство. Он заметил также близость Ермолинской летописи к Воскресенской, откуда заключил о большой близости оригинала Ермолинской летописи к «Московскому своду 1480 г.» (т. е. своду 1479 г.)³¹. Но систематического сличения со сводом 1479 г., видимо, не произвел, так как тогда пришел бы к несколько иному выводу о составе в части до 1425 г. Ермолинской летописи. Из сказанного явствует, что систематическое сличение Московского свода 1479 г. с Ермолинской летописью имеет

³⁰ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и ростовский владычный свод. — ИОРЯС, т. IX, кн. 1. СПб., 1904, стр. 377, 389.

³¹ Там же, стр. 388.

немаловажное значение как для понимания состава Московского свода и Ермолинской летописи, так и для восстановления общерусского свода, ранее неизвестного, составленного позднее Владимирского Полихрона.

Текст свода 1479 г. я восстанавливаю по Эрмитажному списку ГПБ № 4166 и по рукописи Уваровской летописи № 1366 ГИМ, изданной в т. XXV ПСРЛ. Текст последней значительно более исправен. В Эрмитажном списке обнаруживается много пропусков механического характера. Но имеются и пропуски в Уваровском тексте. Большинство пропусков объясняется гаплографией. Это мной показано (до известий конца XII в.) ниже. Подобную картину наблюдаем и в интересующем нас тексте, содержащем известия XIII, XIV и первой четверти XV в., причем пропусков в Эрмитажном списке здесь встречаем более. Но и здесь имеется некоторое количество пропущенных мест в Уваровском списке, которые восстанавливаются по Эрмитажному. Укажем на них, поскольку Эрмитажный список не опубликован.

Так, под 6715 г. на л. 130 в Уваровском опущены, после слов «ис Кыева, во Вручии», слова «и приидоша къ Киеву, бысть же им вестъ, яко Рюрик шел въ Вручии» (Эрм., стр. 322); под тем же годом на л. 130 в Уваровском опущен большой текст после слов «на его воли. Всеволодь же». Текст этот начинается словами «Чермныйи пришед седѣ...» и кончается — «... с людьми с многими и сами [поидоша]» (Эрм., стр. 323—325)³². Под 6724 г. на л. 136 об. в Уваровском после слов «Юрьи Олексичъ» опущено: «Гаврила Милитичъ» (Эрм., стр. 337). На л. 147 об. после слов «съ смолняны» в Увар. в Эрм. читаем: «и все князи русти» (Эрм., стр. 359). Под 6738 г. после слов «взыде въ своемъ» в Увар. на л. 154 опущено слово «чину» (Эрм., стр. 369). Под 6742 г. на л. 156 после слов «из Медвѣжьей головы» в Увар. опущено: «на сторожи» (Эрм., стр. 372). Под 6743 г. на л. 156 после слов «с половци» в Увар. опущено: «а Михаил Всеволодичъ с черниговци» (Эрм., стр. 372). Под 6745 г. на л. 157 об. после слов «а Жирославу» в Увар. опущено слово «Михайловичу» (Эрм., стр. 374), а на л. 158 об. после слов «и к Мѣдяным воротом» опущено: «и отсюда от Клязмы ко Во[л]жским

³² См. выше, стр. 202—203.

воротам» (Эрм., стр. 376). На том же листе после слов «и съ снохами» в Увар. опущено: «с внучаты и прочи княгини и множества бояръ и людеи» (Эрм., стр. 376). Под 6746 г. на л. 159 после слов «со сыновци своими» в Увар. опущено: «с Васильком и со Всеволодом и с Володимером и с мужи своими» (Эрм., стр. 378), а на л. 161 после «Яким Влункович» в Увар. опущено: «Глебъ Борисовичъ». Под 6781 г. на л. 191 об. после слов «он же бѣжа» в Увар. опущено: «с Романом» (Эрм., стр. 428); под 6785 г. на л. 193 после слов «Глѣбъ Ростиславич Смоленски» в Увар. опущено: «Тое же зимы князь великий Дмитриеи Александрович ходи на корелы с низовцы и с новгородцы, и полони всю землю их» (Эрм., стр. 429—430). Под 6878 г. на л. 251 об. после слов «и посад пожъже» в Увар. в Эрм. читаем: «но не весь, а волости повоева и пожже» (Эрм., стр. 492). Под 6879 г. на л. 252 об. после слов «Александръ Колывановичъ» в Увар. опущено: «Борисъ Конюшковичъ» (Эрм., стр. 493). Под 6885 г. на л. 266 после слов «Матвѣи Сараиский» в Увар. опущено: «Арсенеи Ростовски» (Эрм., стр. 506).

Каково же взаимоотношение Ермолинской летописи и Московского свода 1479 г.? Обратимся к погодному сличению.

Под 6626 г. Ермолинская летопись несколько сокращает текст, имеющийся в Московском своде, причем отражает разные источники, которые служили компонентами текста Московского свода под этим годом: Лаврентьевскую летопись, точнее — Троицкую (в основании которой лежала Лаврентьевская), южнорусский источник, близкий к Ипатьевской, и содержит уникальное южнорусское известие Московского свода — с него начинается текст под этим годом, и оно передано в Ермолинской дословно.

6627 г. в Ермолинской летописи опущен, а под 6628 г. в ней сокращенно передано первое известие Московского свода и опущено второе.

Под 6629 г. передано только известие о смерти митрополита Никифора, имеющееся и в Московском своде, а под 6630 г. — только известие о Никите.

Под 6631 г. первое известие Московского свода (кончается словами «Ярославъ, братъ его») довольно точно передано в Ермолинской. Затем опущено от слов «Того же лѣтъ преставившися...» до слов «...и побѣди их». Далее опущены слова «и моляшеся богу о насилии и гордости

Ярославль» и ниже сильно сокращен текст Московского свода без каких-либо добавлений.

Под 6632 г. из всех известий Московского свода в Ермолинскую взято лишь известие о смерти Василька и Володаря. Кроме того, очевидно, по описке или по ошибке в Ермолинской помянут как умерший в этом (6632) г. Давид Ростиславич, о чем в Московском своде нет. Давид Ростиславич, известный по источникам, родился примерно в 6648 (1140) г.

Под 6633 г. очень кратко излагается то, что читаем в Московском своде³³. Передано кратко и известие Московского свода о том, кто княжил в Новгороде, восходящее к новгородско-софийскому источнику.

Под 6634 г. взято только известие о смерти митрополита Никиты, причем без точной даты (восходит к Троицкой).

Под 6635 г. текст, имеющийся в Московском своде, в Ермолинской значительно сокращен. Но здесь обнаруживаем в Ермолинской несколько слов о конкретных событиях, отсутствующих как в Эрмитажном списке, так и в Уваровской 1366, т. е. в Московском своде 1479 г.: после слов «раз[г]раби» написано: «а онъ бѣжа х Киеву». Вместе с тем эти слова имеются в краткой Уваровской № 188, в параллельном к Ермолинской тексте. Эта конкретная деталь рассказа, отсутствующая в Московском своде, сразу же заставляет предположить, что оригинал Ермолинской сокращал не самый Московский свод 1479 г., а его сложный источник, текст которого использован в Московском своде до 1425 г.

6636 г. в Ермолинской опущен, а текст под 6637 г. сокращен, причем имеется уникальное упоминание о Василии и Иоанне, отсутствующее в Ипатьевской летописи, но находящееся в Московском своде. Характерно также, что первое известие приведено дословно. 6641 и 6642 гг. опущены.

Под 6643 г. в Ермолинской текст Московского свода сокращен, причем известия восходят к разным источникам (к Троицкой и к новгородско-софийскому).

6644 и 6645 гг. в Ермолинской переданы сокращенно.

Под 6646 г. в Ермолинской довольно точно передан

³³ Вместо «в Переяславли» в Ермолинской читаем «в Володимери». В тексте рукописи ГИМ, Увар. № 188, параллельном с Ермолинской, стоит «Переяславли», видимо, в Ермолинской описки.

текст Московского свода 6646—6647 гг., но с рядом пропусков; в общем дан компилятивный текст и отражены разные источники, в том числе новгородско-софийский.

Под 6648 и 6649 гг. в Ермолинской в сокращенном виде то, что в Московском под 6648 и 6649 гг.

Под 6650 г. первая фраза (до слов «на Вечеслава») в Ермолинской читается, как в Московском своде, далее— сильно сокращено. 6651 и 6653 гг. в Ермолинской опущены.

Под 6654 г. первое известие в Ермолинской летописи почти дословно совпадает с Московским сводом, а далее — сокращения и пропуски. Часть материала восходит к Троицкой летописи, а часть — к южнорусскому источнику, причем в Ермолинской передано уникальное место, отсутствующее в Ипатьевской летописи (а также в Хлебниковском и Погодинском списках) и имеющееся в Московском своде (от слов «они же рѣша...» до слов «...донеле же ми душа в тѣлѣ, не могу лишитися его»).

Под 6655 г. Ермолинская также сокращает текст, помещенный в Московском своде, но здесь, несмотря на сокращения, опять в Ермолинской сохранился конкретный штрих, которого нет в Московском своде: это слова, относящиеся к Святославу Всеволодовичу, пришедшему в Киев к Изяславу: «любяще бо его Изяславъ»; то же сохранилось и в параллельной Ермолинской — Уваровской № 188. Это опять свидетельство, что Ермолинская сокращала не самый Московский свод 1479 г., а свод, использованный последним.

Под 6656 г. в Ермолинской читаем тот же, составленный из разных источников, текст, который имеется и в Московском своде, но сокращенный. Аналогичную картину наблюдаем и под 6657—6659 гг.

Итак, видим, что в Ермолинской выпускаются целые известия и произведены сокращения путем краткой передачи пространного изложения.

Под 6660 г. составитель текста, имеющегося в Ермолинской, в большинстве случаев не механически выбрасывает куски текста (подобный прием мы наблюдали при сравнении Ипатьевской летописи с Лаврентьевской), а пытается рассказ сложного содержания выразить схематичнее, короче. Так, например, вместо фразы «... и пожгоша его; церковь же бѣ в нем святаго Михаила камена, а верхъ ея древом нарубленъ, и то згорѣ» он пишет

только: «и роскопа». Слова «что есмь ему сердце вередиль и противу его стал» он передает фразой: «еже его разгнѣваль». В одной фразе далее пытается он выразить суть рассказа об отношениях между Изяславом и Владимиром. Вместо перечисления имен он пишет просто: «князи... черниговьстии». Рассказ о движении Юрия он сокращает, давая лишь общую схему его маршрута, и т. п.

Под 6661 г. в Ермолинской сильно сокращен текст, имеющийся в Московском своде 1479 г., близкий к Троицкой и Лаврентьевской. Фраза «и съступишися битися, и бысть мижи ими смятение, не вѣдахут бо который суть побѣдили» передана в Ермолинской своими словами «и бысть смятение: сии тѣхъ гнаша, а сии тѣхъ».

Текст Ермолинской под 6662 г. начинается кратким сообщением: «Изяслав поя дружину обезыню». В этих словах кратко передано известие под 6661 г. о том, что Изяслав посылал за «другой» женой в Обезы (т. е. в Абхазию) и под 6662 г. — о встрече ее и о свадьбе. И затем сокращен текст, имеющийся в Московском великокняжеском своде 1479 г., взятый из двух источников (первого — близкого к Троицкой, и второго — восходящего к северо-восточному своду).

И далее, следя год за годом за составом текста Ермолинской летописи, убеждаемся, что в ней — сокращение того сложного текста, который представлен до 1425 г. в Московском своде 1479 г. Сокращение текста с разными источниками видим, например, в дальнейшем под тем же 6662 г., где в киевский текст вмонтировано новгородское известие. Уникальные места киевской летописи переданы под 6667 г. (от слов «лежа 3 дни» до слов «...ничсоже его», слова «в теремѣ», от слов «Ростислав же помяну» до слов «...стояние въ церквахъ»). Места эти имеются и в Уваровской № 188, которая дает текст, параллельный Ермолинской. Уникальные места, восходящие к киевскому источнику, отражены в Ермолинской и под 6668 г. Сокращение текста из разных источников, имеющегося в Московском своде 1479 г., видим и под 6669 г. (новгородско-софийский и киевский). Те же компоненты выступают, например, под 6675 г. в Ермолинской. Великокняжеский владимирский текст (отсутствующий в Лаврентьевской и Ипатьевской), имеющийся в Московском своде (см. Уваровский список и Эрмитажный), встречаем в Ермолинской под 6715 г. (от слов «води ихъ...» до слов «...веде

сь собою»). Значительный текст под 6715 г., не сохранившийся в Уваровском списке, но сохранившийся в Эрмитажном, тоже отражен в Ермолинской летописи.

Необходимо подчеркнуть, что в Ермолинской летописи явно обнаруживаются следы особой редакции владимирского летописания первых десятилетий XIII в., хотя и в сокращенном виде, которую в развернутом изложении имеем в Московском своде 1479 г. (выделение или реконструкцию этих владимирских фрагментов мы предлагаем в главе IV настоящей книги). Так, например, под 6715 г. в Ермолинской летописи читаем, что весть об измене рязанских князей сообщили Глеб и Олег на Оке; упоминается Петров как поселение; упоминается о приходе к Оке рязанского епископа «отъ княгини»; под 6716 г. — о сношениях рязанцев с Глебом и Изяславом по поводу выдачи Ярослава; под 6720 г. — о движении Святослава в Ростов и о замыслениях Константина и т. п. Отсутствующий в Уваровском списке, где недостает листов, но имеющийся в Эрмитажном списке текст под 6812 г., также использован в Ермолинской летописи.

Мы не будем утомлять читателя большим количеством примеров сокращенной передачи в Ермолинской летописи текста, имеющегося в Московском своде 1479 г. в части, предшествующей 1425 г. Остановимся только на некоторых.

Под 6849 г. в Московском своде 1479 г. описывается острая вспышка классовой борьбы в Торжке. Новгородцы учинили расправу над наместниками великого князя в Торжке. В ожидании ответных действий со стороны великого князя новгородские бояре послали в Новгород за помощью. Но тогда «чернь» восстала («въсташа») против бояр. Под «чернью» здесь разумеются, вероятно, ремесленники и мелкие торговцы. «Чернь», одевшись в «броня», напала на «дворы», освободила «намѣстниковъ» великого князя и «черноборцовъ» (т. е. сборщиков «черного бора»), выслала новгородцев из города, а «дома» бежавших новоторжских бояр разграбила, хоромы «розвозиша» и даже предала опустошению боярские «села», очевидно пригородные. В Ермолинской летописи сравнительно полно передан этот рассказ; опущены имена приезжавших из Новгорода новгородцев и выброшена следующая фраза: «а новоторжские бояре прибѣжаша в Новъгород только душою, хто успѣлъ».

Под 6881 г. в Московском своде 1479 г. подробно описываются, следуя владычному новгородскому источнику (в составе новгородско-софийского свода), те безобразия, которые учинили тверичи в Торжке после того, как оттуда были изгнаны тверские «наместники» и перебиты тверские «гости» и «торговцы»: город был сожжен, а «женъ и дѣвицъ одираху и до послѣдние наготы, рекше и до срачици, и же и погани и тако же творять», и те «истопишася в рѣцѣ срама ради...» и т. п. Это разоблачающее описание довольно подробно, лишь с небольшими сокращениями, передано в Ермолинской летописи (выпущена, например, фраза «а товаръ, которой у огня поостался и иконная крута, злато и серебро, то все поимаша»).

Сравнивая весь обширный текст, год за годом, Московского свода 1479 г. с Ермолинской летописью, можно убедиться, что в той, наиболее значительной части Московского свода (до 1425 г., с которого составитель Московского свода переходит в общем на Никаноровскую 1471/72 г.), составитель Ермолинской, или, точнее, ее основной части, ее протографа, сокращенно передавал текст, сохранившийся полнее в Московском своде 1479 г.

Итак, нет никакого сомнения, что в части до 1425 г. в Ермолинской летописи имеем не Владимирский Полихрон, а тот сложный общерусский текст, одним из источников которого был Владимирский Полихрон.

Теперь встает вопрос: быть может, составитель основной части Ермолинской летописи пользовался самим Московским сводом 1479 г.?

Напомним сначала, что на пути к такому решению стоят прежде всего наблюдения, сделанные над Ермолинской летописью А. А. Шахматовым. «Протограф Ермолинской летописи, — писал он в статье „Летописи“, — был доведен до 1472 г., а в списке дополнен известиями 1473—1481 и 1485—1489 гг.»³⁴ Из его труда «Ермолинская летопись и ростовский владычный свод» явствует, какие данные склонили его к такому выводу: с 1473 г. в Ермолинской летописи меняется состав известий. Текст событий 6933—6980 (1425—1472) гг. оказывается теснейшим образом связанным с текстом списков Хронографи-

³⁴ Статья «Летописи» в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

ческого (Новгородской IV летописи) и Царского (Софийской I), а в известных частях и с Софийской II и Львовской, которые, в свою очередь, весьма близки к Хронографическому и Царскому. А начиная с 6981 (1473) г. Ермолинская уже не сходна ни с Хронографическим, ни со списком Царского, хотя, конечно, между ними есть общие известия³⁵.

Во-вторых, он установил, что под 60—70-ми годами в Ермолинской читаем ряд упоминаний о деятельности В. Д. Ермолина. Последнее известие этого рода находится под 1472 г.; в последующем тексте о ней упоминаний нет. Наконец, в пользу мнения, что основной протограф кончался 1472 г., он приводил и некоторые палеографические наблюдения³⁶. Судя по этим данным, основную часть Ермолинской летописи не мог заполнять Московский свод, составленный в 1479 г., а мог в нее попасть только его источник. Наблюдения А. А. Шахматова, показывающие, что в Ермолинской летописи не мог быть использован самый Московский свод 1479 г., подкрепляются другими данными. Для решения этого вопроса важны результаты наблюдений при сравнении Московского свода 1479 г. с Ермолинской летописью. В Ермолинской летописи обнаруживаются детали, частью конкретного содержания, отсутствующие в Московском своде, которые свидетельствуют, что оригинал Ермолинской летописи использовал не самый Московский свод, а его сложный по составу источник. Так, под 6668 г. в Московском своде выпали слова «дьяволомъ наученъ» (Ерм., л. 67 об.) и ниже (слова Изяслава) — «како ми сихъ опять совокупити» (Ерм., л. 69). Под 6670 г. нет слов «и зъ чяды» (Ерм., л. 71). Под 6715 г. в Московском своде нет точной даты, когда Всеволод пошел к Москве — 19 августа (Ерм., л. 97). Под 6767 г. нет о том, что новгородцы князя Александра Невского «много чтивше» (Ерм., л. 136 об.). Под 6834 г. в Московском своде нет слов (о митрополите Петре) «пасъ церковь божию лѣтъ 18 и мѣсяць 6» (Ерм., л. 167). Под 6873 г. в Московском своде выпала фраза «Того же лѣта митрополить Алексѣи отня епископыю Новгородскую и Городецкую от владыки Алексѣя Суздальскаго» (Ерм., л. 191). Ни в Эрмитажном списке

³⁵ ИОРЯС, т. IX, кн. 1. СПб., 1904, стр. 407—411.

³⁶ Там же, стр. 412.

(стр. 485—487), ни в Уваровской 1366 ее нет. Известие восходит к общему источнику Софийской I и Новгородской IV летописей. Под 6918 г. нет слов о Фотии «и приять его князь великы Василей с честию» (Ерм., л. 253 об.). Под 6925 г. в Московском своде, в рассказе о Цамблаке, выпало место от слов «сущии же православнии хрестьяне...» до слов «...и наше благословение съ православными хрестьяны» (Ерм., лл. 258 об. — 259), равно как под 6926 г. рассказ о чуде церкви Покрова в Новгороде — известие, которое восходит к общему источнику Софийской I и Новгородской IV летописей и по всем признакам было в общем источнике оригинала Ермолинской летописи и Московского свода 1479 г.

В пользу вывода, что в основу Ермолинской летописи положен не свод 1479 г., а его источник, свидетельствует также и то, что признак общей редакции летописного свода в Ермолинской и Московском своде 1479 г. наблюдаем только до 20-х годов XV в., и расхождение (явное — с 1430 г.) объясняется тем, что с 1425 г. составитель Московского свода 1479 г. обратился к предшествующему московскому своду, отразившемуся в Никаноровской летописи. Бесспорное расхождение начинается с 6938 (1430) г., где видим тексты в Ермолинской, отсутствующие в Московском своде 1479 г.: Ерм., под 6938 г. от слов «А князь Юрьи разверже мирь...»; под 6939 г. — о засухе и мгле; под 6941 г. — о походе Юрия Димитриевича на Москву и последующее изложение; об обвинениях, которые предъявлялись Семену Морозову; а также под 6942, 6944 и др.

Если бы Ермолинская летопись следовала Московскому своду, а не его источнику, то тогда, всего вероятнее, после 20-х годов XV в. она отразила текст, близкий к Никаноровской.

Между тем, расходясь с Московским сводом, Ермолинская летопись с 1430 г. дает рассказ, аналогичный Софийской II и списку Царского. Так, весь рассказ от слов «А князь Юрьи разверже мирь...» до слов «...преити на нь», отсутствующий в Уваровском и Эрмитажном (стр. 618—619), можно найти в Софийской II летописи. Под следующим 6939 г. сообщения Ермолинской летописи о засухе, о том, что горели земля и болота, о мгле, стоявшей 6 недель, о том, что рыбы в воде мерли, отсутствующие в Уваровском и Эрмитажном списках свода

1479 г., отразились в Софийской II и списке Царского. Под 6941 г. — о том, что Морозов «миръ свель», о том, что «не повыкли бо служити удѣльнымъ княземъ» московские князья, бояре и дворяне, та часть рассказа, в которой обвиняется Морозов, — все это находим в Софийской II или в списке Царского, но не найдем в Московском своде. То же можно сказать относительно упоминания под 6949 г. о «мятле» Порховском, а под 6950 г. — о Кулодаре Ирешском и т. п.

Укажем еще на одно показание изучаемого общерусского источника Московского свода 1479 г. Из этого показания можно заключить, что составитель этого источника не был составителем Московского свода 1479 г. Только при таком предположении становится понятным, почему в Московском великокняжеском своде 1479 г. имеется в тексте, восходящем к Троицкой летописи, следующая вставка, отсутствовавшая, по-видимому, в Троицкой³⁷: «Сего бо предреченного Митяя не хотя же никто же в митрополии, епископи же и игумены, прозвитери и весь чинъ священничьскыи и мниси, вси моляху о томъ бога, дабы не попустилъ Митяю в митрополитѣхъ быти, но единъ князь великыи хотяше его видѣти в томъ чину. Тои же уповаше на любовь княжъскую, о иномъ же ни о комъ не брежаше, аще бо и книги добръ сведяше, но не въспоману пророка глаголюща: добро есть уповати на господа, не же ли уповати на князя. И паки глаголетъ: не надѣйтесь на князя, на сына чловѣчьскы, в них же нѣсть спасения...» и т. д. Конечно, не составитель великокняжеского свода 1479 г. писал эти строки, а они были уже в его летописном источнике. И написано это рассуждение в среде, защищавшей церковные интересы «митрополии» от чрезмерных княжеских притязаний. Его нет также ни в Никаноровской летописи, ни в Софийской I, ни в Новгородской IV³⁸.

Когда же был составлен этот общерусский источник Московского свода, объединивший в своем тексте материал предыдущих общерусских и владычных сводов?

³⁷ По крайней мере, ее нет в Симеоновской летописи и в реконструированном тексте Троицкой.

³⁸ Новые указания, что Ермолинская летопись кончалась 1472 г., получим при сравнении Ермолинской летописи с Сокращенным сводом 90-х годов XV в., о чем ниже.

Сокращение этого общерусского памятника производилось, конечно, после его составления; а составлялся он не около 1417 г., и не около 1423 г. и даже не при Фотии, а позднее. Под 6914 г. в текст, восходящий к Троицкой летописи, вставлена в Московском своде 1479 г. (в Уваровской летописи и Эрмитажном списке) следующая фраза: «по отшествии же сего митрополита и прочии митрополити русстии и донныѣ преписывающе сию грамоту повелеваютъ въ преставление свое въ гробъ въкладающеся тако же прочитати въ услышание всѣмъ». Этой фразы не было в Троицкой летописи и в других известных нам первоисточниках Московского свода, но она имеется в Ермолинской летописи, а также в Львовской и Софийской II и, следовательно, восходит к их общему оригиналу. Из приведенной фразы о «прочих русских митрополитах» явствует, что свод составлялся не в 20-х годах XV в., не при Фотии, а позднее. Имеем и другое указание, что общерусский свод составлялся позднее Фотиева Полихрона.

В Московском своде 1479 г. (в Уваровской летописи и в Эрмитажном списке) помещена под 6755 г. фантастическая повесть «Об убиении злочестиваго Батыя въ Угрехъ». Ее мы не найдем ни в Троицкой летописи, ни в Софийской I и Новгородской IV, ни в Никаноровской. Но она имеется (в несколько сокращенном виде) в Ермолинской и Львовской летописях и, следовательно, была уже в общем оригинале московского свода и этих летописей. Повесть эта, согласно мнению В. О. Ключевского, М. Г. Халанского и А. А. Шахматова, составлена Пахомием Сербом. Пахомий Серб писал предположительно в 40-х годах Хронограф, а в 1472 г., как прямо свидетельствует Львовская и Софийская II летописи, получил задание написать два канона и слово об «обретении мощей» митрополита Ионы.

Прощальная грамота сохранилась не только в изучаемом летописном тексте, но и отдельно в сборнике XVII в. собрания Н. В. Калачева³⁹. Выражение «прочии митрополити русстии» показывает, что изучаемый общерусский летописный памятник писался не ранее 1464 г. при митрополите Филиппе, так как Фотий сам писал прощальную грамоту, а Исидор бежал из России. Следова-

³⁹ ЛЮБ, т. I. СПб., 1857, столб. 544—547.

тельно, под «прочими» митрополитами могли разуместь лишь Иону и Феодосия. Таким образом, изучаемый общерусский летописный источник мог появиться между 1464 и 1472 г. Быть может, его составление началось в кратковременное правление Феодосия, поставленного из ростовских архиепископов, а было завершено при митрополите Филиппе, с именем которого, как мы видели, следует связывать составление «Словес избранных». В этот общерусский памятник был включен рассказ о Стефане Пермском, вероятно, в связи с тем, что при митрополите Феодосии пермский епископ Иона крестил «Великую Пермь» и «князей» их; ставил там церкви, игуменов и священников ⁴⁰. Рассказ о деятельности Стефана Пермского помещен в Московском своде под 6904 г.; его нет в тексте ряда предыдущих сводов; его нет ни в Никаноровской, ни в Вологодско-Пермской, ни в Софийской I, ни в Новгородской IV летописях; не было его, судя по имеющимся данным, в Троицкой летописи, но он есть в сокращенном виде в Ермолинской и Львовской. Составитель свода пишет: «Есть же от житья его и книги сложены, имуще тетратей съ двадесять, здѣ же мало нѣчто изрекохъ о нем...». Надо полагать, что составитель летописного текста имел для своей работы рукопись с житием Стефана, пользуясь которой он мог «мало нѣчто» рассказать о нем. Согласно наблюдению В. О. Ключевского, очерк летописца о Стефане составлен по житию, написанному Епифанием ⁴¹. Фактически данные о Стефане летописец действительно мог заимствовать из жития редакции Епифания ⁴². Рукопись с житием Стефана составитель мог получить в Троице-Сергиевом монастыре, где оно писалось. Напомним также, что упомянутый выше Пахомий Серб работал в Троице-Сергиевом монастыре в течение ряда лет ⁴³.

⁴⁰ Типографская летопись под 6970 г. — ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 185; о «Великой Перми» — А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 112.

⁴¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 93.

⁴² «Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым», изд. Археогр. комисии. СПб., 1897.

⁴³ В 1443, 1445, 1459, 1472 гг. — В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 11—20.

Имеется рассказ о Стефане под тем же годом и в Софийской II летописи с добавлением, взятым «от жития... Сергия». Есть под тем же годом о деятельности Стефана и в списке Царского, но в иной редакции и с перечислением народов, живших «около Перми», взятым также из жития Стефана, написанного Епифанием⁴⁴.

Приведем еще ряд известий Московского свода 1479 г., которых нет в известных нам первоисточниках этой части свода и которые есть в Ермолинской летописи, Львовской и Софийской II (за исключением известия о Семене Вяземском, их нет и в Никаноровской; зато известия под 6914 и 6916 гг. находим в списке Царского). Под 6904 г. нет сведений о приходе Олега Рязанского к Любутску; под 6906 г. — о прибытии от Витовта посольства и о поездке великой княгини Софии к отцу (Витовту) в Смоленск; под 6914 г. — о Юрии Смоленском, Семене Вяземском и жене его Ульяне, под 6916 г. — о приезде Свидригайла Литовского с другими князьями и о том, что они получили от великого князя Московского. Составителя свода интересовали, как видим, русско-литовские отношения.

Если общим источником Ермолинской летописи и Московского свода 1479 г. был общерусский свод, составленный между 1464—1472 г., продолжавший традицию общерусских сводов первой половины XV в., то тогда понятно и наличие в этом тексте обильных извлечений из южно-русского, киевского свода.

⁴⁴ С незначительными изменениями: вместо града Булгар названа Казань и указано число верст от нее до устья Камы.

Глава седьмая

Настоящая глава посвящена реконструкции киевского источника общерусских сводов второй половины XV в.

Мы говорили, что громадная территория, значительная часть «Русской земли», еще в XIV в. вышла из-под власти великого княжения Владимирского, захваченная Литвою; взят был и Киев. Но если «великое княжение Владимирское» не распространяло свою власть на эти области, то русский митрополит, носивший титул митрополита «Киевского и всея Руси», был им не только формально, но и фактически, хотя и с большими перерывами. Митрополия «всея Руси» должна была объединять как территории Северо-Восточной и Северной Руси, так и Юго-Западной и Западной, находившиеся в пределах владений литовских или литовско-польских.

Памятники древнерусского канонического права свидетельствуют о том, что в первой четверти XV в. и позднее, в церковных кругах во всяком случае, сохранялось представление о «единой» митрополии «всея Руси» и единой Руси, «всей Русской земле», как территории, населенной русским православным населением и сложившейся в первые времена христианизации, т. е. в эпоху Киевской Руси¹.

¹ «Памятники древнерусского канонического права», ч. I. — РИБ, т. VI, СПб., 1880, № 49, 62, 86 и др. Там же встречается термин «Русийская земля» — № 86, 1459 г.

Так смотрели у нас в церковных кругах. Но Витовт и при Фотии провел на киевский «столец» своего ставленника (Григория Цамблака) как митрополита не только «Киевского», но и «всая Руси» (1415 г.)².

Равным образом позднее и Исидор, и ученик его Григорий были поставлены на митрополию «Киевскую и всея Руси»³. В Литве не теряли надежды видеть своего ставленника принятым в восточнорусских землях. А в Москве вели борьбу против фактического раздела единой митрополии «всей Русской земли», добиваясь распространения власти московского митрополита на территорию Юго-Западной и Западной Руси.

В свете этих отношений становится яснее происхождение списка «всем градом руским, дальним и ближним», оформившегося в конце XIV или в начале XV в. В нем также по существу выражена идея единства Юго-Западной и Западной Руси и Руси Северной и Северо-Восточной, собраны «русские» города «дальние» и «ближние». Древние списки этого памятника ведут нас скорее всего к церковной среде. Они имеются в сборниках, содержащих свод 1518 г., а также в сборниках церковного происхождения, судя по их составу (Синодальный № 645, принадлежавший Троице-Сергиеву монастырю; Уваровский № 188), и сохранились в сборнике, содержащем Комиссионный список Новгородской I летописи, где интересующий нас источник помещен после списков русских митрополитов и новгородских епископов, архиепископов и архимандритов. Перед списком митрополитов и поучением митрополита Петра список «градомъ рускимъ» помещен в рукописи Новороссийского университета № 81, содержащей также Новгородскую IV летопись.

Опыт локализации «градов» произведен акад. М. Н. Тихомировым⁴. Составитель списка, как выяснено в работе А. Поппэ на материале волынских «градов», пользовался разновременными источниками⁵. При объясне-

² «Памятники древнерусского канонического права», ч. I. — РИБ, т. VI, № 38.

³ Там же, № 71, 81 и др.

⁴ М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. — «Исторические записки», т. 40. М., 1952.

⁵ Andrzej Poppe. Gród Wolyn—Studiów Wczesnośredniowiecznych, t. IV, 1959. На очень ранние источники Списка городов, восходящие ко времени Галицкой земли, указывают сведения о г. Черн. — А. Н. Насонов «Русская земля» и образование территории Древне-

нии, почему в число «русских» попали волошские и болгарские города, надо иметь в виду следующее. Болгарские и волошские (молдавские) города молдавский господарь считал своими в начале 90-х годов XIV и в начале XV в. (1406—1415 гг.)⁶. В начале XV в. молдавский господарь признавал церковную зависимость от польско-русского Галича, который с 1401 г. находился в церковном отношении в ведении Киприана, как киевского, галичского и все-русского митрополита (так, в грамоте, писанной около 1405 г.: «... Kyrprziano metropolitani Kioviensis et Haliciensis totiusque Russiae»⁷. Галич был в составе митрополии «всая Руси» и при Фотии, который ездил в Галич в 1412 и в 1420 гг.)⁸.

Понятно, что именно в церковных кругах и в плане церковных связей ставились подобного рода «общерусские» вопросы.

В церковных кругах интерес к Южной Руси, к ее истории не затухал в первой половине XV в., хотя Южная (точнее, Южная и Западная) Русь находилась под властью Литвы и Польши. Отсюда желание в церковной среде привезти на Северо-Восток рукописи с киевскими «летописцами».

Мы не располагаем прямыми указаниями, когда и кем был привезен в Москву новый южнорусский летописный свод или своды⁹. В период господства татаро-монголов рукопись с текстом киевского свода могла храниться и в Выдубицком монастыре, и в Киево-Печерском. В Киев ездили и Киприан, и Фотий. Последний посетил Киев трижды: в 1409, 1412 и 1420 гг. О близости Фотия к Киево-Печер-

русского государства. М., 1951, стр. 142; Г. Б. Федоров. Древнерусское городище на Днестре. — «Вестник Академии наук СССР», 1960, № 10; он же. Население юго-запада СССР в I—начале II тысячелетия нашей эры. — «Советская этнография», 1961, № 5.

⁶ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 216.

⁷ «Acta grodzkie i ziemskie», t. VII, 26, стр. 50. — Цит. по кн.: А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. СПб., 1904, стр. 155.

⁸ ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стлб. 55, 59; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900, стр. 372, 387—388.

⁹ Ранее, в XII в., на Северо-Восток был привезен летописный свод Переяславля Южного. Он был положен в основание северо-восточных летописных сводов XIV—начала XV в. (Лаврентьевская летопись, Троицкая). — А. Н. Насонов. Об отношении летописания Переяславля Русского к Киевскому. — «Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959.

скому монастырю, где он останавливался, свидетельствуют три поучения, адресованные киево-печерским монахам¹⁰. Собирая летописный материал, Фотий был заинтересован в том, чтобы южнорусский киевский летописный свод имелся в Москве. Как устанавливается сравнением Софийской I летописи с Новгородской IV, южнорусский летописный источник находился у составителя Фотиева Полихрона. Каким-то киевским летописцем пользовался составитель Софийской I летописи старшего извода, что видно из содержания статей под 6655 г., которые сближают текст Софийской I с Ипатьевской, а также из ссылок составителя на киевский летописец под 6585—6598 гг. Софийская I летопись старшего извода кончалась не на 1418 г., но на известии о событии 1422 г.

Сравнивая Московский свод 1479 г. с Софийской I и Новгородской IV летописями, можно убедиться в том, что специфический южнорусский материал XII в., который сближает свод 1479 г. с Ипатьевской летописью, нет оснований считать заимствованным из этого общерусского текста, так как в нем южнорусский материал отразился значительно слабее. Следов детального изложения здесь — в общем источнике Софийской I и Новгородской IV летописей — не видно. Нет южных известий 6630, 6631, 6632 гг. (а краткое сообщение о митрополите Никите дано в другой редакции), 6637, 6652 гг.; нет длиннейшего рассказа 6654 г. Известия 6646 г. изложены в другой редакции. Отсутствуют пространные повествования о южнорусских событиях 6655, 6657, 6658, 6659 гг. и т. д.

Если под «Фотиевым Полихроном» разуместь общерусский свод, отразившийся в соединении с новгородской летописью в Софийской I и Новгородской IV летописях, то следует признать, что в «Фотиевом Полихроне» южнорусский материал был использован значительно слабее, чем в Московском своде 1479 г., и в ином тексте: общий источник Софийской I и Новгородской IV летописи был также одним из первоисточников Московского свода 1479 г.

Следов подробного изложения южнорусских событий XII в., аналогичного тексту свода 1479 г., нет и в тех сво-

¹⁰ АИ, т. I, СПб., 1841, № 19; ДАИ, т. I, СПб., 1846, № 180; АЗР, т. I, СПб., 1846, № 25; П. Г. Клепатский. Очерки по истории Киевской земли, т. I (Литовский период). Одесса, 1912, стр. 153—164.

дах, в которых частью отражается предшествующий московский свод 1471 г., т. е. в Никаноровской летописи и близких к ней летописях (ср. текст свода 1479 г. под 6630, 6646, 6652, 6654—6664 гг. и т. д. с Никаноровской, Вологодско-Пермской и, в частности, с Лондонским списком последней).

Таким образом, в общерусском летописном тексте, который послужил общим источником Ермолинской летописи и Московского свода 1479 г., был обильно использован материал киевского источника, замеченного еще А. А. Шахматовым. Чтобы получить правильное представление о нем, высказать правильные о нем суждения, необходимо было выделить его из дошедших до нас текстов, пользуясь точной методикой. Предложенное выше исследование о происхождении общерусского текста — общего источника Ермолинской летописи и Московского свода 1479 г. — позволяет построить научную гипотезу, а приведенная ниже работа по восстановлению текста киевского источника дает уже конкретные, документально проверенные выводы¹¹.

Киевский источник мы будем изучать, пользуясь в основном двумя списками: Уваровской рукописью и Эрмитажным списком. Сравнивая оба списка, убедились, что они весьма близки между собою, хотя многие слова в Эрмитажном списке искажены переписчиком XVIII в., так как он далеко не все понимал. Вместе с тем оказывается, что в Эрмитажном списке недостает мест, имеющих в Уваровском, и наоборот, в последнем нет тех мест, которые сохранились в первом. Анализируя эти чтения, приходим к выводу, что в первоисточнике, в первоначальном тексте свода 1479 г., имелись и те чтения, которых нет в Уваровском, и те, что отсутствуют в Эрмитажном.

Переписчик Эрмитажного списка делал механические пропуски: они объясняются в большинстве случаев гаплографией¹². Так, на стр. 156 Эрмитажного (ср. Увар.,

¹¹ Работа по реконструкции киевского источника Московского свода 1479 г. была опубликована нами в «Проблемах источниковедения», вып. IX. М., 1961.

¹² Т. е. таким пропуском, когда переписчик перескакивает через отрывок, заключенный между двумя тождественными словами или выражениями.

л. 33 об.) переписчик пропустил конец одной и начало другой фразы после слов «на Всеволода...» до слов «...от Всеволода» (6635 г.); на стр. 182 большой пропуск от слов «Феодора, и емше ведоша...» до слов «...и повелѣ» (6655 г., ср. Увар., л. 49 об.—50); на стр. 184 (того же года, ср. Увар., л. 51 об.), — после слов «до Всеволожа...» до слова «Всеволож»; на стр. 186 (Увар., л. 52 об.) — после слов «христьянъ дѣля» до слов «христьян дѣля»; на стр. 206 (Увар., л. 64 об.) — после слов «къ Суздалью» до слов «поити къ Суздалью»; на стр. 208 (Увар., л. 66 об.) — после слов «полкы своими» до слов «полкы своими»; под 6660 г. на стр. 209 (Увар., л. 67) — после слов «в город» до слов «...и затвориша город»; на стр. 211 (Увар., л. 68—68 об.) — после слов «къ брату своему Ростиславу...» до слов «...къ брату своему Ростиславу»; на стр. 211 (Увар., л. 68 об.) нет слов «к Любечю яко же бѣша съ братом»; на стр. 217 (Увар., л. 72 об.) — после слов «не утвердил» до слов «с людьми утвердися» (6662 г.); на стр. 218 (Увар., л. 73) пропуск после слов «под Мѣстиславом Переяславль» до слов «под нимъ Переяславль»; на стр. 230 (Увар., л. 79 об.) пропущены слова «бѣже Изяславъ от Бѣлаго-рода къ Гомью и побѣгоша»; на стр. 249 (Увар., л. 93) пропуск после слов «и побѣже» до слов «он бѣже»; на стр. 266 (Увар., л. 103 об., в конце) — после слов «изъ города» до слов «из города»; на стр. 266 (Увар., л. 104) — после слова «володимерѣѣ» до слов «въ Володимери»; на стр. 268 (Увар., л. 104 об.) — после слов «к Москвѣ» до слов «вѣсть къ Москвѣ»; на стр. 275—276 (Увар., л. 108—108 об.) механический пропуск после слов «князи наши и брати» до слов «Володимерю и иде»; на стр. 280 (Увар., л. 110 об.) — после слов «и вѣложиша» до слов «привезше положиша»; на стр. 297 (Увар., л. 117—117 об.) — от слов «Рюрикъ же посла...» до слов «...Рюрикъ же посла»; на стр. 300 (Увар., л. 118 об.) нет слов «ни Киева, ни Смоленска, ни под дѣтми»; ниже (Увар., л. 119) — слов «ни Угри, ни Ляхове, но единого дѣда есмы»; и ниже пропуск после слов «дѣти свое» до слов «вежи своѣ».

Далее, сравнение обоих списков обнаруживает, что Эрмитажный список сохранил ряд мест изучаемого текста, которые отсутствуют в Уваровском. Они восходят к первоначальному тексту свода 1479 г. Так, на л. 40 Уваровского списка читаем: «а под Ростиславомъ Мѣстиславичем Володимеря», тогда как в Эрмитажном полная фраза:

«а под Ростиславом Мстиславичем Смоленска, а под Изяславом Мстиславичем Володимеря» (стр. 165)¹³. На л. 42 в Уваровском после слов «возлѣ рѣкы» опущены слова «А Всеволод стояще на другой стороне реки» (Эрм., стр. 168). На л. 44 об. в Уваровском в фразе «и скотницѣ и товару» пропущены слова (после «скотницѣ») «и бретанице», которые имеются в Эрмитажном (стр. 173) и в Ипатьевской летописи. На л. 51 об. после слов «Половци поидоша» в Уваровском пропущены слова «от них в Половцѣ, а у них мало остахся и поидоша», которые имеются в Эрмитажном списке (стр. 184); они есть также в Ипатьевской летописи. На л. 58, под 6658 г., после слов «по Изяславѣ Святослава Всеволодича» в Уваровском пропущены слова «и Бориса Юрьевича», имеющиеся в Эрмитажном на стр. 195 (ср. Лаврентьевскую, где Борис Юрьевич упоминается). На л. 60 об. в Уваровском после слов «гребцовъ не видѣти» пропущены слова «токмо весла видети», сохранившиеся в Эрмитажном и в Лаврентьевской летописи. Под 6661 г. на л. 70 об. в Уваровском перед словами «и что деяти» пропущены слова «что ся тебе сотворить, то нам», которые есть в Эрмитажном (стр. 214) и в Лаврентьевской. На л. 74 в Уваровском (6664 г.) после слов «не приял еси» пропущено слово «благословения», сохранившееся в Эрмитажном (стр. 221), в Ипатьевском — «благословение». Под 6667 г. на л. 77 об. в Уваровском после слов «и имѣние твоеа» пропущены слова «разграбихомъ и дружины твоея», имеющиеся в Эрмитажном списке (стр. 227) и в Ипатьевской летописи. На л. 78 об. после слов «къ Олговичу Святославу» в Уваровском пропущены слова «и ко Всеволодичю Святославу», которые есть в Эрмитажном (стр. 228). Ниже на л. 78 об. после слов «на тя с хвалою» в Уваровском опущены слова «то богъ будетъ с тобою», которые имеются в Эрмитажном (стр. 229), а также в Ипатьевской. На л. 79 между словами «Сатмазович» и «и Карась» в Уваровском пропущено: «Варакоз Мнюзович» (так читаем в Эрмитажном, стр. 230; в Ипатьевской — «Каракоз»). В конце л. 96 под 6676 г. после слов «помилованиа ни от кого» в Уваровском пропущены слова «взяша многое множество именей, а из церкви иконы и книги» (так читаем в Эрми-

¹³ В Лаврентьевской летописи «под Ростиславом Смолинска, а подъ Изяславомъ Володимеря».

тажном, стр. 254), аналогичная фраза имеется и в Ипатьевской летописи.

Как видим, южнорусский материал (XII в.) Московского свода 1479 г. восстанавливается с помощью обоих списков.

Переходим к рассмотрению интересующего нас южнорусского материала.

Для того, чтобы выяснить объем и содержание текста в Московском своде, восходящего к киевскому источнику, надо освободить его от заимствований из новгородско-софийского источника или источников и из Троицкой или весьма близкой к ней летописи. Извлекаем сначала новгородско-софийский материал.

Под 6631 г. вставлено известие, которого нет в Ипатьевской и Лаврентьевской и которое имеется в Софийской I и Новгородской IV, о том, что Всеволод Мстиславич ходил с новгородцами на Емь; под 6633 г. — известие, отсутствующее в Ипатьевской и Лаврентьевской и имеющееся в Софийской I и Новгородской IV, о том, что новгородцы посадили на княжеский стол упомянутого выше Всеволода Мстиславича.

Следующие известия имеются в Софийской I, Новгородской IV и отсутствуют в Ипатьевской и Лаврентьевской или находятся там, но в другой редакции: под 6641 г. — о том, что Всеволод Мстиславич ходил с новгородцами на Чудь и взял Юрьев; под 6643 г. — о походе Всеволода Мстиславича со всей новгородской «областью» и о битве на Ждане горе с указанием убитых новгородцев; под 6644 г. — рассказ об изгнании новгородцами Всеволода с перечислением его проступков; под 6644 г. — о том, что «женися» Святослав Ольгович в Новгороде и Нифонт его «не вѣнча»; под 6645 г. — весь текст, начиная от слов «Того же лѣта Всеволод Мѣстиславич. . .» до конца года; под 6646 г. — о том, что псковичи заключили мир с новгородцами; 6647 год дублируется; в первый раз под 6647 г. весь текст взят из Новгородско-Софийского свода, второй раз — из другого источника; некоторые детали рассказа (см. «Всеволод же обѣщався. . . посла тогда»), отсутствующие в Новгородской IV и Софийской I, подтверждают, что составитель Московского свода пользовался первоисточником. Под 6656 г. читаем о том, что Изяслав Мстиславич послал в Новгород сына Ярослава, а Святополка вывел и дал ему Владимир; под 6662 г. — о том, что у Юрия родился сын Димитрий и заложен г. Дмитров; под

6665 г. — рассказ об изгнании Мстислава Юрьевича новгородцами, о бегстве князя; под 6669 г. текст с начала статьи до слов «опять на своей воли его», под 6676 г. — весь текст от слов «И иде Святославъ из Новгорода на Луки...» до слов «...много зла створивше»; под 6679 г. — о том, что новгородцы выгнали Романа Мстиславича, с прибавлением слов самого составителя свода 1479 г. по адресу новгородцев: «Таковъ бо бѣ обычай оканнх смердов измѣнниковъ»; под 6683 г. — рассказ об убиении князя Андрея Боголюбского от слов «в се же лѣто убьенъ бысть...» до слов «...и взяше тѣло его и несеша въ церковь», совпадающий с Софийской I летописью; под 6685 г. — о том, что Мстислав был призван в Ростов и, уходя из Новгорода, оставил там сына Святослава (есть в Софийской I летописи); ниже под тем же годом — о том, что новгородцы отказывались принять Мстислава с сыном Святославом. В Софийской I летописи Святослав не упомянут; но, очевидно, о нем упоминалось в Новгородско-Софийском своде; под тем же годом, от слов «И хотяше Глѣбъ мира...» до слов «...не створи ему зла ничто же»; и ниже от слов «и овых казни...» до слов «...кровопролитию никакъ же»; и ниже от слов «но шедше розметаша порубъ...» до слов «...на Волоцѣ»; под 6687 г. — весь текст; под 6688 и 6689 гг. видим комбинацию сведений, взятых из Софийской I или из Новгородско-Софийского свода со сведениями из Троицкой летописи. Затем, под 6690 г. — весь текст; под 6692 г. — весь текст; под 6696 г. — о том, что новгородцы выгнали Мстислава Давыдовича; под 6697 г. — о том, что псковичи избили чудь поморскую; под 6699 г. — от слов «Того же лѣта князь Ярославъ Володимерич...» до конца года; под 6700 г. — о том, что Ярослав ходил с псковичами и малым числом новгородцев на Медвежью Голову; под 6702 г. — о пожарах в Ладоге, Русе и Новгороде; под 6703 г. — от слов «Того же лѣта позва Всеволод новгородцевъ на Черниговъ...» до конца года.

Оговоримся, что некоторые из перечисленных известий могли также попасть в свод 1479 г. из предыдущего московского свода.

Значительно больше обнаруживается вставок из Троицкой летописи, которая в качестве источника является одним из важных компонентов в изучаемом отрезке свода 1479 г. Под 6626 г. из нее взяты факты о том, что Влади-

мир Мономах послал в г. Владимир сына своего Романа¹⁴ (в Ипатьевской нет). Первое известие 6629 г. представляет собой комбинацию текста из киевского свода (ср. Ипатьевскую) с извлечением из Троицкой (см. выражение «и тако мятушесе zde и онде изгибоша» — Лавр., Троицкая). Под 6630 г. из Троицкой взяты известия о знамениях с точными датами; под 6631 г. — о смерти переяславского епископа и черниговского; под 6632 г. — о том, что во время пожара сгорело около 600 церквей; под 6633 г. — некролог Владимира Мономаха (взят из Троицкой летописи, но дан в сокращенном виде; в Ипатьевской летописи совсем иной текст некролога); далее — о том, что в Киеве сел Мстислав, а Ярополк в Переяславле (заголовок «Княженъ Мѣстиславле» в своде 1479 г. был написан на полях, как в Эрмитажном списке)¹⁵, и весь текст от слов «Половци же услышеша...» до конца года; под 6634 г. — весь текст; под 6635 г. — весь обширный текст; под 6636 г. — весь текст; под 6639 г. — весь текст (см. Лавр. лет. и реконструированную Троицкую под 6639 и 6640 гг.; в Ипатьевской летописи — в другой редакции). Отметим, что в Лаврентьевской и в реконструируемой Троицкой нет слов, имеющих в своде 1479 г.: «и иде къ Ярополку, Ярополкъ же да ему Переславль»¹⁶. Заголовок «Княжение Ярополче» в своде 1479 г. находился на полях, как в Эрмитажном¹⁷.

Под 6641 г. — от слов «А Ярополкъ того лѣта...» до конца года, но с сокращением; под 6642 г. — весь текст; под 6643 г. — весь большой текст с начала до слов «...а Изяславу Мѣстиславичю Володимерь». Отметим, что слов «князи бо их отъидоша... поидоша въ свояси» в Лаврентьевской и реконструируемой Троицкой нет. Под 6644 г. взят текст, начиная с известия о том, что Ольговичи начали воевать «города и села по Сулъ» и до слов «...епископъ Володимерьскыи». Но слова «Ярополча дружина и братьи его лучшая» заимствованы из киевского свода (ср. Ипатьевскую летопись): под 6645 г. — о поставлении епископов в Смоленск и во Владимир; под 6646 г. — с начала года и до слов «февруариа 22», за исключением по-

¹⁴ Лавр. лет. под 6627 г. и М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

¹⁵ В Уваровском внесен в текст.

¹⁶ Перед словами «он же вниде въ Переяславль на госпожинъ день».

¹⁷ В Уваровском внесен в текст.

мянутаго выше известия о псковичах; под 6647 г. (под вторым дублированным годом) — весь текст; под 6648 г. — весь текст. Слов «и отслаша имъ [и?] назадъ къ отцю» нетъ в Лаврентьевской и Троицкой; под 6649 г. — весь текст; под 6650 г. и 6651 г. — весь текст; под 6652 г. видим, что составитель пользовался то тем, то другим источником. Известия об Изяславе и о свадьбе его дочери могли быть взяты и из Троицкой, и из Ипатьевской. Далее текст от слов «В то же лѣто иде Всеволод...» до слов «... по сеи сторонѣ города» написан с помощью Троицкой летописи (ср., например, о «Голых горах» и о «Рожнеци полѣ»). Затем, от слов «В первый же день приступльше по жгоша острогъ...» текст заимствован из киевского свода, причем в Ипатьевской находится под 6654 г.; а от слов «ѣде Володимеръ ко Всеволоду...» до конца года взят из Троицкой. Краткое известие под 6653 г. — из Троицкой. Под 6654 г. видим опять, что составитель сначала берет из одного источника, а потом переходит к другому. Самое начало взято из Троицкой. Но от слов «и ста под Вышегородомъ въ Островѣ...» идет заимствование из киевского свода (отсутствует в Лаврентьевской и Троицкой и имеется в Ипатьевской). От слов «и не угодно бысть имъ. И послашяся в Переяславъ...» составитель переходит к Троицкой летописи. Но ниже, от слов «Святославъ же сдумавъ с мужи своими посла по па своего къ Давыдовичема...» опять обращается к киевскому источнику. Затем, в обширном тексте под 6655 г. из Троицкой летописи взято только от слов «совокупивъ вои своих множество...» до слов «... остави в Киевѣ», от слов «два мужа, Добрынку и Радила...» до слов «... и кыяны всѣ» и ниже от слов «стояща по обычаю на обѣдни...» до конца года; под 6656 г. — с начала года до слов «А Мъстиславъ воротися Переяславлю»; дальше — от слов «Того же лѣта посла Юрьи сына своего Ростислава...» до слов «... посажа посадники свои»; под 6657 г. — от слов «нѣкоторые же мужие...» до конца года; под 6658 г. — с начала года до слов «... Борис же беже къ отцу в Кыевъ» (Увар., л. 59). Во всем этом обширном тексте мы не находим в Лаврентьевской (ср. реконструированную Троицкую) только одной фразы: «пришел бо бѣ прежде къ Бѣлогороду Володимер Мъстиславич, брат Изяславовъ, на него». Под 6659 г. из Троицкой летописи взято от слов «Тое же весны преставися Ростиславъ Юрьевич...» до слов

«...съ стрьемъ своимъ Вячеславомъ» (Увар., лл. 60—61; Эрм., стр. 197—199); ниже, под тем же годом, — от слов «и постиже их у Перепетовых в четверток» (Увар., л. 63 об.) до слов «и укрѣпи дружину свою» и от слов «Изяславъ же Мъстисловичъ воротися къ Киеву...» (Увар., л. 64 об.) до слов «...Того же лѣта преставися княгини Изяславова» (Увар., л. 65 об.). Составитель Московского свода 1479 г., таким образом, переходил от изложения одного источника к другому. Под 6660 г. из Троицкой летописи взяты только две фразы в начале: от слов «Того же лѣта Изяславъ посла...» до слов «...со Мъстиславомъ Изяславичемъ», и в конце от слов «Мъстиславу же Изяславичю поможе богъ...» до слов «...Володимир, князь Галичскы» и выше слова «а Изяславъ поимъ съ собою... брата своего Святополка». Под 6661 г. — весь текст; фразы о том, что Изяслав послал «по другую жену собѣ въ Обезы», нет ни в Ипатьевской, ни в Лаврентьевской (и восстановленной Троицкой) и вставлена она, вероятно, составителем свода 1479 г. в качестве пояснения, которое в своих источниках он нашел под следующим годом.

Под 6662 г. из Троицкой взято с начала года до слов «...а самъ възратися Суздалю», затем — от слов «Того же лѣта преставися Святополкъ Мъстиславичъ...» до слов «...не пришелъ бѣше Ростиславъ и-Смоленска» и ниже — от слов «Стрѣльцемъ же стрѣляющимся о рѣку...» до конца года; под 6663 г. — весь текст. Откуда взят текст под 6666 г. с начала до слов «...Леон на епископью Ростову»? Он одинаково читается и в Ипатьевской, и в Лаврентьевской (и в реконструированной Троицкой). Но в отличие от Ипатьевской и от Лаврентьевской (и реконструированной Троицкой), в своде 1479 г. имеются слова: «объ единомъ версѣ», относящиеся к построенному Успенскому собору во Владимире. Составитель свода 1479 г. не мог взять их из Троицкой, так как в Лаврентьевской под 6666 г. их нет. Но он мог их взять из ростовского своего источника, где читалось об одномъ верхе (ср. Ермолинскую летопись под 6666 г.).

Упоминание об одномъ верхе могло быть и в киевском своде, если допустить, что указание на 5 верхов в Ипатьевской было сделано при переработке киевского свода, в чем, впрочем, можно сомневаться.

Под 6667 г. заимствовано из Троицкой начало до слов «...грабя и попы», а также конец статьи этого года от

слов «Изяславъ же отступи в поле, а половци идоша в вежи свое...». Под 6669 г. из Троицкой летописи вставлено только известие, что начали «подписывать» Успенский собор во Владимире, причем составитель Московского свода 1479 г. прибавил: «повелѣниемъ великого князя Андрѣа Юрьевича». Под 6670 г. в Московском своде из Троицкой взято (под 6672 г.) от слов «еще же не повелѣ мяс ясти...» до слов «...да не блазнятся о праздниѣхъ божиныхъ»; под 6672 г. — начиная с известия об освящении церкви на Золотых воротах во Владимире до конца года; под 6678 г. (Увар., л. 96 об.) — от слов «паче же и за митрополичю неправду...» до слов «...На подлежащая же да взратимся», и ниже после заголовка («О половцех, како пришед къ Глѣбу...» и т. д.) от слов «Великому же князю Глѣбу Юрьевичу тогда сѣдѣшу...» большой текст до слов «...и по достоянию нашему наказуетъ нас» (Увар., л. 99 об.), и в самом конце года — известие, что тело Владимира Андреевича положили в Янчине монастыре. Под 6679 г. из Троицкой летописи мог быть взят текст от слов «Того же лѣта родися у Мѣстислава у Андрѣевича сынъ...» до конца года, весь текст под 6680, 6681, 6682 гг., а также под 6683 г. — с начала до слов «тогда вы дамъ отвѣтъ» (до рассказа об убиении Андрея Боголюбского) и ниже, от слов «и пѣвше над нимъ вѣложиша и въ гробъ камень» (Увар., л. 102 об.) до конца года; под 6684 г. — весь текст; под 6685 г. — от слов «То же время преставися благовѣрныи и христороубивы князь Михалко...» до слов «...с побѣдою въ град Володимер» (Увар., л. 107) и от слов «Мѣстиславъ же иде къ Рязаню...» до слов «...и стояша мѣсяца» (Увар., л. 107 об.); от слов «наряди же полкы свои...» до слов «...изнимавъ руками» (Увар., л. 108) и от слов «На третии же день бысть мятежь...» до слов «...удержати людии множества»; под 6686 г. — сокращенное изложение текста Троицкой; под 6691 г. — заимствовано из Троицкой; под 6693 г. — тоже весь текст; под 6694 г. — весь обширный текст; под 6695 и 6696 гг. — весь текст, с сокращениями; под 6697 г. — с начала до слов «...у великого князя Всеволода сынъ Георгии»; под 6698 г. — весь текст; под 6699 г. — с начала до слов «...августа 22 день»; под 6700 г. — от слов «Того же лѣта пожаръ бысть великъ...» до конца года; под 6701 г. — весь текст; под 6702 г. — с начала до слов «...князь велики Святъславъ Киевъски»; под 6703 г. — с начала до

слов «... свата своего» и под 6704 г. — с начала до слов «... и вѣнчан бысть въ Володимери».

Проследивать далее заимствования в Московский свод 1479 г. из текста, близкого к Лаврентьевской и Троицкой летописям, для нашей темы не нужно: под 6704 (1196 г.) последний раз обнаруживается аналогичный Ипатьевской летописи текст особого южнорусского источника в Московском своде 1479 г.

Теперь перед нами очищенный текст южнорусского свода в составе изучаемого московского летописного памятника, точнее — фрагменты, извлеченные составителем Московского летописного свода, восходящие к южнорусскому источнику. Сравнение с Ипатьевской летописью показывает, что перед нами текст киевского свода. Основная часть текста почти дословно обнаруживается в Ипатьевской летописи.

Очищенный текст южнорусского источника находим под годами: 6626, 6627, 6628, 6629, 6630, 6631, 6632, 6637, 6646, 6652, 6654, 6655, 6656, 6657, 6658, 6659, 6660, 6662, 6663, 6664, 6665, 6666, 6667, 6668, 6669, 6670, 6671, 6672, 6673, 6674, 6675, 6676, 6678, 6704.

Но сравнение с Ипатьевской обнаруживает также, что в Московском своде 1479 г. систематически выбрасывалось то, что представлялось лишним. Сокращения эти имеют интерес, так как обнаруживают определенную направленность мысли, целеустремленность. В своем месте мы остановимся на этих показаниях.

Теперь же обратимся к вопросу о том, что представлял собою киевский летописный источник, попавший в Московский свод из общерусского свода.

Весьма сомнительно, чтобы составитель общерусского свода пользовался экземпляром Ипатьевской летописи, так как в Московском своде находим ряд южнорусских известий, особенно под 1212 (6720) г., которых нет в Ипатьевской летописи^{17а}. Если составитель пользовался самим

^{17а} См. в Московском своде 1479 г. следующие южнорусские известия (после 1199 г.), которых нет в Ипатьевской летописи, а также в Троицкой и Лаврентьевской, Софийской I, Новгородской IV и Никаноровской: под 6718 (1210) г. — о том, что выгнали из Галича Ростислава Рюриковича, а Романа Игоревича посадили с братом; под 6720 (1212) г. — о том, что Мстислав Романович пошел из Смоленска в Киев, и о других князьях и последующих событиях под Киевом и под Черниговом (от слов «того же лѣта Мѣсти-

киевским сводом, т. е. текстом несколько иной редакции, чем Ипатьевская летопись, то мы вправе ожидать, что встретимся с чтениями, отличными от Ипатьевской летописи, и даже, несмотря на сокращения, с южнорусскими известиями, которых в Ипатьевской летописи нет совсем.

Первое же южнорусское известие очищенного текста Московского свода 1479 г. под 6626 г. (1118), с которого мы начали обследование, оказывается, отсутствует в Ипатьевской летописи; не попало оно и в Лаврентьевскую. Это известие о том, что Ярослав Святополчич «отсла от себе» жену свою, внучку Владимира Мономаха, в результате чего («слышевѣ се») Владимир пошел на него с войском (Эрм., стр. 15). Известие это объясняет, почему Ярослав бежал из Владимира-Волынского в Венгрию («в Угры»), как читаем в Ипатьевской и Московском своде, или «в Ляхы», как сообщает Лаврентьевская летопись.

В киевском тексте Московского свода были названы имена Рогволодовичей — Василия и Ивана, которых Мстислав «поточил» в Царьград (Московский свод под 6637 г.; Эрм., стр. 159). В Ипатьевской имена опущены (Ипатьевская летопись под 6637—6638 и 6648 гг.). Здесь же читались слова Вячеслава, обращенные ко Всеволоду Ольговичу, которых нет в Ипатьевской: «азъ, брате, приидох здѣ по братѣи своей Мѣстиславѣ и Ярополцѣ по отецъ нашихъ завѣщанию. Аще ли ты восхотѣл еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, азъ есмь мнии тобѣ буди» (ср. Московский свод под 6646 г., Эрм. стр. 164 и Ипатьевскую летопись под 6648 г.). В киевском источнике Московского свода в рассказе об обращении Святослава с киевлянами к Игорю после слов «азъ, брате, цѣловал крестъ на томъ кыяномъ, яко быти тебѣ княземъ въ правду» читаем текст (продолжение речи Святослава), которого нет в Ипатьевской: «а людемъ, кому до кого будетъ обида, ино ти ихъ судити въ правду самому или мнѣ, а тиуномъ ихъ не судити, ни продавати. А что были тивуни брата нашего, Ратьша и Тудоръ, а тѣмъ не быти, а коимъ будетъ быти, ино имъ имати къ суду (в Эрм. — «с суда») урокомъ, а въ свою волю имъ люди не продавати»

слав Романович...» до слов «...опять къ Лучьску»); под 6722 г. — об изгнании угорским королем из Галича епископа и «поповъ», а «свое попы приведе латиньские на службу». Приведенные известия, с сокращениями, имеются и в Ермолинской летописи.

(см. Московский свод под 6654 г.: Увар., л. 43—43 об.; Эрм., стр. 170 и Ипатьевскую летопись под 6654 г.).

Под 6655 г. после слов «не имѣи на нас о том жалобы» могла читаться фраза, опущенная в Ипатьевской: «что есмы волости твои воевали и по тобѣ гаяли» (Увар., л. 47, Эрм., стр. 180) и ниже после слов «рече имъ посол Изяславль» — «рече вам братъ вашъ Изяславъ» (Увар., л. 48 об., Эрм., 90 об.). Под 6660 г. после слов «воли бы Изяслави не створил» читаем слова, опущенные в Ипатьевской: «Они же много молиша короля о нем» (Увар., л. 67 об.). Следует заметить, что в Московском своде (в Уваровском и в Эрмитажном списках) читаем правильно: «воли бы Изяслави», тогда как в Ипатьевской летописи ошибочно: «воль королевы».

Под 6665 г. читалось: «Томъ же лѣтъ поставлен бысть епископъ Василищъ Переяславу, а другого Кузму поставиша епископомъ въ Галичъ» (Увар., л. 76, Эрм., стр. 225). В Ипатьевской — опущено.

Далее, из киевского текста (черниговской записи?) попал в Московский свод под 6667 г. подробнейший рассказ о смерти митрополита Константина, которого нет в Ипатьевской.

В Троицкой и Новгородской IV летописи одна общая редакция известия, более краткая; ничего не говорится о грамоте с завещанием о непогребении, о том, что епископ Антоний передал ее Святославу Ольговичу и «отрѣшь печать», и прочел ее, и «обрѣте в ней страшну вещь», что тело лежало непогребенным 3 дня, что его похоронили (в церкви Спаса), «идѣ же Игорь лежить Ярославич, в теремѣ»; нет известий о знамении, о буре в Киеве, о Ростиславе и т. д. Этот рассказ Московского свода кончается словами «Сия же страшнаа вся в Киевѣ быша, а в Черниговѣ по вся 3 дни солнцю сияющу, а в нощи видяху над тѣломъ его 3 столпы огнены до небеси; егда же погрѣбено бысть тѣло его, и тогда бысть тишина повсюду» (Увар., л. 80 об.—81; Эрм., стр. 232).

Далее, из южнорусского же текста взяты в Московский свод под тем же годом следующие южнорусские известия, которых нет ни в Ипатьевской, ни в Лаврентьевской, ни в Троицкой, ни в Новгородской IV, ни в Софийской I: о том, что воевали половцы около Носова и до Лта, захватили 800 душ, воевали у Котельницы и взяли княгинино село Шеломницу; о том, что Глебовичи захватили Володшу

и Брячислава в Изяславли, Володшу посадили в «порубь», а Брячислава держали скованного; о том, что Изяслав ходил к Путивлю на Олега Святославича, стоял 3 дня у города и без успеха вернулся к Вырю.

Под 6668 г. в Московском своде, в тексте, восходящем к южнорусскому источнику, сохранилась фраза, опущенная в Ипатьевской летописи: «И тако свадиша братью оканънии тии злии челоуѣци, си бо суть оканѣиши бѣсов, бѣси бо сами не могуще, что христьяном сотворити, то злых челоуѣкъ на то пуцають» (Увар., л. 84; Эрм., стр. 237; ср. Ипат. под 6669 г.). В этой фразе видим характерное для киевского свода XII в. подражание раннему киевскому летописанию: ср. в Ипатьевской под 6678 г.: «Золъ бо челоуѣкъ противу бѣсу, и бѣс того не замыслить, еже золъ челоуѣкъ замыслить...» и т. д.¹⁸

В обширном тексте Московского свода под тем же годом, который целиком восходит к киевскому источнику, обнаруживаются и другие места, не попавшие в Ипатьевскую (и Лаврентьевскую) летопись. Так, после слов «возы ихъ на Желяни» в Московском читаем: «и ту избиша много половець и черниговецъ»; после слов «и Нажира Переславича» читаем: «то бо бѣху бояре Изяславли»; наконец, после слов «летѣ с коня; еще же ему живу сущу» читаем здесь: «приѣхаста над онъ Ростиславъ и Мѣстиславъ, и нача над нимъ плакати ся Ростиславъ, река: «брате Изяславъ, се ли ти уже досыти, мало ти было волость Черниговъскаа, оже мя еси ис Києва выгнал, и того ти не досыти, но и из Бѣлагограда хотѣл мя еси выгнати». Онъ же лежавъ спроси: «воды, воды пити». И повелѣста ему дати вина; онъ же испивъ и ту абие предасть дух. И повелѣша Ростиславъ и Мѣстиславъ взяти тѣло его и нести в монастырь...» (Увар., л. 86; Эрм., стр. 239). Интересно, что этот отсутствующий в Ипатьевской летописи текст частично попал в Новгородско-Софийский свод; он имеется в одинаковой редакции в Новгородской IV и Софийской I не полностью, а только до слов «хотѣл мя еси выгнати». Таким образом, составитель Московского свода взял его не из Новгородско-Софийского свода, но оба они отразили общий южнорусский источник, который в Новго-

¹⁸ Ср. также в Ипатьевской летописи под 6686 г. в подражание Начальному своду «...не сбирашеть злата, ни сребра, но даяше дружинѣ свои...» и т. д.

родско-Софийский свод попал из Фотиева Полихрона. Отметим еще, что под 6675 г. Московский свод, следуя киевскому тексту, перечисляет участников похода к Каневу и упоминает правильно Ивана Юрьевича, тогда как в Ипатьевской летописи Иван ошибочно назван Ярославичем¹⁹.

Итак, в Ипатьевской летописи, где киевский свод лег в основание галицко-волынской повести, не оказывается сведений о некоторых острых эпизодах из истории классовой борьбы в Киеве, междукняжеских отношений, церковной жизни, сведений из истории борьбы с кочевниками и т. п. Но они имеются в Московском своде 1479 г. и восходят к киевскому источнику.

Мы намеренно не останавливались на том известном факте, что в Ипатьевском списке или в Ипатьевском и Хлебниковском в некоторых случаях в тексте оставлены чистые места на несколько строк с пропуском текста. Пропуски означают, что в первоначальном оригинале Ипатьевской летописи были дефектные места, где остался не прочитанный писцом текст. Так, под 6654 г. после слов «и всю жизнь погоубила еста» в Ипатьевском списке оставлены чистыми семь строк, а в Хлебниковском недописана строка, и далее в Ипатьевском следует: «...яволю наоучению...», а в Хлебниковском: «по диаволу...». Не прочитанный писцами текст может быть восполнен, хотя, возможно, не совсем тождественным текстом из Уваровского списка и Эрмитажного от слов «а нынѣ еще к тому...» до слов «...Онѣма же» (Увар., л. 44; ср. Эрм. сп.). Под тем же годом после слов «Новгородци же съверьскии дружи» в Ипатьевской оставлены чистыми шесть строк, а далее в Ипатьевском и в Хлебниковском списках: «И розьярився рече братьи свои...» восполняется условно текстом из Эрмитажного, от слов «послаша ко Изяславу...» до слов «...тогда разгордевся» (Эрм., стр. 174—ПСРЛ, т. XXV, стр. 389). Под 6657 г. после слов «...Борисови и Мьстиславу не» в Ипатьевской оставлены чистыми четыре с половиной строки, и ниже читаем: «не величаву бо ему сущю...» (об Андрее); ненаписанный текст воспроизводится по Лаврентьевской лето-

¹⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. Изд. И. Эйнерлинга, СПб., 1842, прим. 410.

писи от слов «не въдущимъ мысли...» до слов «...стягъ его видяхуть не възволочень». Ниже под тем же годом имеется два пропуска с чистыми строками, причем второй раз чистое место оставлено и в Ипатьевском и в Хлебниковском списках (до слов «от Ноя бы земля Русская расплодилася»). В обоих списках с пропуском текста оставлено чистое место и под 6658 г.

Итак, история «Русской земли» XII в. в Московском своде 1479 г. или, точнее, в его общерусском источнике была рассказана частью по Троицкой летописи или близкой к ней, частью по особому киевскому летописному источнику. Текст киевского источника представлял редакцию, местами отличавшуюся от дошедшей до нас Ипатьевской летописи.

Выше мы говорили, что в Московском своде систематически выброшено²⁰ из источников то, что представлялось лишним. Так, под 6631 г. выброшены комментированные цитаты из «священного писания» и рассуждения на тему о том, что бог помогает «за честное... житъе и за смирение», а гордым «противится». Под 6652 г. опущены слова «богъ же и святая богородица избави городъ от лютыя рати: и възваша курии елисонъ (т. е. господи помилуй. — А. Н.), с радостью великою хваляще бога и пречистую его мать» (ср. Московский свод под 6652 г. и Ипатьевскую летопись под 6654 г., л. 118 об.). Под 6656 г. опущен текст «се на[съ], брате, богъ искупилъ у мѣсто, а тебе богъ избавилъ от великия лъсти, оже хотѣли любо яти, любо убити», а ниже, после слов «пойдемъ же к Чернигову», опущено: «а како ны с ними богъ дастъ», далее «и поклонистася святымъ церквамъ» и ниже слова «ты же тамо удержи Гюргя» и «како уже рѣкы сташа» (Московский свод под 6656 г. и Ипатьевская под 6655 г., л. 131—131 об.). Под 6657 г. пропущена дата и далее, после слов «похвалиста бога», опущено: «и святую богородицю и силу животворящаго хреста, видившеся брата въ здоровьи». Опущены также подробности о дарах

²⁰ Выбросить мог как составитель Московского свода, так и его предшественник, составитель общерусского свода.

и слова новгородцев (Московский свод под 6657 г. и Ипатьевская под 6656 г.). Под 6659 г. опущены дважды топографические детали, которые не могли быть интересны для северо-восточного читателя, и ниже — текст от слов «И рече Изяславъ: да же ны богъ поможеть...» до слов «...како ны богъ дастъ с ним». Ниже опять дважды опущены топографические указания и далее фраза от слов «но се, брате, богъ и святая Пречистая...» до слов «...но нарядися», а выше слова «и молитвою родитель своихъ».

Из сказанного уже видно, что составитель Московского свода или его предшественник, составитель общерусского свода, считали излишними некоторые фактические детали, обременявшие текст, находили неуместным оставлять в своде те отступления в летописном рассказе, где выступает непосредственное отношение монаха-летописца к событиям (попытки с его стороны объяснить события в свете своего религиозно-нравственного мировоззрения, частые ссылки на богородицу, упоминание о молитве родителей и т. п.).

Прежде всего надо убедиться, что наши наблюдения не случайны, что мы имеем дело с сокращениями в определенном направлении.

Обращаясь к сокращениям в извлечениях из Троицкой летописи, видим ту же картину. Под 6633 г. в извлечении из текста Троицкой опущена фраза «и мы мнимся бога любяще, но аще потщимся заповѣди его схранити, тогда явимся бога любяще; любяи бо мя, рече, заповѣди его хранить», а также рассуждения о добродетелях Мономах. Под 6650 г. вместо фразы «врагъ же роду хрестьянску дьяволъ ражже сердце Игореву Олговичю, всхотѣ ити в Переяславль» написано: «а Игорь Олговичъ всхотѣ собѣ Переяславля». Под 6654 г. пропущено: «се же есть пособьемъ божьимъ и силою честнаго креста и заступленьемъ святаго Михаила и молитвами святые богородица». Под 6693 г. после слов «чинъ на мьздѣ» опущены слова «но его же богъ позоветъ и святая богородица, князь въсхочетъ и людьє»; опущена характеристика епископа Луки, а ниже — пространное рассуждение о том, как бог казнит за грехи, с цитатами из «священного писания»; и под тем же годом опущено перечисление половецких князей.

Правильность наших наблюдений над характером сокращений при использовании южнорусского материала в Московском своде подтверждается и наблюдениями над

новгородско-софийским материалом. Так, под 6771 г., где использован материал, помещенный в Софийской I летописи под 6770 г., пропущено обращение летописца к самому себе: «Горе тебѣ, бѣдныи человекѣ!» и т. д. Под 6776 г., оставляя стереотипную фразу «се же бысть за грехи наша, да быхом ся покаяли», составитель Московского свода опускает текст начиная от слов «якоже глаголетъ Писание: дивно оружие молитва и постъ, тако милостыня съ постомъ и молитвою совокупися...» до слов «...на горшая възращаемся» и ниже от слов «яко же реклъ еси...» до слов «...праведныи си гнѣвъ свои». Выше опущено вторичное перечисление князей, очевидно, во избежание повторения. Под 6778 г. нет обращения автора-летописца к князьям: «О возлюблении князи русьстии! Не прелщаитеся пустошною славою свѣта сего, еже хуждыше паучины есть, яко сънь мимо идеть... да не обидите меншихъ сихъ сродниковъ своихъ ...» и т. д. Под 6784 г. опущен факт о том, что Климента ввели «въ святую Софию», и т. д. Под 6807 г. сокращено о Довмонте. Под 6823 г. опущено: «бысть же за умножение грѣховъ нашихъ божиимъ попущениемъ не мало зла сътворися». Под 6827 г. опущен большой текст с цитатами из «священного писания» от слов «и бывшую ему въ Ордѣ, не хотя роду человекю добра всепагубныи враг дияволь...» до слов «... не пощажу васъ»; ниже, от слов «блаженныи же великыи князь Михаило...» до слов «...за грѣхы наша» и т. п. Под 6855 г. опущено по поводу взятия Ореховца: «милостию божиею и заступлениемъ святыхъ Софии и молитвою пресвятыя владычица наша богородица и приснодевы Марія». Под 6888 г. в рассказе об измене Олега Рязанского выпущены цитаты из «священного писания» и т. д. Под 6890 г. нет сведений о гибели книг, цитаты из «священного писания» (от слов «яко же пророкъ глаголаше: „боже, приидоша языци...“» и т. д.), опущено повторение о гибели людей («и бысть оттолѣ огонь...») и т. д.

В некоторых случаях со стороны составителя бесспорно было желание сократить излишние длинноты, выбросить ненужные фактические подробности. Составитель дал литературную обработку материала: его язык отточен, незаметны повторения, явные противоречия. Но работа интересна не только со стороны литературного мастерства. Исследователи отмечали уже те пропуски и редакционные

изменения, которые носят определенно тенденциозный характер — в отношении к Твери и Новгороду²¹.

Пропуски, конечно, свидетельствуют не только о желании избежать длиннот. Не случайно, например, опущены имевшаяся в Троицкой летописи похвала Глебу Ростовскому, в которой ему не ставится в упрек, что он «отъ уности своея по нахоженьи поганыхъ татаръ» начал «служити имъ»; уникальное рассуждение под 6827 г. о политике татар в отношении русских князей, имеющееся в Софийской I летописи; известие (Троицкой летописи) под 6812 г. о съезде в Переяславле, где «чли грамоты царевы ярлыки» (смысл этого съезда в настоящее время выяснен в литературе)²². Составитель опускает все это по той же причине, по которой не говорит о том, что Василия Васильевича сажал «на великое княжение» у «Пречистые, у золотых дверей» Мансырь-улан, царевич ордынский.

Нетрудно объяснить и систематическое сокращение тех мест, где летописец выступает в качестве «книжного писателя», для которого постижение прошлого служило осуществлению религиозно-нравственной задачи.

Сокращения эти могли быть сделаны, во-первых, при составлении общерусского свода и, во-вторых, составителем Московского. Что мы знаем о той среде, в которой составлялся Московский летописный свод?

А. А. Шахматов предполагал, что «летописание московское находилось в руках придворных людей княжеских, что самое летописание велось при дворе великого князя», и ссылался на известия о Стефане Бородатом, полагая, что и сам Стефан Бородатый был летописцем²³. М. Д. Приселков, отмечая «светскую руку летописания», думал, что в Москве летописная работа должна была сосредоточиться в учреждении, «в компетенцию которого входили теперь все дела по внешним отношениям Московского государства»²⁴. Д. С. Лихачев, характеризуя заключительную часть Московского летописного свода 1479 г., пишет, что «перед нами работа опытного канцеляриста, имеющего под

²¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 266—267.

²² А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 79—80.

²³ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. — ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 199—200.

²⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 186.

руками все необходимые документы великолепно налаженного государственного архива»²⁵.

О дьяке Стефане Бородатом нам известно, что в 1471 г. его, как «умѣющаго говорити по лѣтописцѣмъ рускимъ», великий князь взял в поход в Новгород для того, чтобы он в переговорах с представителями новгородской власти говорил «противу ихъ измѣны давныя, кое измѣняли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его и дѣдомъ и праѣдомъ»²⁶. Иван III «испросил» тогда Бородатого у своей матери, великой княгини Марии. Имеются указания, что Стефан Бородатый давал сведения составителю свода. Сообщив о событиях 1415 г., составитель Московского свода или его источника присовокупляет: «Мнѣ же о семъ Стефан диякъ сказа, а о прежнемъ проречении старца Дементѣи печатникъ ему сказаша, поведѣ великая княгини Марія»²⁷.

Из сказанного можно заключить, что к летописному делу уже в эту эпоху имели непосредственное отношение дьяки. В заключительной части Московского свода 1479 г. наряду с московскими летописными записями и с церковным материалом имеются извлечения из документов, преимущественно посольской канцелярии. Так, например, приводятся извлечения из итинерариев²⁸ (под 6984 г.²⁹, под 6986 г.). Итинерарий положен в основу всего рассказа о походе на Новгород в 1477—1478 гг. Но в этом же обширном рассказе использованы и другие документы посольской канцелярии. Дьяки записывали обычно переговоры, по крайней мере, так было в более позднее время; эти записи хранились в составе «дел о приеме послов». Именно такого рода записи использованы в летописном тексте

²⁵ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 359.

²⁶ Софийская II летопись под 6979 г.

²⁷ Эрм., л. 305; Увар., л. 338. В Симеоновской летописи, где составитель также следует своду 1479 г., читаем: «Мнѣ же о семъ Стефан диякъ сказа, а о прежнемъ проречении старца Дементѣи печатникъ, а ему, сказаша, повѣда велика княгини Марія». В Ермолинской летописи этих слов нет, но они могли быть сокращены; само известие имеется.

²⁸ Итинерарий — дорожный дневник.

²⁹ Например, под этим годом: «А на Дмитреевъ день князь великы въехал на Волок, да елъ и пил у брата у князя Бориса, а въ 1 ноября въехал в Торжек средю; въ 5 на Волочку стрѣтили великого князя новгородци...» и т. д.

в извлечениях (например, речь владыки Феофила к великому князю, от слов «господине государь...» до слов «...челом бьемъ»). Использованы, по-видимому, и «наказы», которые давались посылаемым боярам (например: «И князь великы выслал к ним тѣх же своих боарь съ отвѣтомъ, а велѣл имъ сице отвѣчвати: „били челом мнѣ великому князю...“» и т. д.). В летописи вставлен текст грамоты, присланной из Пскова, и т. п.

Кроме того, в летописном тексте обнаруживаются значительными кусками материалы разрядных записей. Сравнивая, например, текст Московского свода 1479 г. под 6986 г. с подробной редакцией Разрядной книги (ГПБ, Эрмитаж., № 390)³⁰, видим местами совпадение почти дословное, хотя куски текста в летописи расположены в ином порядке. Часть разрядного материала, находящегося в летописи, в Разрядной книге не находим (Увар., лл. 439—439 об., 443; ср. Разр. книгу, л. 5—5 об.).

Понятно, почему у печатника, как видно из цитированного выше места летописи, составитель летописного свода получал материал: печатник ведал одновременно «казною», где хранились дипломатические и иные документы. В конце XV—начале XVI в. печатником и казначеем был Ю. Траханиот. Позднее, в третьей четверти XVI в. государственным архивом ведал печатник дьяк Ив. Мих. Висковатый. Давно уже была замечена связь между должностью печатника и посольским ведомством³¹. В государственном архиве в 1572—1575 гг., согласно известной «Описи царского архива», наряду с посольскими и другими разнообразными делами хранились письменные указания «что писать в лѣтописецъ». В делах А. Адашева после его смерти остались «списки черные»: «списки черные, писал память, что писати в лѣтописецъ лѣтъ новых, которые у Олексѣя взяты»; они хранились затем в ящике 223 государственного архива. А в ящике 224 находились «списки, что писати в лѣтописецъ, лѣта новые прибраны от

³⁰ Текст этой Разрядной книги готовится к изданию Публичной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина.

³¹ И. Вернер. О времени и причинах образования московских приказов. М., 1907, стр. 84—89; А. Н. Ясинский. Московский государственный архив. Киев, 1889. О И. М. Висковатове — Н. П. Лихачев. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии (далее — Н. П. Лихачев. Библиотека и архив). СПб., 1894, стр. 96—102.

лѣта 7068 до лѣта 7074-го и до 76-го»³². В описи сверху отмечено: «въ 76-ом году августа, лѣтописецъ и тетради посланы ко государю в Слободу»³³; «государь» сам интересовался летописным делом. Судя по тому, что ранее летописной работой занимался А. Адашев, можно полагать, что летописное дело поручалось лицам, близким к «государю», которым он доверял, каким был одно время Адашев, а затем И. М. Висковатый, впоследствии казненный. При Иване III первым по значению дьяком в последние два десятилетия XV в. был посольский дьяк Федор Васильевич Курицын, о деятельности которого в 80-х годах XV в. упоминают грамоты и летопись³⁴. Есть данные полагать, что приказные дьяки времени Ивана III проявляли интерес к литературным текстам, которые могли быть использованы в публицистических целях³⁵. Имя посольского дьяка Федора Васильевича Курицына связывают с составлением повести о валашском воеводе Дракуле³⁶.

Помянутый выше Стефан Бородатый выдвинулся еще при великом князе Василии II и заслужил тогда печальную известность участием в отравлении Шемяки; если верить митрополичьему своду митрополита Геронтия, Бородатого «со смертным зелием» «посла великий князь». Московский свод 1479 г. умалчивает, разумеется, об отравлении, сообщая только, что Шемяка «умре напрасно» (т. е. скоропостижно) в Новгороде, прибавляя: «а пригониль с тою вѣстью [в Москву] подъячеи Беда, а оттоля бысть дьяк».

Кто непосредственно принимал участие в составлении свода 1479 г., мы не знаем.

³² Эти списки составлялись уже после падения Адашева — А. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 14.

³³ «Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.», под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 42—43; ср. ААЭ, т. I. СПб., 1836, стр. 354.

³⁴ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 68—69, 86—87; он же. Библиотека и архив..., стр. 75, 87—88.

³⁵ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 312 и др.

³⁶ Когда, возвращаясь из Индии, умер Афанасий Никитин, его рукопись, «его руки те тетради привезли гости к Мамыреву Василию къ дьяку къ великаго князя на Москву». — ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 320; Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I. СПб., 1899, стр. XIV.

Естественно, что при сокращении материала, извлеченного из киевского свода и других летописных источников, на разных этапах летописной работы могли получить отражение в какой-то мере вкусы работавших над летописными сводами. Следует напомнить и об особых, «еретических» взглядах на вопросы вероучения Федора Васильевича Курицына (и Ивана Васильевича Волка Курицына) и успенского протопопа Алексея, которого великий князь перевел в Москву после новгородского похода.

Но в Московском своде, преследовавшем чисто практические цели, в переломную эпоху, когда создавалось, но еще не утвердилось централизованное государство, рассуждения «книжных писателей» о значении событий в плане религиозно-нравственных задач должны были представляться лишними. Эти отступления и высказывания нарушали целеустремленный характер летописного труда, для составителей которого или их заказчиков, церковные дела представлялись, вероятно, принадлежностью государственной жизни.

Московский свод 1479 г. был большим общерусским сводом, но сводом великокняжеским. Московский князь к концу 70-х годов XV в. становился в полной мере общерусским князем, а международная обстановка выдвигала перед ним новые задачи.

Решающим событием в деле подчинения Москве северных и северо-восточных земель и княжеств был поход на Новгород 1477 г., завершившийся полным разгромом оппозиционных Москве сил. Незадолго до новгородского похода московский князь купил вторую половину Ростова (в 1474 г.), а перед тем, в 1463—1471 гг., простились со своими отчинами ярославские князья. В 1472—1473 гг. Москва установила свое господство над Пермью. Поход 1477 г. имел решающее значение не только в истории новгородской самостоятельности. Это событие бесповоротно решило борьбу за единовластие в Восточной Руси (и косвенно — против литовской агрессии) в пользу Москвы. Судьба Твери, зажатой между Новгородом и Москвой, была предопределена.

Соотношение сил между Литвою и Москвою изменилось.

Независимо от того, в какой мере реальны были планы наступления в тот момент на русскую территорию, находившуюся под властью Литвы, сама идея о несправедливом владении Литвой русскими землями должна была теперь получить благоприятную почву среди московского правительства. При Казимире московское правительство не стеснялось заявлять, что король за собою держит «наши города и волости и земли»³⁷, а впоследствии ясно формулировало мысль: «не то одна наша вотчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города, которые он (литовский князь) за собою держит къ Литовской землѣ... изъ старины, от нашихъ прародителей, наша отчина»³⁸.

С новой политической ситуацией, сложившейся после новгородских походов, с открывавшимися перспективами борьбы за возвращение западных и юго-западных земель и в великокняжеской среде рос интерес к истории Южной Руси, когда она не была еще под иноземным владычеством.

«Летописец» с недостаточно широким кругозором уже не мог удовлетворять новым требованиям, общерусские претензии великого князя московского сближали его интересы в этом отношении с интересами «митрополии».

Общерусский Московский великокняжеский свод 1479 г. в значительной мере строился на материале, накопленном предшествующими общерусскими сводами. В его общерусском тексте подробно сообщалось о событиях в Южной, Киевской Руси в предмонгольский период; имелись сведения о Ростовском княжестве и Ростове, о деятельности Стефана в Пермской земле. Но с 1425 г. составитель Московского свода 1479 г. стал черпать материал из Московского свода начала 70-х годов (1471—1472 гг.).

Текст предыдущего московского свода (ср. Никаноровскую летопись с 1418 г.) он изменил сравнительно мало. По сравнению с Никаноровской летописью в Московском своде 1479 г. мы имеем под 1437 г. не краткий рассказ более или менее информационного характера о приезде митрополита Исидора, о Ферраро-Флорентийском соборе и

³⁷ Сб. РИО, т. 35. СПб., 1892, стр. 46—51.

³⁸ См. АЗР, т. I. СПб., 1846, № 192, стр. 237; Сб. РИО, т. 35. СПб., 1892, стр. 460 и 389. М. А. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 133—134.

о попытке Исидора навязать Москве унию в интересах «латинства», а весьма распространенный, документированный рассказ со страстно-политическими выпадами против «латинства» и против вступивших в «унию» патриарха и византийского «царя». Распространенная редакция была положена и в основу рассказа Софийской II летописи, где она была дополнена документацией, почерпнутой, как видно, из митрополичьего архива. А позднее рассказ Московского свода 1479 г. был использован официальным правительственным сводом — Воскресенской летописью, составитель которой положил Московский свод 1479 г. в основу своего труда.

В заключительной части свода 1479 г. был дан, как мы уже говорили, большой материал по истории похода 1477 г. великого князя московского на Новгород, о постройке Успенского собора и о свадьбе великого князя с Софьей Палеолог, устроенной при посредстве папы, посол которого, сопровождавший Софью, своим поведением вызвал волнение в великокняжеской среде, где боялись повторения истории с Исидором.

Глава восьмая

Процесс образования Московского централизованного государства в его решающий период вызывал неизбежно обострение внутрикласовой борьбы. Усиление власти великих князей московских сопровождалось их вмешательством в судьбу удельных князей и других феодалов, вмешательством московской великокняжеской власти и в дела церкви в большей мере, чем раньше. Эти действия московской власти усиливали внутрикласовые противоречия, вызывали оппозиционные настроения.

Стали неизбежны столкновения высшей церковной иерархии с великокняжеской администрацией. Положение осложнялось традиционной обязанностью митрополита «печаловаться» за тех лиц, которым грозила кара со стороны верховной власти. В условиях обострившейся социально-политической борьбы в трениях между церковной властью и светской могли давать себя знать и общие социально-политические противоречия.

Эти противоречия, трения и столкновения обнаруживаются в ряде летописных памятников, исходивших не из великокняжеской среды, а из среды, защищавшей интересы митрополичьей и архиепископской кафедр, где не всегда придерживались тех же взглядов на события, иначе их оценивали.

Показания источников позволяют говорить о наличии летописного памятника, отражавшего интересы и настроения митрополичьей кафедры в последней четверти XV в.,

преимущественно в 80-х годах, в ряде случаев — оппозиционные великокняжеской власти.

Многую была применена довольно точная методика. Был выделен материал в Софийской II и Львовской летописях, который не вошел в Московский великокняжеский свод 1479 г., согласно Эрмитажному списку, ни в княжескую московскую летопись, сохранившуюся в Симеоновской летописи в части с 1410 г. Материал этот, как показала нить известий, не мог принадлежать к ростовскому владычному своду, и как обнаружил его анализ, принадлежал митрополичьему своду¹.

Напомним лишь в общем виде результаты исследования. Часть указанного материала составляют документы, извлеченные, как видно из их содержания, из митрополичьего архива. Кроме того, видим ряд чисто церковных известий. Ряд известий связан с деятельностью великокняжеского стола, причем отсутствие его в великокняжеских сводах объясняется тем, что напоминание о событиях, о которых говорится в этих известиях, было неприятно для великокняжеской власти. Некоторые из них носят характер разоблачения. Здесь же читаем ряд известий о жестоких наказаниях и казнях, совершенных в большинстве случаев по повелению великого князя.

Всего лучше вскрывают происхождение изучаемого материала те известия, содержание которых касается борьбы митрополичьей кафедры с великокняжеской властью. Так, под 6990 г. сообщается о «распре» митрополита с великим князем по вопросам церковного богослужения, когда митрополит, раздраженный его «роптанием», съехал в Симоново, и великий князь в конце концов сам приехал к митрополиту и униженно бил ему челом, «а самъ во всемъ виновать сътворися, а митрополита же во всякихъ рѣчехъ общася слушати». Подобное столкновение описывается под 6990 г., а статья 6992 г. оканчивается известием, что великий князь «не восхотѣ его» (т. е. возвращения митрополита Геронтия), однако последний «неволею не остави митрополии», и под следующим годом читаем, что «по Кузмѣ Демьяновѣ дни по осенемъ възведе князь великий того же митрополита Геронтея на столъ».

¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия АН СССР, отделение гуманитарных наук», 1930, № 9, стр. 714—723.

На происхождение материала указывает и отношение его составителя к поведению великого князя в некоторых вопросах внутренней политики. Автор считает себя вправе резко осуждать великого князя, когда он поступает несправедливо и пристрастно, как московский князь, хотя бы и в интересах объединения территории под московской властью. Так, под 6993 г. материал сообщает о приезде в Москву тверских бояр, которые терпели обиды от великого князя, и явно осуждает его образ действий: «гдѣ не изобидятъ московские дѣти боярские, то пропало, а гдѣ тѣричи изобидятъ, а то князь велики [съ] поношениемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому, а отвѣтомъ его вѣры не иметъ, а суда не дастъ»².

Материал отражает точку зрения кафедры и на некоторые вопросы внешней политики, а также содержит разнообразные известия, указывающие на широкий интерес митрополичьей кафедры к русской жизни³.

Следует заметить, что в литературе была попытка тот свод, о котором мы писали, называть не митрополичьим, а «промитрополичьим». Митрополичий свод, конечно, был «промитрополичьим» по своему направлению. Но если в слово «промитрополичий» вкладывать в данном случае тот смысл, что он составлялся не по заказу митрополита, что его составление не было инспирировано представителями митрополичьей кафедры и он был написан без ее участия, помощи и ведома, то тогда замена термина «митрополичий» термином «промитрополичий» едва ли правильна. В этом, последнем смысле назвать «неофициальным» этот свод, содержащий изучаемый материал, нельзя, ибо в данном случае обнаруживается признак, который в других случаях считается признаком, определяющим официальный характер памятника. «Официальный характер галицко-волинского летописания, — писал М. Д. Приселков, — давно уже считается установленным, так как в составе его изложения мы сейчас же обнаруживаем княжеские придворные документы той поры»⁴. Официальный характер свода, который в разные эпохи, разумеется, получал различную

² Софийская II под 6993 г.

³ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества.

⁴ М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 67, серия исторических наук, вып. 7. Л., 1941, стр. 15.

степень выражения, обнаруживается, когда видно, что составителю был открыт архив данного официального учреждения. Общий протограф Софийской II и Львовской летописей содержал за XV в. богатый подбор документов, почерпнутых из митрополичьего архива, которых не было в великокняжеском летописании.

Так, под 6915 г. помещены тексты «Отъ житья святого Варлама... како исцѣлѣ у гроба его князь Костянтинъ [Дмитреевичъ]» и ниже: «Отъ жития святого Варлама». Их нет ни в Уваровском 1366, ни в Эрмитажном 4166 списках Московского свода 1479 г., ни в Симеоновской летописи. Откуда попали в Софийскую II и Львовскую эти тексты? Если посмотрим в Львовскую летопись под 6968 г., то там увидим обширный текст — «Сказание чудеси великаго чудотворца Варлама. Новѣишее чудо о умершемъ отроцѣ... того же Родиона Кожуха». Этот Родион Кожух был митрополичьим дьяком.

Под 6939 г. в Софийской II и Львовской приведен текст прощальной грамоты митрополита Фотия, отличающейся от киприановой, хотя Фотий и «написа» ее «по образу прежде сего бывшаго Киприана митрополита». Ее нет ни в Эрмитажном, ни в Уваровском списках, ни в Симеоновской летописи. А под 6945 г. в тех же летописях отсутствует текст, имеющийся в Софийской II и Львовской: «Отъ жития Сергѣева, чудо о Бѣлевѣ».

Особенно показательна документация в Софийской II и Львовской под 6946 г.: обширный текст «записи» от 6 июня папы Евгения, которому «подписася царь и съ нимъ Сидоръ митрополитъ»; во-вторых, текст послания великого князя в Царьград с послом Полуектом Моря, «иже былъ посломъ съ Ионою въ Царѣградѣ, епископомъ рязанскимъ»; и, в-третьих, текст послания папы «Пиуса Римскаго» королю польскому Андрею «въ лѣто 6950» (6966 г.?).

Далее, под 6967 г. в Софийской II и Львовской читаем текст, начиная от слов «Писано въ Пасхалии. Братия! Здѣ страхъ, здѣ бѣда велика...» и т. д. Его также нет ни в Эрмитажном, ни в Уваровском, ни в Симеоновской. А под 6968 г. в Софийской II и Львовской — «Творение Родиона Кожуха, диака митрополита. Бысть бо, рече, велие знамение во градѣ Москвѣ сицево...» и т. д. — обширный текст, кончающийся словами «богу нашему слава въ вѣки, аминь». Его также нет ни в Уваровском, ни в Симеоновской, ни

в Эрмитажном; там только рассказ о буре, т. е. известие о событии, которое дало повод Родиону Кожуху написать свое «творение».

Мы привели все эти данные для того, чтобы показать, что составителю был открыт доступ к материалам митрополичьего архива. Все данные, таким образом, говорят за то, что перед нами традиция общерусского митрополичьего летописания. Если считать этот свод «неофициальным», то только в том смысле, что он вышел не из великокняжеской правительственной среды.

Так, под 6963 г. в великокняжеском своде 1479 г. имеем следующее известие: «Того же лѣта приходили татарове Седиахметевы къ Оуцѣ рецѣ и перевезошася Оку ниже Коломны, а князь велики посла противу их князя Ивана Юрьевича со многими вои, сretoшася, и бысть им бои, и одолѣша христиане татаром. Тогда убит бысть князь Семен Бабиц, а не на суимѣ, но притчею (т. е. по случайности или по неудаче. — А. Н.) нѣкоеу» (Увар. 1366, л. 382). То же читаем в Симеоновской под 6962 г. и др. Таким образом, согласно великокняжеской версии, посланная великим князем рать под командованием Ивана Юрьевича Патрикеева побила татар.

Совсем иначе об эпизоде, когда был убит Семен Бабиц, рассказывает Софийская II летопись под 6962 г., сохранив вместе с тем краткое известие великокняжеской традиции под 6963 г. с упоминанием об Иване Юрьевиче, но без указания, какие были татары, без указания на Коломну и на смерть Семена Бабица. Можно принять оба известия за описание разных событий. Так или иначе, но рассказ, подобный рассказу Софийской II и Львовской под 6962 г., в великокняжеской традиции отсутствовал. В Софийской II под 6962 г. читаем: «Того же лѣта приходилъ Солтанъ царевичъ, сынъ Сиди-Ахметевъ, съ татары къ рѣцѣ Оуцѣ, и перелѣзши Оку рѣку и грабили, въ полонъ имали, и прочь ушли, а Иванъ Васильевичъ Ощера стоялъ съ коломенскою ратью да ихъ пустилъ, а не смѣлъ на нихъ ударитися; то слышавъ князь велики посла на нихъ дѣтей своихъ, Ивана да брата его князя Юрия, со множествомъ вои противу оканныхъ, та же и самъ князь велики поиде ихъ противу; они же видѣвши силу велику возвратишася вспять, гнѣвомъ Божиимъ гоними, и Федоръ Басенокъ, дворъ великого князя, татаръ билъ, а полонъ отымалъ; тогда

убиша князя Семена Бабича» (то же в Львовской летописи под 6962 г.).

Разоблачения поступков боярина Ивана Васильевича Ощеры, его трусости в борьбе с татарами чрезвычайно показательны. Это тот самый И. В. Ощера, который позднее, в 1480 г., вместе с некоторыми другими советниками, по утверждению того же свода, уговаривал великого князя «бѣжати прочь, а хрестыянство выдати». Характерно само обличение: «Князь же велики не послушая того писания владычня Васиянова, но совѣтниковъ своихъ слушаше Ивана Васильевича Ощеры, боярина своего, да Григорья Ондрѣевича Мамона, иже мать его князь Иванъ Ондрѣевичъ Можайской за волшебство сжегъ. Тѣ же бяху бояри богати, князю великому не думаячи противъ татаръ за хрестыянство стояти и битися, думаячи бѣжати прочь, а хрестыянство выдати, мня тѣмъ безъ року смерть бяущимся на бою и помышляюще богатество много и жену и дѣти; тѣмъ же сбысться реченое апостоломъ Павломъ сие...» и т. д. Обоснование этих обличительных слов подтверждает церковный источник летописного памятника.

Нельзя не отметить также, что тот же летописный свод, отражавший общерусскую митрополичью традицию, в известии 6962 г. выдвигает, как мы видели, заслугу Федора Басенка, связанного в то время с великокняжеским «двором», как бы противопоставляя его Ощере, которого позже причислял к боярам-богатеям. Об этом Федоре Басенке основной комплект биографических сведений накопился уже в великокняжеских сводах 70-х гг. (см. под 6955, 6957, 6960 и 6963 гг. в Никаноровской летописи; к этим известиям в своде 1479 г. прибавился рассказ о том, как в 6954 г. он не захотел служить Шемяке, и тот повелел наложить «на него желѣза тяжкы и за сторожи дрѣжати его», но Басенок убежал в Литовскую землю). А в общерусской митрополичьей традиции к этим сведениям прибавилось цитированное выше известие о победе его над татарами Седи-Ахмета под 6962 г. и под 6968 г. о том, что в Новгороде Ф. Басенка хотели убить шильники.

Приведенное известие Софийской II и Львовской летописей о трусливом поведении Ощеры в сокращенном и явно смягченном виде имеется и в Ермолинской летописи, где вместо слов о том, что Ощера татар «пустилъ, а не смѣлъ на нихъ ударитися», читаем только: «не поспѣ на нихъ ударити»; рассказ же о шильниках 6968 г. подробнее, чем

в Софийской II. В списке же Царского Софийской I летописи сообщение 6962 г., аналогичное тому, которое есть в Софийской II, написано (другой рукой?) вместо зачеркнутого известия «послалъ... Бабичь», причем несколько изменено: сведения о смерти Бабича вписаны в середину известия и нет о князьях Иване и Юрии. Но ни в Софийской II и Львовской, ни в Ермолинской, ни в списке Царского сведения о Федоре Басенке не идут далее 1460 г., и о том, что он в 1463 (6971) г. впал в немилость и был ослеплен, не говорится ничего.

Под 6966 г. Софийская II разоблачает воевод, ходивших с великокняжеской ратью под Вятку: они не только «норовили» вятчанам, но и брали у них «посулы». В великокняжеской же летописной традиции позорное поведение воевод замалчивается: говорится только «и ничто же успѣвъ воротися» (Никаноровская и Московский свод 1479 г.).

В связи с обороной страны от татар находим в Софийской II и Львовской (под 6980 г.) обличение алексинского воеводы Семена Беклемишева, причем разоблачается лихоимство этого представителя военной правительственной администрации; говорится и о том, что великий князь повелел в городе Алексине «осаду распустити»: «Того же лѣта, мѣсяца июля 29, приходилъ царь Охмутъ Кичи-ахметевичъ ордынскыи со всею силою великою ордынскою, и подшедъ близъ Руси остави у царици старыхъ и больныхъ и малыхъ, и поиде съ проводники не путма, и прииде къ рѣцѣ Окѣ подъ городъ подъ Олексинъ съ литовскаго рубежа. Князь же велики повелѣ воеводѣ своему Олексинскому Семену Беклемишеву осаду распустити, понеже не успѣша запастися чимъ битися съ татары; онъ же захотѣ у нихъ посула, и гражане даша ему пять рублевъ, и захотѣ женѣ своеи шестаго рубля; и се ему глаголющю, приидоша татарове, и Семень побѣже за Оку рѣку и съ женою и съ слугами, и татарове за нимъ въ рѣку. Въ то время приспѣ князь Василей Михайловичъ Вереиский не со многими людьми, нача съ татары битися, не пусти ихъ черезъ рѣку...», затем подошли князь Юрий из Серпухова «съ вои», князь Борис «съ Козлова броду», «воевода» Челяднин «съ полкомъ». Не имея возможности продвинуться, ордынский «царь» бросился на Алексин, лежавший на левой стороне Оки. На глазах у русских «воевод» алексинские горожане по-

гибли в пламени подожженного города. Не без горькой иронии автор текста Софийской II далее замечает: «граждане же изволиша сгорѣти, неже предатися татаромъ; воеводы же съ силами стоять, не бѣ имъ куды пособити рѣки [ради] великия Оки».

В великокняжеской летописной традиции почему-то умалчивается о распоряжении великого князя и, конечно, ничего не говорится о лихоимстве «воеводы» Беклемишева. Зато обвиняются изменники среди населения («нашими»), которые привели татар «на безлюдное мѣсто» (под Алексин). Отступление татар изображено (с соответствующими комментариями) как удача и торжество (Уваровская 1366, Симеоновская и Воскресенская летописи).

В Хронографическом списке Новгородской IV летописи и в Сокращенном своде 1493 г. имеется редакция Софийской II с небольшими отличиями (нет точной даты; прибавлена фраза из великокняжеской традиции: от слов «и бѣ видѣти...» до слов «...въ dospѣсех ихъ»; к словам «великия Оки» — прибавлено «непроходимыя», и о воеводах говорится, что они «велики плакахуся»). Тот же текст имеем в списке Царского, где еще указана точная дата.

В Ермолинской летописи обличительная сторона устранена: о лихоимстве Беклемишева ничего не говорится; отмечено только, что «осаду» не успели «ропустити»; и нет иронических замечаний о «воеводах».

Если в рассказах Софийской II и Львовской летописей под 6989 г. столкновения митрополита с великим князем освещены соответственно интересам митрополита, если текст обеих летописей снабжен документацией, почерпнутой из митрополичьего архива, то происхождение текстов Софийской II и Львовской, излагающих раздор между великим князем московским и удельными князьями, его братьями, а также описание событий, связанных с походом Ахмата на Угру 1480 г., может получить новое объяснение. Я говорю о всем комплексе этих текстов в целом в том виде, как он до нас дошел. Этот комплекс содержит особенности, значительная часть которых отсутствует в Хронографическом списке Новгородской IV летописи, в хронографе списка Погодинского собрания в ГПБ № 1443⁵ и в списке Царского. Этот комплекс (Софийской II и Львовской) значительно отличается от соответствующего ком-

⁵ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, СПб., 1911, прилож. 2.

плекса великокняжеской летописной традиции (Симеоновская и Воскресенская). Заметим, что к составу великокняжеского летописания нельзя причислять тексты о событиях 1480 г., сохранившиеся в Уваровском 1366, изданные в т. XXV ПСРЛ. К. В. Базилевич в весьма ценной книге о внешней политике Русского централизованного государства по недосмотру отнес эти тексты к составу Московского великокняжеского свода 1479 г.⁶ Между тем, как точно устанавливается сравнением трех списков, Московский великокняжеский свод кончался описанием событий 9 сентября 1479 г. Что же касается «Руского Временика», то свод, лежавший в его основании, подробно рассмотрен у нас в главе XI, где выясняется происхождение этого свода в связи с летописанием XVI в.

Следует заметить также, что хотя общий массив известий в общерусской митрополичьей традиции и в ростовской владычной во многих отношениях совпадает, тексты Софийской II (и отчасти Львовской) и в данном комплексе, по-видимому, отличались от текстов ростовского владычного летописания; во всяком случае, Тихоновская редакция ростовского свода существенно отличается от Софийской II и Львовской под 6988—6989 гг. и ближе стоит к великокняжеской традиции. Отсутствие в Типографской летописи некоторых сведений Софийской II под 6988 г. объясняется, вероятно, местными отношениями. Так, в Типографской нет сообщения, что «князь великий слыша много нелюбие подержа на мать, мнѣвъ, яко та сдума братьѣ его отъ него отступить, понеже князя Ондръя велми любяше»⁷. Дело в том, что мать Ивана III Марья,

⁶ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 137—139.

⁷ Софийская II под 6987 г. В Типографской летописи этого нет. С другой стороны, в Типографской летописи под 6989 г. (в тексте ростовского владычного свода) читаем после известия о том, что в Рязани был поставлен епископом Семион — «попъ бываль мирский на Коломнѣ, потомъ в черньцехъ былъ оу митрополита», следующую приписку: «Увыи, увьи! Погибе благовѣрный отъ земля, грѣхъ ради нашихъ, по Давиду: „Спаси мя господи, яко оскудѣ преподабныи...“» и т. д. Этого загадочного плача в Софийской II и Львовской нет. Относится он, как уже отмечалось, к Андрею Меньшему, о смерти которого («благовѣрного») выше говорится. Полагаю, что в протографе эти слова («Увыи, увьи...» и т. д.) были приписаны на полях, а в текст свода вписаны, но попали несколько ниже, чем следует.

после того, как Ростов окончательно в 1474 г. отошел к Москве, получила и вторую половину Ростова и была, конечно, судя по этому и судя по другим известиям, близка к ростовскому архиепископу. А Андрей был князем углицким, т. е. тоже княжил в пределах ростовской епархии. О подозрениях великого князя в отношении матери, дуемаем, в ростовском владычном своде не упоминалось.

События, о которых идет речь, развертывались в ходе борьбы московского князя за централизацию Московского государства. Братья Борис и Андрей были лишены своей доли в наследстве князя Юрия Васильевича и других некоторых доходов. Кроме того, великий князь расправился с отъехавшим к Борису боярином Оболенским Лыко. Тогда Андрей и Борис сами решили отъехать в Литву. Король Казимир не преминул воспользоваться сложившейся на Руси ситуацией, чтобы вызвать против Ивана III Ахмата.

Исзучаемый комплекс текстов (Софийской II и Львовской), прежде всего, содержит описание причин и обстоятельств отъезда князей Андрея и Бориса, чего нет в официальном великокняжеском летописании. Весьма интересно: почему об этом молчат другие своды? Симеоновская летопись сообщает лишь о движении Андрея и Бориса, но даже умалчивает о переговорах с ними; о розни вообще мало говорится; в Воскресенской летописи рассказано больше, но и она умалчивает об обстоятельствах, предшествовавших раздору, и о причинах его. Даже в Никоновской летописи об этом нет⁸. Очевидно, в интересах великокняжеского летописания нужно было создать впечатление необоснованного «отъезда» удельных князей или, во всяком случае, не давать повод думать, что вина в какой-то мере ложилась на самого великого князя. Но составитель общерусского свода, отразившегося в Софийской II и Львовской, считал нужным об этом рассказать. Также, хотя в несколько иной редакции, об этом сообщает и другой церковный по происхождению свод — владычная Вологодско-Пермская летопись. Никаких поползновений оправдывать поступки великого князя в рассказе Софийской II и Львовской нет.

О лучанах читаем, что они только частью были правы, жалуясь на наместника Ивана Владимировича Лыко, что

⁸ Не найдем об этом и в списке Царского, и в Сокращенных сводах конца XV в.

они и клеветали на него, а Лыко «не мога терпѣти того», «отѣхалъ» от великого князя к Борису на Волок Ламский; что князь великий пытался «поймати» Лыко «середь» княжеского Борисова двора, но встретил сопротивление; потом все же посланный «таемъ обѣхавъ» захватил Лыко и окованного привез в Москву. Борис жаловался Андрею на великого князя: «какову силу чинить надъ ними», не позволяет «отъезжать» к ним; что они лишены своей части «отчины» умершего князя Юрия: великий князь «имъ подѣла не далъ изъ тое отчины» и что он также, когда был взят Новгород, «имъ жеребья не далъ изъ него». В словах князя Бориса летописец подчеркивает, что великий князь нарушил права своих братьев и игнорирует договоры (тех, кто «отѣдетъ», он «безсудно емлетъ»; а их «ни за бояре почель братью свою»); что он забыл «духовную» своего отца и «докончания» (Софийская II летопись под 6987 г.).

Митрополит вместе с княгиней Марьей были посредниками между удельными князьями и великим князем московским. Андрей и Борис посылали к митрополиту и к матери с просьбой, чтобы те «о них печаловали великому князю». И те ходатайствовали за них перед Иваном III. Софийская II указывает еще на ростовского архиепископа Вассиана и троицкого игумена Паисия⁹. Все они «молиша великого князя о братьѣ его». Это тот самый Паисий, учеником которого был Нил Сорский, боровшийся за реформу монастырского быта.

Общерусский свод в составе Софийской II и Львовской летописей обрушивается на боярскую партию — «сребролюбцеъ богатыхъ и брюхатыхъ и предателии хрестьянскихъ, а норовниковъ бесерменьскихъ»: они уговаривали Ивана III не принимать боя в случае наступления Ахмата и отступать. Эти обвинения попали и в великокняжеское летописание (см. Симеоновскую, Воскресенскую, Никоновскую летописи). Задним числом, после ухода Ахмата, спустя много лет можно, конечно, оправдывать стратегию и тактику Ивана III¹⁰. Но если допустить, что тогда не было ясно, что предпримет Ахмат, и существовала опасность, что в случае наступления татар Иван III будет

⁹ Вологодско-Пермская и Софийская II летописи.

¹⁰ *Fr. Papée. Polska i Litwa. Na przełomie wieków średnich.* — Krakow, 1904, Cz. I, § 3; *А. Е. Пресняков. Иван III на Угре.* — «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1911.

отступать и далее, то волнение в среде высшей иерархии и среди широких слоев посадского населения — понятно. Мы уже говорили о тех обвинениях против «союзников» великого князя (Ощеры и Мамона), которые приведены в Софийской II и Львовской и которые не попали в великокняжеское летописание. Церковное происхождение этих текстов не вызывает сомнения, но их содержание, равно как и содержание последующего рассказа о встрече великого князя митрополитом Геронтием и Вассианом, вызвало некоторые замечания историков о степени их достоверности. Думаем, что прав был Л. В. Черепнин, отметивший отражение в этом рассказе настроений широких кругов населения, в некоторой мере аналогичных тем, которые обнаружались (с большей силой) в Москве в год нашествия Тохтамыша¹¹.

Показательно также отношение Софийской II и Львовской к жене Ивана III Софье Палеолог. Не случайно она названа здесь «римлянкой»; она была дочерью брата двух последних византийских императоров Иоанна и Константина, и ее отец бежал из своих владений от султана Магомета к папе в Рим, папа ее и сосватал. И въезжала она в Москву в сопровождении кардинала, который пытался вести себя в Москве как в католической земле, но получил отпор со стороны митрополита и великого князя¹². В митрополичьей среде ее, видимо, не любили. В 1480 г. она, как можно понять, разделяла настроения «богатых и брюхатых». Вместе с «казной» ее отправили на Белоозеро, а сопровождавшие ее «боярские холопы», по-видимому, грабили, насиловали население. Обо всем этом в весьма резкой форме сообщают Софийская II и Львовская летописи. Великокняжеское летописание никаких разоблачений в адрес Софьи не поместило, нет их ни в Симеоновской, ни в Воскресенской летописях под 1479—1481 гг., нет и в списке Царского, где просто сказано: «Тое же зимы прииде великая княгини София с Белаозера». Зато из двух текстов Софийской II летописи (под 6988 и 6989 гг.) второй из них имеется в Типографской летописи, отразивший традицию ростовского владычного свода в редакции

¹¹ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. стр. 879—880.

¹² Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900, стр. 542—543.

архиепископа Тихона; частью этот второй текст передан в Хронографическом списке Новгородской IV летописи.

Итак, предлагаемый раздел показывает, что во второй половине XV в., в эпоху образования Московского централизованного государства возникали противоречия, получившие отражения в общерусских сводах митрополичьей ориентации. Этот факт характеризует и общественные отношения того времени, и направление мыслей и настроения в среде, близкой к митрополичьей кафедре.

В среде этой были недовольны претензиями великокняжеской власти (появившимися с образованием централизованного государства) вмешиваться в церковные дела, вернее — претензиями великого князя быть высшим судьей в церковных делах.

В среде этой резко осуждали некоторых великокняжеских воевод за лихоимство, причем имелись в виду случаи, когда пользование «посулами» наносило ущерб внешней и внутренней политике великих князей московских и ущерб населению. Высказывали недовольство теми корыстолюбивыми и трусливыми боярами, которые препятствовали борьбе с татарами. В этом протесте, носившем характер защиты национальных интересов и непосредственных интересов населения, митрополичья кафедра находила поддержку среди широких кругов, со стороны посада, со стороны «горожан». Недовольны были также теми воеводами, которые брали «посулы» с вятчан, препятствуя осуществлению на Севере великокняжеской политики объединения.

Вместе с тем в той же среде и на страницах того же летописного памятника осуждали великого князя, когда он действовал (на Тверской земле) несправедливо и пристрастно, как московский князь, хотя бы и в интересах укрепления централизации. И в интересах борьбы с татарами, и в интересах справедливости, как понимали ее в этой среде, пытались предотвратить разрыв великого князя с «братъею» — Андреем Углицким и Борисом Волоцким, а на страницах того же памятника — избежать одностороннего освещения их поступков.

Интересный материал, отражающий внутриклассовую борьбу, дают и другие общерусские своды второй половины XV в. Я разумею Ермолинскую летопись, так называемые Сокращенные своды конца XV в. и Устюжский летописный свод.

Глава девятая

Тот сборник, бóльшую часть которого занимает Ермолинская летопись, принадлежал некогда Троице-Сергиеву монастырю. На принадлежность сборника Троице-Сергиеву монастырю указывает запись почерком XVI в. на л. 393: «Лѣт[о]писецъ Тро[и]цкои Сергиева манастыря», а на л. 393 об. почерком XVII в.: «Сия ки[и]га Тро[и]цкого Сергиева м[о]н[а]стыря ис книгохранител[ь]ные казны» (т. е. из книгохранилища).

Имеются и признаки в пользу мнения, что сборник и составлялся в Троице-Сергиевом монастыре в XVI в.

Сборник содержит «Хождение» Афанасия Никитина «за три моря». К этому списку или к его оригиналу восходит более поздний список Ундольского, который сокращает, а местами пересказывает общий текст¹. Кроме троицкого списка (в изучаемом сборнике) «Хождение» Афанасия Никитина имеется еще в летописном своде ГПБ, F.XVII.17. Этот свод также по происхождению своему был связан с Троице-Сергиевым монастырем². Надо предполагать, таким образом, что список или списки «Хождения» хранились в этом монастыре. Другая редакция «Хождения» сохранилась в составе Софийской II и Львовской летописей, из

¹ «Хождение за три моря Афанасия Никитина». М.—Л., 1948, стр. 133.

² А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания (далее — А. Н. Насонов. Материалы и исследования). — «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 252.

чего можно заключить, что был список, хранившийся в митрополичьем архиве. Подтверждается это и происхождением Воскресенского Новоиерусалимского сборника (№ 154а), содержащего Софийскую II летопись.

По слухам («а сказывают») «тетрати», писанные рукою А. Никитина (об этом отмечено в Софийской II летописи), были в руках у дьяка В. Мамырева³, похороненного в Троице-Сергиевом монастыре⁴.

Летописные записи, которые отдельно под 7014 и 7015 гг. имеются в сборнике с Ермолинской летописью, занесены, вероятно, еще до того, как Соломония была насильственно пострижена. Они начинаются подробным известием, что 4-го сентября, в четверг, Иван Васильевич всея Руси «же-нил сына своего великого князя Василия Ивановичя всея Руси, взял за него у боярина своего у Юрия Костянтиновича Сабурова дщерь» Соломонию, а «венчал великого князя Василья Ивановичя всея Руси и великую княгиню Соломонию преосвященны Симон митрополит всея Руси в зборной великой църкви пречистыя Успения святыя Богородици въ преименитом и славнѣ градѣ Москвѣ» (л. 299 об.). Обращает на себя внимание, что в этом фрагменте (под двумя годами) вписаны семь известий о разных событиях, в которых выступает митрополит Симон. Симон в 7019 г. был «отпущен» в Троице-Сергиев монастырь, где и умер⁵.

Мы знаем, что общий летописный источник Ермолинской летописи и Уваровской № 188 хранился в Троице-Сергиевом монастыре: Уваровский список № 188 писался в этом монастыре в 40-х годах XVI в., а в тексте до 1417 г. он близок к Ермолинской. Весьма возможно, таким образом, что вошедший в сборник список Ермолинской летописи принадлежал тоже Троице-Сергиевому монастырю.

Выше мы говорили, что, согласно обоснованному мнению А. А. Шахматова, Ермолинская летопись кончалась на 1472 (6980) г., а далее были сделаны немногочисленные приписки, с 6981 по 6996 г.⁶ Этот вывод А. А. Шахма-

³ ПСРЛ, VI. СПб., 1853, стр. 330: «...привезли гости къ Мамыреву Василью къ дьяку къ великаго князя на Москву».

⁴ Там же под 6998 г.

⁵ Софийская II под 7019 г.; Кирилло-Белозерская летопись 1533 г. под 7019 г. — ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 199.

⁶ Среди приписок следует отметить одно известие под 6993 г. о том, что великий князь «поймалъ» своих бояр Василия и Ивана

това подтвердился, когда я стал сравнивать Ермолинскую летопись с Сокращенным сводом начала 90-х годов XV в.

Ермолинская летопись была названа так потому, что в конце летописного свода 1472 г. имеются вставки, указывающие на связь летописи с В. Д. Ермолиным. Как видно из слов А. А. Шахматова, он полагал, что редакционная роль В. Д. Ермолина ограничивалась вставками, касающимися деятельности самого Ермолина в конце летописи⁷. Результаты нашей работы над составом Ермолинской летописи, действительно, подтверждают, что Ермолин имел копию уже готового свода (см. выше). Необходимо только уточнить, что результаты этой работы позволяют думать, что В. Д. Ермолиным было сделано несколько вставок не только в конце летописи. Так, под 6738 г. к известию о построении церкви св. Георгия в Юрьеве-Польском прибавлены слова «рѣзанымъ каменемъ» (ср. под 1471 г. «а рѣзаны на камени вси»); под 6662 г. — слова «еже есть Лукана (sic!) писма»; под 6903 г. — «юже бѣ писалъ Лука еуаггелистъ» и под 6668 г. — от слов «в ней же чюдную...» до слова «гривенокъ».

Было бы неправильно полагать, что В. Д. Ермолиным или для В. Д. Ермолина писалась статья 1463 г. о ярославских «чудотворцах». Известие это имеется в ряде сводов, преимущественно второй половины XV в., в которых нет следов вставок о деятельности В. Д. Ермолина, имеющих в Ермолинской летописи (ср. так называемые Сокращенные своды 1495 и 1493 гг., летопись в сборнике Новоиерусалимского Воскресенского монастыря № 154 от л. 1310 и сл., Хронографический список Новгородской IV летописи). Словом, нет оснований полагать, что статья эта появилась в результате ермолинской «редакции».

Надо считать также недоразумением утверждение, что «веским аргументом» за возникновение списка «русских городов» в среде «гостей-сuroжан является включение одной из ранних редакций в состав Ермолинской летописи в связи с именем крупного представителя московского ку-

Тучковых; а другое, под 6995 г., — о том, что «поиманъ бысть» архимандрит чудовский Макарий и с ним Василий Ухтомский и их казнили «торговыми позоры». Последнее известие более полно приведено в Софийской II и Львовской, но там архимандрит не назван по имени.

⁷ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — ИОРЯС, т. IX, кн. 1. СПб., 1904, стр. 412.

печества — В. Д. Ермолина»⁸. Ни Ермолинская летопись, ни сборник, заключающий в себе Ермолинскую летопись, не содержат списка «русских» городов. Такой список напечатан в ПСРЛ, т. XXIII, в «Приложениях» к Ермолинской летописи. Там указано, что он взят из Уваровской летописи № 188, а Уваровская, как явствует из «Предисловия» к т. XXIII, представляет собою другую летопись, иного состава, чем Ермолинская, и близка к Ермолинской только в части до 1417 г.

Копия летописного свода 1472 г. со вставками В. Д. Ермолина могла делаться или в Троице-Сергиевом монастыре или для Троице-Сергиева монастыря. Род Ермолиных был связан с Троице-Сергиевым монастырем: в нем были пострижены его отец, дядя и дед. В числе различных строительных заказов один исполнялся В. Д. Ермолиным для Троице-Сергиева монастыря. Будучи руководителем художественно-архитектурных работ или подрядчиком, он вместе с тем был и любителем письменности, и сохранилось его письмо к одному сановнику Польско-Литовского государства, из которого явствует, что В. Д. Ермолину были известны многие «доброписцы» (каллиграфы): своему адресату он предлагал нанять «доброписцев», чтобы скопировать нужные адресату рукописи⁹. По своему социальному положению В. Д. Ермолин принадлежал к большому московскому купечеству и к тому же был землевладельцем, породнился он с боярином Д. В. Бобром, выдав за него свою дочь¹⁰.

Таким образом, копия летописного свода 1472 г. со вставками В. Д. Ермолина могла делаться или в Троице-Сергиевом монастыре, или для Троице-Сергиева монастыря. Социальный состав той троицкой братии во второй половине XV в., которая играла в нем руководящую роль, определяет Львовская летопись под 1484 г.: «Бяху бо тамо бояре и князи постригшеися...». Их умонастроение противопоставляется взглядам Паисия, игумена из монахов Ки-

⁸ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 444.

⁹ А. Д. Седельников. «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV века. — «Известия АН СССР», VII серия, отделение гуманитарных наук. Л., 1930, № 4, стр. 230 и др.

¹⁰ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси (далее — С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение). М.—Л., 1947, стр. 350.

рилло-Белозерского монастыря, учителя Нила Сорского, ратовавшего вместе с ним за реформу монастырского быта. Ему пришлось оставить игуменство, так как монахи из «бояр и князей», не желавшие соблюдать монастырский устав (пост, «воздержание» и т. п.), хотели, по словам Львовской летописи, убить его. С этими сведениями согласуется то, что рассказывает о пребывании в Троице-Сергиевом монастыре отца Василия Дмитриевича Ермолина источник XVII в., по словам которого Ермолин-отец говорил игумену Мартиниану (1447—1455 гг.): «что имамъ сотворити, яко хлѣба вашего и варѣнія не могу ясти? А вѣдаешь самъ, яко возрастохомъ во своихъ домѣхъ, не таковыми снѣдми питающеся»¹¹.

Но самый свод 1472 г., который копировался, не содержит признаков составления его в Троице-Сергиевом монастыре; по крайней мере, в нем не видно характерных монастырских вставок, касающихся внутренней жизни монастыря.

Перейдем к вопросу о происхождении свода 1472 г., или основного источника Ермолинской летописи. Надо сказать, что и в этом вопросе легко допустить некоторые фактические погрешности (например, утверждать, что для Ермолинской летописи характерна ироническая критика военных действий московских воевод). Легко также пойти и в методическом отношении по неверному пути, увлекаясь особенно мыслью, что в Ермолинской летописи отразились настроения кругов, склонных к «вольнодумию» (термин современных исследователей) в смысле рационалистического направления мыслей, игнорируя или недооценивая показания самих источников. Неверный шаг в методическом отношении можно сделать, если мы будем отрывать анализ памятника со стороны «идеологической» от анализа формально-методического. В этом случае исследование может принять весьма субъективную окраску, особенно, если мы при этом забудем, что, определяя происхождение памятника, следует иметь в виду показания о составе памятника в целом. В противном случае объяснение частных наблюдений

¹¹ «Древние жития преподобного Сергия Радонежского». М., 1892, стр. 158—161.

может оказаться произвольным, тем более, когда исследователь, увлеченный какой-либо своей исторической концепцией, видит в этих частных показаниях ее подтверждение.

О происхождении основного источника Ермолинской летописи существуют два различных мнения. Одно из них явилось в результате разысканий А. А. Шахматова. Другое было высказано сравнительно недавно.

Нам предстоит или присоединиться к одному из этих двух мнений (может быть, с какими-нибудь коррективами), или предложить новое. Во всяком случае, мы должны показать, о чем свидетельствуют данные, полученные нами в результате самостоятельной проработки летописных текстов.

А. А. Шахматов показал, что следует различать местные ростовские записи, ведшиеся «при ростовском владыке», и ростовские владычные своды, пользовавшиеся общерусским материалом из фонда митрополичьего общерусского летописания, которое, в свою очередь, привлекало местный владычный материал.

Кроме того, он указал на фрагмент ростовского владычного свода 1419 г., которым кончается Московско-Академическая летопись. В настоящее время этот вывод подкреплён и может быть усовершенствован с опубликованием новых летописных памятников. Для нас интересно, что Московско-Академическая летопись принадлежала Троице-Сергиеву монастырю. А синодальная рукопись¹², содержащая аналогичный, но цельный текст, представляет собою также краткий свод: извлечения из ростовской владычной летописи, но дополненные митрополичьим московским материалом. Текст писан на бумаге, водяные знаки которой совпадают с водяными знаками Пандектов Никона Черногорца, написанных в Ростове в 1478 г. Принадлежала синодальная рукопись Кирилло-Белозерскому монастырю¹³.

А. А. Шахматов обнаружил следы разных редакций ростовского владычного свода: в Новгородской IV летописи и Типографской; разновидности последней летописи обнаружены в новейшее время.

На основании изучения Ермолинской летописи в целом А. А. Шахматов пришел к выводу, что в Ермолинской

¹² ГИМ, Синод., № 941.

¹³ «Летописный свод XV века» (по двум спискам). Подготовка текста и вводная статья А. Н. Насонова. — «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955.

летописи отразился ростовский владычный свод в редакции архиепископа Трифона (1462—1467), причем протограф Ермолинской летописи был доведен до 1472 г.¹⁴ А. А. Шахматов показал также, что ростовские «владычные» своды XV в. были, по сути дела, общерусскими сводами; при изучении Ермолинской летописи он привлекал Софийскую II, Львовскую, список Царского и ряд других. Этот вывод А. А. Шахматова и по сей день нужно считать научно обоснованной гипотезой, хотя в настоящее время он существенно уточнен и дополнен. Как мы видели, составитель основного источника Ермолинской летописи использовал текст того общерусского свода, который был положен в основание и Московского свода 1479 г. Доказано, что более позднюю редакцию общерусского промитрополичьего свода имеем в Софийской II и Львовской. С другой стороны, нельзя считать доказанным, что ростовский владычный свод лежал в основании таких сводов, как список Царского, Новоиерусалимский воскресенский «Отрывок», Хронографический список Новгородской IV летописи и Погодинский № 1409. Впрочем, мнение самого А. А. Шахматова об их происхождении не было устойчивым. Новоиерусалимский «Отрывок» является одним из списков или редакций владычного новгородского свода времен архиепископа Макария, как ясно видно при сравнении его со списком Дубровского Новгородской IV летописи. А Погодинский № 1409 вместе с другими близкими к нему списками не так давно опубликован, наряду с недавно открытым сводом 1495 г.¹⁵, и не обнаруживает признаков ростовского происхождения.

Из сказанного следует, что, выясняя происхождение основного источника Ермолинской летописи, не надо текст Ермолинской летописи подменять текстом перечисленных сводов. Вопрос о происхождении каждого из них требует особого изучения. И сомнения критиков А. А. Шахматова (по сути дела вполне законные), что иронические выпады в ряде известий по адресу московской военной администрации восходят к ростовскому владычному своду, никак не могут поколебать вывода А. А. Шахматова о том, что

¹⁴ Статья «Летописи» в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Заметим, что в Увар. № 188 список владык кончается Трифоном. В Ермолинской приписан еще Вассиан Рыло.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXVII. М., 1962.

ростовский владычный свод отразился в тексте Ермолинской летописи. В Ермолинской летописи этих иронических выпадов по адресу московской военной администрации, кстати сказать, нет, в чем мы убедимся ниже.

Главное возражение А. А. Шахматову со стороны его критиков строится, таким образом, на недоразумении. «Я. С. Лурье, — пишет Д. С. Лихачев, — отмечает, что критика московского великого князя шла в Ермолинской летописи (и близких к ней Погодинской № 1409 и некоторых других) главным образом по военной линии и могла исходить из оппозиционно настроенных кругов в самой Москве. В связи с этим приобретает особенное значение одно наблюдение Я. С. Лурье: автор Ермолинской летописи (вернее ее протографа) высказывает особую привязанность к московскому воеводе Федору Басенку»¹⁶. Однако оказывается, что в Ермолинской летописи (которую надо отличать от Погодинской № 1409 и других) такая критика отсутствует: так, под 6968 г. ирония и саркастическое отношение к неудаче московских воевод в Ермолинской летописи отсутствуют; под 6969 г. сатирических выпадов по поводу неосторожности воеводы Ивана Дмитриевича в Ермолинской летописи нет; под 6972 г. сатирическая выходка, направленная против алексинского воеводы, в Ермолинской летописи отсутствует. А выпады против московской администрации в Ермолинской летописи под 1463 г. никакого отношения к военным делам не имеют, и весь рассказ касается местных церковных дел в ростовской епархии и внутривластных мероприятий великого князя на той же территории (ярославской), поражавших грубым нарушением прав местных вотчиней: ярославских князей и местных бояр.

Другой вопрос — сведения о Федоре Басенке. Сведения о его деятельности, как мы убедились, имели место и в московском великокняжеском своде 1471 г., и в Московском великокняжеском своде 1479 г., и в промитрополичьем общерусском своде в Софийской II и Львовской летописях. В Ермолинской летописи не весь материал этот есть и вместе с тем о Басенке имеется кое-что лишнее (подробнее об этом ниже). Едва ли не будет слишком смело по этому признаку определять происхождение основного источника Ермолинской летописи. Мы будем иметь случай говорить

¹⁶ Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 285.

о деятельности отдельных лиц, которые оставляли значительно более сильные следы (в своих интересах или в интересах своего рода) во владычном новгородском летописании, пользуясь тем, что имели какое-либо касательство к составлению летописного свода; тем не менее памятник оставался владычным.

Нельзя не считаться, определяя происхождение памятника, прежде всего с результатами анализа памятника в целом. В данном случае доказано, что составитель оперировал общерусским, церковным по происхождению, материалом.

Возражая против шахматовского вывода, приводят такой аргумент: «поместить список ростовских владык в своей летописи и дополнить его мог не только ростовский летописец»¹⁷. Но вопрос о каталоге ростовских владык под 1396 годом в летописных сводах и его состав основательно изучен, и в работах А. А. Шахматова показано, что этот каталог попадал в летописные своды вместе с ростовскими летописными источниками разных редакций. Это положение, обоснованное А. А. Шахматовым в специальных исследованиях, никем не поколеблено.

Было высказано мнение, что «явно иронический и анти-великокняжеский рассказ Ермолинской летописи об обретении мощей ярославских чудотворцев»¹⁸ вряд ли мог быть сделан в среде ростовских церковных деятелей»¹⁹. Но решение этого вопроса зависит прежде всего от того, как смотрели на «новых чудотворцев» в среде ростовских церковных деятелей при архиепископе Трифоне. На этот счет мы имеем ясные и определенные показания источников, отражавших позицию митрополичьей кафедры. Они не оставляют никакого сомнения относительно позиции ростовского владыки Трифона и ростовских церковных деятелей: «И възвѣстиша (о «новых чудотворениях». — А. Н.) епископу Трифону Ростовскому, иже въ его епископѣи тои градъ: тои же невѣриемъ обдержимъ не имяше вѣры, мняше волшебство быти». Дальнейший рассказ еще яснее обнаруживает мнения «в среде ростовских церковных деятелей». Три года спустя Трифон, который «не вѣрова чудесемъ ихъ» (т. е. «новых чудотворцев». — А. Н.), посылает в Ярославль ростовского протопопа Константина,

¹⁷ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 285.

¹⁸ Рассказ напечатан в ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 157—158.

¹⁹ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 285.

хорошо известного великому князю, для того, чтобы установить: «исцѣления отъ нихъ (т. е. от „мощей“ Федора и его сыновей. — А. Н.) по правдѣ ли будетъ, зане бо и тои протопопъ не вѣроваше» (в «новых чудотворцев». — А. Н.). Оказывается, что ростовский протопоп подозревал обман со стороны игумена Спасского Ярославского монастыря в корыстных целях: «мня симъ чудотворениемъ игумень много богатество приобрѣте». В том же году Трифон должен был оставить ростовскую архиепископскую кафедру, о чем Ермолинская летопись сообщает глухо.

Протест со стороны составителя основного источника Ермолинской летописи против объявления «мощей» Федора и сыновей чудотворными вызывался не только мнением, что здесь не истинное чудо, а наваждение («волшебство»), как объясняют Софійская II и Львовская, но и, судя по тексту Ермолинской летописи, связью этого события с событиями политическими. Дело происходило в период ликвидации Ярославского княжения. Ермолинская летопись подчеркивает: «при князи Александрѣ Феодоровиче Ярославскомъ». Софійская II поясняет, что Александр Федорович был «правнукъ ихъ», т. е. сыновей Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского²⁰, причем рассказ в ней ведется в традиционных литературных выражениях («и старѣшинѣ града возвѣстиша о том князю Олександру Ярославскому, он же повелѣ тако сему быти, и гробницу хотя устроити камену...» и т. д.).

Трифон мог считать, что прославление делалось из политических соображений, т. е. шли на обман из желания возвысить предков ярославского князя и его княжение. Если такая цель имелась в виду, ярославский князь ее не достиг; по данным Уваровской рукописи № 188, сам Александр Федорович был вынужден «продать» Ярославль («продаль Ярославль»).

Одновременно составитель основной редакции Ермолинской летописи протестует против произвола великокняжеского дьяка Алексея Полуектовича и доверенного лица великого князя «Ивана Агафоновича Сущего»: «сии бо чудотворци (т. е. Федор с сыновьями. — А. Н.) явишася не на добро всѣмъ княземъ ярославскимъ: простилися со

²⁰ Напомним, что в рукописи, содержащей Ермолинскую летопись, князья смоленские приведены рядом с ярославскими, а в рукописи, содержащей Уваровскую № 188, читаем после перечня смоленских князей: «От того же роду ярославстии князи...» и т. д.

всѣми своими отчинами навѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики противъ ихъ отчины подавалъ имъ волости и села; а изъ старины печаловался о нихъ князю великому старому Алекси Полуектовичъ, дьякъ великого князя, чтобы отчина та не за ними была. А послѣ того в томъ же градѣ Ярославли явился новыи чудотворецъ Иоаннъ Огафоновичъ Сущей, созиратаи Ярославской земли: у кого село добро, инъ отнялъ, а у кого деревня добра, инъ отнялъ да отписалъ на великого князя ю, а кто будетъ самъ добръ, боаринъ или сынъ боярской, инъ его самого записалъ; а иныхъ его чудесь множество не мощно исписати, ни исчести, понеже бо во плоти суще цѣяшось» (т. е. «дьяволъ»; написано тайнописью по способу «простой литорей». — А. Н.).

Суть этого текста кратко передана в Хронографическом списке Новгородской IV летописи и в более подробной редакции в Новоиерусалимском списке владычного свода Макария, который сохранился в Воскресенском Новоиерусалимском митрополичьем сборнике²¹.

Весь текст носит характер иронического выпада, несколько замаскированного. Мы видели, что в Софийской II и Львовской летописях осуждалось несправедливое отношение Москвы к тверским вотчинам. Там упрек направлен в адрес самого великого князя. В Ермолинской летописи осуждаются дьяк Алексей Полуектович и «Иван Сущей». Аналогичный характер осуждения наместников и дьяков с помощью иронии, как литературного приема, встречаем в Псковской I летописи, в своде 1547 г. Так, в «Повести о псковском взятии» (1510 г.) автор подчеркивает лояльное поведение псковичей в отношении к великому князю московскому и в то же время не жалеет красок для характеристики московских наместников и дьяков: «И у наместников, и оу их тиоунов, и оу дьяков великого князя правда их, крестное целование взлетѣло на небо, и кривда начаша в них ходити, и быша немилостивы до пскович, а псковичи бѣдныя не вѣдаша правды московския», а дальнейшая ти-

²¹ Приведем этот текст, так как он не издан: «В лѣто 6971. Князем ярославским прощение dospѣлося со всѣми отчинами: отдавали их великому князю Ивану Васильевичю, а печалованиемъ из старины Алексѣевым Полуѣхтовича дияка великого князя. Сии чудотворцы на добро явишася. А после того у них Иван Сухой чудеса творити почял по всей отчине ярославской» — ГИМ, Воскр., № 1546, л. 1313.

рада заканчивается словами: «...ано земля не раступитца, а оуверхъ не взлетѣтъ». В этом своде под 7036 г. читаем следующий иронический выпад против московских дьяков в сообщении о смерти Мисюря Мунехина: «и быша по Мисюри дьяки частые, милосердны богъ милостив до своего создания, и быша дьяки мудры, а земля пуста, и нача казна великого князя множитися во Пскове, а сами ни один не съѣхаше поздорову со Пскова к Москви, друуг на друга воюя».

В отличие от псковского свода 1567 г., составитель которого не скрывает враждебного отношения к власти великого князя московского (Ивана Грозного), псковский свод 1547 г. сочетает похвалы великому князю, почти официальное отношение к московской великокняжеской власти с обличением московских наместников и дьяков. «С одной стороны, почтительное уважение к великому князю московскому и безусловное признание его власти, с другой стороны, ненависть к московским наместникам, стремление к обличению тех порядков, которые породили столько „плачущих и вопиющих день и ночь“ — такое сочетание, как есть основание предполагать, находило почву в умонастроении известных групп местного общества. Налицо оно в посланиях старца Филофея, подвизавшегося в Пскове в годы правления вел. кн. Василия и, возможно, в начале правления Ивана Васильевича. В своих посланиях Филофей прежде всего обнаруживает уважение к великому князю московскому и не только безусловное признание, но и высокое представление о его власти. Москва является, по мысли автора, центром государственной жизни России, а московский государь — единый „во всей поднебесной христианом царь“»²². Замечательно, что подобное же выражение применяет и аналогичное отношение обнаруживает к власти великого князя московского составитель основного источника Ермолинской летописи под 6970 г. Филофей хорошо известен как литературный деятель, разработавший теорию Москвы — третьего Рима. Но по какому-то недоразумению в нем склонны были видеть (Н. И. Серебрянский и др.) «москвича». С другой стороны, Филофей выступает обличителем московских наместников и новых порядков, бедственных для «псковичей», когда было от «менших и безродных оуничужение и безчестие». Из био-

²² А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. — «Исторические записки», т. 18. М., 1946, стр. 269.

графической заметки, сопровождавшей сохранившееся послание Филофея во Псков, видно, что псковичи молили его о заступничестве, зная, что он известен «великому князю и вельможам». Филофей не сразу решился, но «послѣди много показа дерзновения к государю», обличая наместников и т. п.

Близко стояли к великокняжескому престолу ростовские архиепископы — Трифон, который был духовником Василия II, и Вассиан Рыло, который был духовником Ивана III. Вассиан, называя Ивана III «во царех пресвѣтлѣйшим, преславным государем», не стеснялся вместе с тем указывать ему в резкой форме на опасность, которая грозит ему, если он будет слушаться сребролюбивых советников, оказаться «бѣгуном» и «предателем хрестьянства» («Послание на Угру»). Не могла безучастно относиться ростовская кафедра и к большим внутренним событиям, происходившим в пределах ростовской епархии.

Анализируя текст Ермолинской летописи и выясняя происхождение ее основного источника, следует иметь в виду три следующих факта: 1) То, что сложный текст общерусского свода вошел в Ермолинскую летопись в сильно сокращенном виде. 2) Тот примечательный факт, что тексты ростовских владычных сводов, судя по Типографской летописи и по Московско-Академической (в последней в части с конца 30-х годов XIII в. до конца), содержали мало известий по истории самого города Ростова, что бросается в глаза при сравнении этих текстов с текстами новгородских владычных сводов. В этом нет ничего удивительного, поскольку положение ростовских архиепископов в Ростове было несколько иное, чем положение новгородских архиепископов в Новгороде. 3) Составителя текстов ростовских владычных сводов, судя по содержанию тех же летописей, интересовали события, относящиеся к городам и местам, лежавшим в пределах ростовской епархии (к Ярославлю, Угличу, Устюгу, Белоозеру и другой территории той же ростовской епархии)²³. Среди них есть такие, как приезд князя в Белоозеро, «въ свою отчину» (6759 г.), поездка на Устюг (6872 г.), поражение Дмитрия Заозерского (из ярославских князей), когда «много же людей за-

²³ Московско-Академическая летопись под 6757, 6759, 6770, 6791, 6794, 6796, 6798, 6801, 6802, 6803, 6806, 6829, 6830, 6872 гг. Типографская летопись под 6943, 6944, 6970, 6972, 6975, 6976, 6977, 6978, 6979, 6985, 6986, 6988 гг.

озерянь на томъ бою избьено бысть» (6943 г.), пожар в Устюге (6976 г.), пожар в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере (6985 г.), пожар в Никольском селе «въ архиепископлѣ в Ростовѣ» (6988 г.) и др.

Мы имели случай в печатной работе перечислять местные записи Ермолинской летописи, относящиеся к событиям на территории ростовской епархии. При этом мы брали только те ростовские записи, которых нет или нет в аналогичных редакциях в летописных сводах, содержащих преимущественно великокняжеское летописание²⁴. Дальнейшее изучение Ермолинской летописи подтвердило, что эти местные записи — результат работы составителя основного источника Ермолинской летописи. Выделив из текста Ермолинской летописи (в части до 1425 г.) сложный по составу текст общерусского свода, мы получили некоторый остаток. В этом остатке оказались ростовские известия, выделенные нами ранее (под 6919 и 6920 гг.). В остатке оказалось и прибавление к каталогу ростовских владык: имена Ефрема, Феодосия, Трифона и Вассиана Рыло. Последующие разыскания показали, что таких ростовских записей в Ермолинской летописи значительно больше.

При анализе материала Ермолинской летописи за XV в., в части после 1425 г. обнаружилась интереснейшая картина. Выяснилось, что Ермолинская летопись в части этой содержит нить уникальных отступлений, которых нет не только в Московском своде 1479 г., но нет и в текстах митрополичьих сводов (Софийской II и Львовской), и в этих отступлениях речь идет о событиях на территории ростовской епархии.

Так, под 6943 г. в рассказе о движении Василия Юрьевича Косого есть часть, которой нет ни в Софийской II, ни в Львовской, ни в списке Царского, рассказывающая о событиях на ростовской территории. Читаем здесь следующее: Василий Косой идет (из Вологды) в Заозерье, т. е. в волость Ростовской епархии, там останавливается на устье, у монастыря св. Дмитрия. На него нападает князь Федор Дмитриевич Заозерский «со многими людми» (Заозерское княжение было удельным Ярославским). Косой одерживает над ним победу, а затем двигается на Устюг, т. е. в один из главных центров ростовской епархии. В Устюге его хотят убить. Автору записи известно, что

²⁴ А. Н. Насонов. Материалы и исследования, стр. 266.

это предполагалось сделать «на порании Велика дни, на заутрени», но Косой узнал об опасности и «единъ перебеже межи коръ Сухону на Дымкову сторону», а тех «людеи», которые за ним не поспели, побили устюжане; пленные же, захваченные Косым, великокняжеские бояре освобождены. Все эти сведения, с рядом деталей в описании, составитель свода получил, очевидно, с мест событий.

Отступления в тексте Ермолинской летописи под 6943 г. явились не случайно. Под следующим, 6944 г., составитель текста Ермолинской летописи, излагая материал, общий с Софийской II и списком Царского, прибавляет, однако, сообщение о том, что князь Василий Юрьевич Косой «владыку ростовскаго, идучи, пограбилъ». Это дополнение ясно характеризует источник. Показательно также сравнение рассказа Ермолинской под 6943—6944 гг. с рассказом ростовского владычного источника, отразившегося в Новгородской IV и Софийской I летописях, под 6907 г. о владыке Григории Ростовском в Устюге и поведении «устюжан» во время столкновения Анфала с Яковом Прокофьевичем. А из дальнейшего текста Ермолинской летописи видна связь дополнений Ермолинской под этим годом с дополнениями под предыдущим. Под 6944 г. далее прибавлены (по сравнению с Софийской II и др.) не только подробности об убитых устюжанах («боярь и гости»), но и объяснение причин расправы с ними, что связывает этот рассказ с приведенным рассказом предыдущего года: «Поминая имъ ту злобу (т. е. вражду. — А. Н.), что хотѣли его самого изымати, а людеи у него много побили, а боярь князя великого отполонили» (т. е. освободили из плена). Далее Ермолинская летопись дает подробности (которых нет в Софийской II и др.) при описании боя, происшедшего «в Ростовской же области», хотя в Ермолинской летописи не сказано, что столкновение имело место «у Покрова на Скорятинѣ». В Ермолинской сообщается, что Василий Косой прислал чернеца Русана «от Бориса и Глѣба», т. е. из Борисоглебской пустыни на р. Сухоне (он шел в направлении от Устюга на Вологду) к великому князю для переговоров. Несмотря на перемирие, Косой тем не менее двинулся от Болтина села, лежавшего к северу от Волги²⁵, на великого князя (Скорятино, где стоял великий князь, лежало на р. Черехе между Волгой и Большим се-

²⁵ «Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года». СПб., 1865, № 7920.

лом)²⁶. Рассказ Ермолинской летописи описывает состояние великого князя, часть людей которого «разѣхашася по кормы», его победу и отмечает, что воеводу Дятла повесили в Москве, а Семена Жадовского в Переяславле «чернь мужики ослопы²⁷ убили», о чем могли, конечно, узнать в Ростове.

Ростовские дополнения к тексту Софийской II, Львовской, Московскому своду нетрудно обнаружить в Ермолинской и под 6947 г. В ней сообщается, что великий князь, соединившись «с братьею» в Переяславле, посадил в Москве Дмитрия Меншого, а «самъ поживе въ Переяславли и в Ростовѣ до зимы, бѣ бо посады пождьжены отъ татаръ, а люди посѣчены, и смрадъ великъ отъ нихъ»²⁸.

Остальной материал Ермолинской летописи, отсутствующий в митрополичьих и великокняжеских текстах, связан или с Ярославлем, или с Угличем. Так, ни в Софийской II, ни в Московском своде 1479 г. нет известия Ермолинской под 6958 г., что в Ярославле у Спаса был похоронен сраженный в бою, «удалый» Григорий Семенович Горсткин, новгородский боярин, «в черньцехъ и в скимѣ нареченный инокъ Герма». Эпитет «удалый» в Ермолинской летописи перекликается с эпитетом «удалый воевода», который та же летопись употребляет по отношению к другому лицу — Федору Басенку под 6964 г., и с эпитетом «храброй человекъ», как называет Софийская II летопись под 6955 г. литвина Юшку Драницу, который был убит под Угличем²⁹. О событиях у гроба Федора Смоленского и Ярославского в 6971 г. было сообщено «епископу Трифону Ростовскому, иже въ его епископыи той градъ» и, как мы видели, под этим годом в Ермолинской имеется уни-

²⁶ Там же, № 8710.

²⁷ Ослоп — дубина, палка.

²⁸ Под этим же годом в Ермолинской летописи прибавлено о том, что великий князь «поймавъ» Григорья Протасьевича, ему «очи вымалъ», о чем нет в Софийской II и др., но там под 6945 г. отмечена измена Григорья Протасьевича; об измене в Ермолинской опущено. Откликами на продолжение той же истории являются известия Ермолинской летописи под 6948 г., что «Федко Блудовъ Сука Василья убилъ да Ивана Григорьевича Протасьева утопилъ»; но самого Федьку в том же году «поймавъ» повесили в Коломне «на осокорн». Это тоже уникальные сообщения.

²⁹ Софийская II летопись. Юшка Драница был, вероятно, и похоронен в Угличе. Ермолинская летопись называет его «паном» (под 6953 и 6955 гг.).

кальный текст, соответствующий отношению к этим событиям Трифона. Мы видели также, что в этом тексте церковные события сплетены с теми событиями политического характера, которые воспринимались, как проявление произвола и насилия со стороны великокняжеской администрации.

В том же направлении дает показания текст Ермолинской летописи под 6950—6951 гг. Великокняжеское летописание XV в. не сообщало о непродолжительном размирье великого князя с Шемякою в 6950 г. Не вполне ясные сведения дает Софийская II летопись, из которой узнаем, что Шемяка был в Угличе, и великий князь после разрыва пошел «на него къ Угличю». Однако Шемяка успел убежать к Бежицкому Верху, и великий князь вернулся. Далее та же летопись сообщает, что Кудара Пришельского (Ирешского) «кнутьемъ били», но не объясняет, за какую вину. А затем рассказано, что Шемяка с князем Александром Черторизским пошли на великого князя к Москве, но их помирил Зиновий, игумен Троицкий. А под следующим годом неизвестно в какой связи приведено известие об Иване Андреевиче (князе Можайском): он «поималъ» Андрея Дмитриева, а жену его Марью сжег в Можайске (как в той же летописи ниже, под 6988 г., объяснено: «за волшебство»).

Разгадку этих сведений дает Ермолинская летопись. Великий князь уже захватил было в Угличе Шемяку, но последнему «подалъ ... вѣсть» Кулодар (Кудар, по Софийской II), что стало известно великому князю («а Кулодаря князь великы доличився...»), и он велел его бить кнутьем «по станомъ вода, да и дьячство отнялъ у него». Ясное дело, Ермолинская летопись не желает покрывать недостойное поведение великокняжеского дьяка, рассказав о причине постигшей его кары; из нее и узнаем, что Кулодар был дьяком. И, во-вторых, составитель проявляет особенный интерес к событиям в Угличе, что подтверждается последующим рассказом под тем же годом Ермолинской летописи. Ермолинская летопись рассказывает дальше, что в Угличе с Дмитрием Шемякою был «въ одиначествѣ» князь Иван Можайский, но великому князю удалось отозвать («отъзвалъ») Ивана Андреевича, и ему был дан Суздаль, прежде бывший за Черторизским. Иван Андреевич владел не только Можайском, но, по-видимому, судя по договорным грамотам, и Белоозером, чем, вероятно, и объясняется его появление вместе с Шемякой в Угличе.

Некоторые лишние подробности, по сравнению с Софийской II, дает Ермолинская летопись и под 6951 г. по поводу поведения князя Ивана Можайского: о том, что захваченный им Андрей Дмитриев был его боярин, что с ним захвачены были и дети, а по поводу сожжения Марьи (за волшебство), Ермолинская летопись пишет: «безлепъ» (т. е. вопреки разуму, понапрасну). Напомним о «Слове», которое приписывалось Серапиону Владимирскому с обличением суеверных расправ (сожжения) с людьми, подозреваемыми в волшебстве³⁰.

Угличского происхождения те сведения, которыми в Ермолинской летописи дополнена статья 6955 г. В великокняжеских и митрополичьих текстах говорится о съезде в Угличе епископов, архимандритов и игуменов, созванном Шемякой. В текстах нет о роли Макария Желтоводского на соборании епископов и игуменов, но о нем рассказывает Ермолинская летопись: «и бысть туто же мужь святъ, именемъ Макарие, игумень Желтоводский...» и далее от слов «наипаче же рекуще Макарие...» до слов «...и мы тебя простимъ».

В том же направлении свидетельствует и лишний, по сравнению с великокняжескими и митрополичьими текстами, материал Ермолинской летописи под 6970 г. Дело идет не только о подробностях события, но и о весьма показательном дополнении, которое следует после общего рассказа. В Угличе сидел в неволе князь Василий Ярославич, заточенный там великим князем еще в 6966 г., тогда жена и сын пострадавшего бежали в Литву. Через 4 года «дворяне» князя сговорились освободить Василия из заточения. Заговор был раскрыт, и заговорщики по приказу великого князя подверглись в Угличе крайне жестоким казням («на лубиѣ волочити по леду, привязавъ конемъ къ хвосту...» и т. п.). Софийская II вслед за тем непосредственно («послѣже того...») передает о болезни, постигшей великого князя, и его смерти, как будто предполагая, что эти беды были возмездием. В Ермолинской летописи нет признаков сочувствия заговору, но явно звучит протест против невиданной жестокости, которая, притом, была совершена

³⁰ «Вы еще поганского обычая держитесь, веруете волхвованию и, сожигая огнем людей невинных, наводите на весь мир и город убийство...» — *Филарет (Гумилевский)*. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884, стр. 65.

публично и еще в великий пост: «Множество же народа, видяще сиа, отъ боляръ и отъ купецъ великихъ, и отъ священниковъ и отъ простыхъ людей, во мнозѣ быша ужасъ и удивлении, и жалостно зрѣние, яко всѣхъ убо очеса бяху слезъ исполнени, яко николи же таковая ни слышаша, ниже видѣша в русскихъ князехъ бываемо, понеже бо и недостойно бѣше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казнѣми казнити, и кровь проливати во святыи великий постъ».

Это уникальное рассуждение, написанное по всем признакам под влиянием рассказа очевидцев о происходившем в Угличе, судя по мотивам осуждения, вышло из среды церковных деятелей, притом воодушевленных высоким представлением о миссии и связанных с нею обязанностях великокняжеской власти. Выражение «православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущю» соответствует известному выражению Филофея: «во всей поднебесной христианом царь», и напоминает нам обращение ростовского архиепископа Вассиана в послании к Ивану III, в котором он резко наставляет и отличает его: «благовѣрному и христолюбивому, благородному и богомъ вѣнчанному, и богомъ утверженному и во благочестии всея вселенныя въ концѣ возсиявшему. наипаче же во царехъ пресвѣтлѣйшему, преславному государю великому князю...». Цитированное выше рассуждение Ермолинской летописи под 6970 г. мог писать и Вассиан, и Трифон, и кто-либо из деятелей их окружения.

Менее ясно происхождение вставки в Ермолинской летописи под 6961 г. (в известии об отравлении Шемяки) от слов «людская молва говорятъ, что будетось со отравы умерлъ...» до слов «...в куряти». Эта вставка, сообщающая об участии в преступном деле дьяка Стефана Бородастого и Исаака Борецкого, могла быть вызвана неприязненным отношением того же составителя к великокняжеским дьякам. Однако две черты в этой записи позволяют предполагать и иное. Начинается она с не совсем обычной ссылки на «людскую молву», причем пишущий как будто ей не совсем доверяет («что будетось...»). Запись скорее походит на замечание читателя, чем на запись летописца об источнике его сведений (ср., например, подобную запись в Софийской II перед «Хожением» Афанасия Никитина в протографе нескольких списков). Во-вторых, вставка

действительно передает слух, которому трудно верить. Новгородское правительство в борьбе Василия II с Шемякой держало сторону Шемяки, а после его смерти сын его пользовался там большим почетом³¹. Поэтому участие Исаака Борецкого в отравлении Шемяки представляется мало вероятным. Таким образом, возможно предположить, что вставка под 6961 г. представляет собою глоссу: заметку читавшего (может быть, В. Д. Ермолина?), сделанную на полях³², которую при переписке рукописи (она переписывалась тремя писцами) внесли в текст, как нередко случалось.

Легко убедиться, что обнаруженная выше нить оригинальных мест Ермолинской летописи или тех мест, которые отсутствуют в митрополичьем и великокняжеском летописании и касаются событий, происшедших на территории ростовской епархии, почти целиком отсутствует в списке Царского и в близких к нему: в Хронографическом списке Новгородской IV летописи и в Сокращенных сводах 1493 и 1495 гг.

Так, в списке Царского нет рассмотренного нами выше материала Ермолинской летописи ни под 6943, ни под 6944, ни под 6947, ни под 6950, ни под 6951 гг., ни под 6971 г.; под 6958 г. хотя и упомянуто о смерти Григория Горсткина, но нет ни имени его в иночестве, ни эпитета «удалыи». Равным образом в Хронографическом списке (который расходится с Новгородской IV с 6955 г.) нет этого материала ни под 6955, ни под 6958, ни под 6970 г. Под 6971 г. только кратко передано известие, аналогичное Ермолинской. В Сокращенных сводах 1493 (в том числе и в Погодинском № 1409) и 1495 гг. нет рассмотренного материала ни под 6943, ни под 6944, ни под 6947, ни под 6950—6951, ни под 6955, ни под 6970 гг. Известие под 6958 г. — как в списке Царского, а известие под 6971/72 гг. — кратко, как в Хронографическом списке.

Из этих данных следует, что рассмотренный материал Ермолинской летописи, который, как оказывается, трактует о событиях, происходивших на территории ростов-

³¹ Об отношении новгородского правительства к Шемяке — В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, стр. 253—254 и др.

³² Причем, возможно, довольно неразборчиво, так как писец слово «Борецкому» прочел: «Богородицкому» — ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 155, прим. Д.

ской епархии, характерен только для Ермолинской летописи, а не для перечисленной группы летописных сводов. Он не восходит к общему их источнику, текст которого, судя по этим данным, испытал только слабое влияние основного источника Ермолинской летописи, хотя между списком Царского и Ермолинской летописью видна связь через общерусский материал.

Что же касается того источника, который объединяет список Царского Софийской I летописи, Хронографический список Новгородской IV летописи, Сокращенные своды конца XV вв., а также списки новгородского владычного свода архиепископа Макария, то о нем мы уже кое-что знаем. На основании разнообразных наблюдений А. А. Шахматов показал, что одна из его редакций кончалась 1491 г.³³ Не подлежит сомнению также, что судьба этого источника была связана с судьбой новгородского владычного летописания. В Хронографическом списке источник этот является продолжением Новгородской IV летописи. Он присутствует в обоих списках или, вернее, редакциях владычного новгородского свода Макария 1539 г., из которых в основании одной лежала Новгородская IV, а другой — Софийская I летописи. В последнее время С. Н. Азбелев обнаружил, что тот же источник, доведенный до 1491 г., использован в Новгородской Уваровской летописи — ГИМ, Увар., № 568³⁴.

Свод 1491 г. или его разновидность в редакции 1493 г. раскрывается при погодном сравнении свода 1493 г. со списком Царского и Хронографическим списком Новгородской IV летописи. Мы начнем с 6955 г., откуда Хронографический список расходится с другими списками Новгородской IV летописи. Сразу же обнаруживается как бы живой, цельный остов источника трех разных летописных сводов: искомый остов редакции 1493 г. Весь текст Сокращенного летописного свода 1493 г. под 6955 г. соответствует всему тексту под этим годом списка Царского и всему тексту под этим годом Хронографического списка

³³ А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. — ЧОИДР, 1904, кн. 1, отд. I, стр. 65—66 и др.; А. Н. Насонов. Материалы и исследования, стр. 270—273; С. Н. Азбелев. Две редакции Новгородской летописи Дубровского. — «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959.

³⁴ С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, стр. 12—19.

Новгородской IV летописи, с незначительными вариантами (с начала года Сокращенный свод от слов «Дмитрей Шемяка събравъ...» до конца, до слов «в пяток сырныи»). Хотя о событиях рассказано здесь значительно короче, чем в Московском великокняжеском своде 1479 г., однако здесь имеются сведения, что игумен Трифон с братьею благословили великого князя, и приведено любопытное заверение кирилловского игумена Трифона («а ркучи такъ: тот грѣх на мнѣ...» и т. д.), о чем ничего не говорится в великокняжеском своде.

Весь небольшой текст под 6956 г. Сокращенного свода 1493 г. полностью соответствует тексту Хронографического списка под этим годом. Есть эти известия и в списке Царского, где под тем же годом кроме того сообщается о смерти Василия Юрьевича (л. 256).

Весь текст Сокращенного свода под 6957 г. почти точно соответствует всему тексту Хронографического списка под этим годом. В списке Царского имеются те же известия, но о поставлении на митрополичью кафедру Ионы Рязанского и о рождении Бориса дано в несколько иной редакции и, кроме того, есть известие о сражении с Шемякой, которое в Сокращенном своде — под следующим годом. В этих известиях в списке Царского подчеркнуты роль или значение Василия Васильевича (л. 256—256 об.).

Весь текст Сокращенного свода под 6958 г. имеется в той же редакции и в списке Царского, но в последнем вставлено на полях о том, что сражался Константин Александрович Беззубцов (л. 256 об.). Кроме того, имеются известия о деятельности митрополита Ионы, которых нет в Сокращенном своде 1493 г. В Хронографическом списке этого года нет.

Весь текст Сокращенного свода под 6959 г. полностью соответствует (с незначительными разночтениями) всему тексту под этим годом Хронографического списка и списка Царского (л. 257, где слово «пришедша» приписано на полях).

Весь текст Сокращенного свода под 6960 г. соответствует всему тексту под тем же годом Хронографического списка и списка Царского.

Весь текст Сокращенного свода под 6961 и 6962 гг. соответствует всему тексту списка Царского и Хронографического списка; в последнем нет только об отравлении Шемяки.

Таким образом, выясняется конкретный состав искомого свода — источника трех летописных памятников.

Текст Сокращенного свода под 6963 г. весь соответствует всему тексту под этим годом Хронографического списка. В списке Царского под 6963 г. кроме аналогичного источника привлечен и другой: по нему даны сведения о том, что «безвѣрнии» вогуличи воевали Пермь Великую, и об убиении Питьирима Пермского в редакции, близкой к Софийской II летописи. По этому же источнику, близкому к Софийской II, вписано и о посылке рати великого князя за Оку; но позднее, по-видимому, зачеркнуто киноварью³⁵ (л. 257 об.).

Текст Сокращенного свода под 6964 и под 6966 гг. весь с незначительными вариантами соответствует всему тексту под этим годом Хронографического списка и списка Царского³⁶. То же следует сказать и о тексте под 6967, 6968 и 6969 гг.

Большой текст Сокращенного свода под 6970 г. также весь соответствует всему тексту под этим годом не только Хронографического списка, но и списка Царского. В списке Царского есть и последние слова («а всего того на осмѣнѣть сох писменных»), только они зачеркнуты киноварью (л. 259). А в Хронографическом и в Царского нет слов «Скупомоу, Марьину въскормленикоу Голтяевы», относящихся к Борису Васильевичу, князю Волоцкому. Эти слова Сокращенного свода имеются в Софийской II летописи.

Под 6971 г. в Сокращенном своде в известии о явлениях у гроба Федора Ростиславича «з детми» передана в сокращенном виде запись владычной ростовской летописи. В Хронографическом списке (л. 710) имеются и слова «сии бо чудотворци не на добро явишася», выпущенные при издании этого списка в Полном собрании русских летописей³⁷, а в списке Царского (л. 259) выброшена вся эта запись (от слов «а князем ярославским прощение dospѣлося» до конца года).

³⁵ Ее цвет несколько отличается от цвета заглавных букв.

³⁶ В Хронографическом списке нет слов «Иван от тверянки».

³⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917, стр. 148—149. Пропуск — едва ли случайный. Признак «цензуры» этого же древнего памятника со стороны издателя встречаем и ниже. Так, на л. 722 в рукописи читаем, что «тело» великого князя Александра Невского сгорело, фраза эта в издании пропущена.

Под 6972—6974 гг. в Сокращенном своде текст в общем соответствует тексту Хронографического списка и списка Царского; в Хронографическом списке нет о Трифоне Ростовском. Сомнительно, чтобы в общем источнике стояло известие о Семеновском море (в Новгороде и Пскове): его не только нет в Хронографическом списке, но нет и в списке Б Сокращенного свода 1493 г., а в Погодинском оно написано на полях.

Текст Сокращенного свода под 6976 г. полностью соответствует всему тексту под этим годом Хронографического списка и списка Царского. В последнем только зачеркнуто киноварью от слов «в той день съдѣся...» до слова «... Карповичя» (л. 259 об.).

Под 6977 г. весь текст Сокращенного свода соответствует, в общем, всему тексту под этим годом Хронографического списка и списка Царского³⁸. В Сокращенном своде и в Хронографическом нет только слов «князь Иванъ Юрьевичъ» (они есть в списке Царского, л. 259 об.)³⁹. А в Хронографическом нет двух фраз, которые в списке Царского имеются, но зачеркнуты киноварью, по-видимому, той же рукой (от слов «пожаловаль их...» до слова «... именемъ» и ниже: «княжъ Семеновъ сынъ»).

Весь текст Сокращенного свода под 6978 г. соответствует всему тексту под этим годом Хронографического списка и списка Царского (где обозначение года зачеркнуто киноварью).

Весь текст под 6979 г. Сокращенного свода соответствует всему тексту под этим годом Хронографического списка. В последнем нет только известия о Михаиле Олельковиче. В списке Царского тот же текст обрывается на словах «воюючи и пленяючи», так как составитель обратился далее к другому источнику и написал «Словеса изб[р]анна от святых писании...» (лл. 260—277 об.), а после «Словес» вписал известие о том, что «вятчяне Сарай взяли» (л. 277 об.).

Весь текст под 6980 г. Сокращенного свода целиком соответствует тексту под этим годом Хронографического списка и списка Царского; в последнем вычеркнуты кино-

³⁸ Фраза в списке Царского от слов «А в передовом плъку...» до слова «... Давыдовичъ», без оговорки внесенная в печатный текст, приписана позднее другим почерком и другими чернилами на нижнем поле.

³⁹ В Хронографическом нет также слов «от ворот».

варью слова «и захотѣ у них еще шестаго рубля женѣ своей» (л. 278 об.). Краткого известия под 6983 (6982) г. о посылке Пскову в помощь Даниила Холмского нет в Хронографическом списке, а в списке Царского оно стоит под 6982 г. Неясно, восходит ли оно к протографу всех трех сводов.

Весь текст Сокращенного свода 1493 г. под 6982 г. соответствует всему тексту списка Царского под этим годом. В Хронографическом списке текст кончается словами «со рока тысячь».

Под 6983 г. весь текст Сокращенного свода соответствует тексту Хронографического под 6982 г. и списка Царского. Известий списка Царского о возвращении Беклемишева и о рождении дочери великого князя Феодосии нет в Сокращенном своде и Хронографическом списке, но эти известия приписаны в списке Царского другим, более поздним почерком на полях⁴⁰.

Под 6984 г. текст Сокращенного свода в общем соответствует тексту списка Царского под этим годом. В Хронографическом текст сильно сокращен.

Текст Сокращенного свода 1493 г. под 6985 г. (год повторяется) и под 6986 г. находим в списке Царского, тогда как в Хронографическом списке общий протограф отразился слабо: под 6985 г. есть только известия о смерти Пафнутия Боровского, а под 6986 г. — о поставлении Геронтием Вассиана в Тверь.

На этом мы прервем нашу работу по восстановлению общерусского свода — источника трех дошедших до нас сводов (Сокращенного 1493 г., Хронографического списка Новгородской IV летописи и списка Царского) и вернемся к Ермолинской летописи, основной источник которой не переходил за 6980 (1472) г. Заметим только, что и в Сокращенном своде, и в Хронографическом списке опущен рассказ о конфликте между Геронтием и Вассианом из-за Кириллова монастыря, имеющийся в списке Царского, и что под 7000—7002 гг. (1491—1493 гг.) текст Сокращенного свода 1493 г. обнаруживается в списке Царского и в Хронографическом списке.

Мы получили достаточно ясную картину: перечисленные три свода чрезвычайно близки между собою в части, нами

⁴⁰ ГИМ, Увар., № 248, л. 279 об. Это не отмечено в издании ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853.

рассмотренной. Уже это наблюдение заставляет полагать, что основная редакция Ермолинской летописи представляла летопись особую, отличную от этих трех сводов. Мы развернули выше цепь уникальных отступлений Ермолинской летописи (в части после 1425 г.) от текстов Московского свода 1479 г. и от текстов сводов, содержащих митрополичью традицию. Мы убедились, что цепь эта отсутствует почти полностью и в трех рассмотренных только что сводах (в списке Царского, в Сокращенном своде 1493 г. и в Хронографическом списке). В этих отступлениях Ермолинской летописи речь идет о событиях на территории ростовской епархии — местная ростовская традиция оказала слабое влияние на общерусский источник этих сводов. Вместе с тем не подлежит сомнению, что в части по 1472 г. общерусская летописная основа Сокращенного свода имела общий протограф с Ермолинской летописью или, вернее, с общерусским источником ее основной части (по 1472 г.). Посмотрим теперь, что показывает погодное сравнение Ермолинской летописи с восстановленным текстом «Сокращенного» общерусского свода начала 90-х годов XV в.

Под 6955 г. в Ермолинской летописи и в «Сокращенном» своде (как мы будем условно называть выделенный общерусский источник трех сводов) об одних и тех же событиях рассказано по-разному. Хотя в Ермолинской рассказ более подробный, тем не менее в «Сокращенном» своде перечисляются воеводы и князья, пришедшие из Литвы к великому князю, и в том числе Федор Басенок. В Ермолинской летописи они не названы.

С другой стороны, в Ермолинской летописи читаем, например, дополнительные сведения о происходившем в Кирилло-Белозерском монастыре: упоминается «инь старецъ святъ, именемъ Симанъ Карлсмазовъ». Соединение двух записей легко обнаруживается в тексте Ермолинской летописи: великий князь принимает благословение и идет «ко Тфери». А потом опять сообщается, что он принимает благословение и идет «ко Тферьскому рубежу». Напомним, что Кирилло-Белозерский монастырь был подведомствен ростовскому владыке.

Весьма краткий текст «Сокращенного» свода под 6956 г. полностью совпадает с Ермолинской.

Под 6957 г. текст «Сокращенного» свода близок к Ермолинской, но он не вполне совпадает. В «Сокращенном»

своде указана точная дата поставления Ионы, чего нет в Ермолинской. А в Ермолинской подробнее рассказано, чем в «Сокращенном» свode, о том, как князь Иван Андреевич перешел на сторону великого князя, причем упоминается о роли Михаила Андреевича, о чем нет в «Сокращенном» свode.

Под 6958 г. о борьбе великого князя с Дмитрием Шемякой в «Сокращенном» свode рассказано в несколько иной (сокращенной) редакции, чем в Ермолинской. О Григории Семеновиче Горсткине в Ермолинской отмечено: «и в скимѣ нареченный инокъ Герма», чего нет в «Сокращенном» свode. Последние два известия Ермолинской (о Ховрине и о татарах) совпадают с «Сокращенным» сводом.

Под 6959 г. в «Сокращенном» свode в общем несколько сокращенное изложение того, что читаем в Ермолинской летописи.

Под 6960 г. текст «Сокращенного» свода близок к Ермолинской. Но в «Сокращенном» свode иной порядок известий и немного сокращено. Под 6961 г. текст «Сокращенного» свода весьма близок к Ермолинской, но в Ермолинской приведены известные нам (см. выше) подробности об отравлении Шемяки, которых нет в «Сокращенном». Нет также имени Беклемишева. Под 6962, 6963 и 6964 гг. в «Сокращенном» свode текст, близкий к Ермолинской. Но в Ермолинской читаем, что Ощера «не поспѣ» ударить на татар, а в «Сокращенном» — что он «ихъ упустилъ, не смѣлъ»; а в рассказе о походе на Новгород Ермолинская сообщает о новгородских «смердах» и о пленении Михаила Тучи, чего нет в «Сокращенном».

Под 6966 г. текст Ермолинской и «Сокращенного» весьма близок. Но в Ермолинской после слова «норовиль» стоит «деи» и нет о том, что Перхушков «посулы поимал», о чем читаем в «Сокращенном» свode. Зато под следующим годом в Ермолинской сообщается, что князь великий «слышавъ», что Перхушков вятчанам «норовиль», повелел его «изымати и вести в Муромъ и посадити в желѣза», этого нет в «Сокращенном» свode. Кроме того, в «Сокращенном» свode есть мелкие сокращения (нет слова «камену», слов «бѣяся на всякъ день», слов «видяще себе побѣждаемы всегда»).

Под 6968 г. в «Сокращенном» свode кратко, по сравнению с Ермолинской, рассказано о покушении на Ф. Ба-

сенка в Новгороде. Остальной текст передан также с сокращениями (нет от слов «три недѣли...» до слов «...одолюваху ему»; нет от слов «а отъ граждан...» до слов «...ничего съпротивления»), а вместо слов «к Переяславлю к Рязаньскому» написано «под Рязань». Под 6969 г. в «Сокращенном» нет от слов «на страстной недѣли...» до слов «...на лѣвой странѣ» и нет фамилии, или прозвища Феодосия Ростовского («Бывалцева»).

Под 6970 г. в Ермолинской отсутствует прозвище Наума («Деревяга»), нет слов «в ызмѣнѣ» и нет последней фразы «а всего того на осмѣнѣти сох писменных». А в «Сокращенном» своде нет (о Науме) от слов «ему же бѣаше...» до слов «...на деревяници»; не упоминается Парфен Бреин и Лука Посивьев и нет рассуждения, характерного для владычной ростовской летописи, от слов «Множество же народа...»; не упоминаются в составе удела Юрия «села и волости» великой княгини Софьи, а о Романове городке нет прибавления: «А прежде того былъ Ярославское княженіе» (Ермолинская летопись, л. 286 об.). Затем нет, конечно, двух вставок о строительстве Ермолина.

Под 6972 г. в «Сокращенном» своде не названа по имени дочь великого князя и нет вставки о деятельности Ермолина. А под 6975 г. не указан час смерти Марии Тверянки и к известію об обновлении церкви Воскресения в Москве нет добавления об участии в строительстве Ермолина.

Показательно соотношение текстов под следующим, 6976 г. Порядок известій одинаковый, и источник, общий с Ермолинской, просвѣчивает в тексте «Сокращенного» свода. Однако текст его значительно отличается. Так, вместо «по сеи сторонѣ Волги», как в Ермолинской, в «Сокращенном» читаем: «у Волги втай». А далее вместо слов Ермолинской «и постоавше противу Казани и поидоша прочь, не учинивша ничтоже» в «Сокращенном» стоит следующее: «И татарове была на них вышли из судовъ, а наши хотѣли их заскочити от берега, и нѣкто юноша, именем Аидаръ, постелник великого князя, наполнився духа ратна, и не отпоустя их ни мало от судна, и кликну на них, они же утравившися и вмѣташся в суды, и побѣгоша на Волгу; в той день съдѣяся спасение велико татаром здоровьем Аидаровым Григорьева сына Карповича». Всего этого позорного эпизода, с таким сарказмом переданного в «Сокращенном» своде, нет в Ермолинской.

Сравнительный анализ этих двух сообщений об эпизоде с участием Айдара мы отложим до окончания нашего обозрения, когда получим весь материал и привлечем аналогичные показания из Устюжского летописного свода, который пользовался сокращенным общерусским сводом, но, по-видимому, в другой редакции.

Наконец, последнее известие под 6976 г. «Сокращенного» свода — общего протографа трех рассмотренных сводов — о том, что великий князь был во Владимире и Переяславле, отсутствует в Ермолинской летописи.

Под 6977 г. тексты Ермолинской и «Сокращенного» свода отражают общий источник. Но в «Сокращенном» своде нет известий о работах Ермолина в Троице-Сергиевом монастыре и о его работах во Владимире. Известие о неудачной попытке взять Казань восходит к общему источнику, но передано по-разному. В Ермолинской ничего не говорится о роли Ивана Дмитриевича Руно. А в «Сокращенном» своде нет о том, что «ни почали» (вернее — «почали») трубить, но вставлено саркастическое замечание в адрес Руно: «и пожаловалъ их (т. е. татар) нашъ воевода именем...». Рассказ о другом походе за Волгу в «Сокращенном» своде передан сокращенно (нет от слов «и уби лиходѣа...» до слов «...и казаньскихъ»; от слов «а чаяли...» до слов «...в судѣхъ»; от слов «а князя великого рать...» до слов «...Казани отбили» и от слов «князя Данила Васильевича Ярославского...» до слов «...устюжанъ много»).

Текст под 6978 г. в Ермолинской и «Сокращенном» своде в общем совпадает; в «Сокращенном» нет фразы «и какъ надобѣ брату его, великому князю».

Равным образом и под 6979 г. оба текста близки между собой. В «Сокращенном» своде нет о судьбе церкви в Юрьеве-Польском, которую восстанавливал Ермолин. Кроме того, имеются небольшие сокращения: о том, что с новгородских посадников брали «окупъ»; о том, что их «кнутъемъ» били; в Ермолинской читаем, что великий князь «разъярился за ихъ измѣну», а в «Сокращенном» — «разгневался». Известие о Михаиле Олельковиче Литовском отсутствует в Ермолинской ⁴¹.

⁴¹ Его нет и в Хронографическом списке, но в списке Царского и в Сокращенном своде 1493 г. оно есть.

6980 год — последний год, текст которого в Ермолинской отражает архетип трех рассмотренных выше сводов⁴². И здесь мы видим, что их общий источник несколько сокращен по сравнению с Ермолинской: нет фразы от слов «со мною користию...» до слов «...на всей воли его»; нет фразы от слов «...и начаша кликати» до слов «...великого князя»; нет слов «в Тарусь, з дворы своими», и фразы от слов «Татарове же удивльшися...» до слов «...царю своему». Как и в предшествующих статьях, и здесь отсутствует дополнение Ермолинской об Ермолине: к известию о закладке Успенского собора в Москве нет добавления о том, кто были «предстателями», о чем сообщает Ермолинская летопись. И как в предшествующих статьях, несмотря на то, что «Сокращенный» свод сокращает, в нем имеются конкретные сведения, отсутствующие в Ермолинской; так, в Ермолинской нет о поставлении епископом Феофила в Новгород; нет о том, что Андрей Васильевич Большой стоял в Серпухове с Муртазой царевичем, сыном казанского царя.

Мы рассматриваем отрезок с 6955 г., откуда Хронографический список расходится с Новгородской IV летописью. Если же сравнить Ермолинскую летопись в части до 6955 г. с общим источником Сокращенного свода 1493 г. и списка Царского, то увидим еще более значительные расхождения. В Ермолинской нет, например, под 6938 г. интересного рассказа, имеющегося в списке Царского и в Сокращенном своде редакции 1493 г., о съезде у Витовта с участием «великого князя» Василия Васильевича, короля Ягайла Ольгердовича, «куньштера» немецкого, митрополита Фотия, кардинала римского, «великого князя» Бориса Тверского, воеводы «волошьского», короля чешского и др.; под 6940 г. нет о посажении Василия Васильевича на великое княжение Мансырь-уланом и о том, что великий князь обручился с Марией Ярославной. Под 6943 г. в списке Царского и Сокращенном своде отсутствует подробный рассказ о событиях в Заозерье и в Устюге, включенный в Ермолинскую летопись. А под 6944 г. отсутствует подробный рассказ о событиях в «Ростовской области». В Ермолинской значительно обширнее текст под

⁴² С 6981 (1473) г. соотношение резко меняется: в Ермолинской изложение краткое по сравнению с «Сокращенным» сводом, а не наоборот.

6946, 6947, 6949, 6950, 6951, 6952 гг., в частности, о событиях в Устюге, о чем мы упоминали выше.

Итак, основной источник Ермолинской летописи имел свои специфические особенности, а «Сокращенный» общерусский свод — свои. Круг интересов составителя основного источника Ермолинской летописи определялся кругом интересов ростовской владычной кафедры. Но это не была узкоместная летопись, а был свод с общерусским кругозором.

Анализ текстов Ермолинской летописи не будет достаточно основательным, если мы не привлечем тексты еще одного памятника, среди источников которого тоже была одна из редакций «Сокращенного» общерусского свода. К тому же памятник этот был составлен в городе, лежавшем на территории ростовской епархии. Город этот — Устюг. Устюжский свод, короче говоря, родствен основному источнику Ермолинской летописи как по составу, так и по месту происхождения. Оба они принадлежали к новому типу летописей, порожденных общественно-политическим развитием страны: к типу общерусских провинциальных сводов, т. е. одновременно и местных, по окраске, и общерусских по составу материала.

К началу XIII в. Устюг, стоящий при устье р. Юга на Сухоне, вырастает как крайний на Северо-Востоке форпост со стороны ростовских владений. Все данные говорят за древнюю связь Устюга именно с городом Ростовом. Когда в начале XIII в. Ростовское княжество выделилось как особое в составе Ростово-Суздальской земли, в пределы княжества вошел и Устюг; и когда в начале того столетия ростовская епархия разделилась на ростовскую и владимирскую, Устюг оказался в составе первой. Уже в те времена существовал с Устюга путь «на верхъ Камы», связывавший Устюг с Приуральем. В подражание Ростову в Устюге была воздвигнута Успенская церковь (в 1290 г.) и при ней был придел св. Леонтия, почитание которого тоже, конечно, перешло из Ростова⁴³. Под влиянием ростовской «владычной» среды, надо думать, при Успенском устюжском соборе начались местные записи. Местные устюжские известия начинаются в Устюжском своде с XIII в., однако трудно определить, когда при устюж-

⁴³ В Устюге существовал «Леонтьевский конец» — Щекатов. Географический словарь Российского государства, ч. I. М., 1801, стр. 768.

ском соборе начались систематические записи, так как устюжские известия проходят не систематично, а записи при Успенском соборе с точной датой обнаруживаются в известиях последней четверти XV в.

Работая над Устюжским сводом, составитель проявил интерес к истории ростовского Успенского собора (см. под 1154, 1187, 1224 гг.) и к политической истории Ростовского княжества (см. под 1286, 1287, 1288, 1290, 1295 гг. и т. д.). Из Ростова в Устюг могла попасть и редакция «Сокращенного» общерусского летописного свода.

Сначала устюжский Успенский собор зависел от ростовского владыки и ростовского князя. Позднее стал зависеть от великого князя и ростовского владыки. Но случилось это не сразу. Было время, когда и связи с Ростовом ослабели. Согласно летописной записи под 1399 г., когда представитель Новгорода вел переговоры с «устюжанами» (т. е., вероятно, с «лучшими людьми» г. Устюга), в Устюге были ростовский князь Юрий Андреевич и ростовский владыка Григорий. И в то же время с «устюжанами» действуют также их «князи» («съ своими князи»). Местные князья в Устюге появляются, судя по источникам, в период сильного давления татар на Ростов, когда центростремительные силы ослабели: впервые упоминаются устюжские «князи» в 20-х годах XIV в.

Со временем, особенно с конца XIV в., с изменением всей общественной ситуации, возрождается интерес великокняжеского стола к Двинскому северу, к Приуралью и Прикамью, на путях к которым лежал Устюг. В Устюге появляется «наместник» великого князя⁴⁴. В Новгороде на Устюг смотрят, как на город, принадлежащий к великокняжеским владениям⁴⁵.

В процессе образования централизованного государства, с полным переходом Ростова под власть Москвы (в 1474 г.) полностью прекратились и номинальные отношения зависимости Устюга от ростовских князей. С этого времени должен был измениться и характер зависимости устюжского Успенского собора, где велось летописание, от владычной ростовской кафедры. Именно в свете этих отношений, порожденных образованием Московского центра-

⁴⁴ Уставная Двинская грамота 1398 г. — ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 13.

⁴⁵ Новгородская I под 6901 г.

лизованного государства, надо рассматривать и известный в литературе факт: не позднее 1481 г. (между 1467 и 1481 гг.) великий князь по просьбе «устюжан» (точнее — «лучших», наиболее знатных) вмешивается в их отношения с ростовским архиепископом, ограждает владетельные права причта и освобождает соборный устюжский причт и их крестьян от суда архиепископских десятильников и помещельских. Судит теперь их только сам великий князь или сам архиепископ⁴⁶.

В той же связи с новыми отношениями, сложившимися в период образования Московского централизованного государства, нужно объяснить и то, что в 1491 г., согласно известию Устюжского свода, причт Успенского устюжского собора обратился не к архиепископу ростовскому, а к великому князю Московскому с просьбой о восстановлении погоревшего церковного здания, и великий князь отдал распоряжение ростовскому архиепископу Тихону⁴⁷.

На эти годы, между 1474 и 1516, падает составление того первого устюжского свода, в составе которого был использован «Сокращенный» общерусский свод. Нетрудно заметить, сравнивая год за годом текст «Сокращенного» свода в редакции 90-х годов XV в. с Устюжским летописным сводом, что в последнем их общий источник не переходит за 1474 г.⁴⁸ Знакомство с дошедшей редакцией «Сокращенного» свода не разъясняет этого факта. И при-

⁴⁶ Д. Мейчик. Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции. М., 1884, стр. 100—101. Цит. по статье: К. Н. Сербина. Устюжский летописный свод. — «Исторические записки», т. 20, 1946, стр. 252, прим. 1.

⁴⁷ «Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, под 6999 г. В 1500 г. архиепископ ростовский Кирилл дал протопопу Устюжской соборной церкви грамоту на право освящать церкви во всем Устюжском уезде. А в 1554 г. ростовский архиепископ Никандр «по царскому государеву великого князя слову» посылал в Устюг своего казначея и «мастеров» ставить в Устюге кирпичную соборную Успенскую церковь. — «Акты Холмогорской и Устюжской епархии», ч. I. — РИБ, т. XII, СПб., 1890, стр. 123—126.

⁴⁸ Наблюдение это согласуется со следующим кратким замечанием А. А. Шахматова в статье «Летописи» Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: «Архангелогородская л[етопись] в дошедшей редакции восходит к началу XVII в., ибо доводит изложение до 1598 г., но основана она на более древнем своде, составленном в Великом Устюге и доведенном до 1516 г.; в части до 1473 г. одним из источников свода оказывается упомянутая выше л, использования списком Царского (Погодинский 1409 и др.)...».

ходится предположить, что составитель Устюжского свода пользовался Сокращенным сводом в редакции 1474 г. После 1516 г. в оригинале Устюжского свода шли, как будто, краткие приписки с 1530 г. до конца.

В литературе отмечалось, что составитель Устюжского свода сочувствует объединительной политике великих князей московских, которые во второй половине XV в. были носителями идеи объединения Руси в централизованное государство; отмечалось, что в своде этом дается картина планомерного наступления Московского государства на Новгород и его Двинские земли, с одной стороны, и на народы Приуралья и Поволжья, — с другой⁴⁹.

Такое идейное направление не означало, однако, что Устюжский свод не имел своего лица, во всем следуя великокняжеской ориентации в оценке событий и в тематике, в подборе самих известий. Приведем примеры. Как известно, Иван III в 1502 г. наложил «опалу» на внука своего Дмитрия и на его мать Елену, запретив называть его «великим князем», и посадил их «за приставы». Дмитрий умер спустя три года после смерти Ивана III. Свод митрополичьей ориентации, называя все же Дмитрия «благотворным князем великим всея Руси», сообщал, что умер он «в нуждѣ и в турмѣ» (т. е. в тюрьме). Устюжский свод рассказывает о том, что предшествовало его смерти: после смерти Ивана III Дмитрий был посажен «в желѣза» своим дядей, старым конкурентом на великокняжеский стол Василием Ивановичем, «в полату тѣсну» (7015 г.). Еще более показательна попытка составителя Устюжского свода в возможно благоприятном свете выставить удельного углицкого князя Андрея Васильевича, к которому Иван III относился с большой неприязнью; неприязнь эта главы Московского централизованного государства к Андрею предредила трагическую судьбу последнего. Под 1480 г. упоминается о «неправде» великого князя к братьям Андрею и Борису Васильевичам. А бегство Ахмата объясняется тем, что тот узнал о примирении великого князя «з братьею», т. е. с Андреем и Борисом (под 6989 г.). Смерть Андрея освещена в Устюжском своде не так, как в великокняжеском, митрополичьем и в Сокращенных сводах (см. Симеоновскую, Уваровскую № 1366, Софийскую II, Сокращенные своды и др.), где

⁴⁹ К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 270.

«поимание» Андрея Васильевича объяснено как результат его «измѣны»: ему не только припомнили его сношения с Казимиром, но и обвиняли в том, что он «посылал грамоты к царю Ахмату Большие Орды, приводя его на великого князя, на Рускую землю ратию», а также отказался послать свое войско против татар. В Устюжском своде под 7000 г. ни об «измѣне», ни о какой-либо вине Андрея не упоминается, но описывается, как он был схвачен в комнате, называемой «западней»; приводятся слова Андрея в разговоре с Ряполовским, что великий князь его «неповинно... имает»; говорится, что он сидел в «западнѣ до вечерни», как он был закован («и желѣза возложиша сентября в 22 день»), как были захвачены в Угличе его приверженцы и как спустя два года он «преставися... в заточенье и в желѣзах».

Появление общерусских летописных сводов в Новгороде и в Твери (в 30—50-х годах XV в.) служило своеобразным показателем роста потребности к объединению, возникшей в разных районах страны.

Во второй половине XV в. общерусское летописание получило широкое распространение на русской территории. Появляются «Сокращенные» общерусские своды, о которых мы можем сказать, что судьба их была в значительной мере связана с судьбой новгородского владычного летописания и летописания в пределах ростовской епархии. Общерусским был и ростовский владычный свод. В нем отражено высокое представление о великокняжеской власти, о ее назначении. Поведение Великого Новгорода по отношению к Москве (под 1471 г.) оценивается, как «измѣна и неисpravление». Общерусским является и Устюжский летописный свод.

Борьба с татарами и объединение феодальной Руси нашло богатое отражение в общерусских летописных сводах. Но вместе с тем в них отражается и критическое отношение к некоторым сторонам жизни и к событиям. В Сокращенных сводах и в Устюжском находим новые известия (по сравнению с Софийской II) о событиях с критической их оценкой. Так, под 6976 г. — об Айдаре, постельнике великого князя, из-за которого будто бы провалилась операция против татар на берегу Волги, а под 6977 г. — о воеводе из «середних бояр» Иване Дмитриевиче Руно, который «поноровил» татарам, избавив их от разгрома под Казанью. Устюжский свод сооб-

идает при этом детали, которых нет в тексте Сокращенного свода начала 90-х годов (например, топографическая деталь: «на Звеничѣ бору» под 6976 г.; сведения о «нелюбье» между воеводами судовой рати под 6977 г.). А это указывает на то, что Сокращенный свод, которым пользовался составитель Устюжского свода, был особой редакции. Иными словами, подтверждается вывод, который был сделан нами выше.

В Ермолинской летописи, повторяем, не только нет саркастических выпадов по адресу военачальников, но сами позорные эпизоды затушеваны, смягчены. Только о Перхушкове, который был наказан великим князем за то, что «норовил» вятчанам, сведения сообщаются (под 6966—6967 гг.). Но зато в Ермолинской летописи осуждаются жестокости, творившиеся именем великого князя (в Угличе), а также некоторые методы, с помощью которых великокняжеские доверенные лица пытались укрепить централизацию, действуя на ярославской территории.

Основной источник Ермолинской летописи, кончавшийся на 1472 г., составлялся тогда, когда Ростов еще полностью не отошел к Москве, т. е. до 1474 г. Этим объясняется разница в оценке событий между Ермолинской летописью и Типографской, сохранившей более позднюю редакцию ростовского владычного свода. Ростовский же владычный свод 1472 г., вошедший в состав Ермолинской летописи, завершен был при ростовском архиепископе Вассиане Рыло (около 1472 г.), а материал подготовлялся еще при архиепископе Трифоне⁵⁰. К В. Д. Ермолину же он попал или непосредственно из рук представителя высшей церковной иерархии, или был им получен в Троице-Сергиевом монастыре. Архиепископ ростовский Вассиан Рыло был не раз на протяжении примерно 11 лет игуменом Троице-Сергиева монастыря, и в бытность свою ростовским архиепископом, по всей вероятности, сохранял связь с этим монастырем.

Нам остается еще дать разъяснение на материале первоисточников, откуда могли попасть в Ермолинскую летопись, точнее, в ее основной текст некоторые новые сведения, связанные с Федором Басенком.

⁵⁰ Напомним, что в списке ростовских архиепископов в Ермолинской летописи последним назван Вассиан Рыло, а в аналогичном тексте Уваровской № 188 — Трифон.

Прежде всего, надо точно установить, какие вообще сведения о Ф. Басенке внесены в Ермолинскую летопись и какие из них новые. Речь идет именно об Ермолинской летописи, ибо большинство сведений о Ф. Басенке, которые имеются в Ермолинской, отсутствуют в Сокращенном своде начала 90-х годов. Так, об участии Ф. Басенка в походе на Мустафу под 6951 г. в Сокращенном своде нет. Нет в нем под 6953 г. о бегстве Ф. Басенка в Литву «изъ желъвъ» и о том, что, придя затем к Коломне «изгономъ», он пограбил села и посад; нет выражения «удалый воевода» под 6964 г.; и очень кратко, по сравнению с Ермолинской, сообщается под 6968 г. о покушении на Ф. Басенка в Новгороде шильников.

Оказывается, что составитель основного источника Ермолинской летописи не включил в текст ряд сведений о Ф. Басенке, которые свидетельствовали о его верности великому князю Василию Васильевичу и которые имелись в Московском своде 1479 г. и в митрополичьей редакции, сохранившейся в Софийской II летописи, где подчеркнуто, что Ф. Басенок «не восхотѣ» служити Шемяке: о том, что Шемяка повелел «възложити на него желъза тяжкы», и о подробностях бегства. (Но Ермолинская почему-то подробнее сообщает об ограблении им окрестностей Коломны). Нет в ней о том, что Ф. Басенок получил в Литве Дебрянск. Под 6955 г. Ермолинская не сообщает, что Ф. Басенок с боярами «великого князя» хотел идти «искати великого князя». Нет в ней под 6957 г. о том, что великий князь послал Ф. Басенка с Иваном Стригой — «двор великого князя» — под Кострому, где находился Шемяка; нет под 6960 г. о том, что великий князь послал «двор свои», в том числе Семена Оболенского и Федора Басенка, к Устюгу, где стоял Шемяка.

Что же имеется в Ермолинской летописи нового, оригинального о Ф. Басенке? Весьма немного: выражение «удалый воевода»; слова об участии Ф. Басенка в походе на Мустафу («тогда же мужьствова Феодоръ Васильевичъ Басенокъ») и подробности о покушении шильников. Объяснение этих деталей в ростовском владычном своде находим при анализе других владычных сводов, где включены в текст аналогичного характера упоминания о некоторых лицах. Но предварительно отведем одно умозрительное предположение. Можно было бы допустить, что немногие новые сведения о Ф. Басенке в ростовский

владычный свод попали из кратких летописцев Кирилло-Белозерского монастыря, так как монастырь принадлежал к ростовской епархии, и доподлинно известно, что летописание там велось и туда в 6981 г. приехал жить Басенок, который еще в 6971 г. попал в опалу и был ослеплен через год и 5 месяцев после смерти великого князя Василия Васильевича. Но Басенок приехал жить в монастырь после того, как основной источник Ермолинской летописи был составлен, судя по тому, что он кончался 6980 г. А главное: в Кирилло-Белозерском кратком летописце Григория Тушина, из которого мы узнаем об ослеплении Басенка, нет ни одного известия о нем до его ослепления. С другой стороны, в Ермолинской летописи и других больших сводах ничего не говорится об его ослеплении и жизни в Кирилло-Белозерском монастыре. Ничего нет о Басенке и в кратком Кирилло-Белозерском летописце Погодинского собрания ГПБ № 1554 на лл. 13—17 и в кратком Кирилло-Белозерском летописце ГПБ, Погод. № 1554 на лл. 20—26 об. А в кратком Кирилло-Белозерском летописце той же рукописи на лл. 2—10 об. есть под 6963 г. известие о том, что «Иван Юриевич да Басенок многих татар побили на Коломне», о чем в Ермолинской летописи рассказано подробнее, но без упоминания об Иване Юрьевиче.

Теперь обратимся к новгородским владычным сводам, где имеются аналогичного характера вставки о некоторых лицах, но значительно более выразительные. Я разумею, во-первых, интерполяции, сделанные в интересах Квашниных, и, во-вторых, вставки о Тучковых. Они служат примером того, как в тексте владычной летописи могли получить отражение интересы феодала или его рода. Свод, к которому мы обратимся, отнюдь не представлял собою какую-либо острую неофициальную традицию и вышел не из военной среды, а принадлежал к числу новгородских владычных летописных сводов. Иными словами, памятник, принадлежавший к владычному летописанию, отразил интересы боярского рода, и, кроме того, не случайно выдвинул двух представителей другого рода.

В Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится рукопись с летопис-

ным сводом, опубликованным во втором выпуске второго издания Новгородской IV летописи, в ПСРЛ, т. IV (1925 г.). Я имею в виду список Дубровского Новгородской IV летописи, о котором еще в начале нынешнего века появилось в печати текстологическое исследование А. А. Шахматова⁵¹. Не касаясь вопроса о составителе свода, А. А. Шахматов путем сличения списка Дубровского с летописью сборника Московского государственного архива министерства иностранных дел № 20/25 и другими установил состав летописного свода 1539 г. (список Дубровского): в основании его лежит Новгородская IV летопись с дополнениями, продолженная текстом московского и новгородского владычного свода; список Дубровского был составлен в 1542—1548 гг.

Свод 1539 г. содержит известия владычного новгородского летописания. Учитывая это, а также имея в виду удельный вес известий этих в тексте свода, сохранившегося в двух рукописях, и роль, которая отводится в изучаемом своде архиепископу Макарию, бывшему архиепископом Новгорода Великого с 1526 по 1542 г., необходимо думать, что летописный свод 1539 г. был составлен «по повелению» архиепископа Макария. Составлен он или в Новгороде, когда состоялось назначение Макария в Москву (на кафедру митрополита), или в Москве, куда могли перевезти новгородские летописные материалы (ср. Архивский сборник № 20/25 и Отрывок русской летописи в Воскресенском Новоиерусалимском сборнике, напечатанный в ПСРЛ, т. VI).

В своде 1539 г. текст, заимствованный из Новгородской IV летописи, дополнен новым материалом; в дополнениях можно проследить ряд известий, сделанных с определенной целью: возвеличения боярского рода Квашниных. Под 6840 г. читаем о том, что к Ивану Даниловичу Калите приходил «нѣкто отъ киевскихъ благоплеменитыхъ вельможъ служити Родионъ Нестеровичъ» с сыном Иваном, с княжатами и детьми боярскими и «двора его до тысячи и до семисотъ», что великий князь принял его «с радостию», дал ему «на Москвѣ боярство и устави ему надо всеми болшинство и дать ему въ вотчину поль

⁵¹ А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. — ЧОИДР, 1904, кн. 1, отд. I; он же. Статья «Летописи» в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Волока Ламского, а другая бысть половина Новгородская»; далее — об отношениях Родиона Нестеровича к новгородскому посаднику Микуле; о том, что великий князь дал Родиону «село во область, кругъ реки Восходни на пятинацати верстахъ»; о том, как боярин «Онкифъ» Гаврилович не захотел быть «подъ Родиономъ в меншихъ» и отбежал в Тверь и как одного из внуков последнего прозвали Михаилом Челядней. Под 6841 г. читаем о том, как наученный Акинфом тверской князь отнял у великого князя «волость Вьюлки отъ Переяславского города»; под 6843 г. — о том, что великий князь посылал воевод своих Родиона Нестеровича и других в Литовскую землю; под 6845 г. — пространный рассказ о том, как Родион Нестерович освободил Ивана Даниловича, осажденного в Переяславле тверским войском, которое возглавлялось Акинфом, причем «самого Окинфа Родионъ рукама своима уби, и главу его отсѣкъ привезе, взотнувъ на копие, к великому князю и рекъ: се, господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника глава», и великий князь, одарив его, сказал: «...Подобаеть ти и всегда у меня начальникомъ быти...» Под 6888 г. сообщается о том, что в своем войске Дмитрий Донской имел «нѣкоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню» и других; и ниже — о том, что раненого Донского «в дуброве» нашли бывшие «в полку у воеводы Ивана Родивоновича Феодоръ Сабуръ да Григорѣи Холопищевъ»; наконец, под 6897 г. — о том, что великий князь, составляя духовную, поручил жену и детей нескольким боярам — «вѣрнейша паче всехъ», в числе которых летопись называет Ивана Родионовича и Ивана Федоровича Квашнина. В духовных Дмитрия Донского в числе послухов упоминаются Иван Родионович и Иван Федорович, но последний без прибавления «Квашнин»⁵². Что же касается Ивана Родионовича Квашнина, то он был родоначальником рода Квашниных.

Уже такие выражения, как «твоего измѣнника, а моего мѣстника» или «не восхотѣ быти подъ Родиономъ в меншихъ», заставляют предполагать вставку XVI в., сделанную в связи с местническими счетами. Имеются и точные данные. Акинф был родоначальником Бутурлиных. Сохранилась местническая челобитная Ждана Ивановича Кваш-

⁵² ДиДГ. М.—Л., 1950, стр. 25, 37.

нина на Л. А. Бутурлина 1575 г.⁵³ И в эту челобитную был включен тот текст о Родионе Нестеровиче (о его приезде к Ивану Калите и его отношении с Акинфом и о борьбе с ним, закончившейся торжеством Родиона), который мы читаем в списке Дубровского и в Архивском сборнике № 20/25, т. е. в своде 1539 г. Текст в летописи и в челобитной почти тождественный.

Так, в летописи не прибавлено прозвище (Квашня) к имени «Иван», нет о Бутурлиных в рассказе об Акинфе Гавриловиче, нет о том, что Акинфа дочь «была за Иваном Родионовичем», и о том, что «государевы дворяне и всякие ратные люди учили правиться с Окином под городом». А в челобитной нет (под 6840 г.) о княжатах и детях боярских и о количестве его «двора»; нет также о посаднике Микуле, о пожаловании Родиону половины Волока Ламского и о пожаловании ему земель «кругъ реки Восходни на пятинатцати верстахъ». Но без всякого сомнения, у летописных известий под 6840 и 6845 гг. и у челобитной 1575 г. был общий источник.

Производя вставку в летописный текст, составитель летописи имел в виду не только, по-видимому, местнические интересы, но и земельные интересы Квашниных.

Судьба подмосковной вотчины Квашниных на р. Всадне была изучена академиком С. Б. Веселовским, и, судя по известию 1390 г. Симеоновской летописи, Всадня в конце XIV в. уже принадлежала Ивану Родионовичу Квашне⁵⁴.

⁵³ Текст напечатан в кн.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, Приложение, стр. 7—12.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, под 6898 г.; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 193 и сл. На данные генеалогических преданий ссылался В. О. Ключевский и, говоря о ранней колонизации Московского края, указывал, что боярин Родион привел с собою из Киева двор в 1700 человек. — В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. Пг., 1918, стр. 9. Но данные эти писались в XVI в., и в них истина могла переплетаться с вымыслом. Напомним о записи в Бутурлинской разрядной книге о «затейках» (выдумках), включенных (интерполяции) в интересах квашнинского рода в текст Разрядной книги Фомой Ивановичем Квашниным: «А списана сия книга с Мелентьевой книги Клементьевича Квашнина, а Мелентьева книга Фоминская книга Иванова Квашнина не зѣло справчива, много и затеек написано: писал затейки много Фома Иванович Квашнин, чего в государевых разрядах и не бывало, своими прилоги, для своего Квашниных роду». — ГИМ, Увар., № 593, 1°; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 332).

Летописный свод 1539 г. получил распространение в составе сборника, заключавшего в себе еще «летописчик вкратце», сказание о владимирских князьях, родословие великих князей литовских, родство князей русских, список с грамоты митрополита Алексея, ханские ярлыки, «литовскому роду починок» и повесть о Казарине. Об этом свидетельствуют два сборника, состав которых полностью не совпадает.

В обоих сборниках мы встречаем в тексте свода 1539 г. приведенные нами выше известия о Родионе Нестеровиче и другие вставки одного с ними происхождения. Это позволяет думать, что все эти сведения находились в своде 1539 г., т. е. были включены составителем «владычного» свода. Кто же из Квашниных мог иметь отношение к составлению летописного свода 1539 г. архиепископа Макария или соприкасаться с его составителями? Не служил ли у архиепископа Макария в Новгороде кто-нибудь из Квашниных?

В Родословной книге, изданной в т. X «Временника Московского общества истории и древностей российских», в разделе «Род Квашниных», читаем: «... а у Олександра у Рубцова дѣти, Ондрей да Иван, служат в Новѣгородѣ у владыки»⁵⁵. Об Александре известно, что в 1532 г. он получил часть квашнинской вотчины на Восток⁵⁶, а позже, в 1548 г., его посылал царь из Владимира «по отца своего Макария митрополита»⁵⁷. Таким образом, Александр или Иван Квашнин могли близко стоять к составителям свода 1539 г. или получить сами «повеление» Макария в последнее время его архиепископства в Новгороде или после назначения его митрополитом в Москву работать по составлению летописного свода, быть в числе составителей. Знаем, что Макарий поручал светским людям литературную работу. Так, в 1537 г. Макарий «повелѣ писати повѣсть» о Михаиле Клопском, жившем «во области Великого Новаграда», приехавшему в Новгород боярину Василию Михайловичу Тучкову, причем пере-

⁵⁵ «Родословная книга». — «Временник МОИДР», кн. X. М., 1851, стр. 92.

⁵⁶ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 39.

⁵⁷ П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — ЧОИДР, 1902, кн. 1, стр. 137.

дал ему необходимые материалы⁵⁸. Сведения о том, как Макарий поручил Тучкову писать житие Михаила Клопского, черпаем не только из самой «повести», составленной Тучковым в 1537 г., но, что всего интереснее, из изучаемого текста свода 1539 г. Об этом событии рассказано здесь под 1537 г. в особой редакции, хотя и заметно, что составителю знаком был и текст «повести». Оказывается, составитель летописи позаботился сообщить также, что в 1533 г. великий князь прибавил «к собѣ в думу к духовной грамоте» Михаила Васильевича Тучкова, отца Василия Михайловича, и что в числе бояр, которым великий князь Василий Иванович, умирая, поручил управление государством, был Михаил Васильевич Тучков. Рассказывая же под 1537 г. о Василии Михайловиче, составитель восхваляет его, давая применительно к боярину необычные для летописного текста эпитеты, и пишет о нем: «...сынъ боярской храбръ воинъ» или «сеи храбрыи воинъ... Василѣи свѣтлое око, и всегда во царскихъ домѣхъ живыи и мяккая нося и подружие законно имѣя» и «селика разума о[тъ] господа сподобися». Эти выражения также выделяются на общем фоне летописного рассказа, как и выражения Ермолинской летописи о Басенке: «...тогда же мужьствова Феодоръ Васильевичъ Басенокъ» (6951 г.) или «Басенокъ удалый воевода» (6964 г.).

О Михаиле Васильевиче Тучкове и сыне его Василии Михайловиче мы читаем не только в списке Дубровского, но и в Архивском списке № 20/25, а о Василии Михайловиче также и в Отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, в котором был тоже использован владычный свод 1539 г.; сведения о Василии Тучкове были, видимо, включены в текст свода 1539 г. его составителем или, во всяком случае, на начальной стадии литературной истории свода.

Судя по тому, что эпитет «удалый» применяется в ростовском материале не только к Басенку, но и к похороненному в Ярославле Горсткину, всего вероятнее, что выражение «удалый воевода» в рассказе о походе на Новгород 1456 г. принадлежит составителю ростовского владычного свода. Сам свод составлялся вскоре после похода на Новгород 1471 г., на который великий князь получил

⁵⁸ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, стр. 272—274; ГИМ, Синод., № 178.

благословение от митрополита и «архиепископа Васияна Ростовскаго»⁵⁹; положение Новгорода, где обнаружилось тяготение к «латинскому кралю», сильно волновало в эти годы представителей высшей церковной иерархии. Желание же подчеркнуть роль Басенка в борьбе с Мустафой и притом в таких выражениях — «тогда же мужьствова Феодоръ Васильевичъ Басенокъ» — опять-таки заставляет думать о составителе ростовского владычного свода. Напомним, что говорится в Типографской летописи под 6989 г. (в тексте ростовского владычного свода) о борьбе с татарами: «а добри и мужественни, слышавша сия, притяжоуть бра[нь] къ брани и моужество к моужеству за православнуе (sic!) хрестьяньство противу бесermenствоу...»⁶⁰. Со слов Басенка могли записать и подробности о покушении на него шильников. Где он жил после опалы и ослепления в 1463 г., мы не знаем. Но возможно, что ему оказала покровительство ростовская архиепископская кафедра; только в 6981 (1473) г. он поселился, как мы говорили, в находящемся в пределах ростовской епархии Кирилло-Белозерском монастыре, у которого с ростовской епархиальной властью были постоянные сношения⁶¹; позднее монастырь стал в зависимое отношение к Москве⁶².

Изложенное объяснение представляется нам наиболее вероятным. Предполагать, что немногие добавления о Басенке были вставлены при переписке ростовского владычного свода в Троице-Сергиевом монастыре — оснований не имеем. Известен, например, летописный свод в рукописи, принадлежавшей в XVI в. Троице-Сергиеву монастырю, в котором к летописному своду тем же почерком (середины XVI в.) приписаны пространные известия, как видно из содержания, лицом, близким к Оболенским (или самим Оболенским); но есть указания, что Оболенские в XVI в. были связаны с Троице-Сергиевым монастырем⁶³. Леген-

⁵⁹ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 192.

⁶⁰ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 201.

⁶¹ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. 1. СПб., 1897, стр. 23—24. О других данных см. ниже.

⁶² Там же, стр. 23.

⁶³ ГИМ, Синод. № 645; М. Н. Тихомиров. Летописные памятники 6. Синодального (Патриаршего) собрания. — «Исторические записки», т. 13. М., 1942, стр. 273—274; «Список погребенных

дарный рассказ о выезде «из Прусския земли» предка Воейковых к Дмитрию Донскому был включен в какую-то «записную летописную книгу», принадлежавшую в XVII в. Троице-Сергиеву монастырю⁶⁴. Но о связях Ф. Басенка с Троице-Сергиевым монастырем данных нет.

Все сказанное выше не свидетельствует об особом боярском или вообще частном летописании, как особой разновидности летописания. Еще в середине прошлого столетия И. Д. Беляев выделял «фамильные или частные» летописные своды в особый разряд летописных памятников как особый вид летописания⁶⁵. В настоящее время, когда публикация и разработка летописей значительно подвинулись вперед, говорить об особом боярском или вообще «частном» летописании как особой разновидности летописания едва ли возможно без существенных оговорок.

По своему составу такие «частные» своды оказываются обычно не самостоятельными, а представляют собой копии каких-либо известных летописных сводов, но лишь с небольшими вставками, сделанными в интересах данного «частного» лица — феодала или его рода.

Так, воевода Собакин распорядился переписать летописный свод, вышедший из Псково-Печерского монастыря, но с некоторыми добавлениями в интересах своего рода⁶⁶. Другой феодал — Федор Кириллович Нормантский — взял летопись типа Воскресенской, близкую к списку Карамзина, и распорядился воспроизвести ее с добавлениями в интересах рода Нормантских⁶⁷. Подобные вещи могли

в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года». М., 1880, стр. 808—811.

⁶⁴ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 427.

⁶⁵ И. Д. Беляев. О разных видах русских летописей. — «Временник МОИДР» кн. V. М., 1850, стр. 10 и сл.

⁶⁶ «Псковские летописи», вып. I. М., 1941, введение; вып. II. М., 1955; А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания.

⁶⁷ А. А. Шахматов. Рецензия на труд Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков». — ИОРЯС, т. IV, кн. 4. СПб., 1899, стр. 1481. Недавно опубликованный «Пискаревский летописец» — романовской ориентации и составлен лицом, явно сочувствующим Шуйским. Происхождение летописца пока не выяснено. Издатель О. А. Яковлева, обнаружившая летописец, полагает, что одним из источников для составления летописца послужили записи москвича-современника. Следы соединения разных источников

делаться и делались, как мы видели, в XVI в. Но летописные своды эти не носили самостоятельного характера, и не создавалась «родовая» традиция летописания.

В ином плане писал о «частном», неофициальном летописании исследователь прошлого столетия И. А. Тихомиров. Он разумел летописи, содержащие высказывания оппозиционного характера, которые могли «набросить тень» на правительство, и имел в виду тексты Софийской II летописи⁶⁸; но о них мы уже достаточно говорили выше.

видны, между прочим, там, где составитель упоминает о неполноте, о пропусках, сделанных в его летописном источнике. Первая, неопубликованная часть летописного текста, кончающаяся 1431 г., представляет собою текст общерусского свода, содержащий в числе других нить новгородских известий; под 6843 г. помещено «Сказание о белом клобуке», что дает материал, помогающий хронологическому определению этого текста. Владевший в XVIII в. этим летописцем М. Полевский довольно грубо переделал в нескольких местах фамилию Палецкий на Полевский. — «Пискаревский летописец» (Подготовка текста, вводная статья, примечания и указатель О. А. Яковлевой). — «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955, стр. 12, 13 и др.

⁶⁸ И. А. Тихомиров. Обзорение состава московских летописных сводов — ЛЗАК, вып. X. СПб., 1895, стр. 82—83.

Глава десятая

Мы рассматривали самостоятельное общерусское митрополичье летописание последней четверти XV в., его отношение к политике, проводившейся великокняжеской властью. Новые материалы, ранее неизвестные, малоизвестные и не опубликованные в настоящее время, показывают, что традиция общерусского (невеликокняжеского) летописания продолжалась и в конце XV в., и в XVI в.; отголоском этой традиции можно считать летописание патриаршего направления XVII в.

Формирование и укрепление централизованного государства, усиление московской великокняжеской власти не могло не повлиять на характер и направление общерусского летописания, не только великокняжеского. В первой половине XVI в. наблюдаются признаки более тесного сплетения и взаимного проникновения тех общерусских летописных сводов, которые нельзя считать великокняжескими или которые связаны с именами русских митрополитов, и сводов официально-правительственных. Вместе с тем в отдельных случаях в некоторых общерусских сводах XV—первой половины XVI в. можно найти и признаки оппозиционных настроений, вскрывающих глухую напряженную внутрикласовую борьбу.

Во второй половине XV—первой половине XVI в. возрастает значение Троице-Сергиева монастыря как центра летописания. С летописной работой в этом монастыре следует связывать происхождение и некоторых недавно (впервые) опубликованных сводов.

Еще четверть века назад, когда летописание второй половины XV—XVI в. было мало изучено, когда ряд важных памятников не был опубликован, а некоторые своды конца XV—XVI в. не были известны совсем, было возможно противопоставлять монастырские летописные своды того времени летописным сводам «митрополичьим» или «владычным». Теперь такое противопоставление едва ли возможно, во всяком случае без существенных оговорок, хотя и нет основания отождествлять две названные категории. Иными словами, считаем целесообразным не противопоставлять летописание Троице-Сергиева монастыря второй половины XV—XVI в. летописанию митрополичьему, а раскрывать признаки связи между летописанием митрополичьим и деятельностью Троице-Сергиева монастыря в течение XV—XVI вв.

Среди многочисленных источников первого общерусского митрополичьего свода — свода митрополита Киприана, или Троицкой летописи 1408 г., сгоревшей в пожар 1812 г. и реконструированной М. Д. Приселковым, исследователь отмечал троицкий монастырский источник, который «представлял собою нечто вроде исторической записи о монастыре и его основателе, а вероятнее, даже первую попытку „жития“ этого основателя»¹. По М. Д. Приселкову, включение в свод 1408 г. житийного источника, и особенно похвалы Сергию, объясняется тем, что «в лице Сергия Киприан имел своего преданного политического единомышленника, на которого он смело опирался в пору своей борьбы за митрополию против московского великого князя»².

Надо отдать честь наблюдательности М. Д. Приселкова. Заметим только, что в графической схеме он называет троицкий источник «Житием Сергия», а в тексте не делает попытки согласовать это положение со словами так называемой «Епифаниевой» редакции: «Дивлю же ся о семъ, како толико лѣтъ минуло, а житие его не писано... пречюдными и преподобными отънели же преставися 26 лѣтъ преиде, никто же не дръзняше писати о немъ, ни далнии,

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. (далее — М. Д. Приселков. История). Л., 1940, стр. 132.

² Там же, стр. 133.

ни ближнии, ни болшии, ни меншии...». Епифаний имел «у себя за 20 лѣтъ приготованы такового списания свитки, в них же бѣаху написаны нѣкиа главизны, еже о житии преподобнаго памяти ради: ова убо въ свиткахъ, ова же в тетратехъ...» и т. д.³ Что представляли собою монастырские записи Троицкой летописи: выдержки ли из записей о жизни Сергия или выдержки из монастырской «летописи», содержавшей более разнообразные сведения — сказать трудно. Черновые материалы Епифания не сохранились. Дошедший до нас труд Епифания о Сергии дает текст, как полагают, не первоначальный. До сих пор реконструкция текста самого Епифания (о Сергии) не произведена. К числу монастырских записей Троицкой летописи относятся следующие. Под 6883 г. — о болезни игумена Сергия: «разболѣся въ великое говѣние, и пакы здравъ бысть, вѣста къ Семенову дни»; за сообщением следует нравоучительное рассуждение в монастырском духе: «Да никто же чюдится, видя праведники божия въ болѣзни терпяща и въ трудѣхъ, а грѣшники здравы и въ лѣгкѣхъ пребывающа...» и т. д. Под 6892 г. — о смерти «чернеца» Ильи «на пентикостной недѣлѣ»; он был «келарь Сергиевъ игуменовъ»; дана его краткая характеристика и отмечено, что он был «въ послушаньи у святого старца, бывъ послушливъ и до смерти». Подобная же запись под 6895 г. о смерти «чернеца» Исакия, который был «молчалникъ, ученикъ великаго отца игумена Сергия, преподобнаго старца», причем дается довольно пространная его характеристика и перечисление его добродетелей. К числу монастырских записей надо отнести и характерную запись под 6900 г. о смерти игумена Сергия: «сентября въ 25 день, на память святыя преподобныя Ефросинии»; эпитеты («святый старецъ, чюдный и добрый и тихий» и т. д.) напоминают эпитеты в записи Печерского нижегородского монастыря о смерти Павла Высокого. Далее следовал, судя по реконструкции Троицкой летописи, некролог-похвала Сергию, кончающийся словами: «...слава въ вѣкы. Аминь». А за словом «аминь» шла обширная похвала Сергию, до нас не дошедшая.

³ «Великие Миней Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 25—30» (далее — «Великие Миней Четии»). — «Памятники славяно-русской письменности». СПб., 1883, стлб. 1464.

Из слов Н. М. Карамзина о ней («нет ничего исторического; один набор слов») можно заключить, что в литературном отношении текст был слабо обработан.

Уже при Сергии в Троице-Сергиевом монастыре были искусные «доброписцы», судя по отзыву источников об ученике Сергия Афанасии: «...и добросписания много руки его и до нынѣ свѣдѣтельствууютъ, и сего ради любимъ зѣло старцю (т. е. Сергию)...»⁴ С самого начала своей деятельности в Москве Киприан искал поддержки у Сергия, на что указывают грамоты, написанные Киприаном к Сергию⁵. И весьма возможно, что отношение монастыря к составлению первого митрополичьего свода не ограничивалось тем, что были вытребованы в канцелярию митрополита монастырские летописные записи или черновые наброски, относящиеся к жизни основателя монастыря. Сама харатейная Троицкая летопись принадлежала Троице-Сергиевому монастырю. Напомним, что есть признаки участия монастыря в составлении принадлежавшего монастырю сборника с Ермолинской летописью и в составлении одного из древнейших списков Никоновской летописи (списка Оболенского), тоже принадлежавшего монастырю.

Есть даже некоторые данные в пользу мнения, что Троице-Сергиевому монастырю принадлежала более активная роль в составлении первого митрополичьего свода, чем принято думать. Имеем основание считать, что появление в составе Троицкой летописи одного из «московских» источников было обязано Троице-Сергиеву монастырю.

Давно заметили, что в числе источников Троицкой летописи находился «**семейный летописец князя Владимира Андреевича Серпуховского**», или «серпуховский летописец»⁶. Приведем материал Троицкой летописи: под 6862 г. читаем о смерти Андрея Ивановича, 6 июня, и о рождении князя Владимира Андреевича, 15 июля; под 6882 г. — о том, как Владимир Андреевич заложил Серпухов и построил в Серпухове «на Высоком» монастырь и церковь, причем установил «праздник церкви» — 9 декабря, а под 6888 г. — о том, что в Серпухове, 15 июля, «в недѣлю»

⁴ «Великие Минеи Чети», стлб. 1440.

⁵ «Памятники древнерусского канонического права», ч. I (далее — «Памятники канонического права»). — РИБ, т. VI. СПб., 1880, № 20.

⁶ М. Д. Приселков. История, стр. 132.

(т. е. в воскресенье) была посвящена церковь св. Троицы, созданная Владимиром Андреевичем; под 6889 г. — о том, что у Владимира Андреевича родился сын и крестил его «Киприанъ митрополитъ да игумень Сергии, преподобный старецъ»; под 6896 г. — о том, что у князя Владимира Андреевича родился сын Ярослав в городе Дмитрове и назван в крещении именем Афанасий; под 6897 г. — о том, что 2 декабря умерла «княгиня Мария Андрѣева, мати сущи Володимеру», как поясняет летописец; а 26 января у него родился сын Федор; под 6902 г. — о том, что у него родился сын Василий; под 6912 г. — о том, что Владимир Андреевич «женил» сына своего Семена, и под 6915 г. — сына Ярослава («у Ярославского князя, и бысть свадьба на Москвѣ»).

Внимание составителя свода к семейно-княжескому «летописцу» Владимира Андреевича тем более примечательно, что Владимир Андреевич дважды становился во враждебные отношения к великокняжескому столу: и к Дмитрию Ивановичу, и к Василию Дмитриевичу (в 6896—6897 гг.). Об этом обстоятельно рассказывает сама Троицкая летопись. Столкновения эти были предвестниками будущих острых столкновений и расправ великокняжеского стола. Внук Владимира Андреевича — Василий Ярославич — был схвачен Василием Васильевичем в 1456 г. и заточен в Углич, а при Иване III он умер в 1483 г. в заточении в Вологде. Включение в состав Троицкой летописи «летописца» Владимира Андреевича — было ли это сделано по желанию Киприана или, как вероятнее, после смерти Киприана, когда оформлялась Троицкая летопись, — по ряду признаков соответствовало желанию Троице-Сергиева монастыря, точнее Никона, который был игуменом Троице-Сергиева монастыря, когда составлялась Троицкая летопись.

Троице-Сергиев монастырь лежал в пределах владений Владимира Андреевича. И актовый, и житийный материал подчеркивают, что он лежал «в Радонеже»⁷. Радонеж принадлежал Владимиру Андреевичу, как точно знаем из духовной этого князя⁸. В самой Троицкой ле-

⁷ АСВР, т. I. М., 1952, №№ 6, 7. «Великие Минеи Четии», стлб. 1518; ср. стлб. 1501: «и еже видимъ днесь: не токмо бо сеи великий монастырь, якоже велию лавру, в Радонежи состави...»

⁸ ДиДГ. М.—Л., 1950, стр. 46. Радонеж он отдает по духовной сыну Андрею.

тописи подчеркивается, что Сергей жил «въ его (Владимира Андреевича. — А. Н.) области, въ странѣ, нарицаемѣи въ Радонежѣ, въ его предѣлѣ, въ его отчинѣ» (под 6882 г.). Мало того, житийный источник утверждает, что Владимир Андреевич имел «велию вѣру и любовь» к Сергию и часто посещал монастырь: «часто прихажаше посѣщениа ради»⁹. Но особенно существенно, что Никон Радонежский, ближайший ученик Сергия и его преемник по игуменству, был духовным отцом Владимира Андреевича и поставил свою подпись под его духовным завещанием¹⁰. Если теперь обратимся к «серпуховским» известиям, то увидим в них признаки желания прославить Троице-Сергиев монастырь. Под 6882 г. читаем, что «благородныи и христоробивыи» князь заложил «градъ» Серпухов «въ своей отчинѣ» и приказал его «снарядити и срубити дубовъ»; кроме того, сообщается, что он дал «великую волю и ослабу и многую лготу» торгующим и «промышляющимъ» и, во-вторых, что «намѣстничество» держать приказал своему окольному Я. Ю. Носильцу. Вслед за тем сообщается, что «того же лѣта пакы тотъ же христоробивыи» князь решил построить церковь и монастырь устроить.

В этом рассказе подчеркивается любовь Владимира Андреевича к монастырям («бѣше бо князь любяи манастири и честь велику въздая мнишьскому чину»). Говорится, что он обратился к Сергию Радонежскому, который жил «въ его отчинѣ», причем дана характеристика Сергию в тех выражениях, которые употреблены в троицких записях Троицкой летописи (см. ниже). Здесь читаем, что Сергей был «отецъ многимъ манастиремъ» и что «о немъ же суть многа свѣдѣтельства», и далее о том, как Владимир Андреевич «умоливъ» Сергия основать церковь, как тот пошел в Серпухов и положил основание монастырю, как были созданы церковь, келья, как игуменом был поставлен ученик Сергия Афанасий, который позднее оставил игуменство, ушел в Царьград, где купил себе келью и прожил там до глубокой старости. Из сказанного явствует, что перед нами не просто монастырская погодная запись, а составленная позже литературная сводка.

⁹ «Великие Минеи Четьи», столб. 1558.

¹⁰ ДиДГ, стр. 50.

Итак, есть основания предполагать, что своим появлением в составе Троицкой летописи «серпуховский летописец» обязан Никону. Кстати сказать, Никон жил одно время, согласно желанию Сергия, в монастыре «на Высоком» в Серпухове.

Обращают на себя внимание и размеры не дошедшей до нас похвалы Сергию, помещенной в Троицкой летописи: по свидетельству Н. М. Карамзина «листах на 20».

Едва ли Троицкая летопись оформлялась в самом Троицком монастыре (хотя решительно отрицать это и невозможно). Во время нашествия Едигея Троице-Сергиев монастырь был сожжен, но после ухода татар Никон, собрав «братию», начал его спешно восстанавливать. Мало вероятно, чтобы она оформлялась и в подмосковном селе Голенищеве, где Киприан «часто» пребывал «на дѣле книжнаго писания», так как Киприана, когда составили Троицкую летопись, не было уже в живых. Нам представляется более вероятным, что свод оформляли в Москве на митрополичьем дворе, где при Киприане накапливался материал, а может быть, во Владимире, в кремле, в Рождественском монастыре, где хранилась Лаврентьевская летопись, положенная в основание Троицкой.

У Киприана, как известно, были свои взгляды на политическую линию митрополичьей кафедры, в силу которых он старался ладить с Ольгердом, обладавшим землями, входившими в состав митрополии всяя Руси. Этим я объясняю, что в Троицкой летописи под 6871 г. в рассказе о мероприятиях московской власти, предпринятых с целью удалить князя Бориса Константиновича из Нижнего Новгорода, не упоминалось о роли игумена Сергия и митрополита Алексея (об этом было позже вписано в свод Фотия). Борис (как и тверской князь Михаил Александрович) пользовался тогда особым покровительством Ольгерда, который через несколько лет жаловался даже патриарху, что его «зятя» Бориса из Нижнего Новгорода выгнали¹¹; но в Троицкой летописи (точнее — в реконструкции) под 6893 г. читаем о посольстве Сергия с по-

¹¹ «Памятники канонического права», приложения, № 24, столб. 136.

ручением от Дмитрия Донского к рязанскому князю Олегу «о мирѣ».

Тот самый Троице-Сергиев монастырь, который так поддержал великого князя Московского в его решении дать отпор Мамаю, отнесся отрицательно к притязаниям великокняжеского московского стола распоряжаться церковными делами. В этом отношении взгляды митрополичьей кафедры в лице Киприана и Троице-Сергиева монастыря в лице Сергия и его последователей сходились. И это отрицательное отношение отразилось и в первом общерусском митрополичьем своде (в Троицкой летописи), и в троицкой монастырской житийной литературе. Я разумею оценку в Троицкой летописи и в житийной литературе настоячивых, но неудачных попыток Дмитрия Ивановича поставить на митрополию своего любимца и «печатника», бывшего коломенского «попа» Митяя, вопреки предсмертному желанию митрополита Алексея и вообще русской иерархии¹².

То были еще слабые признаки несогласий по вопросу о пределах, методах применения центральным великокняжеским правительством своей власти, которые обострились во второй половине XV в. в период сложения централизованного государства и усиления внутриклассовой борьбы.

Раскрыть связь между летописанием монастырским и общерусскими сводами Фотия и Феодосия-Филиппа затруднительно при отсутствии работ по реконструкции этих сводов. Текст общерусского свода Геронтия последней четверти XV в. до нас дошел, но только в редакции 1518 г., в Архивском списке Софийской II летописи¹³. Кончается он словами под 7026 (1518) г.: «...и пришедший от патриарха митрополит Григорей и старцы святыя горы Афонския...», а следующий лист чистый; как видно, на известии 1518 г. свод кончался. Текст свода 1518 г. и за последние десятилетия бесспорно отличался от текста

¹² М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, под 6885 г.; Никоновская летопись под 6900 г.; «Великие Минеи Четии», табл. 1555.

¹³ ЦГАДА, ф. 181, № 371.

правительственного великокняжеского свода; я имею в виду Воскресенскую летопись, которая была составлена в период «боярского правления». В части до 1479 г. в основании Воскресенской летописи лежал великокняжеский свод 1479 г. В части, охватывающей последние десятилетия, свод 1518 г. более близок к Воскресенской летописи, но все же давал в общем иной текст¹⁴.

В части до 1392 г. свод нам неизвестен. Дело в том, что Архивский список начинается с 1397 г., с фразы «Двиняне не дашася великому князю Василию Дмитриевичу; он же разверже миръ съ Новымъ городомъ...»¹⁵. А в Воскресенском списке Софийской II летописи, сохранившемся в сборнике митрополичьего происхождения, текст свода 1518 г. начинается с 1392 г. и продолжен до 1534 г.: во второй книге рукописи Воскресенского собрания № 154 (ГИМ) читаем текст Софийской I летописи, который доходит до конца л. 1054 об., оканчиваясь словами: «Того же лѣта поѣха князь Семень Олгердовичъ в Литву ко братии своей»; а далее текст на л. 1055 и

¹⁴ Так, под 7004 г. Воскресенская летопись содержит данные о распределении воевод «в передовом полку», «в правой руке», «в левой», которых нет в Софийской II. Подобные же сведения о распределении, отсутствующие в Софийской II, содержит Воскресенская под 7014 г.; под 7016 г. по-иному рассказано о том, что великий князь Василий Иванович повелел «подписывати» церковь Благовещения «у себя на дворѣ»: в Воскресенской — кратко, но указано, кто был «мастер» (Феодосий Дионисиевич с «братьею»); а составитель Софийской II (в редакции 1518 г.) рассказал о событии в церковно-риторическом духе: «съ великою вѣрою и желанием... церковь превышши небесъ, неизреченныя горы божия», и т. д.; затем перечисляется, какие иконы он велел украсить и вделать в оклады, и о приказании «верхъ церковный покрыти и позлатити». Под 7022 г. в описании взятия Смоленска в Воскресенской подчеркнуто торжество «государя» Василия Ивановича (от слов «и приступы велики чинити...» до слов «... и князь великий государь въскорѣ повелѣ бою престати»); в Софийской II всего текста нет. И ниже в Воскресенской подробнее описывается, как епископ Варсонофий восхвалял «всея Руси самодержца» и как ликовало население по поводу успешного взятия великим князем Смоленска; а под 7026 г. в Воскресенской сказано (этого нет в Софийской II), что великий князь «приказалъ» митрополиту встретить владимирские иконы. О встрече икон великим князем и митрополитом Варлаамом в Софийской II также рассказано весьма подробно. Заметим еще, что в Воскресенской летописи отсутствует под 7017 г. описание всей истории с Волоцким монастырем, домогательства которого были поддержаны митрополитом Симоном.

¹⁵ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 129.

следующих написан тем же почерком, теми же чернилами и на той же бумаге, составляя непосредственное продолжение предыдущего текста, но по содержанию уже расходится с Софийской I летописью. Так, с начала л. 1055 (под 6900 г.) следует: «О преставлении Сергѣевъ. Тое же осени сентября 25...» и т. д. Отсюда идет текст, названный Софийской II летописью и совпадающий с середины статьи 6905 г. с Архивским списком.

Что заключали утерянные первые 25 листов Архивского списка, мы не знаем; текст Софийской I летописи уместиться на 25 листах, конечно, не мог. Свод 1518 г. был одним из основных компонентов Львовской летописи. В части до 1392 г. Львовская летопись только частично сближается с Софийской I летописью¹⁶ и включает в себе особую, характерную для общерусского церковного свода традицию.

Короче говоря, о признаках связи между троицким монастырским летописанием и общерусским сводом Геронтия в редакции 1518 г. можем судить только по тексту начиная с 1392 г.

В своде 1518 г. (Софийская II летопись), наряду с другими монастырскими и церковными памятниками письменности, были, по-видимому, использованы и некоторые троицкие. Но были ли привлечены в свод 1518 г. местные монастырские троицкие записи, мы с уверенностью сказать не можем.

К числу памятников, по-видимому троицких, относятся: под 6900 г. — «О преставлении Сергѣевъ» — пространный некролог, или похвала Сергию с упоминанием о Никоне, как его преемнике, составленная не сразу после кончины Сергия, судя по тому, что в ней говорится о чудесах у его раки. И вслед за тем — «Отъ житья святаго Сергия» — сокращенное изложение жития, в котором подчеркиваются сношения монастыря с Царьградом. Присматриваясь далее к фрагментам, сообщающим о троицких событиях, мы убеждаемся, что это просто извлечения из житий Сергия и Никона, помещенные под разными годами, как это иногда

¹⁶ Кажется, совпадения Львовской летописи с Софийской I и Новгородской IV и особенно с Ермолинской и сводом 1479 г. объясняются тем, что текст Львовской примыкает к предыдущим общерусским сводам. Быть может, текст Львовской до 1392 г. в какой-то мере отражает текст свода 1518 г.

делалось при составлении сводов. Так, под 6904 г. помещено «Отъ жития святаго Сергия, о Стефанъ» после сообщения о смерти Стефана Пермского. Под 6916 г. после рассказа об Едигеевой рати помещено извлечение «Отъ жития Никонова, ученика Сергиева», в котором описано, как Никон после Едигеева погрома восстанавливал Троицкий монастырь и между прочим, как он призвал Даниила (Черного) и Андрея (Рублева), расписывавших церковь св. Троицы. Под 6945 г. после рассказа о нашествии Махмета на г. Белев помещено извлечение «Отъ жития Сергѣева, чудо о Бѣлевѣ», в котором говорится о «милостыне» в пользу монастыря, данной в связи с событиями нашествия Махмета.

Других следов троицкой монастырской литературы в своде 1518 г. нами не обнаружено; может быть, составитель привлек местные монастырские троицкие записи под 6954 г.¹⁷ Некоторые троицкие известия могли попасть сюда из предшествующих сводов.

Согласно некоторым данным, в Троице-Сергиевом монастыре был составлен общерусский Сокращенный свод 1495 г.; в монастыре этом в то время находился Зосима; политическая окраска этого свода позволяет предположительно связать его появление с деятельностью кружка лиц, близких к митрополиту Зосиме¹⁸.

При систематическом обследовании книгохранилищ Москвы и Ленинграда обнаружены неизвестные ранее летописные своды конца XV—первой половины XVI в. Сопоставляя их с другими малоизученными сводами, получаем картину целой группы, или цепи летописных сводов, родственных по составу и, в известном смысле, по их общему направлению. Все они или некоторые из них связаны, с одной стороны, с летописанием монастырским, с летописанием в Троице-Сергиевом монастыре и, с дру-

¹⁷ Рассказ под 6954 г. о судьбе Василия Васильевича, о его ослеплении и о его детях — сложный. Те события 6954 г., которые имели место в Троице-Сергиевом монастыре, записаны, видимо, со слов очевидца, возможно, в монастыре.

¹⁸ С. М. Каштанов, О списках двух неопубликованных летописных сводов. — «Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959, стр. 465.

гой стороны, дают материал для решения вопроса об отношении летописания Троице-Сергиева монастыря к летописанию владычному и митрополичьему. Я разумею недавно открытый свод 1497 г., Уваровскую летопись 1518 г., изданную в последнее время, Типографскую (Синодальную) 1527 г. (с приписками 7038—7042 гг.), изданную в ПСРЛ, т. XXIV, но малоизученную до последнего времени, Иоасафовскую летопись 1520 г., тоже малоизученную, и открытую недавно Типографско-Академическую летопись 1558 г.

Свод 1497 г. представлял собою не великокняжеский свод, явно, что составитель или те, которые вдохновляли его, хотели подчеркнуть то значение, которое должна иметь церковь в лице ее руководящей иерархии для высшей светской власти. Свод заканчивался описанием того, как великий князь просил прощение «о своем брате» Андрее Васильевиче Угличском, которого «уморил в нужи», у митрополита Симона, ростовского, суздальского и тверского владык, и «стоя пред ними долго время». Они же его «едва простиша», наставляя («показавше его впредь»), и т. п.

То было время, когда готовился заговор, раскрытый год спустя и обнаруживший обострение внутриклассовых противоречий. Великий князь в напряженной атмосфере недовольства искал опоры среди высшей иерархии, а в этой среде, видимо, не одобряли методов агрессивной расправы с феодальной оппозицией. Рассказ о покаянии на первое место ставит, наряду с великим князем, митрополита, а затем — ростовского архиепископа Тихона. Составитель свода ему тоже уделяет особое внимание: подробно повествуется о его поставлении под 6997 г., а в перечислении ростовских архиепископов под 6904 г. последним отмечен не Трифон, как было в источнике составителя, а Тихон. Но в основу своего труда составитель свода 1497 г. взял не владычный летописный свод 1484 г. в редакции ростовского архиепископа Тихона, а летописный свод, куда редакция Тихона входила лишь в качестве составной части. Этот летописный свод — источник составителя свода 1497 г. — тоже кончался 1484 г., словами «и митрополии не восхотѣ», но в части до 1477 г. был иного состава. Позднее тем же сложным источником 1484 г. воспользовался составитель Уваровской летописи 1518 г., о которой речь будет впе-

реди; иными словами, и составитель свода 1497 г., и составитель свода 1518 г. в основу своего труда положили не редакцию Тихона, а один и тот же более сложный источник. В части до 1417 г. он содержал летописный ростовский свод в редакции Трифона (ср. Ермолинскую летопись), с 1417 по 1477 г. — текст Московского свода 1479 г., в котором конец был отброшен, или предшествующую редакцию московского свода 1477 г.; в конце находился список русских князей и ордынских «царей», переписанный в тексте свода 1497 г. Далее в источнике 1484 г. года повторялись, начиная с 1468 г., и читался текст ростовского свода в редакции архиепископа Тихона. Вывод этот полностью подтвердился исследованием К. Н. Сербиной, сделавшей вместе с тем ряд новых наблюдений над составом свода 1497 г.¹⁹

Отражая позицию духовенства на данном этапе внутриклассовой борьбы, летописный свод 1497 г. примыкал к той традиции, которая была связана с митрополичьей кафедрой. Где он составлялся, мы не знаем. Не исключена возможность, если принимать во внимание ряд косвенных указаний, что его писали в Троице-Сергиевом монастыре (см., например, показательную описку: «на Вори» вместо «на двори»; по р. Вори, протекавшей недалеко от Сергиева монастыря, тянулись троицкие монастырские владения). Симон, избранный в митрополиты незадолго до того, как составлялся свод 1497 г., был игуменом Троице-Сергиева монастыря.

Составление последующих общерусских сводов отмеченной нами цепи падает на периоды, когда митрополичью кафедру занимали Варлаам и Даниил.

Характеристику этих двух митрополитов и ценные сведения о них оставил нам С. Герберштейн, имперский дипломат, дважды приезжавший в Москву к великому князю Василию III с дипломатическими поручениями от германских императоров — в 1517 и 1526 гг., т. е. в первый раз при митрополите Варлааме, а второй — при митрополите Данииле. Отметив возрастающую роль

¹⁹ К. Н. Сербина. Из истории русского летописания конца XV в. (летописный свод 1497 г.). — «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963.

московских великих князей при выборах митрополита, С. Герберштейн писал: «В то время, когда я исполнял в Москве обязанности посла цесаря Максимилиана, митрополитом был Варфоломей (следует — Варлаам. — А. Н.), муж святой жизни. Когда государь нарушил клятву, данную им и митрополитом князю Шемячичу, и допустил нечто другое, что, по-видимому, являлось нарушением власти митрополита, то этот последний явился к государю и сказал ему: „Раз ты присвояешь всю власть себе, то я не могу отправлять своей должности“. При этом он протянул ему посох, который носил наподобие креста, и отказался от своей должности. Государь принял немедленно и посох, и отказ от должности и, наложив на бедного митрополита цепи, тотчас отправил его на Белоозеро. Говорят, что он пребывал там некоторое время в оковах, однако впоследствии был освобожден и провел остаток своих дней в монастыре в качестве частного лица. Преемником его в митрополии был некто Даниил, приблизительно 30 лет от роду, человек крепкого и тучного сложения, с красным лицом. Не желая казаться более преданным чреву, чем постам, бдениям и молитвам, он пред отправлением торжественного богослужения всякий раз окуривал лицо свое серным дымом для сообщения ему бледности, и, подделав таким образом себе бледность, он обычно являлся в подобном виде народу»²⁰.

Летопись подтверждает факт ссылки Варлаама и уточняет место ссылки: «Въ лѣто 7031, декабря въ 18, остави митрополию Варламъ митрополить и соиде на Симоново; а съ Симанова сосланъ въ Вологодскои уѣздъ на Каменое», т. е. в Каменский монастырь на Кубенском озере. Под тем же годом та же летопись сообщает о новом митрополите — Данииле, и затем: «Того же лѣта Шемячичъ пойманъ бысть»²¹.

Из слов Герберштейна можно понять, что нарушение клятвы и арест Шемячича имел место при Варлааме. Но, как видно из совокупных показаний летописей, особенно Типографской летописи, и следственного дела о Берсене, клятву Шемячичу давал митрополит Даниил²².

²⁰ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 41.

²¹ Софийская II летопись.

²² Типографская (Синодальная) летопись под 7030—7031 гг. и ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 172, стр. 144—145.

Нового митрополита — Даниила — не смущало нарушение ни клятв, ни канонических установлений, зато поведение его вполне отвечало тогда требованиям светской власти.

Мы привели все эти данные потому, что они отражают пути усиления центральной власти и помогают нам понять появление (в 1518 или после 1518 г.) общерусского свода — протографа Софийской II летописи в редакции 1518 г., сохранившего нам текст летописной традиции митрополита Геронтия с его оппозиционными настроениями (см. выше) и характер переработок или, вернее, характер использования этого свода и других в последующее время, при преемнике или преемниках Варлаама.

Софийская II в редакции 1518 г. или, вернее, ее протограф, была использована в Уваровской летописи, изданной в ПСРЛ, т. XXVIII, и, как мы убедимся, в Иоасафовской. Свод 1497 г., оказывается, был одним из важных источников Типографской (Синодальной) летописи. Типографская появилась примерно в 20-х годах XVI в., не ранее конца 1527 г. Уваровская летопись (т. е. протограф двух ее списков), как правильно определяют, была составлена между 1525 г. и началом 30-х годов того же столетия. Обе летописи появились, таким образом, когда на митрополичьей кафедре сидел Даниил.

Перейдем к рассмотрению Типографской (Синодальной) летописи.

Значение Типографской (Синодальной) летописи определяется не только наличием первой части до 1484 г., которая содержит, как определил А. А. Шахматов, уникальный текст владычного ростовского свода в редакции архиепископа Тихона. Типографская летопись чрезвычайно интересна своеобразным комплексом известий второй его части, в частности, загадочным указанием на составление Судебника с упоминанием о Владимире Гусеве и нитью местных записей Троице-Сергиева монастыря²³. Все это и общий облик памятника, его социально-политическая направленность и замыслы составителя (т. е. то, что для настоящей работы всего важнее) станет ясным только тогда, когда мы найдем до сих пор не

²³ Эти троицкие известия перечислены в нашей работе о летописных памятниках Тверского княжества. — А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия АН СССР, отделение гуманитарных наук», 1930, № 9, стр. 722—723.

выясненные источники второй части и установим целеустремленность редакционной работы составителя.

О составе второй части, после 1484 г. (отсюда годы идут снова с 1482 г.), до сих пор в литературе повторяли только неопределенные наблюдения А. А. Шахматова. Согласно этим наблюдениям, Типографская (Синодальная) летопись «основывается на каком-то особенном московском своде»; причем некоторые места совпадают с Софийской II и Львовской (с конца статьи 6997 г. до 7002 г.), а некоторые — с Хронографическим списком Новгородской IV летописи (под 6991—6997 гг. и некоторыми другими)²⁴.

Родство изучаемой части Типографской (Синодальной) летописи с Софийской II и Львовской и отчасти с Хронографическим списком Новгородской IV не подлежит сомнению. Но не подлежит сомнению также, что в Типографской мы имеем другой текст. Есть места, которые мы не найдем ни в Софийской II и Львовской, ни в Хронографическом списке, но найдем в списке Царского Софийской I летописи (например, под 6998 г. о приезде из Литвы в Москву князя Д. Ф. Воротынского, пожелавшего служить московскому князю «со своею отчиною»). Есть места, которых не найдем ни в Софийской II, ни в Львовской, ни в Хронографическом списке, но найдем или в последней части Симеоновской летописи, т. е. в тексте свода 1494 г., или (с сокращениями) в Сокращенном своде 1495 г., не так давно открытом (например, под 7000 г. о перенесении «торга» от Троицы в «городок» Радонеж; об описании Тверской земли; о том, как ходили искать серебряную руду на Печору и нашли руду серебряную и «медяную» на р. Цильме). Есть места, которых нигде не найдем кроме обнаруженного летописного свода 1497 г. (например, на л. 300 Синодальной рукописи описание сцены покаяния великого князя в том, что по его вине умер «в нужи» князь Андрей Васильевич).

Весь этот «особенный» летописный текст в части с 1482 г. после слов «и митрополью не восхотѣ» до 1498 г., оказывается, взят составителем Типографской (Синодальной) летописи из свода 1497 г. Так, полностью совпа-

²⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. (далее — А. А. Шахматов. Обзорение). М.—Л., 1938, стр. 299.

дают тексты под 6990, 6991, 6992, 6993, 6994, 6995, 6996 (под этим годом пропущено только в Синодальной известие, что Иоасаф Ростовский, бывший князь Оболенский, оставил епископью), 6997, 6998, 6998, 6999, 7000, 7001, 7002, 7003 гг. Составитель дошедшего до нас первоначального текста Типографской (Синодальной) летописи довольно точно переписывал свой источник — оригинал (или протограф) сохранившегося списка свода 1497 г. Расхождения весьма невелики. Под 1482 г. даже тот же заголовок: «О князе [о] Феодорѣ [о] Бѣльскомѣ». В позднем списке 1497 г. искажены некоторые числа: «23» вместо «21», «15» вместо «18» и т. п. — статья 6995 г. Под 6998 г. в Синодальной пропущено число («15 день»), а ниже, под тем же годом, в своде 1497 г. пропущено «априля во 24». Равным образом в дошедшем до нас списке свода 1497 г. вместо повторного 6999 г. (перед словами «ноября 18») читаем «Тоя же осени». Далее, под тем же годом в своде 1497 г. нет слов «безъ брани», а в Типографской (Синодальной) нет слов «не въскорѣ». Под 7000 г. в Типографской летописи пропущены слова «на Вологдѣ в городѣ», а в своде 1497 г. отсутствуют слова «и князь великий его пожаловалъ се-ломъ»; а вместо второго обозначения 7001 г., т. е. вместо слов «В лѣто 7001-е ноября», в своде 1497 г. читаем: «Того же мѣсяца» (предыдущее известие датировано ноябрем); вместо повторного обозначения 7002 г. в своде 1497 г. читаем: «Тоѣ же осени»; а вместо повторного 7003 г. в своде 1497 г. стоит: «Тоѣ же зимы, мѣсяца...» Под 7003 г. в своде 1497 г. нет слов (после слова «Польского») «и великого князя Литовскаго» и «да Михаила Русалка». Короче говоря, можно считать, что составитель Синодальной летописи довольно точно списывал свой источник.

Лист 298 об. Типографской летописи кончается словами «не по старои...» Здесь не окончена та самая фраза, которая (слово в слово) читается и в своде 1497 г. Далее, в Типографской (Синодальной) вместо листа, который был первоначально в рукописи, вклеен лист. Лист этот другой бумаги, исписан только частично и довольно небрежно и почерком, отличным от почерков, которыми писана Типографская (Синодальная) летопись, и текст на нем взят из какого-то другого источника; между тем следующий лист 300, где находим рассказ о покаянии

великого князя, писан тем же почерком, что и лист 298 и предыдущие, и текст в нем до слов «предъ богомъ» переписан не из другого источника, а из свода 1497 г., который этими словами кончается.

Приводим оба текста.

Свод 1497 г.

В лѣто 7005-е. Князь великий Иван Василиевичъ всеа Русии, поговоря со отцем своим с митрополитом Симаном, послали по владыки свои грамоты: по ростовскаго архиепископа Тихона, да по суздальскаго епископа Нифонта, да по тверскаго епископа Васияна, а веля им быти к себѣ на Москву ко сроком. Архиепископ же и епископы приѣхаша на Москву на Дмитриев день, по их сроку. Князь же великий, немного времени пождав, послав ко отцу своему митрополитоу Симану боярина своего Дмитрия Володимеровича да дияка своего Андрѣя Маика, а веля ему быти оу себя на дворѣ с архиепископом и с епископы. И приидоша к нему. Князь же великий, вѣстав пред своим отцом митрополитом, и архиепископом, и епископы, начаша бити челом пред ними с оумилением и с великими слезами, а прося оу них прощения о своем братѣ князе Андрѣе Василиевичѣ, что своим грѣхом и нестор-

*Типографская
(Синодальная) летопись*

(л. 300) ...веля емоу быти оу собя на дворѣ. съ архиепископомъ и съ епископы. И приидоша к нему. Князь же великий, вставъ предъ своимъ отцемъ митрополитомъ, и архиепископомъ, и епископы, начаша бити челомъ предъ ними съ оумилениемъ и с великими слезами, а прося оу нихъ прощения о своемъ брате князе Андрѣе Васильевиче, что своимъ грѣхомъ

жею его оуморил в нужи, а стоя пред ними долго время. Митрополит же, и архиепископ, и епископи со испытанием и с великим наказанием и понудиша и долго время, и едва простиша и, и понаказавше его впредь и как бы ему своя душа исправить пред богом.

несторожею его оумориль в нужи, стоя передь ними долго время. Митрополитъ же, и архиепископъ, и епископи съ испытаниемъ и с великымъ наказаниемъ и понудиша и долго время, и едва простиша и и понаказаша его впредь и какъ бы емоу своя душа исправить предь богомъ.

Из сказанного можно заключить, что на вырезанном листе 299—299 об. Типографской (Синодальной) летописи первоначально был текст, также взятый из свода 1497 г. Но, судя по счету тетрадей, вырезали 5 листов, а не один, как отмечено издателями т. XXIV ПСРЛ. В таком случае возможно, что к тексту свода 1497 г. здесь было что-то добавлено²⁵.

Обратимся теперь к тому, что вписано на вклеенном листе 299—299 об. Типографской (Синодальной) летописи. На лицевой странице листа 299 вписан ряд известий из какого-то летописного источника; они кончаются на верху оборотной стороны листа 299; часть этой страницы оставлена чистой, а внизу написано: «Того же лѣта Симону митрополиту», т. е. писавший составил краткое начало фразы, продолжение которой («веля емоу быти»), как мы видели, читалось в Типографской (Синодальной) на л. 300, при этом он опустил, вероятно намеренно, начальную часть известия, взятого из свода 1497 г.; написал он «Того же лѣта...», не заметив, что известие относилось не к «тому же лѣту» (перед этим на вклеенном листе шел 7006 г.), а к предыдущему.

Из какого же источника почерпнут летописный текст на вклеенном листе? Текст этот интересен, и, между прочим, потому, что в нем читаем следующее: «Того же лѣта князь великий Иванъ Васильевичъ и околничимъ и всѣмъ соудьямъ, а уложилъ соудъ судити бояромъ по Судебни-

²⁵ На четырех листах мог быть первоначально вписан известный подробный летописный рассказ под 7006 г. о посажении на великое княжение Иваном III своего внука Дмитрия (ср. Софийскую II летопись).

коу; Володимера Гусева писати». Чтение это породило гипотезы о роли В. Гусева в составлении Судебника, вызвало полемику и предположения. Среди них было высказано и такое (Л. В. Черепниным): упоминание о В. Гусеве не следует связывать с известием о Судебнике, так как оно служит указанием на то, что следует писать далее в «летописце»²⁶.

Вопрос может быть разрешен, если будет найден источник, откуда почерпнут текст на вклеенном листе. В настоящее время такой источник мною найден. Более того, установлен третий основной источник Типографской (Синодальной) летописи, который составитель положил в основу начиная с 7004 г.; и это тот самый источник, которым пользовался писавший текст на вклеенном листе 299—299 об. Источник этот — Троицкий летописный свод (название автора).

При обследовании книгохранилищ, предпринятом с целью выявления летописей, обнаружили два списка одного летописного свода: летописца, начинающегося с Батыева нашествия, в сборниках; черты сходства заметны и между сборниками: в них включены, например, списки игуменов Сергиева монастыря и Кириллова монастыря, повесть «О цари Козаринѣ и о женѣ его»; историческая справка, устанавливающая родственную связь между потомками Ивана Калиты и радонежскими князьями, «Псковское взятие» в так называемой московской редакции, другой вариант которой имеется в своде митрополичьего типа (ГБЛ, ф. 256, № 255), «Слово на ересь новгородских ересников...». Я разумею сборник Архангельского собрания № 193, хранящийся в Ленинграде, в БАН, и сборник фонда 181, № 365, хранящийся в Москве, в ЦГАДА.

Летописец из сборника № 365, с которым мы сличали Типографскую (Синодальную) летопись (а равно и летописец из сборника Архан. 193), начинается так: «От лѣтописца вкратце. В лѣто 6745. Прихождение Батыево на Роускою землю...» (л. 31), и содержит сначала очень краткую летопись, которая идет до 6939 г. С этого года рассказ становится более подробным (о борьбе великого князя Василия Васильевича с Юрием Дмитриевичем и Василием Юрьевичем), а далее — еще подробнее, за 40—

²⁶ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков., ч. 2. М., 1951, стр. 290—291.

50-е годы XV в. (о взаимоотношениях Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой), особенно за 6954—6955 гг. Затем следует текст, видимо, несколько сокращенного общерусского свода, в который вкраплены троицкие монастырские записи.

Социально-политический облик Троицкого свода характеризует такая редакция известия об аресте Андрея Васильевича Угличского под 7000 г.²⁷: «сень[тября] 20 пойман бысть князь Ондръи Васил[ъ]евич Оуглецкой великимъ княземъ Иваномъ, братомъ своимъ роднымъ, на Москве в сѣнех оу великого князя и посаженъ на казенномъ дворѣ, и положиша на него чепь и оковаша его и двоу сыновъ его, Ивана да князя Ондръя» (л. 46). Нет перечисления вин Андрея Угличского, подчеркнуто, что он был пойман «братомъ своимъ роднымъ», и сообщены подробности насилия («положиша на него чепь...» и т. д.); а под 7001 г. — о смерти Андрея «на казенном дворѣ» (л. 46 об.; ср. Архан. 193, л. 69 об.).

Если мы сравним Типографскую (Синодальную) летопись, начиная с 7004 г., с Троицким летописцем № 365, то убедимся, что сходство обоих текстов чрезвычайно. По сравнению с Типографской в Троицком прослеживаются небольшие, но постоянные сокращения общего обеим летописям источника; в Типографской пропуски редки; выпадения известий, имеющих в Троицком летописце, носят единичный характер, но все же обнаруживаются.

Все это показывает, что общерусский Троицкий свод (он содержал и троицкие, монастырские записи) послужил общим источником для обоих памятников, т. е. для Троицкого летописца и для Типографской (Синодальной) летописи.

Сходство обоих памятников начинается с 7004 г. Приведем сначала параллельно текст, написанный на вклеенном листе Типографской (Синодальной) летописи (под 7004 и 7006 гг., и написанный в Троицком летописце № 365 под 7004, 7005 и 7006 гг.

²⁷ Аналогичный текст в Архан. 193 на л. 69.

Типографская
(Синодальная) летопись

«В лѣто 7004, сеп[темв-
рия] 8, възведенъ бысть
на дворъ митрополичь игу-
мень Троецкыи Симанъ
Чижъ, и нарекоша его мит-
рополитомъ; того же мѣ-
сяца 20 поставленъ бысть
митрополитомъ.

Тоя же осени, мѣсяца
о[ктя]б[ря] 20, ѣздиль
князь великыи Иванъ Ва-
сильевичъ въ свою отчину
в Великыи Новѣградъ,
а с нимъ вноукъ его князя
Дмитрей, да сынъ его
князь Юрьи, посмотрити
своя отчины.

Того же лѣта князь ве-
ликии Иванъ Васильевичъ
посылалъ воеводъ своихъ,
князя Василя Косого,
княжъ Иванова сына
Юрьевича, да Якова Заха-
рича, да Андрѣя Феодо-
ровича, нѣмецъ воевати
подъ Выборъ. Тогда же
оубиша подъ городомъ
подъ Выборомъ Ивана Соу-
ботоу, Андрѣева сына Ми-
хаиловича Плѣщеева, пи-
щалью.

Тоя же зимы царь Ма-
мукъ Шибанскыи Орды
градъ Казань взялъ,
а царь казанскыи Магде-
минъ и съ царицею и съ

Троецкый летописецъ
№ 365, лл. 46 об.—47.

«В лѣто 7004, сентября
24 поставленъ бысть ми-
трополитомъ игоумен тро-
ецкой Симанъ Чижъ.

Тое же осени, октября
24, ѣздиль князь великии
Иванъ Васильевичъ²⁸ в Ве-
ликии Новѣгород, а с нимъ
вноукъ князь Дмитрей да
сынъ его князь²⁹ Юрьи.

Того же лѣта князь ве-
ликии послалъ воеводъ своихъ
под Выборъ. Тогда оуби-
ша под Выборомъ Ивана
Соуботоу Ондрѣевича Пле-
щеева пищалью.

Тое же зимы царь Ма-
моукъ Шибанскыи Орды
градъ Казань взял, а царь
казанскыи Махмед Еминъ
и с царицею збежалъ

²⁸ В рукописи «Весиевичъ».

²⁹ В рукописи «князь».

князьями збѣжалъ к Нижнему Новуграду, а оттолѣ на веснѣ на Москву.

И князь великий его пожаловалъ, далъ емоу градовъ: Коширу, Серпох[ов]ъ, Хотунъ и с волостми и съ всѣми пошлинами.

В лѣто 7006, фев[раля], князь великий Иванъ Васильевичъ посадилъ на княжение вноука своего князя Дмитрия Ивановича. Того же лѣта князь великий Иванъ Васильевичъ и околничимъ и всѣмъ соудьямъ, а уложилъ соудъ судити бояромъ по Судебнику; Володимера Гусева писати. Того же лѣта Симону митрополиту...»

в Нижней Новѣгород, а на весноу к Москве.

И князь великий далъ емоу Кошироу, Серпоховъ, Хотунъ и с волостми и со всеми пошлинами.

В лѣто 7005, февраля, князь великий Иванъ Васильевичъ посадил на великое княжение вноука своего князя Дмитрия Ивановича. Того же лѣта князь великий Иванъ Васильевичъ придоумал з бояры и оуложил соуд судити и бояромъ, околничимъ, а оу боярина быти диякоу, а соудити по Судебникоу по великого князя.

В лѣто 7006. Поимал князь великий Володимера Елизарова сына Гоусева, да Офонася Яропкина...» и т. д.³⁰

Из приведенного сопоставления видно, что в летописце № 365 использован тот же источник, которым пользовался писавший на вклеенном листе Типографской (Синодальной), но только с сокращениями: одинаковая последовательность известий и признаки общей редакции, которая в Троицком № 365 передана в сокращенном виде. Кроме того, как обычно, искажены числа. Из дальнейшего будет ясно, что в Типографской здесь тот же источник (общий с Троицким), из которого черпал составитель Типографской и под последующими годами.

³⁰ С этим текстом летописца № 365 почти слово в слово совпадает текст в летописце Архан. 193 на лл. 70—71.

Во-вторых, сопоставление документально устанавливает правильность предположения, что фраза «Володимера Гусева писати» означала в Типографской то, что именно следует писать в летописи дальше: в летописце № 365 после слов «по соудебникуо по великого князя» идет известие о Владимире Гусеве, о его аресте. Небрежно написанный текст на вклеенном листе Типографской (Синодальной) носит характер не перебеленного, чернового текста.

Под 7006 и 7007 гг. тексты в Троицком № 365³¹ и Типографской почти полностью совпадают; в первом небольшое сокращение: выброшено «по Рожествѣ Христовѣ». Нет в нем и последнего известия Типографской под 7006. Если мы наложим на текст Типографской текст Троицкого под 7008 г., то ясно увидим, что общий текст в Троицком подвергся сокращению: нет от слов «а снимъ были...» до слов «...Иванъ Палетский»; от слов «а люди многихъ...» до слов «...которые взяты»; нет слов «а Путивль взяли на Спасовъ день Преображения» и от слов «на Юрья Захарычя...» до слов «...тверскою силою».

Под 7010 г. в Троицком выпущена точная дата («июля въ 2») ³². Из предыдущего ясен характер сокращений в Троицком; не видно, чтобы составитель выпускал большие фрагменты. Но под 7010 г. нет большого рассказа от слов «Стояша же подѣ градомъ...» Встает вопрос: не является ли весь рассказ о расправе русского войска с населением под Смоленском и о жалобах Дмитрия Ивановича на «детей боярских» и мер против них великого князя редакционным добавлением Типографской летописи? Выпущенные же в Троицком известия о неурожаях и о погоде, возможно, восходят к своду — общему источнику обеих летописей: эти известия походят на монастырские записи; аналогичного характера известия под 7006 г. также опущены в Троицком или добавлены в Типографской. Под 7011 г. рассказ о войне с немцами в Троицком сокращен и выпущено перечисление убитых.

Краткий текст под 7012 и 7013 гг. в Типографской и Троицком полностью совпадает.

³¹ То же и в Архан. 193.

³² В Архан. 193 «июня».

Совпадает, в общем, и более обширный текст под 7014 г., но в Троицком нет последнего краткого известия о том, что завершена «трапеза» в Андрониковом монастыре, а в Типографской опущен расчет, сколько лет жил и сколько был на великом княжении скончавшийся Иван Васильевич.

Совпадает, в общем, и весь текст под 7015 г., но в Троицком нет слов «въ 14» и слов «и оттолѣ монастырь Иосифовъ бысть въ великого князя имени». Равным образом совпадает и текст под 7016 г.; в Троицком нет только слов «генваря 15». Совпадают и годы 7017 и 7018, но в Троицком нет о поставлении Симеона в Суздаль и Нила в Тверь, а в Типографской нет слов (о великом князе): «а был во Пскове 4 недѣли и колокол вѣчныи велѣлъ свести на Москву» (л. 49 об.).

Совпадают, в общем, и тексты под 7019—7021 гг. Но в Типографской (Синодальной), как увидим, не случайно выпущено под 7019 г. слово «Соломонию» (ср. в летописце № 365 л. 49 об. и в Архан., л. 76) и слова «с великою княгинею» (л. 50 и Архан., л. 76) в известии о возвращении великого князя в Москву. В Троицком же нет под 7019 г. о том, что «простило» человека у Сергеева гроба, и о том, что отпустил князь великий «бывшаго» новгородского архиепископа Серапиона в Сергиев монастырь; под 7020 г. в Типографской нет в перечислении «волостей» слова «Алексинские», а в Троицком под 7021 г. нет слов «и Смоленска не взялъ».

Подобную же картину можно наблюдать и далее. Под 7022 г. в Троицком, по-видимому, текст несколько сокращен (в летописце № 365 верх листа срезан, где написана фраза в выноске³³), но есть слова, отсутствующие в Типографской («а воеводамъ своимъ велѣлъ ити воевати в Литовъскую землю», л. 50 об.). Совпадают, в общем, последующие года: 7023, 7024, 7026, 7027. Только в Троицком опущено о смерти крымского «царя» Мингирея и о воцарении Махмут-Кирея и слово «Мошининъ» после слова «Памва»; нет о том, что умершего Васьяна Ростовского положили «в Ростовъ въ Пречистой» под 7023 г., и о посольстве в Крым под 7024 г.,

³³ В Архан. 193 нет от слов «не пушками» до слов «не взяли» — л. 77.

а в Типографской опущено о смерти Абделетифа в Москве (л. 51) под 7027 г.

Сокращены в Троицком 7028 и 7029 гг.: под 7028 г. опущено о поставлении трех епископов, а под 7029 г. опущены имена (Саап-Керея и Шаагалия).

Далее, в Типографской (Синодальной) вставлено, с повторением того же 7029 г., довольно объемистое литературное произведение, озаглавленное «О преставлении благовѣрнаго и христолубиваго князя Дмитрея Ивановича Углицкаго». Никаких следов этого памятника в Троицком летописце нет, ни в летописце № 365, ни в летописце Архан. 193. Находим подтверждения тому, что он не восходит к общему источнику Троицкого летописца и Типографской, а вставлен составителем Типографской (Синодальной) летописи. Так, в Троицком летописце нет двух других угличских известий Типографской летописи: под 7032 и под 7034 гг. Оба известия по содержанию церковные, такой же характер носит и повесть, или рассказ «О преставлении» Дмитрия Ивановича Угличского. Равным образом нет в Троицком, как мы видели, и известия о поведении под Смоленском «детей боярских», грабивших население, и о жалобах отцу на них Дмитрия Ивановича под 7010 г. Это тем более интересно, что оба рассказа — под 7010 и под 7029 гг. — имеют что-то общее по своей общественно-политической направленности. Так, в повести «О преставлении» Дмитрия Ивановича некоторые из «градских людей» вспоминают его как защитника народа от «насилья» «вельмож»: «Овии же с простоты глаголаша, аки бога молитва: „Охъ, охъ, горе, горе, увы намъ, оувы, на кого възримъ или кимъ просвѣтимся и х комоу прибѣгнемъ, и кто намъ сладкий гласъ изрече и кому възвестимъ отъ вельможъ насилья наша, и кто намъ въ бѣдахъ поможетъ. ли въ скорбѣхъ посѣтитъ?“» Повесть эту писала рука писателя из духовенства, владеющего «книжным», отнюдь не самобытным, литературным стилем. Например: «Оле дивѣство! Не токмо единъ государь плача и рыдая брата своего, но и вси народи московстии клича и въпля аерь наполниша и слезами путь свои мочаше, аки дождь тоутень».

Под 7030 г. тексты совпадают, но в Троицком нет о поставлении на епископские кафедры Ионы и Акакия, а в Типографской (Синодальной) нет о смерти быв-

шего епископа коломенского Митрофана в Павловой пустыни (летописец № 365, л. 52 и летописец Архан. 193, л. 80—80 об.).

Совпадает и 7031 г., только в Троицком вместо «отступилися» читаем «не отстоупилися» и вместо «дочерью» читаем «дочерми» (л. 53). Равным образом совпадает и текст 7032 г., но в Троицком нет числа «12» и ниже слов «мѣсяца июня 24, да и подѣ Казанию ихъ же побили». Под 7033 г. тексты совпадают до слов «головы ему ссекоша»; в Троицком вначале имеется точная дата «26» (в троицкой записи об игумене Порфирии), которой нет в Типографской, а в Типографской есть слова «на Возмища», которых нет в Троицком. Дальнейшие известия Типографской в Троицком отсутствуют. Как видно, в оригинале Троицкого основной текст кончался словом «ссекоша» и далее шли две приписки. После слова «ссекоша» в Троицком № 365 и в Архан. 193 идут два известия (написанные тем же почерком): под 6085 (надо — 6987) и 7038 гг.: «В лѣто 6085, марта 26 родися великому князю Ивану сынъ Гаврило, нареченны Василен, от великия княгини Софьи Грекины. В лѣто 7038, августа 25, в 7 час нощи родися оу великого князя Василья Ивановича сынъ князь Иванъ съ середи на четвертокъ от другия великия кнегини Елены Глинской, а крестили его оу Троицы в Сергиеве монастырѣ игоумен Иасафъ да Васьянъ Босои Осифовской да Данило Переславецъ» (л. 54). Этими же словами кончается и аналогичного содержания летописец Архангельского сборника 193.

В Типографской (Синодальной) летописи текст после слова «ссекоша» под 7029 г. продолжается. А далее под 7034 г. идет угличское известие и особый текст «О пострижении благовѣрныхъ великия княины Соломаниды» (его нет в Троицком), о происхождении которого будем говорить ниже, а после него следуют известия 7034—7036 гг., которые имеются также и в Львовской летописи, и в Воскресенской.

Итак, мы выяснили третий основной источник Типографской (Синодальной) летописи: общерусский свод, в котором встречались троицкие монастырские записи³⁴. Составитель Типографской, редактируя и дополняя текст, пользовался также и другими источниками.

³⁴ О строительстве в Сергиевом монастыре, о смене игуменов и т. п.

Первые два основных источника Типографской (Синодальной) летописи — ростовский владычный свод Тихона и свод 1497 г., вышедший из кругов, близких к митрополиту Симону, ясно говорят о сфере интересов составителя Типографской летописи. К тем же кругам близки и дополнительные источники к третьему основному. Выше мы останавливались на угличском церковного характера летописном материале. А. А. Шахматов, которому была известна Типографская (Синодальная № 789) летопись, открытая А. Е. Пресняковым, отметив в ней угличский материал, предположил, что сама летопись возникла в Угличе, причем, ссылаясь на статью о перенесении останков князей под 7016 г., написал в своем черновом «Обозрении», опубликованном в 1938 г., что летопись составлена не ранее 1536 г.³⁵ Такой статьи, однако, под 7016 г. в Типографской (Синодальной) нет. Список принадлежал Кирилло-Белозерскому монастырю, куда его мог завезти сосланный в этот монастырь митрополит Иоасаф, большой любитель рукописных книг, бывший с 1529 по 1539 г. игуменом Троице-Сергиева монастыря. Близость (в части до 1484 г.) Типографской (Синодальной) к Типографско-Академической, составленной, по ряду признаков, в Троице-Сергиевом монастыре (см. ниже), и интерес составителя к троицким монастырским записям заставляют как-то связывать Типографскую (Синодальную), скорее, с Сергиевым монастырем. Угличский материал мог быть получен и от митрополита, и от ростовского архиепископа, в пределах епархии которого лежал Углич.

Вопрос о дополнительных источниках к третьему основному Типографской (Синодальной) ставит нас перед проблемой целенаправленности редакционной работы, приводит нас к выяснению тех задач, которые ставил себе составитель.

Типографская (Синодальная) летопись составлялась тогда, когда на митрополичьей кафедре сидел Даниил (1522—1539 гг.). Сместив Варлаама с митрополичьего поста, великий князь Василий Иванович хотел видеть на его месте митрополита вполне ему послушного, и в этом отношении Даниил отвечал требованиям деспотического главы формировавшегося централизованного государства.

³⁵ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 299.

Следующие показания приводят к выводу, что Типографская (Синодальная) писалась по заказу митрополита Даниила или с расчетом на его апробацию.

Прожив с Соломонией 20 лет, Василий III не имел от нее детей и, заботясь об интересах династии и великокняжеской власти, он решился на насильственное пострижение Соломонии. Нарушив церковный закон, Василий III вступил во второй брак при содействии митрополита Даниила. В Типографской (Синодальной) летописи под 1526 (7034) г. находим пространный рассказ о пострижении Соломонии, в летописной литературе — уникальный. Составитель повествования пытался убедить читателя в том, что не только не было насильственного пострижения, но что пострижение совершили, уступая настояниям самой Соломонии. Нет прямых указаний на автора повествования, но по ряду признаков оно вышло из канцелярии митрополита Даниила: имя митрополита Даниила неоднократно упоминается в нашем тексте.

Сравнение этого рассказа Типографской (Синодальной) летописи с особым повествованием о пострижении великой княгини Соломонии и о втором браке великого князя Василия III, которое было включено в черновые летописные записи, сохранившиеся, видимо, в оригинале в сборнике ГБЛ, Муз., № 3841, на лл. 277—288, объясняет происхождение рассказа Типографской (Синодальной) летописи. Вся эта рукопись сборника вместе с повествованием о Соломонии писана, судя по бумаге и почерку, в 20-х годах XVI в.³⁶ Черновые летописные записи, вместе с которыми было вписано повествование, дают ряд сведений о делах Пафнутиева монастыря, постриженником которого был Макарий, сохранивший связь с ним до своей смерти. Второй брак Василия совершился в январе 1526 г., а в марте того же года в Москву приехал вызванный Василием Макарий и был поставлен в новгородские архиепископы митрополитом Даниилом. Псковская I летопись сообщает, что Макарий был призван Даниилом и имел с ним беседу,

³⁶ Сведения о ней и об издании текста — «Летописный свод XV века» (по двум спискам). Подготовка текста и вводная статья А. Н. Насонова. — «Материалы по истории СССР», вып. 2. М., 1955, стр. 277—278; А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания (далее — А. Н. Насонов. Материалы и исследования). — «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 248—249.

а великий князь дал Макарию поручение, свидетельствовавшее о том, что Василия беспокоил вопрос о наследнике. Возможно, что Даниил передал Макарию экземпляр повествования для включения в летописные своды. В сохранившихся летописных сводах, составленных под руководством Макария, этого повествования мы не находим. Но в Типографской летописи по Синодальному списку под 1526 г. была занесена статья «О пострижении благовѣрныхъ великия княини Соломаниды», передающая почти буквально первую половину статьи «О пострижении великия княгини Соломаниды» рукописи Муз. № 3841.

Вот оба текста.

*Сборник ГБЛ, Муз. № 3841,
л. 284—284 об.*

«О пострижении великия княгини Соломаниды

В лѣто 7034. Благовѣрнаа великаа княгини Соломанида, видя неплодство чрева своего, якоже и древняя она Сарра, начат молити государя великого князя да повелит ей || облещися въ иноческии образ. Царь же и государь всеа Руси не восхотѣ сѣтворити воли ея, начат глаголати сице: „Како могу бракъ разорити; аще ли сиа сѣворю и второму нѣсть ми леть сѣвѣкупитися?“; понеже государь богочтив, правдив и сѣврѣшитель заповедем господним и законному повелѣнню. Христолюбиваа же великаа княгини с прилежанием и съ слезами начат молити государя да повелит ей сѣтворити якоже хошет.

*Типографская летопись
по Синодальному списку.*

«О пострижении благовѣрныхъ великия княини Соломаниды

В лѣто 7034-е. Благовѣрная великая княгини Соломанида, видя неплодство изъ чрева своего, якоже и древняя она Сарра, начатъ молити государя великого князя Василья Ивановичя всея Руси, да повелитъ ей облещися въ иночески образъ. Царь же государь всея Руси не восхотѣ сѣтворити воли ея, начаша глаголати сице: „Како могу бракъ разорити и вторѣмъ совокупитися?“ Понеже государь богочтивъ и сѣврѣшитель заповѣдемъ господнимъ и законному повелѣнню. Христолюбивая же великая княгиня с прилежаниемъ и съ слезами начатъ молити государя, да повелитъ ей сѣтворити тако,

Царь же и государь всеа Руси ни слышати сего не въсхотѣ и приходящихъ от нея велможь з злобою отвѣдаа. Великая же княгиня, видя непреклонна государя на моление ея, начатъ молити святѣишаго архиепископа богомъ спасенаго града Москвы Данила митрополита всеа Руси, да умолитъ о семъ государя и сътворитъ волю ея быти, понеже бо духъ святыи всѣа пшеницу въ сердце ея, и да възрасти плодъ добродѣтели. Святѣишии же Данил митрополитъ всеа Руси моления, слезъ ея не презри, много, много моля о семъ государя съ всѣмъ священнымъ съномъ, да повелитъ воле ея быти. Царь же и государь всеа Руси, видя непреклонну вѣру ея, и моления отца своего Данила митрополита не презрѣ повелѣ сътворити волю ея».

якоже хошеть. Царь же и государь всеа Руси ни слышати сего не восхотѣ и приходящихъ отъ нея велможь отрѣвая зъ злобою. Великая же княгиня, видя непреклонна государя на моление ея, начатъ молити святѣишаго архиепископа богомъ спасенаго града Москвы Данила митрополита всеа Руси, да оумолить о семъ государя, дабы сотворилъ волю ея быти, понеже духъ святыи всеа пшеницу въ сердце ея и да върастити плодъ добродѣтели. Святѣишии же Данилъ митрополитъ всеа Руси моления, слезъ ея не презрѣ, много моли о семъ государя и съ всѣмъ священнымъ съномъ, да повелитъ воли ея быти. Царь же и государь всеа Руси, видя непреклонну вѣру ея, и моления отца своего Данила митрополита не презрѣ, повелѣ съврѣшити желание ея».

Таким образом, включенный в Типографскую (Синодальную) летопись рассказ должен был служить обелению Даниила и Василия III. В соответствии с этой редакционной работой составитель, как мы видели, выбросил выше из своего источника имя Соломонии и затем упоминание о ней (под 7019 г.).

Та же летопись содержит следующее показание, взятое из третьего основного источника. Под 1525 (7033) г. читаем известие (его нет ни в Воскресенской, ни в Софийской II, ни в Львовской летописях) о соборе на Максима Грека, сосланного в Иосифов монастырь, и на Савву Грека: «...и обыскалъ князь велики съ отцемъ своимъ

митрополитомъ з Даниломъ и съ всѣмъ соборомъ ихъ вину, и послаша Максима в Осифовъ монастырь в заточение, а Саву на Возмища». Решающая роль в этом позорном деле митрополита Даниила, бывшего игумена Иосифова монастыря, достаточно выяснена в литературе³⁷.

Сообщение Типографской (Синодальной) летописи говорит, таким образом, о «вине» Максима Грека и о наказании в результате расследования. Только в 1551 г. при митрополите Макарии (1542—1563 гг.) Максим Грек был из заточения переведен в Троице-Сергиев монастырь. В одном из поздних троицких летописных сводов (составленном после 7131 г.) дело Максима Грека представляется в совершенно ином свете, и прямо написано, что он был «оклеветан» (как оно и было на самом деле), назван «еретиком» и «повелѣнием великого князя не повинным осужден». Но Типографская (Синодальная) дает совершенно иное освещение суда над Максимом, выгодное для Даниила.

Не случайно также в Типографской читаем под 7015 г. фразу «и оттолѣ монастырь Иосифовъ бысть въ великого князя имени», которой нет в Троицком и которая могла быть добавлена составителем Типографской.

Социально-политическая направленность Типографской летописи соответствовала позиции, занятой митрополитом Даниилом. Даниил играл на руку великого князя и в отличие от других митрополитов (в частности, от митрополита Макария) не «печаловался» за опальных. И в тексте Типографской летописи не видно признаков, чтобы симпатии ее составителя были бы на стороне светских феодалов, а не на стороне централизующей власти.

Под 1502 (7010) г., рассказав об осаде Смоленска, составитель прибавляет, что сын великого князя Дмитрий Иванович, возглавлявший войско, по возвращении в Москву пожаловался отцу на «многих детей боярских», которые «грабили без его вѣдома», его не слушались и что князь великий «въсполѣся на техъ дѣтеи боярскихъ и многихъ велѣлъ поимати да велѣлъ и казнити, по торгуводя, велѣлъ кнутьемъ бити, а многихъ велѣлъ в тюрьму пометати». Этого известия нет ни в Воскресенской, ни в Софийской II, ни в Львовской летописях; нет его, как мы говорили, и в Троицком летописце. Под 7029 (1521) г.

³⁷ В. М. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.

говорится о позорном поражении от Ахмат-Кирея «воевод», которые не успели «собраться с людьми»: «... И ту побиша великого князя воеводъ: князя Володимера Коурбескаго, Якова да Юрья Замятниныхъ, а князя Федора Васильевича Лопату Оболенскаго поймаша и даша его на окоупъ: взяша на немъ 6 сотъ рублевъ, а иныхъ многихъ воеводъ и дѣтей боярьскихъ побиша и плѣнъ поведоша». Ни Воскресенская, ни Львовская летописи ничего не говорят о поражении воевод и «детей боярских», упоминая только об опустошительном набеге. Ближе к Типографской рассказ Софийской II, т. е. более ранней редакции. Но и там нет о том, что воеводы не успели «собраться с людьми». А под следующим годом в Типографской (Синодальной) читаем о том, что великий князь «поималъ воеводъ своих: князя Василья Шуйскаго, да князя Ивана Перемышскаго» и других, о чем также нет ни в Воскресенской, ни в Львовской летописях, ни в Софийской II. Взято оно из третьего основного источника Типографской (Синодальной) летописи.

Все приведенные показания текста приводят нас к выводу, что Типографская (Синодальная) летопись составлялась или по заказу митрополита Даниила, или с расчетом на его апробацию.

Уваровская летопись, изданная в ПСРЛ, т. XXVIII, как и Архивский список Софийской II, кончается 1518 г. По составу своему она, с одной стороны, близка к своду 1497 г. (они использовали свод 1484 г. особого, сложного состава), а с другой стороны, к своду 1518 г. (Софийской II летописи). Она является звеном в изучаемой цепи общерусских невеликокняжеских сводов и примыкает к традиции, связанной с митрополичьей кафедрой.

Я придерживаюсь мнения, что Уваровская летопись использовала свод 1518 г. (протограф Софийской II), а не наоборот. С 1485 г. до конца в Уваровской видим текст, близкий к Софийской II летописи. В конце Уваровской, после общего со сводом 1518 г. (Софийской II) текста, кончающегося словами «и старци святыя горы Афонския», в Уваровском списке (списка всего два) следует фраза «Того же лѣта, авгоуста, повелѣнием». Фраза оборвана, текст, по-видимому, собирались продолжить, но

работу почему-то приостановили. Но не это в данном случае существенно. Существенно, прежде всего, то, что составитель Уваровской летописи отбросил в своем источнике 1518 г. часть до 1484 г., заменив ее другим сводом (которым пользовался ранее составитель свода 1497 г.). В этой работе нельзя не видеть определенную тенденцию: освободить свой труд от резких выпадов свода Геронтия против действий великокняжеской власти или от сведений, неприятных для великокняжеской власти. В Уваровскую летопись не попали известия Софийской II о жалобах Андрея Васильевича Угличского на великого князя под 6987 г., о «нелюбии» великого князя на свою мать под тем же годом; под 6990 г. — о том, как митрополит разгневался на великого князя, который вмешивался в решение вопросов богослужения, и как великий князь «во всемъ виноватъ сътворися» и т. д.; далее под 6990 г. — о новом столкновении митрополита с великим князем; под 6991 г. — о расправе великого князя с врачом «нѣмчином» Онтоном, которого под мостом зарезали «ножемъ какъ овцу», о том, как Аристотель, испугавшись, стал проситься «у великого князя въ свою землю», но великий князь, «ограбивъ» его, посадил «на Онтоновѣ дворѣ» и т. д.; о «заточении» новгородского епископа Феофила, который оставил епископство «нужею великого князя»; о смерти Василия Ярославича «въ заточении» в Вологде. Весь этот материал в Уваровскую летопись не вошел.

В работе составителя Уваровской летописи можно видеть желание сблизить летописную церковную традицию со светской, великокняжеской: в своде 1484 г. особого состава, который в летописи использован, вся часть с 1418 по 1477 г. заполнена великокняжеским летописным текстом.

Далее, часть текста, начиная с 1485 г., извлеченную из свода 1518 г. (Софийской II), составитель Уваровской летописи сократил главным образом в начале, и частью тенденциозно³⁸. При сравнении Архивского списка Софийской II летописи с Уваровской видно, что в ней выпали под 6993 г. краткие известия: о построении церкви на

³⁸ Общий объем сокращений см. в статье К. Н. Сербиной об Уваровской летописи: К. Н. Сербина. Летописный свод 1518 г. — «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». М.—Л., 1963, стр. 597—598.

митрополичьем дворе (Арх. сп., л. 314); о построении каменной трапезы на Симонове (Арх. сп., л. 315); о закладке погребя на казенном дворе (Арх. сп., л. 315); о том, что начали делать тайник у «Чешьковыхъ воротъ» (Арх. сп., л. 315—315 об.); о том, что начал подписывать церковь Сретения на посаде «мастеръ Долмать» (Арх. сп., л. 315 об.); о том, что Василий Образецъ и Голова Владимирович заложили «полаты кирпичный» (Арх. сп., л. 316 об. — 317); о женитьбе сына великого князя Рязанского.

В Архивском списке (л. 316 об.) есть известие под 6993 г. о походе великого князя на Тверь с участием Андрея Угличского и Бориса Волоцкого, удельных князей, с которыми Иван III, как мы знаем, был в неприязненных отношениях. Типографско-Академическая летопись не сообщает об участии этих князей в походе, а Уваровская даже выпустила все это известие, свидетельствующее об их заслугах. Равным образом в Уваровской выпущено о расправе великого князя с новгородцами — под 6997 г. — и о неудачах князя Василия Кривого, посланного великим князем на литовские города (Арх. сп. от слов «а вести в Новъгород Нижний...» до слов «...и в полонъ поведоша» на л. 320 об.). Опущен в Уваровской и весь рассказ о походе на Вятку (ср. Софийскую II летопись под 6997 г. в ПСРЛ т. VI до слов «смертью казнилъ» и Арх. сп. на л. 321).

В Уваровской летописи 1518 г., как в своде более позднем по сравнению с Софийской II редакции 1518 г., имеются изменения и искажения. Так, в Архивском списке под 6993 г. читаем, что привели мать казанского царя и «двѣ жены его» (л. 318). Составитель Уваровской летописи усмотрел, видимо, неудобство в таком чтении и исправил, написав: «и жену его». В первоначальном тексте после года «7014» стояло: «Мѣсяца септевриа 4 в четверток князь великий Иван Васильевич женил сына...», и т. д. Так же и в Иоасафовской летописи. То же читаем и в Архивском списке, хотя там после слов «в четверток» вставлен уже заголовок «Свадьба великого князя Василия» и перед обозначением года — «14», т. е. «[70]14» — опущены слова «В лѣто». А в Уваровской полное искажение — вся фраза «14 мѣсяца 4 септевриа 4 в четверг» поставлена перед словами «В лѣто 7014. Свадьба великого князя Василя...» и т. д., и издатель

отнес без оговорки всю фразу с датой к предшествующему известию. Под 7026 г. среди приехавших «старцев» в Архивском списке (л. 435) и в Уваровской летописи имя Максима Грека выброшено, вероятно, ввиду того несчастья, которое свалилось на него по проискам митрополита Даниила³⁹. Троицкий игумен Порфирий, судя по отрывкам следственного дела, должен был помогать в собирании материалов по делу оклеветанного Максима⁴⁰. Один из двух списков Уваровской летописи 1518 г. писался, как известно, в Троице-Сергиевом монастыре.

Новую попытку сблизить великокняжеское летописание с общерусским невеликокняжеским представляет собою Иоасафовская летопись, хранившаяся в библиотеке Троице-Сергиева монастыря и принадлежавшая некогда Иоасафу, бывшему с 1529 по 1539 г. игуменом Троице-Сергиева монастыря, а с 9 февраля 1539 г. по 1542 г.⁴¹ — митрополитом «великия Росиа».

Начинается она с 1437 г., а кончается 1520 г. Ниже приводим данные, позволяющие относить ее составление не к началу 20-х, а к 30-м годам или к самому началу 40-х годов XVI в.

До настоящего времени установлено следующее: Иоасафовская летопись, или близкая к ней, послужила одним из основных источников Никоновской летописи⁴²; в ее основу, в части до 1478 г., положен Московский свод 1479 г.⁴³; основная часть ее кончается 1518 г., а далее в ней следуют беспорядочно расположенные приписки (С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков)⁴⁴; в ее тексте заметен обильный материал митрополичьей кафедры, а водяные

³⁹ К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 599.

⁴⁰ ААЭ, т. I. СПб., 1836, стр. 144—145.

⁴¹ В начале 1542 г. должен был уйти в Троице-Сергиев монастырь, откуда был сослан в Кирилло-Белозерский.

⁴² А. А. Шахматов. Иоасафовская летопись. — ЖМНП (далее — А. А. Шахматов. Иоасафовская летопись), 1904, № 5, стр. 70—73; А. Е. Пресняков. Иоасафовская летопись (далее — А. Е. Пресняков. Иоасафовская летопись). — «Исторические записки», т. 8, 1940, стр. 272—279.

⁴³ А. А. Шахматов. Иоасафовская летопись; «Иоасафовская летопись». М., 1957, введение.

⁴⁴ А. Е. Пресняков. Иоасафовская летопись, стр. 247.

знаки самой рукописи, указывающие на время написания, дают рамки: с 1520 по 1540 г. (А. А. Зимин)⁴⁵.

Иоасафовская летопись сравнительно недавно была опубликована А. А. Зиминим совместно с С. А. Левиной.

Из сказанного явствует, что состав наиболее важной для исследователя части — начиная с 1479 г. до конца летописи — остается очень мало изученным.

Обращаемся ко второй части, начиная с 1479 (6987) г.

Первый большой абзац с начала года от слов «Марта 25...» до слов «малую разъбравъ» взят из Московского свода 1479 г., как явствует из сравнения этого текста с Московским сводом в редакции конца XV в. по Уваровскому списку. С текстом Сокращенного свода, судя по редакции Хронографического списка Новгородской IV, Сокращенного свода 1493 г. и списка Царского, этот абзац Иоасафовой летописи в ряде случаев расходится, совпадая с Московским сводом (см. слова «иуля мѣсяца 11», текст от слов «да уже и оскудѣвати начят...» до слов «...обѣтъ положи», слова «...еже и бысть, первую малую разъбравъ»).

Но далее, начиная от слов «Того же лѣта съвершена бысть», под 6987 г. составитель Иоасафовой летописи перешел на другой источник, на общерусский Сокращенный свод, причем в редакции, более близкой к редакции свода 1493 г., чем к редакции Хронографического списка (так, например, текст от слов «и положиша их в новой...» до конца 6987 г. отсутствует в Хронографическом списке; иначе, чем в Иоасафовой, кончается 6987 г. и в Сокращенном своде редакции 1493 г.).

Текст Иоасафовой под 6988 г. полностью совпадает с Сокращенным сводом 1493 г.

Совпадает с редакцией Сокращенного свода 1493 г. Иоасафовская летопись и под 6989 г. Уже с самого начала текст не совпадает с Воскресенской летописью (нет, например, в Воскресенской от слов «на совѣт и думу ко отцу своему митрополиту Геронтию...» до слов «...противу безсерменству»; нет и текста от слов «по печалованию отца своего митрополита Геронтия...» до слов «...Михайла Андрѣевича»; нет и от слов «и взем благословение у митрополита...» и т. д.). И здесь видим, что текст в Иоасафовой ближе к редакции 1493 г., чем к Хроно-

⁴⁵ «Иоасафовская летопись». М., 1957, введение, стр. 14.

графическому списку: в последнем нет всего текста начиная с известия о том, что «посылал князь великий немецкие земли воевати», до конца года.

Но особенно интересны те небольшие редакционные изменения, которые внес составитель Иоасафовской летописи в текст Сокращенного свода. Так, во-первых, он вставил, повторив год (6989) о том, что «вжжся свѣща о себѣ» у гроба Петра в Москве и что митрополит Геронтий пел «молебная» и воду «свѣщал» и послал к великому князю на Угру. Этой вставки нет не только в Воскресенской, но и в Сокращенном своде 1493 г., и в Хронографическом списке, и в списке Царского, и в Софийской II. Содержание вставки указывает на московский митрополичий источник. Во-вторых, составитель Иоасафовской проредактировал сообщение Сокращенного свода о возвращении из Белоозера великой княгини Софии после татарского «нахождения». Вот что выпустил составитель о Софии: «бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и з боярынями от татарѣ, а не гонима никим же; и по которым странам ходила, тѣм стало пуще татарѣ от боярских холопов, от кровопивцев христианских. Въздаи же имѣ, господи, по дѣлом их и по лукавству начинания их, по дѣлом рукоу их даждь имѣ, господи!» Это обличение великой княгини и «боярских холопов» не гармонировало с направлением политики митрополичьей кафедры в 30-х—начале 40-х годов XVI в. Составитель ограничился кратким известием о возвращении из Белоозера великой княгини, которую посылал туда великий князь «татарьскаго ради нахождения».

Совпадает с текстом Сокращенного свода 1493 г. Иоасафовская летопись под 6990, 6991, 6992, 6993, 6994 гг., и так же, как в Сокращенном своде после 6994 г., повторяется 6993 г. При этом местами Иоасафовская летопись расходится с Хронографическим списком, но совпадает также со списком Царского (6990, 6991, 6993 гг.). Под 6992 г. в Иоасафовской летописи выпало известие о рождении у великого князя дочери Елены, но есть точная дата крещения сына, которой нет в Сокращенном своде.

И далее Иоасафовская летопись совпадает с Сокращенным сводом 1493 г. — под 6995, 6996, 6997, 6998, 6999 гг.⁴⁶

⁴⁶ И под этими годами рассказ ближе к Сокращенному своду 1493 г., чем к Хронографическому списку. Местами также расходится и со списком Царского (6995, 6997, 6998 гг.).

Рассказ 6999 г. обрывается на словах: «... и много бѣды тогда градѣмъ людемъ и христіанству. Того же...», известие осталось недописанным, и в рукописи затем 7 листов оставлены чистыми. На 146 листе начинается текст, написанный другим почерком, с середины фразы рассказом о событиях 7004 г., словами «... и приспѣ время». Отсюда составитель следует уже другому источнику.

Итак, точно устанавливаем, что на определенном отрезке составитель Иоасафовской летописи следовал в основном Сокращенному своду 1493 г. или близкой редакции. Вывод этот имеет значение и для понимания состава Никоновской летописи, и для выяснения происхождения Сокращенного свода. Какому же источнику следовал составитель Иоасафовской летописи начиная с 7004 г. от слов «и приспѣ время...» и до конца 7026 (1518) г. на л. 191? Напомним, что последующий текст представлял собою дополнительную часть или приписки к основной части.

Здесь с 7004 по 7026 г. составителем Иоасафовской летописи была положена в основание его текста Софийская II или близкая к ней летопись. Сравнивая год за годом, убеждаемся в том, что текст в Иоасафовской, расходясь в ряде случаев с Воскресенской летописью, близок к Софийской II. (Например, описание похода на Новгород в Иоасафовской, Софийской II и Воскресенской под 7004 г.; ниже читаем слова, которых нет в Воскресенской: «... и костромичи и иных городов мнози»; под 7014 г. в Иоасафовской и Софийской II отсутствуют подробные сведения о распределении воевод в походе на Казань, которые имеются в Воскресенской; под 7015 г. в Воскресенской иначе рассказано о посольстве к казанскому царю. В Воскресенской нет о том, какую «вѣсть» о татарах получили воеводы, когда были в Воротынске; под 7016 г. в Воскресенской по-иному рассказано о построении церкви Благовещения великим князем и о посылке рати на Литовские земли; под 7017 г. изложена история с Иосифо-Волоколамским монастырем, которой нет в Воскресенской и т. п.).

Необходимо отметить некоторые известия, которые составитель Иоасафовской летописи вставил в текст и которых нет ни в Софийской II и Львовской, ни в Воскресенской летописи. Это — под 7009 г. о чуде у гроба Максима юродивого (эту вставку следует сопоставить со вставками в предыдущий отрезок Иоасафовской летописи;

см. стр. 399), а также вставки двух известий под 7007 г. и под 7008 г.: первая о том, что «по благословению Симона митрополита» великий князь захватил в Новгороде Великом церковные земли «за себе», владычные и монастырские, и раздал детям боярским «в помѣсть»; вторая о взятии Торопца. Оба известия находим в Псковской III летописи.

Вместе с тем несомненно, что в текст Иоасафовской, заимствованный на данном отрезке в основном из Софийской II, сделано немало вставок из Воскресенской летописи, особенно под 7021—7026 гг.

Из Воскресенской летописи заимствовано известие под 7006 г. в точно такой же редакции о прибытии М. Плещеева из Царьграда в Москву (об этом нет ни в Софийской II, ни в Львовской, ни в Уваровской 1518 г.). Трудно сказать, какого происхождения текст под 7020 г. от слов «И князь о том велѣлъ с ним (т. е. с послом казанским Шаусен-Сеитом. — А. Н.) говорити...» до слов «...и до своего живота», восходит ли он к первоначальной редакции Воскресенской летописи или иного происхождения. Но в Воскресенской летописи находим следующие места Иоасафовской, которые отсутствуют в Софийской II: под 7021 г. от слов «о тѣх неисправлениях...» до слов «...и отвѣта не дал»; под 7022 г. от слов «и граду Смоленску великие скорби...» до слов «...и стенами великими укрѣплено»; под тем же годом от слов «и приступы великие чинити без отдуха...» до слов «...повелѣ бою престати»; под тем же годом от слов «епископъ же благослови честным...» до слов «...да велѣлъ им сѣсти»; под 7023 г. о том, что отпустили «Максимилианова цѣсарева посла Якова доктора и Мавреца къ его государю»; под 7024 г. о том, что отпустили крымского посла Янчюру-Дувана; под 7026 г. дату «ноября 15», упоминание о Максиме Греке и текст от слов «и всему народу...» до слов «...и святым чудотворцем руским». И заканчивается рассказ 7026 г. в Иоасафовской так же, как и в Воскресенской, словами «И князь велики их, почтив, отпустил».

Дополнительная часть Иоасафовской летописи, или приписки 7027—7028 гг., которые кончаются словами «а река под нимъ Тула же», представляют самостоятельный интерес. Они посвящены почти исключительно или внешнеполитическим событиям, или церковным, при этом,

обращает на себя внимание частое упоминание имени митрополита Варлаама ⁴⁷.

Дополнительная часть, или приписки, были уже в оригинале Иоасафовской летописи, так как листы 190—195 об. рукописи написаны одним почерком. Писец, быть может, в какой-то мере подражая своему оригиналу, в трех местах оставил в тексте приписок пропущенную чистую строку ⁴⁸. В них немало чтений, которых нет ни в Софийской II, ни в Воскресенской, но места, совпадающие с Воскресенской, имеются. Если принимать установившееся в литературе мнение, что первоначальная редакция Воскресенской летописи кончалась 1533 г., то тогда необходимо считать, что оригинал Иоасафовской летописи был написан не ранее этого года.

Последним звеном в изучаемой цепи сводов является свод 1558 г., или Типографско-Академическая летопись, обнаруженная мной в рукописи под № 32.8.3, хранящейся в Ленинграде в БАН.

Изучение ее показало, что летопись вышла из Троице-Сергиева монастыря. Об этом совокупно свидетельствуют: во-первых, состав летописного свода, во-вторых, монастырские троицкие записи, которые следуют за нею, и, затем, написанные тем же почерком два сказания о взятии Казани, неизвестные ранее. Оба сказания мной были изучены ⁴⁹. А текст их позднее мною опубликован ⁵⁰. Оба сказания оказались троицкого происхождения. Сделанный вывод подтвердился, когда был указан мне второй список (тоже XVII в.) того же свода (ЦГАДА, собр. Оболенского, № 78/40). Подтвердилось и происхождение монастырских записей, помещенных вслед за летописью, которые в списке Оболенского даны полнее. С начала и

⁴⁷ В дополнительной части в обилии использованы, между прочим, записи, сделанные в Чудовом монастыре о чудесах у гроба митрополита Алексея; находим их и в Воскресенской летописи.

⁴⁸ В конце л. 191 после слов «не стало» перед словами «В лѣто 7027...»; в начале л. 195 перед словами «В лѣто 7027...»; на л. 196 перед словами «Того же лѣта князь великий...».

⁴⁹ А. Н. Насонов. Материалы и исследования, стр. 236—251.

⁵⁰ А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского «взятия». — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1961.

до конца они полностью, слово в слово⁵¹, совпадают с записями в рукописи, содержащей Синодальный список Уваровской летописи 1518 г., которые были опубликованы в 1865 г.⁵², поэтому мы их не приводим здесь.

Оба сказания о взятии Казани, как мы говорили, троицкого происхождения. В самом деле, судя по содержанию введения и по обращению составителя к «духовным отцам и братии» и по тому, что из «чюдотворцев» упомянуты только «великий чюдотворец» Сергей и Никон, можно заключить, что составитель был монахом, причем принадлежал к «братии» Сергиева монастыря. Для нас важно, что связь составителя (или составителей) с Сергиевым монастырем доказывается не только текстом первого памятника (сказания), но и второго. По тексту первого, приняв решение идти на крымского «царя», великий князь едет в Сергиев монастырь; приводится молитва Сергию и затем говорится, что царь «от настоятеля обители тоя благословляется и от всего священническаго и иноческаго собора благословение приемлет» (л. 860). Всего этого в тексте «Летописца начала царства...» мы не найдем (ср. Синодальную № 486 и Никоновскую летописи).

Сергий упомянут в сказании и ниже, в рассказе о пребывании в Успенском соборе (л. 861 об.), чего также нет в «Летописце начала царства» (ср. Синодальную № 486 и Никоновскую летописи). Во втором памятнике подробнее, чем в «Летописце начала царства» рассказано о молитве в церкви Сергия под Казанью (л. 872 об.; ср. Никоновскую летопись, стр. 209; Синодальную № 486, л. 429). Но всего убедительнее показания текста, где рассказано о приезде из Троице-Сергиева монастыря Адриана Ангелова к царю под Казань. Об этом нет в «Летописце начала царства» и в Синодальной № 486, а в «Казанской истории», в летописном «отрывке», напечатанном в т. VI ПСРЛ и в небольшом тексте, изданном в 1898 г. Г. З. Кунцевичем, рассказ короче⁵³. Обращаем внимание, что последующие события осады Казани поставлены в изучаемой

⁵¹ Только в Синодальном списке Уваровской летописи (ГИМ, Синод., № 645) вместо «Ноугородовъ» читаем: «Селинов».

⁵² «Краткий летописец Святотроицкой Сергиевы лавры». — ЛЗАК, вып. III. СПб., 1865, Приложения, стр. 18—26.

⁵³ «Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1897—1898 году». СПб., 1898, Приложения, стр. 23—35.

«повести» в зависимость от приезда Адриана Ангелова из Сергиева монастыря: «И от того дни православному царю нашему вся радость и побѣда на враги...» (л. 874 об.). По мысли составителя, с приезда Ангелова началась «вся радость и побѣда»: с успехом взрывается тайник, приезжают воины после долгого отсутствия из Арского городка с освобожденным полоном, делаются новые подкопы, Казань взята. Сергей и Никон упомянуты и в заключении⁵⁴.

На основании всего изложенного надо считать доказанным, что составитель (или составители) обоих памятников имел самое близкое отношение к Сергиеву монастырю.

О себе составитель заявляет сам в сказании, что он «грѣшныи» частью слышал об описываемых событиях от «самодержца», «царя», частью видел их «своима очима». Составитель сказания мог быть свидетелем приезда великого князя в Сергиев монастырь, но упомянутое заявление его (в сказании) заставляет предполагать, что ему пришлось быть свидетелем борьбы с «агарянами»; и в «повести» при описании взятия Казани прямо говорится: «...се же мы своима очима видѣхом, не ложно бо есть писание, но истинна». О приезде Адриана Ангелова «со единым братом» незадолго до взятия Казани к царю под Казань рассказывает второй памятник. Есть сведения, что «при келаре старце Адреане Ангилове» был в 1559 г. для Свияжска слит колокол⁵⁵. О «келаре» Адриане Ангелове неоднократно упоминают троицкие записи, предшествующие первому памятнику. По некоторым данным, он покровительствовал литературной работе⁵⁶. Надо думать, что приезжавшие под Казань троицкие «чернецы» имели отношение к составлению изучаемых памятников. Для нас представляется чрезвычайно существенным следующее: заключительная часть второго памятника дает данные для датировки его; здесь упоминается, как о живых, о царице Анастасии и царевице Димитрии (л. 882 об.). Димитрий родился в октябре 7061 (1552) г., а Анастасия умерла

⁵⁴ Никон был канонизирован к общерусскому «празднованию» на соборе 1547 г.

⁵⁵ «...Лилъ мастеръ Нестеръ Ивановъ сынъ». А. Яблоков. Город Свияжска Казанской губернии и его святыни. Казань, 1907, стр. 99.

⁵⁶ Н. К. Никольский. Рукописная книжность древнерусских библиотек, вып. I. Пг., 1915, стр. 46—47.

в 7068 (1560) г. Таким образом, изучаемый памятник составлялся в 7061 (1552)—7068 (1560) гг. Но данные эти дают материал и для более точного определения: Димитрий, упомянутый здесь, умер в июне или июле 1553 г., а следующий сын Иван, не упомянутый здесь, родился в марте 1554 г. Таким образом, изучаемый памятник написан не ранее октября 1552 г. и не позднее лета 1553 г., т. е. вскоре после описываемых событий.

Совершенно невозможно считать случайностью, что состав Типографско-Академической летописи близок к рассмотренным выше сводам. Ее первая часть совпадает в общем со сводом 1527 г. и отчасти со сводами 1497 и 1518 гг. Ее вторая часть восходит к протографу Софийской II летописи и это роднит ее со сводом 1518 г. и отчасти с Иоасафовской летописью. Третья часть ее соответствует списку Оболенского Никоновской летописи, т. е. списку, вышедшему из Троице-Сергиева монастыря. А так как Никоновская летопись близка к Иоасафовской, то третья часть Типографско-Академической до 1520 г. соответствует Иоасафовской.

Мы видим, таким образом, что Типографско-Академическая летопись является звеном той же цепи сводов и имеет ближайшее отношение к летописной работе в Троице-Сергиевом монастыре.

Первую часть Типографско-Академической летописи, до слов «...и митрополию не восхотѣ» под 1484 г. заполняет текст ростовского владычного свода в редакции архиепископа Тихона. Ее близость в части до 1425 г. к Московскому своду 1479 г. объясняется или тем, что в этой части Тихон использовал Московский свод, или тем, что Тихон пользовался общерусским сводом митрополитов Феодосия — Филиппа (о нем см. выше), который в состав Московского свода вошел как раз в части до 1425 г.

Вторая часть Типографско-Академической летописи начинается с 6693 г., с известия о Геронтии, и идет до 6698 г. включительно, кончаясь известием о смерти этого митрополита. Она близка Софийской II летописи. Был ли в руках у составителя Типографско-Академической летописи свод 1490 (6998) г. или какая-либо разновидность Софийской II, сказать трудно. Во всяком случае, перед нами своеобразный вариант Софийской II летописи: здесь обнаруживаем не только сокращения, аналогичные тем, которые встречаем в Уваровской летописи 1518 г., но и известия,

которых нет в Софийской II, и некоторые конкретные детали, отсутствующие в Софийской II.

Отметим сначала сокращения в Типографско-Академической по сравнению с Софийской II. В Типографско-Академической нет под 6993 г. о «свершении» церкви Ризоположения на митрополичьем дворе, о «свершении» трапезной «на Симоновъ», о закладке великим князем погреба на Казенном дворе, о том, что начали делать тайник у Чешковых ворот; о том, что князь великий велел подписать церковь Сретения на посаде, и о мастере Долмате иконнике; о том, что Ховрин построил палату кирпичную; о том, что великий князь ходил на Тверь (от слов «а съ нимъ сынъ его...» до слов «...августа 21 день»); о том, что Образец и Голова заложили палаты кирпичные; о женитьбе сына великого князя Рязанского. А под 6996 г. едва ли только ради краткости выпущено в своде 1558 г. о том, что архимандрита чудовского били в торгую кнутъем, а также Ухтомского и Хомутова за подложную грамоту на землю в пользу монастыря «на Каменое» после смерти князя Андрея Васильевича Вологодского. Часть текста, которая в Типографско-Академической летописи читается в статье 6694 г., в Софийской II имеется под 6693 г.

Вместе с тем, как мы сказали, в Типографско-Академической есть сведения, отсутствующие в Софийской II. К ним относятся известия под 6993 г. о внутренних делах в Казани — о том, как выгнанный из Казани царевич бежал, его рыбаки перевезли «на сю сторону» Волги и он явился к великому князю; интересные сведения о судьбе Михаила Тверского и бояр, бежавших в Литву (от слов «Тое же осени присла король...» до конца года); а под 6994 г. — о «поимании» и заточении Михаила Холмского, а также княгини великого князя тверского и о попытках получить ее драгоценности. Наконец, ниже текст от слов «И звониша на площади...» до слов «...великого князя».

Третья часть Типографско-Академической летописи начинается с известий 7001 (1493) г. и идет до конца свода, т. е. до 1558 г. включительно, совпадая с Никоновской летописью и кончаясь на тех же словах, как и список Оболенского Никоновской летописи. Можно также с большой долей вероятности утверждать теперь, что так называемый Толстовский список Типографской летописи, опубликованный в ПСРЛ, т. XXIV, хотя и обрывается по дефектности

на 7004 г., представляет собою дефектный список Типографско-Академической летописи.

В настоящее время накопились данные, которые склоняют к мысли, что к составлению первоначальной, ранней редакции Никоновской летописи имел отношение Троице-Сергиев монастырь. Этому монастырю принадлежали список Оболенского и Троицкий список № 97.

В списке Оболенского, а также в Академическом (БАН, № 77.2.5), Троицком, Строгановском и в списке ГБЛ, ф. 310, № 756 тексту Никоновской летописи предшествуют статьи «Данье великого князя Дмитрия Ивановича Донского въ Сергиевъ монастырь» и «Дано игумену Никону въ Сергиевъ монастырь»⁵⁷. Подложность «монастырской записки» о «данье» Дмитрия Ивановича была установлена еще в прошлом столетии⁵⁸. Нет сомнения, что текст составлялся в Троице-Сергиевом монастыре. Реестр вкладов в Троице-Сергиев монастырь, опущенный в Патриаршем списке, был заимствован, как видно из нумерации его разделов, из той рукописи, откуда взят имеющийся в Патриаршем списке перечень византийских императоров, и восходит, как определил А. А. Шахматов, к оригиналу Никоновской летописи⁵⁹. Не противоречат выводу А. А. Шахматова и показания актов: все перечисленные в реестрах селения были уже в XV в. во владении Троице-Сергиева монастыря⁶⁰.

Один из основных источников, использованный в Никоновской летописи за вторую половину XV в. и за первые десятилетия XVI в., связан своей судьбой с Троице-Сергиевым монастырем. Это — Иоасафовская летопись или

⁵⁷ ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. XXII—XXIII.

⁵⁸ Иером. *Арсений*. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя преподобного Сергия. — ЛЗАК, вып. VII, СПб., 1884.

⁵⁹ А. А. *Шахматов*. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова — «Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению», т. IV, № 2. СПб., 1899, стр. 172.

⁶⁰ АСВР, т. I. М., 1952, № 39, 106, 112, 130, 163, 191, 307, 309, 401. Что касается пошлины за «пятно», то о ней автор исследования «О вотчинных владениях Троицкого монастыря...» пишет: «Неоспоримо, что в XVI в. служки троицкие собирали в Москву пошлину за пятно с продажи лошадей; вероятно, пятенный сбор был и в XV в., но был ли он в XIV в., это остается под сомнением». — Иером. *Арсений*. Указ. соч., стр. 167.

весьма близкий к ней свод. Иоасафовская летопись принадлежала Троице-Сергиевой лавре, а некогда была собственностью Иоасафа, которого в 1529 г. избрали игуменом Троице-Сергиева монастыря из старцев этого монастыря; в 1539 г. он был поставлен митрополитом.

Никоновская летопись редакции 1558 г. была правительственным, официальным сводом, в формировании которого, по-видимому, принимал участие А. Адашев, судя по указанию «Описи царского архива XVI в.» И те сказания («сказание» и «повесть»), которыми продолжена Типографско-Академическая летопись, являются памятниками сугубо официальными, правительственными, несмотря на свой внешний церковный облик. Не следует забывать о том, что в процессе сложения дошедших до нас списков Никоновского свода, как есть основания предполагать, принимала участие и митрополичья кафедра. Напомню о догадке А. А. Шахматова, что составление Никоновской летописи произошло «при участии Иоасафа, по его заказу, под его наблюдением»⁶¹. С. П. Розанов сделал попытку в специальном исследовании обосновать предположение, что Иоасаф был одним из составителей Никоновской летописи⁶². Н. Ф. Лавров, изучавший «Летописецъ начала царства великого князя Ивана Васильевича», вошедший в состав Патриаршего списка Никоновской летописи, высказал мнение, что в составлении «Летописца начала царства» принимал участие Макарий⁶³. Это предположение подтверждается сделанным нами сравнением «Летописца начала царства» со «сказанием», которым продолжена Типографско-Академическая летопись⁶⁴.

В летописце Рукописного отдела ГБЛ, Муз. № 2422, составленном, по-видимому, в связи с учреждением патриаршества в России, широко использован церковный, митрополичий материал и находится много известий, связанных с Троице-Сергиевым монастырем (см. лл. 183—183 об., 193 об., 198—198 об.). Нет сомнения, что составитель имел в руках Никоновскую летопись.

⁶¹ А. А. Шахматов. Иоасафовская летопись.

⁶² С. П. Розанов. «Никоновский» летописный свод и Иоасаф как один из его составителей. — ИОРЯС, т. III, кн. 1. Л., 1930.

⁶³ Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи — «Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии», вып. 1 (34). Л., 1927.

⁶⁴ А. Н. Насонов. Материалы и исследования, стр. 243.

Из всего сказанного следует: необходимо предполагать, что Типографско-Академическая летопись (т. е. свод 1558 г.) была составлена в Троице-Сергиевом монастыре не ранее конца 50-х годов XV в. Привлечение Никоновской летописи (в редакции 1558 г.) при составлении Типографско-Академической свидетельствует о желании троицких составителей придать своему своду правительственную окраску.

Итак, устанавливаем внутреннюю связь между звеньями цепи летописных сводов, протянувшейся от конца XV в. до 50-х годов XVI в. Рассмотрение этой цепи прочно утверждает следующие два положения: 1) в эту эпоху существовала летописная традиция, близкая к интересам митрополичьей кафедры и вместе с тем стоявшая в известной зависимости от летописной работы в Троице-Сергиевом монастыре; 2) прослеживается процесс сближения этой традиции с летописной традицией великокняжеской (и затем царской). Будущее исследование покажет, в какой мере Никоновская летопись отразила результаты этого процесса.

Глава одиннадцатая

Подобную же тенденцию сближения или объединения двух традиций (я имею в виду содержание сводов, рассмотренных в предыдущей главе) обнаруживаем и на другом летописном материале.

С формальной же стороны этот летописный материал представляет одну особенность: в нем первая часть содержит всемирную историю, а вторая часть — русскую. В основе первой части лежит *Хронограф* редакции 1512 г., или к нему она восходит.

Этот вид свода образовался не сразу.

До сих пор мы рассматриваем основной тип древнерусского летописания, представленный разнообразными ветвями трудов по «русской истории». Как известно, существовал на Руси и другой вид исторического повествования, а именно всемирно-исторические хроники, в которых среди материала по истории иных стран были вкраплены сведения и по истории Руси. Такого характера историческая хроника предположительно существовала уже в XI в. (до нас она не дошла) и была составлена путем извлечений из труда Георгия Амартола и других источников: о ней именно говорится в «Хронографической Толковой Палее» полной редакции, когда делается ссылка на «Хронограф по великому изложению»¹. Однако трудно

¹ В М. Истрин. «Книги временныя и образныя Георгия Мниха». Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе.

определить объем русских статей, вплетенных в этот предполагаемый хронограф; их объем мог быть невелик².

Редакция 1512 г. всемирной истории доведена до взятия Царьграда турками³. Ее идея была связана с усилением Московского государства; это идея Москвы — третьего Рима, Москвы — преемницы павшей Византии. Хронограф редакции 1512 г. — всемирная история от сотворения мира, история ветхозаветная и новозаветная, история Рима и Византии, в которую вплетены сведения по истории южных славян и по истории Руси.

С конца XV в. наблюдаем случаи, когда летописному своду по истории Руси предпосылается всемирно-историческое введение и к большим сводам, и к кратким. Наконец, появляются большие и небольшие своды, в которых, как мы говорили, первая часть содержит хронографический материал, а вторая — летописный.

Далеким прототипом сводов такого вида следует считать «Никифора патриарха Царяграда лѣтописѣць въскорѣ» с русским продолжением, вписанный на лл. 567 об.—575 об. Кормчей XIII в. ГИМ, Синод., № 732. Последнее известие летописца — смерть Глеба Ростовского. Он умер 13 декабря 1278 г. Следовательно, может быть, что летописец был написан в 1279 г. Около этого года была составлена и сама Кормчая «повѣлением» князя Дмитрия Александровича и «стяжанием» новгородского архиепископа Климента, так отмечено в записи на первом листе рукописи. Обыкновенно считают, что она написана в 1282 (6790) г. Однако в 6790 г. Дмитрий Александрович не княжил в Новгороде⁴. Таким образом, Кормчая могла быть написана или в 1279—1281 гг., или позднее, но не позже 6791 (1283/4) мартовского года⁵.

Текст, исследование и словарь, т. II, Пг., 1922, стр. 418 и др.; А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 146 и др.

² В. М. Истрин. Указ соч., стр. 419—420.

³ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911. Предыдущая редакция этого Хронографа (до нас не дошедшая), согласно исследованию А. А. Шахматова, была составлена в 40-х годах XV в. Пахомием Сербом.

⁴ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 289.

⁵ Год в рукописи не ясен. Нам представляются в ней киноварные следы цифры П (80) и далее следы, указывающие, что были единицы (т. е. 7, 8 или 9).

описец, судя по содержанию, составлялся в первоначальном виде в Ростове (он или его протограф составил, как отмечалось в научной литературе, с помощью иерархов, откуда взят расчет годов между вселенскими собо-
рами)⁶.

Ничего удивительного, что такой летописец, вошедший в Кормчую, предпринятую «по повелению» князя Александровича, был написан именно в 70—80-х годах XIII в. в Ростове. К 1281 г. относится «Послание черноризца к ростовскому князю Дмитрию Божьему». В Ростове почти непрерывно велись летописные своды. А в 1281 г. был написан владимирский великокняжеский свод Дмитрия Александровича, в значительной мере основанный на ростовском материале (см. выше главу IV). В Кормчю Дмитрия Александровича проводилась идея объединения сводов северо-восточных князей в соответствии с их назначением. Составитель летописца (из Новгородской кормчей) говорит об единстве «всей Русской земли» и о единстве при Всеволоде Юрьевиче. Летописец этот — конспект, чем изложение истории, в котором присутствуют родословный материал со сведениями о смене князей и княжений и отмечаются только некоторые события. Описание византийских царей кончается Мануилом, и от слов «Въ лѣто 6681. Убиенъ великий князь и...» идет речь только о событиях русской истории. Описание отражает концепцию владимирских великокняжеских сводов, согласно которой при Андрее «нача быти великое княжение въ воли его», а Всеволод (Большое) владел «всею землею Роусьскою». Наряду с владимирами князьями называются князья, княжившие в Ростове, Ярославле. Кончается летописец так: «И нача великое княжение Дмитрии Ольксандровичъ. Божьимъ Ростовьскыи княжи лѣтъ 40, и оумре въ Татарехъ;

А. Шахматов. Указ соч., стр. 63; Н. В. Степанов. «Лѣтопись о великомъ патриархѣ Никифорѣ» патриарха Никифора в Новгородской кормчей. — М., т. XVII, кн. 2—3. СПб., 1912.

Вопрос об отношении Летописца патриарха Никифора к греческому подлиннику посвящена и указанная работа Степанова. В ней издан и текст летописца. Начинается летопись из Кормчей от Адама и Сифа. Дается схема с хронологическими датами всемирной истории, причем русские события вкраплены в текст по истории Византии после слов о Михаиле и Василии: «и о царствѣ придоша Роусь, Чюдь, Словенѣ, Кривичи...»

и сѣдоста въ Ростовѣ сына его Дѣмитрии и Костянтинѣ; а Глѣбъ (тоже ростовский князь. — А. Н.) приехавъ ис Татарѣ, княживъ 7 мѣсяць и оумре».

В условиях последующего времени летописец был как будто надолго забыт. Но во второй половине XV в., в эпоху образования Московского централизованного государства, о нем вспомнили; по крайней мере, точная копия второй половины XV в. (перепутаны только числа) летописца дошла до нас в сборнике Троице-Сергиева монастыря. Ранее рукопись была как вклад в Хотьковском монастыре, а ныне хранится в ГБЛ, ф. 304, № 765. Но самое интересное, что во второй половине XV в. или в первой половине XVI в. сделали попытку использовать текст Летописца патриарха Никифора в качестве всемирно-исторического введения к русской летописи, точнее — к краткому (сравнительно) ростовскому владычному летописному своду.

Такую попытку видим в Музейном списке ростовского владычного свода, изданного нами в 1955 г.⁸ Прежде всего отметим, что интересующий нас текст включен в сборник, содержащий фрагмент Бальзеровского списка Софийской I летописи, о происхождении которого нам приходилось говорить выше (см. выше главу V), а также черновые записи из Пафнутьевского монастыря. Собственно введением к летописцу служит «Никифора патриарха лѣтописецъ въкратцѣ» с каталогом византийских императоров, продолженным краткой родословной статьей о русских князьях, кончающейся перечислением белозерских князей (л. 300), и на той же странице начинается «Летописецъ рускы», т. е. тот ростовский владычный свод, о котором мы говорили. Весь этот текст начиная с Никифорова «Лѣтописца въкратцѣ» написан одним почерком и составляет как бы одно целое.

Текст «Никифора патриарха лѣтописца...» сначала соответствует тексту Ростовского летописца из Новгородской Кормчей XIII в., но после слов «А Ольгъ оумре»⁹ в Музейном читаем: «Иже царствовавшихъ в Костентинѣ градѣ православнии же и еретици...», и затем читаем тот

⁸ «Летописный свод XV века» (по двум спискам). Подготовка текста и вводная статья А. Н. Насонова — «Материалы по истории СССР», вып. II. М., 1955.

⁹ ПСРЛ, т. I, изд. 1. СПб., 1846, стр. 251.

краткий каталог византийских царей, о котором мы упомянули (кончается Мануилом), православных и «еретиков», что гармонировало с интересом к вопросу о религиозных сектах в эту эпоху на Руси.

Аналогичный, хотя и не вполне тождественный текст Летописца патриарха Никифора, как известно, предшествует и Никоновской летописи (спискам Оболенского, Патриаршему, Троицкому).

Текст, близкий Летописцу Никифора, но с некоторыми добавлениями и купюрами, непосредственно предшествовал Сокращенному летописному своду 1493 г.¹⁰ Он и был издан в 1962 г. с текстом русского свода, поскольку служил как бы всемирно-историческим введением к нему¹¹.

Слияние Летописца патриарха Никифора с текстом русского летописного свода видим в небольшом своде, составленном позднее Никоновской летописи, так как Никоновская летопись была в нем использована. Этот свод отмечен нами в двух списках: в рукописи, хранящейся в ЦГАДА, ф. 181, № 66, и в рукописи, хранящейся в ГИМ, Синод., № 965¹². В последней он переписан не весь, а только до 7019 (1511) г. и обрывается на полужае; более полный и исправный текст сохранился в списке ЦГАДА, ф. 181, № 66, где рассказ доведен до 7064 г., но тоже конца недостает.

Список открывается текстом «Никифора патриарха Царяграда летописцем вскоре», который в общем соответствует летописцу Кормчей XIII в., но после слов «а в Руси поча княжити Игорьъ, а Олегъ оумре...» тексты расходятся. В списке ЦГАДА, ф. 181, № 66 непосредственно за этими словами читаем: «Помяну Олегъ конь свои, же бѣ постави кормити и не вседати на нь, бѣ бо преже того вопрошалъ волхвовъ и кудесниковъ, от чего ми оум-

¹⁰ В этом летописце, который предшествовал Сокращенному своду, после упоминания о Мануиле и сыне его Калуане следует расчет лет, подобный тому, который предшествует Хронографу редакции 1512 г. Начинается словами «От Адама до потопа лѣт 2240...», кончается расчетом «до исполнения седмыя тысяща».

¹¹ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 165—172.

¹² Описание сборника ГИМ, Синод., № 965 дано в статье М. Н. Тихомирова «Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания» — «Исторические записки», т. 13, 1942. Но в ней нет указаний, что существует более полный список того же свода, сохранившегося в Синод. на л. 201 и сл.

рети...» и т. д., и затем — пространный рассказ о смерти Олега, после чего читаем: «В лѣто 6415. Иде Олегъ на Греки...» и далее следует текст русской летописи.

Как видим, здесь уже текст Летописца патриарха Никифора полностью соединен с русским летописным сводом, являясь его начальной частью.

В основном этот летописный свод, составленный довольно небрежно, представляет собой сокращенные выборки из Никоновской летописи, с первых листов до конца. К их числу относится и приписка к известию под 6807 г. о смерти Федора Черного Ярославского: «... и многы чюдеса от него быша», т. е. сведения XV в., распространявшиеся митрополичьей литературной традицией (ср. Софийскую II). К числу выборок относится и рассказ под 6882 г. о построении г. Серпухова и монастыря при содействии Сергия Радонежского, попавший в Никоновскую из Троицкой, и т. п.

Чтобы показать сферу интересов составителя свода, укажем, что под 6934 г. из большого текста Никоновской он взял только известие о смерти Андрея Владимировича (князя Радонежского), погребенного в Троице-Сергиевом монастыре; под 6935 г. — только о смерти Кирилла Белозерского, погребенного в своем монастыре; под 7019 г. — только о смерти митрополита Симона и о поставлении Варлаама; под 7022 г. — только о взятии Смоленска и о смерти бывшего архиепископа Серапиона в Троице-Сергиевом монастыре; под 7027 г. — только о поставлении игумена Соловецкого монастыря епископом вологодско-пермским и о построении каменного города Тулы; под 7029 г. — только об обретении мощей Макария в Калязинском монастыре и т. п.

Сравнительно подробно описаны с помощью извлечений из Никоновской летописи боярские «мятежи» 30—40-х годов XVI в. Указание на князей Кубенских и Палецких под 7049 г. ведет как-будто к Синодальной рукописи Лицевого свода. Но о венчании на царство сказано кратко.

Последние сохранившиеся известия свода — это известия 7063 и 7064 гг.: под 7063 г. о поставлении в Казань архиепископа Гурия, о решении (в память взятия Казани) поставить Покровский собор и экскурс из истории Казанского царства с попыткой, также заимствованной из Никоновской летописи, оправдать овладение всею

Волгою фантастической исторической справкой; а под 7064 г. — довольно подробный рассказ о том, как царь отпускал владыку Гурия в Казань. Страница (л. 108 об.) кончается текстом из Никоновской летописи о приказе «... в полкехъ быти княжатомъ и дѣтемъ боярскимъ с во(е)водами без мѣстъ ходити...», причем обрывается рассказ на словах «а в томъ отчествѣ...» Далее листа или листов недостает, а на л. 109 страница начинается словами «...пустѣние положи, оувы! От начала оубо миру...» и т. д. Это — текст последней статьи Хронографа редакции 1512 г., посвященный взятию Царьграда турками, в которой говорится, что «наша же Росиская земля... растет и младѣть и возвышается». Содержание этой статьи, очевидно, в какой-то мере перекликалось с начальной частью свода. К сожалению, остается загадкой, на чем кончался свод и когда и по какому случаю он был составлен.

Загадка как будто разъясняется, когда обращаемся к летописцу, находящемуся в сборнике ГБЛ, Муз. № 2422¹³, на лл. 111—206 об. Летописец этот весьма близок к летописцу по списку ЦГАДА, но сохранил текст полностью, до конца и кончается довольно подробным рассказом о поставлении митрополита Иова в патриархи в 7097 г. и о поставлении других архиереев. По-видимому, он составлен был в связи с учреждением патриаршества в России. Если такой же конец был и в списке ЦГАДА, тогда вполне понятен и последующий (за летописцем) текст в нем, частью сохранившийся, из Хронографа о падении Царьграда, взятого турками, и о «возвышении» Русской земли.

Отметим также, что в сборнике № 2422 наряду с такими статьями, как «Описание... о Сибирстеи странѣ» (с л. 278), «Описание Сибирскаго царства о дорогах» (с л. 329), находим (с л. 268) «Чинъ омовению», относящийся к патриарху Питириму (70-е годы XVII в.) и «Историю о венчании царскимъ вѣнцемъ» Алексея Михайловича (с л. 231).

Летописец также начинается с текста Летописца патриарха Никифора, близкого к летописцу Новгородской Кормчей, но начиная от слов «а Олегъ умре» содержит

¹³ Новый шифр рукописи ГБЛ, ф. 236, № 31. — *Ред.*

текст, аналогичный списку ЦГАДА («помяну Ологъ (sic!) конь свои, иже бѣ постави кормити...» и т. д.). И здесь видим ряд аналогичных известий, извлеченных из Никоновской летописи (например, о митрополите Михаиле и училищах при Владимире Киевском; подробности о смерти Романа Ольговича Рязанского; о Федоре Ярославском; о поставлении Серпухова и т. д.). Рассказ о приговорах о кормлениях доведен здесь до конца, и текст продолжен извлечениями из Никоновской летописи до 7066 г. включительно. А далее следует материал, которого в Никоновской нет; отмечено об «измене» Курбского, а под 7073 г. читаем, что царь «учинилъ опри(ни)шну»¹⁴ и из города из двора своего перевезеся жити за Неглинну на Возьдвиженъскую улицу на княжъ Михаловский двор Темрюковича и велѣлъ на тотъ двор хоромы и ограду все новое ставити. Также и в слободѣ ставити градъ и дворъ свои и бояромъ и дворяномъ велѣл в слободѣ дворы ставити и избы розрядные; и почалъ жити в слободѣ, а к Москвѣ сталъ переезжать на время». Далее идут разнообразные известия главным образом о внешнеполитических событиях: под 7076 г. — о том, что Дмитрий Вишневецкий отпросился у государя «в поле жити и государеву украину очищать и беречи» и как он отъехал к «турскому царю», где был убит; под 7078 г. сообщается о «повѣтрии» и в официальном духе, кратко, о разгроме Новгорода и Пскова «за ихъ измѣну»; под 7085 г. — о том, что царь с царевичем ходили «дозирати» «своеи вотчины Лифлянские земли» и т. п.

Наконец, ниже, под 7094 г., помещены заключительные сообщения свода, содержание которых находится, очевидно, в полном соответствии с происхождением летописного свода: здесь читаем о поставлении на Москве митрополита Иова в патриархи царьградским патриархом Иеремией; указаны лица, с ним приехавшие из Царьграда, отмечено о составе «собора» и рассказано о поставлении 4 митрополитов, 6 архиепископов и 8 епископов. Сообщения носят официальный характер, и, разумеется, умалчивается о переговорах с Иеремией, на которого русское правительство оказывало давление.

¹⁴ Так в рукописи, в скобках написано, по-видимому, другими чернилами.

Обратимся к основному предмету изучения предлагаемой главы — к хронографическо-летописному памятнику 1533 г., одну часть которого составляет хронограф, а другую — русский летописный свод¹⁵.

Исследователи конца прошлого и начала нынешнего века, изучавшие «Руский Времянник» — летописный памятник, изданный в 1790 г. и вторично в 1820 г.¹⁶, пришли к мысли, что он отражает далекий оригинал, который в издании представлен в сильно сокращенной редакции, и что в системе русского летописания XV—XVI вв. он занимает особое место. Но начатые разыскания не могли быть продолжены, так как исследователи не имели в руках рукописи.

«Руский Времянник» привлекался уже Н. М. Карамзиным в его «Истории Государства Российского». Н. М. Карамзин делал ссылки на первое издание «Руского Времянника», но ему была известна и рукопись или, как он выражался, «подлинник»: «Я имею, — писал он, — подлинник Русского Временника, или Костромской летописи: он писан (кроме новейших прибавлений) в XVII веке и принадлежит графу А. И. Мусину-Пушкину»¹⁷. Н. М. Карамзин, таким образом, весьма неопределенно датировал

¹⁵ Были, как известно, попытки продолжить Хронограф редакции 1512 г. более или менее краткими летописными статьями. — ПСРЛ, т. XXII, ч. I. СПб., 1911, Приложения. Ср. также изданное С. О. Шмидтом особого состава краткое летописное продолжение Хронографа: С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 года. — «Исторический архив», т. VII, 1951). В рукописи ГБЛ, ф. 98, № 174 (XVI в.) вслед за окончанием Хронографа после Повести о взятии Царьграда непосредственно, тем же почерком написана русская летопись («Великое княжение Московское. В лето 6964...» и т. д.), которая кончается сообщением о смерти великого князя Василия Ивановича, по-видимому, близкая к опубликованной в ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, СПб., 1911 из Синодального архива № 4013.

¹⁶ «Руский Времянник, сиречь летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета, разделенный на две части» (далее — «Руский Времянник»). Печатан в Московской Синодальной типографии, 1790 г. Второе издание, в двух частях, печатано там же в 1820 г. В дальнейшем мы будем делать ссылки на второе издание.

¹⁷ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. III. Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, прим. 360.

рукопись («в XVII веке») и указал на ее владельца — обладателя знаменитого собрания, которым Н. М. Карамзин пользовался.

С середины XIX в. исследователи теряют следы рукописи. В «Библиографическом обозрении русских летописей», вышедшем отдельным оттиском в 1850 г., Д. В. Поленов отводил место изданиям «Руского Временника» и писал: «Рукопись, с которой печатан этот Временник, не описана; нет также сведений и о том, кто трудился над его изданием. Карамзин называет его Костромской летописью, без сомнения потому, что он писан, а может быть, и составлен в костромском Богоявленском монастыре, как то видно из приписок в конце Временника. По слогу его, совершенно подновленному, должно полагать, что он писан в новейшее время, т. е. не ранее XVII столетия, и что составитель наиболее держался какого-нибудь из софийских временников, с которыми во многих местах он имеет сходство»¹⁸.

Д. В. Поленов отмечал, что «Руский Временник» кончается, собственно, не 1681 г., «как показано в заглавии» (издания), а 1533/34 г., а далее следуют отдельные выписки и приписки.

В конце столетия изучением «Руского Временника» занялся А. А. Шахматов, которому также рукопись не была известна: он писал, что памятник этот дошел до нас «через посредство издания». Тем не менее А. А. Шахматов считал нужным «показать важность» этого памятника «среди других московских летописных сводов» и выяснить его отношение «к другим сводам XVI в.»¹⁹. Благодаря весьма совершенной, продуманной и строгой текстологической методике, А. А. Шахматов на основании замеченных им «немногих остатков» нерусских статей пришел к предположению, что в опубликованном «Руском Временнике» «сохранилась лишь часть огромного свода, каким был Русский Временник»²⁰. Из него «с замечательной

¹⁸ Д. В. Поленов. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб., 1850, стр. 63—70.

¹⁹ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. — «Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению», т. IV, № 2. СПб., 1899.

²⁰ Там же, стр. 131.

последовательностью» были исключены греческие и южнославянские статьи²¹. Анализ материала привел его также к мысли, что в состав «Руского Времянника» вошел летописный свод, составленный при участии архиепископа Макария. Наконец, он назвал «Руский Времянник» (и Хронограф 1599 г.) в числе источников, которые, помимо Хронографа редакции 1512 г., надо привлекать при восстановлении первоначальной редакции Хронографа²².

Не зная рукописи, он не имел возможности правильно определить основные хронологические вехи в ее литературной истории. Так, он полагал, что Хронограф, положенный в основу «Руского Времянника», был составлен в первой половине или в середине XVI в., что извлечение нерусских статей, т. е. переделка памятника, производилось в середине или во второй половине XVI в. при допущении, что прибавление добавочных статей (о смерти Александра Свирского, о Данииле Переяславском) принадлежало редактору этой переделки свода; что к самым поздним дополнениям принадлежат выписки из книг Полидора Урбинского, переведенного на русский язык в Петровское время²³.

С. П. Розановым были отмечены в связи с вопросом о восстановлении первоначальной редакции Хронографа некоторые признаки, сближающие «Руский Времянник» с Хронографом 1601 г.²⁴

Перспективы изучения «Руского Времянника» существенно изменились, когда был обнаружен в собрании А. Д. Черткова рукописный оригинал «Руского Времянника» или, во всяком случае, рукопись, в значительной части совпадающая с печатным «Руским Времянником». Находка была сделана в Историческом музее при систематическом обследовании хранилищ, предпринятом мною в связи с подготовкой продолжения издания «Полного собрания русских летописей». Краткая заметка о находке была опубликована в 1955 г.²⁵

²¹ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа (далее — А. А. Шахматов. К вопросу...). СПб., 1899, стр. 120.

²² Там же, стр. 66, 81.

²³ Там же, стр. 42—43, 120; он же. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 136—138.

²⁴ С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских Хронографах (далее — С. П. Розанов. Заметки). — ЖМНП, 1904, № 1, стр. 126.

²⁵ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы

Рукопись, вместе с тем, и существенно отличается от издания. Начинается она со статьи хронографа и вся начальная часть ее, до л. 173 об., полностью отсутствует в «Руском Времяннике», а далее текст систематически отстает от «Русского Времянника». Таким образом, встает вопрос: та ли это рукопись, которой пользовался Н. М. Карамзин и называл «подлинником» «Руского Времянника», принадлежащим Мусину-Пушкину? Для разрешения этого вопроса необходимо выяснить, как попала рукопись 115а—115б в Чертковское собрание и какова была судьба ее в течение прошлого столетия.

На корешке обоих томов имеются наклейки с отметкой, плохо сохранившейся, но вполне читаемой: «Графа М.-Пушкина». Еще в 30-х годах прошлого века рукопись была «временно» доставлена в Археографическую комиссию графом Мусиным-Пушкиным (В. А.?) и там М. А. Коркуновым составлено ее описание. На заседании 7 ноября 1838 г., как свидетельствуют Протоколы заседаний Археографической комиссии, М. А. Коркунов читал ее описание, которое напечатано в первом томе «Протоколов». Это описание не оставляет сомнения, что дело идет об изучаемой нами чертковской рукописи, хотя в описании ни слова не говорится об изданном «Руском Времяннике». Дальнейшая судьба ее такова. В 1866 г., по данным «Русского архива» за 1867 г., в библиотеку А. Д. Черткова поступило в дар «от графа А. В. Мусина-Пушкина 16 старинных рукописей, принадлежавших деду его, известному археологу гр. А. И. Пушкину» и в их числе «Хронограф и в нем Русская летопись до 1680 г. 2 части»²⁶. На корешках переплета обоих томов изучаемой нами Чертковской рукописи читаем: «Хронограф». В 1883 г. собрание А. Д. Черткова перешло в Государственный исторический музей.

Итак, не остается никакого сомнения, что Н. М. Карамзин называет «подлинником» «Руского Времянника», принадлежавшим А. И. Мусину-Пушкину, ту самую рукопись, которую имеем сейчас в руках, хотя ее текст далеко не совпадает с текстом «Руского Времянника»²⁷.

(новые материалы). — «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 275.

²⁶ «Русский Архив», кн. 1—3. М., 1867, стр. 318.

²⁷ Чертковская рукопись (№ 115) не указана в числе мусин-пуш-

В настоящее время стоит задача изучения рукописи и «Русского Времянника», т. е. научного описания рукописи, что прежде всего предполагает хронологическое определение ее текста с помощью водяных знаков и почерков и установление отношения рукописи к печатному тексту «Русского Времянника», наконец, задача изучения состава самого свода.

Чертковская рукопись состоит, как говорилось выше, из двух томов, переплетенных на рубеже XVIII—XIX вв.²⁸, когда рукопись была разделена на две части (первая имеет шифр 115а, а вторая 115б). Вторая часть того же формата, как и первая, написана на той же бумаге, как и первая, и основной текст в ней написан тем же почерком, каким написан и текст первой части, где почерк меняется только на лл. 125—220 об. В первой части 255 листов, а во второй—368 листов, из которых первый пронумерованный—при переплете. Текст второй части начинается с листа 7 и кончается на 322 нумерованном листе; далее следуют чистые листы. Первая часть кончается рассказом о побоище на Калке; вторая часть открывается повестью о нашествии Батыя. Начала памятника (в первой части) не сохранилось, и текст начинается со статьи Хронографа «Царство вечерних еллин, иже в Риме...»

Собственно летописный текст кончается (во второй части) записью о том, что был слит колокол по повелению великого князя Василия Ивановича 19 декабря «42 лѣта» (т. е. в 1533 г.). Вслед за тем идут статьи разного содержания, написанные тем же почерком, из которых последняя была «О пустынноике Иване, королевиче Корвацком». Таким образом, основной текст кончается словами этой статьи: «и на погребении его многа исцеления людемъ

кинских рукописей Государственного исторического музея в превосходном обзоре М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой «Сокровища древней письменности и старой печати», М., 1958. Не указано об этом и в краткой заметке о «Руском Времяннике» в книге акад. М. Н. Тихомирова «Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы», (далее—М. Н. Тихомиров. Краткие заметки), М., 1962, стр. 115.

²⁸ Переплетные листы Чертковской рукописи имеют филигрانی (буквы А К и У Ф) угличской фабрики Алексея Колотильщикова 1797—1800 гг., согласно определению Т. В. Диановой. Ср. С. А. Клупиков. Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959, № 633.

дарова богъ» (л. 311 об.). Далее следуют выписки и записи, сделанные позднее разными почерками в конце XVII—начале XVIII в. В конце XVII в. было вписано на чистом месте на л. 309, т. е. выше, о том, что боярин Борис Иванович Морозов в [7]168 г. поставил паникадило в большом соборе.

Выписки и записи, судя по содержанию, делались в костромском Богоявленском монастыре в конце на чистых листах рукописи. Сюда внесли копии интересовавших монастырь документов. Так, на лл. 313 об.—316 читаем: «Списокъ зъ государевы грамоты слово в слово. От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Роусии на Кострому Богоявленского монастыря игоумену Герасиму...» и т. д.; грамота датирована 1651 г. На лл. 316—318 другим почерком того же примерно времени: «Списокъ зъ государевы грамоты слово в слово. От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии на Кострому в Ыпацкой монастырь...»; грамота была дана в 1651 г.

На л. 318 начинаются монастырские летописные записи, сделанные разными почерками: «Лѣта 7150, маяя въ 16 день...» и т. д. — запись о том, как начали «дѣлать на Костромѣ около Богоявленского монастыря город каменной» и кончили в 7156 г.; о том, что в том же году в монастыре была подле ограды у ворот поставлена каменная больничная палата и т. д. Записи следуют под 7157—7158 гг., 7160, 7173, 7174, 7176, 7163, 7177, 7176—77, 7180, 7181 гг. и под 7188 г. — о том, что на Кострому игуменом в Богоявленский монастырь был поставлен Павел из Симонова монастыря. Меняются почерки под 7173, 7180 и 7188 гг.

Когда же был написан основной текст изучаемой рукописи? При решении этого важного вопроса исключительное значение приобретает хронологическое определение водяного знака рукописи. Единственный водяной знак — это (сравнительно редкое) гербовое изображение на щите. Близкий к рукописи знак находим в альбоме Хивуда под № 516 из рукописи, написанной около 1620 г., и под № 608 — из рукописи, датированной 1619 г.²⁹ Кроме того, довольно близкий знак имеется в листовой рукописи ГИМ,

²⁹ *Edw. Heawood. Watermarks, mainly of the 17-th and 18-th Centuries, Hilversum. 1957.* Приношу сердечную благодарность С. А. Клепикову за ценные замечания.

Воскресенское собрание, № 14, датированной (на л. 570 об.) 1622 г.³⁰ Из этих данных следует, что основной текст Чертковской рукописи был написан между 1620—1622 гг., а принимая во внимание возможность значительной залежности бумаги, ранней вехой следует считать 1620 г., а поздней допустимо полагать начало 30-х годов XVII в.

Теперь приведем хронологические показания содержания текста Чертковской рукописи; они не переходят за первые десятилетия XVII в. Под 7016 (1508) г. находим кусок бумаги, приклеенный к л. 251 с текстом, который составляет продолжение или дополнение к перечню похороненных в Архангельском соборе на лл. 250—250 об. Этот последний перечень сходствует (хотя и дает варианты) с перечнем Воскресенской летописи и тоже кончается царевичем казанским Петром; упоминается Андрей Иванович Старицкий, умерший в 1537 г. В аналогичном перечне Чертковской рукописи на лл. 250—250 об. о великом князе Василии Ивановиче сказано только, что он «уготовал себѣ мѣсто», а князей умерших и похороненных после Андрея Старицкого также нет. Составитель основного текста Чертковской рукописи или какое-то лицо вскоре после того, как основной текст рукописи был написан, решил пополнить перечень списком похороненных до его времени. Приклеенная с этой целью бумага с дополнительным текстом та же самая, на которой написан остальной текст, с теми же «вержерами» и с той же разливкой; и текст на ней написан почерком, близким к почерку основного текста, хотя и не идентичным — более мелким. В ней названы в числе погребенных великий князь Василий Иванович, царь Иван Васильевич, царевич Иван Иванович, царь Федор Иванович, князь Георгий Васильевич Московский, умерший в 1563 г., Александр Казанский, умерший в 1566 г., (повторены Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий); далее упомянуты Владимир Андреевич Старицкий, убитый Грозным в 1569 г., сын Владимира, тоже убитый Грозным, и «страстотерпецъ царевич Дмитрей Иванович Московский и всяа Русии чудотворецъ». Следовательно, вклейка сделана не ранее 3 июня 1606 г. — дня перенесения мощей царевича Димитрия

³⁰ Знак этот есть в неопубликованном альбоме бумажных водяных знаков Отдела рукописей ГИМ, составленном Т. В. Диановой.

в Москву³¹, и до 1635 г., когда был привезен в Москву прах царя Василия Ивановича³².

Хронологические показатели отдельных статей основного текста, помещенных в конце его, не переходят за второе десятилетие XVII в., причем ряд этих статей свидетельствует о западном влиянии, характерном для русских литературных произведений уже первых десятилетий XVII в.

На л. 296 об. Чертковской рукописи кончается раздел «О преставлении его» (Данилы Переяславского), далее 7½ строк оставлены чистыми, следующий лист вырезан, на нем, по-видимому, было что-то записано (видны следы буквы «с»), а на л. 297—297 об. — статья «Род турскихъ царей», в которой последними названы сыновья Селимана, внука Магомета, взявшего Царьград³³. На лл. 298—299 об. — «Род крымскихъ³⁴ и казаньскихъ царей», причем говорится о положении в Астрахани при царе Федоре Ивановиче. На лл. 300 об.³⁵—304 статьи о литовских князьях («Предисловие о великих князѣх литовских, откуда они пошли...» и др.), причем последним упомянут Сигизмунд II Август, умерший в 1572 г. На л. 305 — «А се цари Большие Орды», кончая Зелени-Салтаном. А далее³⁶, на л. 307 — «О короли розстриге» и «О папе римскомъ Иване, которой был жонка», на л. 307 об. — «О римском папе Яне, которой сам на себя санъ папинъ взложилъ» и «О бискупе, которого живого мыши съѣли»; на л. 308 — «О чешской княгине, которую живу земля пожерла». На л. 308 об. — «В лѣто от создания миру 6993-е...» — запись о погоде³⁷ и затем (л. 308 об.) выписки из Полидора Урбинского.

Мы не будем приводить текст (от слов «Съ книгъ Полидора выписано...» до слов «...именемъ Ян Гутенбергъ»), так как он напечатан в «Руском Времяннике»

³¹ Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. — ЧОИДР, 1903, кн. I, стр. 120; С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник, изд. 2. СПб., 1913, стр. 5.

³² Данные о переносе тела — И. М. Снегирев. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города, т. 2. М., 1873, стр. 56—57.

³³ Большая часть страницы оставлена далее чистой.

³⁴ В рукописи ошибочно «крыхскихъ».

³⁵ Л. 300 — чистый.

³⁶ Лл. 305 об.—306 об. — чистые.

³⁷ «Руский Времянник». М., 1820, стр. 386.

на стр. 387. А. А. Шахматов, ссылаясь на то, что Полидор Урбинский был переведен на русский язык в петровское время, полагал, что эти извлечения написаны «может быть», даже в начале XVIII в.»³⁸. Издание русского перевода труда Виргилия Полидора «De rerum inventoribus», сделанное согласно желанию Петра Великого, вышло в свет в 1720 г.³⁹ Однако среди печатных книг «розных языков» в XVII в. находилась в «Верхней типографии» «Книга Полидора Виргилия о обрѣтателех вещей и о чудесех», пересланная в 1686 г. в Посольский приказ⁴⁰. Общий анализ Чертковской рукописи показывает, что над выписками из Полидора работали не позднее первых десятилетий XVII в., когда писался ее основной текст.

На л. 310 Чертковской рукописи читаем «О Лютори Мартине»; на лл. 310 об.—311 — «О архиепископе Веньславе, что в Кракове», и на л. 311—311 об. — «О пустыльнике Иване, королевиче Корвацком». Статья о «пустыльнике Иване», которая встречается и в других рукописях, по мнению А. И. Соболевского, извлечена из повествования о древнейшей истории Чехии («История вкратцѣ о Бохомѣ, еже есть о землѣ Чешской»), оно кончается сведениями о цесаре Максимилиане и о сыне его Рудольфе (1576—1612 гг.); и, быть может, в связи с тем же источником стоит статья «О архиепископе Веньславе»⁴¹.

Где же писался основной текст Чертковской рукописи? Не писался ли и он в костромском Богоявленском монастыре, которому, во всяком случае, рукопись принадлежала, о чем свидетельствует запись по листам?

Сообщение под 6964 г. о сыновьях Василия Боровского еще не позволяет сделать такого заключения. Вот оно: «А три сыны князя Василия Ярославича [Боровскаго], князь Иван, да князь Андрѣи, да князь Василеи умерли в опале на Костромѣ и погребены в Богоявленском мона-

³⁸ А. А. Шахматов. К вопросу. . ., стр. 42—43.

³⁹ Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати 1708 — январь 1725 г. М.—Л., 1955, № 1450, стр. 288; П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, стр. 211.

⁴⁰ С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии М., 1899, стр. 75—77.

⁴¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 94—95; ср. рукописи ГБЛ, Румянцевское собрание, № 459, л. 474, и ГИМ, Уваровское собрание, № 756, л. 231 об.

стырь на Костромѣ же» (л. 156)⁴². Записано это бесспорно в том же монастыре. В синодике Богоявленского монастыря, основная часть которого была написана в начале XVII в. (последним из царей назван в этой части синодика Василий Шуйский, а из патриархов — Гермоген), внесено: «Сынове князя Василья Ярославича Боровского, что лежат у Богоявления в Костроме: князя Ивана, Андрея, Василья»⁴³. Цитированное сообщение рукописи на л. 156 помещено в «Руском Времяннике» в самом тексте (ч. 2, стр. 37). Однако в рукописи оно вписано на нижнем поле и, судя по почерку, в середине XVII в., а не в первых десятилетиях, когда писался основной текст.

Есть показания, позволяющие предполагать, что основной текст писался в Костроме. Так, на л. 242 об. основным почерком написано: «При том же великом князе Иване Васильевиче всея Руси выехалъ из Литвы Иванъ Кондратьевич Судимантъ, и был оу великаго князя боярин; а былъ пожаловал на Костромѣ намѣстником съ Яковом Захарычем в 6900-м году, а на Володимери после князя Данила Даниловича Холмъскаго в 6902-м году был намѣстником же»⁴⁴. Кострома и Ростов в тексте основного почерка включены в число городов, разоренных Ахмылом в 6830 г. (л. 46)⁴⁵. Под 6838 г. мы находим в рукописи сообщение о приезде из Орды к великому князю Ивану Даниловичу князя Чета, о том, что он крестился и был назван Захарием, и какие роды были его потомками. О Борисе Годунове ничего не говорится. Такого известия нет ни в летописях Симеоновской, Софийской I, Воскресенской, Никоновской, ни в Хронографе 1512 г., ни в Толстовском Хронографе (1617 г.), ни в Хро-

⁴² Эти слова являются продолжением известия о том, что Василий Ярославич Боровский был заточен в Угличе, а сын его первой жены и «княгиня его другая» бежали в Литву. Слово «Боровскаго» написано над строкой другими чернилами.

⁴³ А. В. Баженов. Сорок два старинных сборника костромского Богоявленского монастыря. — «Костромская старина», вып. IV. Кострома, 1897, Приложение, стр. 98.

⁴⁴ Этого текста нет ни в Хронографе 1512 г., ни в Хронографе 1617 г.(?), ни в Хронографе 1601 г. по Погодинскому списку, ни в Софийской I, ни в Симеоновской, ни в Воскресенской, ни в Никоновской летописях.

⁴⁵ Кострома в этом известии не упомянута ни в Хронографе 1512 г., ни в Погодинском списке Хронографа 1601 г., ни в Софийской I, Воскресенской, Симеоновской, Никоновской летописях.

нографе 1599 г., ни в Хронографах 1601 г. — Погодинском и Уваровском. Ордынский мурза Чет-Захарий считается основателем Ипатьевского костромского монастыря. В синодике костромского Богоявленского монастыря, о котором по работе А. В. Баженова мы выше говорили, упомянут (л. 25) «род Годунова: Димитрия Ивановича боярина; род боярина Стефана Васильевича; род окольного Никиты Васильевича, род Анны Петровны, жены Васильевича (?) Годунова»⁴⁶. Запись о роде князя Чета сделана основным почерком в Чертковской рукописи. Многие представители рода Годуновых были похоронены в Ипатьевском монастыре. В первой половине XVII в. и в Ипатьевском, и в Богоявленском костромских монастырях имелись свои рукописные библиотеки, как видно из описи книг «степенных» монастырей, составленной для патриарха Никона «печатного дѣла исправления ради». Список «отписных книг» костромского Богоявленского монастыря (синодики в опись войти не могли) перечисляет 40 рукописных книг. Но среди них нет ни одного летописца, хотя в списках других монастырей летописцы встречаются нередко⁴⁷.

Перед нами теперь встает вопрос: какую же редакцию отражает печатный текст «Русского Временника»? В каком отношении находится печатный текст к Чертковской рукописи?

В печатном тексте, как было уже сказано, отсутствует весь текст Чертковской рукописи до л. 173 об., и издание начинается от слов «Книга, глаголемая временникъ, сирѣчь лѣтописецъ рускій. Повѣсти временныхъ лѣтъ, отъ коего времени...» и т. д. Взят этот заголовок из середины Черт-

⁴⁶ А. В. Баженов. Указ. соч., стр. 98.

⁴⁷ Опись Московской Синодальной библиотеки, № 205; Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII в. — ЦОИДР., № 6. М., 1847, стр. 29—30. В списке среди рукописных книг Богоявленского монастыря значится только «Царственная книга в дествъ». Неясно, что это была за «книга». Судя по тому, что в той же описи обозначена «Книга греческая царственная», а в другом месте «Летописец и Временник тоже о греческих царствах», возможно, под «Царственной книгой» Богоявленского монастыря разумеется какой-нибудь греческий временник (в русском переводе).

Из костромского Ипатьевского монастыря поступила для Никона только одна «Книга Летописецъ», но она — «в полдествъ», и, следовательно, это был не изучаемый нами летописец.

ковской рукописи, где он относится не ко всему своду, а к одному из источников Чертковского свода. Составителем Чертковского свода он заимствован не из Хронографа 1601 г., так как ни в Хронографе 1599 г., ни в Хронографе 1601 г. (по спискам Погодинскому и Уваровскому) в соответствующем месте такого заголовка нет. Близкий заголовок находим в Воскресенской летописи⁴⁸, которая сближается с Чертковским сводом в ряде известий. Составитель печатного текста начал с этого заголовка потому, что отсюда в Чертковской рукописи начинаются, собственно, русские или, точнее, русско-славянские известия, т. е. известия, относящиеся к русской истории. В начале текст печатного точно совпадает с рукописью, но вскоре начинаются пропуски. Так, в печатном тексте после раздела «О создании Киева...» опущены подряд все разделы, содержащие нерусские статьи («О крещении болгарском», «О дружемъ князе...», «О третьемъ князи...», «О хлевѣ царева...»), и после слов «Хоздроя царя Персского» идет прямо раздел «О пришествии Руси на Царьградъ». Вслед за тем в печатном опущено «О оубиении Варды...» и «О поставлении Василия Македонянина на царство» (л. 177 об.) и следует прямо раздел «О князѣхъ рускихъ». Затем нет разделов, имеющихъся в Чертковской рукописи: «О разбиении зерцала...», «О оубиении Михаила царя», «Царство 87 Василия Македонянина», а сразу идет «О крещении Руси» (ср. Чертк., л. 181—181 об.). Далее пропущены разделы о царе Василии и Льве Премудром, но оставлено «О преложении книгъ отъ греческаго языка на словенский» и «Сказание» о Кирилле. Очевидно, редактор или издатель считал, что статья имеет непосредственное отношение к истории Руси, так же, как и следующая: «О воинѣ Ольговѣ на Царьградъ» (стр. 14 печ. текста и л. 184 рукописи).

Далее на всем протяжении текста вплоть до 1453 г., на котором кончался хронограф, видим ту же картину: отсутствуют разделы византийского и юго-славянского содержания, не имеющие, по мнению редактора, непосредственного

⁴⁸ «Книга, глаголемая Временик, сиречь Летописецъ руский, и от него же времени начат прозыватись Руская земля. Глава 1-ая. Повести временныхъ лет...» и т. д. — В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. III, вып. 1, изд. 2. М.—Л., 1959, стр. 337; ср. стр. 335.

отношения к русской истории⁴⁹. Остальной текст (в части до 1453 г.), переданный в «Руском Времяннике», в печатном тексте хранит местами явные следы переработки. Так, например, в Чертковской рукописи имеется раздел «Царство Константина Багрянороднаго, сына Львова», за которым следует статья «О рускомъ князѣ Игорѣ», где в начале читаем: «При семъ Константинѣ». В «Руском Времяннике» раздел о Константине Багрянородном опущен и далее вместо «при семъ Константинѣ» читаем: «При гречестѣмъ Константинѣ» (стр. 16). Подобным же образом ниже вместо слов «При семъ цари Романе» в печатном стоит: «При Романѣ же цари гречестѣмъ», или вместо слов «При семъ цари Иване бысть в Руси князь великий...» (л. 226 об.) в печатном тексте стоит: «При цари Иванѣ гречестѣмъ бысть въ Руси князь великий...» и т. п. (стр. 77).

Под 1453 г. в печатном тексте (т. е. в «Руском Времяннике») выпущена и повесть, озаглавленная «Повесть умилна о взятии Царяграда от турскаго царя...», и само известие о взятии Константинополя турками (см. рукопись, ч. 2, лл. 140 об.—153 об.; ср. печ. текст, ч. 2, стр. 31).

Вне всякого сомнения, что печатный текст до 1453 г. представляет собою переделку того большого хронографического (всемирно-исторического) свода, который сохранился в Чертковской рукописи. В этом отношении

⁴⁹ Так, нет статей «Царство 89 Александра...» (л. 185), о царстве Константина Багрянороднаго (л. 185 об.), о царе болгарском, о Романе Лекапине (л. 187—187 об.), «О принесении... образа господня» (л. 187 об.), о втором «царстве» Константина (л. 188 об.) и о Романе (л. 189), о «царстве» Никифора Фоки (л. 190), Иоанна Цимисхия (л. 193), о Василии и Константине (л. 194 об.). В главе о «Цвѣтославѣ» опущена вторая половина раздела, от слов «Таковъ бѣ Цымисхий, пастырь звѣропрогонитель» (Чертков, рукопись, л. 194—194 об.).

Не будем перечислять всех хронографических статей по истории Византии, Сербии и Болгарии, которые имеются в Чертковской рукописи и отсутствуют в изданном «Руском Времяннике», — их очень много. Заметим только, что под 6773 г. в издании, кроме того, целиком опущена статья «О Миндовге и сыне его», которая в Чертковской рукописи читается во второй части на лл. 29 об.—30. А на лл. 32—39 об. помещен не только ряд статей по истории Византии, Сербии и Болгарии, которых нет в печатном тексте, но и текст от слов «При сего царствии в лѣто 790 прииде на великаго князя Дмитрея Александровича второе рать татарская...» до слов «... ко царю Ногию» (л. 32—32 об.).

А. А. Шахматов оказался прав. Не видя рукописи, он правильно предположил, изучая «Руский Времянник» и хронографы, что «Руский Времянник» представляет собою выборку из обширного хронографического свода.

Сравнивая далее «Руский Времянник» с Чертковской рукописью, убеждаемся, что после 1453 г. текст Чертковской рукописи передан в «Руском Времяннике» почти без сокращений. Объясняется это составом Чертковской рукописи: на 1453 г. кончался ее хронографический источник и после 1453 г. ее текст уже представляет собою по содержанию русский свод, а не всемирную хронику. Иными словами, составитель редакции «Руского Времянника», пропуская нерусские сообщения, после 1453 г. не имел нужды сокращать свой оригинал. Только в конце свода он встретился с отдельными статьями, нерусскими по содержанию.

Текст передан довольно точно, не заметно новых ошибок или искажений. Подновления (за исключением правописания) весьма редки. Под 6971 г. отсутствует фраза «Того же лѣта Иона епископъ Прьмский крести Великую Пермь и князя ихъ и церкви поставилъ и игумены и попы» (л. 159). Но эта фраза в рукописи зачеркнута киноварью.

Незначительное исправление имеется под 6978 г.: в рукописи — «В лѣто 6978 сентября в 1 день» (л. 165), а в издании — «Того жъ лѣта, сентября въ 1 день» (стр. 62); на л. 218 в рукописи — «Тоя же весны, мая в 17 день Иванъ Спаситель Фрязинъ капланъ...»; а в издании — «Тоя же весны, мая въ 17 день Иванъ, по прозванию Спаситель, Фрязинъ капланъ...» (стр. 197).

Но под 7013 г. выпущен большой фрагмент, повествующий об еретиках. Фрагмент этот содержит материалы о так называемой ереси «жидовствующих»⁵⁰. Начинается он с рассказа «О соборе на новгородския еретики» («Тоя же зимы князь великий Иванъ Васильевич...») и сообщает о казни еретиков — в редакции, близкой к Воскресенской летописи, кончая словами «... и иных многих розослаша в монастыри по заточениям». И далее читаем: «А что их были ереси и откуда таковыя грѣховныя и ду-

⁵⁰ Как известно, согласно соборному приговору 1490 г., грамотам 1488 г. Ивана III и митрополита, посланию о соблюдении соборного приговора 1505 г. и другим источникам, еретиков обвиняли в отрицании основных элементов христианского вероучения и в «величании» иудейского.

шегубительныя плевелы возрастоша, скажем о семь вкратце». И затем следуют выдержки из «Сказания о новоявившейся ереси»: от слов «Списание игумена Иосифа Волоцкаго. Понеже оубо в первых лѣтахъ являющаяся ереси вси вѣдять...» до слов «...возненавидим ихъ, яко божиихъ отступниковъ» (лл. 233 об.—234) и далее от слов «Отнеле же оубо святая, божественая и покланяемая троица...» (л. 234) до слов «...еретикомъ сопротивляющеся»⁵¹. Кончается фрагмент рассуждением от слов «Егда же божиимъ благоволениемъ разрушися...» до слов «...Тогда преподобнии игумень Иосифъ Волоцкии добре подвижеся и собра от божественныхъ всѣхъ писании на куюждо ересь особная слова, яко да вѣдѣющей божественная писания прочетши и воспомянутъ себѣ, не вѣдущей прочетше же да разумѣютъ. И аще что кому потребно будетъ противу еретическимъ рѣчемъ и божиею благодатию и его Иосифовыми троуды готово безъ труда обрящетъ въ коемъждо словѣ. Премудрыи же Генадїе архіепископъ Великаго Новаграда сотвори пасхалию на осмю тысящу, тако же и кругъ солнечныхъ и лунныхъ и до скончания вѣка не исходимы. Мы же правовѣрнии речемъ: премудрому Генадію и преподобному Иосифу и всѣмъ благочестия поборникомъ вѣчная память». (л. 241—241 об.).

Фрагмент, повторяемъ, почему-то опущенъ въ печатномъ текстѣ. Въ концѣ свода въ «Рускомъ Времянникѣ», въ согласіи съ общимъ направлениемъ редакціонной переделки, опущены нерусскіе статьи: о «роде» турскихъ царей, а также крымскихъ и казанскихъ (лл. 297—299 об.), статьи о литовскихъ князьяхъ (лл. 300 об.—304), о царяхъ Большой Орды (л. 305), «О королѣ розстриги» (л. 307), «О папѣ римскомъ Иванѣ, которой былъ жонка» (л. 307—307 об.), «О римскомъ папѣ Яне...» (лл. 307 об.—308), «О чешской княгинѣ...» (л. 308—308 об.), «О Лютори Мартинѣ» (л. 310), «О архіепископѣ Венъславѣ...» (лл. 310—311), «О пустынникѣ Иванѣ...» (л. 311—311 об.).

Затѣмъ въ «Рускомъ Времянникѣ» опущена вторая грамота («Списокъ зъ государевы грамоты слово въ слово...»). Этотъ пропускъ объясняю содержаніемъ грамоты: въ ней говорится, что въ монастыряхъ «архимариты и игумены и келары и стро-

⁵¹ Ср. Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальныя еретическія движенія на Руси XIV—начала XVI вѣка. М.—Л., 1955, стр. 466—483.

ители и казначѣи и священники и братия на монастырьскихъ погребѣхъ и по кѣліямъ оу себя деръжать хмелное питье, вино и пиво, и медъ и про монастырьской обиход и про себя в монастырьскихъ вотчинахъ вина сидятъ (т. е. курят вино. — А. Н.) и пива варят и меды ставятъ и в монастыри возятъ, и от тово хмелново пития церькви божии бываютъ без пѣнія...»; и ниже — о всякого рода бесчинствахъ и не порядкахъ в монастырскомъ быту (лл. 316—318).

Мы убедились, что Чертковская рукопись по сравнению с «Руским Временникомъ» содержитъ полный текст свода, а так как приписки в ней сделаны в концѣ разными и черками и конца XVII—начала XVIII в. в Богоявленскомъ монастыре, то, следовательно, переделка текста могла быть произведена не ранее этого времени, а не в XVI в., как думал А. А. Шахматов. Мало того, можно доказать, что переделка, т. е. извлечение русскаго материала было принято при издании, что издатель пользовался самой Чертковской рукописью, ее сокращал и под «подлинникомъ» разумел именно ее.

Печатный текст точно повторяет особенности или описки Чертковской рукописи. Так, вместо «взвоз Боричевъ» в Чертковской стоит: «взвоз бори оуевъ» (л. 175); в печатномъ также: «въ взвоз бори уевъ» (стр. 5). В Чертковской на л. 175 об. — «корсемъя», в печатномъ — «корсемья» (стр. 7). Под 6538 г. в Чертковской — «Бѣль взял» (вместо «Бѣльзы»?), причем между словами оставлено чистое место (л. 213); в печатномъ — «Бѣль взялъ» (стр. 70). На л. 25 второй части Чертковской рукописи в рассказѣ о Ледовомъ побоищѣ — «нижгордии», причем перед буквами «ни» оставлено чистое место для вписанія буквы «о» (следует: «они ж гордии»); в печатномъ читаемъ «нижгордии» (стр. 157). Под 6883 г. в Чертковскомъ — «Некома» (вместо «Некомат», л. 59), в печатномъ — «Некома» (стр. 231).

В печатномъ текстѣ поставлены обычно многоточія там, где в Чертковской рукописи оказываются чистые места, т. е. пропуски нескольких строкъ или букв, сделанные писавшимъ. Так, на л. 184 первой части рукописи после слов «от седмаго собора» оставлено чистое место букв на 5—6 (здесь пропускъ цифры); в печатномъ после слов «от седмаго собора» стоит многоточіе (стр. 13). На л. 27 об. второй части Чертковской рукописи после слов «и сему бывшую» оставлены две строки чистыми, в печатномъ текстѣ после

этих слов видим многоточие (стр. 163). На л. 41 в Чертковской после слов «Даниль Александрович Московский» оставлено $3\frac{1}{2}$ строки чистыми, в печатном тексте это передано многоточием (стр. 181). На л. 50 об. после слов «а братию» в Чертковской отсутствует конец фразы и оставлена строка чистой. В печатном тексте после этих слов поставлены точки (стр. 209). На л. 54 в Чертковской после слов «ходиша всѣ князи во Орду» видим $2\frac{1}{2}$ строки чистые. В печатном после этих слов до конца строки поставлены точки (стр. 217). Равным образом в «Руском Времяннике» точками обозначены чистые места, оставленные в Чертковской рукописи на лл. 55, 56, 66 об., 71, 94, 98 об. Как исключение следует отметить, что на л. 98 $\frac{3}{4}$ строки не имеют текста, а в «Руском Времяннике» в соответствующем месте точек нет. Однако на чистой строке рукописи довольно отчетливо видны следы стертых слов «Алексию митропо[литу]».

Приведем показания, свидетельствующие, что под «подлинником» издатель «Руского Времянника» разумел Чертковскую рукопись. На л. 109 об. статья «Побоище Темирь Кутлуя царя с Витофтом» обрывается на словах «...волохи, подоляне с ними же, и князеи числом пятьдесят...». Далее вторая половина страницы рукописи оставлена чистой и затем следуют чистых 15 листов (лл. 110—124 об.). В «Руском Времяннике» поставлено многоточие на двух строках и сделана сноска: «Здесь в писменном подлиннике находится 15 листов дестевых неписанных» (стр. 359). На л. 186 текст 6984 г. кончается известием о том, что у великого князя родилась дочь Елена. Далее около половины этой страницы и следующая оставлены чистыми и затем чистыми оставлены 6 листов (лл. 187—192 об.). А л. 193 начинается с полуфразы: «...добровольнии людие весь Псков челом бьем». В «Руском Времяннике» после слов «дщи Елена» поставлено многоточие и сделана сноска: «В подлиннике находится 6 листов с половиною белых, на которых писавший летопись, вероятно, хотел написать грамоту от псковитян великому князю» (ч. 2, стр. 123). Наконец, на стр. 364 под строкой читаем: «В сем месте пропуск на два листа». В Чертковской рукописи, действительно, два листа (лл. 289—290 об.) оставлены чистыми.

Южнославянское написание в рукописи имени Святослав — «Цветослав» передано в печатном тексте под 6535, 6562, 6568, 6572 и другими годами.

По сравнению с Чертковской рукописью в «Руском Времяннике» нет лишнего материала, за исключением одного известия о знамении под 6710 г. («бысть знамение велие... и бысть въ пятый часъ ноши потече небо все, и бысть черно, по земли же и по горамъ⁵² снѣгъ, и на снѣгу яко кровь пролияну зрящимъ всѣмъ челоукомъ и мнящимъ, яко ужъ всѣмъ кончина» (ч. 1, стр. 82—83). Подобное известие имеется в Хронографе 1599 г. (на л. 462 об.), в Воскресенской и Никоновской летописях. Отсутствие его в Чертковской летописи объясняю тем, что оно было написано на особом листке, вклеенном в рукопись (такие вклейки есть ниже), но вклейка эта не сохранилась.

Из всего сказанного следует, что в «Руском Времяннике», отпечатанном в Москве в Синодальной типографии в 1790 г. и в 1820 г., перед нами не текст древней редакции, а выборка из Чертковской рукописи, сделанная самим издателем.

Изучение рукописного памятника — в данном случае Чертковской рукописи — по известной системе, в определенной последовательности в какой-то мере гарантирует, что мы не допустим произвола в толковании летописного источника, насилия над изучаемым материалом. Следуя этим путем, трудным и тернистым, мы будем двигаться не навстречу призракам, а приближаясь к реальной исторической действительности, если даже изучение памятника и не будет нами (за недостатком времени) закончено.

Мы определили отношение Чертковской рукописи к «Рускому Времяннику». Мы узнали, что ни в XVI, ни в XVII в. не было этой летописи, т. е. летописи с таким текстом, который издан под названием «Руский Времянник». Она была создана самим издателем, который делал извлечения из Чертковской рукописи (первое издание — 1790 г.).

Мы определили время составления основного текста Чертковской рукописи — примерно между 1615—1630 гг. Бесспорно, что ядром этого текста служил летописный свод, кончавшийся 1533 г., ибо далее следуют лишь отдельные

⁵² Вероятно, «по горамъ» — искаженное «по хоромомъ».

дополнительные статьи и записи. Но можно ли сказать, что до 1533 г. в Чертковской рукописи мы имеем текст хронографическо-летописного свода 1533 г. в первоначальном виде?

В Чертковской рукописи часть до 1533 г. состоит из хронографа, продолженного русским летописным материалом; дошедший до нас Хронограф 1512 г. кончался повестью о взятии Константинополя турками в 1453 г. Изучая «Руский Времянник», А. А. Шахматов рассматривал летописный свод 1533 г. как особую редакцию хронографа — «редакцию Хронографа 1533 г.». Он писал также, что эта редакция имела общий источник с дошедшим до нас в собрании Библиотеки Академии наук Хронографом 1599 г. (кончавшимся также повестью о взятии Константинополя). Он предполагал сначала, что этим общим источником был не дошедший до нас Хронограф 1520 г., использованный (по мнению А. А. Шахматова) и составителем Никоновской летописи. Позднее он считал, что редакция хронографа, из которой произошел «Руский Времянник», составлена в середине XVI в. и что Никоновская летопись этой редакцией хронографа не пользовалась⁵³. С. П. Розанов, соглашаясь с А. А. Шахматовым, указал еще на три списка Хронографа 1601 г. (который тоже кончался повестью о взятии Константинополя). Розанов допускал, что Хронограф 1599 г. тождествен с Хронографом 1601 г., а этот последний он, вопреки А. Попову, правильно считал особой редакцией, отличной от редакции 1512 г. Обнаруженная нами Чертковская рукопись показывает, что А. А. Шахматов был близок к истине. Однако — только близок.

Оказывается, что в Чертковской рукописи (из которой делал извлечения составитель «Руского Времянника») текст свода 1533 г. уже в какой-то мере изменен. Эти изменения произведены, поскольку составитель основного текста Чертковской рукописи в XVII в. привлек в текст свода 1533 г. материал из Хронографа 1601 г. Наличие такой операции устанавливается совершенно точно, так как в Чертковской рукописи, в разделе «О отложении мяса иноком», на л. 150 об. читаем: ««а до сих времен, до 7109-го лѣта», и ниже: «А до сего времени 7109-го году», т. е. до 1601 г.

⁵³ См. А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 138—140.

нашей эры. Аналогичные показания в соответствующем разделе имеются и в Хронографе редакции 1601 г. Так, в списке ГИМ, Уваровского собрания № 16, 1°, на л. 383 об. можно прочесть: «До сего времени 7109-го году». Такие же показания дают Погодинский список № 1441 в ГПБ и список Большаковского собрания № 21 в ГБЛ. Короче говоря, сходство текста Чертковской рукописи с Хронографом 1601 г. объясняется не наличием общего источника, а тем, что в Чертковской рукописи использован сам Хронограф 1601 г. или список, восходящий к нему.

Встает вопрос: насколько значительны были эти изменения? На каких отрезках текста составителем основной части Чертковской рукописи взят был материал из Хронографа 1601 г.?

Можно уверенно утверждать, что из Хронографа 1601 г. был почерпнут материал не на всем протяжении изучаемого текста (разумею часть до 1453 г., на котором кончался Хронограф 1601 г.)

Сличение Чертковской рукописи со списками Хронографа редакции 1601 г., а также с Хронографом 1512 г. и с Хронографом 1599 г. дает следующие показания. Бесспорно, Хронограф 1601 г. был использован в начальной части Чертковской рукописи, до известий конца X в., так как в этой части ее текст, когда отступает от Хронографа 1512 г., то или сближается с Хронографом 1601 г. и Хронографом 1599 г., или же отступает как от Хронографа 1512 г., так и от Хронографа 1599 г., но сближается с Хронографом 1601 г. Вместе с тем признаков заимствования из Хронографа 1617 г. мной не замечено.

Далее, в части от известий конца X в. до второй трети XIII в. обнаруживается в Чертковской рукописи нить совпадений с Хронографом 1599 г. Здесь, отступая от Хронографа 1512 г., Чертковская рукопись сближается не с Хронографом 1601 г., а с Хронографом 1599 г. Признаков заимствований из Хронографа 1617 г. также не видно.

Наконец, с известий второй трети XIII в. через текст Чертковской рукописи, помимо хронографических разделов, систематически проходит летописный материал, отсутствующий в дошедших до нас хронографах, т. е. в Хронографах 1512, 1599, 1601 и 1617 гг.

Обратимся к начальной части.

На л. 9 в Чертковской рукописи читаем фразу (после слов «Иякову Болшему») от слов «понеже во время...» до

слова «...богородицыну», а ниже от слов «яко разрѣшится...» до слов «...плод преславень». Все это обнаруживаем во всех трех неопубликованных списках Хронографа 1601 г. и в Хронографе 1599 г.⁵⁴, но не находим в Синодальном списке Хронографа 1617 г.⁵⁵ (л. 195 об.) и в Хронографе 1512 г. На л. 9 об.—10 в Чертковской рукописи начиная от слов «не исходяще никамо же...» следует пространный текст о Марии, кончающийся описанием ее внешности и одежды («яко же свидѣлствует святыи покровъ ея»). Такого рассказа нет в Хронографе 1512 г., но имеется во всех трех списках Хронографа 1601 г. и в Хронографе 1599 г.⁵⁶, есть и в Синодальном (л. 196 об.). На л. 12 об. в Чертковской рукописи, в разделе «О рожествѣ Христовѣ», читаем текст от слов «и благовослови его...» до слов «...во плоти». Его находим в списках Хронографа 1601 г., но нет его в Хронографе 1512 г.⁵⁷ и в Синодальном (л. 197 об.).

В конце раздела «Царство 10 Еоуспасияново» в Чертковской рукописи на л. 28 и в Погодинском списке Хронографа 1601 г. нет фразы и «Деметриану погубившу Варвары». Она есть в Хронографах 1599 г. и 1512 г. В Хронографе 1601 г. фраза была выпущена, видимо, потому, что это только начало фразы, разорванной вставленным заголовком⁵⁸. В конце раздела «Царство 14 Траияново» в Чертковской рукописи на л. 35 об. и в Погодинском список мучеников более обширный, чем в Хронографе 1512 г., в Хронографе 1599 г.⁵⁹ и в Синодальном (л. 229 об.). Аналогичную картину устанавливаем, сравнивая список мучеников следующего раздела⁶⁰, а также список в разделе «Царство 16 Антониново»⁶¹. На л. 41 в конце раздела «Царство 29 Филипово» в Чертковском читаем: «При сем

⁵⁴ Увар., л. 259 об.; Больш., л. 293—293 об.; Погод., л. 308—308 об.; Акад., лл. 284—285; Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 232, (Хронограф 1512 г.).

⁵⁵ ГИМ, Синод., № 135.

⁵⁶ Увар., л. 260; Больш., там же; Погод., л. 411 об.; Акад., л. 287. Ср. ПСРЛ, XXII, ч. 1, стр. 232—233.

⁵⁷ Увар., л. 262; Погод., л. 311 об.; Акад., л. 287. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 233.

⁵⁸ Погод., л. 326 об.; Акад., л. 304 об. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1., стр. 245.

⁵⁹ Погод., л. 334. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 254.

⁶⁰ Погод., л. 334 об. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 255.

⁶¹ Погод., лл. 334 об.—335; Акад., л. 324 об.; Синод., л. 230.

Савелен еретичеству начальникъ». Это имеется в Хронографе 1601 г. по Погодинскому списку и нет в Хронографе 1512 г. и в Хронографе 1599 г.⁶² На л. 41—41 об. в Чертковской помещен значительный раздел «О жидовине Феодоре», который находим в Хронографе 1601 г. по Погодинскому списку и которого нет в Хронографах 1512 и 1599 гг.⁶³ Более обширный список мучеников по сравнению с Хронографами 1512 и 1599 гг. встречаем в Чертковской рукописи, в Хронографе 1601 г. по Погодинскому списку в разделах «Царство 33 Валерияново» и «Царство 36 Аврилияново»⁶⁴ и в других. Раздел «Прѣние жидом со святымъ Селивестромъ» (лл. 57 об.—58 об.) в Чертковской и в списках Хронографа 1601 г. изложен значительно подробнее, чем в Хронографах 1512 г. и 1599 г. и в Синодальном⁶⁵. На лл. 67—68 об. в Чертковской и в списках Хронографа 1601 г. имеется раздел «О отврѣженіи звездочетия и о преименовании дней всея недѣли», которого нет в Хронографе 1512 г., в Хронографе 1599 г. и в Синодальном⁶⁶. Следует отметить, что после раздела о Юлиане «преступницѣ» в Чертковской на л. 72 и следующем помещено «Житие и мучение блаженнаго Зотика», отсутствующее не только в Хронографе 1512 г., но и в списках Хронографа 1601 г. и в Хронографах 1599 и 1617 гг. (по Синодальному списку)⁶⁷. Далее следует раздел «О еретикѣхъ», которого нет в Хронографах 1512 г., 1599 г. и в Синодальном списке, но который находится в списках Хронографа 1601 г.⁶⁸

Можно убедиться, что к своду 1601 г. восходит и текст Чертковской рукописи на лл. 77 об. — 79 об., хотя он отсутствует в Погодинском списке Хронографа 1601 г. (л. 395).

⁶² Погод., л. 336; Акад., л. 328. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 259.

⁶³ Погод., л. 339 об.; Акад., лл. 328—329; Синод., лл. 239—240.

⁶⁴ Погод., лл. 341 об.—342; Акад., лл. 328 об.—329; Чертковская рукопись, л. 43—43 об. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 260.

⁶⁵ Погод., лл. 370—371; Увар., л. 307—307 об.; Больш., лл. 336 об.—337 об.; Акад., л. 334. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 265.

⁶⁶ Увар., лл. 314—315; Погод., л. 380; Больш., л. 346 и сл.; Акад., л. 340 об.; Синод., л. 257. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 272.

⁶⁷ Погод., л. 392; Увар., л. 325; Больш., л. 350; Акад., л. 344 об.; Синод., л. 261. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 276.

⁶⁸ Погод., л. 392; Больш., л. 350 об.; Акад., л. 344 об.; Синод., л. 361. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 276.

Вот его начало: «Еоутропии же granoграфъ списа; во иных нѣсть согласно к сим во своем списании», и далее: «В житии же великаго Василия пишет сице» и следует текст жития. В Хронографе 1512 г., в Хронографе 1599 г., а равно и в Синодальном списке всего этого текста нет. Однако в Уваровском (и в Большаковском) списке Хронографа 1601 г. имеется приведенное нами начало от слова «Еоутропии» до слов «пишет сице» и затем оставлено чистое место на $\frac{3}{4}$ страницы. Равным образом и в Большаковском после «пишет сице» оставлено чистой более половины страницы⁶⁹. На л. 89 в Чертковской рукописи (после раздела «О Иоанне Златоусте») мы читаем «О видѣнии Кирилове» Иоанна — текст, которого не находим не только в Хронографах 1512 г. и 1599 г., но и в списках Хронографа 1601 г.⁷⁰

На л. 94 в Чертковской помещен раздел «О гнѣве царя Феодосия и о Кире философе»; его нет в Хронографе 1512 г. и в Синодальном, но он имеется в Погодинском списке Хронографа 1601 г. и в Хронографе 1599 г.⁷¹

Погодинский, л. 412: «Царь же Левъ сыновъ не имѣ, точию две дщери, Феопию и Арсань; и припряже Феонию Маркиану патрекию, сыну Анфимиеву, царя римска бывша, и та роди все (sic! — А. Н.) дщери, меньшую же припряже Зинову Исавру, и постави того воеводу и патрекия. И роди Арсантъ сына первенца, ему же нарече имя Левъ. Царь же Левъ, дѣд его, наложи ему венецъ на главу в Константине граде малу сущу; и сотвори его царя з собою. И по времени великий царь Левъ впаде в недугъ». На лл. 97 об.—98 в Чертковской рукописи видим текст от слов «Царь же Левъ сыновъ не имѣ...» до слов «...и по времени великий царь Левъ впаде в недугъ». Этого нет в Хронографе 1512 г. и в Синодальном, но есть в Погодинском списке Хронографа 1601 г. и в Хронографе 1599 г.⁷² «Царство 13 Зионово» дано в Чертковской (на лл. 98—99 об.) значительно подробнее, чем в Хронографе 1512 г.

⁶⁹ Увар., л. 327 об.; Погод., л. 395; Больш., л. 353 об.; Акад., л. 244 об.; Синод., л. 263 об.

⁷⁰ Увар., л. 325 об.; Погод., л. 404 об.; Акад., л. 351. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 283—284.

⁷¹ Погод., л. 408; Акад., л. 354; Синод., л. 278. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 287.

⁷² Погод., л. 412; Акад., л. 357; Синод., л. 280—280 об. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 289.

Подобный текст находим в Хронографах 1601 г. (Погодинский) и 1599 г.⁷³ Интересно, что в разделе «Царство 15 Иоустина Перваго» в Чертковской рукописи находим текст о знаменнии («в начаток же царства его, в вечерь») (л. 103). В Хронографе 1512 г. этого нет; в Хронографе 1601 г. (Погодинский) есть, а в Хронографе 1599 есть только на полях⁷⁴. Отметим еще, что в Чертковской рукописи, а также в Погодинском и в Хронографе 1599 г. есть лишнее по сравнению с Хронографом 1512 г. (в разделе «О содомском блондъ») от слов «яко же и пророкъ Исаия...» до конца раздела (л. 110 об.), а в разделе «О ереси Аффортодокитъской» читаем в Чертковской (л. 112 об.), а также в Погодинском и Хронографе 1599 г. фразу «царствовавъ по соборе 13 лѣтъ», отсутствующую в Хронографе 1512 г.⁷⁵

В самом начале раздела «Царство 59-е Иоустина Малаго...» в Чертковской читаем текст, который отсутствует в Хронографе 1512 г. и Синодальном, но имеется в списках Хронографа 1601 г. и в Хронографе 1599 г.: «... и тои созда полату внѣ града и пристанище под градом, и нарече Софинияс, полату же нарече Софию, во имя жены своея Софии», и далее: «при сем цари Иоустияне въ 2-е лѣто царства его, в четверк, в час 6 дни впаде преславный верхъ церковный святыя София премудрости божия, и сокруши чюдныи амбонъ, и поруби вся украшения, еже созда великий царь Иоустинианъ. Царь же Иоустинъ призва преже здавшаго мастера миханика и вопроша вины в падения верха...» и т. д. Кончается текст фразой: «Амбона же такова царь не возможе сотворити» (л. 112 об.—113).

Интересно, что в Хронографе 1512 г. в кратком сообщении также читаем: «Амьбона же такова царь не возможе сотворити». Но перед этим о том, что «амбон» был «сокрушен», не говорится ничего. Это позволяет думать, что в Хронографе 1512 г. мы имеем сокращение того текста, который в более полном виде сохранился в Хронографе 1601 г. и в Чертковской рукописи⁷⁶.

⁷³ Погод., лл. 412—413; Акад., лл. 357 об.—358. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 290.

⁷⁴ Погод., л. 417; Акад., л. 361.

⁷⁵ Погод., лл. 424—426; Акад., лл. 368—370.

⁷⁶ Увар., л. 352 об.; Погод., л. 426; Акад., л. 370; Синод., л. 290. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 297. Ср. С. П. Розанов. Заметки...

В следующем разделе в Хронографе 1512 г. читаем: «И вопросившу отцу его, исповѣда ему». Об этом же в Чертковской передано подробнее: «И восприси его отецъ его, глаголя: „Гдѣ оумедлил еси, чадо“, бѣ бо оучася грамоте со христьянскими дѣтми; отрочя же рече: „с дѣтми ...“» (л. 113). Текст этот имеется и в Хронографах 1601 и 1599 гг.⁷⁷

На л. 116 в Чертковской рукописи (в разделе «Царство 60 Тивериево») находим вставку в тот текст, который имеется в Хронографе 1512 г., начинается она словами: «Инде же пишет, яко София царица Иоустинова сего ради увеща мужа своего Иоустина...», и кончается: «...и своя жены не остави». Этот текст, рисующий попытку нарушить церковный закон (в семейных отношениях) в «царской» среде, вставлен, судя по тому, что в Чертковской видим повторение («имыи ея, яко матеръ» и опять: «и чтяше равно матери»); повторения нет в Хронографе 1512 г. Вставленное место имеется в Хронографах 1601 и 1599 гг., но отсутствует в Хронографе 1617 г. по Синодальному списку⁷⁸.

На л. 121 в Чертковской рукописи находим цельный текст, взятый из Пролога, отсутствующий в Хронографе 1512 г. и в Синодальном. Это — «Слово о черноризцы». Находим его также в Хронографе 1601 г. по Погодинскому списку и в Хронографе 1599 г. Приводим его, так как оно не совсем обычно для эпохи московского самодержавия: «Черноризецъ нѣкто святъ в Константине градѣ и много дръзновение имыи к богу, прашеся с богом, сице глаголя: „Господи, почто сицеваго властелина постави нам зла“, и тако многажды сице глагола. И прииде к нему от бога глас, глаголя: „понеже не обрѣтох горчаиши того“. Да тѣм, егда видиши недостойна кого или зла царя, или князя, или епископа, тому не дивися, ни божия промысла похули, но разумѣи и вѣруи, яко противу беззаконием нашим, тацѣм мучителем предаем ся, но ни тако зла останемся»⁷⁹.

⁷⁷ Погод., л. 426 об.; Акад., л. 370 об. В Синодальном другой текст (лл. 290—291).

⁷⁸ Погод., л. 429—429 об.; Акад., л. 372 об.; Синод., лл. 293—294. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 300.

⁷⁹ Погод., л. 434; Акад., л. 376 об.; Синод., лл. 298—299. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 303. Ср. А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, стр. 88.

Подробнее, чем в Хронографе 1512 г. и Синодальном списке, изложено в разделе «О давшем 30 литръ злата на милостыню» на л. 125 в Чертковской рукописи. Так, в Хронографе 1512 г. читаем: «...наказавъ его о семь». А в Чертковской: «...много наказоваше его, глаголя: ни како же о сем скорби, яко не погубиль еси злата того, но за се дарова тебѣ богъ здравие и в будущи вѣкъ мзду многу имаши приати на небесѣх...». Так же читаем в Погодинском и Академическом списках⁸⁰. Зато ниже на том же листе в Хронографе 1512 г. и в Синодальном (Хронографе 1617 г.) есть фраза от слов «Сего ради долъжно...» до слов «...раздати нищимъ», которой нет в Чертковской и Хронографе 1601 г. по Погодинскому списку⁸¹. В Хронографе 1599 г. она приписана другим почерком и другими чернилами на чистом месте листа. Раздел «О Евагрии философѣ» в Чертковской и Хронографах 1601 г. (Погодинский) и 1599 г. изложен подробнее, чем в Хронографе 1512 г. и Синодальном⁸². А в разделе «О Таксиотѣ» на лл. 126 об.—127 в Чертковской есть место (лл. 126 об.—127), отсутствующее в Хронографе 1512 г. и в Синодальном, от слов «Да се слышавше...» и до слов «...и в разум истинный приити»⁸³. В разделе о Константе, внуке Ираклия, находим в Чертковской фразу, которой нет в Хронографе 1512 г.: «При том доуноу вѣвѣтръ велии и многа дрѣвеса велиа ис корения исторгнуувъ и многия столпы столпникъ испроверже» (л. 127). Фразы этой нет и в Хронографе 1599 г., но она есть в Хронографе 1601 г. по Погодинскому списку⁸⁴.

На л. 135 Чертковской рукописи в разделе «О Львѣ Исаврѣ» после слов «ни ячмыка вкусивше» стоит: «бѣ же ремеслом замочный ковачь». И далее на л. 135 об. опять читаем: «ремеслом замочный ковачь». Этой конкретной детали нет в Хронографе 1512 г., где, по-видимому, при

⁸⁰ Погод., л. 439; Акад., л. 379 об.; Синод., л. 303. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 306.

⁸¹ Погод., л. 439; Синод., л. 303. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 306.

⁸² Погод., лл. 439—440; Акад., л. 380. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 306—307.

⁸³ Погод., л. 441; Акад., л. 381—381 об.; Синод., л. 304 об. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 307.

⁸⁴ Погод., л. 441; ср. Акад., л. 381 об. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 308.

сокращении она удалена. Нет и в Синодальной. Зато в Хронографах 1601 г. и 1617 г. она сохранилась⁸⁵.

На л. 136—136 об. в тексте, повествующем об иконоборчестве евреев, после слов «но и обличающа со дерзновением нечестие его и бесование», находим в Чертковской рукописи место, отсутствующее в Хронографе 1512 г., от слов «начат оубо нечестивый царь поносить на прежних царей и на патриархи, яко в толико лѣт не исправиша...» и до слов «...от того време⁸⁶не всяко идолопоклонение исчезе и к тому не будет». Вместе с тем в Чертковской видим явную вставку по сравнению с Хронографом 1512 г., которая также восходит к Хронографам 1601 и 1599 гг. Это — заголовок «Страдание преподобномученицы Феодосии дѣвицы» на л. 138. Заголовок этот разрывает текст и не мог относиться к первоначальному изложению⁸⁷. Заметим, что в конце раздела в Хронографе 1512 г. имеются слова «а 22000 болгаре избиша», которых нет в Чертковской рукописи, а также в Хронографах 1601 г. (по Погодинскому списку) и 1599 г.⁸⁸ Более подробно по сравнению с Хронографом 1512 г. рассказано в Чертковской рукописи в разделе «О человеѣце...» (от слов «яко спасенъ бысть милостыня ради...»); причем аналогичную подробную редакцию читаем в Хронографе 1601 г. (по Погодинскому списку) и в Хронографе 1599 г. А ниже в Чертковской рукописи помещен текст об Иоанне Дамаскине, о том, как он укорял Льва Исавра за «разрушение» икон и далее подробный рассказ о судьбе Иоанна. Этого текста нет ни в Хронографе 1512 г., ни в Хронографе 1599 г., но он имеется в Хронографе 1601 г. (по Погодинскому списку)⁸⁹. Обширнее список мучеников в Чертковской и в Хронографе 1601 г. (по Погодинскому) по сравнению с Хронографами 1512 и 1599 гг. в разделе «О ослеплении царя Константина» (лл. 146 об.—147 об.)⁹⁰.

⁸⁵ Погод., л. 451—451 об.; Акад., л. 389—389 об.; Синод., л. 316. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 316.

⁸⁶ Погод., л. 452—452 об.; Акад., л. 390. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 316.

⁸⁷ Погод., л. 454 об.; Акад., л. 391 об. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 317—318.

⁸⁸ Погод., л. 454 об.; Акад., л. 291 об. См. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 318.

⁸⁹ Погод., л. 454—454 об.; Акад., л. 392—392 об.

⁹⁰ Погод., л. 462 об.; ср. Акад., л. 398 об.

В Чертковскую рукопись вошел и раздел «О Люторе Мартине» (от слов «По том же бысть нѣкто от страны ихъ...» (л. 163 об.) и до слов «Бысть же сеи Лютор Мартин от воплощения Христова в лѣта 1517. Тои же окаянии Лютор Мартин бысть в лѣта великого князя Московьсково Ивана Васильевича всеа Роусии, от создания миру в лѣто 7017» — л. 164—164 об.). Этого текста нет, конечно, в Хронографе 1512 г., но он имеется в Хронографах 1601 г. и 1599 г., хотя в Академической рукописи последняя фраза не дописана, оборвана на словах «в лѣта»⁹¹.

Отметим далее как вставку, характерную для редакций 1599 и 1601 г. и попавшую в Чертковскую рукопись, направленную против иконоборчества статью «О пришествии иконы святыя Богородица Рымляныни во Царьградъ» (лл. 166 об.—169 об.). В Хронографе 1512 г. ее нет. Это — явная вставка, так как статья разрывает рассказ о Михаиле и Феодоре⁹².

Лишний, по сравнению с Хронографом 1512 г., материал составляют (в Чертковской рукописи) слова «И нарекошася своим именем Роусь реки ради Русы, и создаша град...». Далее — заголовки «О поутях» (л. 174) и «О создании Киева града» (л. 175). Все это восходит к Хронографам 1601 и 1599 гг.⁹³ Ниже — текст о рождении и жизни Кирилла Философа; его нет в Хронографе 1512 г. и в Синодальном, но он есть в Хронографе 1601 г. (по Погодинскому списку) и в Хронографе 1599 г.⁹⁴ Более подробно, чем в Хронографе 1512 г., сообщено в Чертковской рукописи о местах Ольги древлянам, и опять-таки эта редакция восходит к тем же Хронографам 1601 и 1599 г.⁹⁵ На л. 190 об. в Чертковской, а также в Хронографах 1601 г. (Погодинском) и 1599 г. опущено от слов «Бѣ же добръ Цимисхисе...» до слов «...от тѣх же кровеи»⁹⁶.

Чертковская рукопись содержит также (на л. 196—196 об.) более подробный рассказ, чем в Хронографе

⁹¹ Погод., л. 480; Акад., л. 410—410 об.

⁹² Увар., лл. 396 об.—399; Погод., лл. 483—486.

⁹³ Увар., лл. 403—404 об.; Погод., л. 491—491 об.

⁹⁴ Погод., лл. 501—502; Акад., лл. 423 об.—424; Синод., лл. 359—360.

⁹⁵ Погод., л. 507—507 об.; Акад., л. 427 об.

⁹⁶ Погод., л. 509 об.; Акад., л. 429. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 360.

1512 г., о Владимире и Рогнеде и о Владимире и воеводе Блуде, аналогичный рассказу, сохранившемуся в списках Хронографа 1601 г. и в Хронографе 1599 г. К тому же источнику восходит и подробная (по сравнению с Хронографом 1512 г.) редакция летописной истории Владимира Киевского на лл. 197—198 об., и рассказ об убитых варягах-христианах, о походе на радимичей и о взятии Корсуня (лл. 199 об.—206)⁹⁷.

Начиная с известий конца X—начала XI в. материал дает иные показания. Отсюда те места в Чертковской рукописи, которые отсутствуют в Хронографе 1512 г., как правило, не оказываются в Хронографе 1601 г., но обнаруживаются в Хронографе 1599 г.

Уже в рассказе о построении Владимиром Киевским «первой церкви» св. Георгия в Киеве Чертковская рукопись указывает точную дату — «ноября в 26 день» (л. 206 об.), которой нет в Хронографе 1512 г. Ее нет и в Погодинском списке, но она имеется в Хронографе 1599 г.

Хронограф 1512 г. и Погодинский список сообщают, что в 6498 г. Владимир ходил «в Смоленскую землю», где заложил г. Владимир, а в Чертковской и Академической (Хронограф 1599 г.) вместо «Смоленскую» читаем «Суздальскую»⁹⁸.

Убеждаемся, что и далее Чертковская, расходясь с Хронографом 1512 г., совпадает не с Хронографом 1601 г., а с Хронографом 1599 г. Так, не находим в списках Хронографа 1601 г. (Уваровском, Погодинском, Большаковском), но находим в Хронографе 1599 г. подробный рассказ о судьбе Перуна в Новгороде, о «пидьблянине», и т. п.⁹⁹ Также нет в Хронографе 1512 г., в списках Хронографа 1601 г. и в Синодальном, но есть в Чертковской рукописи и в Хронографе 1599 г. известие 6500 г. о том, что Владимир, заложив Белгород, «сведе в него много людей от иных градовъ» (л. 207); о построении церкви св. Богородицы в Киеве и текста с «молитвой»; далее — от слов «по сем же приидоша печенѣзи к Василевоу...» (л. 208)

⁹⁷ Увар., л. 423 и сл.; Погод., лл. 516 об.—523; Акад., лл. 434—438.

⁹⁸ Погод., лл. 526—527; Акад., л. 441; Увар., л. 429 и др. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 367.

⁹⁹ Акад., лл. 441—443; Погод., лл. 525—527; Увар., л. 429.

(о построении там церкви, о празднике, об угощении нищих и убогих, об отношениях Владимира с Польшей, о наказании разбойников)¹⁰⁰.

Подробнее изложение в Чертковской и в Хронографе 1599 г., чем в Хронографе 1512 г. и в списках Хронографа 1601 г., о заложении г. Переяславля, о белгородском кнзе, о размолвке Владимира с Ярославом, об убиении Бориса и Глеба, а также начало (л. 225) раздела «Царство Никифора Ватонията, иже царствова 3 лѣта» (слова: «скипетры греческия»)¹⁰¹.

Далее, к Хронографу 1599 г. восходит известие 6668 г. (его нет в списках Хронографа 1601 г.) Чертковской рукописи о построении Успенской церкви во Владимире Андреем, о том, что он «верхъ» ее позолотил и что работали «изо всѣх земель мастера» (л. 234), а ниже фраза начиная от слов «и положено бысть честное тѣло его...» (л. 234), а в разделе «Великое княжение Роусское» — известие о знамении: «В лѣто [6]693 бысть знамение в вечернюю годину, в солнци бысть мрачно...» (л. 234 об.) и т. д.¹⁰²

В Чертковской рукописи (л. 235—235 об.) и Хронографе 1599 г. начинается раздел о сербских «деспотах» иначе, чем в Хронографе 1512 г. и списках Хронографа 1601 г. В этих памятниках и в Синодальном списке нет также о знамении 6710 г., когда «потече небо», по горам (хоромам?) был снег, как будто покрытый кровью. То же читаем и в Хронографе 1599 г.¹⁰³ В конце раздела «О взятии Царяграда от Латынь» в Чертковской приписано: «Во иных же лѣтописцах о взятии Царяграда сему не согласно» (л. 239 об.). Такой приписки нет ни в Синодальном, ни в списках Хронографа 1601 г. Но она имеется в Хронографе 1599 г. К этому последнему источнику восходит и известие Чертковской рукописи о знамении под 6712 г.¹⁰⁴

¹⁰⁰ Акад., лл. 441 об.—443; Погод., л. 527—527 об.; Больш., л. 503—503 об.; Увар., л. 429.

¹⁰¹ Акад., лл. 443—443 об., 455; Погод., лл. 527 об., 542; Увар., л. 429; Больш., лл. 503—504, 518. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 367—368, 380—381.

¹⁰² Акад., лл. 459 об.—460; Погод., л. 550—550 об., Увар., л. 443; Больш., лл. 525 об.—526. Ср. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 387 и сл.

¹⁰³ Акад., лл. 460 об., 462 об.; Погод., лл. 550 об., 552 об.; Больш., лл. 526, 530—534 об.; Увар., 444 об. и др.

¹⁰⁴ Акад., лл. 463, 465 об.; Погод., лл. 556 об., 561; Больш., лл. 531, 535; Увар., л. 447 и др.

На лл. 247 об.—255 в Чертковской рукописи находим летописный текст и повести «О пришествии Николина об-раза ис Корсуни на Рязань» и «О велицем побоищи иже на Калке рецѣ». Этот обширный материал отсутствует в Хронографах 1512 и 1601 гг., но он имеется в Хронографе 1599 г. Отличается и текст повести о нашествии Бат-тя в Чертковской рукописи и Академической (Хроно-графе 1599 г.) от текста той же повести в Хронографе 1512 г., в списках Хронографа 1601 г. и в Синодальном (Хронографе 1617 г.)¹⁰⁵.

Нет не только в Хронографе 1512 г., но и в Хронографе 1601 г. статей Чертковской рукописи «О Еоупатии Колов-рате» (ч. 2, л. 12) и «О пришествии князя Ингоря на Ря-зань» (л. 13). Но они имеются в Хронографе 1599 г.¹⁰⁶

И в рассказе «О шествии Баття в Новгородскую землю» в Чертковской другой текст, чем в Хронографе 1512 г., более обширный. Так, например, в последнем нет от слов «И взят его и люди вся исече...» до слов «...марта в 5 день». Место это находим в Хронографе 1599 г., но его нет в списках Хронографа 1601 г.¹⁰⁷

Итак, в части до известий конца X в. в Чертковской ру-кописи прослеживается слой начала XVII в., привлечен-ный составителем основной части Чертковской рукописи. Это — материал, почерпнутый из Хронографа 1601 г. или списка, близкого к нему. Такой вывод решительно под-тверждается тем, что Хронограф 1601 г. наряду с чте-ниями более древними по сравнению с Хронографом 1512 г.¹⁰⁸ содержит, как мы видели, явно позднейшие до-бавления. Такие места позднейшего происхождения обна-руживаются не раз в Чертковской рукописи там, где последняя, отступая от Хронографа 1512 г., сближается с Хронографом 1601 г.

Пополняя с помощью Хронографа 1601 г. текст свода 1533 г., составитель основной части Чертковской рукописи обнаружил определенные идейные симпатии, идейную на-правленность. Он, следуя древней византийской традиции,

¹⁰⁵ Акад., лл. 467—473 об.; Увар., лл. 450—451; Больш., лл. 535 об.—537; Погод., лл. 561—562 об.; Чертк., ч. 2, л. 7 и др.

¹⁰⁶ Акад., лл. 474 об.—476 об.; Погод., лл. 562—566; Больш., лл. 540—541.

¹⁰⁷ Акад., л. 478; Погод., л. 565; Больш., л. 540; Чертк., ч. 2, л. 16.

¹⁰⁸ В последнем их общий протограф сокращался.

охотно включает в текст материал, обличающий «еретиков», т. е. древние религиозные секты. Отрицательно относится он и к религиозному учению Мартина Лютера.

Но этого мало. Есть некоторые основания допускать, что именно он включил в текст Чертковской рукописи извлечения из «Просветителя» Иосифа Волоцкого с собственной оценкой деятельности Геннадия и Иосифа. Аналогичных извлечений из «Просветителя» не находим в тех летописных сводах, которые служили источниками летописного свода 1533 г. или имели с ним общие источники. Но находим подобные извлечения в Хронографе 1617 г., причем взяты они в Чертковской рукописи не из Хронографа 1617 г., ибо в нем они даны в иной редакции. Не исключена возможность, что этот материал был включен в XVI в. В митрополичьей «казне» (архиве) XVI в. были сборники с материалами о еретиках¹⁰⁹.

Далее текст Чертковской летописи (до рассказов о нашествии Батыя), как мы убедились, в тех случаях, когда он отходит от Хронографа 1512 г., сближается не с Хронографом 1601 г., а с Хронографом 1599 г. Очевидно, на этом отрезке составитель основной части Чертковской рукописи не пользовался Хронографом 1601 г.

Наконец, как мы говорили, с известий второй трети XIII в. через текст Чертковской рукописи, помимо хронографических разделов, систематически проходит летописный материал, отсутствующий в дошедших до нас хронографах, т. е. в Хронографах 1512 г., 1599 г., 1601 г. и 1617 г. Иными словами, здесь прослеживается самостоятельный летописный текст. Такой самостоятельный летописный текст переходит за повесть о взятии Константинополя и тянется вплоть до 1533 г. Очевидно, что весь этот материал определяет самостоятельное лицо летописного свода 1533 г., его особенности, его происхождение и его место в истории летописания, которое мы рассматриваем в связи с историей нашей страны. А так как в Чертковской рукописи количество вставок нехронографического происхождения до XIII в. совершенно ничтожное, мы вправе допустить, как наиболее вероятное, что в основе летописного свода 1533 г., отразившегося в Чертковской рукописи, лежал первоначально хронограф, может быть, близкий

¹⁰⁹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 21—22 и др.

к Хронографу 1512 г., но какой именно редакции, сказать затрудняемся. Однако поскольку, как выяснилось выше, хронографическая часть Чертковской летописи в том виде, как она дошла до нас, сложилась не ранее начала XVII в., проблема эта оказывается более сложной, чем можно было предполагать ранее. Не сомневаюсь, что со временем она будет разрешена будущим исследователем русских хронографов.

Перейдем к рассмотрению той части свода 1533 г., отразившегося в Чертковской рукописи, которая была заимствована не из хронографа или хронографов, точнее — не из дошедших до нас хронографов.

Для изучения этой части необходимо привлечь изданную Львовскую летопись и неопубликованный летописный свод, сохранившийся (неполностью) в рукописи ГБЛ Румянцевского собрания (ф. 256) под № 255. Румянцевская рукопись содержит, согласно нумерации, 859 листов, писанных скорописью первой половины XVII в. После двух вкладных листов, написанных позднее (в XVIII в.), следует аннотация глав. В этой аннотации («Сказании главам») последний год 7068. Текст летописи начинается на л. 38 (с главы 17): «Великое княжение Василия Димитреевича, внука Иванова, правнука Иванова же, праправнука Александрова Невского, пращура Всеволода Володимерского, препращура Юрия Долгорукова Володимеровича Маномахова. В лѣто 6897, мѣсяца августа въ 15 день...» и т. д. Следует известие о том, что на великом княжении во Владимире сел Василий Дмитриевич, а «посажен царевым Тахтамышевым послом Шиахматомъ». Рукопись обрывается на словах послания патриарха Александрийского Иоакима к царю Ивану Васильевичу под 7066 г.: «...только же несказанне превысочайшая благодать»¹¹⁰.

В основе Румянцевской летописи лежит летописный свод 1533 г. После известий 1533 (7041 г.) в Румянцевской летописи следует текст «Лѣтописца начало царства царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси...» (ср. Львовскую и Никоновскую летописи). В Румянцевской и Львовской статья 1533 г. кончается известиями о том, что был

¹¹⁰ Ср. ПСРЛ., т. XX, ч. 2. СПб., 1914, стр. 602.

слит колокол Николаем Немчином и поставлен 19 декабря и что из Астрахани приехал Кудалыяр. В Чертковской летописи после известия о том, что 19 декабря поставили колокол, идут дополнительные статьи (о смерти Александра Свирского, житие Данилы Переяславского и т. д.). Напомним, что А. А. Шахматов в последней своей обобщающей статье о летописях, напечатанной в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, писал, что Львовская летопись «в первоначальной редакции» доходила до 1533 г.; что и предшествовавшая Львовской Воскресенская летопись также «в первоначальной редакции» доходила до 1533 г.

Текст Румянцевской летописи чрезвычайно близок к Львовской в части с 1518 до 1533 г. Этот общий их источник — подробный свод, в основе которого лежит Воскресенская летопись. Чертковская летопись имеет явно общий источник (или источники) с Румянцевской на всем протяжении последней (напомним, что она начинается с известий конца XIV в.). Чертковская представляет редакцию текста 1533 г. более позднюю, поскольку она дает сокращения или извлечения из их общего источника.

При сравнении с Львовской летописью в Румянцевской обнаруживаются заимствования из Никоновской. Так, под 7028 г. в разделе «Отпущение икон во Владимирь и ход со кресты», в отличие от Львовской и Воскресенской в Румянцевской и Чертковской видны заимствования из Никоновской. Вообще, в Чертковской и Румянцевской можно отметить нить известий, восходящих к Никоновской. Так, под 6899 г. известие Чертковской летописи о поездке Киприана в Тверь восходит к Никоновской летописи. Ни в Воскресенской, ни в Софийской I, ни в Хронографах (ред. 1512 г., Погодинском, Академическом) нет текста «и воздався князь великий о пришествии митрополиче и едва умолиша диакона митрополича Арсения быти епископомъ во Твери: бояше бо ся вражды; и едва поставиша его во Тверь епископомъ мѣсяца августа в 15 день» (л. 93). Аналогичный рассказ имеем в Румянцевской (л. 42 об.) и Никоновской летописях.

Сближает Чертковскую и Румянцевскую с Никоновской и житие Сергия под 6900 г. (в Чертковской сокращено: см. текст на лл. 94—98 об.; ср. Румянцевскую, лл. 45—72). К тому же источнику восходит и рассказ Чертковской о хождении Пимина в Царьград под 6897 г. (Чертк.,

лл. 83—91). В Воскресенской, Софийской I и хронографах (ред. 1512 г., Погодинском и Академическом) такого рассказа нет. Но он есть в Никоновской (в Чертковской несколько сокращено).

Под 6908 г. в Чертковской читаем: «Того же лѣта князь великий Олегъ Рязанский с пронскими князи и с муромскими и с козельскими побиша татаръ на Хопору, возлѣ Дону, и царевича Мамат-Салтана яша и иныхъ князеи ординьскихъ» (л. 70 об.). Этого нет ни в Погодинском (лл. 586—587), ни в Академическом (лл. 500—502), ни в хронографах, ни в Софийской I и Воскресенской. Но имеется в Никоновской и Румянцевской (л. 122), по сравнению с которыми в Чертковской небольшое сокращение (нет слов «в пределах Черленаго Яру и в караулах»). Под 6918 г. в Чертковской сообщается о том, что был срублен град Плесо (л. 77 об.). Этого известия нет ни в хронографах, ни в Софийской I, ни в Воскресенской. Но оно имеется в Никоновской и Румянцевской (л. 159). Рассказ о взятии г. Владимира Талычем под 6919 г. в отличие от Софийской I и Воскресенской начинается в Чертковской как в Никоновской и Румянцевской (л. 160 об.): «Того же лѣта пресвященныи Фотѣи митрополит поиде с Москвы в Володимеръ и тамо ему пребывшию нѣколько дней...» (лл. 77 об.—78). Рассказ в Чертковской дан в той же редакции, что в Никоновской и Румянцевской, но с сокращениями. Под 6921 г. к тому же источнику восходит пространный рассказ о случае с Лукою «земледельцем» в лесу (Чертк., лл. 80—82). Аналогичную с Никоновской летописью редакцию рассказа находим и в Румянцевской (лл. 168—170). Но в Чертковской местами текст сокращен. К тому же источнику восходит рассказ о нашествии Улу Махмета под 6946 г. Такого рассказа не находим в Софийской I и в Воскресенской и в упомянутых хронографах, но он есть в Никоновской летописи; причем в Чертковской небольшие сокращения. Под 6950 г. в Чертковской читаем о приходе татар «на рязанския украины», о морозах, о бурях, об «отзимии» весною, о дороговизне, о пожаре в Новгороде, о «напрасныхъ» казнях по подозрению в поджоге. Всего этого нет в Воскресенской, Софийской I и указанных хронографах, но имеется в Никоновской и Румянцевской (л. 244 об.).

Воскресенская летопись в ранней редакции составляла подоснову общего источника Львовской и Румянцевской,

который кончался 1533 г. и который в сокращенном виде отразился в Чертковской рукописи. Нетрудно убедиться, что текст Чертковской рукописи в значительной мере представляет собою выборки, часто сокращенные, из текста, восходящего к Воскресенской летописи, например, текст в конце рукописи под заголовками: «Слить колокол», «Туча велика», «Туча страшна», «Женился князь Андрѣй», «Опала на Шигалѣя», «Звезда», «Гость индѣйской», «Священие церкви», «Поставление церкви на Москвѣ», «Звезда велика» и т. д. Общую основу с Воскресенской летописью можно проследить в Чертковской и под предыдущими годами.

Однако в Чертковской, Румянцевской и Львовской (в последней в части с 1518 г.) имеются одинаковые отступления от Воскресенской летописи. Эти отступления и ведут нас к редакционной обработке, имевшей определенную общественно-политическую целенаправленность.

Начнем с мелких общих отступлений Чертковской рукописи и Львовской летописи (с 1518 г.) от Воскресенской, которые еще сами по себе ничего не говорят о направлении, но подтверждают факт общности в происхождении трех летописей. Таковы прибавления под 7039 г. в Чертковской и Львовской к известию о построении каменного города Осетра слов: «у Николы чюдотворца у Заразскаго» (л. 285); под 7028 г. — о посылке великим князем к турецкому «Салимшагъ салтану» Бориса Голохвостова и о его пути Доном к Азову, морем к Кафе и к Царьграду и далее к «Яндренуполю» и в Димотих; и далее о его пути на «Сербскую землю» к Дунаю, затем на Белгород и к Днепру и через Перекоп к крымскому царю» (лл. 273 об.—274). Под 7027 г. — в рассказе о рати на Литву — о том, что захватили королевского дворянина по имени Рая и «иных многихъ», а «городенскаго воеводы Юрия Николаева кошь взяли» и т. п.

Но перейдем к тем общим отличиям Чертковской, Румянцевской и (в части с 1518 г.) Львовской от Воскресенской, которые представляют для нас существенный интерес.

Это — вставки, которые имеются одинаково и в Львовской, и в Румянцевской, и в Чертковской летописях и которых нет в Воскресенской. Они сообщают о делах в Новгороде и в Новгородской земле и преимущественно свя-

заны с московско-новгородскими отношениями и, как нетрудно заметить, подобраны с определенной целью.

Нить этих вставок, взятых из одного источника, — владычного новгородского свода 1539 г. — начинается в Чертковской рукописи и в Румянцевской до 1518 г. В Львовской летописи эти вставки содержатся только в части после 1518 г. по той простой причине, что Львовская летопись явилась результатом соединения двух сводов и состоит из двух частей, из которых вторая начинается с 1518 г. Известно, что свод 1518 г. сохранился и в отдельном виде, хотя, к сожалению, без начальной части (до 6905 г.); кроме того, сохранился он в части с 6900 г. как продолжение Софийской I летописи (см. ниже) и с продолжением (после 1518 г.), но иным, чем в Львовской летописи. Сейчас для нас важно подчеркнуть, что свод 1518 г. в составе Львовской летописи продолжен с помощью другого летописного свода, т. е. составителем Львовской летописи был привлечен для текста с 1518 г. другой свод, близкий к Воскресенской летописи, хотя и не совпадавший с нею. Сказанное ясно обнаруживается при рассмотрении Львовской летописи под 1518 г., здесь повторяется рассказ о перенесении икон в Москву, причем в первой редакции он аналогичен тексту Софийской II летописи (своду 1518 г.), а повторный рассказ близок к Воскресенской летописи. Далее, в Львовской летописи повторяется рассказ о приезде в Москву дьяка Племянникова и т. д., причем повторный рассказ дан в редакции, также близкой к Воскресенской летописи. Уже эти повторения заставляют предполагать, что свод, использованный составителем Львовской летописи в части с 1518 г., имел какое-то начало. И это подтверждается сравнением трех летописей: Чертковской, Львовской и Румянцевской.

Сходство Румянцевской летописи со Львовской начинается как раз с того известия, на котором кончается свод 1518 г. Это — известие о смерти князя Семена Ивановича под 7026 (1518) г.: «Того же лѣта мѣсяца июня въ 26 въ субботу...» и т. д. (Рум., л. 541; ср. Львовскую летопись, ч. I, стр. 395). На этом известии кончается свод 1518 г. как видно из Архивского списка Софийской II летописи и др.; следует иметь в виду, что само известие о смерти Семена совпадает в Воскресенской, Софийской II и Львовской. Предшествующий текст Румянцевской расходится с Львовской и Софийской II. Нет в Ру-

мянцевской рассказов о перенесении икон в Москву и о приезде в Москву дьяка Племянникова, изложенных в редакции Софийской II и Львовской. Таким образом, рассказы эти в Румянцевской не дублируются. А перед известием о смерти Семена Ивановича помещено сообщение о событии 4 марта 1518 г. в редакции, отличной от Львовской и Софийской II и близкой к Никоновской летописи. Здесь в Румянцевской упоминается о приезде из Царьграда Василия Копыка и Ивана Варавина, о чем в Львовской и Софийской II не упоминается. Выше, под 7025 г., текст Румянцевской также начинается с изложения, более близкого к Никоновской летописи, чем к Львовской.

Никоновская летопись могла служить одним из компонентов Румянцевской летописи, кончавшейся 7068 (1560) г. Другим компонентом Румянцевской летописи служил тот свод, который в Львовской летописи использован только с 1518 г. Текст Румянцевской летописи с 7027 (1519) по 7041 (1533) г. очень близок к Львовской. Так, например, весь обширный текст под 7041 г. в Румянцевской летописи почти слово в слово совпадает со Львовской. Если же действительно в Румянцевской до 1518 г. отразился тот свод, который использован в Львовской только с 1518 г., то тогда, во-первых, до 1518 г. в Румянцевской, согласно предыдущим данным, одним из основных источников должна быть Воскресенская летопись, хотя и проредактированная и дополненная, и, во-вторых, тот же источник должен обнаружиться и в Чертковской рукописи. Иными словами, и в Чертковской, и в Румянцевской должно обнаружиться присутствие текста Воскресенской летописи и в то же время одинаковые особенности, свидетельствующие об общей идейной направленности.

Сравнение Чертковской рукописи с Румянцевской действительно обнаруживает присутствие такого общего текста и, главное, одинаковых особенностей, характеризовавших, очевидно, их общий источник.

Прежде всего, отметим ряд мест в части до 1518 г., имеющих в Чертковской, Воскресенской и Румянцевской и отсутствующих во Львовской. Так, под 7023 г. от слов (цитирую по Румянцевской рукописи) «много желнѣрь с пицал(ь)ми, а мѣсто пришло тѣсно...» до слов «... Темку Ростовского» (л. 534); под 7022 г. от слов

«а в Смоленску тогда...» до слов «...пан Юрьи Салогубович» и ниже от слов «яко от пушечнаго и пищалнаго» до слов «...чтобы государь великий князь пожаловал, меч свои унял, а бою велѣл престати»; под тем же годом слова «и жаловал его портищи и ден(ь)гами и его бояр и дѣтей боярских» (л. 533); под тем же годом в начале от слов «и многи скорби и великий напасти граду Смоленску нанесе...» до слов «...землю их пленив» (л. 529); под 7021 г. слова «за Вилною в Берештах» и от слов «богъ вѣсть которыми дѣлы...» до слов «...отвѣта не дал» (л. 527 об.); под 7016 г. слова «а мастер Феодосеи Денисьев з братьею» и далее известия о закладке из камня укреплений Нижнего Новгорода, о решетках, о пожаре в Москве, о засухе, о пожаре в Новгороде Великом, о строительстве в Москве и т. п.

Собственно, источник, аналогичный Воскресенской летописи, прослеживается уже в ранних известиях Чертковской летописи (например, в редакции Воскресенской летописи известие под 6901 г. об убийстве в Торжке боярина великого князя и его «доброхота» по прозванию Максима и о казни великим князем 70 человек и под тем же годом известие о смерти Данилы Феофановича, в монашестве Давыда, которому дается лестная характеристика, как верного слуги великого князя — Чертк., л. 105). Тот же источник прослеживается и под более поздними годами (например, текст под 50-ми и 60-ми годами XV в. или начиная с 1490 г., где видны систематические извлечения из источника, близкого к Воскресенской летописи)¹¹¹.

Мы показали, что свод 1533 г., к которому восходят Румянцевский свод и Чертковский, отличался в части до 1518 г. от Львовской летописи, иными словами — от свода 1518 г.

Итак, в основу свода 1533 г. была положена одна из редакций великокняжеского свода. Однако свод 1533 г., к которому восходит Румянцевский свод и в конечном счете Чертковский, не был великокняжеским сводом, а как мы покажем в дальнейшем, сводом, в котором материал великокняжеского свода был сближен с митрополичьим.

¹¹¹ Ср. ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 62.

Обратимся к источнику и разберем с этой стороны текст Чертковской рукописи начиная с 1454 г., т. е. с года, следующего за годом, где помещен рассказ о взятии Царьграда.

Под 6963 г. по поводу прихода Седи-Ахметовых татар к Оке и перехода их через реку ниже Коломны в Чертковской читаем: «а Иванъ Васильевич Ощѣра стоял с Коломенскою ратию и пропустил ихъ мимо себя, а противъ их не смѣл» (л. 154). Этого упрека в адрес воеводы Ивана Васильевича Ощеры нет ни в Воскресенской летописи, ни в Уваровской, ни в Симеоновской, ни в Никоновской, но он есть в Румянцевском своде («...а прити на нихъ не смѣль», л. 358), где рассказ в общем совпадает с Чертковским. Восходит он, как мы видели, к митрополичьей летописной традиции, к своду 1518 г. Симеоновская летопись приписывает победу над татарами Ощере, а Воскресенская — и Ощере, и Басенку, который ходил «с двором великого князя». По-видимому, митрополичья традиция (Софийская II) была в данном случае наиболее близка к истине, упрекая Ощеру и отмечая, что татар бил Басенок с великокняжеским «двором».

Дальнейшее рассмотрение Чертковской летописи и Румянцевской дает новые указания, что основной источник Чертковской летописи был обработан в кругах, близких к митрополичьей кафедре. Почти весь текст под 6967 г. мог быть извлечен из летописи, аналогичной Воскресенской (его нет в Симеоновской). Но здесь в Чертковской читаем добавление, касающееся архиепископа Ионы, которого нет в Воскресенской и в Никоновской, со ссылкой на Михаила Клопского (от слов «иже бысть послѣди...» до слова «...Клопский» — л. 156). Этого добавления нет и в Софийской II. Но в Румянцевской находим более обширные, чем в Чертковской, добавления, касающиеся архиепископа Ионы и тоже со ссылкой на Михаила Клопского (л. 343—343 об.). А под 6969 г. в отличие от Воскресенской летописи читаем описание умершего митрополита Ионы и о том, что он был «родомъ града Галича» (л. 157 об.). Этих дополнений нет также в Симеоновской, Никоновской, Софийской II. В Румянцевской же в связи с известием о смерти митрополита на л. 346 сообщается о том, как был поставлен Иона и о том, что «от сих мѣст начаша ставити митрополитов на Москвѣ и к Цареграду

не ходя», так как Царьградом «обладал... турский царь»; далее биографические сведения об Ионе и т. п.

Столь же характерны подробности, отсутствующие в Воскресенской летописи, которые мы встречаем в Чертковской и Румянцевской летописях, в известии о построении церкви в Москве у Боровицких ворот; это — сведения о приделе Варлаама Хутынского и об установлении празднования «на Москвѣ и повсюду» (л. 158). Эти сведения восходят к митрополичьей традиции, как видно из сравнения Чертковской с Софійской II летописью. Но в Чертковской и Румянцевской несколько иная редакция, с указанием точной даты празднования. Заметим, что всех этих сведений нет ни в Симеоновской, ни в Воскресенской летописях.

Под 6980 г. в рассказе о набеге «царя» Ахмата «по научению литовского короля Казимира» на г. Алексин Чертковская сообщает данные о поведении алексинского воеводы Семена Беклемишева: «воевода ж олексинской Семень Беклемишев восхотѣ у гражданъ посула, и они даша ему пять рублевъ, он же восхотѣ шестаго рубли женѣ своей, и о сем глаголющим имъ, услышаша, яко татарове хотятъ паки приступити ко граду, Семен же побѣжа за рѣку за Оку, и с женою своею и с людьми» (л. 178). Этот рассказ, которого нет ни в Воскресенской, ни в Симеоновской, ни в Никоновской летописях, восходит также, как мы видели, к летописной митрополичьей традиции: его читаем в Софійской II и Львовской летописях; помещен он также и в упомянутом выше Хронографическом списке Новгородской IV летописи, а также и в Сокращенных летописных сводах конца XV в. Находим его и в Румянцевской летописи на л. 391.

Особенно показательны одинаковые отступления Чертковской и Румянцевской от Воскресенской и Никоновской летописей под 6990 г. Здесь ясно видно соединение в общем протографе Чертковской и Румянцевской двух источников. В обеих летописях мы читаем «Отъ иного лѣтописца», и затем текст от слов «Того ж лѣта бысть мятеж в Литовской землѣ, восхотѣша вотчичи Олшанской да Олелкович...» и до слов «...корол же не отдаде ея». Весь этот текст (в Чертковской — лл. 207 об.—208 — обнаруживаются незначительные сокращения) находим в Софійской II и Львовской летописях. На ту же летописную традицию указывает и одинаковое отступление Чертков-

ской и Румянцевской под тем же годом от Воскресенской, когда они повествуют о работе иконников, называя их имена. Рассказа этого нет также в Симеоновской и Никоновской. Но он имеется в Софийской II и Львовской, в Румянцевской — на л. 461 об.

Одинаковые характерные отступления в равной мере Чертковской и Румянцевской от Воскресенской наблюдаем, например, под 6998 г. Это рассказ о том, как лечил князя Ивана Ивановича лекарь «мистръ Леон» и как за неудачную практику был казнен по приказу великого князя: от слов «а жилъ всего 32 лѣта и 20 дней...» до слов «...и ссѣкоша ему голову на Болванове, апрѣля в 22 день» (л. 214). Этот рассказ, отсутствующий в Воскресенской летописи, также находим в Софийской II и Львовской. В Румянцевской он имеется на л. 469. Следует, однако, оговориться, что данный текст под 6998 г. имеется в Никоновской летописи и мог попасть в Чертковскую и Румянцевскую из Никоновской.

Не менее интересны одинаковые отступления Чертковской и Румянцевской от Воскресенской под 7000 г. В Воскресенской читаем только краткое сообщение о «поимании» Андрея Васильевича Углицкого без указания причин. В Чертковской и Румянцевской — подробный рассказ об «измене» (Чертк. от слов «Сентября в 20 день...» до слов «...на Русскую землю» — лл. 216 об.—217). Этот рассказ обнаруживаем в Софийской II, Львовской и Хронографическом списке Новгородской IV летописи, а также в Никоновской летописи. Однако в отличие от всех этих летописей, а равно и от Румянцевской, вместо последующей фразы «да с великого князя силою на ординского царя воеводы своего и силы не посла...» и т. д., в Чертковской написано: «или будет безумнии челоѡѣцы братоненавистники и лукавии челоѡѣцы сатанины ученицы иное и налгаша на него». Эта фраза бросает лишний штрих, обрисовывая ту среду, в которой формировалась изучаемая нами летопись.

Отличительной общей особенностью Чертковской и Румянцевской являются подробные рассказы о приезде Глинских в Москву под 7016 и 7017 гг.¹¹² Таких сообщений о Глинских нет ни в Воскресенской, ни в Львовской

¹¹² Ср. Чертковскую рукопись и Румянцевскую на лл. 508—511 об. и 532 об.

и Софийской II, ни в Никоновской летописях. Эти рассказы могли быть внесены в летопись в 40-х годах XVI в., когда Глинские были в силе (1545—1547 гг.). Рассказ Чертковской под 7018 г. о землетрясении в Царьграде, которого мы не находим ни в Воскресенской, ни в Никоновской, ни в Львовской, ни в Софийской II, оказывается, однако, в Румянцевской и, следовательно, восходит к общему источнику Чертковской и Румянцевской. Весьма важными для характеристики общественно-политической направленности общего протографа Чертковской и Румянцевской летописей являются, во-первых, нить вставок из владычного новгородского свода, которая, как мы выше говорили, одинаково проходит через обе летописи (а с 1518 г. идет и во Львовской), и, во-вторых, уникальная московская редакция повести о «взятии» Пскова под 1510 г., также вошедшая как в Румянцевскую летопись, так и (с сокращениями) в Чертковскую.

Начнем с новгородских вставок. Первая из них — под 6998 г. Она говорит о том, что «повелѣнием» великого князя Ивана Васильевича был поставлен каменный «город» в Великом Новгороде, причем «двѣ части града ставили великаго князя казною, а треть владыка Генадеи дѣлалъ своею казною». Этого нет ни в Воскресенской, ни в Никоновской, ни в Симеоновской, ни в Софийской II и Львовской. Но есть в Румянцевской на л. 469. Приведенное заимствование из Новгородской владычной летописи имеется и в списке Дубровского и Академическом Новгородской IV летописи под тем же годом.

Этой вставкой начинается ряд таких же, взятых из того же источника вставок, задача которых, как явствует из их содержания, показать, как «благодетельна» была великокняжеская власть для Великого Новгорода.

Так, под 7016 г. в Чертковской и Румянцевской сообщается, что великий князь послал в Новгород Бобра и велел ему «учинити» в Новгороде «ряды», улицы размерить «по-московски» и сделать мост «великой» через Волхов «весь нов» (л. 253 об.). Сообщение отсутствует в Воскресенской, Никоновской, Львовской, Софийской II. Взято оно из того же владычного Новгородского свода 1539 г., представленного списком Дубровского, под 7016 и 7017 гг.

Далее следует третья вставка в Чертковской летописи под 7027 г., которая имеется не только в Румянцевской

(л. 544 об.), но и во Львовской летописи. Начинается она словами «Тоя же осени князь великий Василен Ивановичь, слыша, что в Новѣграде Великом намѣстники его судят по мздѣ...» и кончается словами «...на всякой мѣсяцѣ» (л. 269). Великий князь приказывает вместе с наместниками участвовать в суде купецкому старосте, а вместе с «тиунами» судить «целовалником». Вся вставка почти слово в слово совпадает с известием свода 1539 г., но с незначительными сокращениями.

Четвертая вставка — под 7034 г. — рассказывает о том, что, согласно просьбе «лоплян» «Кандоложской губы», обращенной к великому князю, Макарий крестил этих «лоплян» (л. 281). Она взята из того же Новгородского свода и включена в общий протограф Румянцевской летописи и Львовской, перешла и в Чертковскую с небольшими сокращениями.

Пятая вставка — под 7036 г. — от слов «Того же лѣта боголюбивый архиепископъ Макарие Великаго Новаграда в новгородскихъ монастырехъ сотвори общежительство, а се имена тѣм монастыремъ...» и до слов «...благочиния ради» (л. 282). Если не считать риторического украшения со ссылкой на слова «пророка», то почти все изложение в Львовской летописи и Румянцевской восходит к владычному Новгородскому своду, нет только о числе иноков в монастырях. Этот текст в Чертковской значительно сокращен по сравнению с Румянцевской (лл. 556—557) и Львовской. Так, в Чертковской рукописи выпущено все от слов «въ 2-е лѣто...» до слов «...совѣтъ святителя Макария»; от слов «и трапезы...» до слов «...иныя же древены» и от слов «...по уставу» до слов «...животъ вѣчныи». В Чертковской рукописи выпущены, между прочим, резкие укоры по адресу лжемонахов, которые «по кѣльямъ своимъ ядыху и всякими житейскими обдержими бяху», и по адресу двух «именитых» монастырей, отказавшихся принять устав общежительства, которые привыкли («обыкоша») «безчинно жити».

Шестая вставка — под 7038 г. Она начинается от слов «Въ Новѣ ж граде Великом в настоящи часъ рождения его...» (т. е. сына Василия Ивана, будущего Ивана IV) и кончается словами «...и красногласенъ» (лл. 283—283 об.). В Чертковской рукописи сокращений почти нет (отсутствуют только слова: «нѣсть въ Новѣгороде ни въ придѣлехъ его»). Вставка совпадает с текстом владыч-

ного свода 1539 г. Интересно, что слова о колоколе, сделанном в час рождения наследника — «яко страшной трубѣ гласящи», заменены в общем источнике Львовской, Румянцевской (л. 559) и Чертковской словами «великозучень и красногласень» во избежание, очевидно, нежелательных толкований.

Седьмая вставка — под 7039 г. Она начинается словами «Того ж лѣта князь великий Василен Иванович послалъ в Великий Новѣградъ к архиепископу Макарью грамоты...» и кончается словами «...и рукодѣлю навывкоша» (л. 284 об.). Вставка эта читается в Румянцевской (л. 566), во Львовской и в Чертковской; в последней нет слов «ис поля». Она взята из свода 1539 г., но с небольшими сокращениями: опущено указание на месяц (июль) и слова «от Володимерскихъ воротъ прямо въ конецъ». Любопытно, что в общем источнике Львовской, Румянцевской и Чертковской есть добавление к этому известию владычного свода 1539 г. и в этом добавлении разъясняется благодетельный результат мероприятия, предпринятого великим князем московским в Новгороде с помощью Макария: «и бысть тишина велия по всему граду от лихихъ человекъ хищниковъ и убиецъ и татей, а прежде того много бысть всякого зла, и того ради укрепления мнози злии человекъ из града избежаша и без вести быша, а инии на покаяние обратишася и рукодѣлю навывкоша».

Восьмая вставка — под 7041 г. — начинается от слов «Тоя ж зимы в Великом Новѣграде у архиепископа Макария...» и кончается словами «...греческаго закона» (лл. 286 об.—287), и сообщает о крещении по распоряжению Макария «лоплян» «с Колы рѣки с Тутоломы, из-за Святого носа». Общий текст Румянцевской (л. 572), Львовской и Чертковской является сокращенной передачей рассказа о тех же событиях владычного свода 1539 г.

Как явствует из сравнения изучаемых текстов с Ново-иерусалимским списком Новгородского владычного свода 1539 г., с одной стороны, и, с другой стороны, со списком Дубровского под 6698, 7016, 7017, 7027 и 7036 гг., указанные вставки в общий протограф Румянцевской, Львовской и Чертковской летописей были сделаны из списка, близкого к списку Дубровского.

Мы подходим к решению вопроса о происхождении общего протографа Румянцевской, Львовской и Чертков-

ской летописей. Полное решение этой проблемы затрудняется отсутствием начала у Румянцевской рукописи: летопись начинается, как мы видели, с известий конца XIV в. Кроме того, полное решение проблемы требует исчерпывающего изучения всего (по возможности, без остатка) текста рукописей Румянцевской и Чертковской. Необходимо также издание этих рукописей. Предыдущее исследование показало всю важность Румянцевской летописи для изучающих историю летописания, историю нашей родной страны.

Однако к некоторым бесспорным выводам, касающимся происхождения общего протографа Румянцевской и Чертковской (и отчасти Львовской) мы пришли. Бесспорно, что составитель Чертковской летописи сокращал более обширный по составу свод (говоря о сокращении, я имею в виду текст начиная с конца XIV в.). Этот более обширный, более подробно излагавший события свод отразился в Румянцевской летописи и частично в Львовской летописи (с 1518 г.). Составитель этого обширного свода соединял великокняжескую традицию XVI в. (т. е. текст, близкий к Воскресенской летописи) с митрополичьей. Но он не считал возможным полностью воспроизвести текст митрополичьего свода 1518 г., содержащего описание резких столкновений между великокняжеским столом и митрополичьей кафедрой в XV в. В его свод не были включены ни рассказы о «распре» между великокняжеской властью и митрополитом в XV в., ни некоторые сведения, которые могли бросать тень на деятельность великого князя. Ни в Румянцевской, ни в Чертковской под 6961 (1453) г. нет о том, что великий князь уморил «смертным зелием» князя Дмитрия Шемяку, подослав дьяка Стефана Бородатого. В Румянцевской — официальная версия, которая об участии великого князя в отравлении ничего не говорила — читаем: «умре напрасно». А в Чертковской и эта редакция смягчена; там читаем «преставися». В Румянцевской и Чертковской есть рассказ под 6987 г. о разногласии между митрополитом и великим князем относительно хождения «посолонь» (митрополит «свидетельство» приводил, а «они свидѣтельства никоего не приношаху» и «много препирающеся, не обрѣтоша истины» — Рум., л. 442—442 об.). Однако в Румянцевской и Чертковской умалчивается о продолжении в 6990 г. этого спора, перешедшего в «распрю», неприятную для престижа великокняжеской

власти, когда митрополит съехал в Симоново, «аще князь великий ѿхавъ не добыть челомъ ему и роптания того не оставить», и когда князь великий дважды посылал к нему и «би... челомъ» ему, признавая себя «во всемъ» виновным (Львовская и Софийская II летописи).

Ни в Румянцевской, ни в Чертковской нет о том, что великий князь приказал убить врача, неудачно лечившего князя Каракучу, и врача зимой под мостом «зарѣзали как овцу»¹¹³.

Однако, как мы видели, митрополичье летописание получило отражение в изучаемых сводах в бóльшей мере, чем в Воскресенской летописи. Естественно встает вопрос: не был ли общий протограф изучаемых летописей плодом работы, производившейся под совместным руководством великокняжеской власти и митрополичьей кафедры, или не составлялся ли этот свод под наблюдением митрополита в эпоху, когда митрополичья кафедра, не теряя своего лица, поддерживала великокняжескую власть в осуществлении основных задач, стоявших перед формирующимся централизованным государством, избегая конфликтов с нею?

Не случайно, конечно, в свод была включена московская редакция повести о «взятии» Пскова. Эта редакция была изучена молодым исследователем Н. Н. Масленниковой и напечатана в приложении к её работе о присоединении Пскова¹¹⁴. Близкий, но более ранний вариант той же редакции отмечен М. В. Кукушкиной¹¹⁵. Чертковская редакция этой повести представляет собою сокращение той же московской редакции. Последняя составлена на великокняжеском московском материале, в частности дорожном великокняжеском дневнике. Тексты повести в редакции «Русского Времянника» и Румянцевской летописи не попали в поле зрения Н. Н. Масленниковой, и мы коснемся сравнения текста Чертковской с Румянцевской. Если не считать фразы в начале текста — «да многие

¹¹³ Заметим, что в Румянцевской, как и в Воскресенской, есть запись о том, что великий князь хотел Мунту Татищеву «язык вырѣзати», но митрополит «отпечаловал его». В Чертковской, где тот же текст сокращен, это известие опущено.

¹¹⁴ Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

¹¹⁵ М. В. Кукушкина. Новый список Повести о Псковском взятии. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960.

с нимъ бояре и воеводы со многими людьми», отсутствующей в Румянцевском списке, отличия Чертковского текста повести сводятся к сокращениям. Так, в Чертковском тексте нет от слов «великого князя наказу...» до слов «...чинити великие»; от слов «посадники псковские степенные...» до слов «...отчина твоя Псков»; от слов «И князь великий посадником...» до слов «...не вступались» и т. д. Но и в этом сокращенном тексте достаточно ясно дано понять (это, конечно, входило в задачу составителей), что великий князь не только защищал интересы центральной, московской власти, но и выступал в роли защитников тех псковичей, которые терпели «насильства и обиды» от своих же псковичей и новгородцев. Так, говорится, что в Новгород, где был великий князь, приезжали из Пскова не только посадники, бояре, купцы и «житейские люди», но и «черные многие люди», «били челом» каждый «о своих нуждах: иные на намѣстника, а иные на новгородских помѣщиковъ, а иные на свою братью на псковичъ» (л. 256 об.). Говорится, что, как выяснило исследование, псковские посадники не только умаляли права наместников, но «также от нихъ (т. е. посадников. — А. Н.) и свои братья псковичем многи обиды и насилства были великие» (л. 256 об.). Читаем, что в Пскове великого князя встречали «псковичи всѣ и чернь от града версты з двѣ» (л. 258), а ниже — что «средним людем и мѣлким псковичем всѣмъ, которые стояли на дворѣ, велѣл князь великий молвити, что им розводу не будет из Пскова, а посадниковъ и бояръ псковских и лучших людей велѣл росписати и роздати дѣтем боярским, кому с которым ѣхати к Москве» (л. 259).

Желание представить в положительном свете деятельность великокняжеской власти в Новгороде побудило составителя дать соответствующие выдержки из Новгородского владычного свода времен архиепископа Макария.

Вопрос о положении Новгорода и Пскова принадлежал к числу важнейших вопросов, стоявших перед московской властью в период формирования Русского централизованного государства.

Напомним, что Новгород был лишен архиепископа в 1509 г., накануне падения псковской самостоятельности.

при следующих обстоятельствах. Еще в 1479 г., после падения новгородской самостоятельности, у новгородцев отняли право избирать себе архиепископов и их стали присылать из Москвы. Но в 1509 г. сняли с новгородской кафедры и поставленного в Москве архиепископа. В этом году Иосиф Волоцкий просил великого князя Московского взять в свое непосредственное ведение Волоцкий монастырь, лежавший на территории волоцкого князя. Эта просьба была «чрезвычайно лестным для Василия Ивановича выражением мысли о политическом главенстве Москвы над уделами и даже о превосходстве мирской власти над духовной»¹¹⁶. Иосиф получил согласие. Но архиепископ новгородский Серапион, в пределах епархии которого находился Волоцкий монастырь, пытался такому решению воспрепятствовать и отлучил Иосифа. В ответ на это Серапиона сняли с новгородской кафедры и подвергли опале.

17 лет новгородская кафедра пустовала, и только через 17 лет поставили нового архиепископа — Макария. Макарий был удобен Москве в силу своих убеждений и своего отношения к центральной великокняжеской власти, хотя он не был, подобно митрополиту Даниилу, низкопоклонником, который мог ради успеха в раблении перед великокняжеской властью нарушать клятвы и церковные законы.

В Москве были уверены, что Макарий не будет поощрять местный сепаратизм и будет заботиться об укреплении авторитета московской власти в Новгороде и Пскове. Впрочем, даже по отношению к архиепископу Макарию в Москве принимали кое-какие предупредительные меры. Так, в 1528 (7036) г. Макарий предполагал прожить в Пскове месяц, но великий князь «повелѣ» ему пробывать во Пскове только 10 дней, о чем сообщил ему дьяк Мисюръ, показав соответствующую великокняжескую «грамоту»¹¹⁷.

¹¹⁶ А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I. Одесса, 1871, стр. 85—86.

¹¹⁷ «А владыка Макарии того не вѣда» — прибавляет Псковская I летопись по Погодинскому списку (под 7036 г.). А далее следует разоблачение дел дьяка Мисюря и характерная по литературной форме ирония по адресу последующих дьяков. О доносах великому князю, которые свод Макария называет клеветническими, см. в списке Дубровского под 7044 г.

Местные летописные записи продолжали вести в Новгороде и в те годы, когда Новгород оставался без «владыки». Но с приездом Макария литературная, в частности, летописная, работа развернулась благодаря направлению его интересов и вкусов¹¹⁸. Судя по палеографическим показаниям и хронологической последовательности текста известий рукописи из собрания Н. К. Никольского, существовал сокращенный новгородский летописец 1528 г.¹¹⁹ А не ранее 1539 г. был составлен сохранившийся в двух редакциях Новгородский летописный свод, который, как явствует из содержания, представляет собою владычный свод Макария. Последнее в полной мере подтверждается наблюдениями, приведенными мною выше, об отношении к своду 1539 г. Василия Михайловича Тучкова и к редакции того же свода, представленного списками Дубровского и Архивским, одного из Квашниных.

Составитель свода 1539 г. пытается объединить интересы церковные (в данном случае новгородской епархии) с интересами великокняжеской политики. Поскольку свод был церковным, «владычным», он построил его как продолжение Новгородской IV летописи, в основании которой лежал «владычный» свод архиепископа Евфимия. Как в своде «владычном», в известиях, предшествующих вступлению на пост Макария, не было упоминаний по адресу Серапиона. О «сведении» этого архиепископа рассказано под 7017 г. без всяких комментариев. Скорее проглядывает (под 7024 г.) сочувствие Серапиону: говорится, что великий князь помирился с Серапионом, а «кто ни постояль» (в Новгородской II — «на него ни постояль»), те «того лѣта вси умерли», а владыка рязанский Тарасий «владычество» оставил «его же ради». Новгородская церковная оценка событий, по-видимому, отразилась в записи под 7018 г. о «знамениях» (перед падением Пскова и снятием Серапиона), которые «бывают не бездѣлно». Множество записей касается церковных событий в Новгороде и, частью, на территории епархии. Описывается, как Макарий, по обязанности «владыки» будучи в Москве, «ко государю

¹¹⁸ О своей работе над Четьими-Минееми в Новгороде он сам свидетельствовал во вкладной грамоте. О других литературных работах в Новгороде «по повѣлению» Макария см. в списке Дубровского под 7044 г.

¹¹⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, Л., 1929, стр. 580—615.

великому князю велми честнѣ ѣздя чрезъ день и много печалования творя из своей архиепископии о церквах бывшихъ и о побѣдныхъ людехъ, еже во опаль у государя великого князя множество много. И государь князь великий архиепископова ради печалования многимъ милость показа». Этот рассказ выпущен в редакции списков Дубровского и Архивском, но он сохранился в редакции Ново-иерусалимского списка, где отсутствуют приведенные выше сведения, связанные с опальным Серапионом, и запись о знамении.

Вместе с тем в своде 1539 г. искусно предусмотрены интересы великокняжеской политики в Новгороде. В записях, начиная с года поставления Макария, систематически выдвигается роль великого князя как главы Новгородской земли. Не менее характерна сама форма ряда записей о новгородских событиях того времени, в которых отмечается: «при великомъ князе Василие Ивановиче всеа Руси и при архиепископѣ Макарии» или «при благовърномъ великомъ князе Василье Ивановичѣ всеа Руси самодержьци и при архиепископѣ боголюбивомъ Великого Новагорода и Пскова владыке Макарии» и т. п. Составитель интересуется делами внешней политики, а вызов новгородских воевод в помощь московским против Литвы он описывает так: великий князь и его мать великая княгиня Елена «прислали» к Макарию и «повѣлеша ему благословити и отпустить своихъ намѣстниковъ новгородцкихъ на свое дѣло, противу своего недруга поити въ Литовскую землю...» и т. д.

Вот из этого-то Новгородского владычного свода и были сделаны систематические вставки в общий протограф Чертковской, Румянцевской и (части текста) Львовской летописей. Когда же они были сделаны? Когда и кем составлялся этот общий протограф?

Прежде всего, заметим, что Новгородский владычный свод 1539 г. входил в сборники, в которых была заинтересована, по ряду признаков, митрополичья кафедра.

Как мы знаем, этот свод входил в сборники Архивский и Дубровского. Согласно наблюдениям М. Д. Приселкова, не дошедший до нас список XVI в. дефектной краткой коллекции ханских ярлыков, данных митрополитам, копиями с которого являются списки ярлыков Архивского сборника и Дубровского, имел близкое родство со спи-

ском московской Синодальной библиотеки № 792¹²⁰. А. А. Зимин обратил внимание на близость по составу этих двух сборников, в которых помещен свод 1539 г., со сборниками Синодальный № 792 и Уваровский № 1825/537 митрополичьего происхождения¹²¹. Л. В. Черепнин установил связь коллекций ханских ярлыков с митрополичьими сборниками 562 и 276 и показал значение их коллекций в плане интересов митрополичьей кафедры¹²². К тому же изводу, как и ярлыки, отмеченные выше, принадлежит коллекция списков Воскресенского сборника. Этот сборник тоже содержит Новгородский владычный свод 1539 г., но другой редакции, которая в основание положила Софийскую I летопись вместе с Хронографическим списком Новгородской IV летописи. В этот сборник, кроме ярлыков, помещены в числе разных памятников Хронограф редакции 1512 г., летописный свод, содержащий текст Софийской I летописи до 6900 г., до л. 1054 об., а с л. 1055 — под тем же годом и без перерыва — текст Софийской II летописи, в основание которой положен митрополичий свод 1518 г.¹²³ Интересно, что летописные памятники, близкие к тем, которые входят в состав Воскресенского сборника, находим в кругу источников Чертковской летописи.

¹²⁰ М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916, стр. 21 и сл.

¹²¹ А. А. Зимин. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам. — «Археографический ежегодник за 1961 г.». М., 1962, стр. 31.

¹²² Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 53—57.

¹²³ Текст Софийской II летописи кончается под 7042 г. на л. 1309 словами «... княже Федорова Мстиславского княгини Настасья». Далее на л. 1309 об. было написано известие более светлыми чернилами, которое начиналось словами «В лѣто $\sqrt{S}$...» и кончалось — «... и паки сяде на великомъ княжение князь великий Василеи Васильевич». Поверх этих строк написано киноварью: «В [лѣто] 7042 декабря в 3 день в среду в час нощи преставися князь великий Василеи Иванович всея Руси, во иноцех и в скиме Варлаамъ, быв на государстве лѣт 28, он всѣхъ лѣт поживе 54 и восемь мѣсяць и 9 дней». Большая часть этой страницы оставлена чистой. Со следующего листа начинается другая бумага и идет текст свода 1539 г., написанный более светлыми чернилами и иным почерком: «Того же лѣта бои бысть...» и т. д., причем сверху слов «того же лѣта» написано теми же чернилами «В лѣ[то] 6953», что заставляет предполагать, что летопись имела начало, которое в сборник не вошло.

Есть основания полагать, что летописный свод, куда вошли вставки из Новгородского свода 1539 г., — общий протограф Чертковской, Румянцевской и (части текста) Львовской летописей — писали в 1545—1547 гг.

Во-первых, Новгородский владычный свод, из которого делались извлечения, кончался на 1539 г., а редакция списков Дубровского и Архивского составлялась между 1542 и 1548 гг. Под 1535 г. в этих списках упоминается о событиях 7050 г., и, следовательно, эта редакция писалась не ранее 1542 г. Выше мы видели, что извлечения делались из редакции владычного свода, близкого к списку Дубровского.

Во-вторых, судя по содержанию вставок, где нередко упоминается Макарий, потому, что они взяты были из свода Макария, и потому, что изучаемый протограф, в котором они оказались, был по общему направлению интересов составителя сродни своду Макария 1539 г. (в обоих видим попытку объединить церковные интересы с интересами великокняжеской политики) — можно полагать, что делались эти вставки при работе над сводом, к которой был причастен Макарий. А так как изучаемый протограф представлял собою не новгородский свод, а общерусский, то надо полагать, что работа производилась в Москве, когда Макарий был уже митрополитом, т. е. не ранее 1542 г.

В-третьих, и в Румянцевской, и в Чертковской летописях под 7016 и 7017 гг. находим подробные сведения о Глинских в связи с их приездом в Москву (Чертк. лл. 249 об., 251—253; 254 об.—255 и Рум., лл. 508—511 об. и 532 об.). Эти сведения, отсутствующие в Воскресенской и в Никонской летописях (нет их и в Львовской: они помещены в части до 1518 г.), всего вероятнее, как мы говорили, могли быть внесены в годы, когда Глинские играли влиятельную роль в делах правления Московского государства, т. е. в 1545—1547 гг.

Почему же, если изучаемый протограф Чертковской, Румянцевской и Львовской (последней — в части с 1518 г.) был составлен, предположительно, в 40-х годах XVI в., не ранее 1542 г., в основание его положили не дошедшую до нас редакцию «великокняжеского» свода, т. е. не Воскресенскую летопись, кончавшуюся записями августа 1541 г., а предшествующую редакцию 1533 г.? Редакция Воскресенской летописи 1541 г. была исследована С. А. Левиной.

Она убедительно показала, сравнивая Воскресенскую летопись с летописями последующего времени, что Воскресенская летопись 1541 г. излагает события в соответствии с интересами Шуйских¹²⁴. Так как Шуйские были фактически у власти с первых чисел 1542 г. до исхода (23 декабря) 1543 г., то более чем вероятно, что эта редакция Воскресенской летописи появилась в 1542—1543 гг. Составители Румянцевской, Львовской и Никоновской продолжили текст 1533 г., близкий к Воскресенской летописи, текстом «Лѣтописца начало царства царя и великого князя Ивана Васильевича», в котором, как показала С. А. Левина, дана другая картина (по сравнению с Воскресенской) в описании некоторых событий 30-х—начала 40-х годов XVI в. Если изучаемый протограф Чертковской, Румянцевской и (части) Львовской писали в годы влияния Глинских, в 1545—1547 гг., то понятно, что автор отказался воспользоваться редакцией 1541 г., предпринятой в интересах Шуйских.

Дошедшая до нас «чертковская» редакция свода 1533 г. была написана в начале XVII в., о чем говорят следы влияния Хронографа редакции 1601 г. И в тексте Чертковской летописи видны вставки (по сравнению с Львовской и Румянцевской), которые могли быть сделаны или при сокращении общего (с Львовской и Румянцевской) источника, или при редактировании в начале XVII в. К таким вставкам следует относить большой текст под 7029 г., озаглавленный «От инога лѣтописца о том же и о ходу со кресты... како избави богъ славный градъ Москву от безбожнаго крымскаго царя Махмет Гирея...» и т. д. То, что здесь читаем, отсутствует в Воскресенской, Львовской и Румянцевской, но сходный текст находим в Шумиловском списке Никоновской летописи и в Степенной книге.

В Чертковской рукописи летописная часть, как мы видели, по сравнению с Румянцевской и Львовской (с 1518 г.) подверглась значительным изменениям. Она была, прежде всего, сильно сокращена, составитель Чертковской летописи делал как бы извлечения. Если взять ее известия XVI в., то ясно видно, что именно более всего интересовало его, это — церковные дела и внешнеполитические события. Напомним, что внешнеполитические вопросы, как

¹²⁴ С. А. Левина. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955.

показывает изучение и летописей, и нелетописных митрополичьих сборников, живо интересовали представителей высшей церковной иерархии¹²⁵.

Занимаясь в хранилищах Москвы и Ленинграда во время работы над Чертковской рукописью, мной было установлено наличие еще двух списков того же («чертковского») свода 1533 г. в редакции первой трети XVII в.

Оба списка, во-первых, подтвердили сделанные выше наблюдения над работой писца, писавшего Чертковскую рукопись, и над вставками, выполненными в Богоявленском костромском монастыре. Оба списка не имеют ни добавлений, сделанных писцом, ни вставок и записей, сделанных в Богоявленском монастыре, так как оба они, видимо, не принадлежали этому монастырю; во всяком случае, признаков, указывающих на пребывание этих двух списков в Богоявленском монастыре, я не обнаружил.

Во-вторых, наличие двух списков, не восходящих к Чертковскому, свидетельствует о том, что редакция, представленная Чертковской рукописью, не являлась особенностью именно этого списка, а передавала редакцию, бытовавшую в XVII—XVIII вв.

Наличие трех списков позволяет поставить вопрос об издании памятника — свода 1533 г. в редакции первой трети XVII в. Предварительно следует издать Румянцевскую № 255.

Какие это две рукописи? Первая из них — «Хронограф» библиотеки покойного академика Н. П. Лихачева, хранящийся в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР в фонде 238 под № 513. Рукопись в лист, в переплете, писанная почерком первой половины XVIII в., содержит 420 л. Рукопись точно датирована: на л. 1а запись внутри круга, украшенного орнаментом: «В ѿто от рождества Христова 1721-го марта въ 1 день написана сия книга при державе великого государя царя и великого князя Петра Алексиевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца».

¹²⁵ Это видно не только из летописного материала, но и из материала митрополичьего архива, что было отмечено Л. В. Черепинным.

Начинается так же, как и Чертковская рукопись. На л. 1: «Царство вечерних еллин, иже в Риме, и чего ради Италия нарицашеся Римская страна...» и т. д. Слова «О Ении», написанные в Чертковской на полях, здесь внесены в текст. Далее следует текст хронографа с русским материалом в редакции, аналогичной Чертковской летописи. Как и в Чертковской, текст русского свода продолжен до 1533 г. На л. 122 имеется, так же как и в Чертковской, статья «(О) Люторе Мартине», начинающаяся словами: «Потом же бысть нѣкто от страны их...» и т. д. А на л. 287 и сл. читаем в тексте свода под 6960 г. три статьи, которые в Чертковской рукописи помещены вслед за сводом 1533 г.: «О Люторе Мартине» (нач.: «О Рожествѣ господа бога...»), «О архиепископе Венславе, что в Краковѣ», «О пустыннике Иване, королевиче Корвацком».

На л. 321 об. под 6984 г., как и в Чертковской рукописи, после слов «родися великому князю дщи Елена...» сразу читаем: «...добровольный же людие весь Псковь...» и т. д. Под 6980 г. на л. 309 об. — «Повесть о священномуч(енике) о Сидоре презвитере и о сущих с ним, пострадавших в немецком граде Юрьеве...» На л. 363 и сл. — «О соборѣ на новгородских еретиковѣ» и из «Иосифа Волоцкаго...». На лл. 373—376 — о приезде Глинских, под 7016 и 7017 гг. На лл. 377—380 помещена повесть о псковском взятии (нач.: «В лѣто 7018 сентября в недѣлю, князь великий Василей Ивановичъ государь всеа Руси подвижеся от царствующаго града Москвы...» и т. д.) — московская сокращенная редакция повести. На л. 392 — «От иноного лѣтописца и о ходу со кресты... како избави господь богъ славный град Москву от безбожнаго крымскаго царя Магмед Гирѣя... В лѣто 7029...».

Летописный текст кончается известием 7041 г., словами «...а в нем вѣсу 1000 пуд, а лиль его Никола Немчин; а поставленъ на деревянной колокол(ь)нице 42-го лѣта, декабря въ 19 день» (л. 404). Далее, как и в Чертковской, следует текст о смерти Александра Свирского с биографическими данными, кончая словами «...у Преображения господня», причем в конце страницы оставлено 3 строки чистые. На л. 404 об. — «Сказание вкратцѣ о житии преподобнаго Даниила старца...» и т. д. На л. 409 (414) — «Род турскихъ царей». На л. 409 об. (414 об.) — «Род крымскихъ и казанскихъ царей». На л. 411 (416) — «Предиди-

словие о великих князях московских, откуда они пошли. А се о них писание предложим». На л. 413 (418) — «Сказание литовским всѣм князем». На л. 415 (419) — «Сещари Большие Орды». На л. 415 об. (419 об.) — «О королѣ ростригѣ». На л. 415 об. (419 об.) — «О папе римском Иване, которой был жонка». На л. 416 (420) — «О римском папе Яне, которой сам на себя сан папин взложил». На л. 416 (420) — «О бискупе, которого живого мыши съѣли». На л. 416 (420) — «О чесной княгине, которую живу земля пожрала». На л. 416 об. (420 об.) — «О знаменнии дивных». Ниже — о погоде («В лѣто по рожествѣ Христове 1493...») и затем — «С книг Полидоровы писано. В лѣто от нарожения 1303...» Сведения, взятые из Полидора, завершаются словами «...именем Ян Гутенбергъ» (л. 416 [420]). На этом рукопись № 513 кончается.

Таким образом, в «Хронографе» № 513, в отличие от Чертковской рукописи, имеется статья о епископе, которого живого мыши съели, а статья «О знаменнии дивных» стоит в конце рукописи вместе с другими дополнительными статьями, тогда как в Чертковской рукописи она перенесена в текст под 6769 г. («От польскаго хроника. О знамениихъ дивныхъ»).

Другая рукопись, содержащая свод, параллельный Чертковскому, — это рукопись ЦГАДА, ф. 201 (собрание М. А. Оболенского), № 46 (по новой нумерации, а по старой — № 48). В статье, опубликованной в 1955 г., о новых материалах в хранилищах Москвы, рукопись № 46 была мной отмечена, однако чрезвычайная близость к Чертковской рукописи тогда обнаружена еще мной не была¹²⁶.

Летописный свод сохранился в рукописи только с рассказа 6732 г. от слов на л. 12 «Еустафий же нача скорбѣти и плакаться и каятися», где читаем продолжение рассказа «О пришествии Николина образа из Корсуни на Рязань» под 6732 г. Предыдущие листы, 9—10 (11 листа нет), писанные другими чернилами и почерком, хотя и схожим, но несколько отличающимся от остального текста, содержат рассказ о жизни Александра Невского, причем около трети последней страницы оставлено чистой. Судя

¹²⁶ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 254. Краткое описание (тоже без сопоставлений с Чертковской рукописью) см.: М. Н. Тихомиров. Краткие заметки..., стр. 11—13.

по тексту известий XIII—XV вв., недостающая часть рукописи содержала текст хронографа, аналогичный Чертковской рукописи. Сохранившаяся часть летописного свода представляет текст, параллельный чертковскому; местами заметны сокращения в рукописи М. А. Оболенского по сравнению с Чертковской. В отличие от Чертковской, в списке М. А. Оболенского, как и в «Хронографе» № 513, статьи «О Люторе Мартыне» («по Рожествѣ господи бога...»), «О архиепископе Венславе, что в Кракове» и «О пустыннике Иванне, королевиче Корвацкомъ» помещены не в конце рукописи, а в тексте свода под 6960 г. (л. 221—223 об.). А в конце рукописи, как и в «Хронографе» № 513, имеется статья «О бискупе, которого жива мыши съѣли». Но в отличие от «Хронографа» № 513, в рукописи М. А. Оболенского, как в Чертковской, статья «О знаменяхъ дивныхъ» помещена не в конце рукописи, а в самом тексте свода на л. 56. Так же, как и в двух других рукописях, в рукописи М. А. Оболенского под 6984 г. после слов «дщи Елена» сразу читаем: «добровольные же людье весь Псков» (л. 311 об.); под 6980 г. — повесть об Исидоре, пострадавшем в немецком граде Юрьеве (л. 282 об.); на л. 388 об. и сл. — текст о еретиках, кончая словами «... премудрому Генадію и преподобному Иосифу, всѣм благочестия поборникамъ вѣчная память»; на л. 421 об. и сл. — о приезде Глинских; на л. 340 об. и на л. 459 — «От иного летописца»; под 7018 г. — повесть о взятии Пскова в московской сокращенной редакции и т. п. Также читаем под 7041 г. о том, что был слит колокол, а поставлен «42 лѣта, декабря въ 19 день», и далее — о смерти Александра Свирского (л. 484 об.); затем — сказание о «житии» Даниила Переяславского и статьи «Род русских (?) цареи. Бѣше нѣкии царь израильтеского роду имянемъ Хиридан...», «Род крымских и казанских цареи» (л. 496), «Предисловіе о великихъ князех, откуда они пошли, а се о нихъ писание предложимъ» (л. 499), «Се цари Болшія Орды...» (л. 513), «О короліи растриге» (л. 513 об.), «О папе римскомъ Иване, которой былъ женка» (л. 513 об.), «О римскомъ папе Яне, которой сам на себя сан... возложилъ» (л. 514 об.), «О бискупѣ, которого жива мыши съѣли» (л. 515), «О чашской княгинѣ, которую живу земля пожерла...» (л. 515 об.), «О знаменіи дивныхъ...», выписки о погодѣ, сведения из Полидора (об огнестрельномъ оружьи, о книгопечатаніи), и разные

погодные известия (лл. 516—521 об.), сведения о княжеских и боярских родах (лл. 531 об. — 534), «О чину достоинства латынских королевств» (лл. 534—539), «Пишет некий учитель(ь) в наказании училищам» (л. 539—539 об.). На словах «...от братии сестриной» рукопись кончается, причем большая часть страницы оставлена чистой.

Итак, оба списка не имеют добавлений в конце свода, сделанных в Чертковской рукописи в Богоявленском монастыре. Нет в них и под 6964 г. о том, что сыновья Василия Ярославича (Боровского) умерли в опале на Костроме и были погребены в Богоявленском монастыре, о чем сообщает приписка на нижнем поле в Чертковской рукописи (ср. «Хронограф» собр. Н. П. Лихачева, л. 299/314 и «Хронограф» собр. М. А. Оболенского, л. 252 об.). Отсюда явствует, что свод не составлялся в костромском Богоявленском монастыре, но только там переписывался и там были сделаны приписки и добавления. Но любопытно, что в обоих списках (Н. П. Лихачева и М. А. Оболенского) имеется под 7015 г. о Судиманте, пожалованном наместничеством на Костроме (рукопись Н. П. Лихачева, л. 374 об.; рукопись М. А. Оболенского, лл. 405 об. — 406); в обоих списках упомянута Кострома под 6830 г. (рукопись Н. П. Лихачева, л. 225/240; рукопись М. А. Оболенского, л. 87 об.) и в обоих списках есть под 6838 г. о приезде князя Чета, в крещении Захария, и о его потомках (рукопись Н. П. Лихачева, л. 227/242; рукопись М. А. Оболенского, л. 92—92 об.). Ордынский мурза Чет-Захарий был основателем Ипатьевского костромского монастыря¹²⁷. Ввиду этого не исключена возможность, что все три списка восходят к рукописи, принадлежавшей Ипатьевскому костромскому монастырю. Но, конечно, нет оснований утверждать, что свод в своем первоначальном виде составлялся в Костроме или близ Костромы. Подобные вставки и добавления нередко делались при переписке оригинала, примером чего служит Чертковская рукопись.

Конструктивная идея, осуществленная в своде 1533 г. редакции первой трети XVII в., была применена при со-

¹²⁷ Об иконе в монастыре с изображением видения мурзы Чета и о том, что его потомки «много содействовали благолепию» монастыря см. В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, вып. 2. СПб., 1892, № 834.

ставлении свода второй половины XVI в. иного содержания. Свод этот в целом мало изучен и о его происхождении, составителях судить не беремся. Но в конструктивном отношении та же идея применена здесь в грандиозных масштабах: из 10 томов дошедшего до нас Лицевого свода три первых заполнены изложением всемирной истории, остальные — русской преимущественно. В этом предприятии была использована Никоновская летопись, но, как известно, дополнена по различным источникам. Проводилась идея, близкая сознанию Ивана Грозного об исключительной роли Московского государства как преемника древних царств и Византии. Новые работы дают новый материал в пользу мнения, что Лицевой свод, не исключая последних двух томов, представлял собою единое целое¹²⁸. Рассмотрение Лицевого свода не входит в задачу предлагаемой книги.

¹²⁸ О. И. Подобедова. К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI в. — «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961; она же. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965 (Не опубликована работа Т. Н. Протасьевой о Лицевом своде).

Глава двенадцатая

XVII век по сравнению с предыдущим столетием нам представляется веком переходным. Только XVIII в. составляет «новую» эпоху по сравнению с XVI. И в сфере социально-экономических отношений, и в области общественной мысли в XVII в. обнаруживаются явления, вполне определившиеся только в XVIII столетии.

В какой-то мере правы составители общих обзоров нашего времени, на страницах которых, при изложении событий XVII и XVIII вв., о летописании в собственном смысле слова не говорится ничего. Во-первых, до последнего времени о летописании этой поры очень мало было известно, а во-вторых, в истории летописания начинается перелом, упадок. Летописание в Пскове и Новгороде составляет все же исключение.

Однако новые данные позволяют внести существенную поправку в наши представления. Не только в XVII в., но и в начале XVIII в., в петровское время, были попытки составления официальных летописных сводов.

Справедливо указывали, что для самого правительства (в Москве, во всяком случае) летопись с конца XVI в. теряла значение в качестве хранилища государственных документов с развитием государственной документации, приказного делопроизводства и архивного дела. Но был и другой смысл поддерживать официальное летописание: оправдание правительственной деятельности, прославление государства и руководящих лиц. В этом смысле, особенно в XVI в., в летописных сводах идея провиденциа-

лизма приспособлялась к интересам государственной власти. В XVII в. значительное распространение имели хронографы.

В свете новых данных выясняется судьба Никоновской летописи в истории русского летописания XVII—XVIII вв. Ее клали в основу некоторых больших сводов, дополняя другим материалом, в частности, материалом новгородской владычной летописи¹.

От XVII в. сохранились и следы летописания патриаршего направления, и летописцев, вышедших из кругов, близких к светской власти.

До последнего времени «патриаршие» летописцы известны не были. Об их существовании высказывали только предположения, основанные на некоторых литературных указаниях и на анализе так называемой «рукописи Филарета» и «Нового летописца»². Обследование, произведенное нами, позволило ввести в научный оборот с этой точки зрения свежий материал.

В предыдущей главе мы рассматривали летописный свод, хранящийся в ГБЛ, Муз. № 2422, который начинается с «Летописца патриарха Никифора» и кончается рассказом об учреждении патриаршества. Мы пришли к выводу, что его появление было обязано этому событию. Находим подтверждение такому выводу и убеждаемся, что та же летописная традиция продолжалась.

Так, дошел до нас летописец, родственный летописному своду ГБЛ., Муз. № 2422, в котором текст не кончается рассказом об учреждении патриаршества, но продолжен далее и кончается восхвалением посаженного в «заточение» (в Москве) патриарха Гермогена и словами о кровопролитии, учиненном врагами в столице, ими захваченной.

¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) (далее — А. Н. Насонов. Летописные памятники...), — «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 260—265.

² С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник, изд. 2 (далее — С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести). СПб., 1913, стр. 340 и др. Последнее исследование о «Новом летописце» принадлежит Л. В. Черепнину. — Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания). — «Исторические записки», т. 14. 1945.

Летописец этот находится в Уваровском собрании ГИМ на лл. 113—287 в составе сборника под шифром № 593 (1842). Сборник описан был Леонидом³ (довольно формально), но о содержании летописца почти ничего не сообщалось⁴.

Начинается он прямо с известия 6415 г. («Иде Олег на Греки, а Игоря остави в Киеве...» и т. д.). Родство летописца со сводом ГБЛ, Муз. № 2422 не подлежит сомнению. Приведем некоторые данные. В обоих находим, например, одинаковые выборки из Никоновской летописи: под 6807 г. — о Федоре Ярославском (Увар., л. 188 об.); под 6882 г. — рассказ о поставлении г. Серпухова и монастыря с помощью Сергия Радонежского (Увар., лл. 192 об.—193); под 6934 г. в обоих сводах помещено только сообщение о смерти Андрея Владимировича Радонежского (Увар., л. 198); под 6935 г. — в обоих сводах только о смерти Кирилла Белозерского (Увар., л. 198); под 7019 г. в обоих сводах говорится только о смерти митрополита Симона и о поставлении Варлаама (там же); под 7027 г. в обоих сводах только о поставлении на Вологду и Пермь епископа Пимина, а также о построении города Тулы (Увар., л. 207); под 7029 г. в обоих сводах только об «обрѣтении» мощей Макария в Кашине в Калязинском монастыре (Увар., л. 207). В обоих сводах более или менее подробно рассказано о боярских мятежах 30—40-х годов XVI в. и т. п.

В отличие от Никоновской летописи, где под 7064 г. в приговорах о кормлениях читаем, что приговорил царь «з братиею и з бояры», в обоих изучаемых рукописных сводах написано «с митрополитом и з бояры» (Муз., л. 202; Увар., л. 218), что гармонирует со всем их содержанием и направлением.

Подобные совпадения Уваровского № 593 с Муз. № 2422 нетрудно заметить и в последующем тексте, относящемся к 50-м и началу 60-х годов XVI в. В частности, о Курбском под 7070 г. в обоих сводах читаем, что он «измѣнил» царю, а под 7073 г. — пространный рассказ об учреждении опричнины, совпадающий с приведенным

³ Арх. Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, стр. 168.

⁴ Предварительное сообщение о содержании летописца. — А. Н. Насонов. Летописные памятники, стр. 267.

выше рассказом Муз. № 2422, который не сопровождается отрицательной оценкой летописца. Близость обоих сводов видна и при сравнении дальнейшего текста, а под 7097 г. в Уваровском № 593 читаем такой же, как и в Муз. № 2422, рассказ об учреждении патриаршества и о поставлении митрополитов, архиепископов и епископов (Увар., лл. 224 об.—225).

Но в Уваровском № 593 общий летописный протограф продолжен, причем видно, что источник составителя Уваровского № 593 (общий летописный протограф) кончался известием об учреждении патриаршества; после этого рассказа идет сразу 7106 г.: о смерти царя Федора с хвалебным некрологом и об избрании на царство Бориса, затем краткий, сравнительно, рассказ о появлении Гришки Отрепьева, который кончается так: «Царь же Федоръ Борисовичъ после отца своего царя Бориса на Московском государстве царствовал только два мѣсяца, и по наоученью того вора еретика Гришки и с матерью его задушили ихъ в царскихъ их полатахъ» (л. 226 об.). С конца страницы (л. 226 об.) помещен «Плач о пленении, о конечном разорении... Московского государства, изложено в пользу и наказание», который представляет собой переработку, частью сокращенную, текста, напечатанного в первом выпуске т. XIII Русской исторической библиотеки (1925 г.), причем в конце, на л. 239—239 об. читаем о том, как венчался «царским вѣнцем» князь Василий Шуйский, «иже бысть корени» Александра Невского, и как он «Маринку» и польских военачальников разослал по «замосковным» городам. Затем следуют текст грамоты царя Василия Шуйского «в Казань» и «Повѣсть» о «видѣнии», которую читали в октябре 7115 г. в Успенском соборе. В заключительной статье летописца противопоставляется поведение предателей (упоминается Салтыков и «Фетка Ондриков», в отношении которых автор не скупится на сильные эпитеты) поведению Гермогена («твердыи же адамантъ...» и т. д.), который был «заточен», но «тайно» писал грамоты «на Резань и во многие грады».

На л. 287 текст написан в форме опрокинутой пирамиды, что делалось обычно в конце памятника, а следующая страница (л. 287 об.) оставлена чистой.

В тексте летописца нет признаков, обнаруживающих настроения более позднего романовского периода (обви-

нений Бориса в гонениях на Романовых и т. п.). Общая идейная направленность свода сближает его с «Плачем о пленении...»: ненависть к изменникам (Салтыкову и др.), восхваление Гермогена, забота об интересах церкви (в частности, в числе «бѣд», последовавших в результате прихода Отрепьева, на первом месте указано, что Гришка «святители, отцем начальствующих с престоловъ свергъ, многих пастырей и наставниковъ отъ паствъ отлучилъ...» — л. 238). В целом, свод представляется составленным одним из лиц, близких к патриаршему двору, быть может, одним из тех «дияков или подьячих» патриаршего двора, которые перед тем были «поиманы» изменным московским правительством⁵, а может быть, за пределами Москвы, лицом, который не был сам свидетелем описанных событий. Кстати сказать, я не нашел показаний на использование в своде летописца Гермогена. Разыскать этот летописец, существование которого засвидетельствовано самим патриархом Гермогеном⁶, пока не удалось. Мне думается, что следы его надо искать в хронографе, в части до 7118 (1609) г. включительно. Здесь под февралем 7118 г. записано о «посрамлении враждотворцев», восставших против царя Василия Шуйского. О них он сообщает в грамоте к отъехавшим от царя Василия (в Тушино), прибавляя: «и то чуда в „лѣтописцѣхъ“ записали мы»⁷. В хронографе читаем: «сия же слышавше мятежницы и вси посрамлени быша отъ царска лица и отъ народа всего. И сего ради вси бѣжаша въ супостатния полки за градъ на мѣсто глаголемое Тушино»⁸. Судя по тому, что ниже мы находим в том же хронографе резко отрицательную характеристику Гермогена⁹, а выше о Гермогене говорится дважды, но без тени недоброжелательства, можно допустить, что летописец Гермогена отразился в Хронографе 1617 г. в части до 1609 г. включительно.

⁵ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 459—460 и прим. 204. Тогда же двор патриарха был разграблен.

⁶ ААЭ, т. II, № 169, стр. 290—291.

⁷ Там же, стр. 290.

⁸ А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции (далее — А. Н. Попов. Изборник). М., 1869, стр. 199.

⁹ Там же, стр. 201.

С правлением патриарха Никона, «великого государя», как он называл себя по примеру патриарха Филарета, надо связывать появление свода 1652 г. Свод этот дошел до нас в ряде списков XVIII в., хранящихся в Москве и Ленинграде и, видимо, получил некоторое распространение. Претензии Никона направить свою власть и на светские дела не могли остановить, конечно, общего процесса постепенного подчинения церкви светской власти, одним из результатов которого было установление Монастырского приказа.

Правление Никона было кратковременным (фактически оно длилось около четырех лет). Но оно оставило по себе, как известно, значительный след.

Летописный свод 1652 г. составлялся, очевидно, в самом начале правления Никона. Начинается он от слов «В лѣто от сотворения свѣта 2244. по потопѣ во второе лѣто по благословению отца своего Ноя...» — довольно распространенным в XVII в. фантастическим рассказом о расселении народов — и представляет собою общерусский свод, осложненный вставками в духе того времени — рядом повестей, с довольно большим количеством известий церковного содержания; около половины свода занимают сведения из эпохи «смуты».

Свод 1652 г. кончался рассказом о перенесении мощей митрополита Филиппа из Соловков в Москву и поставлением «без жребия» на патриаршество Никона. Никон сам ездил за мощами Филиппа в Соловки и явно старался придать этому событию большое значение. Смысл события достаточно понятен. Время Ивана Грозного, когда был умерщвлен митрополит Филипп, было периодом, когда царь, по сути дела, стал деспотически относиться к окружающим высшим церковным властям. Почитание убитого Филиппа было выражением протеста, свидетельствовало о желании осудить попытки светской власти смотреть на главу церкви, как на орудие своих интересов. Этим надо объяснять, что в летописном своде помещена или сохранена обширная статья о митрополите Филиппе, об опричнине и о походе Ивана Грозного на Новгород, который сопровождался обдуманными неслыханными зверствами, учиненными царем и его опричниками.

В статье даются биография Филиппа, его разногласия с Грозным и т. п.

Отражены в своде и династические интересы Романовых. С этой стороны показательна статья «О разорении Романовых» (ГИМ, Увар., № 543, лл. 108 об.—109; БАН, 21. 6.6, лл. 129 об.—130), которая начинается словами «Нѣкто же рабъ Александра Никитича Романовых Вторушка Бартеневъ и вниде в него бѣсъ...» и т. д. и содержит подробное описание преследования Романовых при Борисе Годунове. С той же точки зрения представляют интерес две дополнительные «статьи», как они именуются в рукописях, из которых во второй автор пытается установить родственную преемственность между династией Рюриковичей и династией Романовых¹⁰. Составитель свода 1652 г. мог воспользоваться более ранним сводом, составленным в начале 90-х годов XVI в. после смерти Ивана Грозного в Новгороде. О такой возможности говорит летописец, дошедший до нас в рукописи второй половины XVII в. (водяной знак — голова шута), хранящийся в ГИМ под шифром Муз. № 3058.

Свод № 3058 имеет заголовок на сильно почернелой, попорченной правой странице, по-видимому, близкий к своду 1652 г. Он также начинается словами «В лѣто от сотворения свѣта...», с рассказа о Скифе и «Изардане» и расселении народов, содержит ряд сказаний позднего происхождения; есть ссылки как на источник, на Степенную книгу (о Петре митрополите на л. 109; то же в своде 1652 г. по Увар. сп. на л. 36). Как и в своде 1652 г., помещены известия, свидетельствующие о неприязненном отношении к Ивану Грозному (о казни торговых людей и «гостей» и т. д.), и обширный текст о митрополите Филиппе, а также пространная повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием и «О стране Сибирской». В своде № 3058 общий текст со сводом 1652 г. кончается разделом «о знамении» и о смерти царя Ивана IV. По содержанию свод № 3058 хотя близок к своду 1652 г., но представляет другую редакцию. Находим в нем сведения, которых нет в своде 1652 г. (например, под 6912 г. о смерти Евфимия Суздальского из Печерского нижегородского монастыря, «собесѣдника

¹⁰ «А блаженныя памяти царю и великому князю Иоанну Васильевичу всеа России государь царь и великий князь Михаилъ Феодоровичъ всеа России по родству внукъ, а сыну его... Феодору Иоанновичу... племянникъ» и т. д. (Увар., 543, л. 177).

Сергию Радонежскому» — л. 155; под 6915 г. о смерти Саввы Звенигородского «ученика преподобнаго Сергия Радонежскаго» — л. 155 об.; под 6921 г. о том, что великий князь Василий Дмитриевич выдал дочь свою Анну за греческого царя Иоанна Палеолога, который имел от нее шесть сыновей, — л. 158 об., и т. п.). Есть известия в своде 1652 г., которые отсутствуют в летописце № 3058 (например, под 7092 г. о том, что пришел из Рима от папы посол «о вѣрѣ», и о ереси ростовского архиепископа Давыда).

Редактировался дошедший до нас текст летописца № 3058, по-видимому, в Новгороде. На лл. 16 об. — 18 читаем вставку, указывающую на новгородского патриота, которой нет в своде 1652 г., по крайней мере нет в Увар. № 543, в ГБЛ, Муз. № 9476 и Муз. № 423. Вставка такая: «А инии лѣтописцы пишутъ сѣе: в лѣто 6463, по Игорѣ великомѣ князе в Великомѣ Новѣградѣ княжилъ Олгъ; и в то время в Великомѣ Новѣградѣ бѣша три брата разбоиницы, имена же имъ: Кии, Щокъ, Хоривъ, имѣяху же и сестру, имянемъ Лыбедъ, и велику новгородцемъ пакость творяху»; далее рассказывается, что их осудили на казнь, но они умолили Олега отпустить их за пределы его «державы» в Киев и т. д. Есть также в летописце № 3058 известие о пожаре в Соловецком монастыре под 7046 г., которого нет в своде 1652 г., а также рассказ о том, как в «седмое лѣто царьства царя Феодора Ивановича» иноки Соловецкого монастыря просили тела Филиппа, и царь дал «грамоту» к тверскому епископу, и описание перенесения останков покойного в Соловецкий монастырь (лл. 290—291).

В конце летописного свода рукописи № 3058 находим материал о Сибири, который отсутствует в своде 1652 г., в частности, статья «О архиепископѣхъ»; в ней говорится о распространении христианства в Сибири и перечисляются сибирские архиепископы; в конце — о «первом митрополите Корнилии Тобольском и всеа Сибири». И, наконец, о сибирских городах, пригородах, реках и сибирских слободах.

Судя по предшествующим статьям свода, протограф его был составлен после 7100 (1592) г., после перенесения тела Филиппа в Соловки. Приложенные в конце материалы о Сибири являются позднейшей припиской, так как Корнилий был поставлен в 1665 г. Впрочем, о существова-

нии свода конца XVI в. можно говорить только предположительно, так как рукопись № 3058 писана не ранее 60-х годов XVII в.

В некоторых списках свод 1652 г. был продолжен известиями о более поздних событиях. Мы не будем останавливаться на кратких разновидностях свода 1652 г. Следует только напомнить о сборнике, составленном в Троице-Сергиевом монастыре, хранящемся в ГБЛ под шифром Фунд. № 201. На лл. 261—293 об. он содержит (неполную, с 6496 г.) подобную краткую разновидность свода 1652 г. В сборнике отразились следы деятельности патриарха Никона: печатный текст, начинающийся словами «Никонъ, божиею милостию...» и кончающийся датой — 24 июня 1656 г.; помянутый летописец кончается известием о том, что сел на патриаршество Никон, и на л. 294 — известие о Никоне, которым начинается ряд записей разного содержания.

Для изучения материалов, использованных в летописях середины XVII в., представляют интерес извлечения из «святцев», доходящие, согласно наблюдению Леонида, до 1652 г.¹¹ Представляют интерес для истории летописания и местные троицкие записи XVI в. в сборнике, перемежающиеся с записями XVII в. внешнеполитического содержания и иного (о взятии «Сибирского царства» и др.; под 7078 г., например, читаем: «государь грабил Великий Новъград»).

В Троице-Сергиевом монастыре составлялся и летописец, озаглавленный «От летописца вкратцѣ о Велицѣи Росии и о благочестивых государехъ тоя земли, откуда корень их изыде», находящийся в сборнике XVII в. — ГПБ, XVII, 17. Летописец этот содержит нить местных троицких записей о строительстве в монастыре: под 7048, 7055 (л. 434 об.), 7056 (л. 434 об.), 7064 (л. 443), 7065 (л. 444), 7067 (л. 445), 7077 (л. 446 об.) гг. Летописец начинается словами «По благословению праведнаго Ноя...» (л. 264), а в конце читаем под 7127 г. о «мирном поставлении» между русскими и поляками в «троицкой деревне»

¹¹ *Арх. Леонид.* Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. — ЧОИДР, 1880, кн. 4, № 29 (201); там же сравнение этого материала с «черновым» в сборнике № 17 (203), данным в 1665 г. в Сергиев монастырь Симоном Азарьиним. Подобного рода материал использован, например, в летописце 1650 г., хранящемся в ЦГАДА, ф. 181, № 64.

Деулине; о том, что «с товарищи, со всѣм воинством» пришли в Троице-Сергиев монастырь и что на Москве была радость, причем упоминаются Сергей и Никон; о том, что «повелѣнием же государя царя и великого князя и по общанію троїцкия власти» был построен в Деулине храм во имя Сергия и освящен в 7128 г. Кончается летописецъ известіем о новой церковной пристройке «къ трапезѣ братцкой» (л. 473). Далее (вероятно, приписано было в оригинале) — «О взятіи Азова» (лл. 473—475).

В тексте находим ссылки на некоторые источники: Степенную книгу (л. 421 об.), «Книгу осадного сидѣнія» (может быть, Сказание Авраамія Палицына), на «греческий лѣтописецъ» (л. 449), на какой-то «большой лѣтописецъ» (л. 433).

Под 7032 г. на лл. 428 об. — 429 об. находим рассказ о Максимѣ Греке, о его деятельности и печальной судьбе, в связи с тем, очевидно, что под конецъ своей жизни Максим был переведен в Троице-Сергиев монастырь, там умер и похоронен ¹².

Летописецъ был составлен не ранее 7131 г., так как есть ссылка в тексте под 7055 г. на событие 7131 г.

Ряд списков воспроизводит свод 1650 г., оканчивающийся известіем 7158 (1650) г. о смерти царевича Дмитрія Алексеевича. Так, в ЦГАДА в ф. 181, под № 64 хранится летописецъ на 193 л., в 4°, XVII в., у которого недостаетъ начальной части рассказа о расселении народов и

¹² Здесь прочтем, что «от нѣкоих оклеветан бысть инокъ Максимъ великому князю и еретиком его назваша, и повелѣнием великаго князя неповинный осужден в заточение, бысть в заточении в Твери 22 лѣта и от преосвященнаго епископа тверскаго Акакія ослабѣ улучи по благословенію преосвященнаго Асафа митрополита. Инии глаголютъ, око в Иосифовѣ монастырь прежде Твери бысть в темнице и ту святому Параклиту канонъ написа углем по стѣнам; та же по сих благословением преосвященнаго Макарія митрополита нача к церкви ходити и пречистых таинъ причастатися...» «Послѣди великим князем Иваном Васильевичем «а умолениемъ троїцкого Сергиева монастыря игумена Артемия изведенъ бысть изъ Твери и повелѣно ему жити в Троїцкомъ Сергіевѣ монастырь» (л. 428). Ниже объясняется закулисная причина его несчастій: его и «прочихъ» оболгали, боясь, что он будетъ обличать «великому князю Василию», когда устраивали второй бракъ Василия и заточение жены. Тогда же Васыяна сослали в Иосифовъ монастырь, Саву — в Зосимин, Селивана — в Соловки, а «доброписца» Михаила Медоварцова — в Коломну, «иже данъ бысть Максиму писати книги, какъ переводилъ книги. Прочее же о нихъ писано в Словѣ старца Паисѣи Ферапонтова монастыря» (л. 429 об.).

«Скифии Великой» (л. 1). В части своей, посвященной раннефеодальному периоду, он более интересен для литературоведов, чем для историков, и представляет собою сочетание легенд с известиями, почерпнутыми из святцев, и с материалом родословным. Последующий рассказ местами сближается с Хронографом редакции 1617 г., с Новгородской II летописью, с «Новым летописцем».

Составитель сочувственно относится к Василию Шуйскому, хвалит патриарха Гермогена. Но любопытно, что в рассказе о приглашении на царство королевича Владислава вскрывает в неприкрытом, обнаженном виде классовые расчеты высших слоев населения: «лучши убо, — читаем на лл. 183 об. — 184, — государичю служити, нежели от холопей своих побитымъ быти; еще же и заступления вси чаяху от поляковъ на воров, и положиша совѣтъ, еже быти царемъ Владиславу королевичю. Патриархъ же Ермогенъ паки начатъ плакаться предъ всѣмъ народомъ, дабы не посылали с такимъ молениемъ к польскимъ людемъ, но молили господа бога, чтобы господь богъ воздвигнулъ царя; вси же людие о семъ посмѣяшася»¹³.

Дошли до нас и летописцы «романовского» направления. Известная династическая тенденция, стремление прославить династию пронизывает летописец, занимающий 248 листов в 8°, писанный почерком середины или первой половины XVII в., сохранившийся в ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова под № 557. Начинается он с известного сказания о Скифе, Словене, Русе и т. п., причем первых листов недостает. В изложении событий русской истории сказывается влияние или заимствование из Степенной книги. В описании событий 50-х годов XVI в. подробно рассказано о происшествиях, связанных с прибытием на Мурманское море и в устье Двины и в Холмогоры английских кораблей, о чем сообщает также Двинский летописец.

Защищая интересы династии и прославляя Филарета и Михаила, составитель «летописца» использовал, между

¹³ И далее: «Патриархъ же великимъ гласомъ возопи предъ всѣми: „помните, о православнии христиане, что кароль в велицѣмъ Римѣ содѣя“; и вси, заткнувше уши, чувственныя и разумныя и разыдошася. И вскорѣ с поляки совѣтъ сотвориша, еже быти царемъ Владиславу королевичю» (л. 184—184 об.).

прочим, материал Хронографа редакции 1617 г. Под 7106 г. он сообщает, как в Хронографе, что Федор Иванович определил престол своему родственнику Федору Никитичу Романову, но Годунов «кознию лукавою» устроил иначе (л. 211 об.)¹⁴. Ниже (л. 214 об.) читаем о том, как Борис «много безчестия и зла» нанес Федору Никитичу и его «братии» и четырех из них предал смерти, Федора «неволею» заточил в монастырь, и о том, как Федор — «иже и Филарет» — «по многих томлениихъ по умертвии Бориса возведен бысть на престол святительский». А далее, опять в соответствии с Хронографом, сообщается о том, как Филарет «великий старецъ» и Михаил, сопровождаемые Иваном Никитичем, возвратились «от поморскихъ странъ» из «заточения», причем снова подчеркивается их родство с царем Федором (л. 223 об.)¹⁵. Наконец, под 7120 г. в рассказе об избрании Михаила снова повторяется та же мысль о его родстве с царем Федором (л. 243)¹⁶. Летописец кончается известием о мире в ноябре 7127 г.: «и поиде королевичъ со всеми литовскими людьми в Полшу» (л. 248 об.).

Думаю, что в годы правления Филарета был составлен небольшой летописец, занимающий лл. 262—338 об. сборника XVIII в. в 4° из собр. И. Д. Беляева — ГБЛ, Муз. № 1529. Летописец этот, представляющий, в сущности, лишь историко-литературный интерес, начинается так: «Лѣтописецъ о зачалѣ Россійской земли, откуда поиде страна Россійская и откуда взята область царства. В лѣто 6305-м году приидоша словяне из Великаго Новаграда торговати за море» и т. д. (л. 262). В летописце можно обнаружить две составные части: первая представляет собою краткие летописные известия, продолженные до 7098 г.; она занимает всего 15 листов в четверку. Вторая часть начинается с 7106 г. (после 7098 г. следует сразу 7106 г.) и подробно излагает события после восшествия на царство Василия Шуйского, и кончается описанием чудес у «мощей» Дмитрия. Вторая часть, занимающая лл. 313—338 об., представляет собою сочетание текста «Повести како восхити царский престолъ Борис Годунов» (в редакции с прибавлением о князе Ив. Фед. Мстиславском) с тек-

¹⁴ Ср. А. Н. Попов. Изборник, стр. 188.

¹⁵ Ср. там же, стр. 194.

¹⁶ Ср. там же, стр. 203.

стом Сказания о Гришке Отрепьеве в редакции, напечатанной в т. XIII РИБ. Несмотря на такой компилятивный характер второй части, она производит на первый взгляд впечатление цельного и целеустремленного литературного произведения, направленного к прославлению Василия Шуйского (например, лл. 334, 337). Однако при Шуйском она составлена быть не могла, так как «Повесть како восхити» в указанной выше редакции написана, по обоснованному мнению Е. Н. Кушевой, позже, но «не позднее 20—30-х годов XVII в.»¹⁷. Именно в годы правления Филарета, как отмечалось в литературе, проявлялось стремление к прославлению Василия Шуйского¹⁸.

Время Петра I — последняя страница в истории русского летописания¹⁹. Как «последняя страница», она представляет несомненный интерес. Сейчас мы можем изучать ее по документам. Мнение, что «летопись в глазах Петра не имела официального значения», теперь оказывается более чем сомнительным. Благодаря главным образом найденным рукописным документам при обследовании хранилищ в связи с задачами изучения и публикации летописей дело представляется в несколько ином свете.

Хорошо известны желания Петра видеть историю победоносной «Свейской» войны, историю его царствования, и результаты работ такого рода. Но что мы знаем о результатах работ по составлению русской «истории» или русской «летописи»? Судя по разрозненным сведениям и сохранившимся документам, представление Петра о «полноте» такой «летописи» испытывало колебания, установилось не сразу.

10 декабря 1708 г. судья Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин писал справщику Синодальной типографии Федору Поликарпову (бывшему учителю греко-

¹⁷ Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени. — «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. V (XIV), вып. 2. Саратов, 1926.

¹⁸ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести, стр. 347 и др.

¹⁹ Отдельные летописцы, которые составлялись позднее, в XVIII—XIX вв. (например, в Новгороде), носили случайный характер и не имели общего значения.

латинской школы): «Историю указал государь писать, почав с царства великаго князя Василья Ивановича, даже и до днесь росиских дел. И естли ты сие можешь делать, и ты делай с прилежанием; а будет тебе невозможно, и ты ко мне отпиши. А естли зделаешь, приymeшь милость». Так именно понял, очевидно, желание Петра И. А. Мусин-Пушкин. Если под Василием Ивановичем разумеать Василия III (сына Ивана III), которого хронографы XVII в. называют «царем и великим князем», то желание Петра иметь «историю» начиная с XVI в. можно объяснить особым интересом его к той эпохе²⁰.

Спустя 16 дней И. А. Мусин-Пушкин писал к тому же Ф. Поликарпову: «О летописании, каковым образом писать, аще повелит бог быть мне на Москве, общим советом учиним; но твоя милость ныне напиши лет пять пространно и сокращенно, и буде мы замешкаемся, пришли к нам. А естли труды твои будут угодны в совершенстве, уповаю, не без добраго воздаяния быти»²¹.

Как теперь выясняется, «истории» — летописи — была предпослана первоначально большая хронографическая часть, может быть, согласно «общему совету» Ф. Поликарпова с И. А. Мусиным-Пушкиным. Последний, надо предполагать, был знаком с библиотекой Синодальной типографии.

О первой попытке составить летописную «историю» свидетельствует рукопись, обнаруженная при обследовании рукописных собраний и хранящаяся в ЦГАДА, в ф. 181 под № 849. Она представляет собою том, писанный скорописью начала XVIII в., на 579 л., в 1°, причем часть листов в конце, размером в 4°, вшита. На л. 425 об. (898 об.) обрывается текст хронографа (II редакции по классификации А. Н. Попова) на словах «преставися Филипп митрополить и положиша его в церкви святыя Богородицы, еже сам заложи». А л. 426 (899) начинается известие («того же лѣта апрѣля въ 20 день») о смерти патриарха Питирима, затем идет 7182 г. («горѣло на Москвѣ за Московую рекою»), 7183 г. и т. д. На корешке переплета читаем: «Библия, часть 2»; а лист первый по старой нумерации обозначен л. 467, и на середине пер-

²⁰ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VIII, вып. 2. М., 1951, стр. 938.

²¹ Там же, стр. 938.

вой страницы читаем заголовок: «Царство 30, в Римѣ Декиево и Валерианово...» Таким образом, начало хронографического текста имелось в первой части. А при переплетении второй части или ранее были утеряны конец хронографического текста и начало летописного. Судя по водяным знакам, которые проходят через всю дошедшую до нас рукопись, и почерку (почерк неровный, но, по-видимому, одно лицо писало и хронографический текст, и следующий за ним летописный), оба текста составляли один труд. Такой вывод подтверждается сведениями, что Петр в 1712 г. захотел, чтобы летописная история, которую писал Ф. Поликарпов, не была бы хронографического типа: «понеже его царское величество желает видеть Российского государства историю, и о сем переее трудится надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано»²². Если эти сведения правильны, то надо думать, что труд Ф. Поликарпова первоначально содержал хронографическую часть и был Петром забракован, а Ф. Поликарповым не закончен, только может быть впоследствии дополнен сырым материалом.

Знакомство с содержанием рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 849 подтверждает, что она — результат работы, производившейся Ф. Поликарповым или под его наблюдением. На это указывают и крайняя хронологическая дата, и официальный характер летописи, и довольно подробные материалы о событиях, об изложении которых в летописной истории писал, как увидим ниже, Петр.

С л. 899 (426) идет (см. выше) сравнительно краткая летопись; под 7184 г. сообщается о смерти Алексея Михайловича; под 7185 г. — о том, что «турский салтан» присылал визиря своего и пашей и крымского хана с ордою под Чигирин; под 7186 г. — о взятии и разорении г. Чигирина; под 7187 г. — о нашествии «под Киев градъ». Но под 7189 г. — более или менее обширный рассказ о заключении мира с «турским салтаном» и крымским ханом, основанный, по-видимому, на официальном документе (статейном списке?); о смерти и рождении членов семьи царствующего дома. Под 7190 г. —

²² П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом (далее — П. П. Пекарский. Наука и литература...), т. I. СПб., 1862, стр. 317 (по данным И. И. Голикова).

о «междоусобной брани» в Москве: описывается приход стрельцов к Красному крыльцу («а по Бѣлому городу всеѣ врата затворили и караулы крѣпкіе поставили»), перечислены убитые бояре. Далее — описание пожара. Вообще, описание пожаров занимает значительное место в летописи, с подробными топографическими данными, представляющими интерес для историка Москвы. Под 7196 и 7197 гг. говорится о походах к Перекопу.

Характерно, что под 7203 г. рассказано о «потѣхах», устроенных согласно царскому указу, дан дневник этих маневров; отмечено, что «много было побито и поранено».

По официальным документам сообщается, довольно подробно, о событиях под Азовом («числа в 29 день пришла почта из-под Азова...» или: «Августа въ 9 день пришла почта ис-под Азова, а писано июля в 31 день, а в писмѣ написано...» и т. д.). Далее читаем о событиях в царской семье, о пожарах, а под 7204 г. — о взятии Азова.

Обращено в летописи внимание на заговоры и мятежи, как видно, с целью указать на опасность и оправдать решительные или жестокие меры правительства. Так, под 7205 г. рассказано о казни «воров и изменников, крестопреступников» Саковнина, Цыклера и других; о самом заговоре, видимо, по документам; приведены показания на пытках; о цели заговорщиков: «казакамъ было Москву разоряти с конца, а имѣ стрел(ь)цам з другога конца» (лл. 440 об. — 443 об.); далее — о внешнеполитических событиях.

Особое место отведено «бунту» под Воскресенским монастырем (лл. 444 об. — 445), о ходе «бунта» и о казнях и других мерах наказания.

На л. 445 об. читаем о «еицких казаках», которые «чинили всякое воровство и разбой на Волге, торговых людей разбивали и взяли Гур(ь)ев городок...»; о том, что их «побили» астраханские служилые люди и как «завотчиков» казнили в Москве на Пожаре и на Болоте, а «иные по дорогам перевешаны».

На л. 446 составитель опять возвращается к бунту под Воскресенским монастырем, повествуя о новом «розыске» (лл. 446—448) по указу возвратившегося из-за границы Петра. Подробно описаны вины стрельцов и их намерения (объявить, что государя «за морем не стало», ино-

земцев всех порубить, бояр побить, призвать «в правительство» царевну Софью и царя к Москве не пустить). Разъясняется, что стрельцы «в роспросе и с пытокъ и с огня во всемъ винулись» (л. 447—447 об.). А далее следует подробное описание казней.

Многочисленные описания пожаров с точными датами и подробными топографическими данными ясно показывают, что летописные записи в Москве велись.

С л. 451 помещены обширные материалы Емельяна Игнатьевича Украинцева (о переговорах в Константинополе и т. п.)²³, затем московские известия (в частности, о падении в пожар 1700 г. царь-колокола), а под 1706 г. — об Астраханском восстании, описывается осада и сдача города.

Далее после нескольких записей — рукописные и печатные документы, местами они перемежаются с погодными записями. Так, на л. 491 — о «баталии» 1706 г. под Калишем и (на л. 492) «реестр» о пленных, убитых и раненых; на лл. 494—496 об. — о «баталии» со шведами при деревне Лесной, на лл. 496 об. — 498 — «Описание наших полков», а на лл. 500—504 об. — «Обстоятельная реляция о главной баталии» со шведами «неподалеку от Полтавы 27 июня 1709 г.» (лл. 500—504 об.); потом о пожарах в Москве, а затем печатные материалы («Изъявление торжественного входа...», «Изъявление фейерверка», «Реляция о взятии Выборка» и др.) и рукописные, относящиеся к русско-турецким отношениям 1711 г. Далее (на лл. 570—573) — ряд летописных известий²⁴, «вѣдомосте» о мире с «салтаном», опять о пожарах и, наконец, — печатная «реляция» о победе над шведами в Тонингене (1713 г.) и запись об освобождении Шафирова, Шереметьева и других (1713 г.).

Таков далеко не полный перечень содержимого летописи. Летописные записи кончаются 1711 г. (л. 572 об.). Наиболее поздняя дата документов — 21 августа 1714 г. (печатная реляция о «морской баталии»).

Вариант летописной «истории» с хронографической частью был Петром, по-видимому, отвергнут. Его требо-

²³ На л. 471 об.: «А подлинная де о всемъ о томъ записка явится в статеинномъ ихъ списку». На лл. 472—484 — «Список с договорного писма, каково дано в Константинополе...», 1700 г.

²⁴ Систематические летописные записи доходят как будто до 7 апреля 1700 г. (л. 490).

вания изменились в том смысле, что он хотел теперь иметь «историю» не с Василия Ивановича, а «полную»²⁵, но все же без хронографической части. Так заставляет думать рукопись, на которую обратили внимание составители первого выпуска «Исторического очерка и обзора фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вышедшего в свет в 1956 г. Ссылаясь на сведения И. И. Голикова о вознаграждении Ф. Поликарпова за сочиненную им «для образца часть российской истории и трехязычный лексикон», автор предполагает, что сообщение это касается рукописи № 78, хранящейся в настоящее время в Отделе рукописной книги БАН СССР под шифром 32.6.30²⁶. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько точны сведения И. И. Голикова, следует думать, что предположение автора «Обзора» вполне вероятно²⁷.

Эта рукописная «История» значительно отличается от летописной «истории» в рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 849, рассмотренной нами выше, но в конце содержит тоже немало сырого материала, исключительно рукописного. Датировано окончание «истории» в рукописи № 78 16 марта 1715 г.

Во исполнение желаний Петра I была составлена «История Российская» (ГБЛ, Муз. № 4698).

В некотором отношении она могла бы считаться хотя «краткой», но «полной». Начинается она не с княжения Василия Ивановича, а с решения проблемы «О словенскомъ народѣ и откуды изыде и како до Европии и Сармацы прииде, и о ихъ бранехъ, и како Александръ Македонский писание имъ даде» (ГБЛ, Муз. № 4698, л. 8), затем следует о Кие, Рюрике и т. д.

Изложение ведется сначала по «княжениям», с перечислениями сыновей великих князей. Вначале излагается весьма кратко: на всю историю, включая Василия Ивановича, отведено всего 37 листов (см. Муз. № 4698), тогда как всего в «истории» 396 листов. Но всего интерес-

²⁵ Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. — СОРЯС, т. LII. СПб., 1891, стр. 34.

²⁶ «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. 1. М.—Л., 1956 г., стр. 99.

²⁷ Такого же мнения придерживается и С. Л. Пештич в недавно изданной книге «Русская историография XVIII в.». Л., 1961, стр. 110—111. Им отмечен другой список той же «Истории», хранящийся в ГБЛ, Муз. № 4698.

нее, что подробное изложение событий начинается не с Василия, а с Ивана Васильевича IV (Грозного), описание царствования которого занимает лл. 38—93 (Муз. № 4698), причем изложение — погодное. Составитель проявляет такое внимание к эпохе Ивана Грозного, конечно, не случайно. Об этом свидетельствует некоторый летописный материал, о котором мы сообщали в 1955 г.²⁸, и особенно та оценка деятельности Грозного, которая дана в летописной «истории» петровского времени более позднего периода и которую следует связывать с работой Г. Скорнякова-Писарева. Иван IV был хотя и неудачным, но все же предшественником Петра в деле борьбы за выход к Балтийскому морю.

С л. 274 об. (Муз. № 4698) начинается раздел «История Российская. Самодержавство великого всероссийского монарха Петра... описующая». Здесь следует отметить некоторые материалы, полученные и включенные в текст составителем, с л. 316 об. — «Юрнал, или поденная роспись, что с мимошедшою осаду под крепостью Нотенбургомъ чинилось...», — следуют записи по дням за 1702 и 1703 гг. С л. 332 — «Юрнал, или поденная роспись, что под крепостью Нарвою чинилось 1704 году» и т. п. Кроме того, и в этой рукописи имеются также «Реляция взятия Выборка...» (л. 384 об.) и «Обстоятельная реляция о главной баталии...» (л. 373 об.).

Труд Ф. Поликарпова был показан Петру и им одобрен не был. 2 января 1716 г. И. А. Мусин-Пушкин писал Поликарпову, что его «история» и «лексикон» царю «не очень благоугодны были»²⁹. Этим, может быть, объясняется, что в 1722 г. составление летописца было поручено Г. Скорнякову-Писареву. В 1722 г. Петр «указал» ему «сочинить книгу летописецъ». Г. Скорняков-Писарев просил Синод дать «писца», в Синод, согласно указу от 16 февраля 1722 г., «из всех епархий и монастырей» следовало взять «летописцы, степенные, хронографы и прочие»³⁰.

Среди «летописей», которые я пересматривал, разыскивая летописец, составленный Г. Скорняковым-Писаревым

²⁸ А. Н. Насонов. Летописные памятники... стр. 278—279 и др.

²⁹ Н. С. Тихонравов. Московские вольнодумцы начала XVIII века и Стефан Яворский. — «Сочинения Н. С. Тихонравова», т. II. М., 1898, прим. 129 к стр. 193.

³⁰ П. П. Пекарский. Наука и литература..., стр. 318—319.

или под его наблюдением, была изданная Н. А. (Львовым) «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» (ч. 1—4, СПб., 1798—1799). Так как было известно, как издал Н. А. Львов другую летопись³¹ (он «допустил в своем издании довольно значительное число отступлений от оригинала, то подновляя язык, то исключая некоторые известия, то заменяя текст рукописи заимствованиями из других источников»³²), необходимо было разыскать рукописный экземпляр изданного Н. А. Львовым свода. К тому же экземпляру, которым пользовался Н. А. Львов, был ветхим, и, как он сам замечает, потому опубликовать последнюю тетрадь не решился. Рукописный экземпляр был мной обнаружен в ЦГАДА, ф. 181, № 358. Позднее я узнал, что два списка того же свода имеются в Рукописном отделе БАН в Ленинграде.

Изучение рукописи № 358, а затем и других списков заставило меня составление летописца связывать с именем Г. Скорнякова-Писарева. Имею в виду и хронологические показания текста, и указания самого Петра на события, которые следует вносить в летописец, и официальный характер самого летописца.

Оставляя в стороне статьи, предшествовавшие летописцу³³, обратимся к самому своду. В нем преобладает сплошной, а не погодный рассказ, и он может быть назван скорее «историей», чем «летописцем». Начинается он статьей «О началѣ великого Словенска, еже есть имянуется Великий Новѣградъ и о первыхъ новгородскихъ князѣхъ и ихъ потомкахъ. В лѣто отъ создания мира 2244...» В известный летописный текст вставлен материал, почерпнутый, видимо, из переведенной и изданной в 1722 г. в Петербурге книги Мавро Орбини (№ 358, л. 681). Следует заметить, что «реестр» о «Преславных действиях» Петра в печатном издании не переходит за

³¹ «Лѣтописецъ русской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича», ч. 1—5. СПб., 1792.

³² ПСРА, т. XX, ч. 1, СПб., 1910, предисловие.

³³ «Лествица от Августа кесаря...», родословные материалы и «Рукописание Магнуша короля свейского». — В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. III, вып. 1 (далее — «Описание...»), М.—Л., 1959, стр. 399 и рукопись ЦГАДА, ф. 181, № 358, лл. 654—656 об.

1722 г. Материал о всемирно-исторической роли славян указывает или на интересы составителя, или того, кто давал указания на составление летописца ³⁴.

Думается, что в рассуждениях летописца о том, как Россия избавилась от грозивших ей бед после того, как племянник Василия Дмитрий был посажен в темницу, где и умер в 1506 г., и как «царь Василий Иоаннович укрепился на российском престоле», отразились косвенно события петровского времени и судьба царевича Алексея (№ 358, л. 793—793 об.). Не случайно, конечно, страницы, посвященные характеристике Ивана Грозного, представляют собой интересную его апологию, как противника старого боярства, и там же подчеркивается, что Грозный жаловал «многих чужестранных людей» («имели от него милость») и т. п. (лл. 1006—1007 об.). Немало внимания уделено борьбе Грозного за Прибалтику (лл. 948 об. — 997). Летописец вообще носит признаки официального, петровского летописания (см. о «знамениях» в ночь зачатия «императора», предсказания рождения Петра, рассказ о его обучении, о стрелецких мятежах, составленный на основании современных записей, трактовку роли Софьи, материалы об азовских походах и т. д.).

Имеются данные, свидетельствующие, что Петр I лично указывал на материалы, которые необходимо было включить в летописец. В одной из книг, хранящихся в «Кабинете Петра Великого», можно прочесть следующие записи, принадлежащие Петру ³⁵: «Писать о юрналах и действиях азовских, чтоб спросили у дьяков Байбакова и Андреяна Протопопова, ибо они тогда были в азовском походе.

О книге, что делал Ф. Поликарпов.

Выбрать из разрядных записок с царства царя Михаила Федоровича.

³⁴ Летописец № 358 и Строгановский список. О других источниках — «Описание...», стр. 400.

³⁵ Ссылаюсь на авторитет знатока писем и бумаг Петра Великого Е. П. Подъяпольской, любезно указавшей мне на цитируемые строки рукописи. Записи, с которыми я ознакомился, сделаны на отдельном листе; бумага петровского времени (водяной знак — герб г. Амстердама), на оборотной стороне написано: «Черновые мемории № 13». Записи сделаны не рукою Петра, но или под диктовку Петра, или это копия с его записей. Даты нет, в том листе помещен между 1721 и 1722 гг., это не может служить достоверным показанием, что записи относятся примерно к 1721—1722 гг., хотя последнее и возможно.

Спросить записок о азовских походах у А. Ш.

Креветовы письма и протчия старья со времени азовских походов беречь; из них что пристойно в историю выбрать; также и после того, что делалось во время заморских и архангелогороцких походов и о бунте под Воскресенским монастырем, все вносить в историю»³⁶.

Таким образом, Петр отмечает, что следует сделать выборки из «разрядных записок», что следует «выбрать также» «что пристойно в историю» из материалов по азовским походам, указывает внести «в историю», наряду с другими событиями, о бунте под Воскресенским монастырем. Очевидно, не случайно в летописце № 358 и «Подробной летописи» в тексте событий второй половины XVII в. обильно использованы материалы разрядов; в летописце № 358 весьма подробно изложено об азовских походах (лл. 1215—1248), причем записи расположены по дням с точными датами и сведениями о составе воинских частей (по «ротам»). Не случайно также в летописец вписан и интересный рассказ о бунте стрельцов, т. е. о «бунте под Воскресенским монастырем» (№ 358, лл. 1254—1255 об.).

Летописцы петровского времени, в сущности, составляют последнюю страницу истории русского летописания. С новым периодом в истории России, и, в частности, в истории общественной мысли, возникали новые задачи в осмыслении и построении «истории» страны и вместе с тем вырастала потребность в новых формах исторического изложения. Эти новые формы зарождались, как известно, еще в XVII в., но только в следующем столетии утвердились окончательно.

³⁶ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, отд. 1, кн. № 30, л. 112.

Заключение

Изучая историю русского летописания, мы изучаем одну из важнейших сторон культурной жизни народа и в то же время один из важнейших источников по истории народов СССР, что дает ключ к правильному использованию этого богатейшего и разнообразного по содержанию источника и составляет одно из необходимых условий понимания прошлого, а следовательно, и современной жизни советского народа. Нельзя любить свой народ и быть равнодушным к его истории, к пройденному им пути.

Попытаемся в самом общем виде подвести итоги предлагаемому в настоящей книге исследованию о русском летописании с XI до начала XVIII в.

Мы исходим из убеждения, что основное методическое правило при изучении летописания — не отрывать изучение идейной стороны, целенаправленности источника от данных «формального» (в широком смысле) анализа текстов. Только в этом случае «формальный» анализ не будет формальным, а анализ текстов с помощью изучения идейного их содержания не будет носить субъективный, произвольный характер. Само собою разумеется, что не всегда в равной мере возможно реализовать этот принцип практически. Мы убеждены также, что дальнейшее продвижение научной работы в изучаемой области требует как разыскания новых текстов, так и уточнения методики.

Мы полагаем также, что исследователь не сойдет с правильного пути, если будет изучать процесс развития рус-

ского летописания в связи с общим ходом общественного развития. Особенно важно понимать и ощущать эту связь для древнейших периодов, от которых до нас дошли только следы памятников.

Эта связь явственно обнаруживается при изучении следов древнейших летописных сводов. Необходимо, конечно, отличать летописную предысторию — записи об отдельных событиях, о ряде событий, записи о деятельности отдельных лиц — от составления сводов как попытки осмысления истории народов или государства. Записи, вошедшие в состав Древнейшего киевского свода, могли делаться не только в Киеве (например, в Вышгороде об Ольге и древлянах). Но локализовать древнейшую историческую письменность, относящуюся к летописной предыстории, нам удалось только применительно к памятникам и записям, вышедшим из киевской Десятинной церкви, носящим печать большой архаичности.

Совокупность показаний материала оправдывает мнение, согласно которому первый летописный свод был составлен при Ярославе Мудром, вызван к жизни общими социально-политическими условиями того времени накануне выделения Киевской области из состава древней «Русской земли».

Закономерно развивающийся внутренний процесс формирования Древнерусского государства, распространение органов княжеской власти: формирование государственного аппарата принуждения, распространение «вир» и «продаж», сопровождалось участвовавшими случаями «неправедного суда» и злоупотреблениями властью. В киево-печерском летописании XI в., составившем новую эпоху в истории русского летописания, эти явления политики нашли яркое отражение, как и тяжелая внешнеполитическая обстановка на Юге. Критика власти соответствовала сложившемуся в монастыре идеалу отношений, соблюдение которых предполагалось, разумеется, в рамках существовавшего тогда социально-политического строя.

Новый киево-печерский летописный свод — Повесть временных лет — (после 1111 г.) возник в условиях государственной и народной жизни, способствовавших утверждению представления о широкой восточноевропейской общности, политической и этнической. Как показывает исследование, Повесть временных лет была первым памятником, в котором с полной ясностью утверждалось и

осмысливалось понятие Руси в широком значении, как совокупности разных (не только южнорусских) восточно-европейских этнических групп и племен. В этом отношении новый памятник содержал, можно сказать, откровение о русском народе, новое понимание народа — Руси.

Вместе с тем чрезвычайное значение киево-печерских сводов было понято киевским правительством, и мы видим попытки использовать печерское летописание в интересах киевского стола. Факт новых редакций Повести временных лет хорошо известен. Но исследование показывает, что именно под влиянием княжеской редакции было внесено в текст Повести временных лет новое понятие термина Русь, как разновидности варяжского народа.

Сложный характер интересов составителя Повести временных лет, сочетание местного патриотизма с пониманием широких задач, стоявших перед «историком» Руси, получает объяснение в свете общих условий того времени, становится понятным, когда усваивается суть того сложного процесса, который именуется процессом феодального дробления в Киевской Руси, в котором обнаруживали свое действие как силы центробежные, так и силы центростремительные; иными словами, процесс этот имел две стороны, раскрыть которые, в некоторой мере, мы пытаемся в работе.

Наряду с летописанием в Киеве, после выделения из состава древней «Русской земли» трех областей возникает на Юге летописание в Переяславле-Русском и в Чернигове¹.

¹ В рукописи А. Н. Насонова этот раздел остался незаконченным. — *Прим. ред.*

Список принятых сокращений

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
- АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России
- БАН — Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде
- Временник МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских
- ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве
- ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея в Москве
- ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
- Д и ДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.—Л., 1950
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. Цит. по изданию ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб., 1908
- Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись. Цит. по изданию ПСРЛ, т. I, изд. 2, вып. 1—3, Л., 1926—1928
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
- Новг. I лет. — Новгородская первая летопись. Цит. по изданию «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности
имп. Академии наук
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института рус-
ской литературы (Пушкинского дома) АН СССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
в Москве
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

Указатель имен*

- Абд-ал-Лятиф (Абделетиф), хан казанский 387
Абрамович Д. И., филолог 36, 37, 55
Август Октавиан, имп. римский 497
Аврелиан (Клавдий Люций Валерий Домиций), имп. римский 439
Аграфена (Огрофена) Ольгердовна, ж. Бориса Константиновича, кн. нижегородско-суздальского 171
Адам (библ.) 412, 414
Адашев Алексей Федорович, боярин московский 298, 299, 408
Аепа Осеневич, хан половецкий 62
Азарьин Симон, келарь Троице-Сергиева мон-ря, русский писатель XVII в. 486
Азбелев С. Н., филолог 336
Айдар Григорьевич, постельник вел. кн. Ивана III Васильевича 343, 344, 350
Айналов Д. В., искусствовед 50
Акакий, еп. тверской 387, 487
Акинф Гаврилович, родоначальник боярского рода Бутурлиных, боярин московский 355, 356
Александр, имп. византийский 430
Александр, царевич казанский 424
Александр Васильевич, с. Василия Андреевича, кн. суздальский 170
Александр Колыванович, боярин новгородский 263
Александр Македонский, царь 495
Александр Свирский, иг. Александровой пустыни, св. 420, 451, 473, 475
Александр Федорович, с. Федора Васильевича, кн. ярославский 325
Александр Ярославич Невский, с. Ярослава Всеволодовича, кн. владимирский 194, 199, 201, 251, 269, 338, 450, 474, 481

* Сокращения, принятые в указателе: ап. — апостол, арханг. — архангел, архиеп. — архиепископ, архим. — архимандрит, библ. — библейский, в. — век, вел. кн. — великий князь, вел. княг. — великая княгиня, вн. — внук, г. — город, д. — дочь, евангел. — евангелист, еп. — епископ, ж. — жена, иг. — игумен, иером. — иеромонах, имп. — император, исслед. — исследователь, кн. — князь, княг. — княгиня, княж. — княжна, крещ. — крещение, легенд. — легендарный, митр. — митрополит, монаш. — монашество, мон-рь — монастырь, ошиб. — ошибочно, патр. — патриарх, р. — река, с. — сын, св. — святой, сс. — сыновья, степен. — степенный, ц. — церковь.

Указатель составлен В. А. Кучкиным.

- Алексей, еп. суздальский 269
 Алексей I Комнин, имп. византийский 87
 Алексей, митр. киевский и всея Руси 172—174, 177, 191, 269, 368, 369, 402, 434
 Алексей Михайлович, царь русский 416, 423, 492
 Алексей Петрович, с. Петра I, царевич 498
 Алексей Полиевктович (Полукетович), дьяк вел. кн. Ивана III Васильевича 325, 326
 Алексей, протопоп московского Успенского собора в Кремле 300
 Амартол см. Георгий Амартол
 Амфилохий (Сергиевский П. И.), археограф 127
 Ананьин Василий, новгородский степен. псадник 255
 Анастас Корсунянин, эконом ц. Десятинной в Киеве 20, 26, 27
 Анастасия Романовна, д. Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, первая ж. царя Ивана IV Васильевича 404
 Анбал, слуга кн. Андрея Боголюбского 158
 Ангелов Адриан, келарь Троице-Сергиева мон-ря, русский писатель XVI в. 403, 404
 Андрей, ап. (библ.) 65, 73
 Андрей, король польский см. Казимир
 Андрей Александрович, с. Александра Ярославича Невского, кн. городецкий (Радилова) и владимирский 196
 Андрей (ошиб.) Андреевич, с. Андрея Васильевича угличского, кн. 382
 Андрей Васильевич, с. Василия Ярославича серпуховско-боровского, кн. 426, 427
 Андрей Васильевич Большой, с. вел. кн. Василия Васильевича Темного, кн. угличский 311—313, 315, 345, 349, 350, 373, 377, 379, 382, 395, 396, 459
 Андрей Васильевич Меньшой, с. вел. кн. Василия Васильевича Темного, кн. вологодский 311, 406
 Андрей Владимирович, с. Владимира Андреевича, кн. серпуховско-радонежский 366, 415, 480
 Андрей Владимирович, с. Владимира Мономаха, кн. владимиро-волинский и переяславский (Южного) 84, 88, 115, 117, 136
 Андрей Дмитриевич (Дмитриев Андрей), родоначальник боярского рода Мамоновых 332, 333
 Андрей Иванович, с. вел. кн. Ивана III Васильевича, кн. старицкий 424, 453
 Андрей Иванович, с. вел. кн. Ивана Даниловича Калиты, кн. серпуховский 365, 366
 Андрей Константинович, с. Константина Васильевича, кн. нижегородско-суздальский 170—172, 176, 190
 Андрей Федорович см. Челяднин
 Андрей Федорович
 Андрей Юрьевич Боголюбский, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. владимиросуздальский 56, 85, 92—94, 98, 99, 112, 114, 121, 122, 128—146, 149—160, 162, 163, 166, 187, 219, 221, 258, 283, 287, 292, 412, 447
 Андронов (Ондроников) Федор, купец и казначей 481
 Анисимов А. П., исслед. 141
 Анна Васильевна, д. вел. кн. Василия Дмитриевича, ж. Иоанна Палеолога 485
 Антиох IV Елифан, царь сирийский 165
 Антон (Онтон), немецкий врач 395
 Антоний Печерский, основатель Киево-Печерского мон-ря 43, 48, 54, 201
 Антоний, еп. черниговский 290
 Антонин Пий, имп. римский 438
 Анфал Никитич, боярин двинский 330
 Анфимий, имп. Западной Римской империи 440
 Арапша, царевич ордынский 190

- Ариадна (Арсань, Арсанта), д. имп. восточно-римского Льва I, ж. Зинона Исавра 440
- Аристотель Фрязин (Фиоравенти), итальянец, архитектор 259, 395
- Арсань (Арсанта) см. Ариадна
- Арсений, еп. ростовский 263
- Арсений, еп. рязанский 206
- Арсений, еп. тверской 451
- Арсений, иером., археограф, историк церкви 407
- Артемий, иг. Троице-Сергиева мон-ря 487
- Асаф см. Иоасаф Скрипицын
- Асмуд, воевода киевский 39, 44
- Афанасий, иг. серпуховского Высоцкого Богородичного мон-ря 365, 367
- Афанасий Никитин см. Никитин Афанасий
- Афет, с. Ноя (библ.) 66—69, 71, 72, 74
- Ахмат (Охмут), с. Кичи-Ахмета, хан ордынский 309, 310, 312, 313, 349, 350, 458
- Ахмат, татарский баскак 193
- Ахмат-Кирей см. Мухаммед-Гирей
- Ахмыл, посол ордынский 427
- А. Ш. см. Шенин
- Бабич Семен Иванович, кн., воевода московский 307—309
- Баженов И. В., краевед 427, 428
- Базилевич К. В., историк 247, 310
- Байбаков, дьяк Петра I 498
- Бан, «королевич», дядя короля венгерского 100
- Бартенев Вторушка, слуга боярина Александра Никитича Романова 484
- Басенок Федор Васильевич, воевода московский 307—309, 323, 331, 341—343, 351—353, 358, 359, 457
- Батый, с. Джучи, хан татаро-монгольский 128, 180—184, 195, 205, 207, 219, 246, 272, 381, 422, 448, 449
- Баян, русский певец XI в. 40
- Беда, подьячий, затем дьяк вел. кн. Василия Васильевича Темного 299
- Беззубцев Константин Александрович, боярин московский 337
- Беклемишев Василий Федорович, боярин московский 342
- Беклемишев Никита Васильевич, русский посол в Крым 340
- Беклемишев Семен Васильевич, воевода московский 309, 310, 458
- Беклемишев-Берсень Иван Никитич, боярин московский 375
- Белокуров С. А., историк 426
- Беляев И. Д., историк 360, 489
- Бельский Федор Иванович, кн., воевода московский 378
- Бережков Н. Г., историк 228, 411
- Бернадский В. Н., историк 335
- Берсень см. Беклемишев-Берсень
- Бестужев-Рюмин К. Н., историк 8
- Блуд, воевода киевский 38, 446
- Блутов Федор, с. боярский 331
- Бобр, боярин московский 460
- Бобр Дмитрий Васильевич, боярин московский 319
- Болеслав I Храбрый, король польский 27
- Боняк, хан половецкий 63
- Борейская Марфа, ж. новгородского посадника Исаака Борейского 253
- Борейский Исаак, посадник новгородский 334, 335
- Борис, посол рязанский 159
- Борис Александрович, с. Александра Ивановича, вел. кн. тверской 345
- Борис Васильевич, с. вел. кн. Василия Васильевича Темного, кн. волоцкий 297, 309, 312, 313, 315, 337, 338, 349, 396
- Борис Василькович, с. Василька Константиновича, кн. ростовский 123, 194, 412
- Борис (Роман) Владимирович, с. Владимира Святославича, кн. владимири-волинский, св. 36—38, 44, 47, 49, 0, 55, 98, 141, 144, 154, 164, 171, 187, 447
- Борис Вячеславич, с. Вячеслава Ярославича, кн. 51

- Борис Константинович, с. Константина Васильевича, кн. нижегородско-суздальский 171, 173, 174, 190, 191, 368
- Борис Конюшкович, боярин новгородский 263
- Борис Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. белгородский 281, 285, 292
- Бородатый Стефан, дьяк вел. кн. Василия Васильевича Темного и Ивана III Васильевича 296, 297, 299, 334, 463
- Бреин Парфен, дворянин кн. Василия Ярославича серпуховско-боровского 343
- Брике (Briquet С. М.), составитель альбома бумажных водяных знаков 140
- Брокгауз Ф. А., издатель 81, 179, 256, 260, 268, 348, 354, 451
- Брячислав Борисович, с. Бориса Всеславича, кн. изяславский (из полоцких князей) 100
- Брячислав Василькович, с. Василька Рогволодовича, кн. полоцкий 291
- Бугославский С. А., филолог 14, 15, 28, 36, 55, 144
- Булат-Темир, кн. ордынский 190
- Бутурлин Лобан Андреевич, с. боярский 356
- Бутурлины, московский боярский род 356
- Бывальцев Феодосий см. Феодосий Бывальцев
- Быкова Т. А., исслед. 426
- Бычков А. Ф., археограф 124, 178, 179
- Валериан (Публий Аврелий Лидий Валерий), имп. римский 439, 492
- Варавин Иван, русский посол на Афон и в Константинополь 455
- Варакоз (Каракоз) Мнюзович, кн. берендичский 281
- Варда, кесарь, дядя византийского имп. Михаила III 429
- Варлаам, иг. Дмитровского мон-ря в Киеве 47
- Варлаам, иг. новгородского Хутынского мон-ря 306, 458
- Варлаам (ошиб. Варфоломей), митр. всея Руси 370, 374—376, 389, 402, 415, 480
- Варсонофий, еп. смоленский 370
- Варфоломей (ошиб.) см. Варлаам, митр. всея Руси
- Василий II Богаробойца, имп. византийский 430
- Василий, еп. переяславский (Южного) 290
- Василий Васильевич, с. Василия Ярославича серпуховско-боровского, кн. 426, 427
- Василий II Васильевич Темный, с. Василия Дмитриевича, вел. кн. московский 251, 296, 299, 328, 335, 337, 345, 352, 353, 366, 372, 381, 382
- Василий Великий, архиеп. кесарийский, св. (память 1 января) 176, 440
- Василий Владимирович, с. Владимира Андреевича, кн. серпуховско-перемышльский 366
- Василий Дмитриевич, с. Дмитрия Ивановича Донского, вел. кн. московский 270, 366, 370, 450, 485
- Василий Иванович см. Шуйский
- Василий Иванович
- Василий (в крещ. Гавриил, в схиме Варлаам) III Иванович, с. Ивана III Васильевича, вел. кн. московский и всея Руси 317, 327, 349, 370, 374, 388—392, 396, 418, 422, 424, 461, 462, 466, 468, 469, 473, 487, 491, 495, 496, 498
- Василий Иванович Шемячич, с. Ивана Дмитриевича, кн. северский 375
- Василий Кривой см. Патрикеев
- Василий Иванович
- Василий (Василько) Леонович (Львович), с. Льва Лже-Диогена и Марии, д. Владимира Мономаха 89
- Василий I Македонянин, имп. византийский 412, 429
- Василий Михайлович, с. Михаила Андреевича, кн. верейский 309

- Василий Образец см. Образец-Симский Василий Федорович
- Василий Рогволодович, с. Рогволода Всеславича, кн. полоцкий 264, 289
- Василий Юрьевич Косой, с. Юрий Дмитриевича, кн. звенигородский 329, 330, 337, 381
- Василий Ярославич, с. Ярослава Владимировича, кн. серпуховско-боровский 333, 366, 395, 426, 427, 476
- Василиса (Феодора), ж. Андрея Константиновича, кн. нижегородско-суздальского 176, 190, 191
- Василь полочанин, боярин киевский 103
- Васильевский В. Г., историк 65
- Василько Брячиславич, с. Брячислава Васильковича, кн. витебский 219
- Василько Константинович, с. Константина Всеволодовича, кн. ростовский 123, 124, 131, 182, 198, 223, 263
- Василько Романович, с. Романа Мстиславича, кн. владимиро-волинский 208, 232, 244
- Василько Ростиславич, с. Ростислава Владимировича, кн. теребовльский 264
- Василько Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. 135, 146
- Вассиан, еп. тверской 340, 379
- Вассиан (Васьян) см. Патрикеев Василий Иванович
- Вассиан Босой, иг. Иосифо-Волоколамского мон-ря 388
- Вассиан Рыло, иг. Троице-Сергиева мон-ря, затем архиеп. ростовский 308, 313, 314, 322, 328, 329, 334, 340, 351, 359
- Вассиан Санин, архиеп. ростовский 386
- Веньслав см. Станислав
- Вергилий Полидор см. Полидор Вергилий
- Вернер И. И., историк 298
- Верхуслава, д. Всеволода (Гавриила) Мстиславича, кн. новгородского и псковского 118
- Верхуслава, д. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, ж. Ростислава Рюриковича, кн. торчского 150
- Веселовский С. Б., историк 319, 356, 357
- Веспасиан (Тит Флавий), имп. римский 438
- Висковатый Иван Михайлович, печатник и казначей царя Ивана IV Васильевича 298, 299
- Витовт, с. Кейстута, вел. кн. литовский 274, 276, 345, 434
- Вишневецкий Дмитрий Иванович, кн., гетман 417
- Влад Цепеш (Дракула), кн. валахский 299
- Владимир, архим., археограф 127
- Владимир Андреевич, с. Андрея Владимировича, кн. дорогобужский 94, 136—137, 287
- Владимир Андреевич, с. Андрея Ивановича, кн. серпуховский 365—367
- Владимир Андреевич, с. Андрея Ивановича, кн. старицкий 424
- Владимир Василькович, с. Василька Романовича, кн. владимиро-волинский 228—230, 232—235, 243—245
- Владимир (Владмирко) Володаревич, с. кн. Володаря (Владимира) Ростиславича, кн. галицкий 82, 90, 92—95, 100, 266, 285, 286
- Владимир Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. стародубский (на Клязьме) 203, 220, 221, 223
- Владимир Всеволодович Мономах, с. Всеволода Ярославича, кн. киевский 50, 51, 54, 57—59, 61—63, 65, 66, 68, 84, 87, 88, 97, 98, 108, 109, 113—115, 120, 135, 136, 154, 162, 187, 202, 219, 220, 258, 283—284, 284, 287, 294
- Владимир Глебович, с. Глеба Юрьевича, кн. переяславский (Южного) 86, 138
- Владимир Давыдович, с. Давыда Святославича, кн. черниговский 91, 101, 104, 107, 285

- Владимир Иванович, с. Ивана Глебовича, кн. степаньский 228, 231
- Владимир Константинович, с. Константина Всеволодовича, кн. угличский 182, 263
- Владимир Мстиславич, с. Мстислава Владимировича, кн. владими́ро-во́лыньский и киевский 91, 92, 285
- Владимир Мстиславич, с. Мстислава Ростиславича, кн. псковский 204
- Владимир Святославич, с. Святослава Всеволодовича, кн. черниговский 148
- Владимир Святославич, с. Святослава Игоревича, кн. Русский, св. 17—19, 22, 23, 25—31, 34—36, 38, 40, 41, 78, 140, 154, 155, 165, 235, 243, 245, 417, 446, 447
- Владимировичи, потомки Владимира Всеволодовича Мономаха 117
- Владислав, с. короля польского Сигизмунда III, принц 488
- Владислав II, король польский 90
- Воейковы, московский дворянский род 360
- Войшелг, с. Миндовга, кн. литовский 244
- Володарь (Владимир) Ростиславич, с. Ростислава Владимировича, кн. перемышльский 87, 264
- Володша (Владимир) Василькович, с. Василька Рогволодовича, кн. полоцкий 290, 291
- Воронин Н. Н., археолог 144
- Воротынский Дмитрий Федорович, кн., воевода московский 377
- Воскресенский Г., филолог 125
- Всеволод Глебович, с. Глеба Ростиславича, кн. пронский 203
- Всеволод Давыдович, с. Давыда Святославича, кн. муромский (?) 101
- Всеволод Константинович, с. Константина Всеволодовича, кн. ярославский 182, 207, 212, 223, 263
- Всеволод (Гавриил) Мстиславич, с. Мстислава Владимировича, кн. новгородский и псковский 84, 109, 116—118, 282
- Всеволод Ольгович, с. Олега Святославича, кн. черниговский и киевский 89, 90, 100, 102, 104, 118, 280, 281, 285, 289
- Всеволод Святославич Чермный, с. Святослава Всеволодовича, кн. черниговский и киевский 202, 203, 206, 262
- Всеволод (в крещ. Дмитрий) Юрьевич Большое Гнездо, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. владими́ро-суз-да́льский 115, 130, 131, 134, 144, 145, 147, 148, 150, 151, 159—161, 164, 166, 167, 198, 200, 202, 206, 210—221, 224, 269, 282, 283, 287, 412, 450
- Всеволод Юрьевич, с. Юрия Всеволодовича, кн. 181—183, 186, 205
- Всеволод Ярославич, с. Ярослава Владимировича Мудрого, кн. переяславский (Южного) и киевский 47—51, 55, 65
- Всеволодич см. Святослав Всеволодович, с. Всеволода Ольговича
- Всеволожая см. Мария, ж. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо
- Всеслав Брючиславич, с. Брючислава Изяславича, кн. полоцкий 49, 53
- Вяземский см. Семен Мстиславич, кн. вяземский
- Вячеслав Владимирович, с. Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. туровский и киевский 84, 91, 93, 94, 98, 104, 110, 116, 117, 135, 265, 286, 289
- Гавриил, арханг. (библ.) 218
- Гаврила Милитич, боярин новгородский 262
- Гациский А. С., историк 173, 188
- Геннадий, архиеп. новгородский 432, 449, 460, 475
- Генсиорский А. И., филолог 234

- Георгий см. Юрий Васильевич, кн. угличский, Юрий Владимирович Долгорукий, Юрий Всеволодович, Ярослав Владимирович Мудрый (238)
- Георгий Амартол, византийский хронист 13, 15, 71, 72, 77, 410
- Георгий (Юрий) Игоревич, с. Игоря Глебовича, кн. рязанский 185
- Герасим, иг. костромского Бого-явленского мон-ря 423
- Герберштейн Сигизмунд, барон, посол германских императоров 374, 375
- Гермоген, патр. всероссийский 427, 479, 481, 482, 488
- Геронтий, митр. всея Руси 259, 299, 304, 314, 340, 369, 371, 376, 395, 398, 399, 405
- Гильфердинг А. Ф., историк и филолог 25
- Глеб Борисович, боярин новоторжский 182, 263
- Глеб Василькович, с. Василька Константиновича, кн. белозерский и ростовский 194, 195, 198, 296, 411, 413
- Глеб Владимирович, с. Владимира Глебовича, кн. рязанский 203, 209, 211, 214, 217, 267
- Глеб (Давид) Владимирович, с. Владимира Святославича, кн. муромский, св. 36—38, 44, 47, 49, 50, 55, 98, 141, 144, 154, 164, 187, 447
- Глеб Всеславич, с. Всеслава Брячиславича, кн. минский 60, 87
- Глеб Ростиславич, с. Ростислава Мстиславича, кн. смоленский 263
- Глеб Ростиславич, с. Ростислава Ярославича, кн. рязанский 101, 141, 166, 283
- Глеб Святославич, с. Святослава Ярославича, кн. тмутороканский и новгородский 43, 51
- Глеб Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. переяславский (Южного) и киевский 82, 85, 96, 97, 137, 138, 287
- Глебовичи, сыновья Глеба Все-славича, кн. минского 290
- Глинская Елена Васильевна, ж. вел. кн. Василия III Ивановича 388, 468
- Глинские, князья, литовский и московский боярский род 459, 460, 470, 471, 473, 475
- Годунов Борис Федорович, царь русский 427, 428, 481, 482, 484, 489
- Годунов Дмитрий Иванович, боярин московский 428
- Годунов Никита Васильевич, окольный 428
- Годунов Стефан Васильевич, боярин московский 428
- Годунова Анна Петровна, ж. Васильевича (sic!) Годунова 428
- Годуновы, московский боярский род 428
- Голиков И. И., историк 492, 495
- Голова Владимирович см. Ховрин-Головин
- Голохвастов Борис, с. боярский, русский посол в Турцию 453
- Голтяева Мария, ж. Ярослава Владимировича, кн. серпуховско-боровского, теща вел. кн. Василия II Васильевича Тмного 338
- Голубинский Е. Е., историк церкви 277, 314, 425
- Гольшанский (Ольшанский) Иван Юрьевич, кн. 458
- Горсткин Григорий Семенович, (в монаш. Герма), боярин новгородский 335, 342, 358
- Григорий, архиеп. ростовский 330, 347
- Григорий, еп. акраганский, св. 208
- Григорий, митр. киевский 276
- Григорий, митр. янинский 369
- Григорий Карпович, боярин московский 339
- Григорий Протасевич, воевода мценский 331
- Григорий Цамблак см. Цамблак Григорий
- Грушевский М. С., историк 228, 232
- Гудзий Н. К., филолог 16
- Гуревич М. М., исслед. 426
- Гурий, архиеп. казанский 415, 416

- Гусев Владимир Елизарович, с. боярский 376, 381, 384, 385
- Гутенберг Иоанн (Гутемберг Ян), немецкий изобретатель печатного станка 425, 474
- Гюрги, Гюрди см. Юрий Владимирович Долгорукий, Юрий Всеволодович, Юрий Ярославич
- Гюрята Рогович, новгородец 61
- Давид Псалмопевец, царь израильский 209, 238, 311
- Давыд, архиеп. ростовский 485
- Давыд см. Глеб Владимирович, кн. муромский
- Давыдович см. Владимир Давыдович
- Давыдович (339) см. Хромоу Федор Давыдович
- Давыдовича см. Владимир и Изяслав Давыдовичи
- Давыдовичи, потомки кн. Давыда Святославича, кн. черниговского 91, 102, 104, 117
- Давыд Ростиславич, с. Ростислава Мстиславича, кн. смоленский 264
- Давыд Святославич, с. Святослава Ярославича, кн. смоленский и черниговский 62, 63, 101
- Давыд Юрьевич, с. Юрия Владимировича, кн. муромский 202, 203, 214, 222
- Дамиан (Демьян) асийский, св. (память 1 ноября) 304
- Даниил, еп. юрьевский 108
- Даниил, иг. Иосифо-Волоколамского мон-ря, затем митр. всея Руси 374—376, 389—394, 397, 466
- Даниил, пророк (библ.) 236
- Даниил Александрович, с. Александра Ярославича Невского, кн. московский 251, 434
- Даниил Васильевич, с. Василия Ивановича, кн. ярославский 344
- Даниил Заточник, древнерусский писатель 167
- Даниил Переяславский, иг. Троице-Всесвятского мон-ря в Переяславле-Залесском 388, 420, 425, 451, 473, 475
- Даниил (в монаш. Давыд) Феофанович, боярин московский 456
- Дедилец, посол рязанский 159
- Декий см. Деций
- Дементий, печатник вел. кн. Ивана III Васильевича 297
- Дементиян см. Домициан
- Демид Владимирович, с. Владимира Ростиславича, кн. пинский 231, 232
- Демьян см. Дамиан
- Денисьев Феодосий см. Феодосий Дионисиевич
- Деревяга Наум, монах Чудова мон-ря в московском Кремле 343
- Деций (Кай Мессий Квинт Траян), имп. римский 492
- Джелаль-ад-дин-султан (Зелени-Салтан), с. Тохтамыша, хан ордынский 425
- Дианова Т. В., историк 422, 424
- Дионисий, еп., затем архиеп. суздальский 169, 171, 175—178, 180, 188
- Дитмар Мерзебургский, немецкий хронист 23
- Дмитриев Андрей см. Андрей Дмитриевич
- Дмитрий Александрович, с. Александра Ярославича Невского, кн. переяславский (Залесского) и владимирский 196, 197, 263, 411, 412, 430
- Дмитрий Алексеевич, с. царя Алексея Михайловича, царевич 487
- Дмитрий Борисович, с. Бориса Васильковича, кн. ростовский 195, 197, 412, 413
- Дмитрий Васильевич, с. Василия Васильевича, кн. заозерский (из ярославских князей) 328
- Дмитрий Владимирович см. Ховрин Дмитрий Владимирович
- Дмитрий внук см. Дмитрий Иванович, с. Ивана Ивановича Молодого
- Дмитрий Иванович Донской, с. Ивана Ивановича Красного,

- вел. кн. московский 177, 355, 360, 366, 369, 407
- Дмитрий Иванович, с. Ивана III Васильевича, кн. угличский 385, 387, 393
- Дмитрий Иванович (первый), с. царя Ивана IV Васильевича, царевич 404, 405
- Дмитрий Иванович (второй, угличский), с. царя Ивана IV Васильевича, царевич 424, 489
- Дмитрий Иванович (Дмитрий внук), с. Ивана Ивановича Молодого, вел. кн. 349, 380, 383, 384, 498
- Дмитрий (Фома) Константинович, с. Константина Васильевича, кн. нижегородско-суздальский 169—171, 174, 176, 188
- Дмитрий Солунский, св. (память 26 октября) 220, 297, 379
- Дмитрий Юрьевич см. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо
- Дмитрий Юрьевич, с. Юрия Владимировича, родоначальник князей Острожских 231
- Дмитрий Юрьевич Красный, с. Юрия Дмитриевича, кн. галицкий 331
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, с. Юрия Дмитриевича, кн. галицкий и вел. кн. московский 247, 299, 308, 332, 333, 335, 337, 342, 352, 382, 463
- Добрынка, боярин киевский 285
- Довмонт, кн. литовский, затем кн. псковский 295
- Долмат (Далмат), иконописец 396, 406
- Домициан (Тит Флавий), имп. римский 438
- Дорож, воевода владимирский 180, 183, 184, 186, 187
- Дракула см. Влад Цепеш
- Драница Юшка, «литвин», воевода московский 331
- Дьяконов М. А., историк 301
- Дюрги см. Юрий Владимирович Долгорукий
- Дятел, воевода вятский 331
- Евагрий, александрийский философ 443
- Евгений IV, папа римский 306
- Евпатий Коловрат см. Коловрат Евпатий
- Евстафий, церковнослужитель в Херсонесе Крымском (легенд.) 474
- Евтропий, римский историк 440
- Евстигней, еп. владимироволинский 235
- Евфимий, еп. переяславский (Южного) 85
- Евфимий II, архиеп. новгородский 467
- Евфимий суздальский, основатель и иг. суздальского Спасо-Евфимиева мон-ря 484
- Едигей, кн. ордынский 248, 368, 372
- Елена, яска (осетинка), ж. Ярополка Владимировича, кн. киевского 90
- Елена Волошанка, д. молдавского господаря Стефана, ж. кн. Ивана Ивановича Молодого 349
- Елена Ивановна, д. вел. кн. Ивана III Васильевича, ж. Александра Казимировича, вел. кн. литовского и короля польского 399, 434, 473, 475
- Ения (Эней), троянский герой (легенд.) 473
- Епифаний Премудрый, русский писатель конца XIV—начала XV в. 273, 274, 364
- Еремей Глебович, воевода владимирский 183, 224
- Еремин И. П., филолог 232, 233
- Ермолин Василий Дмитриевич, московский поярничик и архитектор 269, 318—320, 335, 343, 344, 351
- Ермолины, московский купеческий род 319
- Еропкин (Яропкин) Афанасий, с. боярский 384
- Еуспасиан см. Веспасиан
- Еустафий см. Евстафий
- Еутропий см. Евтропий
- Ефалиа см. Иффалиа
- Ефрем, архиеп. ростовский 329
- Ефрем, еп. переяславский (Южного) 51, 63, 64, 110, 207

- Ефрон И. А., издатель 81, 179, 256, 260, 268, 348, 354, 451
Ефросиния александрийская (Измарагд), св. 364
- Жадовский** Семсн, воевода вятский 331
Жданов И. Н., филолог 18, 33, 245
Жирслав Михайлович, воевода владимирский 181, 183, 262
Жирслав Яванкович, посадник туровский 92
Жмакин В. М., историк 393
- Забелин** И. Е., историк 139
Замятнин Юрий, воевода московский 394
Замятнин Яков, воевода московский 394
Зарубин Н. Н., филолог 167
Захарьин Юрий Захарьевич, боярин московский 385
Захарьин Яков Захарьевич, боярин московский 383, 427
Зверинский В. В., историк 199, 476
Зелени-Салтан см. Джелаль-аддин-султан
Зимин А. А., историк 398, 469
Зиновий, иг. Троице-Сергиева монастыря 332
Зинов Исавр, имп. Восточной Римской империи 440
Златоуст см. Иоанн Златоуст
Зосима, митр. всея Руси 372
Зотик, св. 439
- Иаков**, ап. (библ.) 237
Иаков, монах, автор «Памяти и похвалы князю Владимиру» 20
Иаков, черноризец, автор «Послания» к ростовскому кн. Дмитрию Борисовичу 195, 412
Иаков Большой, с. Иосифа (библ.) 437
Иван, пустынный, с. короля хорватского (легенд.) 421, 426, 432, 473, 475
Иван Андреевич, с. Андрея Васильевича угличского, кн. 382
Иван Андреевич, с. Андрея Дмитриевича, кн. можайский 332, 333, 342
Иван III Васильевич, с. Василия Васильевича Темного, вел. кн. московский и всея Руси 252, 257, 259, 297, 299, 307, 309, 311—314, 317, 326, 328, 334, 349, 366, 379, 380, 382—384, 386, 388, 396, 427, 431, 445 (ошиб.), 460
Иван IV Васильевич Грозный, с. Василия III Ивановича, царь русский 327, 388, 408, 424, 450, 461, 471, 477, 483, 484, 487, 495, 496, 498
Иван Васильевич, с. Василия Ярославича серпуховско-боровского, кн. 426, 427
Иван Войтишич, боярин киевский 103
Иван Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. стародубский (на Клязьме) 221, 222
Иван Глебович, кн. степаньский 231
Иван Данилович Калита, с. Даниила Александровича, вел. кн. московский 247, 251, 354—356, 381, 427, 450
Иван Дмитриевич, с. Дмитрия (Фомы) Константиновича нижегородско-суздальского, кн. 171
Иван Иванович, с. царя Ивана IV Васильевича, царевич 405, 424
Иван Иванович Красный, с. Ивана Даниловича Калиты, вел. кн. московский 450
Иван Иванович Молодой, с. Ивана III Васильевича, кн. 250, 459
Иван Рогволодович, с. Рогволода Всеславича, кн. полоцкий 264, 289
Иван Спаситель, итальянец, монах-августинец 431
Иван Федорович, боярин московский, послух при духовных грамотах вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского 355 (ошиб. назван Квашниным)

- Иван Юрьевич см. Патрикеев
Иван Юрьевич
Иван Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. 105
Иван Юрьевич (ошиб. Ярославич), вн. Ярослава Святополковича (Михайловича), кн. 292
Ивор (Чапонос), боярин новоторжский 204
Игнатий I, еп. ростовский 124, 140, 194, 197, 198
Игорь, с. Рюрика, кн. Русский 15, 21, 30, 39, 40, 45, 56, 76, 78, 414, 430, 480, 485
Игорь Ольгович, с. Олега Святославича, кн. киевский 84, 85, 91, 100—107, 145, 289, 290 (ошиб. назван Ярославичем), 294
Игорь Святославич, с. Святослава Ольговича, кн. новгород-северский и черниговский 86, 101
Игорь Ярославич (ошиб.) см. Игорь Ольгович
Иеремия, патр. константинопольский 417
Изардан, правнук Афета (легенд.) 484
Изяслав Андреевич, с. Андрея Юрьевича Боголюбского, кн. 140, 143
Изяслав Владимирович, с. Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. курский 62—64
Изяслав Владимирович, с. Владимира Глебовича, кн. рязанский 203, 214, 216—218, 267
Изяслав Давыдович, с. Давыда Святославича, кн. черниговский и киевский 90, 91, 104, 105, 269, 280, 285, 287, 291
Изяслав Мстиславич, с. Мстислава Владимировича, кн. владими́ро-во́лынскій, переяславский (Южного) и киевский 84, 85, 89—96, 98—100, 102, 104—107, 109, 110, 116, 117, 135, 136, 265, 266, 281, 282, 284—286, 290, 292, 294
Изяслав Ярославич, с. Ярослава Владимировича Мудрого, кн. киевский 43, 47—49, 52—54, 60, 61
Иисус Христос 154, 239—241, 445, 472, 474
Иларион, митр. Русский 18, 19, 35, 40, 41
Иларион, монах Киево-Печерского мон-ря 52
Ильинский Г. А., филолог 16, 18
Илья, келарь Троице-Сергиева мон-ря 364
Ингвар Игоревич, с. Игоря Глебовича, кн. рязанский 185, 203, 211, 223
Ингвар (Ингорь) Ингварович, с. Ингвара Игоревича, кн. рязанский 448
Иоаким, патр. александрийский 450
Иоанн см. также Иван
Иоанн, иг. Киево-Печерского мон-ря 54
Иоанн, еп. черниговский 50
Иоанн, папа римский 425, 432, 474, 475
Иоанн I, еп. ростовский 167, 200, 219, 223
Иоанн I, митр. киевский 47
Иоанн II, митр. киевский 50
Иоанн Дамаскин, богослов и поэт 444
Иоанн Златоуст, архиеп. константинопольский 155, 208, 440
Иоанн Комнин (Порфирогенит), имп. византийский 87
Иоанн Малала, византийский хронист 72
Иоанн I Цимисхий, имп. византийский 430, 445
Иоанн II Комнин, имп. византийский 430
Иоанн VIII Палеолог, имп. византийский 314, 485
Иоанн VIII, папа римский (папесса Иоанна) 425, 432, 474, 475
Иоасаф, архиеп. ростовский (из князей Оболенских) 378
Иоасаф (Асаф) Скрипицын, иг. Троице-Сергиева мон-ря, затем митр. всея Руси 388, 389, 397, 408, 487
Иов, патр. всероссийский 416, 417
Иона, архиеп. новгородский 457

- Иона, архим. новгородского Юрьева мон-ря, затем еп. рязанский 387
- Иона, еп. пермский 273, 431
- Иона, еп. рязанский, затем митр. всея Руси 251, 272, 306, 337, 342, 457, 458
- Иосиф (Санин) Волоцкий, основатель и иг. Иосифо-Волоколамского мон-ря 432, 449, 466, 473, 475
- Иосиф, еп. смоленский 249
- Ираклий I, имп. византийский 443
- Ирешский Кулудар, дьяк 271, 332
- Ирина, вел. княг. нижегородская (?) 190
- Ирина (Ингигерда), д. шведского короля Олафа, ж. Ярослава Владимировича Мудрого 240
- Исаия, монах Киево-Печерского мон-ря, затем еп. ростовский 50, 63, 113, 123
- Исаия, пророк (библ.) 165, 166, 441
- Исакий, монах Троице-Сергиева мон-ря 364
- Исидор (Сидор), митр. киевский и всея Руси 272, 276, 301, 302, 306
- Исидор (Сидор) Юрьевский, священник в г. Юрьеве Ливонском, св. 473, 475
- Истрин В. М., филолог 14, 15, 35, 410, 411
- Иуда Искарот, ап. (библ.) 153
- Иустин см. Юстин
- Иустиниан см. Юстиниан
- Иустин Малый см. Юстин II
- Иустин Первый см. Юстин I
- Иффалиа (Ефалиа) диакон, автор Предисловия к «Посланиям» ап. Павла 125
- Казакова Н. А., историк 432
- Казимир IV (Андрей), с. Ягайло, король польский и вел. кн. литовский 301, 312, 350, 458
- Калачев Н. В., историк права 272
- Калуан, с. Мануила I Комнина, имп. византийского 414
- Каракуча, царевич касимовский 464
- Карамзин Н. М., историк 171, 172, 181, 197, 228, 292, 365, 368, 418, 419, 421
- Карась, кн. берендичский 281
- Карлсмазов Симон, монах Кирилло-Белозерского мон-ря 341
- Карпович см. Григорий Карпович
- Карский Е. Ф., филолог 124
- Карьев А., историк 73
- Каштанов С. М., историк 372
- Квашнин Ждан Иванович, с. боярский 356
- Квашнин Мелентий Клементьевич, с. боярский 356
- Квашнин Фома Иванович, с. боярский 356
- Квашнины, московский боярский род 353, 354, 356, 357, 467
- Квашнин-Рубцов Александр Васильевич, с. боярский 357
- Квашнин-Рубцов Андрей Александрович, с. боярский 357
- Квашнин-Рубцов Иван Александрович, с. боярский 357
- Квашня Иван Родионович, с. Родиона Нестеровича, боярин московский 354—356
- Кий, основатель г. Киева (легенд.) 14, 21, 22, 39, 70, 71, 73, 76, 77, 485, 495
- Киприан, митр. киевский и всея Руси 177, 277, 306, 363, 365, 366, 368, 369, 451
- Кир, еп. измирский 440
- Кирилл, архиеп. александрийский 440
- Кирилл, архиеп. ростовский 348
- Кирилл II, еп. ростовский 123—127, 131, 193, 194, 198, 200
- Кирилл III, митр. Русский 194—197
- Кирилл Белозерский, основатель и иг. Кирилло-Белозерского мон-ря 415, 480
- Кирилл (Константин) Философ, просветитель славянский 429, 445
- Клепатский П. Г., историк 278
- Клепиков С. А., археограф 422, 423
- Климент, архиеп. новгородский 295, 411

- Климент (Клим), митр. киевский 108
- Ключевский В. О., историк 139, 140, 173, 272, 273, 356
- Кожух Родион, дьяк митрополичий 306, 307
- Козарин, царь (легенд.) 381
- Козьма, еп. галицкий 290
- Козьма (Кузьма) асийский, св. (память 1 ноября) 304
- Коловрат Евпатий, воевода рязанский (легенд.) 448
- Колотильщиков Алексей, фабрикант 422
- Комарович В. Л., филолог 180, 185
- Кондрат Сомовитович, кн. литовский 229, 234
- Констант II, имп. византийский 443
- Константин, митр. Русский 290
- Константин, с. Товтивила (?), кн. полоцкий 163
- Константин VI, имп. византийский 444
- Константин VII Багрянородный (Порфирородный), имп. византийский 39, 46, 430
- Константин VIII, имп. византийский 430
- Константин XII Палолог, имп. византийский 314
- Константин, протопоп ростовского Успенского собора 325
- Константин Борисович, с. Бориса Васильковича, кн. ростовский 195, 196, 198, 413
- Константин Васильевич, с. Василия Андреевича, кн. нижегородско-суздальский 170—172, 189 (ошиб. назван Константином Юрьевичем)
- Константин Великий, имп. византийский 237, 245
- Константин Владимирович, с. Владимира Глебовича, кн. рязанский 209
- Константин Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. ростовский и владимирский 167, 192, 194, 199, 200, 202, 203, 206, 207, 211, 212, 217, 220—223, 267
- Константин Дмитриевич, с. Дми-
- трия Ивановича Донского, кн. нижегородский и угличский 306
- Константин Юрьевич (ошиб.) см. Константин Васильевич, кн. нижегородско-суздальский
- Копанев А. И., историк 429, 497
- Копык (Копыл) Василий, купец московский, посол на Афон и в Константинополь 455
- Коркунов М. А., историк 421
- Корнилий, митр. тобольский и сибирский 485
- Костомаров Н. И., историк 8
- Косяжко (Константин), боярин черниговский 104
- Котляревский А. А., славист 25
- Кревет (Крефт) Андрей Юрьевич, переводчик Посольского приказа 499
- Кривцов Ивашка, строительный мастер 259
- Кубенские, князья, московский боярский род 415
- Кудальяр, посол астраханский 451
- Кузмище Княнин, автор рассказа о смерти Андрея Боголюбского 145, 150, 153, 158
- Кузьма см. Козьма
- Кукушкина М. В., историк 429, 464, 497
- Куник А. А., историк 51
- Кунцевич Г. З., историк 403
- Курбский Андрей Михайлович, кн., боярин и воевода московский 417, 480
- Курбский Владимир Михайлович, кн., воевода московский 394
- Курицын Иван-Волк Васильевич, дьяк вел. кн. Ивана III Васильевича 300
- Курицын Федор Васильевич, дьяк вел. кн. Ивана III Васильевича 299, 300
- Куря, хан половецкий 62
- Кушева Е. Н., историк 490
- Лаврентий, еп. туровский 129
- Лаврентий, монах, составитель Лаврентьевской летописи 169, 172, 176—181, 187—188, 191, 201, 225

- Лавров Н. Ф., историк 408
 Лавров П. А., филолог 44, 110
 Лазарь, иг. Михайловского Выдубицкого мон-ря в Киеве 50
 Лазарь (Лазорь) Соковский, боярин киевский 103
 Лев Данилович, с. Даниила Романовича, кн. галицкий 228, 230, 244
 Лев Дьякон, византийский хронист 39, 41
 Лев I, имп. Восточной Римской империи 440
 Лев II, имп. Восточной Римской империи 440
 Лев III Исавр, имп. византийский 443, 444
 Лев VI Мудрый, имп. византийский 429, 430
 Левина С. А., историк 398, 470, 471
 Леон, еп. ростовский 128, 146, 286
 Леон, итальянский врач 459
 Леонид (Кавелин Л. А.), археограф 480, 486
 Леонтий, еп. ростовский 75, 113, 122, 123, 127—129, 140, 245, 346
 Леонтия (Феопия, Феония), д. имп. восточно-римского Льва I, ж. патрикия Маркиана 440
 Лихачев Д. С., филолог 9, 18, 19, 33, 82, 132, 133, 138, 145, 256, 296, 297, 323, 324
 Лихачев Н. П., историк 298, 299, 356, 360, 472, 476
 Лука, демественник владимирского Успенского собора 151
 Лука, еванг. (библ.) 216, 318
 Лука, еп. белгородский 50
 Лука, еп. ростовский 122, 294
 Лука, земледелец 452
 Лурье Я. С., филолог 323, 432
 Львов Николай Александрович, русский писатель и издатель 497
 Лыбедь, сестра Кия, Щека и Хорива (легенд.) 485
 Лыко см. Оболенский-Лыко
 Лютер Мартин, церковный реформатор 426, 432, 445, 449, 473, 475
 Маврец, посол имп. германского 401
 Мавро Орбини см. Орбини
 Мавро
 Магдемн, Махмет Емин см. Мухаммед Эмин
 Магмед-Гирей см. Мухаммед-Гирей
 Магнус II Эриксон (Магнуш), король шведский 497
 Магомет см. Мухаммед
 Майко Андрей Федорович, дьяк вел. кн. Ивана III Васильевича 379
 Майков Л. Н., историк 495
 Макарий, архиеп. новгородский, затем митр. всея Руси 254, 326, 336, 354, 357, 358, 364, 390, 391, 393, 408, 420, 461, 462, 465—468, 470, 487
 Макарий, архим. Чудова мон-ря в московском Кремле 318
 Макарий, иг. Желтоводского Троицкого мон-ря 333
 Макарий Калязинский (Матвей Кожин), иг. Калязинского Троицкого мон-ря 415, 480
 Максим, новоторжец 456
 Максим, юродивый, св. 400
 Максим Грек, переводчик и публицист 392, 393, 397, 401, 487
 Максимилиан I, имп. германский 375, 401
 Максимилиан II, имп. германский 426
 Максимович М. А., историк 231
 Мал, кн. древланский 39
 Маленин А. И., филолог 375
 Мамай, темник ордынский 174, 175, 369
 Мамат-Салтан, царевич ордынский 452
 Мамон Григорий Андреевич, боярин московский 308, 314
 Мамук, хан Шибанской Орды 383
 Мамырев Василий, дьяк вел. кн. Ивана III Васильевича 299, 317
 Мансырь-улан, царевич ордынский 296, 345
 Мануил I Комнин, имп. византийский 412, 414
 Марин, еп. юрьевский 60

- Мария, богородица (библ.) 295, 438
- Мария, д. кн. Святослава Ольговича 107
- Мария, ж. Андрея Дмитриевича, родоначальника боярского рода Мамоновых 332, 333
- Мария, ж. кн. Андрея Ивановича серпуховского 366
- Мария (Всеволодая), ж. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 147
- Мария Борисовна (тверянка), первая ж. вел. кн. Ивана III Васильевича 343
- Мария Ярославовна, ж. вел. кн. Василия Васильевича Темного 297, 311, 313, 345
- Марк, иг. мон-ря св. Иоанна в Переяславле Южном, затем еп. переяславский (Южного) 84
- Маркел, еп. переяславский (Южного) 84
- Маркиан, с. имп. Западной Римской империи Анфимия, патрикий 440
- Мартиниан, иг. Троице-Сергиева мон-ря 320
- Масленникова Н. Н., историк 464
- Матфей, еп. сарайский 263
- Матфей, митр. Русский 219
- Махмет см. Улу-Мухаммед
- Махмет-Гирей см. Мухаммед-Гирей
- Махмут-Кирей см. Мухаммед-Гирей
- Медоварцов Михаил, переписчик рукописей 487
- Мейчик Д. М., историк права 348
- Менгли-Гирей (Мингирей), хан крымский 386
- Менгу-Тимур, хан ордынский 196
- Микула, посадник новгородский 355, 356
- Микула (Микулица), причетник владимирского Успенского собора 157
- Милюков П. Н., историк 357
- Мина, еп. полоцкий 64
- Мингирей см. Менгли-Гирей
- Миндовг, вел. кн. литовский 430
- Миронег, старейшина г. Вышгорода 47
- Мирослав, вн. Хилича, боярин киевский 103
- Митрофан, иг. владимирского Рождественского мон-ря, затем еп. владимирский 183, 199, 200
- Митрофан, еп. коломенский 388
- Митяй (Михаил), архим. Новоспасского мон-ря в Москве 177, 271, 369
- Михаил, арханг. (библ.) 103, 255, 294
- Михаил, воевода пинский 231
- Михаил I, митр. Русский 417
- Михаил III, имп. византийский 412, 429, 445
- Михаил Александрович, с. Александра Михайловича, вел. кн. тверской 368
- Михаил Андреевич, с. Андрея Дмитриевича, кн. верейско-белозерский 342, 398
- Михаил Борисович, боярин владимирский 203
- Михаил Борисович, с. Бориса Александровича, вел. кн. тверской 406
- Михаил Всеволодович, с. Всеволода Ольговича, кн. черниговский 205, 262
- Михаил (Кир-Михаил) Всеволодович, с. Всеволода Глебовича, кн. пронский 203, 216 (его жена), 218
- Михаил VII Дука, имп. византийский 65
- Михаил Клопский, монах новгородского Клопского на Веряже мон-ря 357, 457
- Михаил Олелькович, с. Александра (Олелька) Владимировича, кн. киевский 339, 344, 458
- Михаил Темрюкович см. Черкасский Михаил Темрюкович
- Михаил Федорович Романов, царь русский 484, 488, 489, 498
- Михаил (Михалка) Юрьевич, с. Юрия Долгорукого, вел. кн. владимирский 97, 114, 115, 130, 147, 154, 159—164, 287
- Михаил Ярославич, с. Ярослава Ярославича, кн. тверской и вел.

- кн. владимирский 174, 192, 196, 295
- Михалковая, ж. Михаила Юрьевича, вел. кн. владимирского 147
- Мнишек Марина, д. воеводы сан-домирского Юрия Мнишека, ж. Григория Отрепьева (Лже-дмитрия I) 481
- Моисей, пророк (библ.) 126
- Морозов Борис Иванович, боярин московский 423
- Морозов Семен Федорович, боярин Юрия Дмитриевича, кн. звенигородского 270, 271
- Мошкова В., историк 73
- Мошнин Памва, иг. Троиц-Сергиева мона-ря 386
- Мстислав Андреевич, с. Андрея Юрьевича Боголюбского, кн. 82, 150, 287
- Мстислав Владимирович, с. Владимира Святославича, кн. черниговский 38, 40, 51
- Мстислав Владимирович Великий, с. Владимира Мономаха, кн. новгородский и киевский 58, 61, 62, 64, 66, 68, 83, 84, 87, 98, 109, 136, 284, 289
- Мстислав Давыдович, с. Давыда Ростиславича, кн. смоленский 283
- Мстислав Данилович, с. Даниила Романовича, кн. владими-ро-во-лын-ский 229, 232, 234, 235, 238—240, 243—245
- Мстислав Изяславич, с. Изяслава Мстиславича, кн. киевский 85, 88, 93, 96, 280, 285, 286, 291
- Мстислав Изяславич, с. Изяслава Ярославича, кн. новгородский и полоцкий 49
- Мстислав Мстиславич Удалой, с. Мстислава Ростиславича, кн. торопецкий, новгородский и галицкий 203—205, 208, 211, 212, 217
- Мстислав Романович, с. Романа Ростиславича, кн. смоленский 204, 288, 289
- Мстислав Ростиславич, с. Ростислава Юрьевича, кн. ростовский 159—164, 166, 283, 287
- Мстислав Святославич, с. Святослава Глебовича, кн. рязанский 203, 213
- Мстислав Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. 135, 146, 283, 292
- Мстислав Юрьевич, с. Юрия Всеволодовича, кн. 181
- Мстиславичи, потомки кн. Мстислава, с. Владимира Мономаха 84
- Мстиславская Анастасия (Настасья) Петровна, ж. кн. Федора Михайловича Мстиславского 469
- Мстиславский Иван Федорович, кн., боярин московский 489
- Мстиславский Федор Михайлович, кн., боярин московский 469
- Мстища, с. Свенельда (легенд.?) 44
- Мунехин-Мистюрь Михаил Григорьевич, дьяк вел. кн. Василия III Ивановича 327, 466
- Мурзанова М. Н., историк 429, 497
- Муртоза, с. Мустафы, хана казанского 345
- Мусин-Пушкин А. В. 421
- Мусин-Пушкин А. И., обер-прокурор Синода, собиратель 418, 421
- Мусин-Пушкин В. А. 421
- Мусин-Пушкин Иван Алексеевич, судья Монастырского приказа, сенатор 490, 491, 496
- Мустафа, царевич ордынский 352, 359
- Мухаммед II Завоеватель, султан турецкий 314, 425
- Мухаммед-Гирей (Ахмат-Кирей, Магмед-Гирей, Махмет-Гирей, Махмут-Кирей), хан крымский 386, 394, 471, 473
- Мухаммед Эмин (Магдемин, Махмет Емин), хан казанский 383
- Мышкин, строительный мастер 259
- Мюллер Л. (Müller L.), немецкий филолог 19, 26, 35, 243
- Навуходоносор, царь вавилонский 236

- Нажир Переславич, боярин кн. Изяслава Давыдовича 291
- Насонов А. Н., историк 5, 6, 11, 20, 34, 38, 46, 68, 70, 73, 78, 119, 170, 174, 183, 188, 195, 202, 246, 247, 257, 273, 276, 277, 296, 304, 305, 316, 321, 327, 336, 360, 376, 390, 402, 408, 413, 420, 474, 479, 480, 496, 502
- Настасья Мстиславская см. Мстиславская Анастасия
- Наум см. Деревяга Наум
- Некомат, купец-сuroжанин 433
- Нестер Иванов с., колокольный мастер 404
- Нестор, еп. ростовский 123, 127, 128
- Нестор, монах Киево-Печерского мон-ря, писатель и летописец конца XI—начала XII в. 17, 47, 49, 50, 53, 67
- Нидерле Н., чешский историк 25
- Никандр, архиеп. ростовский 348
- Никита, еп. новгородский 64
- Никита, митр. Русский 263, 264, 278
- Никитин Афанасий, тверской купец и путешественник 299, 316, 317, 334
- Никифор, митр. Русский 263
- Никифор I, патр. константинопольский, византийский хронист 195, 410, 411, 413—416, 479
- Никифор II Фока, имп. византийский 430
- Никифор III Ватоннат, имп. византийский 447
- Николаев Юрий, воевода литовский 453
- Николай, архиеп. Мир Ликийских 448, 474
- Николай Немчин, колокольный мастер 451, 473
- Николай Переяславский, иг. мон-ря в Переяславле (Южном) 44
- Никольская А. В., филолог 236
- Никольский Н. К., филолог 16—18, 20, 28, 33, 77, 359, 404, 467
- Никон, иг. Киево-Печерского мон-ря 14, 35, 43—45, 48, 52
- Никон, патр. всероссийский 199, 428, 483, 486
- Никон Радонежский, иг. Троице-Сергиева мон-ря, св. 366—368, 371, 372, 403, 404, 407, 487
- Никон Черногорец, средневековый писатель 321
- Нил, еп. тверской 386
- Нил Сорский, иг. Ниловой пустыни, русский писатель второй половины XV—начала XVI в. 313, 320
- Нифонт, архиеп. новгородский 282
- Нифонт, византийский св. 125
- Нифонт, еп. суздальский 379
- Новгородов см. Селинов
- Новосельский А. А., историк 202
- Ногай, темник ордынский 196, 230, 430
- Ной, праотец (библ.) 293, 483, 486
- Нормантские, дворянский род 360
- Нормантский Федор Кириллович, дворянин 360
- Носилец Яков Юрьевич, окольничий Владимира Андреевича, кн. серпуховского 367
- Оболенские, князья, московский боярский род 359
- Оболенский-Лопата, Федор Васильевич, кн., воевода московский 394
- Оболенский-Лыко Иван Владимирович, кн., боярин московский 312, 313
- Оболенский М. А., археограф, собиратель рукописей 474—476
- Оболенский Семен Иванович, кн., боярин московский 352
- Оболенский-Стрига Иван Васильевич, кн., боярин московский 325
- Образец-Симский Василий Федорович, воевода и боярин московский 396, 406
- Огрофена см. Аграфена
- Олег, кн. Русский 64, 75, 413—416, 429, 480, 485
- Олег Владимирович, с. Владимира Глебовича, кн. рязанский 203, 214—217, 267

- Олег Иванович, с. Ивана Александровича, кн. рязанский 274, 295, 369, 452
- Олег Святославич, с. Святослава Всеволодовича, кн. 147, 291
- Олег Святославич, с. Святослава Игоревича, кн. древлянский 23, 28, 31
- Олег Святославич, с. Святослава Ярославича, кн. черниговский 51, 59, 62—64, 82, 114
- Олелкович см. Михаил Олелькович
- Ольга, ж. Игоря, княг. Русская 15, 22, 26, 28, 35, 39, 40, 42, 46, 140, 445, 501
- Ольгерд, с. Гедимина, вел. кн. литовский 171, 174, 246, 368
- Ольгович см. Игорь Ольгович
- Ольговичи, потомки Олега Святославича, кн. черниговского, черниговские князья 82, 84, 88—90, 102, 117, 202, 203, 284
- Ольшанский см. Гольшанский
- Ондроников см. Андронов
- Онтон см. Антон
- Онуфрий, еп. черниговский 101
- Онучков Н. Е., этнограф 39
- Орбини Мавро, южнославянский историк 497
- Острожские, князья 231
- Острожский Константин Иванович, кн. 231
- Отрепьев Григорий (Лжедмитрий I), самозванец 481, 482, 490
- Оттон Бамбергский, немецкий хронист 25
- Охмут Кичи-ахметевич см. Ахмат, с. Кичи-Ахмета
- Ощера Иван Васильевич, воевода московский 307, 308, 314, 342, 457
- Павел, ап. (библ.) 77, 125—127, 155, 308
- Павел, иг. костромского Богоявленского мон-ря 423
- Павел Высокий, монах Нижегородско-Печерского мон-ря 176, 177, 364
- Павлов А. С., историк церкви 233, 466
- Паисий, монах Ферапонтова мон-ря 487
- Паисий Ярославов, иг. Троице-Сергиева мон-ря 313, 319
- Палецкие, князья, московский боярский род 415
- Палецкий Иван Иванович, кн., воевода московский 361, 385
- Палицын Авраамий, русский писатель XVII в. 487
- Памва см. Мошнин Памва
- Пантелеймон, еп. черниговский 101
- Папэ Ф. (Рарее Fr.), польский историк 313
- Патрикеев Василий (в монаш. Вассиан) Косой (Кривой) Иванович, боярин московский, писатель и публицист XVI в. 383, 389, 487
- Патрикеев Иван Юрьевич, кн., боярин московский 307, 339, 353, 383
- Пафнутий, иг. Рождественского мон-ря под г. Боровском 340
- Пахомий, еп. ростовский 197, 198
- Пахомий Серб (Логофет), русский писатель XV в. 173, 248, 272, 273, 411
- Пекарский П. П., историк 426, 492, 496
- Перемышльский (Перемышский) Иван Михайлович, кн., воевода московский 394
- Перун, восточно-славянское божество 446
- Перфецкий Е. Ю., историк 132
- Перхушков Григорий Михайлович, воевода московский 342, 351
- Петр, еп. переяславский (Южного) 44
- Петр, митр. киевский и всея Руси 258, 269, 276, 399, 484
- Петр, царевич казанский 424
- Петр, царевич ордынский 194
- Петр I Алексеевич, имп. русский 11, 420, 426, 472, 490—499
- Петр Ильич, боярин черниговский 106
- Петр Фрязин см. Фрязин Петр
- Петров Тарас, нижегородский гость 223, 250
- Петухов Е. В., филолог 195

- Пештич С. Л., историк 495
 Пий II, папа римский 306
 Пимин, еп. вологодско-пермский 480
 Пимин, митр. киевский и всея Руси 451
 Питирим, еп. пермский 338
 Питирим, патр. всероссийский 416, 491
 Платонов С. Ф., историк 397, 425, 479, 482, 490
 Племянников Владимир Семенович, дьяк московский, посол к германскому императору 454, 455
 Плещеев Андрей Михайлович, боярин московский 383
 Плещеев Михаил Андреевич, боярин московский 401
 Плещеев-Суббота Иван Андреевич, воевода московский 383
 Подобедова О. И., искусствовед 477
 Подьяпольская Е. П., историк 498
 Покровская В. Ф., историк 429, 497
 Покровский М. Н., историк 246
 Полевский М., владелец Пискаревского летописца 361
 Поленов Д. В., историк 419
 Полидор Вергилий из г. Урбино (Урбинский), итальянский ученый и богослов XVI в. 420, 425, 426, 474, 475
 Полиевкт (Полуект) Васильевич Море, из рода московских бояр Сорокоумовых-Глебовых, русский посол в Царьград 306
 Поликарп, монах Киево-Печерского мон-ря 129, 200
 Поликарпов-Орлов Федор Поликарпович, справщик и директор московской типографии 490—492, 495, 496
 Попов А. Н., историк 436, 442, 482, 489, 491
 Поппе А. (Рорре А.), польский историк 23, 26, 276
 Порфирий, иг. Троице-Сергиева мон-ря 388, 397
 Посивьев Лука, дворянин кн. Василия Ярославича серпуховско-боровского 343
 Потебня А. А., лингвист 66
 Преибор, с. Степана Родивича, дружинник Василька Романовича, кн. владимиристо-волинского 232
 Пресняков А. Е., историк 247, 313, 389, 397
 Приселков М. Д., историк 9, 44, 65, 67, 82, 86, 96, 101, 108, 113, 114, 124, 125, 132, 138, 144, 145, 176, 178—181, 188, 191, 192, 201, 202, 207, 219, 233, 248, 250—252, 256, 258, 260, 284, 296, 305, 363, 365, 369, 468, 469
 Прокопий, слуга кн. Андрея Боголюбского 156
 Протасьев Иван Григорьевич, с. боярский 331
 Протасьева Т. Н., историк 421, 477
 Протопопов А., дьяк Петра I 498
 Радило, боярин киевский 285
 Рай, дворянин литовский 453
 Ратьша, тиун кн. Всеволода Ольговича 289
 Рах Михайлович, дружинник Владимира Васильковича, кн. владимиристо-волинского 234
 Рашид-ад-дин, персидский хронист 184
 Редедя, кн. касожский 40
 Рогнеда, княж. полоцкая, ж. Владимира Святославича, кн. Русского 446
 Родион Несторович, боярин московский, родоначальник боярского рода Квашниных 354—356
 Розанов С. П., филолог 408, 420, 436, 441
 Розенкампф Г. А., историк права 163
 Розов Н. Н., филолог 243
 Роман см. Борис Владимирович, кн. владимиристо-волинский
 Роман Болдыжевич, боярин новгородский 263
 Роман Владимирович, с. Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. владимиристо-волинский 115, 284

- Роман Глебович, с. Глеба Ростиславича, кн. рязанский 202, 203
- Роман Игоревич, с. Игоря Глебовича, кн. рязанский 214—216
- Роман Игоревич, с. Игоря Святославича, кн. новгород-северский и галицкий 288
- Роман Ингварович, с. Ингвара Игоревича, кн. рязанский 185
- Роман I Лакапин, имп. византийский 430
- Роман II Младший, имп. византийский 430
- Роман Мстиславич, с. Мстислава Изяславича, кн. новгородский и галицкий 250, 283
- Роман Ольгович, с. Олега Ингваровича, кн. рязанский 197, 417
- Роман Святославич, с. Святослава Ярославича, кн. тмутороканский 51
- Романов Александр Никитич, боярин московский 484
- Романов Иван Никитич, боярин московский 489
- Романов Федор Никитич см. Филарет
- Романовы, московский боярский род и царская династия в России 482, 484
- Ростислав Владимирович, с. Владимира Ярославича, кн. тмутороканский 43
- Ростислав Всеволодович, с. Всеволода Ярославича, кн. 50
- Ростислав Давыдович, с. Давыда Святославича, кн. 101
- Ростислав Мстиславич, с. Мстислава Владимировича, кн. смоленский и киевский 89, 95, 208, 209, 266, 280, 281, 286, 290, 291
- Ростислав Мстиславич, с. Мстислава Романовича, кн. 233
- Ростислав Рюрикович, с. Рюрика Ростиславича, кн. торчешский 150, 211, 212, 288
- Ростислав Святославич, с. Святослава Глебовича, кн. рязанский 203, 213
- Ростислав Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. переяславский (Южного) 85, 92, 98, 135, 136, 160, 285
- Ростислав Ярославич, с. Ярослава Святославича, кн. муромский 101
- Ростиславичи см. Мстислав Ростиславич и Ярополк Ростиславич
- Ростовский-Темка Иван Иванович, кн., воевода московский 455
- Рублев Андрей, иконописец 372
- Руднев Л. В., архитектор 5
- Рудольф II, имп. германский 426
- Руно Иван Дмитриевич, воевода московский 344, 350
- Рурик см. Рюрик
- Рус, родоначальник русского народа (легенд.) 488
- Русалка Михаил Яковлевич, боярин московский 378
- Русан, монах Борисоглебской пустыни на р. Сухоне 330
- Рыбаков Б. А., историк 6, 20
- Рюрик (Рурик), кн., основатель династии Рюриковичей 75, 412, 495
- Рюрик Ростиславич, с. Ростислава Мстиславича, кн. киевский 150, 206, 232, 262, 280
- Рюриковичи (Рюриков род), династия русских князей 54, 68, 484
- Ряполовский Семен Иванович, кн., боярин московский 350
- Ряполовский-Хрипун Федор Семенович, кн., воевода московский 339
- Саап-Керей см. Саиб-Гирей
- Сабур Федор Иванович, боярин московский 355
- Сабуров Юрий Константинович, боярин московский 317
- Савва Грек, монах афонского Ватопедского мон-ря, переводчик 392, 393, 487
- Савва Звенигородский, иг. звенигородского Савво-Сторожевского мон-ря 485
- Савелий, глава савелианства — религиозного течения внутри христианской церкви 439

- Саиб-Гирей (Саап-Керей), хан казанский 387
- Салимшаг см. Сулейман II
- Салтыков Михаил Глебович, боярин московский 481, 482
- Саранк, татарский воин 175
- Сарра, ж. патр. Авраама (библ.) 391
- Сатмазович см. Тудор Сатмазович
- Свенельд, воевода киевский 44, 45
- Свидригайло, кн. литовский 274
- Святополк Владимирович (Окаянный), с. Владимира Святославича, кн. киевский 36, 37, 47, 165, 209
- Святополк Изяславич, с. Изяслава Мстиславича, кн. владими́ро-волы́нский 282
- Святополк Изяславич, с. Изяслава Ярославича, кн. киевский 54, 57, 59—65, 88
- Святополк Мстиславич, с. Мстислава Владимировича, кн. псковский, новгородский и владими́ро-волы́нский 286
- Святослав Владимирович, с. Владимира Святославича, кн. в Древлянской земле 37
- Святослав Всеволодович, с. Всеволода Ольговича, кн. черниговский и киевский 90—92, 95, 147, 148, 265, 281, 287
- Святослав (Гавриил) Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. юрьевский (Польского) 204, 207, 208, 212, 220—222, 224, 267
- Святослав Глебович, с. Глеба Ростиславича, кн. рязанский 203
- Святослав (Цветослав) Игоревич, с. Игоря Рюриковича, кн. Русский 27, 29—31, 39—42, 430, 434
- Святослав Мстиславич, с. Мстислава Романовича, кн. смоленский 205
- Святослав Мстиславич, с. Мстислава Ростиславича, кн. 283
- Святослав Ольгович, с. Олега Святославича, кн. новгородский и курский 91, 101—107, 146, 281, 282, 285, 289, 290
- Святослав Ростиславич, с. Ростислава Мстиславича, кн. новгородский 283
- Святослав Ярославич, с. Ярослава Владимировича Мудрого, кн. черниговский и киевский 43, 45, 47, 49, 51, 54
- Святослав Ярославич, с. Ярослава Святославича, кн. муромский 101
- Седельников А. Д., филолог 319
- Седи-Ахмет, хан Ногайской Орды 307, 308, 457
- Селиван (Сильван), переводчик и переписчик книг 487
- Селиман см. Сулейман II
- Селинов (Новгородов) Федор, дьяк царя Ивана IV Васильевича 403
- Семен см. Симеон Столпник
- Семен Владимирович, с. Владимира Андреевича, кн. боровский 366
- Семен Дмитриевич, с. Дмитрия (Фомы) Константиновича, кн. нижегородско-суздальский 190
- Семен Иванович, с. Ивана III Васильевича, кн. калужский 454, 455
- Семен Мстиславич, кн. вяземский 274
- Семен (до крещения Лугвень) Ольгердович, с. Ольгерда Гедиминовича, кн. литовский 370
- Семен Тонилович, боярин костромской 196
- Семенов см. Ряполовский-Хрипун Федор Семенович
- Серапион, еп. владимирский 167, 195, 197, 198, 333
- Серапион I, архиеп. новгородский 386, 415, 466—468
- Сербина К. Н., историк 348, 349, 374, 395
- Сергий, архиеп., историк церкви 26
- Сергий Радонежский, основатель и иг. Троице-Сергиева мон-ря, св. 273, 320, 363—369, 371, 372, 386, 403, 404, 407, 415, 451, 480, 485, 487

- Серебрянский Н. И., филолог 22, 144, 327
- Сигизмунд II Август, король польский и вел. кн. литовский 425
- Сидор см. Исидор Юрьевский
- Сидор, митр. см. Исидор, митр. киевский и всея Руси
- Сильвестр, иг. киевского Михайловского Выдубицкого мон-ря, затем еп. переяславский (Южного) 51, 58, 61, 67, 81, 83
- Сильвестр I, папа римский, св. 439
- Сим, с. Ноя (библ.) 66, 72, 73
- Симеон, еп. рязанский 311
- Симеон, еп. суздальский 386
- Симеон, еп. тверской 198
- Симеон (Семен) Столпник, св. (память 1 сентября) 364
- Симон, еп. владимирский 129, 200, 223
- Симон Чиж, иг. Троице-Сергиева мон-ря, затем митр. всея Руси 317, 370, 373, 374, 379, 380, 383, 384, 389, 401, 415, 480
- Сиф, с. Адама, праотец (библ.) 412
- Скилица, византийский хронист 41
- Скиф, правнук Афета (легенд.) 484, 488
- Скомонд, литовский волхв 231
- Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич, директор Морской Академии, обер-прокурор Синода, писатель 496, 497
- Словен, родоначальник русского народа (легенд.) 488
- Смирнов С. И., историк церкви 195, 198
- Снегирев И. М., историк 425
- Собакин Никифор Сергеевич, воевода псковский 360
- Собольевский А. И., филолог 28, 125, 426
- Сокал, кн. половецкий 48
- Соковнин Алексей Прокофьевич, окольничий 493
- Соковский Лазарь см. Лазарь Соковский
- Соколов Б. М., фольклорист 39
- Соколов Ю. М., фольклорист 39
- Сологуб (Салогубович) Юрий Глебович, воевода смоленский 456
- Соломон, царь израильский (библ.) 25, 238
- Соломонида (Соломония), д. боярина московского Юрия Константиновича Сабурова, первая ж. вел. кн. Василия III Ивановича 317, 386, 388, 389, 391, 392
- Солтан, с. Седи-Ахмета, хана ногайского 307
- София, д. вел. кн. литовского Витовта Кейстутовича, ж. вел. кн. московского Василия Дмитриевича 274, 343
- София, ж. имп. византийского Юстиниана II 441, 442
- София (Зоя) Палеолог, вторая ж. вел. кн. Ивана III Васильевича 302, 314, 388, 399
- Софья Алексеевна, д. царя Алексея Михайловича, царевна 494, 498
- Сперанский М. Н., филолог 141
- Срезневский В. И., филолог 28
- Срезневский И. И. филолог 8, 21, 124, 128, 141
- Станислав (Веньслав), еп. краковский 426, 473, 475
- Степанов Н. В., историк 412
- Стефан Баторий, король польский 484
- Стефан Бородатый см. Бородатый Стефан
- Стефан Храп, еп. пермский 273, 274, 301, 372
- Стрига см. Оболенский-Стрига
- Строев В. Н., историк 25
- Строев П. М., археограф 249, 358
- Судимант (Судимонт) Иван Кондратьевич, наместник костромской 427, 476
- Сук Василий 331
- Сулейман II Великолепный (Селиман, Селимшаг), султан турецкий 425, 453
- Сухомятинов М. И., филолог 8
- Суший (Сухой) Иван Агафонович, дьяк вел. кн. Ивана III Васильевича 325, 326
- Таксиот, воин из Карфагена 443
- Талыч, царевич ордынский 452

- Тарас Петров, нижегородский гость 170, 190
- Тарасий, еп. рязанский 467
- Татищев Василий Мунт, с. боярский 464
- Телебуга, кн. татарский 230
- Темир Кутлуй, хан ордынский 434
- Темка-Ростовский см. Ростовский-Темка
- Тиверий Константин, имп. византийский 442
- Тит, воевода берестейский 235
- Тихомиров И. А., историк 361
- Тихомиров М. Н., историк 9, 20, 21, 57, 163, 255, 276, 277, 359, 414, 422, 474
- Тихон, архиеп. ростовский 314, 348, 373, 374, 376, 379, 389, 405
- Тохтамыш, хан ордынский 314, 450
- Траханиот Юрий Дмитриевич, печатник и казначей вел. кн. Ивана III Васильевича и вел. кн. Василия III Ивановича 298
- Траян (Марк Ульпий), имп. римский 438
- Трифон (Труфан), архиеп. ростовский 322, 324, 325, 328, 329, 331, 332, 334, 339, 351, 373, 374
- Трифон, иг. Кирилло-Белозерского мон-ря 337
- Тройден, кн. литовский 244
- Тудор, тиун кн. Всеволода Ольговича 289
- Тудор Сатмазович, кн. берендичский 281
- Туча Михаил, посадник новгородский 342
- Тучков (Тучко) Василий Борисович, боярин московский 317—318
- Тучков Василий Михайлович, с. боярский, русский писатель XVI в. 357, 358, 467
- Тучков (Тучко) Иван Борисович, боярин московский 317—318
- Тучков Михаил Васильевич, боярин московский 358
- Тучковы, московский боярский род 353
- Тушин Григорий, монах и иг. Кирилло-Белозерского мон-ря 353
- Украинцев Емельян Игнатьевич, думный дьяк Посольского приказа 494
- Улеб, киевский тысяцкий 103
- Улу-Мухаммед (Махмет, Улу-Ахмед), хан ордынский, затем хан казанский 372, 452
- Ульяна, ж. Семена Мстиславича, кн. вяземского 274
- Ухтомский Василий Иванович, кн. 318, 406
- Ушаков Владимир Данилович, боярин 191
- Федор, еп. владимирский 197
- Федор (Феодорец), еп. ростовский 128, 142
- Федор Борисович, с. Бориса Федоровича Годунова, царь русский 481
- Федор Владимирович, с. Владимира Андреевича серпуховского, кн. 366
- Федор Владимирович, с. Владимира Ростиславича, кн. пинский 232
- Федор Дмитриевич, с. Дмитрия Васильевича, кн. заозерский (из ярославских князей) 329
- Федор Иванович, с. царя Ивана IV Васильевича Грозного, царь русский 424, 425, 481, 484, 485, 489
- Федор Ростиславич Чермный, с. Ростислава Мстиславича, кн. смоленский и ярославский 196, 325, 331, 338, 415, 417, 480
- Федор Ярославич, с. Ярослава Всеволодовича, кн. 205
- Федоров Г. Б., археолог 277
- Феодор еврей, крещеный песком 439
- Феодора, ж. имп. византийского Феофила 445
- Феодорец см. Федор, еп. ростовский
- Феодосий, иг. Киево-Печерского мон-ря (XI в.) 43—45, 48, 49, 52—54, 59, 110

- Феодосий II Малый, имп. Восточной Римской империи 440
 Феодосий Бывальцев, архим. Чудовского мон-ря в московском Кремле, затем архиеп. ростовский и митр. всея Руси 272, 273. 329, 343, 369, 405
 Феодосий Дионисиевич (Денисьев Феодосий), иконописец 370, 456
 Феодосия, д. вел. кн. Ивана III Васильевича 340
 Феодосия константинопольская, св. 449
 Феодул, иг. владимирского Успенского собора 156. 157
 Феоктист, иг. Киево-Печерского мон-оя, затем еп. черниговский 59, 60
 Феопия (Феония) см. Леонтия
 Феофил. архиеп. новгородский 298, 345, 395
 Филарет (до пострижения — боярин Федор Никитич Романов), патр. всероссийский 479, 483, 488—490
 Филарет (Гумилевский), историк церкви 333
 Филипп, ап. (библ.) 171. 201
 Филипп (Маок Юлий), имп. римский 438
 Филипп. митр. всея Руси 250, 254, 255, 259, 272, 273, 369. 405. 491
 Филипп Колычев, митр. всея Руси 483—485
 Филофей, патр. византийский 174
 Филофей, монах псковского Елизаарова мон-ря, русский писатель XVI в. 327, 328. 334
 Фотий, митр. киевский и всея Руси 270, 271, 276—278, 306, 345, 368, 369. 452
 Фрязин Петр, архитектор 189
 Халанский М. Г., историк 272
 Хам. с. Ноя (библ.) 66. 72. 73
 Хивуд Э. (Heawood E.), составитель альбома бумажных водяных знаков 423
 Хиридан, царь израильский (легенд.) 475
 Ховрин Владимир Григорьевич, купец и боярин московский 342
 Ховрин Дмитрий Владимирович, боярин московский 379, 406
 Ховрин-Головин Иван Голова Владимирович, купец и боярин московский 396, 406
 Хоздрой см. Хосров
 Холмский Даниил Дмитриевич, кн., воевода московский 340, 427 (ошиб. назван Даниилом Даниловичем)
 Холмский Михаил Дмитриевич, кн., боярин тверской 406
 Холопищев Григорий Владимирович, воевода московский 355
 Хомутов, с. боярский 406
 Хорив, брат Кия (легенд.) 14, 70, 71, 73, 76, 77, 485
 Хосров II Парвез (Хоздрой), царь персидский 429
 Христос см. Иисус Христос
 Хромой Федор Давыдович, воевода московский 339
 Хрущев И. П., филолог 144
 Цамблак Григорий, митр. киевский 270, 276
 Царский И. Н., собиратель 254, 255
 Цветослав см. Святослав Игоревич
 Цыклер Иван Елисеевич, думный дворянин 493
 Цымынский см. Иоанн Цимисхий
 Челяднин Андрей Федорович, воевода московский 383
 Челяднин Петр Федорович, воевода московский 309
 Челядня Михаил Андреевич, боярин московский 355
 Черепнин Л. В., историк 20, 233, 247, 250, 299, 314, 319, 381, 449, 469, 472, 479
 Черкасский Михаил Темрюкович, кн., боярин московский 417
 Чермный см. Всеволод Святославич Чермный
 Черный Даниил, иконописец 372

- Чертков А. Д., собиратель 420, 421
- Черторыйский Александр Васильевич, с. Василия Константиновича, потомок вел. кн. литовского Ольгерда 332
- Чет-Захарий, родоначальник (легенд.) боярского рода Сабуровых-Годуновых 427, 428, 476
- Шаагалий см. Шах-Али**
- Шавсен-Сеит, казанский посол 401
- Шафиров Петр Павлович, русский дипломат, вице-канцлер 494
- Шах-Али (Шаагалий, Шига-лей), хан казанский 387, 453
- Шахматов А. А., филолог 9, 13—15, 17—19, 21—24, 27—29, 31, 33, 35, 44, 45, 48, 51—54, 58, 61, 62, 65, 67, 72, 77, 80, 81, 95, 108, 110, 115, 125, 132, 149, 150, 157, 159, 179, 187, 188, 201, 212, 227, 228, 248, 250, 251, 254—257, 260, 261, 268, 269, 272, 279, 296, 317, 318, 321—324, 336, 348, 354, 360, 376, 377, 389, 397, 407, 408, 411, 412, 419, 420, 426, 431, 433, 436, 451
- Шварн, воевода киевский 91
- Шваон Данилович, с. Даниила Ромоновича, кн. галицкий 244
- Шейн Алексей Семенович (А. Ш.), боярин и воевода Петра I 499
- Шемяка см. Дмитрий Юрьевич Шемяка
- Шемячич см. Василий Иванович Шемячич
- Шереметьев Михаил Борисович, дипломат 494
- Шиахмат, посол оодынский 450
- Шигалей см. Шах-Али
- Шмидт С. О., историк 299, 418
- Шуйские, князья, московский боярский род 360, 471
- Шуйский Василий Васильевич, кн., воевода московский 394
- Шуйский Василий Иванович, царь русский 425, 427, 481, 482, 488—490
- Шек, брат Кия (легенд.) 14, 70, 71, 73, 76, 77, 485
- Щекатов А., писатель и переводчик 346
- Щепкина М. В., историк 421
- Эйнеолинг И., издатель 197, 228, 292, 418
- Юлиан (Флавий Клавдий) Отступник, имп. римский 339
- Юрий Андреевич, с. Андрея Федоровича, кн. ростовский 347
- Юрий (Георгий) Васильевич, с. вел. кн. Василия III Ивановича, кн. угличский 424
- Юрий Васильевич, с. Василия Васильевича Темного, кн. дмитровский 307, 309, 312, 313, 343
- Юрий Владимирович, с. Владимира Глебовича, кн. пинский 231, 232
- Юрий (Георгий, Гюрги, Гюрди, Дюрги) Владимирович Долгорукий, с. Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. ростово-суздальский и киевский 80, 81, 87, 90, 92—94, 98, 99, 104—107, 109, 113—121, 135—137, 154, 159, 219, 224, 266, 282, 285, 293, 450
- Юрий (Георгий, Гюрги) Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. владимирский 167, 180, 181, 183, 185—187, 189, 192, 194, 198—200, 202, 203, 205, 206, 208—212, 217—225, 287
- Юрий Дмитриевич, с. Дмитрия Ивановича Донского, кн. звенигородский и московский 270, 381
- Юрий Захарьич см. Захарьин Юрий Захарьевич
- Юрий Иванович, с. Ивана III Васильевича, кн. дмитровский 383, 424
- Юрий Игоревич, с. Игоря Глебовича, кн. рязанский 203
- Юрий Львович, с. Льва Даниловича, кн. галицкий 233
- Юрий Николаев см. Николаев Юрий

- Юрий Олексич, боярин новгородский 262
- Юрий Салогубович см. Сологуб
- Юрий Святославич, с. Святослава Ивановича, кн. смоленский 274
- Юрий (Гюрги) Ярославич, с. Ярослава Святополковича, кн. туровский 92
- Юрьевичи см. Всеволод Юрьевич
- Большое Гнездо и Михаил (Михалка) Юрьевич
- Юстин I, имп. византийский 441
- Юстин II (Малый), имп. византийский 441, 442
- Юстиниан I (Флавий Петр Савватий), имп. византийский 441
- Яблоков А., краевед 404
- Яблонский В., филолог 273
- Ягайло Ольгердович, с. Ольгерда Гедиминовича, король польский и вел. кн. литовский 345
- Яким, слуга кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 152, 153
- Яким, тиун кн. Ярослава Всеволодовича 205
- Яким Влункович, боярин новоторжский 263
- Яков см. также Иаков
- Яков доктор, посол германского имп. 401
- Яков Захарьич см. Захарьин
- Яков Захарьевич
- Яков Прокофьевич, воевода новгородский 330
- Яковлева О. А., историк 360, 361
- Якубовский А. Ю., историк 73
- Ян см. также Иоанн
- Ян Вышатич, воевода киевский 44, 45, 55, 59
- Янчюра Дуван, крымский посол 401
- Яоопкин см. Еропкин
- Ярополк Владимирович, с. Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. переяславский (Южного) и киевский 83, 84, 88—90, 98, 109, 110, 115—117, 284, 289
- Ярополк Изяславич, с. Изяслава Владимировича, кн. владимироволынский 49, 52
- Ярополк Романович, с. Романа Ростиславича, кн. смоленский 159
- Ярополк Ростиславич, с. Ростислава Юрьевича, кн. владимирский 147, 159—164
- Ярополк Святославич, с. Святослава Игоревича, кн. киевский 38
- Ярослав (в крещ. Афанасий) Владимирович, с. Владимира Андреевича серпуховского, кн. боровский 366
- Ярослав (в крещ. Георгий) Владимирович Мудрый, с. Владимира Святославича, кн. Русский 18—21, 23, 24, 32—42, 44—48, 50, 56, 154, 235, 238, 240, 242, 243, 447, 501
- Ярослав Владимирович, с. Владимира Мстиславича, кн. новгородский и псковский 283
- Ярослав Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. переяславский (Залесского) и владимирский 167, 192—194, 198, 199, 203—205, 208, 209, 211, 212, 214, 217, 221—223, 267
- Ярослав Изяславич, с. Изяслава Мстиславича, кн. луцкий 97, 282
- Ярослав Святополкович, с. Святополка Изяславича, кн. владимироволынский 88, 99, 289
- Ярослав Святославич, с. Святослава Ярославича, кн. черниговский 263, 264
- Ярослав Ярополкович, с. Ярополка Изяславича, кн. берестейский 60
- Ярославичи, сс. Ярослава Владимировича Мудрого Изяслав, Святослав, Всеволод 56, 57
- Ясинский А. Н., историк 298, 299
- Яцимирский А. И., филолог 277

Указатель географических и этнографических названий*

- Агаряне, общее название мусульманских и вообще нехристианских народов; здесь — казанские татары 404
Агняне (англяне, англичане), нар. 66—68
Агнянская (английская) земля 66
Адрианополь, г. на Балканском п-ове 453
Азов, г. 453, 487, 493
Алексин, г. на р. Оке 309, 310, 386 (его волости), 458
Альта (Лта), р. в Переяславском (Южном) княж., приток р. Трубежа 98, 99, 290
Амстердам, г. 498
Англяне см. агняне
Арский городок, г. в Арской (Удмуртской) земле 404
Астрахань, г. 425, 451
Афонская гора (Афон), п-ов в Греции, религиозный центр 369, 394
Балканский п-ов 41
Балтийское море 73, 496. См. также Варяжское море
Бежицкий Верх, г. и вол. 332
Белая Россия (Белоруссия) 472
Белгород, г. близ Киева на р. Ирпени, 280, 285, 291, 446
Белгород (Аккерман, Монкастро), г. на р. Днестре 453
Белев, г. на р. Оке 372
Белехово поле, местн. между Москвой и Владимиром 147
Белз, г. к западу от верховьев р. Западный Буг 38, 226, 433 (Бел, ошибочно?)
Белое озеро 74
Белоезеро, г. и территория 74, 314, 328, 332, 375, 399
Берендеи, нар. 84, 86, 93, 97, 115
Берестье (соврем. Брест), г. 42, 229
Берешты, г. в Великом княжестве Литовском 456
Билярск, районный центр Татарской АССР 143
Боголюбов, г. близ г. Владимира на р. Клязьме 149—151, 153, 158, 159, 166, 223

* Сокращения, принятые в указателе: бывш.— бывший, вол.— волость, вост.-слав.— восточно-славянский, г.— город, гг.— города, гос-во — государство, губ.— губерния, дер.— деревня, жит.— жители, княж.— княжество, креп.— крепость, легенд.— легендарный, литов.— литовский, местн.— местность, мон.— монастырь, нар.— народ, обл.— область, о-в — остров, оз.— озеро, п-ов — полуостров, р.— река, с.— село, сел.— селение, соврем.— современный, терр.— территория, уроч.— урочище.

Указатель составлен В. А. Кучкиным.

- Болгария (Болгарская, Дунайская земля) 75, 430
- Болгары (дунайские), нар. 75, 444
- Болгары серебряные см. Булгары волжские
- Болдины горы, мест. под г. Черниговом 43
- Болдыж лес, мест. между гг. Путивлем и Корачевым 105
- Болохов, г. в Подольской земле 93
- Болтино, с. в Ярославском княж. 330
- Большое село, с. в бывш. Ярославской губ. 330—331
- Бохом (Богемия) см. Чехия
- Бронь, г. в «Русской земле» 83
- Бряхимов, г. в Волжской Булгарии на р. Каме 143
- Буг (Южный), р. 69
- Бужане, вост.-слав. племя 69, 73
- Булгар (Болгар) г. в Волжской Булгарии 274
- Булгары волжские (серебряные), нар. и страна 87, 113, 115, 118—120, 130, 142, 143, 148, 211, 223, 224
- Вазуза, р., приток р. Волги 140
- Варвары, племя 438
- Варяги, нар. 23—26, 31, 66—68, 73, 77, 446, 502
- Варяжское (Балтийское) море 66
- Василев, г. на р. Стугне, близ Киева 446
- Великая Россия (Великороссия) 472, 486
- Великий город, столица Волжской Булгарии 143, 148, 224
- Венгрия см. Угры
- Венецицы, жители г. Венеции 66, 68
- Весь, нар. 69, 74
- Византия (Греческая земля), страна 18, 32, 411, 412, 430, 477
- Вильна, г., столица Великого княжества Литовского 456
- Висла, р. 235
- Витичевский брод, брод через р. Днепр у г. Витичева 94
- Владимир-Волынский, г. 88, 89, 226, 229, 232, 233—235, 239, 243, 244, 280—282, 284, 289
- Владими́ро-Волы́нское кня́жество (область) 226, 245
- Владимир (Залесский), г. в Ростово-Суздальской земле на р. Клязьме 31, 62, 81, 110, 114, 120, 122, 128, 129, 132, 133, 137—141, 143, 147—149, 154, 156, 157—162, 166, 167, 171, 176, 178, 183, 186—188, 194—200, 203, 208, 210, 212, 217—221, 223—225, 264 (?), 280, 286—288, 344, 357, 368, 427, 446, 447, 450—452
- В нем:
- Кремль 368
- Ворота в кремле:
- Волжские 181, 262—263
- Иринины (Оринины) 181
- Золотые 142, 181, 287
- Медные 181, 262
- Серебряные 157
- Владимирское Великое княжество, главное княж. в Северо-Восточной Руси в XII—XIV вв. 192, 198, 226, 230 («земля Володимирская»), 275
- Вогуличи, нар. 338
- Волга, р. 72—74, 109, 117, 120, 172, 173, 177, 186, 330, 343, 344, 350, 406, 416
- Волковыск, г. 229
- Вологда, г. 329, 330, 366, 378, 395, 480
- Вологодский уезд 375
- Волок Ламский, г. и вол. 222, 283, 297, 313, 355, 356
- В волости:
- Новгородская половина 355
- Волохи, нар. 66, 434
- Волочек (Вышний), г. в Новгородской земле 297
- Волошская (итальянская) земля 66
- Волхов, р. 72, 460
- Волыняне, вост.-слав. племя 69
- Воронаж, г. (?) в Рязанском княж. 185
- Вороты́нск, г. юго-западнее г. Калуги 400
- Воря, р., приток р. Клязьмы 374
- Восточная Русь см. Северо-Восточная Русь
- Восточно-Европейская равнина 38, 42, 46, 72, 112, 226

- Вручий, г. в Древлянской земле, позднее — в Киевском княж. 23, 31, 262
- Всесловож, г. во Владимиро-Волынском княж. между гг. Владимиром Волынским и Бродами 234
- Всесловож, г. в Черниговском княж. 280
- Всходня, р., приток р. Москвы 355—357
- Вьюлки, вол. Переяславль-Залеского уезда 355
- Выбор (Выборг), г. 383, 494, 496
- Вырь, г. на р. Выри в Переяславском (Южном) княж. 291
- Вышгород, г. в Киевском княж. 36, 46, 47, 89, 93, 128, 136, 141, 143, 144, 157, 158, 164, 285, 501
- Вятичи, вост.-слав. племя 70, 75, 76
- Вятка (Север), земля и гг. по р. Вятке 309, 315, 396
- Галицко-Волынское княжество (край, земля, Юго-Западный край) 95, 226, 233, 246
- Галицкое княжество (земля) 226, 276
- Галич, г. 96, 205, 208, 211, 212, 226, 244, 277, 288—290
- Галич (Мерский), г. 457
- Галичане (галлы?), нар. 66
- Голенищево, с. под Москвой 368
- Голубино, с. между Москвой и Владимиром 218
- Голые горы, местн. в Галицко-Волынской Руси, недалеко от г. Звенигорода 100, 285
- Голядь, литов. племя 48
- Гомий (соврем. Гомель), г. на р. Соже 280
- Городен (соврем. Гродно), г. 233
- Городец (Остерский), г. на р. Остре 100
- Городец (Радилов, или Волжский), г. на р. Волге 174, 200, 223, 224
- Горынь, р., приток р. Припяти 231
- Готы, жит. о-ва Готланд на Балтийском море 66, 67
- Греки, нар. и страна 13, 15, 18, 22, 25, 26, 32, 41, 43, 56, 64, 73—75, 415, 480, См. также Византия
- Греческая земля см. Византия
- Гурьев, г. на р. Яике (Урале) 493
- Гюргев см. г. Юрьев на р. Роси
- Двина (Западная), р. 72—74
- Двина (Северная), р. 488
- Двинские земли (Двинский Север, Заволочье, Подвинье), терр. по р. Северной Двине 51, 347, 349
- Дебрянск (Брянск), г. 352
- Деревская земля см. Древлянская земля
- Десна, р. 72
- Деулино, с. близ Троице-Сергиева мон. 487
- Димотих (Димотика), г. в Малой Азии 453
- Дмитров, г. на р. Яхроме 120, 183, 282, 366
- Днепр, р. 39, 72—74, 85, 86, 94, 95, 99, 453
- Днестр, р. 72
- Добрый, с. на р. Истье в Рязанской земле 206
- Дон, р. 452, 453
- Дорогожич, местн. между гг. Киевом и Вышгородом 93
- Древляне (дерева, деревляне), вост.-слав. племя 40, 42, 45, 46, 69, 73, 75, 445, 501
- Древлянская (Деревская) земля, терр. древлян 33, 34, 40, 42—44
- Древнерусское (Киевское) государство 5, 10, 12, 13, 19, 35, 42, 46, 56, 65, 68—71, 73—75, 78, 79, 501
- Древняя Русь 198
- Дреговичи, вост.-слав. племя 69, 73
- Дулэбы, вост.-слав. племя 75
- Дунай, р. 72, 75, 453
- Евреи, нар. 439, 444
- Европа Восточная 69, 495
- Еллины вечерние, римляне 422, 473
- Емь, финское племя 38, 282

Ждана гора, местн. в Ростово-Суздальской земле, близ р. Кубры 109, 117—119, 282
Желянь, местн. близ г. Киева 291

Заволочье см. Двинские земли
Заозерье (Заозерское княж.), часть Ярославского княж. 329, 345

Западная Русь 275—277

Зараский Никола (ныне Зарайск), г. на р. Осетре 453

Звенич бор, местн. у р. Волги, в пределах Казанского ханства 351

Зимигола, нар. 69

Идша (Ишня), р. в Ростовской земле 222

Иерусалим, г. в Палестине 165, 166

Израиль, нар. и страна 126

Изяславль, г. близ г. Минска 291

Иллирик, обл. на Балканском п-ове 16

Индия, страна 299

Италия (Римская страна) 473

Казанское царство (ханство) 415

Казань, г. 274, 343, 344, 350, 383, 389, 400, 402—404, 406, 415, 416, 481

Калиш, г. в Польше 494

Калка, р. 208, 422, 448

Кама, р. 143, 274, 346

Кандолажская губа, на Белом море 461

Канев, г. на р. Днепре 93, 99, 292

Каспийское море 73

Кашин, г. на р. Кашинке, притоке р. Волги 480

Кашира, г. на р. Оке 384

Кафа (соврем. Феодосия), г. в Крыму 453

Киев, г. 10, 14, 21, 23, 29—31, 33, 37, 39—51, 53, 54, 57—60, 62, 63, 65, 70, 71, 75, 76, 79, 81, 82, 84—87, 89, 91—94, 97—104, 108, 111, 115, 118, 134—138, 145, 146, 148, 150, 158, 162, 175, 195, 202, 203, 205, 206, 208, 233, 239, 246,

262, 264, 265, 275, 277, 280, 284, 284—286, 288, 290—292, 301, 356, 429, 445, 446, 480, 485, 492, 501, 502

В нем:

Боричев взвоз (с Подола на Гору) 433

Копырев конец 47

Турова божница 102

Ярославов двор 102

Киевская земля см. Киевское княжество

Киевская область см. Киевское княжество

Киевская Русь 44, 141, 275, 301, 502. См. также Древнерусское гос-во

Киевское государство см. Древнерусское гос-во

Киевское княжество (Киевская земля, область, Киевщина) 34, 38, 42, 93, 113, 195, 211, 412, 501

Клешино, оз. 74, 121

Клязьма, р., приток р. Оки 181, 198, 262

Козельск, г. 181, 184

Козлов брод (через р. Оку) 309

Кола, р. на Кольском п-ове 462

Коломна, г. на р. Москве 183—186, 217, 307, 311, 331, 352, 353, 457, 487

Константинополь см. Царьград

Корелы, нар. и страна 263

Корсунь, г. на р. Роси 86

Корсунь (Херсонес), г. в Крыму 27, 29—31, 446, 448, 474

Корсь, нар. 69

Кострома, г. на р. Волге 222, 352, 423, 426, 427, 476

Котельницы, г. в верховьях р. Ирпени, притоке р. Днепра 290

Краков, г. в Польше 228, 244, 426, 473, 475

Кривичи, вост.-слав. племя 74, 76, 412

полоцкие 100

смоленские 72—74

Крым (Крымское ханство) 386

Крынза, р. 191

Кубенское озеро 329, 375

Кулакша (Колокша), р., приток р. Клязьмы 147

Курмыш, г. на р. Суре, притоке
р. Волги 191
Курск, г. на р. Трускори, при
впадении ее в р. Сейм 62, 98,
100, 104, 105
Курское княжество 193
Кучково, второе название
г. Москвы 147

Ладога (Старая), г. на р. Вол-
хове 283

Латиняне (латыне), общее назва-
ние католических народов 447

Ленинград, г. 10, 353, 372, 381,
472, 483, 497

Лесная, дер. (теперь — в Могиле-
вской обл.) 494

Либы (Любы), нар. 69

Липицы, местн. близ г. Юрьева-
Польского 200

Литва (Литовское государство,
Литовская земля), нар. и стра-
на 69, 88, 171, 173, 205, 207,
211, 231, 232, 244—247, 249,
275—277, 300, 301, 308, 312,
333, 341, 352, 355, 370, 377,
386, 400, 406, 427, 453, 458,
468, 489

Лифляндия, страна 417

Логожск, г. в Полоцкой земле
100

Лопляне (лопы, лопари), нар.
461, 462

Лта см. Альта

Луки (Великие), г. на р. Ловати
283

Лудк, г. на р. Стыре, притоке
р. Припяти 289

Лыбедь, р. в Киеве 137

Любеч, г. на р. Днепре 280

Любутск (Лобыньск), г. в Рязан-
ской земле на устье р. Поротвы
274

Ляхи, нар. и страна 16, 66, 70,
87, 99, 115, 118, 280, 289. См.
также Поляки

Мажево, с. в Переяславской
(Южной) земле 99

Малая Россия (Украина) 472.
См. также Русь Малая

Медвежья голова (Оденпэ),
г. в земле эстонской чуди 262,
283

Меря (меряне), нар. 69, 72, 74—
75, 129

Минск, г. 87, 115, 117

Можайск, г. на р. Москве 332

Молдавия (Молдавская земля),
страна 227

Монастыри:

Борисоглебский на р. Сухоне
330

Во Владимире-на-Клязьме (За-
лесском):

Рождественский 129, 178,
199, 200, 201, 220, 225,
368

В Волоке Ламском:

Возмицкий Рождественский
388, 393

Иосифо-Волоколамский (Во-
лоцкий, Иосифов) 370, 386,
392, 393, 400, 466, 487

Высоцкий, близ г. Серпухова
365, 368

В Вышгороде (под Киевом):

Богородичный женский 141

Дмитровский (Прилуцкий), на
устье р. Вологды 329

Зосимин в Вологодско-Перм-
ской епархии 487

Калязинский Макариев Троиц-
кий 415, 480

В Киеве:

Андреевский (Янчин) 65,
287

Дмитровский 47, 49, 60

Всеволож см. Михайловский
Выдубицкий

Кловский 58

Михайловский Выдубицкий
(Всеволож) 47, 50, 51, 58,
67, 68, 104, 135, 277

Печерский (Печеры) 14, 43,
45, 47, 49, 51—54, 57—61,
63—65, 68, 129, 197, 201,
277

Симеоновский в Копыреве
конце 47, 48

Янчин см. Андреевский

Кирилло-Белозерский (Кирил-
лов) 319—321, 340, 341,
353, 359, 381, 389, 397

В Костроме:

Богоявленский 419, 423,
426—428, 433, 472, 476

Ипатьевский 423, 428, 476

- В Москве:
 Андроников 386
 Симоновский (Симонов) 304, 374, 396, 406, 423, 464
 Чудов (Чуда Михаила в Хонех) в Кремле 402
- В Новгороде Нижнем:
 Благовещенский 172, 173, 180, 199
 Зачатьевский 190
 Печерский 172, 175—177, 364, 484
- Новоиерусалимский Воскресенский (под Москвой на р. Истре) 318, 493, 499
- Павлова пустынь, Павлово-Обнорский на р. Обноре 388
- Пафнутиев Боровский 390, 413
- Во Пскове:
 Печерский 360
 Снетогорский 175, 178
- В Ростове:
 Богоявленский 194
 Соловецкий 415, 483, 485, 487
- Спасо-Каменный на Кубенском оз. 329, 375, 406
- В Суздале:
 Козмодемьянский 223
- Троице-Сергиев 11, 199, 273, 276, 316, 317, 319—321, 344, 351, 359, 360, 362—369, 372—374, 376, 377, 381, 386, 388, 389, 393, 397, 402—405, 407—409, 413, 415, 486, 487
- Ферапонтов Белозерский 487
- Хотьковский Покровский (по близости от Троице-Сергиева мон.) 413
- В Ярославле:
 Спасо-Преображенский 325, 331
- Монголы, нар. 5, 199. См. также
- Татары
- Морава, р. 72
- Моравы (мораваны), нар. 16, 70
- Мордва, нар. 69, 74, 189
- Москва, г. 10, 106, 142, 147, 161, 175, 185, 187, 188, 202, 203, 214, 222, 246—254, 258, 259, 269, 270, 276—278, 280, 296, 299, 300, 302, 305, 306, 312—314, 317, 323, 326, 327, 331, 332, 343, 345, 347, 350, 351, 354, 357, 359, 365, 366, 368, 372, 374, 375, 377, 379, 381, 382, 384, 386, 387, 390, 392, 393, 399, 401, 407, 411, 417, 435, 452—459, 465—467, 470—474, 478, 479, 482, 483, 487, 491, 493, 494
- В Москве:
 Антонов двор в Кремле за ц. Лазаря 395
 Белый город 493
 Болваново, уроч. 459
 Болото (Балчуг) 493
 Боровицкие ворота в Кремле 458
 Воздвиженская улица 417
 Казенный двор в Кремле 406
 Красное крыльцо Кремлевского дворца 493
 Пожар (Красная площадь) 493
 Чешковы ворота в Кремле 396, 406
- Москва, р. 491
- Московская Русь см. Русское централизованное государство
- Московское великое княжество 252
- Московское государство см. Русское централизованное государство
- Московское княжество (край) 169, 356
- Мунарев, г. на р. Ирпени, притоке р. Днепра 93
- Мурманское море (соврем. Баренцево море) 488
- Муром, г. на р. Оке 38, 62—64, 101, 196, 202, 207, 342
- Мурома, нар. 69, 72, 74
- Нарва, г. 496
- Нарцы (Норицы), славяне, нар. 16, 72
- Небль, г. в Волынской земле 232
- Неглинная, р. в Москве 417
- Немцы, нар. и страна 133, 383, 385
- Немцы из Рима, итальянцы 26
- Немцы корлязи, нар. 66, 68
- Нерома, нар. 69
- Нижегородско-Суздальское княжество 169, 170, 173, 175, 187
- Никольское, с. в Ростове 329

- Новгород Великий, г. 31, 38, 64, 74, 109, 110, 117, 128, 130, 136, 138, 162, 171, 194, 202, 204, 205, 211, 212, 217, 226, 246—250, 252—254, 258, 259, 264, 267, 270, 282, 283, 296, 297, 299, 300, 302, 308, 313, 328, 339, 342, 343, 345, 347, 349, 350, 352, 354, 357—359, 370, 383, 400, 401, 411, 417, 432, 446, 452, 453, 456, 460—462, 465—468, 478, 483—486, 489, 490, 497
- В нем:
Владимирские ворота 462
- Новгород Нижний, г. 170—177, 187—191, 199, 207, 246, 368, 384, 396, 456
- В нем:
Дмитровские ворота 190
- Новгородская земля (край) 38, 204, 210, 211, 253, 448, 453, 468
- Новгород Северский, г. в Черниговской земле 104, 107
- Новосиль, г. в Черниговской земле 174
- Норицы см. Нарцы
- Носов, г. (?) на р. Руде в Переяславской (Южной) земле 290
- Нотебург (Шлиссельбург), креп. 496
- Нухла (Нузла), р. (?) в Рязанской земле 182, 185
- Обезы (Абхазия), нар. и страна 266, 286
- Обры, нар. 75
- Ока, р. 74, 202 (ошибочно Отка), 203 (ошибочно Отка), 210, 213, 214, 217, 267, 307, 309, 310, 338, 457, 458
- Оковский лес, лесной массив в верховьях рек Днепра, Зап. Двины и Волги 73
- Ольгов, г. на р. Оке 203, 214, 215
- Орда, гос-во татаро-монгол с центром в низовьях р. Волги 173, 175, 196, 295, 427, 434. См. также Орда Большая, Орда Волжская
- Орда Большая 350, 425, 432, 474, 475
- Орда Волжская 196
- Орда Шибанская 383
- Ореховец (Орехов, Орешек), г. на р. Неве 295
- Осетр, р., приток р. Оки 453
- Остров, вероятно, о-в на р. Днепре близ г. Вышгорода 285
- Ошел, г. в Волжской Булгарии 204, 211, 224
- Перекоп, Перекопский перешеек в Крыму 453, 493
- Перемышль, г. на р. Сане в Галицкой земле 82, 205, 226
- Перепетовы (Перепетово поле), местн. за р. Стугной, близ г. Василева 94, 286
- Пересечен, г. угличей 45
- Переяславль-Залесский, г. 114, 121, 159, 161, 168, 192, 207, 296, 331, 344, 355
- Переяславль-Русский (Южный), г. 10, 31, 43, 44, 48, 50, 51, 62—64, 75, 79—86, 92, 93, 96—99, 104, 105, 108—111, 113, 115, 116, 118, 119, 138, 143, 160, 222, 264, 277, 280, 284, 285, 290, 294, 447, 502
- Переяславль Рязанский 343. См. также Рязань (Новая)
- Переяславское (Южное) княжество (земля) 42, 98, 108, 113
- Пермь (Пермская земля, Пермь Великая), нар. и страна 69, 273, 274, 300, 301, 338, 431, 480
- Петербург, г. 497
- Петров, г. в Ростово-Суздальской земле 203, 214, 267
- Печенеги, нар. 15, 31, 75, 84, 446
- Печера, нар. 69
- Печора, р. 377
- Пинск, г. 231, 232
- Пинская земля см. Турово-Пинское княжество
- Плесо, г. на р. Волге 452
- Поволжье, терр. 73, 196, 349
- Погорина, терр. по р. Горыне 93
- Поднепровье (Приднепровье, Среднее Поднепровье), терр. среднего течения р. Днепра 25, 49, 75, 115, 139, 226
- Подолія, терр. 246

- Полкостень, г. в Переяславской (Южной) земле 83
- Половецкая земля, терр. половецких кочевий 181, 184
- Половцы, нар. 48, 52, 53, 59, 62, 63, 77, 82—84, 86—88, 96, 97, 99, 105, 134, 223, 262, 281, 284, 287, 290, 291
- Полота, р. 74
- Полоцк, г. 64, 88, 116
- Полтава, г. 494
- Польско-Литовское государство 319
- Польша, страна 90, 277, 313, 447, 489
- Поляки, нар. 486, 488
- Поляне, польское племя 18, 70, 72
- Поляне (русские, киевские), вост.-слав. племя 16, 18, 33, 69, 70, 71, 73, 76, 77
- Поморье, терр. южного побережья Балтийского моря, населенное славянским племенем поморян 25
- Поморяне см. славяне балтийские
- Посемье, терр. по р. Сейм 105
- Прибалтика 498
- Приднепровье см. Поднепровье
- Прикамье 347
- Припять, р. 72
- Приуралье 346, 347, 349
- Пронск, г. на р. Проне, притоке р. Оки 183, 186, 203, 214—217
- Прусы (Прусская земля), нар. и страна 66, 360
- Псков, г. 10, 31, 171, 204, 227, 246, 298, 327, 328, 339, 340, 386, 417, 434, 460, 464—468, 473, 475, 478, 484
- Путивль, г. на р. Сейме 291, 385
- Пьяна, р., приток р. Суры 177
- Радимичи, вост.-слав. племя 29, 70, 75, 76, 446
- Радонеж, г. и вол. близ г. Москвы 366, 367, 377
- Ржева (Владимирская), г. на Верхней Волге 173
- Рим, г. 26, 32, 73, 252, 258, 314, 327, 411, 422, 473, 485, 488, 492
- Римляне, жители Рима 66, 68
- Римская страна см. Италия
- Рогожские поля, местн. между гг. Москвой и Владимиром по р. Клязьме 140
- Рожнеце поле, местн. в Галицкой земле близ г. Звенигорода 285
- Романов, г. в Ярославском княж. на р. Волге 343
- Россия (Российская страна, земля, государство), страна и гос-во 5, 8, 9, 26, 272, 327, 397, 408, 416, 484, 489, 497—499
- Ростов, г. Ростово-Суздальской земли у оз. Неро 62, 74, 75, 106, 108, 109, 112—124, 127, 128, 130—132, 159, 162, 167, 171, 192, 194, 195, 197, 198, 200, 206, 220—222, 226, 246, 247, 267, 283, 286, 300, 301, 312, 321, 328, 329, 331, 346, 347, 351, 386, 412, 413, 427
- В нем:
Сретенская половина 247
- Ростово-Суздальская земля (край, Ростовская земля, Суздальская земля, область) 10, 11, 38, 63, 80, 104—106, 108, 109, 112—117, 119—121, 130, 131, 135, 139—141, 146, 147, 159—162, 186, 192, 195, 210, 211, 220, 245, 346, 446
- Ростовская область, терр. бывш. Ростовского княж. 345
- Ростовское княжество, княж., существовавшее в XIII—XV вв. 301, 330, 346, 347
- Ростовское озеро (Неро) 74
- Руса, р. (легенд.) 445
- Руса (Старая), г. в Новгородской земле 283
- Русская (Руссийская) земля (синоним Русского государства) 183, 202, 252, 258, 275, 301, 350, 381, 416, 459
- «Русская земля», южнорусское государственное образование с центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле-Южном 5, 10, 14, 37, 38, 41, 43—46, 48, 49, 53—54, 59, 67, 79, 82, 84, 89, 108, 109, 117, 136, 145, 151,

- 163—164, 226, 275, 293, 412, 429, 501, 502
- Русские, нар. 32, 119, 120, 486, 502
- Русское централизованное государство (Московская Русь, Московское государство, Русское государство) 11, 112, 246, 296, 303, 311—312, 315, 347—349, 411, 413, 465, 470, 477
- Русь, нар. и страна 5, 16, 18—20, 33, 35, 38, 40, 41, 45, 46, 57, 58, 66—75, 77, 79, 110, 115, 130, 183, 184, 211, 221, 233, 247, 251—253, 258, 275—277, 309, 312, 317, 349, 350, 368, 370, 379, 391, 392, 410—412, 414, 423, 424, 427, 429, 430, 445, 450, 468, 469, 473, 502
- Русь Малая (соврем. Украина) 174
- Рут, р., приток р. Роси 95
- Рязанское княжество (земля) 181, 184, 210, 247
- Рязань (Новая), г. на р. Трубеже, притоке р. Оки 249, 311, 343, 481
- Рязань (Старая), г. на р. Оке, ниже устья р. Прони 63, 101, 159, 184, 185, 202, 206, 214—217, 220, 287, 448, 474
- Самара, г. на р. Волге 191
- Сан, р., приток р. Вислы 235
- Сарай, г., столица Волжской Орды 177, 339
- Саратов, г. на р. Волге 191
- Сарматия, страна и терр. 495
- Сарматы, нар. и страна 257
- Свеи (шведы), нар. 66—68
- Свинь, р. в Черниговской земле 147
- Свияжск, г. при впадении р. Свияги в р. Волгу 404
- Святой нос, мыс на Кольском п-ове 462
- Святополч (Витичев), г. на р. Днепре 60
- Север см. Вятка
- Северная Русь (Новгородская и Псковская земли) 249, 275, 276
- Северо-Восточная Русь (Восточная Русь, Северо-Восток, Северо-Восточный край) 56, 62, 63, 74, 75, 77, 82, 112, 118, 136, 137, 146, 148, 164, 169, 173, 174, 184, 195, 196, 233, 247, 249, 275—277, 300, 346, 356
- Северяне, вост.-слав. племя 69, 74, 76
- Сейм, р., приток р. Десны 98
- Селунь (Фессалоники), г. на Балканском п-ове 220
- Сербия (Сербская земля), страна 430, 453
- Серпухов, г. на р. Оке 309, 345, 365, 367, 368, 384, 415, 417, 480
- Сетьгола, нар. 69.
- Сибирское царство (страна) 416, 484—486
- Симоново см. Симоновский мон-рь в Москве
- Сить, р., приток р. Мологи 180, 186, 187
- Скифия (искаженно Сифиа, Еисифиа), страна 257
- Скифия Великая, страна 488
- Скорятино, с. на р. Черехе 330
- Славяне, нар. 16, 72, 75, 77, 495, 498
- балтийские (Поморяне), нар. 72
- восточные, нар. 71, 73—76, 79
- дунайские, славяне, жившие по р. Дунаю 70
- западные, нар. 75
- Среднего Поднепровья, нар. 25
- южные, нар. 411
- Слобода (Александровская), соврем. г. Александров 299
- Словене новгородские, вост.-слав. племя 73, 74, 412, 489 (ошибочно «словяне»)
- Словенск, легенд. название Новгорода Великого 497
- Смоленск, г. 63, 74, 89, 108—110, 113, 118, 162, 174, 205, 212, 226, 248, 249, 274, 280, 281, 284, 286, 288, 301, 370, 385—387, 393, 401, 415, 456
- Смоленское княжество (земля, край, Смоленщина), 108, 140, 173, 246, 446

Софинияс, место под г. Константинополем 441

Среднее Поднепровье см. Поднепровье
СССР 500

Стародуб, г. в Черниговской земле 62, 63

Степань, г. на р. Горыни в Турово-Пинской земле 231

Стреква, р. в Переяславской (Южной) земле 85

Стырь, р., приток р. Припяти 134

Суздаль, г. 62—64, 109, 113, 115—119, 121, 128, 130—132, 137, 159, 161, 162, 166, 172, 189, 194, 200, 207, 223, 280, 286, 332, 386

В нем:

двор Киевского Печерского мон. 63, 64

Суздальская земля (область) см. Ростово-Суздальская земля

Сула, р., приток р. Днепра 84, 98, 284

Супой, р., приток р. Днепра 88, 98

Сура, р., приток р. Волги 191

Сухая Лыбедь, одно из русел р. Лыбеди 137

Сухона, р. 330, 346

Сызрань, р. 191

Тавриане, жит. Таврии, Тавриды 257

Таруса, г. на р. Оке 345

Татары, нар. и страна 173, 175—176, 177, 181—183, 185—187, 197, 230, 296, 306, 308—310, 313, 315, 331, 342—345, 347, 350, 353, 359, 368, 399, 400, 412, 413, 452, 457. См. также Монголы

Татары касимовские, жит. г. Касимова и его уезда 191

Тверь, г. 10, 31, 173, 174, 176, 187, 188, 204, 218, 246, 249, 296, 300, 340, 341, 350, 355, 386, 396, 406, 451, 487

Тверская земля (уезд) 377

Тверское княжество 169, 170, 247, 315, 376

Теребовль, г. в Галицкой земле 100

Тиверцы, вост.-слав. племя 75, 76

Тматорокань, г. на Таманском п-ове 43, 45, 51

Тонинген, г. в Голштинии 494

Торжок, г. на р. Тверце, притоке р. Волги 134, 182, 184, 196, 212, 267, 268, 297

Торки, нар. 48, 84

Торопец, г. в Смоленской земле 173, 401

Треполь, г. при впадении р. Стугны в р. Днепр 22

Тула, г. на р. Оке 401, 415, 480

Турки, нар. 411, 416, 430, 436

Туров, г. на р. Припяти 54, 91, 116, 117

Турово-Пинское княжество (район, Пинская земля), 230, 231

Тутолома, обл. в Лопской земле 462

Тухчин, г. в Волжской Булгарии 148

Тушино, с. под Москвой 482

Углич, г. на р. Волге 328, 331—334, 350, 351, 366, 389, 427

Угличи (уличи), вост.-слав. племя 45, 75, 76

Угорская (венгерская) земля 75

Угра (Югра), нар. в Северном Приуралье 69

Угра, р., приток р. Оки 310, 328, 399

Угры (Венгрия, венгры), нар. и страна 92, 99, 211, 272, 280, 289

Угры Белые, венгры Средне-Дунайской равнины 75

Угры Черные, венгры восточных областей Венгрии 75

Ужеск, г. в Рязанской земле, при впадении р. Вожи в р. Оку 214

Унжа, г. на р. Унже, притоке р. Волги 211, 223

Урмане (норманы), нар. 66—68

Усть Мерска, вол. и сел. на р. Нерской, притоке р. Москвы 217

Устье, г. (?) в Переяславской (Южной) земле 98

Устюг (Устюг Великий), г. при слиянии рек Юга и Сухоны 211, 223, 328—330, 345—348, 352

В нем:

Дымкова сторона на левом берегу р. Сухоны 330

Леонтьевский конец 346

Устюжский уезд 348

Фряги (генуезцы), жит. г. Генуи 66, 68, 257

Хазары, нар. и страна 29

Хвалисы (Хорезм), страна 73

Холм, г. в Волынской земле 244

Холмогоры, г. на р. Северной Двине 488

Хопер, р., приток р. Дона 452

Хорваты, вост.-слав. племя 75

Хотунь, г. и вол. на р. Лопасне, притоке р. Москвы 384

Царьград (Константиноград, Константинополь), г., столица Византийской империи 15, 18, 22, 26, 73, 140, 172, 176—178, 180, 250, 289, 306, 367, 371, 401, 411, 413, 414, 416—418, 425, 429, 430, 436, 440, 442, 444, 447, 449, 451, 453, 455, 457, 458, 460, 494

Церкви:

Бориса и Глеба на р. Альте 98

Во Владимире Волынском:

Богородицы (кафедральный собор) 235, 238, 243

Во Владимире-на-Клязьме (Залесском):

Геorgia 114, 120

Дмитрия 219

Рождества Богородицы в Рождественском мон. 200

Спаса 120

Успения богородицы Златоверхая (Пречистая), городской, позднее епископский и митрополичий кафедральный собор 120, 122, 128,

138—143, 148, 149, 151, 154, 156, 157, 161, 164, 171, 186, 198, 199, 219, 220, 258, 289, 296 (Золотые двери), 447

В Вышгороде:

Бориса и Глеба 37, 47, 55

В Городце Остерском:

Михаила 265

В с. Деулине:

Сергия (Радонежского) 487

В Дубно (Дубенская церковь) 231

В Каневе:

Геorgia 90

В Киеве:

Благовещения надвратная 239

Богородицы Десятинная см. Десятинная

Богородицы Пирогошая 88

Геorgia 446

Десятинная (Богородицы Десятинная) 20, 22, 23, 25—27, 30—34, 49—53, 86, 238, 446, 501

Михаила в Михайловском Выдубицком мон. 50

Михаила в Михайловском Златоверхом мон. 60, 88

Михаила (новгородская божница) 92, 100

Софии, митрополичий кафедральный собор 23, 51, 97, 98, 108, 295

Успения богородицы в Печерском мон. 52, 231

В Москве:

Архангела Михаила, Архангельский собор в Кремле 250, 251, 253, 424

Благовещения, собор в Кремле 370, 400

Вознесения в Вознесенском мон. в Кремле 343

Покрова (Василия Блаженного) 415

Ризоположенская, в Кремле на митрополичьем дворе 406

Сретения на посаде 396, 406

Успения, митрополичий кафедральный собор в Кремле 23, 43, 52, 250,

- 258, 259, 302, 317, 345,
403, 481, 491
- В Новгороде Великом:
Покрова 270
Софии, кафедральный собор
171, 182
- В Новгороде Нижнем:
Благовещения в Благовещен-
ском монастыре 172
Михаила 189—191
Спаса Преображения, собор
170—172, 175, 189—191
- В Переяславле-Залесском:
Спаса Преображения 115,
121
- В Переяславле-Русском (Юж-
ном):
Андрея 65
Михаила, епископский кафедр-
альный собор 51, 83—87,
110, 111
- Пречистая см. во Владимире-
на-Клязьме Успения бого-
родицы Златоверхая
- В Пскове:
Троицы, собор 171
- В Ростове:
Иоанна 123
Успения богородицы, епи-
скопский кафедральный
собор 113, 122, 123 (оши-
бочно Рождества богоро-
дицы), 124 (золотые юж-
ные двери собора), 127,
128, 131, 171, 194, 198,
213, 347, 386 («Пре-
чистая»)
- В Серпухове:
Троицы 366
- В с. Скорятине:
Покрова 330
- В Смоленске:
Богородицы, епископский ка-
федральный собор 113
- В Суздале:
Дмитрия 64
- В Троице-Сергиевом мона-
стыре:
Троицы 372, 388
- В Устюге:
Успения, собор 346—348
придел Леонтия Ростов-
ского 346
- В Царьграде:
Софии, патриарший кафедр-
альный собор 26, 441
- В Чернигове:
Спаса, епископский кафедр-
альный собор 51, 147,
290
- В Юрьеве-Польском:
Геоργия 318
- Цильма, р., приток р. Печоры
377
- Червен, г. в Галицко-Волынской
земле 226
- Червенские города, гг. на гра-
нице Руси с Польшей 38, 226
- Червлёный Яр, вол. в Рязанской
земле по р. Червлёный Яр 452
- Черемисан (Черемшан), р., при-
ток р. Волги 148
- Черемисы, нар. 69, 74
- Черех, р. в Ярославской губ. 330
- Черн, г. на р. Днестре 276
- Чернигов, г. 10, 43, 44, 51, 75,
79, 90, 91, 101, 104, 107, 117,
146, 147, 164, 202, 283, 288,
290, 293, 502
- Черниговское княжество (во-
лость, земля, область, Черни-
говщина) 42, 43, 107, 113, 173,
211, 212, 246, 291
- Чертов лес, на терр. Киевского
княж.(?) 93
- Чехи, нар. 16, 70
- Чехия (Бохом), страна 426
- Чигирин, г. на р. Тясмине, при-
токе р. Днестра 492
- Чудь, нар. 66, 69, 72, 88, 282,
412
- Чудь заволочская, нар. 69
- Чудь поморская, нар. 283
- Шведы, нар. 494
- Шеломница, с. в Киевской земле,
близ г. Котельничи 290
- Юг, р., приток р. Сухоны 346
- Юг см. Южная Русь
- Юго-Западная Россия (Русь)
227, 275, 276
- Юго-Западный край см. Га-
лицко-Волынское княжество
- Южная Русь (Юг) 42, 69, 72,
112, 113, 117, 132—136, 141,

144, 146, 226, 277, 301, 501,
502. См. также Киевская Русь
Юрьев (Гюргев), г. на р. Роси,
притоке р. Днестра 60
Юрьев (соврем. Тарту), г. на
р. Эмбахе 38, 282, 473, 475
Юрьев-Польской, г. при слиянии
рек Гзы и Колокши 166, 183,
208, 222, 223, 318, 344
Юрьево поле, местн. близ г.
Юрьева-Польского 166

Ямь (финны), нар. 69
Ярославль, г. на р. Волге 120,
186, 187, 207, 247, 325, 326,
328, 331, 358, 412
Ярославское княжество (земля)
325, 326, 329, 343
Ярышев, г. или с. в Чернигов-
ской земле 107
Ятвяги, литов. племя 23, 29
Яхрома, р. в Ростово-Суздаль-
ской земле 120

Указатель летописных памятников *

- Академический список Хронографа 1599 г. см. Хронограф 1599 г., список
- Архангелогородская летопись (летописец) см. Устюжский летописный свод
- Архивский сборник (список) (ЦГАДА, ф. 181, № 20/25) см. Новгородский летописный свод 1539 г. архиеп. Макария, списки
- Бальзеровский список см. Софийская I летопись, списки
- Большаковский список Хронографа 1601 г. см. Хронограф 1601 г., списки
- «Большой летописец» 487
- Великокняжеский владимирский свод 1281 г. см. Владимирский летописный свод вел. кн. Дмитрия Александровича
- Великокняжеский свод Ярослава 1239 г. см. Летописный свод 1239 г. вел. кн. Ярослава Всеволодовича
- Владими́ро-Во́лынская летопись см. Галицко-Во́лынская летопись XIII в., составные части
- Владимирский великокняжеский свод второй половины XII в. (северо-восточный источник Лаврентьевской летописи) 114, 122, 142, 143, 148, 149, 160
- Владимирский великокняжеский летописный свод 1305 г. (Летописный свод 1305 г., Свод 1305 г.), оригинал Лаврентьевской летописи 168, 169, 179—181, 187, 188, 191—193, 201, 225
- Владимирский великокняжеский свод первых десятилетий XIII в. Юрия Всеволодовича 168—170, 192, 193, 197, 201, 202, 206, 208—225, 266, 267
- Владимирский летописный свод 1281 г. вел. кн. Дмитрия Александровича (Великокняжеский владимирский свод 1281 г.) 195, 196, 198, 199, 225, 412
- Владимирский Полихрон 1423 г. (Общерусский свод 1423 г., Полихрон 1423 г., Свод Фотия, Фотиев Полихрон) 170, 188, 248, 256, 260—262, 268, 272, 278, 292, 368, 369
- Владимирский Полихрон начала XIV в. (Общерусский не княжеский свод начала XIV в., Полихрон начала XIV в.) 150, 179, 227, 260

* Сокращения, принятые в указателе: архиеп. — архиепископ, в. — век, вел. кн. — великий князь. В указателе учтены также косвенные указания на летописные памятники.

Указатель составлен Р. М. Семеновой.

- Владимирский свод 1177 г. (70-х годов XII в.) 114, 145
- Владимирский свод 1212 г. 131
- Владычный ростовский свод сокращенной редакции см. Ростовский краткий владычный летописный свод конца XV в.
- Вологодско-Пермская летопись 273, 279, 312, 313
 список:
 Лондонский 279
- Воскресенская летопись 180—182, 184, 191, 204, 214, 261, 302, 310—314, 360, 370, 388, 392—394, 398—402, 424, 427, 429, 431, 435, 451—460, 463, 464, 470, 471
 список:
 Карамзинский 360
 редакции:
 1533 г. 401, 402, 451, 452, 470, 471
 1541 г. 470, 471
- Галицкая летопись см. Галицко-Волынская летопись XIII в., составные части
- Галицко-Волынская летопись XIII в., источник Ипатьевской летописи 227, 228, 232, 233, 292, 305
 составные части:
 Галицкая летопись 233
 Владимиро-Волынская летопись 230—233, 242, 243, 245
 список:
 Пинский 230—233, 243
- «Греческий летописец» 487
- Двинский летописец 488
- Древнейший Киевский летописный свод (Древнейший Киевский свод, Древнейший летописный свод, Древнейший свод, Киевский свод) 8, 18, 20, 22, 24, 27, 31—33, 35, 53, 76, 77, 501
- Древнейший Киевский летописный свод в редакции 70-х годов XI в. 14
- Ермолинская летопись 11, 119, 123, 260—270, 272—274, 279, 286, 289, 297, 308—310, 315—326, 328—336, 340—346, 351—353, 358, 365, 371, 374
- Иоасафовская летопись 373, 376, 396—402, 405, 407, 408
- Ипатьевская летопись 11, 27, 34, 51, 61—64, 66, 69, 74, 80—111, 114—119, 129, 132, 135—137, 140, 141, 144—157, 160, 184, 226, 227, 230, 231, 233, 235, 236, 243, 263—266, 278, 281, 282, 284—286, 288—294
 списки:
 Ипатьевский 101, 227—235, 244, 292, 293
 Погодинский 265
 Хлебниковский (ГПБ, Ф. IV, № 230) 11, 227—231, 233—237, 243, 265, 292, 293
- Ипатьевский список см. Ипатьевская летопись, списки
- «История Российской» Ф. П. Полкарпова (ГБЛ, ф. 178, № 4698) 495, 496
- «Казанская история» 403
- Киево-печерская летопись, источник Повести временных лет 58
- Киевская летопись вел. кн. Ярополка Владимировича 116
- Киевские летописные своды XII в., источники Ипатьевской и Лаврентьевской летописей 82, 84—92, 94—107, 111, 135—138
- Киевский свод см. Древнейший Киевский летописный свод
- Киевский свод 1198/1199 г. см. Киевский свод 1198/99 г. вел. кн. Рюрика Ростиславича
- Киевский свод XII в. в редакции, близкой к Ипатьевской летописи (южнорусский источник общерусских сводов второй половины XV в.) 11, 212, 232, 256, 260, 263, 265, 266, 274, 275, 278, 279, 282, 284—286, 289—294, 300
- Киевский свод редакции конца XII в. см. Киевский свод 1198/99 г. вел. кн. Рюрика Ростиславича

Киевский свод 1198/99 г. вел. кн. Рюрика Ростиславича (Киевский свод 1198/1199 г., Киевский свод редакции конца XII в., Свод 1198/99 г.), источник Ипатьевской летописи 83, 99, 100, 114, 119, 227, 228, 232, 292

Кирилло-Белозерская летопись 1533 г. 317

«Книга греческая царственная» 428

«Книга Летописец» 428

Костромская летопись см. Чертовская летопись

Краткая летопись с 6745 (1237) по 6939 (1431) г. (по списку ЦГАДА, ф. 181, № 365) 381

Краткий Кирилло-Белозерский летописец (ГПБ, Погод., № 1554, лл. 2—10 об.) 353

Краткий Кирилло-Белозерский летописец (ГПБ, Погод., № 1554, лл. 13—17) 353

Краткий Кирилло-Белозерский летописец (ГПБ, Погод., № 1554, лл. 20—26 об.) 353

Краткий Кирилло-Белозерский летописец Григория Тушина 353

Краткий летописный свод XV в. см. Ростовский краткий владычный летописный свод конца XV в.

Лаврентьевская летопись 11, 17, 18, 23, 25, 26, 34, 36, 37, 44, 45, 49—51, 59—64, 66, 69, 74—77, 80—101, 103—111, 113—119, 121—129, 131, 132, 134, 135, 137, 138, 140, 141, 144—159, 164, 165, 167—170, 179—188, 192—195, 197—199, 201, 206—210, 213—217, 219, 220, 222, 223, 225, 263, 265, 266, 277, 281, 282, 284—286, 288—292, 368

«Летописец вскоре» патриарха Никифора 195, 411—414

списки:

в списках Сокращенного летописного свода 1493 г. 414

(ГБЛ, Муз., № 2422; новый шифр — ГБЛ, ф. 236, № 31) 416, 479

(ГБЛ, ф. 304, № 765) 413

(ГИМ, Синод., № 732) 411, 413, 414, 416

(ГИМ, Синод., № 965) 414

Музейный (ГБЛ, Муз., № 3841) 413

Оболенского Никоновской летописи 414

Патриарший Никоновской летописи 414

Троицкий Никоновской летописи 414

(ЦГАДА, ф. 181, № 66) 414, 415

«Летописец и Временник тоже о греческих царствах» 428

«Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» («Летописец начала царства») 403, 408, 471

списки:

в составе Румянцевской летописи (ГБЛ, ф. 256, № 255) 450

в составе Патриаршего списка Никоновской летописи 408

(ГИМ, Синод., № 486) 403

«Летописец патриарха Гермогена» 482

Летописец Переславля-Суздальского 15, 168

«Летописец русской от пришествия Рюрика» см. Львовская летопись

Летописец, составленный в XVII в. (по списку ГБЛ, Муз., № 1529) 489

Летописец старый ростовский 129—130, 201

Летописец Троице-Сергиева монастыря (по списку ГПБ, XVII. 17) 486

«Летописная история» Ф. П. Поликарпова (по списку БАН, 32.6.30) 495

«Летописная история» Ф. П. Поликарпова (по списку ЦГАДА, ф. 181, № 849) 491, 492, 495, 499

- «Летописная история» Г. Г. Скорнякова-Писарева
 списки:
 (ЦГАДА, ф. 181, № 358) 497—499
 Строгановский 498
 Летописные своды XII в. Переяславля-Южного, источники Ипатьевской и Лаврентьевской летописей 80, 81, 83—87, 91, 92, 95—97, 99, 101, 105—107, 110, 111, 116, 118, 138, 143, 277
 Летописный патриарший (?) свод конца XVI в. (?)
 списки:
 (ГИМ, Синод., № 965) 414—416
 (ЦГАДА, ф. 181, № 66) 414—416
 Летописный патриарший свод конца XVI в. (по списку ГБЛ, Муз., № 2422; новый шифр — ГБЛ, ф. 236, № 31) 408, 416, 479—481
 Летописный патриарший свод начала XVII в. (по списку ГИМ, Увар., № 593) 480—482
 Летописный свод 1239 г. вел. кн. Ярослава Всеволодовича (Великокняжеский свод Ярослава 1239 г.) 192, 193
 Летописный свод 1305 г. см. Владимирский великокняжеский летописный свод 1305 г.
 Летописный свод 1497 г. (Свод 1497 г.) 373, 374, 376—380, 389, 394, 395, 405
 Летописный свод 1558 г. см. Типографско-Академическая летопись
 Летописный свод (летописец) 1650 г. (по списку ЦГАДА, ф. 181, № 64) 486, 487
 Летописный свод 1652 г. патриарха Никона 483—486
 списки:
 (БАН, 21.6.6) 484
 (ГБЛ, Муз., № 423) 485
 (ГБЛ, Муз., № 9476) 485
 (ГИМ, Увар., № 543) 484, 485
 Летописный свод в рукописи, принадлежавшей в XVI в. Троице-Сергиеву монастырю (по списку ГИМ, Синод., № 645) см. Уваровская летопись 1518 г.
 Летописный свод — краткая разновидность свода 1652 г. (по списку ГБЛ, Фунд., № 201) 486
 Летописный свод начала 90-х годов XVI в. (?) (по списку ГИМ, Муз., № 3058) 484—486
 Летописный свод XVII в. «романовского» направления (по списку ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, № 555) 488
 Летописный свод по рукописи первой половины XVI в. из ГБЛ 170, 190
 Летописный свод (по списку ГПБ, F.XVII.17) 316
 Летописный свод (по списку ГПБ, Погод., № 1409) см. Сокращенный летописный свод 1493 г., списки
 Летописный свод, составленный в Псково-Печерском монастыре см. Псковская III летопись
 «Летописчик вкратце», статья сборников, содержащих Новгородский летописный свод 1539 г. архиеп. Макария 357
 Летопись (по списку ГБЛ, ф. 98, № 174) 418
 Летопись (по списку ГИМ, Забелин., № 262) 247
 Летопись (по списку ЦГИА СССР, Синод. архив, № 4013) 418
 Лицевой свод XVI в. 415 (его Синодальная рукопись), 477
 Лондонский список см. Вологодско-Пермская летопись, список
 Львовская летопись («Летописец русской от пришествия Рюрика») 114, 119, 120, 122, 123, 170, 259—261, 269, 272—274, 306—314, 316, 318—320, 322, 323, 325, 326, 329, 331, 371, 377, 388, 392—394, 400, 401, 450, 451, 453—456, 458—464, 468, 470, 471, 497

первоначальная редакция 1533 г.
451

Митрополичий общерусский свод
последней четверти XV в.
см. Общерусский свод 1490 г.
митрополита Геронтия

Митрополичий свод 1518 г.
(Общерусский свод Геронтия
в редакции 1518 г., Протограф
Софийской II летописи в ре-
дакции 1518 г., Свод 1518 г.,
Свод 1518 г. Софийской II ле-
тописи) 369—372, 376, 394,
395, 454, 456, 457, 463, 469

Московская княжеская летопись
260

Московские великокняжеские
своды XV в. 119

Московский великокняжеский
свод 1471 (1472) г., предше-
ствовавший Московскому вели-
кокняжескому летописному
своду 1479 г. 250, 253, 255,
256, 279, 283, 301, 323

Московский великокняжеский ле-
тописный свод 1479 г. (Мос-
ковский свод, Московский свод
1479 г., Свод 1479 г.) 119,
121, 123, 142, 149, 167, 169,
170, 181, 182, 200—202, 204—
210, 212—214, 216, 217, 219,
220, 222, 225, 232, 250, 254—
274, 278—280, 282, 284, 286—
302, 304, 306—309, 311, 322,
323, 329, 331, 337, 341, 352,
370, 371, 374, 397, 398, 405
списки:

Уваровский (ГИМ, Увар.,
№ 1366; Московский свод
в редакции конца XV в.)
181, 182, 202—204, 214,
255—257, 259, 262—264,
266, 267, 270, 272, 279—
281, 284—287, 290—292,
297, 298, 306, 307, 310,
311, 349, 398

Эрмитажный (ГПБ, Эрми-
таж., № 4166) 149, 167,
170, 181, 182, 200—204,
206, 210, 214, 255—257,
262—264, 266, 267, 269,
270, 272, 279—282, 284,

286, 289—292, 297, 304,
306, 307

Московский свод см. Московский
великокняжеский летописный
свод 1479 г.

Московский свод 1456 г. 250,
253, 256, 260

Московский свод 1477 г. 374

Московский свод 1479 г. см.
Московский великокняжеский
летописный свод 1479 г.

Московский свод в редакции
конца XV в. см. Московский
великокняжеский летописный
свод 1479 г., Уваровский спи-
сок

Московско-Академическая ле-
топись 121, 159, 168, 170, 321,
328

Начальный киевский свод конца
XI в. 13, 14, 21, 45, 51—55, 57,
58, 60, 66, 67, 71, 76, 165, 291

Несторова летопись см. Повесть
временных лет

Нижегородский летописец 170,
173, 188—191

списки:

(БАН, № 16.17.23) 191

(БАН, Строган., № 38) 191

Никаноровская летопись 250,
253—254, 256, 261, 268, 270—
274, 279, 288, 301, 308, 309

Никоновская летопись 172, 173,
189—191, 249, 312, 313, 365,
369, 397, 400, 403, 405—409,
414—417, 427, 435, 450—452,
455, 457—460, 470, 471, 477,
479, 480

списки:

Академический (БАН, 77.2.5)
407

(ГБЛ, ф. 310, № 756) 407
Оболенского 365, 405—407,
414

Патриарший 407, 408, 414
Строгановский 407

Троицкий № 97 407, 414

Шумиловский 471

редакции:

первоначальная 407
1558 г. 408, 409

Новгородская I летопись 35, 48,
109, 117, 182—187, 194

изводы:

младший 13—15, 17, 21,
24—27, 34, 38, 40, 43—45,
58, 66, 67, 71, 76, 77, 117,
184, 248, 347

списки младшего извода:

Академический 18, 24,
25, 42, 49

Комиссионный 119, 182,
183

Троицкий 14

старший (Синодальный спи-
сок) 118, 183, 184

Новгородская II летопись 467,
488

Новгородская IV летопись 14,
62, 119, 170, 188, 204, 227,
248, 254, 256, 261, 269—273,
278, 282, 288, 290, 291, 321,
330, 335, 336, 345, 354, 371,
467, 470

списки:

Академический 460

Дубровского см. Новгород-
ский летописный свод
1539 г. архиеп. Макария,
списки

Новороссийский 276

Хронографический 268—269,
310, 315, 318, 322, 326,
335—341, 344, 345, 377,
398, 399, 458, 459, 469

Новгородская владычная ле-
топись, источник Новгородско-
Софийского свода 30-х годов
XV в. 248, 268, 278

Новгородская владычная ле-
топись XVI в. 254, 354, 357

Новгородская Уваровская ле-
топись (ГИМ, Увар., № 568)
336

Новгородский летописный свод
30-х годов XV в. см. Новго-
родско-Софийский свод 30-х го-
дов XV в.

Новгородский летописный свод
1539 г. архиеп. Макария
(Свод 1539 г.) 119, 254, 255,
257, 336, 354, 356—358, 420,
454, 460—462, 465, 470

списки:

Архивский (ЦГАДА, ф. 181,
№ 20/25) 255, 257, 354,
356, 358, 467, 468, 470

Дубровского 254, 322, 354,
356, 358, 460, 462, 466—
468, 470

Новоиерусалимский Воскре-
сенский (Новоиерусалим-
ский Воскресенский «От-
рывок», Отрывок русской
летописи в Воскресенском
Новоиерусалимском сбор-
нике, Отрывок летописи
по Воскресенскому Ново-
иерусалимскому списку —
ГИМ, Воскр., № 1156)
322, 326, 354, 358, 462,
468, 469

Новгородский общерусский ле-
тописный свод 30-х годов
XV в. архиеп. Евфимия II см.
Новгородско-Софийский свод
30-х годов XV в.

Новгородский свод XII в. 44

Новгородско-Софийский свод
30-х годов XV в. (Новгород-
ский общерусский летописный
свод 30-х годов XV в. архиеп.
Евфимия II, Новгородский ле-
тописный свод 30-х годов
XV в.), общий источник Нов-
городской IV и Софийской I
летописей 248, 256, 261, 264—
266, 268, 270, 278, 282, 283,
291, 292, 350, 467

Новоиерусалимский Воскресен-
ский «Отрывок» см. Новгород-
ский летописный свод 1539 г.
архиеп. Макария, списки
«Новый летописец» 479, 488

Общерусская митрополичья ле-
топись редакции 1441 г. 248

Общерусский летописный свод
1464—1472 гг. митрополитов
Феодосия — Филиппа (Свод
* Феодосия — Филиппа), общий
источник Ермолинской ле-
тописи и Московского велико-
княжеского летописного свода
1479 г. 220, 260—262, 264,
268—274, 279, 288, 293, 294,
296, 322, 328, 329, 341, 405

Общерусский не княжеский свод
начала XIV в. см. Владимир-
ский Полихрон начала XIV в.

- Общерусский свод 1423 г. см. Владимирский Полихрон 1423 г.
- Общерусский свод 1490 г. митрополита Геронтия (Митрополичий общерусский свод последней четверти XV в., Общерусский свод Геронтия последней четверти XV в., Промитрополичий общерусский свод в Софийской II и Львовской летописях, Свод Геронтия, Свод 1490 г.), общий источник Софийской II и Львовской летописей 11, 299, 303—308, 312, 313, 315, 323, 352, 369, 371, 376, 395, 405
- Общерусский свод Геронтия в редакции 1518 г. см. Митрополичий свод 1518 г.
- Общерусский свод Геронтия последней четверти XV в. см. Общерусский свод 1490 г. митрополита Геронтия
- Общерусский Троицкий свод (общий источник Троицкого летописного свода и Типографской (Синодальной) летописи) 382, 385, 387, 388
- Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку см. Новгородский летописный свод 1539 г. архиеп. Макария, списки
- Отрывок русской летописи в Воскресенском Новоиерусалимском сборнике см. Новгородский летописный свод 1539 г. архиеп. Макария, списки
- Первый митрополичий свод см. Троицкая летопись
- Пискаревский летописец 360
- Повесть временных лет (Несторова летопись) 8, 13—17, 26, 27, 34, 43, 45, 48, 52, 53, 57, 58, 65—67, 80, 81, 110, 154, 227, 256, 428 (в составе Чертовской летописи), 429 (в составе Воскресенской летописи), 502
- редакции:
первая 1113 г. 58, 59, 61, 62, 64, 65, 67—79, 81, 501
- вторая (Сильвестровская) 1116 г. 34, 51, 58, 81, 502
- третья 1118 г. 58, 502
- Погодинский № 1409 см. Сокращенный летописный свод 1493 г., списки
- Погодинский список см. Ипатьевская летопись, списки
- Погодинский список Хронографа 1601 г. см. Хронограф 1601 г., списки
- Полихрон начала XIV в. см. Владимирский Полихрон начала XIV в.
- Полихрон 1423 г. см. Владимирский Полихрон 1423 г.
- Промитрополичий общерусский свод в Софийской II и Львовской летописях см. Общерусский свод 1490 г. митрополита Геронтия
- Протограф Софийской II летописи в редакции 1518 г. см. Митрополичий свод 1518 г.
- Псковская I летопись (Псковский свод 1547 г.) 326, 327, 390
- список:
Погодинский 466
- Псковская III летопись (Псковский свод 1567 г., Летописный свод, составленный в Псково-Печерском монастыре) 327, 360, 401
- Псковский свод 1547 г. см. Псковская I летопись
- Псковский свод 1567 г. см. Псковская III летопись
- Псковско-новгородский свод первой половины XVII в. 253
- Радзивилловская летопись 121, 150, 157, 159, 168
- Рогожский летописец 123, 170—172, 190
- Ростовская епископская летопись XIII в. 125, 184 (?), 186 (?)
- Ростовская княжеская летопись XIII в. 179
- Ростовский владычный свод 1419 г. 321, 328
- Ростовский владычный свод 1472 г. архиеп. Вассиана Рыла

- (основной источник Ермолинской летописи) 269, 320—323, 325, 327—329, 336, 340, 341, 346, 351—353
- Ростовский владычный свод 1484 г. архиеп. Тихона, источник Типографской летописи 119, 121—123, 304, 311, 312, 314—315, 321, 328, 351, 359, 373, 374, 376, 389, 405
- Ростовский владычный свод архиеп. Трифона 322, 323, 343, 358, 359, 374
- Ростовский владычный свод, источник Московского великокняжеского летописного свода 1479 г. 256, 260, 286
- Ростовский краткий владычный летописный свод конца XV в. (Владычный ростовский свод сокращенной редакции. Краткий летописный свод XV в.) 118, 121, 413
- списки:
- Музейный (ГБЛ, Муз., № 3841) 390, 413
- Синодальный (ГИМ, Синод., № 941) 321
- Ростовский летописец Константина Всеволодовича и его сыновей XIII в. 192
- Ростовский летописец Юрия Долгорукого 114
- Ростовский соборный летописец 158
- Рукописи, содержащие монастырские летописные записи:
- (ГБЛ, Троиц., № 201) 53
- (ГПБ, Погод., № 1566) 53
- «Рукопись Филарета» 479
- Румянцевская летопись 450—465, 468, 470, 471
- список:
- (ГБЛ, ф. 256, № 255) 450, 465
- «Руский Времянник» см. Чертовская летопись
- Свод 996 года (Свод конца X в.) 20, 34
- Свод 1198/99 г. см. Киевский свод 1198/99 г. вел. кн Рюрика Ростиславича
- Свод 1305 г. см. Владимирский великокняжеский летописный свод 1305 г.
- Свод 1479 г. см. Московский великокняжеский летописный свод 1479 г.
- Свод 1484 г. особого состава 373, 374, 394, 395
- Свод 1490 г. см. Общерусский свод 1490 г. митрополита Геронтия
- Свод 1491 г. (новгородский владычный общерусский) 336
- Свод 1493 г. см. Сокращенный летописный свод 1493 г.
- Свод 1494 г. см. Симеоновская летопись
- Свод 1497 г. см. Летописный свод 1497 г.
- Свод 1518 г. см. Уваровская летопись 1518 г. и Митрополичий свод 1518 г.
- Свод 1518 г. Софийской II летописи см. Митрополичий свод 1518 г.
- Свод 1527 г. см. Типографская летопись, редакции
- Свод 1533 г. см. Хронографическо-летописный свод 1533 г.
- Свод 1539 г. см. Новгородский летописный свод 1539 г. архиеп. Макария
- Свод 1558 г. см. Типографская летопись, редакции
- Свод Геронтия см. Общерусский свод 1490 г. митрополита Геронтия
- Свод конца X в. см. Свод 996 г.
- Свод Феодосия — Филиппа см. Общерусский летописный свод 1464—1472 гг. митрополитов Феодосия — Филиппа
- Свод Фотия см. Владимирский Полихрон 1423 г.
- Северо-восточный летописный свод XII в. (Северо-восточный источник Ипатьевской летописи) 112, 114, 115, 118, 132, 135, 137, 144—146, 148—151, 153, 157
- Серпуховский летописец кн. Владимира Андреевича 365, 366, 368

Симеоновская летопись (Свод 1494 г.) 170—172, 175, 176, 181, 187, 191, 193, 196, 198, 201, 271, 297, 304, 306, 307, 310—314, 349, 356, 377, 427, 457—460

Синодальный список Новгородской I летописи см. Новгородская I летопись, изводы

Синодальный список Хронографа 1617 г. см. Хронограф 1617 г., списки

Смоленский общерусский летописный свод XV в. 248

Сокращенные летописные своды конца XV в. см. Сокращенный летописный свод 1493 г., Сокращенный летописный свод 1495 г.

Сокращенный летописный свод 1474 г. 344, 348, 349, 351

Сокращенный летописный свод 1493 г. (Сокращенный свод, Сокращенный свод 90-х годов XV в., Свод 1493 г.) 271, 310, 312, 315, 318, 322, 335—339, 341, 344, 345, 348—352, 398—400, 414, 458

списки:

список Б (ГБЛ, собр. И. Д. Беляева, № 1512) 339

(ГПБ, Погод., № 1409) 322, 323, 335, 339, 348

Сокращенный летописный свод 1495 г. 312, 315, 318, 322, 335, 336, 349, 350, 372, 377, 458

«Сокращенный» общерусский свод 1493 г. 11, 336, 340—348

Сокращенный новгородский летописец 1528 г. (по списку Н. К. Никольского) 467

Сокращенный общерусский свод (по списку ЦГАДА, ф. 181, № 365) 382

Сокращенный свод см. Сокращенный летописный свод 1493 г.

Сокращенный свод 90-х годов XV в. см. Сокращенный летописный свод 1493 г.

Софийская I летопись 62, 119, 170, 182—184, 188, 190, 204,

205, 207, 208, 222, 227, 248, 250, 254, 256, 261, 270—273, 278, 282, 283, 290, 291, 295, 296, 330, 336, 371, 427, 451, 452, 454, 469

изводы (редакции):

младший 249, 250

списки младшего извода:

Бальзеровский 249, 253, 259, 260, 413

Воскресенский (ГИМ, Воскр., № 1546) 370

Царского (ГИМ, Увар., № 248) 249, 254,

267—271, 274, 309, 310, 312, 314, 322, 329, 330, 335—341, 344, 345, 348, 377, 398, 399

старший 278

Софийская II летопись 259, 260, 269—272, 274, 297, 302, 304, 306—314, 316—318, 322, 323, 325, 326, 329—334, 338, 349, 350, 352, 361, 370, 371, 375—377, 380, 392—396, 399—402, 405, 406, 415, 454, 455, 457—460, 464, 469

списки:

Архивский (ЦГАДА, ф. 181, № 371) 369—371, 394—397, 454

Воскресенский Новоерусалимский (ГИМ, Воскр., № 1546) 317, 370, 371

Список Н. К. Никольского см. Сокращенный новгородский летописец 1528 г.

Список Царского см. Софийская I летопись младшего извода, списки

Степенная книга 471, 484, 487, 488

Супрасльский список (ЦГАДА, ф. 181, № 21), список Смоленского летописного свода 249

Тверской летописный сборник 191

список:

Забелинский (ГИМ, Муз., № 4986) 191

Тверской летописный свод середины XV в. 188, 249, 350

Типографская летопись 119—123, 311, 314, 321, 328, 351, 359, 376

редакции:

Типографская (Синодальная) 1527 г. (Свод 1527 г.) (ГИМ, Синод., № 789) 373, 375—380, 382—394, 405

Типографско - Академическая 1558 г. (Свод 1558 г.) 389, 396, 402, 405—409

списки:

(БАН, 32.8.3) 402

Толстовский 406, 407

(ЦГАДА, собр. Оболенского, № 78/40) 402

Типографская (Синодальная) летопись см. Типографская летопись, редакции

Типографско-Академическая летопись см. Типографская летопись, редакции

Толстовский Хронограф см. Хронограф 1617 г., списки

Троицкая летопись (Первый митрополичий свод) 170—172, 175, 176, 180, 181, 187, 188, 191, 197, 205—209, 248, 256, 260, 261, 263—266, 271—273, 277, 282—288, 290, 293, 294, 296, 363—369, 415

Троицкий летописный свод 381, 382

списки:

(БАН, Архан., № 193) 381, 382, 384—388

(ЦГАДА, ф. 181, № 365) 381—388, 393

Троицкий летописный свод, составленный после 7131 (1622/23) г. 393

Уваровская 1518 г. см. Уваровская летопись 1518 г.

Уваровская летопись см. Уваровская летопись 1518 г.

Уваровская летопись 1518 г. (Летописный свод в рукописи, принадлежавшей в XVI в. Троице-Сергиеву монастырю (по списку ГИМ, Синод., № 645), Свод 1518 г., Уваровская летопись, Уваровская

1518 г.) 276, 359, 373, 374, 376 (ее два списка), 394—396, 397 (ее два списка), 401, 405, 457

список:

Синодальный (ГИМ, Синод., № 645) 276, 359, 403

Уваровская летопись № 188 (по списку ГИМ, Увар., № 188) 142, 264—266, 276, 317, 319, 322, 325, 351

Уваровский список Хронографа 1601 г. см. Хронограф 1601 г., списки

Устюжский летописный свод (Архангелогородская летопись (летописец), Устюжский летописец, Устюжский свод) 11, 21, 26, 315, 344, 346—351

редакции:

1516 г. 348, 349

1598 г. 348

Фотиев Полихрон см. Владимирский Полихрон 1423 г.

Хлебниковский список см. Ипатьевская летопись, списки

Хроника Георгия Амартола 13, 15, 71, 72, 77, 410

Хроника Иоанна Малалы 72

Хронограф 1512 г. 410, 411, 414, 416, 418, 420, 427, 436—452, 469

Хронограф 1520 г. 436

Хронограф 1599 г. 420, 427—429, 435—449

список:

Академический 436, 438—448, 451, 452

Хронограф 1601 г. 420, 429, 436—442, 444—449, 471

списки:

Большаковский (ГБЛ, ф. 37, № 21) 437—440, 446—448

Погодинский (ГПБ, Погод., № 1441) 427—429, 437—448, 451, 452

Уваровский (ГИМ, Увар., № 16, 1^о) 428, 429, 437—441, 445—448

Хронограф 1617 г. 427, 437, 449, 482, 488, 489

списки:

Синодальный 438—448

Толстовский 427

Хронограф, близкий Хронографу 1512 г. 418, 449, 450

Хронограф, источник Повести временных лет 71, 72

Хронограф первой половины или середины XVI в. 420

Хронограф первоначальной редакции (Хронограф, составленный Пахомием Сербом в 40-х годах XV в.) 248, 411, 420

«Хронограф по великому изложению» 410, 411

«Хронограф» (по списку Архив ЛОИИ, ф. 238, № 513)

см. Хронографическо-летописный свод 1533 г. в редакции первой трети XVII в., списки

Хронограф (по списку ГБЛ, ф. 98, № 174) 418

Хронограф (по списку ГПБ, Погод., № 1443) 310

«Хронограф» (по списку ЦГАДА, ф. 201, № 46/48) см. Хронографическо-летописный свод 1533 г. в редакции первой трети XVII в., списки

Хронограф II редакции (по классификации А. Н. Попова) 491

Хронограф, составленный Пахомием Сербом в 40-х годах XV в. см. Хронограф первоначальной редакции

«Хронографическая Толковая Палея» полной редакции 410

Хронографический список Новгородской IV летописи см. Новгородская IV летопись, списки

Хронографическо-летописный свод 1533 г. (Свод 1533 г.) 418, 435, 436, 448—453, 455, 456

Хронографическо-летописный свод 1533 г. в редакции первой трети XVII в. 472, 473

списки:

(Архив ЛОИИ, ф. 238, № 513 — «Хронограф») 472—476

(ЦГАДА, ф. 201, № 46/48 — «Хронограф») 474—476

«Царственная книга в десть» 428

Черниговская летопись Игоря Святославича 101. См. также Черниговский летописный свод XII в., источник Ипатьевской летописи

Черниговская летопись Святослава Ольговича 101, 107

Черниговский летописный свод XII в., источник Ипатьевской летописи 91, 96, 100—107, 111, 144—146, 148. См. также Черниговская летопись Игоря Святославича

Чертковская летопись (по списку ГИМ, Чертк., № 115а—1156 — Костромская летопись, «Русский Временник») 11, 311, 418—476

Оглавление

От редактора	5
Введение	7
Глава первая	12
Глава вторая	80
Глава третья	112
Глава четвертая	168
Глава пятая	226
Глава шестая	246
Глава седьмая	275
Глава восьмая	303
Глава девятая	316
Глава десятая	362
Глава одиннадцатая	410
Глава двенадцатая	478
Заключение	500
Список принятых сокращений	503
Указатель имен	505
Указатель географических и этногра- фических названий	531
Указатель летописных памятников	544

Арсений Николаевич Насонов

**История русского летописания
XI — начала XVIII в.**

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор *В. А. Кучкин*
Редактор издательства *Г. Д. Капустина*
Художник *К. М. Егоров*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 17/I 1969 г.
Подписано к печати 1/X 1969 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1.
Т-13858. Усл. печ. л. 30,03. Уч. изд. л. 30,5.
Тираж 2400 экз. Тип. зак. 88. Цена 2 р. 12 к.

Издательство „Наука“

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства „Наука“.

Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
386	18 св.	Соломонию	Соломонеею
405	9 сн.	6693	6993
405	9 "	6698	6998
406	22 св.	6694	6994
406	23 "	6693	6993
474	9 "	чесной	ческой

А. Н. Носонов